24963 ис

20 М

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ

1860

МАЙ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—О МѢРАХЪ, СОДѢЙСТВУЮЩИХЪ РАЗВИТІЮ ПРОЛЕТАРІАТА. V — VII. (Продолженіе). . . . . В. К. РЖЕВСКАГО.
II.—ПИСЬМА О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ ВО ФРАНЦІИ. VII. Департаменты Арденнъ, Мерты, Мааса и Мозеля. (Прежняя Лотарингія.—I—II. . . . . ЕВГЕНІЯ БОНМЕРА.
III.—ПОРОХОВЫЕ ВЗРЫВЫ. II—IV. (Окончаніе). П. П. МАЛИНОВСКАГО.
IV.—РАЗКАЗЪ СТРАННИЦЫ . . . . . Е С.
V.—МАМОНТОВА ПЕЩЕРА. . . . . Э. Р. ЦИММЕРМАНА.
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ: Семейное чувство. — Casta diva. — П. У....ву. . . . . БЕРНЕТА.
VII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотъ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Амосъ Бартонъ. Повѣсть Джоржа Эліота.

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К°

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый М. Катковымъ.

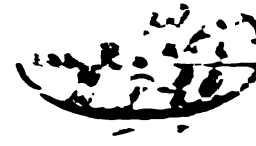
ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

С-КА

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

1860

BODLEIAN
P
17 SEP 1956
LIBRARY



О МѢРАХЪ,

СОДѢЙСТВУЮЩИХЪ РАЗВИТІЮ

ПРОЛЕТАРІАТА[1]

VI.

Предложеніе работы, говорятъ утописты, зависитъ отъ капиталистовъ, которые берутъ въ свою пользу бо́льшую часть результатовъ труда, а рабочимъ платятъ только весьма малую сумму, едва достаточную для ихъ прокормленія. Капиталы постоянно увеличиваются и сосредоточиваются въ небольшомъ числѣ рукъ; отъ капиталистовъ зависитъ назначить за трудъ какую имъ угодно цѣну, и доля рабочихъ безпрерывно уменьшается. Утописты называютъ это тиранніей капитала и эксплуатаціей человѣка человѣкомъ.

Кромѣ эгоизма капиталистовъ (безсердечныхъ, какъ выражаются эти господа), на пониженіе платы за работу дѣйствуетъ еще и конкурренція между капиталистами, заставляющая каждаго продавать свои произведенія дешевле другаго, чего невозможно достичь безъ уменьшенія расходовъ производства,

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1 и 2.

то-есть платы рабочимъ. Конкурренція заставляетъ производить какъ можно дешевле, искать дохода въ сбытѣ бо́льшаго количества произведеній, и часто заготовлять ихъ болѣе нежели сколько спрашиваютъ потребители, отчего рынки бываютъ завалены мануфактурными товарами, и дальнѣйшее производство ихъ останавливается. Въ этихъ случаяхъ работа вовсе не нужна капиталистамъ, и рабочіе остаются безъ дѣла и безъ хлѣба.

Такимъ образомъ судьба рабочихъ зависитъ и отъ произвола, и отъ несчастія капиталистовъ. Государство обязано освободить ихъ и отъ того, и отъ другаго.

Эта, повидимому, похвальная мысль была выражена во Франціи провозглашеніемъ слѣдующаго принципа: каждый человѣкъ имѣетъ право на трудъ (droit au travail), то-есть каждый человѣкъ имѣетъ право на такую плату за свой трудъ, которая была бы достаточна для обезпеченія его самого и его семейства. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о даровомъ пособіи или милостынѣ; здѣсь рѣчь идетъ о платѣ за трудъ, то-есть о покупкѣ труда справедливою цѣной, при томъ предположеніи, что капиталисты платятъ за него дешевле, нежели слѣдуетъ.

Повидимому, если правительство назначитъ эту цѣну и учредитъ такія мастерскія, въ которыхъ оно всегда будетъ готово покупать трудъ по этой справедливой цѣнѣ, то капиталисты будутъ вынуждены платить такую же цѣну, чтобы не остаться вовсе безъ рабочихъ. Для поверхностныхъ людей, особенно такихъ, которые привыкли видѣть, что силой государства, то-есть силой штыка и пушки, можно достигнуть всего, даже выгодныхъ экономическихъ отношеній, разсужденіе это вполнѣ удовлетворительно, но люди съ другими привычками могутъ сдѣлать вопросъ: что̀ такое значитъ *справедливая* цѣна, и какъ опредѣлить *справедливую* цѣну? Цѣна, устанавливающаяся на рынкѣ вслѣдствіе свободнаго взаимнодѣйствія запроса и предложенія, признается несправедливою только относительно рабочихъ; стало-быть справедливая цѣна должна быть всегда выше рыночной цѣны: но будутъ ли въ состояніи частные капиталисты платить высокую цѣну за работу, если цѣна за произведенія работы не будетъ вознаграждать ихъ? Утописты полагаютъ, что плата за трудъ въ настоящее время такъ низка единственно оттого, что капиталисты берутъ себѣ слишкомъ большую долю выручки и слиш-

комъ наживаются. Но еслибъ это мнѣніе было справедливо, то вопервыхъ не могли бы встрѣчаться такъ часто остановки въ производствахъ, тяжкія для рабочихъ и разорительныя для хозяевъ, а вовторыхъ было ли бы нужно повсемѣстное теперь соединеніе огромныхъ капиталовъ, которые одни только могутъ доставлять нѣсколько значительную сумму чистой прибыли, могущую вознаградить и за хлопоты, и за рискъ при каждомъ производствѣ? Уже изъ этихъ двухъ обстоятельствъ видно, что выручка, получаемая капиталистами, не слишкомъ велика. А если доля капиталистовъ не черезмѣрна, то отчего же они такъ наживаются?

Самый фактъ въ этомъ вопросѣ не вѣренъ, потому что на дѣлѣ одни изъ капиталистовъ наживаются, а другіе разоряются: наживаются только тѣ, которые ведутъ свои дѣла съ большею заботливостію, съ большею отчетливостію, съ большею дальновидностію, которые ловче пользуются новыми усовершенствованіями производствъ, пока эти усовершенствованія не вошли еще въ общее употребленіе, которые обладаютъ болѣе вѣрнымъ взглядомъ, когда и гдѣ выгоднѣе продать свои продукты, когда и гдѣ выгоднѣе купить матеріялы и т. д. Словомъ, возрастаніе капитала, при конкурренціи вполнѣ свободной, можетъ быть слѣдствіемъ только бережливости, разчетливости, попечительности, ума или вообще личной дѣятельности и личныхъ способностей, а не притѣсненія рабочихъ, притѣсненія, не возможнаго при свободной конкурренціи.

Итакъ нынѣшняя цѣна мануфактурныхъ произведеній недостаточна, чтобы повысить плату рабочихъ. Но, говорятъ, очень можетъ-быть, что когда правительство возвыситъ плату въ своихъ мастерскихъ, и когда частные фабриканты сдѣлаютъ то же, то цѣна произведеній сама собою возвысится, точно такъ же, какъ она поднимается, когда возвышается цѣна матеріяловъ, необходимыхъ для производства. Прежде нежели отвѣчать на это, мы спросимъ: будетъ ли допущена конкурренція продуктовъ иностранныхъ земель, гдѣ не будетъ существовать столь высокой заработной платы? Намъ, конечно, отвѣтятъ: нѣтъ. Итакъ положимъ, что эта мѣра исполнима, что государство будетъ окружено совершенно непроницаемою китайскою стѣной таможень,—въ успѣхѣ чего мы осмѣливаемся сомнѣваться,—положимъ однако, что государство благополучно и успѣшно изолировано: что̀ будетъ дѣлать правительство съ

произведеніями своихъ мастерскихъ? Продавать ихъ по возвышенной цѣнѣ? Но кто же будетъ покупать эти продукты, когда и цѣна ихъ возвысится, и количество увеличится? Если предположить, что классъ рабочихъ, получая бо́льшую плату, будетъ покупать и произведенія по высшей цѣнѣ, и это возвышеніе произойдетъ совершенно пропорціонально, такъ что никто не получитъ ни болѣе, ни менѣе, то это возвышеніе будетъ только номинальное, и рабочіе останутся въ прежней нищетѣ. Необходимо, чтобы возвышеніе цѣны на продукты было не номинальное только, а дѣйствительное. Если же цѣна на продукты (не номинальная, а дѣйствительная) возвысится, и сверхъ того количество ихъ, отъ прибавленія еще государственныхъ мастерскихъ къ числу прежнихъ фабрикъ, увеличится, то въ силахъ ли будутъ потребители платить за эти дорогіе продукты, и не должна ли будетъ цѣна ихъ упасть? Скажутъ, можно поддержать цѣну строгою таксой. Но по таксѣ можно заставить продавать, а покупать по таксѣ заставить невозможно. Во Франціи до революціи былъ примѣръ, что откупщики заставляли домохозяевъ насильно брать опредѣленное количество соли за возвышенную цѣну, точно такъ, какъ наши винные откупщики заставляютъ трактирщиковъ ежегодно выбирать опредѣленное количество ведръ вина по возвышенной цѣнѣ, но это акцизъ, налогъ, подать, злоупотребленіе, все что̀ угодно, только не торговля, которая не мыслима безъ добровольнаго согласія покупателя и продавца въ цѣнѣ и количествѣ. Итакъ цѣна фабричныхъ произведеній не можетъ увеличиться, но должна уменьшиться отъ введенія правительственной фабрикаціи. Поддерживать ее таксою—значитъ брать деньги и давать товаръ насильно или, другими словами, установить налогъ для помощи бѣднымъ. Но эта послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута дешевле безъ учрежденія казенныхъ фабрикацій и безъ навязыванія ненужнаго товара. Впрочемъ, мы уже видѣли, что это средство, гораздо болѣе удобное нежели искусственное возвышеніе цѣны за трудъ, увеличиваетъ, а не уменьшаетъ пауперизмъ.

Цѣна на всѣ произведенія труда, со введеніемъ государственныхъ мастерскихъ, должна непремѣнно упасть; таксой поддержать ее будетъ невозможно, а потому частныя фабрики непремѣнно должны будутъ закрыться, и останутся только казенныя фабрики. Однкоже такое вмѣшательство власти въ частную промышленность не пугаетъ и не останавливаетъ утопистовъ. Они

возражаютъ или, лучше сказать, утѣшаютъ себя тѣмъ, что и при настоящемъ порядкѣ правительство, какъ самый сильный капиталистъ и главный потребитель, имѣетъ сильное и даже рѣшительное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, и что право брать у частныхъ лицъ безъ вознагражденія, въ видѣ податей, нѣкоторую часть собственности можетъ служить логическимъ будто бы основаніемъ мѣръ, предлагаемыхъ ими. Позволительно спросить, не похожа ли эта логика на логику того ростовщика, который предложилъ занимавшему у него деньги за большіе проценты, на одинъ годъ, взять съ него только пять процентовъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ заплатилъ ихъ за двадцать лѣтъ впередъ? Но будемъ говорить серіозно. Когда вся производительная дѣятельность, въ которой необходимо участіе рабочихъ, будетъ въ рукахъ правительства, то отъ него конечно будетъ зависѣть установить какую угодно цѣну на свои произведенія: чѣмъ же будутъ платить за нихъ покупатели? Если частная промышленность остановится, то очевидно, что всѣ наличныя деньги въ скоромъ времени перейдутъ въ руки правительства, и что вся нація обратится въ рабочихъ. Правительство будетъ принуждено содержать своихъ подданныхъ на жалованьи; оно будетъ выдавать имъ или деньги на покупку у него произведеній, или еще проще— самыя произведенія. Дѣйствительно, при равномъ правѣ каждаго на трудъ, и доля всѣхъ должна быть равная; слѣдовательно денежная система, при этомъ порядкѣ, окажется вовсе ненужною, и можно упростить весь оборотъ, введя уплату за работу самыми произведеніями этой работы, какъ впрочемъ и предлагалъ г. Прудонъ.

Затѣмъ представляется вопросъ: распредѣленіе платы между всѣми членами общества, то-есть раздѣлъ произведеній между работавшими, должно ли быть пропорціонально ихъ участію въ производствѣ, или равномѣрно для всѣхъ, для способныхъ и неспособныхъ, для сильныхъ и слабыхъ, для трудолюбивыхъ и лѣнивыхъ? Положимъ, что вопросъ о малолѣтныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ можетъ быть устраненъ выдачею имъ безвозмезднаго содержанія, какимъ образомъ будетъ производиться раздѣлъ между прочими членами общества? Если предположить раздѣлъ справедливый, соразмѣрный труду и участію каждаго въ производствѣ, то, очевидно, одни получатъ болѣе, другіе менѣе, третьи еще менѣе и четвертые не получатъ ничего. Послѣдній разрядъ долженъ непремѣнно оказаться, если работа

нѣкоторыхъ лицъ будетъ равна нулю, а работа, какъ извѣстно, можетъ быть еще и отрицательною величиной, когда кому-нибудь придется испортить работу другихъ. Не имѣть этого въ виду—значитъ измѣнить закону пропорціональности вознагражденія за трудъ. Безъ нарушителей общественнаго порядка нельзя обойдтись ни при какой системѣ; слѣдовательно, на нихъ надо смотрѣть какъ на исключенія, а на лишеніе ихъ участія въ раздѣлѣ произведеній какъ на справедливое наказаніе. Какъ бы то ни было, они должны или умереть съ голоду, или обратиться къ частной благотворительности лицъ, получившихъ бо́льшія или лучшія доли. Вотъ опять является неудобство богатства и бѣдности, то-есть именно то, для противодѣйствія чему создана вся новая система, и изъ-за чего уничтоженъ прежній порядокъ. Мы не говоримъ уже о невозможности для правительства справедливо опредѣлить долю участія каждаго подданнаго въ общемъ производствѣ. Одна уже эта невозможность показываетъ, что раздѣлъ произведеній между рабочими не можетъ быть пропорціоналенъ ихъ участію въ производствѣ, а это значитъ, что о справедливомъ раздѣлѣ произведеній не только не къ чему, но даже и нельзя думать.

Итакъ вознагражденіе за трудъ должно быть не пропорціональное, а равномѣрное, то-есть основываться не на цѣнности произведенной работы, а на потребностяхъ каждаго. Но такъ какъ для опредѣленія потребностей нѣтъ другой мѣры, какъ число членовъ семейства, то раздѣлъ произведеній долженъ быть поголовный.

Если этотъ способъ будетъ принятъ, какъ необходимый, логическій выводъ изъ всей системы отрицанія полной свободы въ частныхъ экономическихъ отношеніяхъ, то представляется вопросъ, что̀ заставитъ каждаго трудиться въ общественныхъ мастерскихъ? Фурье придумалъ особыя влеченія и далъ имъ различныя, весьма куріозныя названія, и у насъ недавно одинъ господинъ, чувствуя наклонность къ огородничеству, съ чистыми намѣреніями забрался въ огородъ на Обводномъ каналѣ, началъ копать съ восторгомъ въ душѣ, но вѣроятно безъ толку, и, бывъ выгнанъ будочникомъ, по просьбѣ хозяина, предлагалъ устроить общественный огородъ, въ которомъ работалъ бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ; но ни влеченія Фурье, ни фантастическій огородъ Петербургца, не были ни кѣмъ приняты серіозно и не принесли никакихъ плодовъ.

Когда съ одной стороны возлагается обязанность работать не на основаніи добровольнаго условія въ платѣ за работу, а съ другой на кого бы то ни было возлагается безусловная обязанность доставлять достаточное содержаніе, то кому же неизвѣстно какъ называется это отношеніе? Дѣйствительно, при этой системѣ всѣ дѣлаются рабами того, или тѣхъ, кто будетъ распоряжаться работами, и единственно возможный стимулъ, чтобъ эти работы были хотя сколько-нибудь производительны, есть—бичъ!

Итакъ необходимые выводы всѣхъ системъ ограниченія свободы труда государствомъ, отчасти высказанные приверженцами этихъ системъ, отчасти сами собою вытекающіе изъ тѣхъ мыслей, которыя ими маскируются, можно изложить слѣдующимъ образомъ:

a) Правительство каждаго государства должно оградить его отъ сообщенія съ сосѣдними государствами непроницаемою стѣной, или всѣ государства должны слиться въ одно всемірное государство.

b) Правительство должно отобрать всю частную собственность.

c) Оно должно заставить всѣхъ работать по мѣрѣ физическихъ силъ каждаго. Объ умственныхъ силахъ нельзя сдѣлать постановленія понудительнаго, ибо мѣра ихъ неуловима, а потому умственнаго труда нельзя требовать, слѣдовательно надобно на всѣхъ людей возложить трудиться физически; что̀ же касается до мѣры силъ физическихъ, то ее можно опредѣлить не иначе, какъ тѣмъ же способомъ, какой употребляется въ отношеніи къ животнымъ.

d) Употребленіе денегъ должно быть отмѣнено, и правительство обязано выдавать каждому члену государства такое количество произведеній, какое, за отчисленіемъ необходимаго на содержаніе всѣхъ стариковъ, вдовъ, сиротъ и увѣчныхъ, на возобновленіе машинъ, строеній, на топливо, на матеріялъ для дальнѣйшаго производства, опредѣлится дѣленіемъ суммы всѣхъ этихъ свободныхъ остатковъ на число всѣхъ жителей государства, способныхъ работать.

Не говоря уже о нелѣпости всей системы, о томъ, что она имѣетъ въ виду удовлетвореніе только грубо-животнымъ потребностямъ человѣка, что она есть не иное что̀ какъ подновленный и подкрашенный проектъ Бабёфа, основанный на

старой и дѣтской мысли Руссо о первобытномъ состояніи человѣка, мы сдѣлаемъ вопросъ только относительно послѣдняго пункта, какъ входящаго собственно въ занимающій насъ предметъ:

Что дѣлать, если по отчисленіи произведеній, необходимыхъ для лицъ, не могущихъ работать, и на продолженіе производства, сумма остатковъ, подлежащихъ раздѣлу, будетъ такова, что доля каждаго будетъ менѣе нежели сколько необходимо на его продовольствіе до новаго раздѣла?

Это будетъ уже явленіе несравненно худшее нежели теперешній пауперизмъ. Гдѣ взять это недостающее количество средствъ продовольствія? Личная дѣятельность и частная промышленность не будутъ существовать, слѣдовательно придется подѣлить запасы, назначенные для будущаго производства, и остановить самое производство, то-есть съѣсть сѣмена, вмѣсто того чтобъ ихъ посѣять.

Чѣмъ можно доказать, что такой случай не возможенъ? Бываютъ же неудачи и въ частныхъ производствахъ, которыя ведутся несравненно усерднѣе и лучше казенныхъ. Наконецъ дурной урожай происходитъ отъ прихоти погоды и пр. При свободной частной промышленности, въ каждомъ подобномъ случаѣ усиливается дѣятельность и изобрѣтательность, потому что увеличивается премія, предоставляемая возвысившеюся цѣною, а при понудительной и обязательной работѣ можно только усилить цѣны [illegible], но вѣдь и они не спасутъ отъ голодной смерти [illegible] не будетъ [illegible] хлѣба.

[illegible] до которыхъ нельзя не дойти, если [illegible] Такъ [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible]

утопистовъ преобразовать общество на новыхъ, мечтательныхъ началахъ (1).

«Есть два класса людей, говоритъ англійскій эссеистъ, которые хотятъ въ обширныхъ размѣрахъ благодѣтельствовать обществу либо теоретическими уроками, либо практическими опытами. Вопервыхъ люди, заслуживающіе названіе соціальныхъ реформаторовъ, въ собственномъ смыслѣ слова, которые ограничиваются желаніемъ усовершенствовать общество, не думая пересоздавать его, которые стараются улучшить его положеніе и содѣйствовать его развитію согласно съ законами, неизмѣнно господствовавшими въ человѣческомъ обществѣ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Второй классъ, который г. Саргантъ (2) удачно назвалъ соціальными инноваторами, состоитъ изъ людей, отчаивающихся во всякомъ дѣйствительномъ усовершенствованіи, до тѣхъ поръ пока основные принципы общественнаго устройства останутся тѣ же, какіе были до сихъ поръ,—которые стремятся пересоздать заново и на совершенно другихъ основаніяхъ, если не самую человѣческую природу, то по крайней мѣрѣ человѣческое общество. Первые, сообразуясь съ природой, стараются какъ можно лучше воспользоваться уже существующими средствами и тѣмъ направленіемъ, которое уже дано человѣческому прогрессу; вторая партія отстраняетъ отъ себя всѣ подобнаго рода соображенія и желаетъ пересоздать бытъ людей по какому-нибудь искусственному плану, изъ котораго, по ихъ убѣжденію, выброшено все зло и оставлено лишь одно благо. Къ послѣднему изъ названныхъ нами разрядовъ людей принадлежатъ Сенъ-Симоны, Фурье и Прудоны, соціалисты и коммунисты всѣхъ вѣковъ и характеровъ, Овены и Луи-Бланы, быть-можетъ даже, если судить по нѣсколькимъ туманнымъ намекамъ, авторъ *Alton Locke* (3) и вполнѣ достовѣрно основатели общежитій *раппитовъ* и *шекеровъ*. Напротивъ, къ разряду реформаторовъ принадлежатъ тѣ, которые руководили мыслями современныхъ имъ поколѣній и трудились надъ дѣломъ ихъ — основатели общества противъ невольничества (Antislavery Society) и лиги для отмѣны хлѣбныхъ законовъ (Anti-

---

(1) Статья *Social Innovators and Reformers* въ *National Review* (апрѣля 1859).

(2) Авторъ книги: *Social Innovators and their Schemes*, вышедшей въ Лондонѣ въ 1858 году.

(3) Г. Кингслей, писатель, принадлежащій къ духовенству.

corn-Law-League), основатели нашихъ *reformatories* и школъ для бѣдныхъ, убѣжищъ для безпомощныхъ и исправительныхъ заведеній для преступниковъ. Людей такого рода не мало, надѣемся, во всѣхъ странахъ; въ Англіи ихъ весьма достаточно, и число ихъ постоянно возрастаетъ. Что̀ касается до людей втораго разряда, то ихъ пора прошла у насъ; неудачи г. Овена нанесли имъ рѣшительный ударъ, но школа ихъ еще многочисленна во Франціи и пользуется даже нѣкоторою терпимостію, хотя вовсе нерасположеніемъ, со стороны такого авторитета, какъ г. Джонъ Стюартъ Милль.

«Первая и самая общая характеристика всякаго соціальнаго инноватора—глубокое незнаніе политической экономіи и часто закоренѣлая ненависть къ ней По большей части онъ знакомъ съ нею лишь на столько, чтобы переиначивать главныя ея положенія; иногда онъ занимался ею, но не былъ въ силахъ одолѣть ее, чаще же смотритъ онъ на нее какъ на науку, которая разсуждаетъ тамъ, гдѣ онъ можетъ только декламировать, которая молчитъ тамъ, гдѣ онъ порывается дѣйствовать, видитъ простую необходимость, гдѣ онъ воображаетъ себѣ тираннію, и предсказываетъ опасность, гдѣ ему представляются только надежды и обѣщанія. Невѣжество, обнаруживаемое имъ вообще во всемъ, что̀ было бы ему существенно необходимо знать, казалось бы забавнымъ, еслибы не бѣдствія, которыя порождаются обыкновенно декламаціями несвѣдущаго энтузіазма о столь важныхъ предметахъ. Почти ни одинъ изъ соціалистовъ не способенъ постигнуть самый простой законъ вознагражденія труда, основанный на спросѣ и предложеніи; едвали которому-нибудь изъ нихъ извѣстно, что конкурренція не можетъ уронить заработную плату ниже ея естественнаго уровня, ибо между капиталами она такъ же неусыпна, какъ и между рабочими. Никто изъ нихъ не сознаетъ, что никакими распоряженіями и мѣрами невозможно поддерживать заработную плату выше того уровня, который опредѣляется конкурренціей, ибо высшая плата уменьшила бы тотъ доходъ съ капитала, который въ извѣстное время и въ извѣстной странѣ необходимъ для того, чтобы капиталы могли накопляться. Мало того, многіе изъ нихъ смотрятъ на скопленіе капиталовъ какъ на зло и считаютъ самый капиталъ вещью ненужною; по ихъ понятіямъ, сбереженія капиталиста происходятъ въ ущербъ вознагражденію за трудъ; они совсѣмъ забываютъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ цѣнность труда возрастаетъ отъ

содѣйствія капитала... Если заработная плата низка, то происходитъ это отъ недостатка капиталовъ для удовлетворенія всѣхъ, кто желалъ бы получить работу по высокой цѣнѣ, и отъ необходимости для работника, остающагося безъ занятій, охотнѣе довольствоваться половиною булки чѣмъ вовсе не имѣть хлѣба. Всякое насильственное вмѣшательство, съ цѣлію повысить заработную плату, предполагаетъ необходимость употребить большій капиталъ при тѣхъ же размѣрахъ производства, при томъ же количествѣ работы, а такъ какъ это клонится къ пониженію, а не къ повышенію прибылей, то это и не можетъ привлечь свѣжихъ капиталовъ къ промышленности. Вслѣдствіе этого, стало-быть, уменьшится лишь количество занятыхъ рабочихъ, при возвышеніи заработной платы; то-есть будетъ болѣе рабочихъ совершенно незанятыхъ и будетъ менѣе произведеній для потребителей. Возвысить заработную плату, не возвышая капитала, значитъ лишить многихъ рабочихъ занятія, отнять работу у нѣкоторой части рукъ, значитъ радѣть о немногихъ цѣной совершеннаго истощенія всѣхъ остальныхъ: ибо если капиталовъ много, то при соперничествѣ между ними высокая заработная плата всегда обезпечена для работниковъ; а если ихъ мало, то каждый шиллингъ, прибавленный къ вознагражденію одного человѣка, оставитъ другаго вовсе безъ занятія. Но этого не хочетъ понять соціалистъ-нововводитель, какъ ни просто кажется дѣло. Еслибъ онъ понялъ это, то никогда не впалъ бы въ грубую ошибку, думая *ab extra* устанавливать отношенія между капиталомъ и трудомъ. Онъ предполагаетъ, конечно, что увеличившаяся задѣльная плата работника произойдетъ отъ уменьшившихся доходовъ капиталиста, но онъ забываетъ при этомъ, что конкурренція всегда роняетъ доходъ съ капитала до низшаго уровня, обезпечивающаго помѣщеніе капитала, и что затѣмъ вознагражденіе, еще болѣе пониженное, уже не выгодно капиталисту; вмѣсто того, чтобы довольствоваться недостаточнымъ вознагражденіемъ, онъ ограничитъ свое производство, уменьшитъ число работниковъ и все-таки получитъ ту же самую цѣну за меньшее количество продуктовъ, потому что меньшая цѣна не будетъ въ состояніи удержать капиталъ въ предпріятіи.

«Разсуждая о распредѣленіи богатствъ, соціалисты обращаютъ обыкновенно вниманіе на отдѣльныя лица, а не на классы общества. Правила, которыми руководствуются они при этомъ распредѣленіи, основаны не на соображеніи естественнаго закона или людской опытности, а вознесены на высоту нравственнаго

принципа и отвлеченной справедливости. Они придумали множество способовъ распредѣленія, всѣ съ одной и той же точки зрѣнія: наиболѣе послѣдовательный себѣ и хоть на что-нибудь похожій есть планъ, принадлежащій г. Луи-Блану, одному изъ самыхъ ясноголовыхъ, честныхъ и неуступчивыхъ въ ихъ средѣ, и гласитъ: «Съ каждаго, смотря по его способностямъ; каждому, смотря по его нуждамъ.»

«Изреченіе г. Луи-Блана выражаетъ сущность коммунизма въ совершеннѣйшей его формѣ, той формѣ, въ которой онъ является требованіемъ безусловнаго уничтоженія всѣхъ частныхъ правъ и частной собственности; при которой общество считается единственнымъ обладателемъ земли, капитала и труда, расправляясь съ своими членами подобно тому какъ отецъ расправляется съ дѣтьми въ семействѣ, гдѣ каждый дѣлаетъ что̀ можетъ, и получаетъ что̀ ему нужно. Планы гг. Овена и Кабе совершенно сходны съ этимъ, тогда какъ Сенъ-Симонъ, Фурье и другіе, которые, обладая меньшею логикой, но бо́льшимъ практическимъ смысломъ, предлагаютъ неравномѣрное раздѣленіе дохода, согласно извѣстнымъ правиламъ, причисляются г. Миллемъ къ соціалистамъ, а не къ коммунистамъ, ибо послѣдній терминъ прилагается только къ школѣ, считающей г. Луи-Блана однимъ изъ талантливѣйшихъ своихъ послѣдователей.

«Коммунисты желали бы построить общество на основаніяхъ отвлеченной справедливости, какъ она понимается ими, не обращая вниманія на непосредственныя практическія послѣдствія подобнаго устройства. По ихъ убѣжденію, всякій человѣкъ имѣетъ право быть счастливымъ по мѣрѣ нравственныхъ своихъ качествъ, и счастіе состоитъ въ обиліи тѣхъ вещей, которыми онъ обладаетъ. Согласно этому, они готовы надѣлить одинаково какъ человѣка, производящаго мало, такъ и человѣка, производящаго много, предполагая, что каждый работаетъ по мѣрѣ силъ, что человѣкъ крѣпкій не долженъ получать награду за свою крѣпость, а слабый не долженъ страдать за свою слабость.

«Очевидно, что рабочій утрачиваетъ при этомъ всякое существующее теперь побужденіе къ труду, и не менѣе очевидно, чѣмъ побужденіе это замѣняется. Г. Джонъ Стюартъ Милль,— единственный здравомыслящій и свѣдущій человѣкъ, отваживающійся сказать что-либо въ пользу коммунизма, хотя одобреніе этой системы высказывается у него очень нерѣшительно и до крайности условно,—сознаетъ всю силу сдѣланнаго сейчасъ воз-

раженія, но въ отвѣтъ на него съ достаточною долей истины, хотя и не безъ преувеличенія, указываетъ на значительное количество труда, совершаемаго и теперь людьми, не имѣющими большаго личнаго интереса въ результатахъ его. Безъ сомнѣнія, есть много правды и смысла въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ г. Милль поднимаетъ дѣло противъ существующей нынѣ системы, гораздо сильнѣе чѣмъ когда-либо могъ сдѣлать это какой-нибудь коммунистъ.

«Но сколь ничтожная часть въ трудѣ, производимомъ въ Англіи, начиная съ дорогаго и до самаго дешеваго, выпадаетъ на долю людей, работающихъ для своихъ собственныхъ выгодъ! Отъ ирландскаго жнеца или же носильщика до главнаго судьи или государственнаго секретаря, почти всякій общественный трудъ вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Работникъ на какой-либо фабрикѣ имѣетъ менѣе личнаго интереса въ своемъ трудѣ чѣмъ членъ общественнаго союза, ибо работаетъ не для товарищества, членомъ котораго состоитъ онъ самъ. На это возразятъ, безъ сомнѣнія, что хотя рабочіе, въ большей части случаевъ, не имѣютъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за то они состоятъ подъ надзоромъ, трудъ ихъ направляется, и умственная часть этого труда находится въ распоряженіи людей, которые въ дѣлѣ заинтересованы лично. Но и это не можетъ назваться общимъ фактомъ. Во всѣхъ общественныхъ и въ большей части самыхъ обширныхъ и успѣшныхъ частныхъ предпріятій, не только отдѣльныя занятія, но и главный контроль и наблюденіе за всѣмъ находятся въ рукахъ лицъ, получающихъ жалованье. И хотя хозяйскій надзоръ, если только онъ дѣятеленъ и смѣтливъ, вошелъ въ пословицу, не должно забывать, что въ соціалистической фермѣ или мануфактурѣ каждый работникъ постоянно на глазахъ не одного хозяина, а цѣлой общины.»

«Все это не лишено правды, но, несмотря на желаніе наше не расходиться въ мнѣніяхъ съ такимъ глубокимъ мыслителемъ, какъ г. Милль, мы думаемъ, что во всемъ этомъ есть много и преувеличенія. Вопервыхъ, повсюду гдѣ только можно, работа уплачивается поштучно, и работникъ заинтересованъ въ ней лично не менѣе хозяина. Потомъ, прилежаніе возбуждается, особенно въ работѣ, требующей искусства, желаніемъ отличиться, которое совершенно уничтожается въ томъ случаѣ, когда всѣ находятся на одномъ уровнѣ, когда нѣтъ, слѣдовательно, мѣста

для честолюбія и его вліянія. Не думаемъ также, чтобы «глазъ цѣлой общины» былъ такъ же зорокъ и наблюдательность его такъ же неусыпна, какъ глазъ хозяина, все состояніе котораго находится нерѣдко въ предпріятіи' и который весь поглощенъ мыслію объ его успѣхѣ. Сверхъ того, не надо забывать, что никто не думаетъ отстаивать теперешнее положеніе промышленности, какъ долженствующее существовать въ этомъ видѣ всегда; напротивъ повсюду между хозяевами замѣчается сильное желаніе доставить каждому рабочему, который занятъ не исключительно механическою работой, прямое личное участіе въ выгодахъ отъ производста, а современемъ это неминуемо исполнится въ размѣрахъ, которыми не только значительно увеличится производительная сила капитала и труда, но въ такой степени совершится единеніе интересовъ, о какой коммунизмъ и мечтать не можетъ.

«Испробованныя въ малыхъ размѣрахъ, подъ благоразумнымъ управленіемъ, при участіи строгаго контроля, личнаго или религіознаго, для обезпеченія дисциплины, благоразумія и промышленности, коммунистическія предпріятія увѣнчивались иногда временнымъ успѣхомъ. Суевѣріе, воздержность и безбрачная жизнь легли въ основаніе весьма цвѣтущей колоніи шакеровъ въ Америкѣ; невѣжество и деспотическая власть обезпечили на нѣкоторое время успѣхъ общины г. Раппа въ Экономіи, въ штатѣ Огайо; кромѣ того еще одно или два заведенія подобнаго рода удались, находясь подъ непосредственнымъ личнымъ надзоромъ людей, которыхъ признанная опытность пользовалась безусловнымъ повиновеніемъ со стороны ихъ послѣдователей. Но элементъ деспотической власти оказывался необходимымъ во всѣхъ случаяхъ; никакое народное правительство не можетъ обладать вліяніемъ и властью, нужными тамъ, гдѣ опредѣляется статутомъ малѣйшая мелочь жизни; гдѣ насущный хлѣбъ и ежедневный трудъ каждаго члена общества отмѣрены ему правительственною властію; гдѣ распредѣленіе занятій должно быть произвольно, даже въ томъ случаѣ, когда выработокъ распредѣляется согласно правилу, всѣми признанному справедливымъ. Мы не можемъ представить себѣ успѣшное существованіе подобныхъ заведеній въ широкихъ размѣрахъ.

«Сенъ-Симонъ и Фурье—современники, жившіе въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія—придумали соціалистическіе планы, не много отличавшіеся одинъ отъ другаго, уни-

чтожая одинаково принципъ конкурренціи и перестраивая міръ по своей фантазіи, но оба они признавали справедливымъ и естественнымъ законъ не равномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Фурье, сочиненіе котораго болѣе выработано, чѣмъ сочиненія Сенъ-Симона, входилъ во всѣ мельчайшія подробности своего плана, строя на воздухѣ не зáмки, а гигантскія промышленныя заведенія, въ которыхъ всѣ части каждой изъ небольшихъ общинъ находятся въ единеніи и гармоніи, а правила, планы и устройство ихъ опредѣлены имъ съ поразительною подробностію. Онъ понималъ практическую необходимость обезпечить должное вознагражденіе капиталу, съ цѣлію заманить капиталъ; онъ сознавалъ также потребность познаній и таланта и ихъ вознагражденія. Но планъ, которымъ думалъ онъ исполнить эти требованія, такъ же нелѣпъ, какъ и коммунистическія предположенія. Онъ раздѣляетъ доходъ на опредѣленныя доли, и предназначаетъ одну треть ихъ капиталу, одну четверть на вознагражденіе таланта, а пять двѣнадцатыхъ на вознагражденіе труда. Едва ли нужно говорить, какъ нелѣпо назначеніе опредѣленной суммы для процентовъ съ капитала, постояннаго или временно употребляемаго. При надобности въ оборотномъ капиталѣ, ежегодно затрачиваемомъ и выручаемомъ, назначеніе одной трети рѣдко, или даже никогда не вознаградитъ за сдѣланные расходы. Допустить противное можно не иначе, какъ предположивъ, что весь доходъ будетъ, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе затраченнаго капитала. Въ случаѣ же постояннаго капитала, который не долженъ быть ежегодно возобновляемъ, доходъ одной трети былъ бы огроменъ. Предположимъ, что доходъ будетъ вдвое болѣе капитала: тогда владѣльцы оборотнаго капитала будутъ терять ежегодно одну треть своей собственности; владѣльцы капитала постояннаго, какъ напримѣръ, машинъ, зданій и пр., будутъ получать около 66%. Относительно доли, предназначенной для вознагражденія таланта, нѣтъ никакихъ средствъ понять, на какомъ разчетѣ она держится. Работникъ очутится, вѣроятно, въ худшемъ положеніи нежели прежде, ибо произведетъ онъ не болѣе, а получитъ, во многихъ случаяхъ, менѣе чѣмъ получаетъ онъ теперь. Не стóитъ останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ плана Фурье, на удивительныхъ предписаніяхъ касательно частной жизни его послѣдователей, на устройствѣ *фаланстеровъ*, на перемѣнѣ рода занятій черезъ каждые два часа, на назначеніи за-

нятій различнымъ группамъ работниковъ: все это исполнено нелѣпостей, ничѣмъ не отличающихся отъ придуманнаго имъ распредѣленія доходовъ, и обнаруживаетъ столь же мало практическихъ способностей, какъ и сознанія экономическихъ началъ.

«Одинъ только изъ соціальныхъ инноваторовъ, именно г. Луи-Бланъ, имѣлъ возможность испробовать свои планы въ широкихъ размѣрахъ. Занявши мѣсто послѣ революціи 1848 года во временномъ правительствѣ, онъ истребовалъ прежде всего признаніе за каждымъ человѣкомъ права жить трудомъ, а потомъ—естественное послѣдствіе перваго требованія—истребовалъ, чтобъ общество приняло на себя заботу объ устройствѣ труда. Постоянно терпя, какъ признается онъ самъ, отъ угрозъ толпы, которую онъ былъ не въ силахъ удержать, и отъ слабости своихъ товарищей, онъ успѣлъ однакоже отчасти, и былъ назначенъ главою люксембургской коммиссіи. Здѣсь онъ успѣлъ надѣлать не мало вреда: онъ вмѣшивался для того, чтобъ опредѣлять заработную плату выше обыкновеннаго уровня, хотя торговля находилась въ страшномъ упадкѣ и повсюду господствовалъ паническій страхъ; требовалъ отъ должностныхъ лицъ согласія на различныя мѣры, въ которомъ было бы опасно ему отказать. Нельзя сомнѣваться, что онъ былъ одушевленъ самыми благими намѣреніями; онъ искренно вѣрилъ, что капиталистъ не имѣетъ никакого права на плоды собственнаго воздержанія и бережливости, то-есть на свои доходы, а что работникъ, напротивъ, имѣетъ на нихъ право точно такъ же, какъ и на плоды своего собственнаго труда, то-есть на заработную плату; на основаніи этой вѣры онъ мало заботился о томъ, на сколько придется уменьшить доходы первыхъ, съ цѣлію увеличить доходы вторыхъ. По несправедливости, по косости нравственнаго взгляда, еще хуже было сдѣланное имъ требованіе, чтобы государство помогало капиталомъ и покупками нѣкоторымъ учрежденнымъ имъ заведеніямъ, напримѣръ, артелямъ портныхъ въ Клиши и другимъ подобнымъ же обществамъ. Г. Луи-Бланъ весьма серіозный, талантливый и честный человѣкъ, но, какъ всѣ соціалисты, онъ не видитъ передъ собою ничего, кромѣ собственнаго плана, и, какъ у большей части Французовъ, понятія его о политической нравственности и общественной справедливости представляютъ плачевный хаосъ.

«Французскіе республиканцы до конца не хотѣли или не понимали возможности признать за народомъ право отвергнуть

республику; они вполнѣ потворствовали притязаніямъ Парижа давать предписанія всей остальной Франціи, ибо раздѣляли образъ мыслей Парижанъ. Ни одному Англичанину не придетъ въ голову противиться народной волѣ на томъ только основаніи, что она высказалась противъ дорогаго ему политическаго вѣрованія; даже крайніе республиканцы въ Италіи выражаютъ свою готовность подчиниться всякой формѣ правленія, какую изберетъ для себя сама Италія. Но между французскими революціонерами, даже наиболѣе умѣренные готовы были насильно навязывать народу свои теоріи. Такъ точно поступалъ и г. Луи-Бланъ: искренно убѣжденный въ мудрости, справедливости и спасительности своихъ плановъ, онъ не понималъ, что не имѣетъ никакого права выполнять ихъ на общественный счетъ. Онъ не видѣлъ, что правительство не должно оказывать предпочтеніе одному классу общества передъ другимъ, что оно не имѣетъ права тратить общественныя суммы для частныхъ цѣлей, точно такъ же какъ закупать для казны у кого бы то ни было кромѣ тѣхъ, которые производятъ по самой дешевой цѣнѣ. Временное правительство, по просьбѣ рьянаго своего члена, дало однако заказы собщаработавшимъ обществамъ. Національное собраніе поступило хуже: оно выдало этимъ обществамъ нѣсколько милліоновъ франковъ изъ государственныхъ суммъ, то-есть сумму, собранную налогомъ съ капиталистовъ, большихъ и малыхъ, отдало новымъ ихъ противникамъ. Луи-Бланъ называетъ это позднимъ и неохотнымъ исполненіемъ долга; по нашему же, это походитъ скорѣе на справедливость разбойника по большимъ дорогамъ, который, грабя богача, подаетъ милостыню нищему, но этимъ милосердіемъ вовсе не избавляется отъ заслуженной кары.»

VII.

Мы уже говорили о вредномъ вліяніи англійскихъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ и объ уменьшеніи пауперизма въ Англіи, вслѣдствіе измѣненія этого закона на болѣе-справедливыхъ началахъ. Такое же дѣйствіе имѣетъ и постепенное ослабленіе, если не совершенная еще отмѣна такъ-называемаго закона

объ осѣдлости (Law of settlement). Законъ этотъ въ Англіи основанъ на томъ, что каждый рабочій, находящійся въ нуждѣ, имѣетъ право на пособіе той общины, гдѣ онъ самъ или отецъ его имѣютъ мѣсто жительства, или, другими словами, община обязана кормить и содержать всѣхъ бѣдныхъ, къ ней причисленныхъ. Такъ какъ всѣ старики остаются такимъ образомъ на отвѣтственности общины, то ея выгода требуетъ недопущенія новыхъ жителей или новыхъ членовъ общины, и вотъ почему ея члены не позволяютъ новоприходящимъ людямъ возводить новыя жилища. Каждая община старается не допускать къ себѣ рабочихъ изъ другой общины, чтобы не быть обязанной прокармливать ихъ въ послѣдствіи, а возвращаетъ ихъ туда, гдѣ они записаны (settled). Законъ этотъ не есть ли прикрѣпленіе къ землѣ, и, вмѣсто покровительства бѣднымъ, не лишаетъ ли онъ ихъ возможности продавать свою работу тамъ, гдѣ за нее даютъ дороже? Не одна ли это изъ тѣхъ мѣръ, которыя содѣйствуютъ развитію пролетаріата? Практическая Англія, пришедши къ убѣжденію во вредѣ покровительственной политики, приступила уже къ отмѣнѣ всѣхъ этихъ законовъ, а потому мы видимъ, что и сила закона объ осѣдлости въ наше время все болѣе и болѣе ослабляется, и нѣтъ сомнѣнія, что скоро онъ будетъ вовсе отмѣненъ. Косвеннымъ слѣдствіемъ этого закона было введеніе обычая употреблять дѣтей въ работы на фабрикахъ. Между 1825 и 1830 годами встрѣчались часто въ газетахъ объявленія, въ которыхъ предлагалось приличное содержаніе *пяти или шести тысячамъ* молодыхъ людей отъ семи до двадцатилѣтняго возраста въ какомъ-нибудь мануфактурномъ городѣ. Разумѣется, общины и землевладѣльцы охотно пользовались такимъ прекраснымъ случаемъ избавиться отъ бремени ихъ содержанія, а это обстоятельство понижало заработную плату взрослыхъ, скопляло народонаселеніе въ городахъ и повело къ злоупотребленіямъ, которыхъ не въ силахъ былъ прекратить и билль 1847 года о десятичасовой работѣ малолѣтныхъ на фабрикахъ. Нужда и корысть нашли средство обходить законъ, который даже и не былъ исполнимъ, потому что фабрика не могла идти во время отдыха малолѣтныхъ, и такимъ образомъ взрослые лишались части своего заработка.

Благодѣтельное вліяніе имѣло на участь фабричныхъ рабочихъ право ассоціаціи, пріобрѣтенное ими въ 1836 году. Это дало имъ возможность противодѣйствовать пониженію

цѣнъ, то-есть торговаться въ цѣнѣ за работу коллективно и отказывать въ работѣ, если они недовольны предлагаемою за нее платой. Происходящія такимъ образомъ остановки въ работѣ (strikes) хотя и не имѣли столь полнаго успѣха, какого отъ нихъ ожидали, но значительно содѣйствуютъ удержанію цѣнъ отъ чрезмѣрнаго пониженія, которое могло бы имѣть мѣсто вслѣдствіе скопленія народонаселенія около центровъ фабричной промышленности. Это скопленіе народонаселенія въ городахъ, или по крайней мѣрѣ слишкомъ неравномѣрное его распредѣленіе, происшедшее съ одной стороны отъ высшей платы за работу, которую давали фабриканты при открытіи новыхъ источниковъ сбыта, а съ другой — отъ дѣйствія закона о бѣдныхъ, заставлявшаго общины искать средства избавиться отъ людей, которые могли остаться имъ въ тягость, поставляетъ рабочихъ въ чрезмѣрную зависимость, если не отъ капитала, который, увеличиваясь, прежде всего увеличиваетъ заработную плату, то отъ состоянія рынка фабричныхъ произведеній. Остановки въ работѣ, производимыя самими рабочими, ведутъ или къ увеличенію платы за работу, если это увеличеніе возможно, или къ сокращенію производства въ той отрасли промышленности, гдѣ нѣтъ возможности давать за работу достаточное вознагражденіе, и гдѣ слѣдовательно должно быть ограничено производство.

Ассоціаціи рабочихъ для поддержанія и для возвышенія цѣнъ на работу извѣстны подъ названіемъ союзовъ, *trades-unions*. Всѣ рабочіе, принадлежащіе къ одному союзу, обязываются удерживаться отъ работы и помогать другъ другу, пока не получатъ требуемой цѣны или пока не истощатся ихъ средства. Въ 1853 году, напримѣръ, они достигли во многихъ мѣстахъ возвышенія заработной платы на 10 процентовъ, но большею частію средства ихъ истощаются прежде нежели они успѣютъ достигнуть своей цѣли. Такъ напримѣръ, остановка работъ, продолжавшаяся однажды 30 недѣль, не имѣла успѣха. Ткачи и прядильщики собирали еженедѣльно отъ 2 до 3 тысячъ фунт. стерл. (18.000 руб. сереб.), въ видѣ пенсовъ, съ прочихъ рабочихъ, не принадлежавшихъ къ союзу; соединенныя усилія фабрикантовъ не въ силахъ были заставить ихъ возвратиться къ работѣ. Тогда фабриканты придумали новое, рѣшительное средство, которое доставило имъ побѣду. Они рѣшились выписать рабочихъ или, лучше сказать, всѣхъ нищихъ изъ всѣхъ угловъ Англіи и Ирландіи, находившихся въ работ-

ныхъ домахъ и богадѣльняхъ. Такихъ оказалось довольно, остановка работы прекратилась. Такимъ образомъ налогъ на богатыхъ въ пользу бѣдныхъ не работающихъ обратился во вредъ бѣднымъ работающимъ.

Говоря о правѣ ассоціаціи или составленія обществъ, мы должны указать на двѣ различныя стороны или условія этого права: это—соединеніе въ общества самихъ лицъ или только соединеніе денегъ, принадлежащихъ этимъ лицамъ. Въ Англіи, гдѣ свободное соединеніе лицъ въ общества допускается закономъ, были до 1858 года положены нѣкоторыя затрудненія свободному соединенію денегъ, тогда какъ на материкѣ Европы напротивъ того свободное соединеніе въ общества лицъ ограничено законами, а ассоціація денегъ пользуется неограниченною свободой. Всѣ общества на акціяхъ суть не иное что̀ какъ такая ассоціація денегъ, съ цѣлію промышленнаго предпріятія, коего выгоды распредѣляются пропорціонально количеству денегъ, вошедшихъ въ составъ общества, и ни чѣмъ не ограничиваются, а потери ограничиваются этимъ самымъ количествомъ, то-есть владѣльцы акціи ни чѣмъ не рискуютъ кромѣ цѣны самой акціи. Въ Англіи отъ многихъ обществъ на акціяхъ, *joint stock-company*, требовалось, чтобы каждый участвующій отвѣчалъ не одною только вложенною имъ суммой, но и всѣмъ остальнымъ своимъ имуществомъ за всѣ убытки и потери, которыя могутъ произойдти отъ предпріятія, что̀ конечно сильно затрудняло составленіе акціонерныхъ компаній. Большіе капиталисты, банкиры, фабриканты и владѣльцы обширныхъ помѣстій, захватывали въ свои руки, подъ покровительствомъ этого закона, всѣ самыя выгодныя предпріятія и не допускали въ нихъ прямаго участія небольшихъ капиталовъ. Люди средняго достатка вынуждены были отдавать свои деньги просто въ видѣ ссуды большимъ капиталистамъ, которые получали чрезъ этотъ законъ монополію промышленныхъ предпріятій. Такимъ образомъ не конкурренція капиталовъ, какъ говорятъ соціалисты, а отсутствіе совершенно-свободной конкурренціи вредитъ экономическому успѣху, и освожденіе экономическихъ сдѣлокъ, въ какой бы сферѣ оно ни имѣло мѣсто, всегда окончательно приноситъ пользу бѣднѣйшимъ классамъ.

Несмотря на затрудненія, созданныя законодательствомъ, ассоціаціи рабочихъ успѣвали составиться въ разныхъ мѣстностяхъ, и это явленіе должно быть приписано единственно тому

сильному желанію, которое имѣли рабочіе обратиться изъ работниковъ, зависимыхъ отъ капиталистовъ, въ самостоятельныхъ работающихъ капиталистовъ. Конечно, это могло имѣть мѣсто преимущественно въ ремесленной промышленности, гдѣ каждый приносилъ свое искусство въ видѣ капитала. Но и здѣсь успѣхъ былъ сомнителенъ и далеко не оправдалъ горячихъ ожиданій, именно потому что эти артельные ассоціаціи, *cooperative-societies*, составлялись исключительно изъ однихъ рабочихъ, безъ содѣйствія капиталистовъ. Чтобы сколько-нибудь покрыть издержки на управленіе, необходимое при такихъ учрежденіяхъ, и всѣ текущіе расходы, рабочіе, принадлежавшіе къ нимъ, должны были довольствоваться меньшею заработною платой, а барыши, которые дѣлились между ними въ послѣдствіи, не всегда покрывали этотъ недочетъ. Кромѣ того, несогласія и зависть между членами, невозможность безъ дѣйствительнаго капитала выдерживать застой въ сбытѣ, и коммерческіе кризисы, въ особенности же невозможность дать работу всѣмъ участникамъ, были до сихъ поръ причиной неудачнаго хода многихъ промышленныхъ ассоціацій между рабочими. А между тѣмъ законъ затруднялъ содѣйствіе капитала, безъ участія коего никакое промышленное предпріятіе не можетъ имѣть успѣховъ. Этого рода ассоціаціи начались въ Англіи въ 1848; въ 1851 году они уже основали свой журналъ.

Вмѣстѣ съ рабочими артелями образовались, съ бо́льшимъ успѣхомъ, такъ-называемые *cooperative-stores* (магазины для закупки оптомъ угля, хлѣба и другихъ припасовъ, которые потомъ дѣлятся между членами общества или продаются имъ по мѣрѣ надобности раздробительно). Покупая разомъ въ большомъ количествѣ, они получаютъ товары дешевле и лучшаго качества. Пока сборъ вкладовъ поступаетъ правильно и самыя учрежденія держатся въ предѣлахъ своего назначенія, они идутъ удовлетворительно и приносятъ большую пользу участникамъ.

Какъ самый удачный опытъ такого устройства, должна быть упомянута рочдельская ассоціація, о которой мы сообщимъ нѣсколько свѣдѣній изъ приведенной выше статьи англійскаго обозрѣнія:

Въ 1844 году Общество Справедливыхъ Піонеровъ начало свои дѣйствія на небольшомъ пространствѣ въ одной изъ заднихъ улицъ Рочделя, съ капиталомъ менѣе чѣмъ въ 15 ф. ст. (90 р. сер.) и при участіи только сорока членовъ. Теперь капиталъ его возвысился до 16.000 ф. ст. (111.120 руб. сер.),

ежегодный доходъ не многимъ менѣе 6.000 ф. ст. (37.920 р. сер.), а число его членовъ простирается до 1.800 человѣкъ. Лавка его открывалась въ началѣ не болѣе двухъ или трехъ вечеровъ въ недѣлю, а всѣ дѣла были ведены директорами безъ всякаго вознагражденія. А теперь многочисленные его амбары открыты столь же долгое время, какъ и всѣ прочія заведенія, наполнены покупателями, и при этихъ амбарахъ состоитъ значительное число лицъ на жалованьи. Общество обладаетъ библіотекой и кабинетомъ для чтенія, на которыя тратитъ ежегодно болѣе чѣмъ по 100 ф. ст. (632 р. сер.). Такъ какъ оно никогда не беретъ и не даетъ взаймы, то и не теряетъ ничего въ несостоятельныхъ долгахъ, и никакія сложныя обязательства не обременяютъ его счетовъ, которые по простотѣ своей доступны всѣмъ членамъ и внушаютъ полное довѣріе людямъ, которые обыкновенно колеблются между подозрѣніемъ и черезмѣрнымъ легковѣріемъ. Матеріяльныя улучшенія, происшедшія въ быту членовъ, весьма велики; всѣ они снабжены свѣжими питьемъ и пищей, всегда хорошаго качества и по дешевой цѣнѣ. У нихъ есть сберегательныя кассы, отъ которыхъ получаютъ по 5%, и магазинъ, въ барышахъ котораго участвуютъ безъ всякихъ безпокойствъ и риску для себя. Многіе изъ нихъ, никогда въ прежнее время не имѣвшіе и не воображавшіе имѣть въ рукахъ ни одного соверена, не предназначеннаго для уплаты какого-нибудь долга, имѣютъ теперь на свое имя въ книгахъ Общества отъ 50 до 100 фунт. стерл. и болѣе, и могутъ получать эту сумму когда угодно, предувѣдомивъ лишь за нѣсколько недѣль о своемъ желаніи. Точно такъ же важны успѣхи ихъ относительно нравственной независимости и нравственнаго развитія. Они получили наилучшее практическое образованіе, какимъ когда-либо обладало значительное количество англійскихъ рабочихъ. Они научились вѣжливости, воздержности, терпѣнію, пріобрѣли достаточныя свѣдѣнія о многихъ существеннѣйшихъ принципахъ общественной науки, умѣютъ цѣнить людей и вещи такъ вѣрно, какъ рѣдко можно встрѣтить въ ихъ классѣ, и собственнымъ опытомъ убѣдились въ истинѣ, что «не должно взводить напраслинъ на ближняго и что должно довольствоваться своимъ достояніемъ.» Болѣе же всего научились они полагаться съ достоинствомъ на самихъ себя и гордиться тѣмъ, что никому ничѣмъ не обязаны. Примѣръ ихъ можетъ служить самымъ важнымъ урокомъ для работника; пока онъ не научится тому же само-

му, трудно будетъ ему возвысить свое общественное положеніе или матеріяльное благосостояніе; а съ подобными качествами, собственные его таланты, энергія и экономія помогутъ ему достигнуть лучшаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ онъ родился, обезпечатъ во всякомъ случаѣ средства воспитанія для его дѣтей и независимое существованіе для него самого въ преклонныя лѣта.

Рочдельскій Мэгазинъ, считая себя закупнымъ агентствомъ для своихъ членовъ, дѣлитъ свои чистыя прибыли пропорціонально количеству сдѣланныхъ въ немъ покупокъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, но вникнувши въ дѣло, можно объяснить это самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Покупатели суть собственники; магазинъ закупаетъ на ихъ счетъ, и считаетъ доходы принадлежащими имъ по праву, точно такъ, какъ еслибъ они сами могли закупать гуртомъ все, что̀ имъ нужно. Что̀ касается до мелочной торговли, этотъ способъ продажи артельнымъ агентствомъ, вмѣсто отдѣльныхъ торговцевъ, представляетъ удобства, которыхъ лишено артельное начало въ другихъ дѣлахъ. Въ обыкновенной мелочной торговлѣ бываетъ всегда напрасная потрата,—потрата вслѣдствіе того, что три или четыре лавки дѣлаютъ дѣло одной, три или четыре лавочника дѣлаютъ дѣло одного, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ долженъ съ маленькаго капитала получить барышъ, достаточный для его содержанія. Такъ, если мы предположимъ, что какому-нибудь мелкому лавочнику требуется получить въ годъ доходу 50 ф. стерл., и въ то же время предположимъ, что капиталъ его состоитъ изъ 200 ф. ст.,—очевидно, что ему надобно получить барышъ въ размѣрахъ 25 на сто, между тѣмъ какъ болѣе крупный капиталистъ былъ бы доволенъ десятью или одиннадцатью процентами. Тысяча восемьсотъ покупателей Рочдельскаго Магазина раздѣлились бы вѣроятно между двадцатью различными лавками, изъ которыхъ каждая имѣла бы небольшой капиталецъ, употребленный несоотвѣтсвенно, и потому принуждена была бы домогаться большихъ барышей при каждой особой сдѣлкѣ; товариществомъ же могутъ они производить торговлю гораздо дешевле и дѣлить между собою барыши, и подобный образъ дѣйствій не нарушаетъ никакого правила политической экономіи, не противорѣчитъ никакому выводу изъ практической опытности и знанія.

При магазинѣ находится мельница, устроенная на тѣхъ же основаніяхъ, то-есть служащая агентствомъ для закупки хлѣба и для раздачи муки, также между извѣстнымъ числомъ небольшихъ *кооперативныхъ лавокъ*, находящихся въ округѣ. Наибольшая часть капитала принадлежитъ *Піонерамъ* — названіе, принятое обществомъ, которое устроило магазинъ. Но доходы, по уплатѣ процентовъ съ затраченнаго капитала, раздѣляются также между покупателями, которые состоятъ членами, и смотря по количеству сдѣланныхъ ими покупокъ; происходитъ это вѣроятно на вышепоказанномъ основаніи, то-есть что они — собственники мельницы, которая не есть частное заведеніе, а агентство, состоящее подъ ихъ контролемъ. Правило это прилагается ко всѣмъ учрежденіямъ, принадлежащимъ обществу Піонеровъ, и служитъ основнымъ правиломъ при всѣхъ ихъ распоряженіяхъ.

Мануфактурное Кооперативное (артельное) Общество также основано на совершенно-иномъ принципѣ. Здѣсь дѣло состоитъ не въ раздѣлѣ, а въ производствѣ, и доходы раздѣляются равномѣрно между всѣми производителями. Интересъ съ капитала уплачивается по пяти со ста; задѣльная плата сообразуется съ общими цѣнами рынка, а остающіяся за симъ суммы и составляющіе чистый доходъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: капиталъ и заработная плата складываются вмѣстѣ, и каждый изъ членовъ получаетъ долю пропорціонально составившейся такимъ образомъ суммѣ, которою онъ обладаетъ. Такимъ образомъ, если чистый барышъ доходитъ до двухъ процентовъ съ этого капитала, то членъ общества, обладающій 50 фунтами капитала, затраченнаго на предпріятіе, и другой, получающій 50 фунтовъ ежегодно задѣльной платы, получатъ каждый одинъ фунтъ на свой пай изъ общаго барыша. Такой планъ распредѣленія чистаго дохода значительно отличается отъ обыкновенно-принятыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ и трудъ находятся между собою въ долѣ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы какое-нибудь экономическое начало было нарушено этимъ. Очевидно, что трудъ долженъ быть гораздо дѣйствительнѣе и производительнѣе при такихъ условіяхъ чѣмъ при одной установленной задѣльной платѣ; къ тому же, очень возможно, что, благодаря такой усиленной производительности труда, доля капиталиста будетъ не менѣе чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы ему доставался весь чистый барышъ, между тѣмъ какъ рабочіе имѣли бы менѣе непосредственный интересъ въ плодахъ своей

промышленности. Это дѣйствительно оказывалось въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ предоставлялась доля въ барышахъ, особенно при небольшихъ предпріятіяхъ. Безъ сомнѣнія Рочдельское Мануфактурное Общество безъ большихъ затрудненій достаетъ себѣ капиталъ; и несмотря на свое недавнее происхожденіе, несмотря на свой ограниченный объемъ, оно уже находится на прямомъ пути къ огромному успѣху.

Нравственное вліяніе всѣхъ этихъ усилій было весьма велико и благодѣтельно: искусство, терпѣніе, прилежаніе, необходимыя для успѣха, сильно развились между членами этихъ обществъ. Обычай закупать не иначе какъ на чистыя деньги освободилъ ихъ отъ несчастія впадать въ долги и поставилъ ихъ въ гораздо-лучшее положеніе, сравнительно съ ихъ собратіями. Въ сосѣднихъ округахъ постоянно возникаютъ небольшія заведенія, устроенныя на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, и хотя ни одно изъ нихъ не можетъ состязаться съ рочдельскимъ въ энергіи, умѣньи и усѣхѣ, всѣ они представляютъ отличные образцы самоуправленія, драгоцѣнные уроки бережливости и трудолюбія.

Существуютъ еще товарищества, подъ названіемъ дружескихъ обществъ, friendly-societies, члены которыхъ имѣютъ въ виду посредствомъ небольшихъ взносовъ обезпечить другъ друга на то время, когда они сдѣлаются неспособными добывать себѣ заработокъ по болѣзни или лѣтамъ. Самое обширное изъ этихъ дружескихъ обществъ, какъ по числу членовъ, такъ и по значительности ежегодно собираемыхъ суммъ, есть Manchester Unity of old fellows.

Размѣнные банки, какъ о нихъ толковали во Франціи въ видѣ проекта, давно были испробованы въ Англіи и оказались несостоятельными въ дѣйствительности. Они обязаны были своимъ учрежденіемъ также началу ассоціаціи. Сущность заключалась въ томъ, что нѣсколько обществъ ремесленниковъ соединяли свои различныя произведенія въ одинъ магазинъ, который долженъ былъ замѣнить съ одной стороны невыгодное посредничество капиталиста или банкира, а съ другой доставить имъ взаимный кредитъ и отвратить вредныя послѣдствія торговыхъ кризисовъ. Отдававшіе свои произведенія должны были въ точности обозначать ихъ цѣну, при чемъ принималось въ разчетъ единственно время, употребленное на ихъ производство. Кромѣ того они обязывались принимать эти уста-

новленныя цѣны въ формѣ билетовъ или надписей, *cabels* какъ наличныя деньги. Этимъ способомъ они думали учредить между собою взаимную отвѣтственность или общину, въ которой бы кредитъ никогда не колебался, работа никогда не прекращалась и цѣны произведеній никогда не упадали. Но и въ дѣйствительности время есть единственный мѣритель, по которому опредѣляется цѣнность предметовъ при ихъ обмѣнѣ, и деньги служатъ только выраженіемъ времени. Не все ли равно, если я скажу, что такой предметъ стóитъ столько-то рублей и копѣекъ или столько-то дней и часовъ, когда цѣна рублей и копѣекъ опредѣляется тѣмъ же временемъ, ибо рѣдкость, дающая деньгамъ ихъ цѣнность, есть не иное что̀ какъ необходимость употребить болѣе или менѣе времени на пріисканіе и добываніе драгоцѣнныхъ металловъ? Но чтобъ обмѣнъ произведеній происходилъ по соотвѣтствующимъ отдѣламъ времени, употребленнымъ на ихъ изготовленіе, слѣдуетъ предположить равновѣсіе спроса и предложенія. Этого никогда не бываетъ въ дѣйствительности, и колебанія въ цѣнахъ на продукты происходятъ отъ того, что производство, предупреждая потребленіе, имѣетъ въ виду не одну какую-либо мѣстность, но всемірный рынокъ, и отдѣльный производитель, не будучи въ состояніи опредѣлить того участія на этомъ рынкѣ, которое выпадетъ на его долю, производитъ наугадъ, часто средствами, значительно превышающими его силы. Отъ этого происходитъ время отъ времени остановка въ сбытѣ, несмотря на дешевизну способовъ производства. Если производители, связанные взаимною отвѣтственностію, чтобъ избѣгнуть колебаній и кризисовъ, будутъ производить только для самихъ себя, то они должны отказаться отъ участія во всемірномъ рынкѣ, этомъ главномъ двигателѣ новѣйшей промышленности, и возвратиться къ патріархальнымъ временамъ; тогда они не будутъ въ состояніи выдерживать соперничество съ прочими производителями, не связанными съ обществомъ. Они не могли этого сдѣлать, потому что нуждались въ сырыхъ матеріялахъ для своихъ производствъ и кромѣ того не могли обходиться безъ прочихъ своихъ произведеній посторонними. Чтобъ ихъ взаимная отвѣтственность имѣла силу, необходимо, чтобы всѣ въ ней производители и потребители участвовали, но эта солидарность есть не иное что̀ какъ система всемірнаго кредита, которая и существуетъ въ дѣйствительномъ обществѣ, но только въ болѣе-развитой формѣ, и не можетъ быть ни

создана искусственными средствами, ни установлена приказами или силой. Размѣнные банки окончились совершеннымъ банкротствомъ.

Они подтвердили своимъ паденіемъ, что изолированныя общества, созидаемыя искусственно среди дѣйствительнаго общества, часто воспроизводятъ то же самое старое общество, только въ неразвитой или въ уродливой формѣ, и потому существовать не могутъ.

До сихъ поръ мы говорили только о средствахъ, которыя были изобрѣтаемы, чтобъ облегчить рабочему классу пріобрѣтеніе цѣнностей движимыхъ, но не должно думать, чтобы вовсе были забыты мѣры для доставленія имъ возможности получить недвижимую собственность, то-есть землю и дома или, какъ у насъ выражаются, о надѣлѣ ихъ землей и усадьбами.

Но гдѣ же взять эту землю и дома? Въ Англіи все надо купить, а о томъ, чтобы взять даромъ, какъ въ Турціи, никто не говоритъ и не думаетъ.

Надо было купить недвижимую собственность, и рабочіе дѣйствительно стали копить свои гроши, чтобы покупать себѣ земли. Это сбереженіе имѣло конечно опредѣленную цѣль, не походило на помѣщеніе денегъ въ сберегательныя кассы изъ 3-хъ процентовъ. Какова бы ни была удача задуманнаго предпріятія, но польза отъ привычки къ бережливости и къ составленію запаса или капитала есть первый шагъ на поприщѣ экономическаго развитія. Бѣдные рабочіе откладывали добровольно изъ своей небольшой платы крошечныя суммы, изъ которыхъ однако еженедѣльно составлялись сотни фунтовъ стерлинговъ для поземельныхъ кассъ, обѣщавшихъ имъ политическія права, свѣтъ, воздухъ, землю и хижину. Проектъ состоялъ въ томъ, чтобы каждый изъ рабочихъ получилъ четыре акра (безъ малаго $1^1/_2$ десятины казенной мѣры) земли съ усадьбой въ полную собственность, и чтобъ онъ уплачивалъ за нихъ въ опредѣленные сроки. Разчитывали, что трудомъ и стараніемъ каждый въ три года удвоитъ цѣнность своего участка. Полагали начать съ того, чтобы на первые собранные 5000 фунт. стерлинговъ (32 т. слишкомъ руб. сер.) купить большое имѣніе и раздѣлить его между 50 работниками. Подъ эту землю можно было занять 4000 ф. ст. и, дополнивъ эту сумму новымъ сборомъ до 5000 ф. ст., купить другое имѣніе и, раздѣливъ его между другими работниками, продолжать такой процессъ до тѣхъ поръ, пока не была бы скуплена вся свободная земля и не было

пристроено столько работниковъ, чтобъ уменьшеніе числа ихъ подѣйствовало на возвышеніе заработной платы. Это направленіе господствовало съ 1842 года по 1848-й, совпало съ отмѣненіемъ въ 1846 г. пошлинъ на ввозный хлѣбъ, такъ что въ то самое время, когда фермеры и землевладѣльцы стали заботиться о введеніи механическихъ и искусственныхъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ, фабричные мечтали о земледѣліи. Впрочемъ, проектъ этотъ не удался по множеству административныхъ и законодательныхъ затрудненій и искусственныхъ препятствій, которыя онъ встрѣтилъ при своемъ выполненіи.

Рядомъ съ проектомъ объ обращеніи фабричныхъ рабочихъ въ земледѣльцевъ-собственниковъ долженъ быть поставленъ другой, имѣвшій цѣлію доставить имъ собственныя, независимыя помѣщенія, чего надѣялись достигнуть учрежденіемъ строительныхъ обществъ. Было вычислено, что плата, собираемая съ рабочихъ за квартиры, составляетъ 10—15 процентовъ съ цѣны самыхъ домовъ, и что по этому разчету они могли бы лѣтъ въ 8 или въ 10 сдѣлаться ихъ владѣльцами. Къ исполненію проекта приступили слѣдующимъ образомъ: составлялось общество напримѣръ изъ 10 человѣкъ, которые вносили ежегодно каждый по 10 ф. стерлинговъ; на первый годичный взносъ строили домъ, который и отдавали одному изъ нихъ по жребію или за деньги, съ тѣмъ чтобъ онъ, кромѣ ежегодныхъ взносовъ, платилъ еще проценты на недоплаченную сумму. Та же операція повторялась на второй годъ и такъ далѣе, пока черезъ 10 лѣтъ или ранѣе, если принять въ разчетъ проценты, каждый изъ товарищей получитъ собственный домъ. Впрочемъ дома эти, извѣстные въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ подъ названіемъ хижинной собственности, cottage-property, строились дурно, потому что строились не самими обществами, а отдавались на постройку архитекторамъ, которые ихъ изготовляютъ дюжинами въ самое короткое время, и что члены строительныхъ обществъ, кому они достаются, не живутъ въ нихъ сами, а отдаютъ, по старому обычаю, внаймы, чтобы легче уплачивать проценты. Несмотря на всѣ неудобства, дома эти, пока они держатся, приносятъ 15 процентовъ дохода. Итакъ строительныя общества, building-societies, суть не иное что̀ какъ спекуляція. Рабочіе, принимающіе въ нихъ участіе, составляютъ меньшинство; вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ заработки ихъ недовольно постоянны, чтобы дать имъ возможность самимъ

пользоваться своею недвижимою собственностію, и они поступаютъ точно такимъ же образомъ, какъ и другіе спекуляторы, то-есть стараются дурныя помѣщенія отдавать внаймы другимъ на выгодныхъ условіяхъ. Хотя этотъ родъ помѣщенія денегъ далеко не столь безопасенъ какъ сберегательныя кассы, но рабочіе охотно имъ пользуются и предпочитаютъ его изъ вкоренившагося между ними опасенія, что хозяева понизятъ плату, если узнаютъ, что они кладутъ деньги въ сберегательныя кассы. Это опасеніе въ нихъ столь сильно, что они помѣщаютъ свои сбереженія въ тѣхъ кассахъ, которыя находятся въ мѣстахъ нѣсколько отдаленныхъ, гдѣ они надѣются не быть замѣченными.

Съ строительными обществами не должно смѣшивать «общества для улучшенія помѣщеній рабочихъ классовъ» (for improving the dwellings of the industrious classes).

Эти общества имѣютъ цѣлію доставить рабочимъ не собственные дома, но лучшія помѣщенія, и потому зданія, ими возводимыя, болѣе прочны и не походятъ на коттеджи, а заключаютъ въ себѣ подъ одною кровлей квартиры для отдѣльныхъ семействъ. Впрочемъ, хотя наемная плата съ нихъ и доставляетъ собственникамъ лишь весьма малый процентъ, но фабричные рабочіе избѣгаютъ ихъ, потому вопервыхъ, что эти зданія похожи на фабрики, а вовторыхъ потому, что не хотятъ пользоваться *благодѣяніями*.

Это послѣднее обстоятельство много говоритъ въ пользу нравственнаго достоинства англійскихъ фабричныхъ, и составляетъ важный залогъ для ихъ будущности. Право ассоціаціи дало имъ политическое значеніе, которое конечно отзовется и на матеріяльномъ ихъ бытѣ. Хотя они пока не имѣютъ еще прямаго представительства въ парламентѣ, но, пользуясь правомъ ассоціаціи, они умѣютъ доставить себѣ участіе въ законодательствѣ посредствомъ такъ-называемыхъ «exclusive-dealings». Объяснимъ это нѣсколько подробнѣе.

Каждую субботу отдѣляется отъ капитала огромная масса шиллинговъ и пенсовъ, которая падаетъ въ руки рабочихъ, но потомъ поглощается почти въ тотъ же день карманами лавочниковъ, хлѣбниковъ, торговцевъ съѣстными и другими припасами и такъ далѣе. Въ фабричномъ городѣ, коего народонаселеніе преимущественно состоитъ изъ рабочихъ, торговля съ ними доставляетъ большія выгоды, а потому

и заставляетъ дорожить ихъ практикой всѣхъ лавочниковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и проч. Но эти лавочники, ремесленники, торговцы и прочіе жители или собственники домовъ, лавокъ и такъ далѣе, представляютъ собою земледѣльческое и промышленное общество, суть словомъ избиратели. Значеніе ихъ зависитъ отъ расширенія круга дѣятельности, а это расширеніе въ рукахъ рабочихъ, которые, согласившись покупать у извѣстныхъ лицъ или имѣть дѣла исключительно только съ ними (exclusive-dealings), пріобрѣтаютъ и себѣ самимъ политическое значеніе. Такимъ образомъ одною уже угрозой такого отлученія они заставляютъ избирателей города посылать въ парламентъ такихъ членовъ, которые защищаютъ ихъ интересы противъ интересовъ фабрикантовъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Вотъ примѣръ какъ каждое политическое право заключаетъ въ себѣ и матеріяльное улучшеніе или матеріяльную выгоду, и едва ли англійскій рабочій согласится продать свое политическое право, или право ѣсть на золотой тарелкѣ, какъ у насъ кто-то выразился, *за рубль серебра или пожалуй еще дешевле.*

VIII.

Когда рѣчь идетъ о вліяніи законодательства на экономическіе интересы, то не должно забывать, что участіе общественной силы можетъ быть полезно только въ отрицательной формѣ, то-есть, если она устраняетъ препятствія, стѣсняющія свободу развитія, а не въ формѣ положительной, когда она сама сдавливаетъ это развитіе, желая склонить его въ извѣстную сторону или дать ему направленіе по своему произволу.

По понятіямъ любителей насилія, всего легче помочь рабочему классу установленіемъ постоянной высокой цѣны на заработную плату, менѣе которой хозяева-фабриканты *не смѣли бы* предлагать рабочимъ. Но если они не будутъ смѣть платить менѣе нежели сколько назначено по таксѣ за работу, а плата эта не будетъ имъ окупаться, то нельзя же постановить, чтобъ они *не смѣли* прекращать своего производства. Какъ скоро *многія* фабрики закроются, то, конечно, цѣна на товаръ поднимется, и осталь-

ныя, пользуясь этою монополіей, будутъ въ силахъ платить своимъ рабочимъ по таксѣ; но какова будетъ участь остальныхъ рабочихъ по закрытіи *многихъ* фабрикъ? Они обратятся въ нищихъ, и число ихъ будетъ прямо пропорціонально размѣру возвышенія таксы. Другими словами, такса на работу можетъ служить только къ совершенному лишенію заработка или къ обращенію части рабочихъ въ нищихъ. Возражаютъ, что равномѣрное возвышеніе цѣны на заработную плату посредствомъ таксы, сдѣланное единовременно по всѣмъ безъ исключенія производствамъ, подниметъ цѣну на всѣ товары, и слѣдовательно всѣ фабриканты будутъ имѣть возможность продолжать свои производства. Чтобъ это предположеніе оправдалось, необходимо сдѣлать другое, именно, что потребители захотятъ или будутъ въ силахъ покупать по новой, высокой цѣнѣ столько же, какъ и по прежней низкой. Безспорно по таксѣ можно, хотя и съ большимъ трудомъ, заставить продавать, но заставить покупать даже и безъ таксы не возможно, ибо это значитъ просто брать деньги силой или грабить. Положимъ однако, что покупщики будутъ желать покупать столько же, какъ и прежде: гдѣ они возьмутъ средства? Если всѣ безъ исключенія товары равномѣрно подорожаютъ, то работники ничего не выиграютъ, потому что излишекъ, который они получатъ при продажѣ своей работы, они отдадутъ при покупкѣ для себя предметовъ потребленія. Возвышеніе заработной платы, происходящее отъ какой-либо другой причины, кромѣ увеличенія потребности въ самой работѣ, всегда уменьшаетъ требованіе на эту работу, и масса рабочей силы, потребляемая въ настоящее время фабричною промышленностію, зависитъ единственно отъ низкой цѣны на производимые ею товары.

Мнѣніе, что машины оставляютъ много праздныхъ рукъ, а слѣдовательно уменьшаютъ заработную плату, распространено не только между рабочими, но есть даже и ученые писатели, которые раздѣляютъ его. Мнѣніе это въ первой своей половинѣ справедливо только повидимому, а во второй совершенно ошибочно.

Изобрѣтеніе какой-либо машины имѣетъ всегда цѣлію сократить трудъ человѣческій и время, употребляемое на производство. Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы количество произведеній оставалось то же, а уменьшеніе числа ра-

бочихъ со введеніемъ какой-либо машины возможно только при этомъ условіи. Интересъ каждаго фабриканта заключается въ томъ, чтобы съ данными средствами произвести болѣе, а слѣдовательно имѣть возможность продавать дешевле и тѣмъ самымъ расширять и обезпечивать сбытъ своихъ произведеній. Временное колебаніе или остановка въ требованіи на работу, сопровождающее иногда изобрѣтеніе какого-либо механическаго усовершенствованія, происходитъ не отъ этого усовершенствованія, а отъ того, что требованіе на большее количество произведеній не слѣдуетъ внезапно за самымъ удешевленіемъ цѣны на него. Какъ скоро это требованіе развивается соотвѣтственно цѣнѣ производства, то рабочихъ при новомъ усовершенствованіи, то-есть при новой машинѣ, требуется еще болѣе нежели прежде, до изобрѣтенія этой машины. Такимъ образомъ въ настоящее время кормится типографскимъ дѣломъ несравненно большее число людей нежели какое прежде добывало себѣ пропитаніе перепиской книгъ. Число рабочихъ, занятыхъ бумагопрядильнымъ производствомъ, тканьемъ, набивкой и крашеніемъ бумажныхъ тканей въ нѣсколько разъ увеличилось съ того времени, какъ сложныя и дорогія машины замѣнили простое рукодѣліе на веретенахъ и прялкахъ. Если первое время по изобрѣтеніи этихъ машинъ произошло колебаніе въ цѣнѣ на работу, то причина заключалась въ несоотвѣтственномъ ускореніи сбыта по недостатку перевозочныхъ средствъ и преимущественно отъ международныхъ законодательныхъ и административныхъ стѣсненій, то-есть такихъ, которыхъ установленіе и отмѣна зависѣли отъ воли человѣческой. Лучшимъ доказательствомъ, что машинное производство увеличиваетъ заработную плату, а не уменьшаетъ ее, есть то обстоятельство, что она низка именно въ той отрасли экономической дѣятельности, гдѣ машины нашли всего менѣе примѣненія, именно въ земледѣліи, и что сельское народонаселеніе привлекается въ города единственно болѣе высокимъ заработкомъ. При большемъ примѣненіи машинъ къ земледѣлію, конечно, бо́льшая часть парковъ, пастьбищъ и пустырей обратятся въ пахатныя поля, и большее число рукъ найдетъ себѣ занятіе земледѣліемъ, то-есть трудъ ихъ будетъ болѣе требоваться и лучше будетъ окупаться.

Еслибы какія-нибудь машины были вредны, то какъ опредѣлить, какая машина полезна и какая вредна? Если принять за мѣрило только уменьшеніе числа рабочихъ при производствахъ,

то соху слѣдуетъ замѣнить заступомъ или киркой, потому что въ этомъ случаѣ больше потребуется рабочихъ, наконецъ и эти инструменты, которые не иное что̀ какъ машины, сокращающія трудъ и время и уменьшающія число рабочихъ, слѣдуетъ тоже отмѣнить и заставить царапать и разрыхлять землю руками. Какъ ни просты подобные выводы, какъ ни нелѣпы заключенія противныя, можно однако привести много странныхъ примѣровъ запрещенія машинъ. Въ 1585 году была изобрѣтена въ Англіи машина для вязанія чулокъ; изобрѣтатель ея подвергся преслѣдованіямъ и бѣжалъ во Францію, гдѣ пользовался покровительствомъ Генриха IV, но по смерти этого короля подвергся бѣдствіямъ отъ преслѣдованій вязальщиковъ. На изобрѣтенныхъ имъ машинахъ можно было работать только втайнѣ, да и носить вязаные машиной чулки было не безопасно, по крайней мѣрѣ въ нихъ не возможно было перейдти черезъ улицу. Въ Англіи въ XVIII столѣтіи, такъ-называемые луддиты ломали машины и уничтожали самыя машинныя заведенія, но замѣчательно, что правительство платило за причиненные ими убытки. Гаргривъ, изобрѣтатель Spinning-Jenny бумагопрядильной машины, обогатившей Англію, былъ изгнанъ изъ Ланкашира и умеръ въ крайней бѣдности. Даже сами фабриканты противились введенію машинъ и поддерживали законъ о двойной пошлинѣ на машинныя производства. Уже въ XIX столѣтіи знаменитый Жаккаръ три раза подвергался опасности быть убитымъ за свое изобрѣтеніе, и ліонскій conseil des prudhommes велѣлъ сломать его станокъ и продать какъ негодный матеріялъ. Даже въ 1854 году 24 іюля, Барселонская юнта обѣщала уничтоженіе машинъ.

Почти всегда, когда рабочіе въ Англіи переставали работать, потому что требовали высшей платы, то-есть не соглашались продавать свой трудъ за предлагаемую цѣну, побѣда оставалась на сторонѣ фабрикантовъ, но отчего? Одни говорятъ отъ давленія капитала на трудъ, другіе — отъ изобрѣтенія машинъ. Послѣднее предположеніе странно, потому что машины не изобрѣтаются и не приводятся въ исполненіе въ нѣсколько сутокъ, ихъ усовершенствованіе идетъ своимъ путемъ, независимо отъ споровъ между фабрикантами и рабочими. Что̀ касается до давленія капитала на трудъ, то эта фраза, столь часто употребляемая соціялистами, заключаетъ въ себѣ самую грубую ошибку. Во время остановки работъ, рабочіе лишаются, правда, заработка, но капиталисты лишаются своихъ

капиталовъ, потому что значительная часть ихъ банкротятся отъ невозможности выносить принятыя обязательства и отъ остановки въ производствахъ, такъ что когда они повидимому одержатъ побѣду, то уже весьма многіе изъ нихъ не въ силахъ ею воспользоваться. Однако, какимъ же средствомъ одерживается эта побѣда? Обыкновенно призывомъ рабочихъ изъ Ирландіи, людей, которые такъ бѣдны, что съ радостію принимаютъ плату, которую англійскіе рабочіе почитаютъ недостаточною. Что Ирландцы такъ бѣдны не отъ машинъ и не отъ избытка капиталовъ въ Ирландіи, это не подвержено сомнѣнію: они бѣдны отъ политическихъ и законодательныхъ стѣсненій, и положеніе ихъ начало улучшаться со времени устраненія этихъ стѣсненій (1). Во всякомъ случаѣ на рабочихъ въ Англіи дѣйствуетъ гибельно или давитъ ихъ не богатство англійскихъ капиталистовъ, а бѣдность ирландскихъ не-капиталистовъ. Не будь людей, которые бѣднѣе англійскихъ рабочихъ, то и мнимыя побѣды фабрикантовъ были бы невозможны.

Мы уже указали на различныя законодательныя стѣсненія, которыя препятствуютъ въ Англіи совершенно свободному развитію экономическихъ отношеній, и объяснили пункты соприкосновенія этихъ постановленій съ интересами бѣднѣйшихъ классовъ. Теперь намъ остается упомянуть о самой важной и главной причинѣ бѣдности въ рабочемъ классѣ, причинѣ, не зависящей ни отъ законовъ, ни отъ обычаевъ, но отъ тѣхъ явленій, которыя совершаются на всемірномъ политическомъ поприщѣ. Явленіе это—такъ-называемые коммерческіе кризисы. Мы ихъ относимъ къ области политики, и далѣе объяснимъ на какомъ именно основаніи. Отношеніе же ихъ къ интересамъ бѣднѣйшихъ классовъ есть слѣдующее:

Первымъ слѣдствіемъ или лучше сказать первымъ признакомъ коммерческаго кризиса является то, что товары или фабричныя произведенія покупаются въ меньшемъ количествѣ, или, какъ говорятъ, нейдутъ съ рукъ. Это обстоятельство понижаетъ ихъ цѣну такъ, что ихъ производство почти не окупается.

---

(1) Мы не можемъ позволить себѣ говорить здѣсь объ Ирландіи, но современемъ, можетъ-быть, попытаемся представить безпристрастный взглядъ на эту любопытную и поучительную страну. Отзывы о ней большею частію пишутся или подъ вліяніемъ политическихъ партій, или подъ вліяніемъ вражды къ Англіи и ея свободнымъ учрежденіямъ, а часто просто подъ диктовку католической пропаганды.

Фабриканты, не слишкомъ сильные или не слишкомъ искусные, которымъ это производство обходится нѣсколько дороже прочихъ, бываютъ принуждены закрыть свои фабрики, и рабочіе ихъ, предлагая свои услуги прочимъ, естественно понижаютъ цѣну на работу. Притомъ закрытіе части фабрикъ рѣдко происходитъ сознательно и добровольно; въ большей части случаевъ оно бываетъ вынуждено необходимостію. Надежда, что кризисъ скоро пройдетъ, что достанетъ силъ выдержать его, заставляетъ ихъ откладывать закрытіе фабрики до послѣдней минуты и лишаетъ возможности спасти хотя часть своего капитала. Банкротство нѣкоторыхъ фабрикантовъ влечетъ за собою банкротство поставщиковъ матеріяловъ, угля, строителей машинъ и т. д. Рабочіе ихъ подвергаются той же участи. Съ уменьшеніемъ заработной платы и даже самой возможности найдти какой-либо заработокъ, разумѣется, ограничивается до крайнихъ предѣловъ и потребленіе, а это разоряетъ лавочниковъ, портныхъ, сапожниковъ, хлѣбниковъ, трактирщиковъ и всѣхъ, кто имѣлъ дѣла съ рабочимъ классомъ. Во всѣхъ этихъ слояхъ тѣ, которые имѣли какіе-либо запасы, живутъ ими, другіе занимаютъ подъ залогъ предметовъ первой необходимости, прочіе просятъ милостыню. Такимъ образомъ кризисъ падаетъ всею тяжестію на того, кто былъ по какимъ бы ни было причинамъ бѣднѣе прочихъ. Капиталы уничтожаются, конкурренція ихъ уменьшается, а отъ ослабленія конкурренціи рабочіе и послѣ кризиса долго остаются безъ дѣла.

Но отчего же непосредственно зависитъ коммерческій кризисъ? Или отъ стѣсненія средствъ въ какомъ бы то ни было слою общества, или отъ излишняго производства, не соотвѣтствующаго правильному потребленію, основанному на дѣйствительныхъ средствахъ, или богатствѣ народномъ. Главная причина уменьшенія потребленія есть война, и главная причина насилованія такъ-сказать производства есть приготовленіе къ войнѣ. Коммерческіе кризисы большею частію слѣдуютъ вскорѣ послѣ заключенія мира. Тогда провѣряются счеты всѣмъ уничтоженнымъ цѣнностямъ, и толькотогда обѣднѣніе дѣлается яснымъ и очевиднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращаются средства обогащенія частныхъ лицъ насчетъ государства изготовленіемъ предметовъ, потребляемыхъ войною.

Повидимому, какое дѣло рабочему бѣдному классу до того, что два какія-нибудь иностранныя государства ведутъ между

собой войну, если эта война не только не касается границъ ихъ отечества, но даже и правительство не принимаетъ въ ней участія ни войскомъ, ни денежными пособіями? Но въ настоящее время, вслѣдствіе развитія промышленности, усовершенствованія перевозочныхъ средствъ и облегченія международныхъ сношеній, всѣ государства сдѣлались между собою солидарны, и то, что̀ вредитъ одному, вредитъ другому, и наоборотъ. Каждый народъ продаетъ и покупаетъ что-нибудь у другаго, хотя и черезъ двухъ или болѣе посредниковъ. Объявленіе войны, гдѣ бы то ни было, прекращаетъ требованіе на одни предметы и увеличиваетъ его на другіе. Это производитъ сильное колебаніе въ торговлѣ и промышленности; суммы, собираемыя правительствами воюющихъ государствъ въ видѣ податей или займовъ для войны, получаютъ назначеніе, совершенно отличное отъ того, которое бы онѣ имѣли, оставаясь въ карманахъ частныхъ людей. Повидимому, если война продолжается, то государства, въ ней не участвующія, должны выигрывать: ихъ промышленность скоро приноровится къ новымъ требованіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавится отъ соперничества фабрикантовъ и купцовъ воюющихъ націй. На дѣлѣ выходитъ противное. Вопервыхъ, внезапное измѣненіе направленія производительности гибельно дѣйствуетъ на одну часть производителей; часть богатыхъ лишается своихъ капиталовъ, и соотвѣтствующая ей болѣе многочисленная часть бѣдныхъ лишается куска хлѣба. А вовторыхъ, сбытъ нисколько не увеличивается отъ кажущагося уменьшенія соперниковъ промышленности, потому что покупать можетъ только тотъ, кто имѣетъ что̀ продавать, а страна, перестающая производить, перестаетъ и потреблять. Государство, дѣлающее усилія для войны, похоже на расточителя, который имѣетъ видъ богатаго человѣка. Цѣна на хлѣбъ и доходность земель возвышается; много капиталистовъ, особенно живущихъ въ столицахъ, дѣлаютъ выгодныя спекуляціи по государственнымъ займамъ, фабриканты суконъ, оружія и аммуниціи, и, въ особенности, подрядчики, богатѣютъ. Но это минутное перемѣщеніе цѣнностей не только не ведетъ къ обогащенію народа, но въ результатѣ усиливаетъ бѣдность низшихъ классовъ, такъ точно, какъ вокругъ расточителя нѣсколько ближайшихъ къ нему личностей набиваютъ себѣ карманы, а всѣ прочіе, имѣвшіе съ нимъ дѣло, не получаютъ уплаты долговъ своихъ и терпятъ чувствительныя потери; бѣднѣйшіе же вовсе лиша-

ются всего своего имущества. Во время войны заработная плата иногда возвышается номинально отъ увеличенія количества денежныхъ знаковъ, особенно если они бумажные, но въ сущности она уменьшается отъ несоразмѣрнаго возвышенія цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Съ заключеніемъ мира, особенно внезапнаго, кризисъ разражается со всею силой. Производства, вызванныя войною, вдругъ прекращаются, а тѣ, которыя упали при началѣ войны, не могутъ столь же быстро воскреснуть. Вся тяжесть этихъ измѣненій отзывается на бѣднѣйшихъ классахъ, хотя повидимому банкротятся только капиталисты.

Вообще каждый кризисъ есть не иное что̀, какъ неестественное, не вызванное обыкновенными потребностями и притомъ даровое перемѣщеніе цѣнностей, то-есть, когда получившій или не можетъ, или не хочетъ возвратить равную цѣнность. Это производитъ колебаніе цѣнъ на всѣ предметы и не ограничивается собственно одною фабричною или торговою промышленностью. Поземельная собственность раздѣляетъ ту же участь, хотя послѣдствія коммерческихъ кризисовъ доходятъ до нея не съ равною быстротой. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, затруднительное положеніе землевладѣльцевъ было всеобщее, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ. Въ Пруссіи имѣнія, которыя въ 1817 году покупались за 150 или за 180 тысячъ талеровъ, продавались въ 1825 году за 30 и 40 тысячъ. Въ Голштиніи и Ганноверѣ уменьшеніе цѣнности имѣній составляло 50 процентовъ.

Увеличеніе государственнаго долга, а слѣдовательно и увеличеніе налоговъ, обыкновенное слѣдствіе войны, конечно, вредитъ развитію промышленности и усиливаетъ пауперизмъ, а уменьшеніе должно имѣть дѣйствіе противное; въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но не должно думать, чтобы внезапное уничтоженіе долга посредствомъ банкротства, какъ предлагаютъ соціялисты, повело къ внезапному обогащенію бѣднѣйшихъ классовъ. Напротивъ, самый простой анализъ показываетъ, что оскудѣніе цѣлой страны, вслѣдствіе внезапнаго уничтоженія капиталовъ, будетъ имѣть результатомъ своимъ лишь новыя бѣдствія для бѣднѣйшихъ классовъ.

Такое же гибельное дѣйствіе на низшіе классы имѣетъ всякая политическая или соціяльная революція, лишающая внезапно высшій или средній классъ его собственности, или значительно сокращающая его доходы.

Чтобы вывести заключеніе изъ всѣхъ указанныхъ фактовъ, и изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній, намъ необходимо бросить общій взглядъ на тѣ и другія, и тогда уже мы будемъ имѣть возможность составить себѣ болѣе или менѣе полное убѣжденіе какъ о причинахъ, производящихъ пролетаріатъ и пауперизмъ, такъ и о мѣрахъ и средствахъ къ ихъ прекращенію.

В. Ржевскій.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ (1)

VII.

Департаменты Арденнъ, Мерты, Мааса и Мозеля. (прежняя Лотарингія).

Во Франціи, родители воспитываютъ насъ въ страхѣ Божіемъ и въ любви къ хлѣбу. Если вамъ случится когда-нибудь обѣдать за французскимъ столомъ, вы скоро замѣтите, что основаніе нашего воспитанія, главное наставленіе безпрерывно появляющееся на устахъ отца и матери, при обращеніи ихъ къ дѣтямъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Хлѣба, хлѣба!.. Ты не кушаешь хлѣба! Кушай же хлѣбъ.» За то едва ли есть страна, гдѣ народъ поѣдалъ бы болѣе хлѣба, чѣмъ во Франціи. Англичане насмѣхаются надъ нашими отвратительными жидкими супами, и похлебки наши на лягушечьемъ бульйонѣ составля-

---

(1) Въ прошломъ году, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, былъ помѣщенъ первый отдѣлъ этихъ писемъ. Теперь слѣдуетъ новый рядъ ихъ, относящійся къ другимъ частямъ Франціи. *Ред.*

ютъ у нихъ неистощимый источникъ болѣе или менѣе удачныхъ остротъ. А имъ извѣстна только утонченная кухня щегольскихъ гостиницъ, гдѣ они останавливаются, или столъ богатыхъ людей, у которыхъ имъ случается иногда обѣдать. Что же было бы, еслибъ они имѣли понятіе о похлебкѣ нашихъ крестьянъ, никогда не заимствующей у говядины своихъ питательныхъ соковъ? Что бы сказали они объ этихъ неудобоваримыхъ припаркахъ, объ этой густой смѣси хлѣба, обмоченнаго въ жидкій бульйонъ, состоящій изъ большаго количества воды и малаго количества масла, съ приправой соли и луку? Попробуйте погрузить туда ложку, и она будетъ стоять въ этой массѣ торжественно и твердо, какъ обелискъ.

За столомъ, гдѣ нѣтъ похлебки, количество хлѣба, поглащаемое французскимъ крестьяниномъ, поистинѣ изумительно. Въ Англіи, въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Германіи, небольшой кусокъ хлѣба съ мясомъ, или теплымъ питьемъ, чаемъ и кофе, составляетъ обыкновенную пищу человѣка; у насъ хлѣбъ составляетъ основаніе обѣда и почти весь обѣдъ. Дурной урожай хлѣба, такъ сильно удручавшій Францію въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ и повлекшій за собою страшное колебаніе въ хлѣбной торговлѣ, не имѣлъ почти никакого вліянія на сосѣднія страны; хлѣбные кризисы прошли у нихъ почти незамѣтно, потому что тамъ въ пищу употребляютъ преимущественно мясо и овощи, особенно картофель и капусту разныхъ видовъ, капусту обыкновенную, цвѣтную, и пр. У многихъ богатыхъ землевладѣльцевъ въ Германіи хлѣба не употребляютъ вовсе. При говядинѣ его замѣняетъ вареный картофель, при телятинѣ—капуста и черносливъ, а при цыплятахъ—вареныя яблоки и вишни. У насъ не стали бы ѣсть ни картофеля, ни капусты, ни вареныхъ плодовъ безъ хлѣба. Одинъ Французъ, бывшій въ Ахенѣ, говорилъ, что онъ часто встрѣчалъ тамъ пирожниковъ, но не видалъ ни одного булочника. И дѣйствительно то, что называется тамъ *французскимъ хлѣбомъ* и дѣлается въ видѣ уступки дурному вкусу небольшаго числа нашихъ соотечественниковъ, рѣшающихся разстаться съ Франціей, не достигаетъ размѣровъ нашихъ булокъ цѣной въ пять сантимовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что нашъ хлѣбникъ въ состояніи былъ бы одинъ удовлетворить потребленію пятидесяти пяти и шестидесяти тысячъ жителей города Ахена.

Какъ жаль, что единственнымъ средствомъ пропитанія многочисленнаго народа служитъ растеніе самое нѣжное, которое

очень долго должно оставаться въ землѣ, и по этому самому долѣе всего подвержено вліянію атмосферы и малѣйшимъ перемѣнамъ погоды, такое растеніе, которое, до превращенія своего въ питательное вещество, требуетъ тяжелой ручной работы, самой сложной и самой начетистой! Манія къ хлѣбу у насъ такъ сильна, что когда намъ сообщаютъ о какомъ-нибудь растеніи, разведеніе котораго можетъ принести намъ пользу, то мы тотчасъ же предлагаемъ вопросъ: «Можно ли изъ него печь хлѣбъ?»

У насъ есть картофель самый сочный; растетъ онъ быстро, приготовляется легко; къ тому же онъ любитъ посредственную почву и подчиняется всевозможнымъ измѣненіямъ поваренного искусства, которое употребляетъ его на множество вкусныхъ яствъ. Но мы не довольны этимъ, мы терзаемъ его для обращенія его въ мучнистое вещество, чтобъ испечь изъ него хлѣбъ. Это не такъ питательно, не такъ вкусно, изготовленіе обходится несравненно дороже, но за то это называется хлѣбомъ. То же самое можно сказать о рисѣ, о каштанахъ, превосходныхъ питательныхъ веществахъ, которыя мы терзаемъ всевозможными способами, чтобы добиться чего-то въ высшей степени безвкуснаго, что̀ нужно изготовлять ежедневно, и что вслѣдствіе совершеннаго отсутствія вкуса, сочности и запаха, имѣетъ на своей сторонѣ единственное достоинство—отнимать нѣсколько вкуса, сочности и запаха у другихъ яствъ, нисколько не приправляя ихъ, а приправить ихъ могли бы легко овощи и сушеные плоды въ сахарѣ.

Необходимость жить почти исключительно однимъ хлѣбомъ, составляетъ самую опасную манію, и оттого, какъ только хлѣбъ вздорожаетъ, вся Франція волнуется, испускаетъ отчаянные вопли и теряетъ голову. 1789-й годъ начался голодомъ и окончился революціей; суровая зима 1812 года, погубившая часть жатвы, была провозвѣстницей паденія имперіи, а голодъ 1847 года поколебалъ престолъ Лудовика-Филиппа, который и рушился въ слѣдующемъ году. Римскій народъ требовалъ у своихъ правителей двухъ предметовъ: *Panem et Circenses.* Мы не слишкомъ дорожимъ празднествами и увеселеніями цирка, и даже откажемся отъ всякаго участія въ празднествахъ, если намъ дадутъ двойную порцію хлѣба. Оттого хлѣбъ играетъ великую роль въ пословицахъ и поговоркахъ нашего языка. *Le riche a du pain sur la planche*(у богатаго естъ хлѣбъ на доскѣ); *Le prodigue a mangé son pain blanc le premier*

(мотъ самъ прежде всѣхъ съѣлъ у себя бѣлый хлѣбъ); *L'avare mange son pain dans sa poche* (скупой ѣстъ свой хлѣбъ у себя въ карманѣ); *Le méchant ne vaut pas le pain qu'il mange* (злой не стóитъ хлѣба, который онъ ѣстъ); *Le voyageur a mangé plus d'un pain* (путешественникъ съѣлъ больше одного хлѣба); *L'homme à gage a mangé le pain d'un autre* (наемщикъ съѣлъ чужой хлѣбъ). Покровитель даетъ кліенту своему хлѣбъ; дѣвушка, сдѣлавшаяся до замужства жертвой обольщенія, заняла хлѣбъ изъ печи. Чиновнику приходится откусывать отъ каждаго хлѣба и ѣсть изъ всѣхъ рукъ. Бѣднякъ, издали присутствующій при удовольствіяхъ, въ которыхъ онъ не можетъ принимать участія, ѣстъ хлѣбъ и нюхаетъ жаркое. Въ ожиданіи исполненія сильнаго желанія, время тянется долго, какъ день безъ хлѣба. Тотъ, кто манитъ васъ обѣщаніями, всегда обманчивыми, сулитъ вамъ болѣе масла чѣмъ хлѣба; выгодная промышленная спекуляція та, гдѣ можно получить хорошій кусокъ хлѣба, а чтобы характеризовать человѣка, одареннаго евангельскою добротой, лучше ничего нельзя сказать какъ то, что онъ добръ, какъ хорошій хлѣбъ. Наконецъ, смертельная угроза врагу состоитъ въ томъ, что онъ потеряетъ вкусъ къ хлѣбу.

Изъ этого вы можете заключить, что если хлѣбъ составляетъ существенную часть нашей пищи, то онъ въ то же время служитъ основаніемъ нашего языка, который бы можно упростить до чрезвычайности, сохранивъ въ немъ только слово «хлѣбъ» съ прилагательными и глаголами, которые бы сопровождали его и шли бы на ряду съ нимъ. Пожалуй, въ видѣ большой уступки, можно бы сохранить слово «пшеница»; но оно бы часто имѣло двойной смыслъ и заключало бы въ себѣ безплодное богатство, потому что напримѣръ ѣсть пшеницу на корню значитъ то же, что самому ѣсть свой бѣлый хлѣбъ. Я сохранилъ бы его впрочемъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: «Не корми насъ желудями, когда у насъ пшеница»—въ уваженіе къ слѣдующему парафразу Вольтера: «Не управляй нами болѣе такъ, какъ управляли нами во времена Карла Великаго и Лудовика XIV. Не говори о прежнихъ законахъ. Не разказывай о чудесахъ Св. Амабля. Ослабляй мало-по-малу всѣ старинныя суевѣрія и не заводи новыхъ. Законы должны быть одинаковы для всѣхъ, но предоставь каждому принимать или отвергать по произволу все, что основывается на обычаяхъ. Если глупцамъ

хочется еще желудей, пусть ѣдятъ ихъ, но постарайся, чтобъ имъ давали хлѣба, и особенно, чтобы не вырывали его изъ рукъ тѣхъ, кому онъ нравится больше желудей.»

Эта гибельная манія доставать весь свой помолъ изъ одного мѣшка и печь весь хлѣбъ свой въ одной печи навлекла на Францію постоянныя страданія, или по крайней мѣрѣ отдала ее на жертву страшнымъ тревогамъ. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы такъ много людей умирало съ голоду, какъ по сю сторону Рейна, что̀ доказано мною очень ясно въ моей *Исторіи крестьянъ*, и теперь еще вопросъ о хлѣбѣ составляетъ можетъ-быть самую серіозную заботу нашего правительства. Но если прошедшее изслѣдовано уже и окончательно предано осужденію, то какъ же должно поступать въ настоящемъ и какіе пути открыть для будущаго? На какіе принципы можно опереться и какіе положительные законы можетъ указать политическая экономія, чтобы замѣнить ими старыя постановленія, несостоятельность которыхъ доказана опытомъ? Мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить въ точности, по чемъ обходится гектолитръ пшеницы тому, кто ее воздѣлываетъ, и слѣдовательно, какой нормальной цѣны должна она держаться, чтобы цифра эта вознаграждала земледѣльца. Нѣтъ также рѣшительно никакой возможности согласить всѣ требованія, относящіяся къ хлѣбной торговлѣ, и установить законы, которые бы могли уравновѣсить силы производства съ нуждами потребленія. Нѣтъ ни одного общества, которое дѣйствовало бы на прочныхъ и опредѣленныхъ основаніяхъ: такъ не надежно еще существованіе нашей несовершенной цивилизаціи, такъ мало еще извѣстны ей самые элементарные законы, которые одни въ состояніи обезпечить ей прочность ея постановленій!

Въ теченіе одного года пшеница упала у насъ ниже пятнадцати франковъ за гектолитръ и потомъ поднялась выше тридцати пяти. Въ первомъ случаѣ, двадцати-пяти милліонамъ нашихъ земледѣльцевъ грозитъ совершенное разореніе, въ послѣднемъ наши городскіе работники не въ состояніи купить хлѣба, составляющаго ихъ единственную пищу! Страшное положеніе! Много безсонныхъ ночей должно оно причинить всякому правительству, которое налагаетъ на себя громадную тяжесть думать, предусматривать и дѣйствовать за весь многочисленный народъ, и которое тѣмъ самымъ рѣшается заранѣе принять на свою отвѣтственность все, что̀ можетъ случиться въ будущемъ.

Народъ французскій, «народъ храбрыхъ», какъ говоритъ народная пѣсня, храбръ только на полѣ битвы, и конечно тѣ, которые обвиняютъ его въ трудности управлять имъ, страшно на него клевещутъ, потому что нѣтъ въ мірѣ народа, на котораго бы наводила такой страхъ необходимость самоуправленія. Крѣпко держась (и то только по временамъ) своихъ политическихъ правъ, онъ уступаетъ безъ сопротивленія всѣ прочія права каждому, кто захочетъ принять на себя трудъ освободить его отъ тягостной обязанности руководствоваться собственною волей. Очень натурально, что появляется множество руководителей въ этомъ родѣ, и дѣло часто доходитъ до крайности. Когда административная централизація наполняетъ страну алчною толпой чиновниковъ, совершенно безполезныхъ и поглащающихъ лучшую часть ея доходовъ, когда правительства захватываютъ подъ видомъ многоразличныхъ налоговъ треть всѣхъ богатствъ, добытыхъ гражданами, когда все глубже и глубже разверзается бездна между роскошью и нищетой, когда капиталы не могутъ увеличиваться, чтобы доставать размножающемуся населенію, когда цѣлые классы народа обречены на самыя жестокія лишенія, когда при томъ эти же правительства, желая приписать себѣ то небольшое количество добра, которое еще можно встрѣтить, провозглашаютъ себя двигателями всего на свѣтѣ, то поневолѣ удивляешься, что еще такъ много пожертвованій умѣютъ приносить народы дѣлу порядка и спокойствія.

Подобное злоупотребленіе власти и прискорбная апатія гражданъ обнаружились у насъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности отсутствіемъ энергіи и частной иниціативы. Справьтесь, что̀ дѣлается съ торговлей, земледѣліемъ, промышленностію: нѣсколько одинокихъ голосовъ требуютъ свободы и обнаруживаютъ увѣренность въ собственныхъ силахъ; но огромное большинство сливается въ громозвучный хоръ, въ которомъ диссонансы только возвышаютъ великолѣпіе общей гармоніи, и этотъ хоръ поетъ на всѣ тоны и на всѣ лады: «Покровительства, покровительства намъ!.. Защитите насъ отъ русской пшеницы, поставьте баррикады на черномъ морѣ, на Балтійскомъ морѣ! Защитите насъ отъ домашнихъ животныхъ, привозимыхъ изъ Германіи, отъ англійскаго желѣза! Покровительства намъ, покровительства!..»

Конечно, надо было уступить такимъ единодушнымъ требованіямъ; и вотъ вошла въ употребленіе покровительствен-

ная система, размножились таможни и запрещенія. Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы *не платить дани иностранцамъ*, жители разоряются на производство противоестественныхъ продуктовъ, жертвуютъ естественными отраслями промышленности въ пользу искусственныхъ и поддерживаютъ соперничество между собою и между націями, тогда какъ новѣйшая наука съ каждымъ днемъ сближаетъ ихъ все болѣе и болѣе посредствомъ своихъ чудесныхъ изобрѣтеній, своихъ великихъ открытій.

Надо отдать справедливость нынѣшнему правительству: оно охотно уничтожило бы эту линію таможенъ, опрокинуло бы это китайскую стѣну, но оно не можетъ этого сдѣлать: такъ сильно давитъ его воспитанное покровительствомъ мнѣніе, проистекающее изъ опасеній земледѣлія и мануфактурной промышленности, которыя страшно боятся, чтобъ ихъ не предоставили самимъ себѣ (1).

Земледѣліе наше болѣе всего страшится, чтобы французскій рынокъ не былъ заваленъ русскимъ хлѣбомъ, который, какъ увѣряютъ, обойдется съ провозомъ дешевле той цѣны, по которой обходится во Франціи нашъ французскій хлѣбъ. Къ намъ привозятъ, если не ошибаюсь, весьма малое количество вашего хлѣба изъ балтійскихъ портовъ въ сѣверные департаменты, которые и не нуждаются въ немъ, потому что сами ежегодно вывозятъ хлѣбъ въ другія части Франціи и въ Англію; но къ намъ привозятъ или могутъ привозить большое количество изъ Чернаго моря въ Марсель и во всѣ южные департаменты, производящіе вино, масло и пр., но получающіе хлѣбъ изъ-за границы. «Вы дурные Французы, говорятъ сѣверные департаменты южнымъ,—у насъ избытокъ хлѣба, а у васъ не достаетъ его; необходимо, чтобы вы покупали у насъ этотъ избытокъ. Мы требуемъ, чтобы вы для покровительства французской пшеницѣ запретили привозить пшеницу иностранную.»

«Сами вы дурные Французы, отвѣчаютъ южные департаменты,—вы хотите, чтобы насъ принудили платить двадцать франковъ за то, что̀ Россія даетъ намъ за пятнадцать! Французской пшеницы давайте намъ сколько вамъ угодно, но голодъ—космополитъ, и его утоляютъ чѣмъ попало. Вмѣсто того чтобы покровительствовать колоніяльной торговлѣ и покупать тростниковый сахаръ, вы выдѣлываете сахаръ свекловичный; вмѣсто того

(1) Писано еще до заключенія торговаго трактата между Англіей и Франціей. *Ред.*

чтобы покупать наши вина, вы пьете вредный для желудка сидръ или пиво, отъ котораго вы становитесь тяжелы и неговорливы, какъ сосѣди ваши Нѣмцы. Вмѣсто нашего отличнаго оливковаго масла, вы приправляете ваши яства отвратительнымъ орѣховымъ, кользовымъ или репейнымъ масломъ. Вы ничего не берете у насъ: предоставьте же и намъ добывать нашъ хлѣбъ тамъ, гдѣ мы найдемъ его дешевле! И да здравствуетъ свобода!»

Посреди всѣхъ этихъ столкновеній и притязаній, порождаемыхъ соперничествомъ, правительство очень желало бы удовлетворить всѣхъ и каждаго, но передъ нимъ воздвигаются препятствія почти неодолимыя. Вообще, всякая запретительная система, и даже всѣ пошлины, имѣющія единственною цѣлію покровительствовать національной промышленности, не могутъ оказать покровительства какой-либо отдѣльной отрасли этой промышленности иначе, какъ въ ущербъ многимъ другимъ отраслямъ и во вредъ всѣмъ потребителямъ. Пусть перестанутъ особенно благопріятствовать какому-нибудь классу народа, всѣ тотчасъ же примутся за самые выгодные промыслы, и тѣмъ ускорятъ естественное и слѣдовательно лучшее развитіе жизненныхъ силъ нашей страны. Въ послѣднее время всѣ прогрессивные народы исключили изъ своихъ кодексовъ болѣе или менѣе рѣшительно начало запрещенія; оно составляетъ и теперь господствующее правило французскаго тарифа, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ тарифахъ появляется въ видѣ исключенія.

Подъ названіемъ *подвижной лѣстницы* (échelle mobile), разумѣютъ таможенную систему, относящуюся къ торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, и устроенную для огражденія французскаго рынка отъ наплыва русскаго хлѣба. Весьма вѣроятно, что не многимъ изъ вашихъ читателей извѣстенъ механизмъ ея, потому что и у насъ не многіе знаютъ и понимаютъ его, благодаря совершенному равнодушію и невѣжеству, въ которомъ коснѣютъ всѣ умы, когда дѣло идетъ объ экономіи политической и соціальной. Я постараюсь объяснить механизмъ этой системы въ нѣсколькихъ словахъ.

Всякій разъ, когда на рынкѣ цѣна на хлѣбъ поднимается, привозныя пошлины, поражающія вашу пшеницу, уменьшаются, чтобъ облегчить привозъ ея и поддержать хлѣбъ въ цѣнѣ, доступной для рабочихъ классовъ. Если же, напротивъ, цѣны падаютъ, то пошлины возвышаются, для того

чтобы туземный хлѣбъ не пострадалъ отъ иностранной конкурренціи и не потерялъ своей цѣны. Относительно вывоза, пошлины измѣняются въ противоположномъ смыслѣ. Французская территорія раздѣляется на четыре пояса, смотря по различію цѣнъ на хлѣбъ въ разныхъ частяхъ страны, различію особенно значительному въ прежнее время при дороговизнѣ перевозки. Въ каждомъ изъ этихъ поясовъ опредѣленъ *maximum* цѣны, выше котораго иностранный хлѣбъ привозится безпошлинно; ниже этой цѣны, онъ платитъ 1 франкъ 50 сант. за гектолитръ на каждый франкъ пониженія. Этотъ *maximum* состоитъ изъ 26 франковъ въ первомъ классѣ, изъ 21 въ послѣднемъ; стало-быть за среднее число можно принять цифру 23 франка.

Если туземный хлѣбъ выше этой цѣны, то пошлины на заграничный хлѣбъ прекращаются; если же она на франкъ ниже этой цѣны, то заграничный хлѣбъ уплачиваетъ 1 фр. 50 сант. пошлины; если туземный падаетъ на два франка, заграничный платитъ три, и такъ далѣе.

При цѣнѣ, восходящей выше 23 франковъ, туземный хлѣбъ платитъ при отпускѣ пошлину, соотвѣтствующую той, которую уплачиваетъ заграничный при ввозѣ, когда цѣна не достигаетъ своего *maximum*; если же она становится слишкомъ высокою, то отпускъ вовсе запрещается. Всѣ эти преграды уничтожены въ Англіи съ 1846 года; мы уже довольствуемся тѣмъ только, что на время пріостанавливаемъ дѣйствія подвижной лѣстницы во время голода, что̀ и было въ 1846 и 1853 годахъ.

Оправдываются ли на опытѣ всѣ эти предосторожности, принимаемыя преимущественно, какъ я уже сказалъ, затѣмъ, чтобы наши рынки не были завалены русскимъ хлѣбомъ? Не думаю. Къ великому сожалѣнію моему, я не знаю вашего отечества и могу говорить о немъ только по слухамъ. Меня радуетъ не менѣе другихъ, и даже можетъ-быть болѣе, будущность, предстоящая Россіи; но до сихъ поръ въ ней господствовало крѣпостное право, и потому она во всѣхъ отношеніяхъ отстала отъ прочихъ странъ. Крѣпостной трудъ никогда не выдержитъ конкурренціи труда свободнаго, и я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы въ Россіи существовали тѣ горы зерноваго хлѣба, на которыя намъ указываютъ наши трусливые агрономы, предполагающіе, что оттуда грянетъ лавина и засыплетъ западную Европу.

Мнѣ кажется, что условія земледѣльческаго производства въ

Россіи скоро должны будутъ подвергнуться радикальнымъ преобразованіямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что освобожденіе крестьянъ въ непродолжительное время сильно подвинетъ впередъ работу, а вслѣдствіе этого и производство; оно увеличитъ поземельное богатство въ такихъ размѣрахъ, какіе теперь и представить себѣ невозможно. Но ужь, конечно, тогда будутъ анахронизмомъ слова историка-экономиста Сисмонди, который говорилъ, какъ казалось, не безъ нѣкотораго основанія, что русскій хлѣбъ стóитъ помѣщику только однихъ палочныхъ ударовъ, которыми онъ надѣляетъ крестьянъ, употребляемыхъ на обработку земли. По уничтоженіи крѣпостнаго права, плата за трудъ займетъ у васъ такую же важную роль, какъ и въ остальной Европѣ; надо будетъ выдѣлить слѣдующую труду часть, а это должно возвышать цѣнность продуктовъ. Законныя требованія работника естественно будутъ возвышаться по мѣрѣ освобожденія его отъ понудительнаго труда; онъ не будетъ уже довольствоваться тѣмъ жалкимъ и скуднымъ положеніемъ, на которое осужденъ былъ прежде: чувство свободы и образованіе должны необходимо возвысить его требованія. Вмѣсто дурнаго обрабатыванія земли, доставлявшаго плохую жатву, отъ которой выгоды получалъ только одинъ помѣщикъ, свободные земледѣльцы почувствуютъ необходимость работы болѣе добросовѣстной, когда значительная часть ея плодовъ останется на ихъ долю: они глубже станутъ бороздить землю, чтобы жатва была какъ можно изобильнѣе. Понятно, что они пожелаютъ лучшаго вознагражденія за свой тяжкій трудъ. На томъ самомъ полѣ, гдѣ теперь въ Россіи хлѣбъ родится самъ-четвертъ, они утроятъ, учетверятъ сборъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ захотятъ раздѣлить съ землевладѣльцемъ эту добавочную цѣнность земли, созданную ими, и будутъ совершенно правы. Итакъ, производство у васъ пріобрѣтетъ бóльшіе размѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность задѣльной платы, а слѣдовательно расходы по хлѣбопашеству и цѣнность хлѣба не останутся неподвижными.

При этомъ должно принять въ соображеніе вопросъ о перевозкѣ, о путяхъ сообщенія, которые имѣютъ сильное вліяніе на цѣнность хлѣба въ Россіи. Такъ какъ населеніе у васъ гораздо рѣже нашего, то желѣзныя дороги должны будутъ заниматься преимущественно перевозкою товаровъ, и долго еще придется имъ перевозить незначительное число пассажировъ. Переѣзды въ Россіи громадны. За тѣмъ слѣдуетъ плата за

нагрузку, за выгрузку, за перевозъ моремъ, за страхованіе; мнѣ кажется, что всѣ эти побочные расходы не допустятъ продажи вашего хлѣба на нашихъ рынкахъ по такимъ низкимъ цѣнамъ, чтобы невозможно было выдерживать съ нимъ конкурренціи. Но еслибы, несмотря на всѣ расходы, цѣны на заграничный хлѣбъ у насъ были ниже цѣнъ на французскій, то мы бы должны были почитать это благодѣяніемъ Провидѣнія, и были бы не въ правѣ отвергать это благодѣяніе; мы бы не должны были поддерживать искусственными способами дороговизну жизненныхъ потребностей къ исключительной выгодѣ землевладѣльцевъ и во вредъ всѣмъ тѣмъ, кто не владѣетъ землей.

Какъ бы то ни было, французское правительство пожелало уяснить себѣ этотъ важный вопросъ и пересмотрѣть хлѣбные законы, законы, признанные неудобными, или по крайней мѣрѣ недостаточными, потому что они не могли ни предупредить чрезмѣрной дороговизны 1853 и 1854 г., ни возвысить крайняго упадка цѣнъ на хлѣбъ, совершенно уничтожившаго у насъ въ теченіе двухъ лѣтъ всякую торговлю земледѣльческими продуктами; вслѣдствіе этого назначена была коммиссія, которой и поручили собрать матеріялы для составленія проекта новыхъ законовъ. Эта коммиссія посвятила двадцать пять засѣданій (отъ 26 февраля до 26 марта 1859 года), отобранію мнѣній отъ 84-хъ человѣкъ, избранныхъ въ департаментахъ изъ числа самыхъ извѣстныхъ агрономовъ и негоціантовъ. Впрочемъ, по выслушаніи ихъ, рѣшеніе вопроса, какъ мнѣ кажется, стало гораздо затруднительнѣе прежняго, потому что какъ на сторонѣ запретительной системы, такъ и на сторонѣ свободной торговли оказалось почти равное число голосовъ. При такомъ хаосѣ противорѣчащихъ мнѣній, правительству оставалось только одно: рѣшить вопросъ жребіемъ.

«Сохраните подвижную лѣстницу, говорятъ одни, — это единственное средство поддержать интересы производства и потребленія противъ алчности спекулантовъ. Свобода привоза была бы гибелью для французскаго земледѣлія. Не говорите намъ, что мы можемъ добывать что-нибудь кромѣ хлѣба. И что же въ самомъ дѣлѣ будемъ мы дѣлать? Вино? Но вѣдь необходимо положить большой капиталъ для изготовленія матеріяловъ по винодѣлію. Намъ придется заготовлять и разсаживать виноградныя лозы пять-шесть лѣтъ, чтобы получить съ нихъ какой-нибудь доходъ. А чѣмъ же намъ жить въ это время? Лугами? пастьбищами? Но надо покупать удобренія, строить

хлѣва и сараи, закупать скотъ, а все это требуетъ большихъ капиталовъ. Намъ гораздо удобнѣе съ малыми расходами собирать хлѣбъ, который мы продадимъ по дорогой цѣнѣ, если только рынки наши будутъ не доступны для заграничнаго хлѣба. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто, не владѣя землей, живетъ одними деньгами и обязанъ все покупать. Послѣдніе—презрѣнная толпа; прежде всего окажите покровительство несчастнымъ богачамъ! Свободная торговля перенесетъ степи изъ Россіи къ намъ. Оставьте ихъ на своемъ мѣстѣ.»

Вообще, поземельные собственники требуютъ сохраненія подвижной лѣстницы. Негоціанты ведутъ иную рѣчь.

«Подвижная лѣстница, говорятъ они,—имѣетъ ту невыгоду, что она совершенно безсильна для поддержки или пониженія цѣны. Опытъ достаточно доказалъ это.

«Подвижная лѣстница не поддерживаетъ, не можетъ поддержать земледѣлія, потому что при нашей обширной территоріи, при нашемъ громадномъ производствѣ, цѣны зависятъ преимущественно отъ условій національнаго рынка, и слѣдовательно національнаго производства. Всякая серіозная попытка дѣйствовать на такую массу продуктовъ таможеннымъ закономъ была бы совершенною нелѣпостью. Напротивъ, подобный законъ увеличиваетъ зло, которое старается исправить-онъ усиливаетъ повышеніе при высокихъ цѣнахъ и пониженіе при низкихъ, вслѣдствіе всегдашней неопредѣленности таможенныхъ тарифовъ, парализирующей торговые обороты. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ торговля отправится вдаль за русскимъ хлѣбомъ, если, уѣзжая при низкихъ пошлинахъ, она можетъ по возвращеніи своемъ встрѣтить пошлины запретительныя?

«Подвижная лѣстница унизила, убила французскую торговлю. При подобныхъ случайностяхъ, купецъ считаетъ выгоднѣе сдѣлаться коммиссіонеромъ чѣмъ дѣйствовать на свой собственный счетъ. Настоящій негоціантъ, честный, всѣми уважаемый, неохотно уже принимается за хлѣбную торговлю, которая перешла въ руки мелкихъ торгашей, вовсе неизвѣстныхъ и не отличающихся большою честностію. Эти рынки, эти знаменитыя ярмарки, гдѣ нѣкогда при солнечномъ свѣтѣ совершались большія торговыя сдѣлки, гдѣ устанавливались цѣны, куда со всѣхъ сторонъ собирались крестьяне для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ свѣдѣній — все это скоро извѣстно будетъ только по преданію. Мелкіе торговцы-коммиссіонеры наполня-

ютъ деревни, закупаютъ товаръ въ анбарахъ и магазинахъ у фермера, который не имѣетъ уже никакого понятія о рыночныхъ цѣнахъ, и, закрывъ глаза, продаетъ свои продукты этой жадной толпѣ агентовъ-паразитовъ, возможной только при отсутствіи правильной коммерческой регламентаціи, и разрушительной для земледѣлія.

«Чего же опасаются наконецъ? Не составляетъ же Россія неисчерпаемаго хлѣбнаго источника, который бы могъ затопить ихъ волнами своихъ продуктовъ. Нищета велика въ нѣкоторыхъ частяхъ этой громадной имперіи, и когда средства сообщенія умножатся, то внутреннее потребленіе увеличится въ огромныхъ размѣрахъ и поглотитъ то, что̀ нѣкогда отправлялось за границу. Россія можетъ дать намъ небольшое количество хлѣба по дешевой цѣнѣ, но если мы потребуемъ у нея большаго количества, цѣна возвысится и сравняется съ цифрой, до которой она доходитъ у насъ. Это будетъ очень выгодно для Россіи, и мы должны стараться оказать ей такую услугу, тѣмъ болѣе что эта услуга не будетъ намъ ничего сто̀ить; въ добавокъ эта свобода мѣны уравняетъ цѣны и поведетъ къ двойному результату—увеличенію богатства Россіи и обезпеченію для насъ запаснаго магазина, всегда полнаго во время голода, откуда мы можемъ покупать хлѣбъ по цѣнамъ, состоявшимся на національномъ рынкѣ. Такимъ образомъ Французъ-производитель не потерпитъ никакого убытка, а потребитель будетъ всегда увѣренъ, что найдетъ себѣ хлѣба. Справедливость требуетъ, чтобъ иностранный хлѣбъ уплачивалъ сколько-нибудь при вступленіи своемъ на французскую почву; но необходимо, чтобы пошлины были опредѣляемы правительствомъ ежегодно послѣ жатвы, когда можно приблизительно исчислить ея изобиліе или скудость. Такъ какъ туземный хлѣбъ обложенъ податьми внутри государства, то несправедливо было бы совершенно освободить отъ нихъ хлѣбъ заграничный.»

«Не надо ни подвижной лѣстницы, ни опредѣленныхъ пошлинъ восклицаютъ другіе агрономы,—свобода, свобода! Она лучше всего во всякомъ дѣлѣ, она лучшее лѣкарство отъ всякой болѣзни. Еслибы мы пользовались свободой торговли, то удобренія и земледѣльческія орудія привозились бы къ намъ также безпошлинно, и тогда бы мы могли производить такъ же дешево и даже еще дешевле чѣмъ въ Россіи, въ Египтѣ и въ Италіи. Піемонтъ ввелъ у себя эту систему совершенно свободной торговли хлѣбомъ, и цѣны хлѣбныхъ продуктовъ подвержены

тамъ гораздо менѣе чѣмъ у насъ пониженію и возвышенію. Пусть другія государства истощаютъ свою почву, воздѣлывая зерновой хлѣбъ, потому что они могутъ, какъ говорите вы, продавать вамъ его по низкой цѣнѣ; вы же обратитесь къ винодѣлію, къ разведенію домашнихъ животныхъ, въ которыхъ вы терпите недостатокъ. Кушайте больше мяса чѣмъ хлѣба, или по крайней мѣрѣ кушайте мясо съ хлѣбомъ. Франція теперь на хлѣбѣ и на водѣ, какъ дитя подъ наказаніемъ, а по правдѣ сказать это ужь черезчуръ постная пища для страны, такъ облагодѣтельствованной природою. Посмотрите на народы древняго міра, Греціи, Италіи, Сициліи, Африки: они истощили себя излишнимъ производствомъ хлѣба и дошли до совершеннаго безсилія. Одинъ Египетъ устоялъ противъ этой системы излишняго производства хлѣба; за то у него есть Нилъ, который, при своихъ періодическихъ наводненіяхъ, составляетъ естественное хранилище удобреній, даровое и неизсякаемое.

«Взгляните также на Америку: что̀ происходило нѣкогда на берегахъ Средиземнаго моря, происходитъ теперь по ту сторону Атлантическаго океана. Мериландъ, Виргинія, обѣ Каролины, Георгія, находятся въ состояніи совершеннаго упадка сравнительно съ прочими штатами Союза, потому что они употребили во зло богатство почвы, въ началѣ очень значительное, но не безконечное. Уже большія полосы этихъ штатовъ сдѣлались безплодны и остаются безъ обработки; землевладѣльцы снимаютъ двери, окна, замки, все, что̀ можно перенести съ собою, и отправляются на Западъ отыскивать новыя земли затѣмъ, чтобы такъ же истощить ихъ. Англія, страна сырая, гдѣ климатъ мало благопріятствуетъ воздѣлыванію хлѣбныхъ растеній вообще и пшеницы въ особенности, предоставила поля свои настоящему ихъ назначенію—пастьбищамъ. Если участокъ земли, доставляющій пятьдесятъ франковъ при хлѣбномъ посѣвѣ, можетъ дать шестьдесятъ при разведеніи на немъ домашнихъ животныхъ, то земледѣлецъ на эти 50 фр. купитъ себѣ русскаго хлѣба, и у него останется 10 фр. чистаго барыша. Всѣ извлекутъ выгоду изъ такой перемѣны, а болѣе всего земля, которую трава обогащаетъ, а хлѣбъ только истощаетъ.

«Послѣдуемъ примѣру Англіи и предоставимъ бо́льшую часть нашихъ земель ихъ естественной культурѣ—винодѣлію. Что̀ за важность, если Россія будетъ житницей Европы, когда Франція можетъ за то достигнуть чести сдѣлаться ея погребомъ? Положеніе не такъ высокое, но не менѣе выгодное. Родина

винограда есть страна благословенная, и ни одна страна на земномъ шарѣ не въ состояніи отнять у Франціи славнаго титла родины винограда. Франкъ-варваръ выказалъ болѣе признательности къ благодѣяніямъ солнца чѣмъ Франкъ образованный. Тотъ внесъ въ Салическій законъ статью, которая подвергала самому строгому наказанію всякаго, кто вырветъ виноградную лозу. Виноградъ—растеніе священное; Спаситель избралъ благородный сокъ винограда представителемъ крови своей въ чашѣ причащенія. Моисей могъ извлечь только чистую воду изъ нѣдръ утеса; виноградъ извлекъ изъ нихъ душистый нектаръ, подкрѣпляющій работника и утѣшающій его въ горѣ; онъ облегчаетъ ему работу и, цѣпляясь за всѣ встрѣчныя деревья, сплетаетъ очаровательныя бесѣдки, которыя манятъ къ себѣ путника, утомленнаго зноемъ и дневными трудами, предлагая ему сочные плоды и тѣнистый пріютъ. Не будемъ съ ожесточеніемъ бросаться на производство скудной жатвы хлѣбныхъ растеній на почвѣ, назначенной природою къ производству отличныхъ винъ, которыя всѣ на свѣтѣ будутъ охотно покупать у насъ, если казна не будетъ отягощать ихъ безразсудными налогами, придающими имъ недоступную цѣнность.»

Рядомъ съ этими тремя великими рѣшеніями предложеннаго вопроса, изъ которыхъ каждое имѣетъ на своей сторонѣ почти одинаковое число приверженцевъ, существуютъ еще подраздѣленія, средніе термины и измѣненія всякаго рода. Говорить ли вамъ о нихъ? Многіе изъ сторонниковъ подвижной лѣстницы признаются, что она далеко не совершенна: одни требуютъ только двухъ поясовъ, другіе четырехъ, третьи не желаютъ ни одного. Сторонники опредѣленной пошлины не согласны между собою относительно цифры этой пошлины, а проповѣдники свободной торговли желаютъ, чтобъ эта цифра была болѣе или менѣе радикальна, болѣе или менѣе ограничена. Выбрать есть изъ чего. Но именно потому, что выборъ великъ, велико должно быть и затрудненіе...

А вы, между тѣмъ, освобождайте вашихъ крѣпостныхъ крестьянъ и воздѣлывайте ваши не обработанныя поля. Во всякомъ случаѣ мы живемъ на землѣ свободной, хотя, сознаюсь, это и не замѣтно теперь, и дѣло свободной торговли восторжествуетъ наконецъ, какъ восторжествуетъ всяческая свобода. Тогда Франція займетъ снова роль, назначенную ей гео-

графическимъ ея положеніемъ и сдѣлается складочнымъ мѣстомъ торговли всей Европы. Такъ какъ она одною стороной касается океана, другою Средиземнаго моря, то вы будете доставлять ей хлѣбъ свой изъ морей Балтійскаго и Чернаго. По положенію своему на полу-пути между народами, пользующимися избыткомъ производства, и такими, которые терпятъ въ нихъ недостатокъ, она приметъ на себя обязанность привозить съ одной стороны, для того чтобы вывозить съ другой. Дружелюбно протянетъ она руки свои ко всѣмъ окружающимъ ее націямъ, и будетъ распространять вокругъ себя жизнь, вмѣсто того чтобы сѣять смерть. Повѣрьте мнѣ, Французы—нація симпатичная по преимуществу. Виноградъ, цѣпляющійся за все, что̀ ни встрѣчаетъ, есть символъ дружбы. Родина винограда есть также страна дружества. Естественная союзница всѣхъ слабыхъ, безкорыстная защитница всякаго благороднаго дѣла, она болѣе любитъ своихъ друзей чѣмъ ненавидитъ враговъ, и не мечомъ, а идеей освобожденія совершаетъ прочныя завоеванія.

II.

Прежняя провинція Лотарингія, изъ которой выкроили съ присоединеніемъ къ ней небольшой части Шампани, четыре департамента: Арденнъ, Мёрты, Маасъ и Мозеля, представляетъ видъ, совершенно отличный отъ сѣверныхъ департаментовъ, уже описанныхъ нами: изъ страны равнинъ мы вступаемъ въ страну гористую, покрытую кустарниками, увѣнчанную роскошными лѣсами, которые впрочемъ утратили уже свое прежнее значеніе. Мы снова находимся въ странѣ пограничной, это значитъ въ странѣ, гдѣ происходило много битвъ. А проходъ войскъ еще губительнѣе для лѣсовъ чѣмъ для хлѣбныхъ полей: на равнинѣ жатва слѣдующаго года вознаграждаетъ за бѣдствія прошедшаго, между тѣмъ какъ порубка лѣсовъ для постройки укрѣпленій или для прохода войскъ—такія бѣдствія, которыя едва ли исправляются вѣками. Въ то же время, поощряемые нужей своею къ добыванію хлѣба, крестьяне расчищали лѣсъ вездѣ, гдѣ малѣйшая почва могла найти слой

растительной земли, чтобы провести по ней борозду, достаточную для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній. Къ тому же расчистки эти рѣдко дѣлались вовремя.

Раздробленіе земель, хотя и очень значительное, причинило однако менѣе вреда въ четырехъ департаментахъ Лотарингіи, чѣмъ во многихъ другихъ областяхъ Франціи. Почти вся страна раздѣлена на фермы различной величины, которыя, по степени ихъ важности, можно распредѣлить на три различныя категоріи: 1) фермы перваго класса, содержащія среднимъ числомъ отъ 35 до 50 гектаровъ, на которыхъ, кромѣ лошадей и коровъ, разводятъ еще стада овецъ; 2) фермы втораго класса, имѣющія въ объемѣ отъ 15 до 30 гектаровъ, на которыхъ содержатъ рабочихъ лошадей, обыкновенно пару, и нѣсколько коровъ, но овецъ не держатъ; 3) фермы третьяго класса отъ 2—3 до 6—8 гектаровъ, на которыхъ нѣтъ ни лошадей, ни овецъ, но только однѣ дойныя коровы, и владѣльцы которыхъ занимаютъ на большихъ фермахъ лошадей и упряжь, для нихъ необходимыя. На этихъ послѣднихъ большею частію живутъ сами владѣльцы; конечно и другія земли обрабатываются иногда самими собственниками, но чаще отдаются подъ фермы, отъ чего классъ собственно такъ-называемыхъ фермеровъ очень значителенъ и пользуется большимъ уваженіемъ.

Бываетъ иногда, что владѣльцы среднихъ фермъ отдаютъ свои участки въ наймы крестьянамъ менѣе богатымъ, чтобы въ свою очередь брать въ видѣ фермы болѣе значительныя земли и помѣщать такимъ образомъ свои капиталы съ большею выгодой. Такое положеніе всего прибыльнѣе, потому что въ немъ соединяются выгоды собственника и фермера, тѣмъ болѣе что, зная отлично средства земли, они сдаютъ всегда свою ферму дороже чѣмъ богатые мѣщане. Всѣ сельскіе классы одинаково стараются обмануть послѣднихъ, но обманывать другъ-друга крестьянамъ не такъ-то легко

Простота, прочность и удобство расположенія составляютъ отличительный характеръ лотарингскихъ фермъ, большею частію устроенныхъ въ центрѣ полей. Различныя зданія образуютъ квадратный дворъ, на который ведутъ ворота. Съ одной стороны расположенъ главный жилой корпусъ, массивный и просторный, содержащій въ себѣ общую залу и пріемную, двѣ спальни, комнату для прислуги, кухню, молочню, погреба, анбаръ для хлѣба и плодовъ и пр. На другой сторонѣ находятся конюшня и коровники, къ которымъ сзади пристроенъ

свиной хлѣвъ; каждое изъ этихъ помѣщеній снабжено резервуаромъ для стока жидкаго удобренія. На третьей сторонѣ возвышается овчарня, очень легкой постройки, и гумно, соединенное крытымъ переходомъ съ коровникомъ. Наконецъ, на четвертой сторонѣ расположены сараи для помѣщенія повозокъ, пекарня и прачешная и пр. Жилой корпусъ, пекарня и прачешная покрыты черепицею, а все остальное соломою.

Лотарингія заключаетъ въ себѣ три части совершенно различныя: горы, долины и плоскія возвышенности. Горная страна окружена лѣсами, которые покрываютъ около пятой части территоріи, нѣкогда покрытой ими вполнѣ. Здѣсь-то находится знаменитый Арденнскій лѣсъ, давшій названіе свое департаменту: во время Цезаря онъ простирался до береговъ Рейна, и во всей Галліи не имѣлъ себѣ соперника. Его мрачное величіе производило такое сильное впечатлѣніе на людей древняго міра, что съ нимъ связана бо́льшая часть приключеній, доставляющихъ поэту и романисту предметы для ихъ разказовъ. Тщетно Св. Губертъ, патронъ охотниковъ, водворилъ христіянство въ этой странѣ: волшебницы, колдуны и чародѣи вскорѣ заступили мѣсто изгнанныхъ языческихъ божествъ, и въ безмолвныхъ чащахъ дремучаго лѣса крестьянамъ слышались по временамъ звуки рога ночнаго охотника, Св. Губерта, который продолжалъ свое старинное ремесло и поражалъ безъ промаха мѣткимъ копьемъ своимъ кабановъ, сернъ и ланей.

И понынѣ еще вся эта страна поросла лѣсомъ, какъ бы для прикрытія со стороны Бельгіи и Германіи. Вамъ встрѣчаются города, бурги, пастьбища; вамъ кажется, что вы наконецъ вышли изъ лѣсовъ, но это только прогалины, а лѣса идутъ все далѣе и далѣе. Вездѣ маленькіе, искривленные дубки, скромный и однообразный океанъ растительности, волны котораго отъ времени до времени появляются передъ вами съ вершины какого-нибудь холма.

Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на самыхъ высокихъ и обрывистыхъ косогорахъ въ мѣстахъ, гдѣ даже нога дикой козы не осмѣлится ступить, встрѣчаются великолѣпные лѣса сосенъ и пихтъ, превращающіе эти горныя и безплодныя полосы земли въ самые богатые кантоны, оставляющіе позади себя лучшія земли, обработанныя съ помощію самой утонченной культуры. Такъ-то справедливо, что земледѣліе должно

требовать отъ почвы только ея естественныхъ произведеній. Даже дубы и буки, хотя и не отличающіеся здѣсь особою растительностію, былибы во всякомъ случаѣ выгоднѣе чѣмъ самая тщательная обработка полей, на этой почвѣ, неудобной для земледѣлія. Лѣса, луга—вотъ чѣмъ бы удобно заниматься въ этой холмистой странѣ. Но Французу нужна пшеница, пшеница національная. Я говорю пшеница, хотя всего чаще эта неблагодарная земля, упорствомъ своимъ протестующая противъ неразумной обработки, можетъ доставить только рожь, гречу и картофель, тогда какъ на ней же можно бы развести роскошные лѣса или превосходныя пастьбища, покрытыя стадами коровъ, овецъ и лошадей.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣліе въ этой части Франціи успѣхами своими, въ послѣднія сорокъ лѣтъ, много обязано пребыванію въ ней Матье де-Домбаля, одного изъ самыхъ полезныхъ людей нашего вѣка. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвятивъ себя на служеніе наукѣ, составлявшей постоянный предметъ его занятій, онъ пріобрѣлъ полное право на признательность своихъ соотечественниковъ искусствомъ своимъ въ управленіи образцовою фермой и земледѣльческимъ училищемъ въ Ровилѣ (въ департаментѣ Мёрты), основаніе которому въ 1822 г. положило одно акціонерное общество. Несмотря на скудость почвы, Домбаль успѣлъ довести ее до такой степени плодородія, что она давала превосходныя жатвы, и матеріяльные результаты, имъ достигнутые, поистинѣ изумительны.

Подъ его руководствомъ получили свое образованіе самые знаменитые современные профессоры сельскаго хозяйства, и мудрое управленіе его доставило Ровилю такую блестящую репутацію, что молодые люди во множествѣ стекались учиться въ его школу. Изъ нея вышли триста воспитанниковъ, которые въ свою очередь распространили по всѣмъ департаментамъ Франціи правила и практическую опытность, пріобрѣтенныя ими подъ руководствомъ Домбаля. Все сдѣланное имъ принадлежитъ одному ему. Реставрація обнаружила даже нѣкоторую вражду къ директору Ровиля за его либеральныя мнѣнія, хотя на самомъ дѣлѣ они были очень умѣренны, и даже правительство Лудовика-Филиппа выказало ему лишь самые слабые знаки участія.

Раздѣленіе труда, уходъ за домашними животными, усовер

шенствованіе и разумное употребленіе земледѣльческихъ орудій, заведеніе различныхъ машинъ, плодоперемѣнное хозяйство, и наконецъ новая система отчетности—таковы элементы, содѣйствовавшіе цвѣтущему состоянію заведенія, ввѣреннаго его попеченіямъ. До него доходы оцѣнивались въ 28 фр. 50 сант. на гектаръ: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ довелъ эти доходы до 59 фр. Такимъ образомъ онъ доказалъ, что, слѣдуя методѣ, принятой въ Ровилѣ, поземельное богатство департамента Мёрты можетъ быть болѣе чѣмъ удвоено.

Первое самое важное улучшеніе, которымъ Франція обязана этому великому и полезному человѣку, улучшеніе, безъ котораго никакое земледѣліе не можетъ принести истинныхъ выгодъ, заключается въ употребленіи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, въ устройствѣ фабрики этихъ орудій, по примѣру которой основано было множество подобныхъ заведеній по всей Франціи. Въ земледѣліи, какъ и во всякой другой промышленности, самое важное дѣло составляетъ экономія силъ, достиженіе самаго большаго результата при самыхъ слабыхъ средствахъ. Я не берусь исчислить всѣ новыя орудія, заведенныя, измѣненныя и усовершенствованныя Домбалемъ. Я упомяну только о плугѣ, носящемъ его имя, о «Домбалевомъ плугѣ», которымъ управлять гораздо легче, который менѣе утомителенъ для земледѣльца, требуетъ менѣе-значительной движущей силы и со всѣмъ тѣмъ гораздо болѣе взрываетъ землю.

Желательно было бы, чтобъ у васъ въ Россіи, въ каждой губерніи, было три-четыре человѣка, похожіе на Домбаля: по прошествіи четверти вѣка, они утроили бы или учетверили богатство вашей страны. Къ сожалѣнію, мы сами нуждаемся въ такихъ людяхъ и доставить ихъ вамъ не можемъ. Когда сама природа вздумаетъ создать ихъ, то она предоставляетъ имъ самимъ пробираться впередъ, но поощренія имъ не оказываетъ никто, такъ же какъ никто не заботится объ образованіи такихъ полезныхъ людей. Воспитанники, оканчивающіе курсъ въ нашихъ четырехъ или пяти земледѣльческихъ школахъ, часто даже не находятъ средствъ приложить къ дѣлу свои познанія. Между множествомъ корреспондентовъ, къ которымъ я долженъ былъ обращаться для полученія свѣдѣній, необходимыхъ мнѣ при составленіи этихъ *Писемъ*, многіе совѣтовали мнѣ обратиться къ заслуженнымъ агрономамъ, а тѣ, отвѣчая мнѣ, часто говорили: «я воспитанникъ Гранъ-Жуана, Гриньйона; я могу представить

отличные аттестаты; я управлялъ фермами тамъ-то и тамъ-то. Теперь я не имѣю опредѣленныхъ занятій, и если вы узнаете, что какой-нибудь богатый русскій помѣщикъ вздумаетъ поручить управленіе своимъ имѣніемъ человѣку, доказавшему свои способности, то вспомните обо мнѣ.»

Когда Пармантье задумалъ распространить во Франціи разведеніе картофеля, которое уничтожило возможность голодовъ или по крайней мѣрѣ сдѣлало ихъ менѣе возможными, то онъ встрѣтилъ множество препятствій, и конечно не достигъ бы никакихъ результатовъ, еслибы не имѣлъ уже значительнаго положенія въ научномъ мірѣ, и еслибы голосъ его не пріобрѣлъ прежде такого авторитета, что его трудно было осудить на молчаніе. Но еслибы вмѣсто дѣла, имѣвшаго цѣлію обезпечить существованіе будущихъ поколѣній, онъ взялъ желѣзо плуга, и выковалъ изъ него саблю, которая бы наносила вѣрную смерть, ружейный стволъ, котораго выстрѣлъ хваталъ бы далеко и скорѣе, то успѣхъ его былъ бы гораздо быстрѣе и популярнѣе. Мы образуемъ генераловъ и предоставляемъ природѣ образованіе земледѣльцевъ. Еслибы кому-нибудь удалось изобрѣсти средство выростить, вмѣсто одного, два колоса пшеницы на одномъ стеблѣ, то можетъ-быть изобрѣтеніе его удостоили бы назвать остроумнымъ, а изобрѣтателя человѣкомъ полезнымъ. Но всѣ почести, весь энтузіазмъ, вся слава обратилась бы на изобрѣтателя новой пушки или новаго боеваго строя. Послѣдняго, чтобъ онъ былъ виднѣе, одѣли бы въ бѣлое, желтое, красное, синее, во всѣ яркіе цвѣта, которые такъ нравятся женщинамъ и дѣтямъ. Грудь ему покрыли бы пестрыми лентами и знаками отличія, горделивое чело его увѣнчали бы страннымъ головнымъ уборомъ и перьями, волнующимися по вѣтру. Ему всѣ отличія, всѣ наслѣдственныя титулы, всѣ пенсіи.

Послѣ двадцати-лѣтнихъ изумительныхъ трудовъ, научивъ отечество свое искусству удваивать поземельное богатство, Домбаль удалился изъ Ровиля, въ совершенной нищетѣ, по увѣренію однихъ, а по разказамъ оптимистовъ—съ капиталомъ въ 110 тыс. франковъ, то-есть съ суммою, едва равною той, которую ежегодно получаетъ, въ мирное время и ничего не дѣлая, французскій маршалъ!

Я часто размышлялъ о томъ, въ чемъ же состоитъ превосходство солдата передъ земледѣльцемъ, за что же всѣ милости сыплются на перваго, тогда какъ послѣдній остается въ совершенномъ забвеніи? Одинъ кормитъ свою отчизну, другой

защищаетъ ее. Относительно земледѣльца это неоспоримо, а что сказать о другомъ?... О немъ повторяются громкія избитыя фразы, которыя, вслѣдствіе безпрестаннаго повторенія, принимаются за истины, но которыя давно бы пора оцѣнить по достоинству. Еслибъ у однихъ не было солдатъ для нападенія на отчиану другихъ, то другимъ не нужно бы и солдатъ для защиты своей отчизны. Еслибъ Австрія не имѣла солдатъ для нападенія на отечество Итальянцевъ, намъ бы не нужно было солдатъ на защиту Италіи. Еслибы всѣ европейскія государства не были переполнены штыками, то различныя отечества спали бы спокойно въ лонѣ глубочайшей безопасности и вышли бы изъ апатіи, препятствующей людямъ предаваться, какъ должно, великимъ трудамъ мирной цивилизаціи, которые бы въ скоромъ времени соединили всѣ народы узами славной, дружественной федераціи. До революціи 1789 года, шпага составляла необходимую принадлежность французскаго костюма; подъ предлогомъ личной безопасности, каждый, кто бы онъ ни былъ, буржуа или чиновникъ, носилъ съ собою то, чѣмъ можно было повредить безопасности другихъ. Оттого и дрались почти каждое утро передъ завтракомъ; это составляло тогдашнюю гимнастику, и дуэль перешла въ нравы и обычаи. Одинъ, проходя, посмотрѣлъ на васъ искоса, другой посмотрѣлъ вамъ прямо въ лицо, третій вовсе не посмотрѣлъ на васъ, и шпаги тотчасъ же вылетали изъ ноженъ. Теперь мы избавились отъ этой стѣснительной принадлежности: стоокая полиція, правосудіе вообще справедливое, избавляютъ насъ отъ заботы защищать самихъ себя, и теперь дерутся только за серіозныя дѣла, за которыя стóитъ драться. Уменьшилось ли отъ того французское мужество? Не думаю. Я думаю даже, что содержаніе многочисленныхъ армій служитъ поводомъ къ войнѣ, хотя она не въ нравахъ и не въ интересахъ народовъ. Когда подъ рукою полмилліона людей, которые дерутся такъ, какъ дрались недавно наши солдаты въ Италіи, когда ими начальствуютъ офицеры, которые для собственныхъ выгодъ и по ремеслу должны желать войны и вызывать ее всѣми средствами, то государь неограниченный всегда можетъ поддаться соблазну употребить ихъ въ дѣло.

Чтобъ извлечь французскихъ крестьянъ изъ глубокаго невѣжества, въ которое они погружены, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи, подъ общимъ названіемъ *Сельской Библіотеки*, цѣлаго ряда деше-

выхъ сочиненій, имъ доступныхъ. Это очень похвально. Но знаете ли вы заглавіе перваго изъ этихъ сочиненій? *Побѣды имперіи*. Должно-быть, для арміи издадутъ трактатъ о практическомъ земледѣліи.

Вообще въ Лотарингіи земледѣліе процвѣтаетъ менѣе чѣмъ въ Эльзасѣ, о которомъ я буду говорить въ слѣдующемъ письмѣ, и еще менѣе чѣмъ въ четырехъ сѣверныхъ департаментахъ, о которыхъ я уже говорилъ вамъ. Для вознагражденія потеряннаго времени, въ 1846 г. самые искусные туземные агрономы хлопотали соединенными силами объ устройствѣ земледѣльческаго института для департаментовъ восточной Франціи. Въ полосахъ, предоставленныхъ хлѣбопашеству, собственность вездѣ очень раздроблена и имѣнія малочисленны и ничтожны. Воздѣлываніе самыхъ плодоносныхъ долинъ доставляетъ разныя хлѣбныя растенія и преимущественно пшеницу, которая одна занимаетъ треть обработанныхъ земель,—ячмень и овесъ, потомъ виноградъ, который на многихъ холмахъ родится превосходно и доставляетъ хорошее вино. Есть даже деревни, въ которыхъ хлѣбныя растенія и виноградники раздѣляютъ почву пополамъ. Сверхъ того, почти вездѣ сѣютъ конопли, не столько для продажи, сколько для домашняго употребленія; масло, добываемое изъ коноплянаго сѣмени, идетъ на освѣщеніе. Искусственные луга, дятлина, клеверъ и люцерна, свекловица и картофель сильно распространились въ послѣдніе годы. Нѣкоторые кантоны съ успѣхомъ начали разводить бобы, рѣпу, кользу и верблюдку (camelina).

Крестьянинъ здѣсь по большей части собственникъ, и можно сказать, что почти двѣ трети земель, луговъ и виноградниковъ принадлежатъ ему. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ болѣе половины фермъ, принадлежавшихъ нѣкогда городскимъ жителямъ, было продано по участкамъ и куплено крестьянами; движеніе это продолжается. Сверхъ того земледѣлецъ почти всегда присовокупляетъ къ своему полю участокъ общинной земли, который онъ нанимаетъ по самой умѣренной цѣнѣ.

Эти мелкіе собственники, вообще небогатые, не имѣютъ ни лошадей, ни плуговъ, ни повозокъ для воздѣлыванія своихъ земель; тогда они сдаютъ фермерамъ всѣ важныя работы, какъ напримѣръ пашню, перевозку удобренія и жатвы. Они расплачиваются потомъ, не развязывая кошелька, и давая фермерамъ въ свою очередь извѣстное число рабочихъ дней; такимъ обра-

зомъ всѣ они въ одно и то же время собственники, фермеры и поденьщики.

Во всякомъ случаѣ, тѣ, которые по преимуществу должны быть названы фермерами пользуются лучшимъположеніемъ и составляютъ сельскую аристократію. Часто,чтобъ избавиться отъ ихъ опеки, два, три и даже четыре мелкіе собственника складываются вмѣстѣ, чтобы пріобрѣсти полную упряжь, и всѣ необходимыя земледѣльческія орудія; всѣ работы свои они производятъ сообща или поочередно, и помогаютъ другъ другу въ перевозкѣ, требующей болѣе одной или двухъ лошадей, смотря по условіямъ ихъ ассоціаціи. Мнѣ кажется, что такой обычай заслуживаетъ поощренія, какъ все, что служитъ къ исправленію безчисленныхъ недостатковъ, неразлучныхъ съ чрезмѣрнымъ раздробленіемъ собственности, и что онъ поддерживаетъ между людьми общественныя связи, съ каждымъ днемъ ослабѣвающія, особенно по деревнямъ. Эти мелкіе земледѣльцы употребляютъ время, остающееся у нихъ отъ полевыхъ работъ, на разные промыслы: одни бьютъ масло, другіе ведутъ торговлю лѣсомъ, ткутъ бумажныя полотна, выдѣлываютъ корзины, коробки, серпы и пр. Женщины вышиваютъ или шьютъ перчатки. По большей части, каждый занимающійся какимъ-нибудь ремесломъ употребляетъ на него все свое время и предоставляетъ женѣ и дѣтямъ управленіе общимъ достояніемъ.

Наемъ земли уплачивается обыкновенно зерновымъ хлѣбомъ въ день Св. Мартина (11 ноября) ежегодно. Нѣкоторые расплачиваются деньгами, и самое малое число работаетъ изъ-полу. Часто въ тѣхъ случаяхъ, когда уплата производится зерновымъ хлѣбомъ, земли нанимаются за извѣстное число *паръ*, которыя фермеръ ежегодно уплачиваетъ землевладѣльцу. *Пара* состоитъ изъ двойнаго декалитра пшеницы и двойнаго декалитра овса. *Les deux font la paire* (изъ двухъ составляется пара), говоритъ пословица. Овесъ можетъ быть выкупленъ фермеромъ по рыночнымъ цѣнамъ, состоявшимся 11-го ноября. Средняя цѣна найма земель восемь паръ на гектаръ въ годъ, что составляетъ не болѣе 40 фр.,— цѣну довольно низкую. Какъ бы то ни было, въ Лотарингіи, какъ и во всей Франціи, половничество исчезаетъ и уступаетъ фермерству по опредѣленной цѣнѣ и за деньги. Что же касается до луговъ и виноградниковъ, то первые нанимаются за деньги, а вторые обрабатываются самимъ собственникомъ.

На послѣднемъ мѣстномъ земледѣльческомъ конкурсѣ, почетная премія назначена была фермеру, вотчинникъ котораго обязался по контракту принимать на свой счетъ половину всѣхъ расходовъ, употребляемыхъ фермеромъ на улучшенія нанятыхъ имъ земель. Благодаря этой статьѣ условія, обработка земли начала быстро совершенствоваться, къ обоюдному удовольствію фермера и вотчинника.

По окончаніи полевыхъ работъ, фермеръ употребляетъ свой рабочій скотъ на перевозку угля, лѣсу, досокъ; въ кантонахъ, гдѣ находятся желѣзодѣлательные и чугуноплавильные заводы, онъ перевозитъ желѣзо и чугунъ, и деньги, добываемыя отъ этихъ побочныхъ занятій, нерѣдко составляютъ главный его доходъ. Тамъ, гдѣ находятся залежи плитняка, онъ отвозитъ плиты на станціи желѣзныхъ дорогъ, на берега каналовъ и рѣкъ. Вся эта перевозка очень выгодна, потому что есть станціи, нагружающія камнемъ до сотни вагоновъ ежедневно.

Постараемся теперь разсмотрѣть въ частностяхъ всѣ общія данныя, нами приведенныя.

Въ земледѣльческомъ отношеніи, департаментъ Арденнъ раздѣляется на три различныя части. Поясъ лѣсовъ, почти вовсе не обрабатываемый, занимаетъ сѣверную часть, между тѣмъ какъ центральный поясъ отлично обработанъ и доставляетъ разнообразныя произведенія, удовлетворяющія мѣстныхъ потребителей. Наконецъ, южный поясъ отличается чрезвычайнымъ плодородіемъ и служитъ обильною житницей, изъ которой сѣверная полоса почерпаетъ свою пищу. Хлѣбъ по обыкновенію молотятъ поздно и тогда только, когда нуждаются въ соломѣ для домашнихъ животныхъ. Крестьяне увѣряютъ, что такимъ образомъ лучше сберегается солома, но настоящая цѣль ихъ — сберечь зерна, чтобы пустить ихъ въ продажу, когда представится благопріятный случай. Благодаря такому обычаю, запасы на случай голода составляются сами собою, и въ хлѣбѣ никогда не бываетъ недостатка.

Четырехпольное хозяйство болѣе всего въ употребленіи; распредѣляется оно слѣдующимъ порядкомъ:

1-й годъ — кольза съ удобреніемъ;

2-й годъ — пшеница безъ удобренія;

3-й годъ — свекловица съ удобреніемъ;

4-й годъ — ячмень или овесъ безъ удобренія.

Въ департаментѣ Мааса крупное хозяйство не существуетъ даже по названію, потому что, за исключеніемъ дюжины боль-

шихъ фермъ, все остальное принадлежитъ къ среднему и мелкому хозяйству. Отъ того тамъ нѣтъ и фермеровъ въ собственномъ значеніи слова. Поземельная собственность раздроблена до крайности. Есть маленькіе земледѣльцы, владѣющіе однимъ плугомъ и обрабатывающіе на собственный счетъ отъ 15 до 20 гектаровъ земли, изъ которыхъ часть принадлежитъ имъ, а другую часть они нанимаютъ. Такъ какъ за обработкой полей у нихъ остается еще много времени, то они воздѣлываютъ земли живущихъ по деревнямъ, ремесленниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ собственномъ владѣніи два-три гектара земли. Такъ какъ послѣдніе не могутъ оставлять своихъ занятій, то поручаютъ обработку земледѣльцамъ, предоставляя себѣ только сборъ жатвы. Если же главное занятіе не совершенно поглащаетъ ихъ время, то они являются на помощь земледѣльцамъ, а зимой работаютъ въ лѣсу. Эти ремесленники покупаютъ большею частью хлѣбъ у земледѣльцевъ, на которыхъ они работаютъ иногда даже, въ случаѣ дороговизны, по уменьшенной цѣнѣ. Какое-то братство, основанное на взаимномъ обмѣнѣ услугъ, существуетъ между земледѣльцами и ремесленниками, составляющими между собою нѣчто въ родѣ ассоціаціи для исправленія полевыхъ работъ. Когда фермеръ примется за обработку поля ремесленника, то онъ исполняетъ всѣ работы и заканчиваетъ ихъ. Точно такъ же поступаетъ и ремесленникъ.

Здѣсь въ употребленіи только одно трехпольное хозяйство и распредѣляется оно слѣдующимъ образомъ: пшеница, овесъ, паръ. Но только одна половина пароваго поля остается безъ обсѣмененія, другая засѣвается клеверомъ или овощами. Такимъ образомъ, половина полей, засѣянныхъ пшеницей, въ прошедшемъ году находилась подъ паромъ, тогда какъ другая половина ихъ дала сборъ клевера и овощей. Такого рода хозяйство удобно на посредственныхъ и известковыхъ земляхъ, требующихъ частаго, хотя и не обильнаго удобренія, потому что при сильномъ удобреніи колосовой хлѣбъ непремѣнно поляжетъ. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что четырехпольное хозяйство, хорошо устроенное, было бы лучше и производительнѣе, еслибы крайнее раздробленіе земель не препятствовало этой системѣ плодоперемѣннаго посѣва.

Въ департаментѣ Мерты хозяйство совершенствуется съ каждымъ днемъ. Паровыя поля исчезаютъ постепенно, хотя многіе земледѣльцы убѣждены еще, что необходимо каждые

шесть лѣтъ оставлять поле подъ паромъ, чтобъ очистить его отъ сорныхъ травъ. Искусственныхъ луговъ много, разведеніе огородныхъ овощей усиливается. Только прядильныя растенія уменьшаются съ каждымъ годомъ. Табакъ допущенъ только въ одномъ округѣ. Маслянистыя растенія поддерживаются попрежнему, но департаментъ Мёрты производитъ преимущественно зерновый хлѣбъ. Нѣкоторые агрономы утверждаютъ, что хотя со времени разведенія искусственныхъ луговъ и уничтоженія паровыхъ полей производство пшеницы и увеличилось, за то качество ея въ той же мѣрѣ понизилось, и она упала на нѣсколько степеней, при распредѣленіи хлѣбныхъ растеній во Франціи по ихъ достоинству; что она не такъ хороша, не такъ полновѣсна, и даетъ менѣе муки. Болѣе всего это замѣтно послѣ клевера или картофеля. Пшеница, посѣянная на паровомъ полѣ и послѣ кользы, полновѣснѣе, лучше качествомъ, и считается болѣе годною на сѣмена. Но не оттого ли уменьшается качество пшеницы, что лотарингскій крестьянинъ слишкомъ довѣряетъ плодородію почвы и отказываетъ ей въ необходимыхъ улучшеніяхъ и удобреніяхъ? Къ его нерадѣнію должно отнести и то, что домашнія животныя малочисленны, мелки и содержатся дурно.

Департаментъ Мозеля представляетъ также два совершенно различные пояса: вопервыхъ, горную полосу, гдѣ встрѣчаются пастьбища и стада, и гдѣ сверхъ того мануфактурная промышленность играетъ значительную роль; потомъ равнину, представляющую совершенно иной видъ, и посвященную исключительно земледѣлію. Земли, состоящія изъ роскошныхъ долинъ, очень удобны для пастьбищъ, что поощряетъ лучшихъ земледѣльцевъ заниматься разведеніемъ новыхъ луговъ. Они убѣдились наконецъ, что слишкомъ много земли идетъ подъ пашню, что расчищено слишкомъ много лѣсовъ, что пора уже остановиться и отдать значительное количество полей подъ пастьбища и лѣса. Но обычаи мѣстнаго населенія нерѣдко воздвигаютъ неодолимыя препятствія ихъ полезной дѣятельности.

Трехпольное хозяйство и здѣсь въ общемъ употребленіи, то-есть земля, которая дала напримѣръ въ 1859 году пшеницу, въ 1860 занята будетъ овсомъ, а въ 1861 году останется подъ паромъ; осенью на ней снова посѣютъ пшеницу, которая доставитъ жатву въ 1862 году. Только въ видѣ исключенія, на землѣ, назначенной подъ паръ, сѣютъ картофель, свекловицу, клеверъ, горохъ и нѣкоторыя маслянистыя растенія, которыя

въ урожайные годы доставляютъ собственнику или фермеру возможность улучшить свое положеніе безъ ущерба производству зерноваго хлѣба. На эти добавочныя занятія, и особенно на скотоводство, а не исключительно на одно производство хлѣбныхъ растеній, возлагаетъ свои надежды земледѣлецъ, чтобы доставить средства существованія себѣ и своему семейству. Въ противномъ случаѣ, ему нерѣдко приходится терпѣть крайнюю нищету.

Женщины въ Лотарингіи ведутъ жизнь самую трудовую. Все время, свободное отъ хозяйственныхъ занятій, онѣ посвящаютъ земледѣлію и принимаютъ дѣятельное участіе въ самыхъ тяжелыхъ работахъ; а тамъ, гдѣ разводятся виноградники, онѣ работаютъ почти наравнѣ съ мущинами. Только зимой, когда окончены всѣ полевыя работы или когда наступаетъ холодъ, онѣ остаются дома и отдыхаютъ за пряжей или шитьемъ. Въ странахъ гористыхъ или тамъ, гдѣ нѣтъ виноградниковъ, помощь ихъ необходима только во время сѣнокоса и жатвы. Въ другое время онѣ шьютъ перчатки, вышиваютъ въ пяльцахъ и занимаются другими рукодѣльями, иногда даже черезъ мѣру; конечно, эти занятія даютъ имъ средства зарабатывать много денегъ, но за то отнимаютъ у земледѣлія много рукъ, необходимыхъ во время большихъ полевыхъ работъ.

Дѣти посѣщаютъ школы до пятнадцати и шестнадцати лѣтъ; впрочемъ часто случается, что во время полевыхъ работъ они вмѣстѣ съ своими родителями отправляются въ поле, такъ что настоящее ученье возможно для нихъ только въ зимніе мѣсяцы.

Я сказалъ уже, что въ четырехъ департаментахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, скотоводство не имѣетъ того значенія, которое указано ему самою природой. Недостатокъ въ домашнихъ животныхъ вездѣ ощутителенъ, и въ изобиліи разводятся однѣ кавалерійскія лошади. Хлѣва тамъ малы, тѣсны, дурно устроены, и земледѣльцы неохотно рѣшаются на издержки, необходимыя для приличнаго помѣщенія своего домашняго скота. Едва удастся имъ скопить что-нибудь, какъ они тотчасъ же спѣшатъ купить новое поле, нисколько не заботясь объ улучшеніи того, которымъ уже владѣютъ. Они воображаютъ, что чѣмъ болѣе пшеницы они посѣютъ, тѣмъ обильнѣе будетъ жатва, и какъ будто не знаютъ, что одинъ гектаръ хорошо обработанной земли производитъ болѣе двухъ, которые не получили настоящей обработки и удобренія.

Впрочемъ, въ Лотарингіи встрѣчаются богатыя равнины, гдѣ разводится много крупнаго скота. Коровы тамъ особенно красивы и доставляютъ ежегодно по двѣсти килограммовъ сыру. Онѣ здѣсь остаются въ хлѣвахъ гораздо долѣе чѣмъ въ Нормандіи. Въ другихъ мѣстностяхъ этой страны каждое семейство имѣетъ въ своемъ владѣніи одну или двѣ головы рогатаго скота и отъ шести до восьми овецъ. Кромѣ того, они выкармливаютъ двухъ-трехъ свиней и продаютъ то, что̀ остается у нихъ отъ домашняго потребленія.

Благодѣтельный примѣръ Домбаля распространилъ употребленіе машинъ и усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій во всей провинціи, хотя мелкое хозяйство вездѣ преобладаетъ надъ среднимъ и особенно надъ крупнымъ. Во всѣхъ деревняхъ колесники и кузнецы стараются объ усовершенствованіи выдѣлываемыхъ ими орудій, и многіе изъ нихъ имѣютъ значительную практику. Здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо во Франціи встрѣчается молотильныхъ машинъ, которыя даютъ земледѣльцу возможность, въ глухое время года, употреблять въ дѣло свой рабочій скотъ и вымолачивать хлѣбъ собственными средствами, не прибѣгая къ помощи поденьщиковъ, нанимаемыхъ вездѣ за дорогую плату. Что̀ же касается до жатвенныхъ машинъ, то онѣ, какъ кажется, требуютъ еще нѣкоторыхъ усовершенствованій: первые опыты оказались не совсѣмъ удачны, а потому машины эти и не вошли въ употребленіе. Но въ настоящее время вѣроятно скоро послѣдуетъ полное разрѣшеніе и этой проблеммы.

Несмотря на то, что высокія долины Лотарингіи населены густо и что вездѣ встрѣчаются фабрики и заводы, несмотря на то, что всѣ горцы занимаются ткачествомъ столько же, сколько и скотоводствомъ, Лотарингію нельзя назвать страною промышленною въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно называютъ Сѣверный департаментъ. За то она не заражена, подобно ему, гибельнымъ недугомъ пролетаріата, и нищенство въ ней не бросается безпрестанно въ глаза. Въ селеніяхъ, гдѣ расположены заводы, работникъ всегда найдетъ средства выгодно устроиться и сдѣлаться въ свою очередь собственникомъ; нужно только умѣнье взяться за дѣло. Здѣсь господствуетъ порядокъ, чистота, довольство, хотя крестьянинъ и готовъ при каждомъ случаѣ принести необходимое въ жертву излишнему. Онъ бережливъ и трудолюбивъ; но, по какому-то странному противорѣчію, старается скрыть свое благосостояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ

подавить превосходствомъ своимъ менѣе достаточнаго сосѣда. Страсть возвыситься надъ другими такъ же сильна въ немъ, какъ и зависть ко всему, что̀ превосходитъ его богатствомъ или образованіемъ.

Одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ успѣхамъ земледѣлія въ Лотарингіи, полагаютъ крайнее раздробленіе земель, множество черезполосныхъ владѣній, неудобства перевозки удобреній и продуктовъ. Когда ваши крѣпостные крестьяне получатъ свободу, и когда, такъ или иначе, они сдѣлаются собственниками, то вамъ необходимо распредѣлить земли, которыя вы имъ уступите, такимъ образомъ, чтобы границы всѣхъ участковъ точно обозначены были на планѣ. Такая, вовсе не замысловатая, предосторожность дастъ средства безъ особыхъ затрудненій возобновить границы при новомъ раздѣленіи участковъ между наслѣдниками или при продажѣ. Вы не можете представить себѣ, сколько процессовъ, убытковъ, ссоръ возникаетъ въ нашихъ селеніяхъ между сосѣдями и родственниками по поводу разграниченія поземельныхъ участковъ, безпрерывно раздробляемыхъ, продаваемыхъ и перемѣняемыхъ.

Температура, не столь сырая, какъ въ Нормандіи, не столь холодная, какъ въ сѣверныхъ департаментахъ, даетъ возможность помонѣ снабжать лотарингскія селенія различными плодами, изъ которыхъ жители умѣли извлечь большія выгоды, и которые составляютъ одинъ изъ источниковъ ихъ богатства. Нигдѣ во Франціи не приготовляютъ столько варенья, желе, сушеныхъ плодовъ, конфетъ, сироповъ, ликеровъ и сластей всякаго рода; въ этомъ отношеніи Нанси, столица Лотарингіи, можетъ выдержать соперничество съ Руаномъ, столицей Нормандіи. Вмѣсто всегдашней и однообразной яблони, столь драгоцѣнной Нормандцу, здѣсь господствуютъ вишневое и абрикосовое дерево, которыя даютъ вездѣ изобильные плоды, нисколько не вытѣсняя смородины и малины. Миндальное дерево и другія плодовыя деревья, дополняли рядъ растеній, доставляющихъ матеріялъ для варенья, но они потеряли свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ кондитеры завели обыкновеніе изготовлять миндальное пирожное изъ тыквенныхъ сѣмечекъ.

Абрикосовое дерево, доставляющее самое лучшее сухое варенье, вывезено было изъ Сиріи герцогами лотарингскими во время крестовыхъ походовъ. Вотъ завоеванія, которыя я допускаю по тремъ причинамъ: они вѣчны и отнять ихъ невозможно; вовторыхъ, они обогащаютъ завоевателя, не доводя

до нищеты побѣжденнаго, и наконецъ, они не покупаются цѣной жизни тысячъ людей, а напротивъ облегчаютъ существованіе поколѣній, слѣдующихъ одно за другимъ. Отъ священнаго безумія крестовыхъ походовъ не осталось ничего, между тѣмъ какъ негибнущее абрикосовое дерево остается гордостію нашихъ садовъ, а плоды его служатъ украшеніемъ нашихъ обѣдовъ.

Kirsch или *Kirschenwasser*, этотъ превосходный напитокъ, добываемый изъ косточекъ дикой вишни, изобильной въ лотарингскихъ лѣсахъ, пользуется европейскою извѣстностію. Валь д'Ажоль *(Val d'Ajol)*, близь Пломбьера, главное мѣсто этой торговли, отпускаетъ ежегодно *киршвассера* на нѣсколько милліоновъ франковъ. Необходимо также упомянуть о сливѣ *мирабелли* (de Mirabelle), обогатившей множество лотарингскихъ селеній. Весьма вѣроятно, что этотъ родъ сливы неизвѣстенъ въ Россіи, потому что его не знаютъ даже въ остальной Франціи, гдѣ въ торговлѣ встрѣчаютъ только прививную разность, мелкую, отзывающуюся горечью и имѣющую только то достоинство, что родится въ изобиліи. Лотарингская мирабелль не разность, а особый видъ: она размножается сама по себѣ съ необыкновенною быстротой посредствомъ множества отпрысковъ, выбрасываемыхъ корнями ея во всѣ стороны на поверхность почвы и не требующихъ прививки. Плодъ довольно великъ, чрезвычайно изобиленъ и вкусенъ, какъ сырой, такъ и сушеный, а особливо въ вареньѣ. Вы не можете себѣ вообразить, какое множество плодовъ даетъ ежегодно это дерево, если посадить его въ прохладномъ и нѣсколько закрытомъ мѣстѣ. Мнѣ кажется, что я оказалъ бы истинную услугу Россіи, еслибы слова мои побудили какого-нибудь богатаго землевладѣльца вашей страны приняться за разведеніе этого отличнаго дерева. Только необходимо выписать его прямо изъ Лотарингіи; изъ всѣхъ же другихъ мѣстъ садовники вышлютъ прививныя мирабелли, которыя не стóитъ разводить.

Человѣкъ нигдѣ не знаетъ всего богатства, которымъ одарилъ Богъ ввѣренныя ему владѣнія. Почву Франціи истощаютъ деревья, которыхъ никогда не улучшалъ никакой уходъ и которыя даютъ только дикіе плоды, тогда какъ въ каждой провинціи существуютъ отличные виды ихъ, совершенно неизвѣстные въ торговлѣ. Вмѣсто того чтобъ искать новыхъ деревьевъ въ Америкѣ и даже въ Китаѣ, слѣдовало бы сначала обратиться къ французской помонѣ, изслѣдовать въ каждомъ департаментѣ

малоизвѣстные виды плодовыхъ деревьевъ и составить полный каталогъ всего нашего растительнаго богатства. Страшный безпорядокъ господствуетъ въ каталогахъ садоводовъ; одна и та же порода обозначена двадцатью различными названіями, что̀ неминуемо ведетъ къ ошибкамъ и поддѣлкамъ. Сто́итъ приняться за это, и породы можно будетъ разнообразить до безконечности посредствомъ искусственнаго оплодотворенія и разумно расположенныхъ разсадниковъ, а все это предоставлено у насъ случаю. Вѣтеръ, бабочки, пчелы, переносятъ по воздуху оплодотворяющую цвѣточную пыль: изолируя породы, смѣшивая цвѣточную пыль разныхъ видовъ, искусно подобранныхъ, можно бы было нѣкоторымъ образомъ располагать силами природы и придавать плоду объемъ, форму, вкусъ, которыхъ ему не достаетъ; плоды, какъ драгоцѣнная манна, распространились бы по всей землѣ, они сдѣлались бы источникомъ богатства и доставили бы здоровую и вкусную пищу, особенно въ соединеніи съ сахаромъ, но для этого необходимо, чтобы сахаръ былъ дешевъ, и чтобы колоніяльныя произведенія освободились отъ тяжкихъ налоговъ.

Рыбоводство, возникшее въ послѣднее время, открыло способъ засѣвать рѣки рыбами, какъ засѣваютъ поля пшеницей. Но сокрушительная страсть къ быстрымъ успѣхамъ и опрометчивость, характеризующая насъ, сдѣлали все, чтобы *потопить*, въ буквальномъ значеніи слова, это важное открытіе, принадлежащее бѣдному горному крестьянину. Такъ напримѣръ, имѣя въ виду, что форель вкусная рыба, ее развели во всѣхъ рѣкахъ: къ несчастію, форель, водящаяся въ потокахъ, образованныхъ таяніемъ снѣговъ, не можетъ переносить болѣе девяти или десяти градусовъ тепла. А такъ какъ температура всѣхъ нашихъ рѣкъ несравненно выше этой цифры въ продолженіи большей части года, то всѣ форели погибли. Имѣя еще въ виду, что всѣ большія рыбы лучше маленькихъ, стали привозить изъ Дуная и другихъ мѣстъ огромныхъ рыбъ; разведеніе ихъ удалось; но, къ несчастію, никто не позаботился размножить сначала маленькихъ рыбъ: большія все поѣли, и теперь ничего не осталось. А между тѣмъ, задача разрѣшалась очень просто: достаточно было размножить наши хорошія туземныя породы и привозить только породы, имъ соотвѣтствующія. Но такія дѣла не дѣлаются сразу.

Въ Лотарингіи встрѣчаются еще отъ времени до времени Цыгане, которые живутъ ордами, перекочевываютъ съ одного

мѣста на другое и строятъ себѣ бараки въ самыхъ дикихъ и уединенныхъ мѣстахъ этихъ обширныхъ лѣсовъ. Другіе, еще болѣе кочевые, не имѣютъ ни жилища, ни опредѣленнаго промысла: средствомъ своего существованія они избираютъ родъ торговли, свойственный ихъ старинной страсти къ независимости и бродячей жизни, и занимаются переноской произведеній фаянсовыхъ и стеклянныхъ фабрикъ, расположенныхъ въ департаментѣ Мозеля, забирая съ собою во время путешествій своихъ всѣ пожитки и даже домашнихъ животныхъ, которыхъ они откармливаютъ дорогой.

Старшина ихъ имѣетъ надъ ними неограниченную власть. Находя удобное мѣсто для ночлега, группа Цыганъ останавливается, разбиваетъ палатку и разводитъ огонь. Ословъ развьючиваютъ; ребятишки рѣзвятся, молодыя женщины изготовляютъ скудный ужинъ, старухи закуриваютъ трубки и располагаются на отдыхъ, мущины слѣдуютъ ихъ примѣру или принимаются играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Иногда вся семья хоромъ поетъ тирольскія пѣсни; дѣти какъ бы инстинктивно присоединяютъ къ нему свои слабые голоса, не нарушая гармоніи звуковъ, которые всегда правильны и пріятны для слуха. Народъ этотъ музыкаленъ по своей природѣ; музыка и пѣніе, которыми Цыгане забавляютъ публику въ селеніяхъ и городахъ, доставляютъ имъ средства удовлетворять своимъ неприхотливымъ потребностямъ. Женщины забавляютъ зрителей своею оригинальною пляской и часто выдаютъ себя за чародѣекъ. Легковѣрные деревенскіе жители узнаютъ свою будущность у этихъ лотарингскихъ сивиллъ, которыя, впрочемъ, подобно сивилламъ древности, храмами своими избираютъ берлоги и пещеры.

Цыганъ отличается правильными и благородными чертами лица: физіономія его очень выразительна. Онъ ловокъ, силенъ, неутомимъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Кожа его смугла отъ обыкновенія намазывать тѣло масломъ и выставлять его на солнце, чтобы придать членамъ своимъ крѣпость и гибкость, необходимыя при его бродячей жизни. Женщины высокостомъ, стройны; походка ихъ свободна. Дѣтей своихъ онѣ носятъ на спинѣ, что нисколько не стѣсняетъ ихъ въ безпрерывныхъ переходахъ ихъ, ни въ домашнихъ занятіяхъ. Глаза у нихъ живые, взглядъ лукавый, разговоръ скорый. Ихъ длинные, густые, черные какъ смоль волосы зачесаны очень про-

сто, а одежда, похожая болѣе на рубище, едва прикрываетъ ихъ смуглыя и загорѣлыя прелести.

Впрочемъ, въ нравахъ лотарингскаго крестьянина вообще замѣтна наклонность къ бродячей жизни; отъ этого въ большей части деревень встрѣчается множество ремесленниковъ, точильщиковъ, чеботарей, лудильщиковъ, продавцевъ косъ и точильныхъ камней и пр., которые отправляются искать работы въ сосѣдніе департаменты, въ Парижъ и даже въ чужіе края. Другіе пускаются въ дальнія странствованія для продажи ивовыхъ корзинъ и деревянной посуды, выдѣлываемой въ горахъ.

Valentinage — самый граціозный обычай долины Мааса. Въ маленькихъ городкахъ и въ деревняхъ, молодой человѣкъ, избравшій себѣ невѣсту, даетъ ей названіе *Валентины*, самъ называетъ себя *Валентиномъ*, и сопровождаетъ подругу свою на всѣ праздники, на ярмарки и рынки, на свадьбы, балы, однимъ словомъ, повсюду. Это ухаживанье, самое приличное, всегда оправдывается своимъ окончаніемъ. Молодые люди торжественно провозглашаютъ Валентинами этихъ любовниковъ и будущихъ супруговъ; такимъ образомъ общественное одобреніе придаетъ силу частному выбору, и рѣдко случается, чтобы *Valentinage* повелъ за собою злоупотребленія и не окончился свадьбой. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обычай ведется съ отдаленной древности, и не составляетъ исключительной особенности Лотарингіи; извѣстный романъ Вальтеръ-Скотта *Пертская Красавица* открывается описаніемъ сцены *Valentinage*.

Лотарингцы любятъ праздники нисколько не менѣе сосѣдей своихъ Фламандцевъ. Любимая игра ихъ *Papegay*,—старинное французское слово, которымъ прежде обозначали попугая, и подъ которымъ теперь разумѣютъ изображеніе пѣтуха, написанное на дощечкѣ, прибитой къ верхушкѣ длиннаго шеста, утвержденнаго посреди луга. При наступленіи мая мѣсяца, каждое воскресенье, появляется *Papegay*. Послѣ вечерень, собираются молодые люди, запасаются лукомъ и отправляются на мѣсто торжества. Тотъ, кто сбилъ птицу въ прошедшемъ году, провозглашенъ былъ тогда королемъ и выбралъ себѣ королеву. Эти-то король и королева идутъ во главѣ кортежа, предшествуемые музыкантами и огромною пирамидой бріошей, положенныхъ одна подъ другою. Колобокъ, служащій вѣнцомъ этому зданію, украшенъ букетомъ, прикрѣпленнымъ къ нему разноцвѣтными лентами. По прибытіи всего общества на лугъ, начинается балъ, открываемый королемъ и королевой. По окон-

чаніи первой кадрили, королевѣ подносятъ лукъ, и она для формы пускаетъ первый выстрѣлъ въ птицу. *Telum imbelle sine ictu!* Потомъ приближаются стрѣлки, и начинается серіозная борьба. Всѣ стрѣляютъ поочереди до тѣхъ поръ, пока не собьютъ птицы. Самаго счастливаго стрѣлка провозглашаютъ королемъ; онъ избираетъ королеву, и предшественники ихъ теряютъ свои права. Балъ продолжается; новая королева танцуетъ съ новымъ королемъ, который подноситъ ей, вмѣсто вѣнца, украшенный цвѣтами колобокъ, красовавшійся на вершинѣ пирамиды.

Вскорѣ потомъ всѣ оставляютъ лугъ, и принимаются за пиршество, устраиваемое на счетъ стрѣлковъ. Стрѣлки отличаются отъ толпы маленькимъ пирожкомъ, провѣшеннымъ къ рукѣ на розовой лентѣ.

Новый король долженъ изготовить на свой счетъ бріоши въ слѣдующемъ году. Балъ продолжается потомъ далеко за полночь, и по окончаніи его, то-есть когда всѣ силы истощатся, всѣ ноги откажутся служить, королеву отводятъ въ торжественной процессіи домой, при громкихъ звукахъ музыки.

Эти веселые *papegays*, театромъ которыхъ бываютъ всѣ деревни кантона, и которые ставятъ на ноги всю молодежь обоего пола, продолжаются не менѣе трехъ дней. Наканунѣ праздника, молодые люди совершаютъ церемоніяльное шествіе по всѣмъ домамъ, съ большою корзиной, наполненною лентами всевозможныхъ цвѣтовъ; каждое лицо въ семействѣ получаетъ бантъ, который развѣвается на лѣвомъ плечѣ, подобно легкимъ эгильетамъ. Бантъ этотъ замѣняетъ пригласительный билетъ, и даетъ право присутствовать на праздникѣ и танцовать. «Il n'y a pas de bonne fête sans lendemain» (то-есть нѣтъ добраго праздника безъ завтрашняго дня), говоритъ пословица. Этотъ завтрашній день принадлежитъ дѣвицамъ; тогда уже онѣ приглашаютъ молодыхъ людей,—обычай остроумный, который наполняетъ день любезною, нѣжною и кокетливою веселостью: тутъ дѣвушки награждаютъ старую привязанность, поощряютъ раждающуюся любовь, которая не смѣетъ высказаться, но которую угадываютъ, ловко возбуждаютъ нѣжныя надежды, мстятъ за невниманіе, за пренебреженіе прошедшаго дня или за злорѣчіе цѣлаго года; это день постоянной эманципаціи для дѣвушекъ. Такъ же какъ и наканунѣ, забавы прошедшаго дня соединяются съ танцами, а Лотаргинцы, смѣлые охотники и большею частію хорошіе стрѣлки, всегда готовы показать свою ловкость.

Сверхъ того есть много мѣстъ, назначенныхъ для богомолья; но при посѣщеніи ихъ благочестіе служитъ большею частію предлогомъ для самыхъ свѣтскихъ прогулокъ, продолжающихся цѣлое лѣто. Не рѣдко даже высшее общество принимаетъ въ нихъ участіе. Такъ напримѣръ, въ Бенуанъ-де-Во *(Benoin de Vaux)*, маленькой деревнѣ, затерянной въ лѣсу, возвышается великолѣпная часовня, и при ней семь, восемь священниковъ, которые ежедневно служатъ обѣдню. Вокругъ часовни устроены гостиницы для помѣщенія богомольцевъ, которые стекаются туда во множествѣ, особенно въ продолженіи мая мѣсяца.

Воинственныя забавы, описанныя мною, поддерживаютъ въ жителяхъ страсть къ военной службѣ: оттого эти департаменты и доставляютъ наибольшее число рекрутовъ-охотниковъ. По моему мнѣнію, они заслуживаютъ порицанія не столько за страсть свою къ войнѣ, сколько за безпощадное истребленіе ряполова, самаго граціознаго существа, не только безвреднаго, но приносящаго несомнѣнную пользу уничтоженіемъ гусеницъ и всякаго рода насѣкомыхъ. Вечеромъ вдоль заборовъ они растягиваютъ варварскій снарядъ, который останавливаетъ полетъ этихъ птичекъ, разбивая имъ обѣ лапки, и удерживая ихъ въ стоячемъ положеніи, по нѣскольку часовъ и даже цѣлыя ночи. На совѣсти у меня лежитъ поимка одной птички подобнымъ способомъ: я былъ тогда еще ребенкомъ, но лѣта нисколько не оправдываютъ подобнаго преступленія. Съ тѣхъ поръ я поступалъ подобно тѣмъ средневѣковымъ сеніорамъ, которые, для искупленія какого-нибудь великаго грѣха, осыпáли всю страну благочестивыми дарами и приношеніями. Въ деревнѣ, прогуливаясь по саду, я запасаюсь всегда жестянымъ ящичкомъ, наполненнымъ мухами, стрекозами и сверчками, и когда встрѣчаю ряполова, устремляющаго на меня свой задумчивый и умильный взоръ, то бросаю ему одно изъ насѣкомыхъ, и онъ подхватываетъ его почти подъ моими ногами. Загрубѣвшіе съ самой ранней юности, деревенскіе жители потеряли даже сознаніе своей свирѣпости, и, для удовлетворенія чувственности горожанъ, обратили эту прелестную птичку въ предметъ довольно значительной торговли.

Несмотря на недостойные поступки человѣка, ряполовъ любитъ его и ищетъ его общества. Самая высокая, и въ то же время самая чистая личность нашей исторіи, Іоанна д'Аркъ,

вдохновенная дѣва, которая въ XV вѣкѣ, при Карлѣ VII, изгнала Англичанъ изъ Франціи, Іоанна д'Аркъ родилась въ странѣ ряпололовъ, и современныя хроники повѣствуютъ, что она была въ дружественныхъ сношеніяхъ съ этими граціозными существами, которыя сопровождали ее въ полѣ и прилетали клевать пищу у нея въ рукахъ. Когда, при наступленіи октябрьскихъ тумановъ, бѣдный пролетарій отправляется въ лѣсъ за скуднымъ запасомъ сухихъ сучьевъ, къ нему подлетаетъ маленькая птичка, привлеченная звукомъ его топора; она вьется около него и привѣтствуетъ его, распѣвая ему тихимъ голосомъ лучшія свои пѣсни. Это ряполовъ, посланный къ одинокому труженику, чтобы доказать ему, что есть еще на свѣтѣ существо, принимающее въ немъ участіе.

Когда дровосѣкъ сложитъ въ груду головни, покрывшіяся наканунѣ золой, когда хворостъ и сучья весело затрещатъ подъ огнемъ, ряполовъ прилетаетъ съ пѣснями, чтобы погрѣться и раздѣлить наслажденіе дровосѣка.

Когда природа засыпаетъ, покрытая снѣжнымъ саваномъ, когда въ воздушномъ пространствѣ раздаются только сиплые голоса сѣверныхъ птицъ, описывающихъ полетомъ своимъ быстрые треугольники въ поднебесьѣ, или вой вѣтра, перебѣгающаго по соломеннымъ кровлямъ, то и тогда тихое, мелодическое пѣніе, меланхолическое, приличное зимней птичкѣ, протестуетъ еще противъ общаго траура, безмолвія и оцѣпенѣнія. То же пѣніе ряполова, который бьется носикомъ въ окна ветхой лачужки, прося убѣжища, подобно волшебницѣ народныхъ преданій, напоминаетъ человѣку обязанности гостепріимства.

А крестьянинъ тысячами истребляетъ этихъ добрыхъ птичекъ!

Поступать такимъ образомъ не только свирѣпо, но въ высшей степени безсмысленно и неразумно. Въ нашемъ умѣренномъ климатѣ, гдѣ зимы часто не бываетъ вовсе, гдѣ по цѣлымъ годамъ снѣгъ не покрываетъ земли, кто же очиститъ вдыхаемый нами воздухъ отъ мухъ, комаровъ и мошекъ, терзающихъ насъ днемъ и ночью, кто избавитъ наши сады, огороды, поля и лѣса, отъ гусеницъ, червяковъ, отъ клейкихъ личинокъ нечистыхъ жуковъ? Что ты будешь дѣлать, бѣдный человѣкъ? Есть ли у тебя крылья, чтобы преслѣдовать ихъ? Можешь ли ты даже видѣть ихъ своими глазами? Ты можешь, въ отношеніи къ нимъ, предаваться своей страсти къ истребле-

нію сколько тебѣ угодно, ты можешь убивать ихъ какъ попало: тебѣ все-таки не удастся потревожить ихъ спокойствія, ни остановить, хотя бы на мгновеніе, ихъ разрушительной дѣятельности. Иди, ратуй съ ними, на сколько у тебя хватитъ силы; ты раздавишь ихъ милліоны: они живутъ милліардами. Тамъ, гдѣ ты огнемъ и желѣзомъ торжествуешь, истребляя могучее растеніе, вокругъ тебя раздается глухой гулъ цѣлой арміи губительныхъ атомовъ, которые и не думаютъ о твоей безполезной побѣдѣ. Мошка кладетъ въ чашечку цвѣтка яйцо; изъ него родится червякъ, который въ яблокѣ, въ грушѣ, въ орѣхѣ найдетъ себѣ пріютъ и жилище; бабочка раскладываетъ на растеніи кольцами, пластинками, склеенными или слегка прикрытыми шелкомъ, тысячи зеренъ, которыя, при первомъ лучѣ майскаго солнца, обратятся въ прожорливыхъ гусеницъ; одинъ атомистическій жучокъ родится на желтомъ цвѣткѣ кользы и поѣдаетъ его; другой поселяется затворникомъ въ пшеничномъ зернѣ и оставляетъ въ немъ одну покрышку; личинка его зараждается и живетъ въ трубочкѣ пшеничныхъ колосьевъ, высасываетъ изъ нихъ сокъ, переѣдаетъ ихъ колѣнца. Отвратительный бѣлый червякъ, подрѣзывавшій, въ продолженіи двухъ лѣтъ, своими страшными челюстями корни нашихъ огородныхъ растеній и нашихъ жатвъ, выходитъ изъ земли въ прекрасное апрѣльское утро, чтобы въ образѣ майскаго жука поѣдать новорожденную зелень луговъ.

И врагъ этотъ одаренъ орудіями тѣмъ болѣе ужасными, что они приспособлены къ его назначенію: клещами, пилами, буравомъ, щипцами, ножницами, жаломъ, хоботомъ, крючьями; нѣтъ орудія, изобрѣтеннаго человѣческою промышленностію, котораго образецъ невозможно бы было найдти у этого страшнаго разрушителя. Богъ далъ человѣку, въ видѣ птицы, помощника неутомимаго, всегда готоваго присоединиться къ нему и сражаться подъ его знаменами; но человѣкъ, побуждаемый своею страстію къ убійству и разрушенію, ведетъ съ такимъ полезнымъ существомъ безпощадную войну, истребляетъ его сотнями, преслѣдуетъ его на сушѣ, на водѣ, на воздухѣ, даже въ гнѣздѣ, и убиваетъ его прежде чѣмъ теплота материнскаго крыла призоветъ его къ жизни. А вѣдь для него же ласточка исправляетъ воздушную полицію и очищаетъ атмосферу отъ миріадъ насѣкомыхъ, часто незамѣтныхъ для глаза. Для него гармоническое племя травниковъ и ряпололовъ посѣщаетъ наши плодо-

выя деревья и уничтожаетъ поѣдающую ихъ гусеницу. О, еслибъ эти граціозные маленькіе товарищи могли проникать въ наши комнаты! Онѣ бы такъ же скоро очистились отъ мухъ, какъ нѣкогда комнаты Домиціана.

Что сказать вамъ о синицѣ, этой птичкѣ столь веселой, столь рѣзвой, которая никогда не располагается на зимнихъ квартирахъ и воюетъ во всякое время года? Это резервъ великой арміи освободителей. Синица пожираетъ грабителей лѣтомъ живьемъ: зимою она поглощаетъ ихъ въ состояніи нимфей, хризалидъ, яицъ, раздирая шелковистую оболочку, ихъ прикрывающую.

Вотъ истинное происшествіе, за достовѣрность котораго я вамъ ручаюсь, и которое доказываетъ, какъ довѣрчива птица, несмотря на все вѣроломство человѣка. Отецъ мой увидѣлъ разъ синицу, которая билась на землѣ: она была отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ. «Подзовите ее къ себѣ!» закричалъ ему одинъ изъ четырехъ гостей, сопровождавшихъ его. Отецъ мой наклонился и, какъ бы отвѣчая на шутку, присвиснулъ. Синица подбѣжала и сѣла къ нему на руку. Удивленный этимъ, онъ осмотрѣлъ ее и открылъ, что въ голову ей впился отвратительный клещъ, одинъ изъ тѣхъ паразитовъ, которые нерѣдко впиваются въ лѣсу въ охотничьихъ собакъ, и не имѣя отдѣлительныхъ органовъ, жрутъ до тѣхъ поръ, пока не лопнутъ. Боль заставила бѣдную птицу прибѣгнуть къ человѣку; вѣроятно она подумала, что если и онъ измѣнитъ ея довѣренности, то во всякомъ случаѣ ей все-таки придется умереть не болѣе одного раза. Послѣ того, какъ отецъ мой оказалъ ей необходимую услугу, она сѣла къ нему на плечо и съ крикомъ поднялась на воздухъ.

Жаворонокъ, порода плодотворная, осужденная подобно ряполову на истребленіе, жаворонокъ, утѣха жатвы, кормящійся только зернами, падающими на землю, очищаетъ наши поля отъ незамѣтныхъ сѣмечекъ, которыя во множествѣ роняетъ на нихъ всякая сорная трава. Онъ находитъ себѣ полезныхъ помощниковъ въ красивомъ щегленкѣ, въ рѣзвомъ зябликѣ, даже въ воробьѣ и во всѣхъ зерноядныхъ. А между тѣмъ съ жаворонкомъ обращаются какъ съ непріятелемъ: крестьяне наши, два раза въ годъ и особенно по зимамъ, когда снѣгъ лежитъ на землѣ, покрываютъ поля свои волосяною сѣткой и ловятъ ихъ сотнями и тысячами, и потомъ цѣлыми мѣшками отправляютъ ихъ въ города на продажу. Многіе изъ нихъ, благодаря

этой торговлѣ, округлили свои поля и составили себѣ маленькое состояніе.

Я бы могъ написать цѣлую книгу, еслибы вздумалъ разказать безчисленныя услуги этихъ бѣдныхъ созданій Божіихъ, которыхъ мы убиваемъ часто безъ всякой причины, изъ одной страсти къ истребленію. Предметъ слишкомъ богатъ, и лучше не касаться его, когда невозможно разсмотрѣть его вполнѣ.

Евгеній Бонмеръ.

ПОРОХОВЫЕ ВЗРЫВЫ[1]

III.

Сравненіе однородныхъ предметовъ и происшествій даетъ возможность составлять болѣе полныя о нихъ понятія, обсуживать ихъ болѣе многостороннимъ образомъ и выводить болѣе вѣрныя заключенія о тѣхъ явленіяхъ и законахъ, которые должны считаться общими. Чтобы доставить читателямъ случай дѣлать сравненіе какъ пороховыхъ взрывовъ, такъ замѣченныхъ при этомъ явленій и прочей обстановки, я, кромѣ описанія взрывовъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, помѣщаю здѣсь:

Свѣдѣнія о взрывѣ пороховаго погреба въ Старо-Очаковской крѣпости 18 іюня 1853 года;

Свѣдѣнія о взрывѣ бомбъ въ кронштадтскомъ фортѣ Императоръ Павелъ I, случившемся 17 августа 1855 года;

Свѣдѣнія о взрывѣ пороховаго погреба въ Майнцѣ, 18 ноября 1857 года.

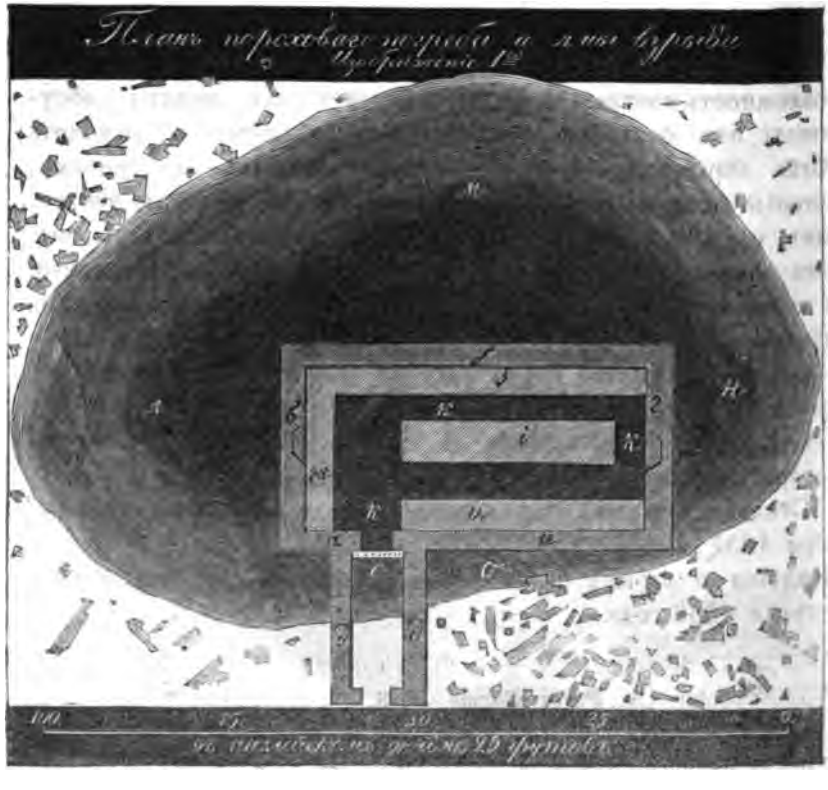
Свѣдѣнія о взрывѣ барки съ порохомъ въ Астрахани 1-го августа 1858 года.

---

(1) Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 8.

ВЗРЫВЪ ВЪ ГОРОДѢ ОЧАКОВѢ.

Въ Старо-Очаковской крѣпости, на косогорѣ, въ разстояніи около 80-ти саженей отъ Днѣпровскаго лимана, подлѣ самаго города Очакова, стоялъ пороховой погребъ, доставшійся Россіи еще отъ Турокъ въ 1788 году. Погребъ этотъ, на приложенномъ здѣсь планѣ Очакова, отмѣченъ надписью; онъ имѣлъ $7\frac{1}{2}$ саженей длины, 4 сажени ширины и почти 3 сажени вышины; но такъ какъ онъ былъ весьма углубленъ и двумя своими стѣнами, сѣверною и восточною, прилегалъ къ идущему вверхъ косогору, то снаружи казался почти совсѣмъ врытымъ въ землю. Въ послѣдствіи, въ концѣ передней (южной) стѣны (смотр. чертежи очаковскаго пороховаго погреба, изобр. 1, а, а), ко входу погреба были придѣланы, тоже крытыя землей, сѣни, въ 3 сажени длины и 5 аршинъ ширины (изобр. 1 и 2, д, д). Входъ въ погребъ былъ со стороны Днѣпровскаго лимана (съ юга).



При входѣ въ сѣни дверей не было, но при входѣ въ самый погребъ было двое деревянныхъ одно-полотенныхъ дверей (изобр. 1, е), изъ которыхъ наружная была сплошная, а внутренняя рѣшетчатая; каждая изъ нихъ запиралась русскимъ висячимъ замкомъ; ключи къ этимъ замкамъ были винтообразные, сверхъ того прикладывались къ дверямъ восковыя печати.

Окна погреба отъ земли были на разстояніи одного аршина, и въ погребѣ было такъ темно, что при входѣ въ него можно было видѣть только тѣ предметы, которые находились противъ дверей. Крыша была деревянная, и на ней насыпано земли слишкомъ на аршинъ толщиной; полъ въ самомъ погребѣ былъ деревянный, покрытый матами, а въ сѣняхъ вмѣсто пола была укатанная земля.

Внутри погреба стелажи (подмостки) и полки (изобр. 1, 2 и 3, ж, з, и) были устроены у трехъ стѣнъ: у задней (б) (сѣверной), прилежащей къ косогору, у передней (а а) (южной), обращенной къ лиману, и у лѣвой (в) (западной). Кромѣ того посрединѣ погреба устроены были также стелажи и полки (изобр. 1 и 2, і) вокругъ которыхъ былъ ходъ (изобр. 1, к, к, к,) шириной $1\frac{1}{2}$ аршина. Всѣ стелажи и полки были устроены въ 5 этажей, разстояніемъ одна отъ другой на $1\frac{1}{2}$ аршина; на полкахъ стояли бочонки съ порохомъ въ два ряда, въ каждомъ ряду эти бочонки стояли одинъ подлѣ другаго, а не одинъ на другомъ, и между ними были промежутки въ $1\frac{1}{2}$ вершка. Подъ боченками были подостланы маты, самые же бочонки были только закрыты, а не обвернуты рогожами. Въ послѣднее время передъ катастрофой, которая будетъ тотчасъ описана, въ этомъ погребѣ должно было находиться: лабораторнаго состава 9 пудъ 5 ф. и 72 золотника, пороховой мякоти 59 пуд. 6 ф. и 68 золотниковъ *и пороху 901 пудъ и 33 фунта,* но въ дѣйствительности пороху было гораздо менѣе, потому что здѣсь въ продолженіи значительнаго времени производилась кража пороха.

Въ 1853 году съ 17-го на 18-е число іюня, въ двѣнадцат часу ночи, этотъ погребъ, происшедшимъ въ немъ взрыв не только разрушило до основанія, но обломки его разбро по всему городу Очакову, и множество камней, составлявш его стѣны, долетѣло до Днѣпровскаго лимана (слишкомъ саженей). На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ погребъ, образовалась о ная яма или воронка въ 15 саженей длины, 10 саженей ши и 3 сажени глубины (изображ. 1, 2 и 3, л, м, н, о); земли вм съ камнями, составлявшими погребъ, изъ этой ямы выбро около 150 кубическихъ саженей.

Дѣйствіемъ взрыва повреждены 178 зданій и построек томъ числѣ 15 казенныхъ.

Чтобы дать понятіе объ этихъ поврежденіяхъ, я ука нѣкоторыя изъ наиболѣе-пострадавшихъ зданій.

Съ каменнаго дома капитанши Гарзуни, отстоявшаго пороховаго погреба на 55 саженей, деревянная крыша со и разрушена, стѣны отъ потолка отдѣлились и въ нѣсколь мѣстахъ треснули, штукатурка обвалилась, окна съ ра ставнями и стеклами разбиты, пять дверей разломаны, ос ныя повреждены; углы стѣнъ съ правой и лѣвой сторон дѣлились. Въ кухнѣ оконныя рамы и двери вырвало, въ нахъ появились значительныя трещины, крыша и печи по ждены. На ледникѣ и на конюшнѣ крыши сорваны, а ст не только треснули, но мѣстами обрушились. Сверхъ тог домѣ побита почти вся посуда.

Въ Телеграфѣ морскаго вѣдомства, окна выбиты, камен фундаментъ, контр-форсъ и стѣны потрескались, штукату обвалилась и все строеніе готово обрушиться (это зданіе до взрыва, говорятъ, было въ плохомъ состояніи).

Домъ очаковскаго мѣщанина Ефима Апарина, построенный изъ камыша, отстоялъ отъ пороховаго погреба на 104 сажени. Въ этомъ домѣ взрывомъ выбило окна, повредило трубы, деревянную крышу сдвинуло съ своего мѣста, въ стѣнахъ образовались трещины, одну изъ стѣнъ прошибло камнемъ (летѣвшимъ отъ взорваннаго пороховаго погреба), ударило этимъ камнемъ въ правый високъ и убило спавшаго въ домѣ на диванѣ 90-лѣтняго очаковскаго мѣщанина, Василья Григорьева Борисова. Во флигелѣ вышибло окна, повредило крышу и стѣны, поломало посуду и вещи.

Въ домѣ священника Судковскаго сорвало новую деревянную крышу, повредило балки, вышибло 6 дверей, изъ нихъ 4 двери разбило, два ставня, 4 рамы и деревянную галлерею со стеклами совершенно разрушило; штукатурку во всѣхъ комнатахъ обвалило, лицевую стѣну отдѣлило отъ потолка, повредило въ кухнѣ печи и расшибло ворота.

Церковь Св. Николая (отмѣченная на планѣ Очакова цифрой 2) отстояла отъ взлетѣвшаго на воздухъ пороховаго погреба на 156 саженей. Дѣйствіемъ взрыва наружный карнизъ церкви въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбитъ; въ алтарѣ, въ трехъ каменныхъ аркахъ царскихъ вратъ и снаружи надъ нижними дверями, оказались небольшія трещины; вырваны 5 оконныхъ рамъ (2 внизу, 2 во второмъ ярусѣ и 1 въ куполѣ), въ прочихъ окнахъ разбито 10 стеколъ; иконы изъ иконостаса вышибены и рамы ихъ повреждены; запрестольный большой деревянный крестъ разбитъ; запрестольный седмисвѣщникъ, икона горняго мѣста, царскія врата и паникадило повреждены; капитель отъ иконостаса упала и разбилась, и прочія части сдвинулись съ своихъ мѣстъ, отъ чего и самыя окны покосились.

Изъ прочихъ принадлежащихъ къ числу 178 пострадавшихъ зданій, въ нѣкоторыхъ поврежденія оказались незначительными, но во многихъ нельзя было жить безъ поправокъ и передѣлокъ: въ иныхъ, напримѣръ, домахъ повалило печныя трубы, повредило печи, даже въ каменныхъ стѣнахъ произвело трещины; во многихъ домахъ (особенно деревянныхъ) отдѣлило стѣны отъ потолковъ, обрушило потолки и крыши, мѣстами обвалило заборы, вышибло ворота, разбило посуду, разломало мебель и вещи, а нѣкоторые, весьма немногіе, земляные домы даже совершенно разрушило. При этомъ погибло значительное число дворовой птицы и было ушибено и изувѣчено нѣсколько скота.

Стоявшій у погреба на часахъ канониръ, Францъ Липель, разорванъ на куски, и изуродованныя, *опаленныя* части его тѣла, а также и тесакъ, съ которымъ онъ стоялъ на часахъ, найдены близь Днѣпровскаго лимана, въ разстояніи болѣе 70 саженей отъ мѣста взрыва, и притомъ удалось отыскать не всѣ куски тѣла Липеля, а только слѣдующіе: а) лѣвую ногу, которая была разорвана на двѣ части, одна часть отъ вертлуга (отъ паха) до половины голени, а другая часть отъ половины голени до конца стопы; на ногѣ этой сапога не было (1); б) правую руку съ кистью по локоть; в) лѣвую руку съ локтевымъ составомъ и вершка на три выше локтя (на рукахъ до локтей были шинельные рукава); г) часть разорваннаго позвоночнаго столба съ прилегающими къ нему мясистыми частями и внутренностями. Прочихъ же частей тѣла, составлявшихъ животъ, грудь, шею и голову, не найдено.

Липель былъ единственный человѣкъ, который во время страшной катастрофы находился на мѣстѣ взрыва и который могъ бы разказать настоящую причину и вѣрныя подробности этого несчастія. Обстоятельства, раскрытыя слѣдствіемъ, показываютъ почти несомнѣнно, что взрывъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Такъ какъ люди, кравшіе порохъ, по принятому ими обычаю, отперевъ дверь поддѣльнымъ ключомъ, ставили передъ дверью зажженную свѣчу въ фонарѣ, и такъ какъ иногда они выкатывали порохъ цѣлыми бочонками, а иногда таскали въ мѣшкахъ, при чемъ порохъ изъ недовольно-крѣпкихъ или не довольно хорошо завязанныхъ мѣшковъ, сыпался на полъ, какъ въ погребѣ, такъ и въ сѣняхъ, то Липель могъ произвести взрывъ: вопервыхъ при самомъ добываніи огня, если искра упала на зерна пороху, разсыпанныя по дорогѣ изъ погреба въ сѣни; во вторыхъ онъ могъ произвести взрывъ, войдя со свѣчой внутрь погреба, и втретьихъ, онъ могъ произвести взрывъ, возвращаясь изъ погреба мимо стоявшаго на полу фонаря со свѣчкой, на который могли сыпаться зерна пороха, несомаго Липелемъ (2).

---

(1) Люди, кравшіе по ночамъ порохъ, обыкновенно, прежде чѣмъ войдти внутрь погреба, снимали сапоги: вотъ почему оторванная нога Липеля, также занимавшагося этимъ промысломъ, была босая, а сапоги его, поврежденные и брошенные взрывомъ, были найдены особо.

(2) Липель, отправляясь на кражу, надѣлъ двѣ шинели, одну въ рукава, а другую въ накидку. Можетъ-быть, эту вторую шинель онъ употребилъ вмѣсто мѣшка, насыпавъ въ нее порохъ. Отъ этой шинели не осталось и слѣдовъ.

ВЗРЫВЪ ВЪ ГОРОДѢ КРОНШТАДТѢ.

При перемѣнѣ заготовки въ бомбовыхъ трубкахъ 1855 года, 17 августа, около 10-ти часовъ утра, въ фортѣ Императоръ Павелъ I-й, произошелъ взрывъ 46-ти бомбъ. Взрывомъ этимъ 4 человѣка убиты и 8 человѣкъ ранены (1); сверхъ того кой-гдѣ или изломаны, или попорчены двери, выбито нѣсколько стеколъ, повреждены запасные лафеты, лежавшіе на дворѣ форта, а на стѣнахъ форта въ разныхъ мѣстахъ остались слѣды ударявшихся въ нихъ осколковъ (2); часовой, стоявшій у будки, остался невредимъ, но верхнюю часть ружья его свернуло.

Перемѣна заготовки въ бомбовыхъ трубкахъ производилась въ палаткѣ, поставленной посреди двора форта, передъ палаткой находился колодязь, а у входа въ палатку былъ поставленъ часовой, не позволявшій ходить около этого мѣста, и во всемъ фортѣ, кромѣ кухонь, было запрещено курить табакъ, а особенно на дворѣ. Въ палаткѣ, гдѣ складывались бомбы, на полу были постланы цыновки, и людей, по приходѣ на работы, осматривали.

Завѣдывавшій работами унтеръ-офицеръ Андреевъ, во время катастрофы тяжело раненный, разказалъ, бывши въ совершенной памяти, слѣдующія подробности о взрывѣ: «Работа начата была, въ присутствіи офицера, въ седьмомъ часу утра;

---

(1) Убиты 4 канонира, ранены 1 унтеръ-офицеръ, вскорѣ умершій, 2 рядовые артиллерійскаго гарнизона, 4 рядовыхъ запаснаго батальйона князя Кутузова полка и 1 матросъ 17-го флотскаго экипажа. Изъ числа этихъ раненыхъ, иные, во время взрыва, находились на дворѣ форта, а другіе въ казармахъ.

(2) Изъ другихъ свѣдѣній, сообщенныхъ очевидцами, оказывается, что слѣды поврежденій отъ взрыва бомбъ были бы гораздо болѣе и замѣтнѣе, еслибы внутренность двора форта не была въ то время обстроена лѣсами и подмостками. Говорятъ, что всѣхъ лишившихся жизни отъ взрывовъ бомбъ (то-есть, убитыхъ на мѣстѣ и умершихъ вскорѣ отъ поврежденій было болѣе 16 человѣкъ, и что взрывами бросало оторванныя части человѣческихъ тѣлъ даже въ 3-й этажъ. Сверхъ того, убило нѣсколько человѣкъ, находившихся на лодкахъ.

сначала были вытащены изъ бомбъ тринадцать негодныхъ трубокъ, и бомбы поставлены въ сторону, потомъ въ другихъ бомбахъ стали замѣщать отсырѣвшій стопинъ (фитиль) и мякоть новыми, и болѣе чѣмъ къ сотнѣ бомбъ присмолили пластырь и выставили ихъ за палатку для того, чтобъ назначенные къ тому восемь человѣкъ рабочихъ отнесли ихъ въ погребъ; а такъ какъ въ это время употреблявшаяся въ работу смола застыла, то для окончанія работы надъ остальными бомбами двое рядовыхъ пошли въ кузницу разогрѣвать смолу; работа приходила къ концу, и унтеръ-офицеръ Андреевъ, взявъ одну изъ послѣднихъ бомбъ, заставилъ канонира Петрова вынимать изъ трубки заготовку; Петровъ началъ вынимать ее мѣдною перкой, но вдругъ трубка зашипѣла...» Андреевъ говоритъ, что онъ хотѣлъ загорѣвшуюся бомбу выбросить изъ палатки, но не успѣлъ этого сдѣлать, потому что вдругъ бомбу разорвало, и вѣроятно отъ ея пламени загорѣлся неосмоленный холстъ, прикрывавшій мякоть на прочихъ трубкахъ, а отъ этого послѣдовали взрывы и прочихъ бомбъ. Унтеръ-офицеръ Андреевъ, сообщившій этотъ разказъ, черезъ нѣсколько часовъ отъ поврежденій умеръ.

Причина воспламененія первой бомбовой трубки осталась неизвѣстною, потому что вынимавшій изъ нея заготовку канониръ убитъ на мѣстѣ.

Причина же, побудившая исправлять бомбы, заключалась въ слѣдующемъ: несмотря на всѣ мѣры, принятыя къ уничтоженію сырости въ нижнихъ казематахъ форта Императоръ Павелъ I, въ нихъ постоянно было такъ сыро, что заготовка въ трубкахъ бомбъ, которыя тамъ хранились, и самыя трубки часто сырѣли, и при стрѣльбѣ оказывались негодными, а поэтому приказано было перемѣнять по частямъ заготовку и самыя трубки. Эти исправленія бомбъ производились подъ присмотромъ лабораториста, унтеръ-офицера Андреева, и при артиллерійскомъ офицерѣ, который назначался туда своимъ начальствомъ. Такимъ образомъ до несчастнаго случая было исправлено на фортѣ болѣе 10.000 бомбъ.

Здѣсь должно упомянуть о замѣчательномъ поступкѣ подпоручика Уварова, который своею неустрашимостію и находчивостію, быть-можетъ, положилъ преграду дальнѣйшему распространенію взрывовъ. Вотъ въ чемъ заключался этотъ поступокъ:

Во время взрыва, осколками лопнувшихъ въ палаткѣ бомбъ,

была уже сбита одна половина наружныхъ дверей бомбоваго погреба, который тогда оставался открытымъ для просушки и для вноса туда исправленныхъ бомбъ; нѣкоторые осколки продолжали летѣть въ погребъ, и могли воспламенить находившійся тамъ складъ; къ счастію, это замѣтилъ подпоручикъ гарнизонной артиллеріи Уваровъ, стоявшій подлѣ палатки и наблюдавшій за работами во время исправленія бомбъ. Онъ бросился въ бомбовой погребъ, затворилъ вторыя желѣзныя двери и придерживалъ ихъ все время, пока продолжали лопаться бомбы.

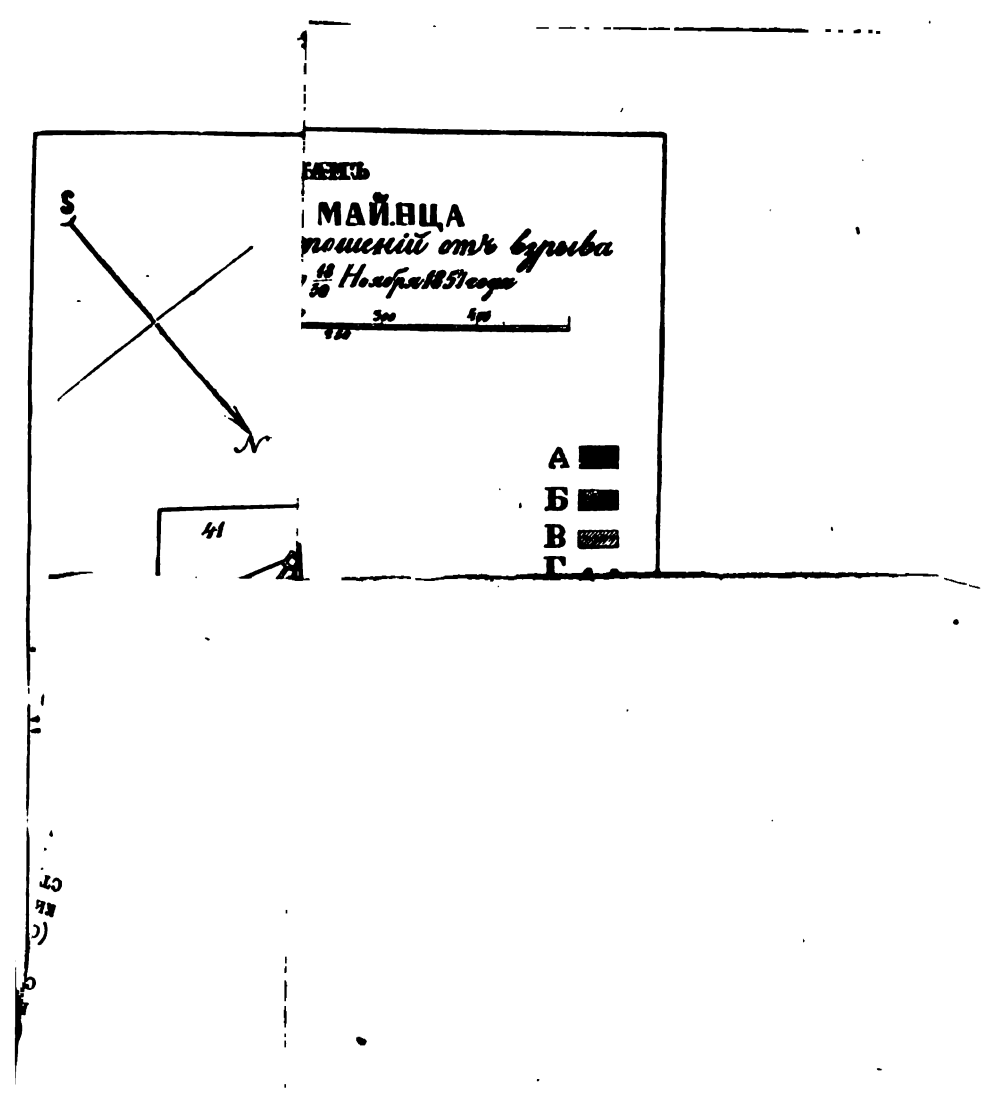
ВЗРЫВЪ ВЪ ГОРОДѢ МАЙНЦѢ.

Майнцъ, главный городъ Рейнской провинціи гессенъ-дармштадтскихъ владѣній и крѣпость германской конфедераціи, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Рейна, почти при самомъ впаденіи въ него рѣки Майнъ; своимъ очертаніемъ городъ Майнцъ представляетъ половину площади круга, котораго діаметральный разрѣзъ, обращенный къ сѣверо-востоку, омывается Рейномъ, а окружность охвачена крѣпостными верками и бастіонами. Все это показано на приложенномъ здѣсь планѣ. Начиная отъ самаго берега Рейна, мѣстность къ юго-западу болѣе и болѣе возвышается, такъ что не только бастіонъ Мартина, въ которомъ находился роковой погребъ, но и самый фундаментъ погреба былъ выше крышъ домовъ близкой къ нему улицы Гау, а фундаменты домовъ этой улицы были выше крышъ многихъ домовъ, находящихся въ улицахъ, спускающихся по покатости, къ берегу Рейна, слѣдовательно пороховой погребъ, въ которомъ случилось несчастіе, былъ выше всего города.

Домы въ улицахъ ближайшихъ къ бастіону Мартина, и находившемуся въ немъ пороховому погребу, по большей части принадлежали людямъ бѣднымъ и ремесленникамъ, и были построены весьма легко изъ фахверка и покрыты черепицею. Такъ какъ вблизи крѣпостныхъ верковъ, ни съ наружной, ни съ внутренней стороны не позволяется возводить прочныхъ зданій, то вѣроятно, въ числѣ прочихъ, и это обстоятельство

Нѣсколько десятковъ людей сдѣлались жертвами взрыва. Около мѣста происшествія валялись изувѣченныя тѣла прусскихъ солдатъ, стоявшихъ въ караулѣ, и частныхъ лицъ, случайно проходившихъ вблизи, въ роковое мгновеніе. Изъ числа австрійскихъ солдатъ, учившихся въ то время въ Красной казармѣ,

(1) По тамошнему вѣсу въ погребѣ вспыхнуло 200 центнеровъ; каждый центнеръ равняется 100 рейнскимъ фунтамъ, а каждый рейнскій фунтъ заключаетъ въ себѣ 109,649 русскихъ золотниковъ.



стекла, напримѣръ, по направленію къ сѣверу: въ [illegible] около пяти верстъ отъ мѣста взрыва), и въ Бибрихѣ (около 6 верстъ); по направленію къ сѣверо-востоку въ Кастелѣ, который отдѣляется отъ Майнца только Рейномъ и, въ Гохгеймѣ (околи 5 верстъ); по направленію къ юго-востоку, въ Вейссенау (около 2 1/2 верстъ); по направленію къ юго-западу, въ Финдтѣ (около 7 верстъ). Звукъ же взрыва былъ слышенъ гораздо дальше, напримѣръ, въ Висбаденѣ, около 13 верстъ къ

сѣверу отъ Майнца. Разказываютъ, что камни долетали даже до каретной фабрики въ Момбахѣ.

Вообще было замѣчено, что камни, брошенные взрывомъ пороховаго погреба въ Майнцѣ, перелетали весьма далекія разстоянія и падали большею частію на городъ, на крыши домовъ. Направленіе полета камней, брошенныхъ взрывомъ, преимущественно къ сѣверо-востоку на городъ объясняется тѣмъ, что валгангъ съ валомъ, составлявшіе бастіонъ Мартина, окружали пороховой погребъ со всѣхъ сторонъ, исключая сѣверо-восточную, которая была открыта на городъ, и составляла горжу бастіона; съ юго-востока же и юго-запада заднія поверхности бастіонныхъ фасовъ представляли обширныя плоскости, отъ которыхъ газы и обломки отражались и летѣли по направленію къ сѣверу-востоку, то-есть на городъ.

Дальность разлета обломковъ при взрывѣ въ Майнцѣ произошла отъ того, что, какъ сказано было выше, бастіонъ Мартина и находившійся въ немъ пороховой погребъ занимали такую мѣстность, которая была гораздо выше крышъ зданій въ цѣломъ городѣ, а вслѣдствіе этого обломки и камни, съ такой возвышенности брошенные взрывомъ, даже подъ весьма-малыми углами возвышенія, летѣли далеко, описывая большія траекторіи, и падали большею частію на крыши домовъ, тогда какъ еслибы мѣстность взлетѣвшаго пороховаго погреба была на одномъ уровнѣ съ мѣстностію всего города, то камни и обломки, брошенные взрывомъ подъ малыми углами возвышенія, летѣли бы на гораздо меньшія разстоянія и ударялись бы преимущественно въ стѣны домовъ (1).

Самыя важныя и сильныя поврежденія, которыми зданія, особенно близкія къ мѣсту взрыва, были приведены въ полуразрушенное состояніе, произошли не отъ камней, брошенныхъ взрывомъ, но отъ сильныхъ натисковъ сотрясеннаго усиленно-упругаго воздуха и отъ одновременнаго съ этимъ вздрагиванія почвы.

Взрывъ произошелъ въ тотъ моментъ, когда только что успѣли войдти въ погребъ люди по обязанностямъ службы.

Планъ, съ котораго копія приложена къ этой статьѣ, изданъ безъ масштаба, съ тою цѣлью, чтобы не обнаружить размѣры верковъ крѣпости Майнцъ.

---

(1) Такъ это и было при взрывѣ въ городѣ Очаковѣ. (Слич. описанія бывшаго тамъ взрыва, стран. 86—88.)

ВЗРЫВЪ ВЪ АСТРАХАНИ.

Изъ казанскаго пороховаго завода 5 іюля 1858 года былъ отправленъ по рѣкѣ Волгѣ въ астраханскій артиллерійскій складъ транспортъ съ 5000 пудовъ пороха (1), который назначался на удовлетвореніе надобностей кавказскихъ складовъ. Порохъ этотъ былъ нагруженъ на вольнонанятое судно, называемое *расшива* (барка), и сопровождался подпоручикомъ казанскаго пороховаго завода Кирѣевымъ и конвоемъ, состоявшимъ изъ одного унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ. Сверхъ того на расшивѣ находились: ея хозяинъ, лоцманъ и шесть рабочихъ, всего четырнадцать человѣкъ.

Черезъ 26 дней послѣ отплытія изъ Казани, и именно 31-го іюля, около 9 часовъ вечера это судно прибыло къ астраханскому рейду, и такъ какъ никто изъ служащихъ по водяной коммуникаціи тогда ему не встрѣтился и мѣста не отвелъ, то оно остановилось саженяхъ въ 25-ти отъ лѣваго берега Волги, ниже порта, противъ пристани купца Казачкова (Кафтанникова).

Часа черезъ полтора послѣ того какъ расшива съ порохомъ стала на мѣсто, вспыхнулъ въ г. Астрахани пожаръ, который, усиливаясь болѣе и болѣе, началъ дѣлаться опаснымъ для судна съ порохомъ; тогда, около двухъ часовъ за полночь, подпоручикъ Кирѣевъ, находившійся на расшивѣ, послалъ изъ нижнихъ чиновъ, конвоировавшихъ порохъ, унтеръ-офицера Мандыбая Абдрязанова и рядоваго Іогана Крешмана къ завѣдывающему астраханскимъ артиллерійскимъ складомъ подполковнику С**, съ тѣмъ чтобъ донести ему объ опасности, въ которой находится порохъ, и просить помощи; но посланные не возвращались (2), а пожаръ все усиливался; тогда подпоручикъ

---

(1) Въ этомъ количествѣ заключалось: пороху пушечнаго 1000 пудъ, мушкетнаго крупнаго 2000 пудъ, мушкетнаго мелкаго 800 пудъ и винтовочнаго 1200 пудъ.

(2) Здѣсь я приведу слова Іогана Крешмана, объясняющія причину, по которой оба посланные не возвратились на расшиву съ порохомъ. «Когда мы шли, говорилъ Крешманъ,—къ артиллерійскому подполковнику С**,

Кирѣевъ велѣлъ поднять якорь и сплавлять расшиву съ порохомъ внизъ по теченію Волги въ болѣе-безопасное мѣсто. Когда расшива отплыла около полуверсты и находилась въ городѣ между Военнымъ портомъ и Провіантскою пристанью, тогда ее начали тѣснить другія суда, плывшія въ безпорядкѣ внизъ по Волгѣ; въ это время, не далѣе какъ саженяхъ въ 20, шелъ мимо казенный пароходъ, имѣвшій на буксирѣ двѣ баржи; увидавъ пароходъ, подпоручикъ Кирѣевъ, хозяинъ расшивы и лоцманъ стали кричать о помощи и просить пароходъ, чтобъ расшиву съ казеннымъ порохомъ взять на буксиръ и спасти отъ взрыва, но съ казеннаго парохода имъ отвѣчали: «спасайтесь какъ знаете,» и пароходъ не полнымъ ходомъ пошелъ далѣе... Вскорѣ послѣ этого расшиву съ порохомъ, окруженную и тѣснимую другими судами, начало, усилившимся вѣтромъ, прибивать къ правому берегу Волги. Опасность увеличивалась болѣе и болѣе. Изъ предосторожности были облиты водою: палуба расшивы, паруса, снасти и все находившееся наверху судна, а швабры были намочены для тушенія падавшихъ искръ; но всѣ эти мѣры оказались недостаточными; расшиву вмѣстѣ съ другими судами пригнало къ правому берегу Волги, ниже Новенькихъ Ватагъ, и вскорѣ за тѣмъ, къ

дать знать, что прибыли съ порохомъ и просить какого-либо пособія отъ опасности, то на пути встрѣтилъ насъ неизвѣстный партикулярный человѣкъ, ѣхавшій на дрожкахъ, и остановя насъ, спрашивалъ куда и зачѣмъ мы шли, и узнавши о томъ, посадилъ на дрожки унтеръ-офицера Мандыбая Абдрязанова, а мнѣ велѣлъ идти за ними по той же дорогѣ; я догнать ихъ не могъ и отсталъ, но немного спустя, увидѣлъ идущаго назадъ Мандыбая, который сказалъ, что былъ у подполковника С**, и тотъ посылаетъ насъ къ коменданту. Въ квартирѣ коменданта намъ объявили, что эту должность исправляетъ плацъ-майоръ; мы отправились къ плацъ-майору, но тамъ намъ сказали, что онъ на пожарѣ. Послѣ этого мы возвратились къ мѣсту, гдѣ стояло наше судно съ порохомъ, но его на мѣстѣ уже не было; тогда мы пошли его отыскивать по набережной, внизъ по теченію Волги, и когда прошли казенную провіантскую пристань, услышали взрывъ пороха на противоположномъ берегу Волги, но незная на вѣрное, что этотъ взрывъ произошелъ на нашей расшивѣ, пошли далѣе и были верстъ за семь отъ города; но не найдя своей расшивы, возвратились къ подполковнику С**, гдѣ неизвѣстный намъ солдатъ объявилъ, что у С** былъ какой-то офицеръ и, взявши сапоги, ушелъ въ артиллерійскую казарму, куда и мы тотчасъ отправились. Тамъ мы нашли своихъ товарищей и офицера, отъ которыхъ узнали, что взрывъ пороха былъ на нашемъ суднѣ.»

правому же берегу Волги, повыше расшивы, прибило двѣ горящія барки, отъ которыхъ огонь сообщился судамъ находившимся выше расшивы. Верхъ мачты на самой расшивѣ началъ загораться. Никакой вѣроятности спасенія не было. Подпоручикъ Кирѣевъ приказалъ прорубить нижнюю часть боковъ расшивы съ тою цѣлію, чтобы, потопивъ ее, избѣжать взрыва. Когда бока судна были прорублены его хозяиномъ и лоцманомъ, то подпоручикъ Кирѣевъ велѣлъ всѣмъ находившимся на расшивѣ спасаться, вслѣдствіе чего нѣкоторые сѣли въ бывшую при расшивѣ лодку, а другіе бросились въ воду и достигли до берега, то вплавь, то вбродъ; а такъ какъ подпоручика Кирѣева не было между спасавшимися, то рядовой Андрей Михайловъ, возвратясь на расшиву, призвалъ хозяина ея и, вмѣстѣ съ нимъ, снялъ съ расшивы подпоручика Кирѣева и достигли до берега. Это было на разсвѣтѣ, 1-го августа. Всѣ прибывшіе на берегъ съ расшивы, нагруженной порохомъ, побѣжали по берегу (противъ вѣтра), крича людямъ, находившимся на другихъ частныхъ судахъ, чтобъ они спасались отъ взрыва; такимъ образомъ пробѣжали они не болѣе 30-ти саженей, какъ раздался взрывъ, которымъ многіе изъ нихъ были сшибены съ ногъ и оглушены такъ, что не могли слышать. Послѣ взрыва, хозяинъ судна, мѣщанинъ Казанской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда, Егоръ Анкудиновъ (Кудиновъ), возвратился къ мѣсту, гдѣ стояла его расшива, но и слѣдовъ ея уже не было.

При осмотрѣ мѣста, гдѣ произошелъ взрывъ, оказалось, что за чертой города, на правомъ берегу Волги, ниже Новенькихъ Ватагъ, выбросило на берегъ, въ видѣ правильнаго полукружія, множество мелкихъ щепъ, образовавшихся изъ бочонковъ, заключавшихъ въ себѣ порохъ. Въ томъ же направленіи выбросило на пространствѣ полуторы версты много бревенъ, изъ которыхъ иные имѣли до пяти саженей длины; тѣ изъ подобныхъ бревенъ, которыя упали плашмя, образовали подъ собой впадины до полуаршина глубины, а тѣ, которыя падали стоймя, вонзились до полсажени глубины въ землю. Вдоль праваго берега Волги, на пространствѣ шестидесяти саженей, земля треснула. Сверхъ того разказываютъ, что вода въ Волгѣ во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе взрыва, поднялась на сажень, затопивъ берегъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ саженей въ ширину и до полуаршина въ глубину. Вмѣстѣ съ водою выбросило на сушу такое множество рыбы, а особенно

бершей, маленькихъ сомовъ и лещей, что окрестные жители собирали эту добычу ведрами.

Въ самомъ городѣ Астрахани, многіе взрывомъ были оглушены, иные не удержались на ногахъ. Почти во всѣхъ домахъ нѣкоторыя стекла были выбиты, а въ иныхъ стеклахъ сдѣлались почти совершенно круглыя отверстія, какъ будто отъ пролетѣвшаго ядра. Нѣсколько рамъ, дверей и крышъ не только повреждено, но даже сорвано съ своихъ мѣстъ и отброшено. Сила удара была такъ велика, что его послѣдствія отзывались, особенно по поверхности воды, верстъ на сорокъ.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, 24-го августа 1858 г. № 185, была помѣщена статья, въ которой корреспондентъ, не объявившій своего имени, описываетъ астраханскій пожаръ и происшедшій во время пожара взрывъ пороха; въ упоминаемой статьѣ относительно взрыва было напечатано слѣдующее. «Двѣ горѣвшія барки подошли къ пороховому судну и зажгли его. Надо думать, что не весь еще порохъ успѣлъ промокнуть, потому что прикосновеніе огня произвело въ немъ взрывъ. Три сцѣпившіяся судна были чрезвычайно стремительно подняты на воздухъ, и разлетѣлись множествомъ огненныхъ осколковъ, бо́льшая ихъ часть упала въ воду, но нѣкоторые были причиной новыхъ несчастій. Одинъ (а можетъ-быть и нѣсколько) вонзился въ средину бунтовъ съ казеннымъ провіантомъ, сложеннымъ на Царевскомъ берегу въ количествѣ свыше 35.000 четвертей; отъ жестокаго раскаленія осколка и стремительнаго его паденія, весь складъ воспламенился такъ скоро, что самая усердная помощь, немедленно предложенная къ спасенію хлѣба, оказалась несостоятельною— хлѣбъ погибъ. Черезъ два дня, какъ скоро онъ весь прогорѣлъ, въ его золѣ оказалась якорная лапа; прочіе осколки, безъ сомнѣнія, были деревянные, и потому истлѣли вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Далѣе рядомъ зажжена и сожжена съ неменьшею быстротой лѣсная пристань г. Гилля, въ которой послѣ пожара найденъ якорный обломокъ. Наконецъ, на разныхъ разстояніяхъ, разомъ зажжено нѣсколько судовъ.»

Я не могу здѣсь умолчать о невѣрности показаній корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, потому что подобныя невѣрности въ изложеніи фактовъ бросаютъ ложный свѣтъ на явленія, выказавшіяся при описываемомъ теперь взрывѣ пороха.

1) Плывшія внизъ по Волгѣ двѣ горящія барки не сцѣплялись съ расшивой, нагруженною порохомъ, и не могли быть вмѣстѣ съ нею подняты на воздухъ, потому что онѣ были прибиты вѣтромъ не къ расшивѣ, а къ судамъ, находившимся повыше расшивы; эти суда загорѣлись, и отъ нихъ уже огонь сообщился расшивѣ съ порохомъ.

2) Вслѣдствіе взрыва, не было разомъ зажжено нѣсколько судовъ, но эти суда загорѣлись еще прежде взрыва, отъ примкнувшихъ къ нимъ двухъ горящихъ барокъ, о которыхъ сейчасъ было говорено.

3) Якорная лапа, принадлежавшая расшивѣ съ порохомъ и брошенная взрывомъ, не могла зажечь и истребить болѣе 35.000 четвертей казеннаго провіянта, состоявшаго въ хлѣбѣ, который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ веществамъ, трудно и худо горящимъ; невѣроятность сожженія хлѣба якорною лапой, принадлежавшею расшивѣ съ порохомъ, доказывается *во-первыхъ* тѣмъ, что, для зажженія провіянта, якорная лапа должна была не только въ раскаленномъ состояніи перелетѣть значительное пространство, но, и упавъ на провіянтъ, она должна была сохранить, на извѣстное время, по крайней мѣрѣ вишнево-калильный жаръ; на основаніи же законовъ физики, якорная лапа, принадлежавшая расшивѣ, не могла получить такого сильнаго раскаленія въ два-три мгновенія, пока вспыхнулъ порохъ; *во-вторыхъ*, положительно дознано, что якорная лапа, найденная на провіянтской пристани, вовсе не принадлежала расшивѣ съ порохомъ, и именно: 1-го сентября 1858 года, хозяину бывшей разшивы съ порохомъ, ея лоцману, пяти судорабочимъ и четыремъ конвойнымъ нижнимъ чинамъ, находившимся на той расшивѣ, были предъявлены найденныя послѣ взрыва: а) на казенной провіянтской пристани—якорная лапа, б) на пристани чиновника Гилля—якорь и при немъ лапа, и в) еще якорь, найденный у забора купца Углева; по разсмотрѣніи этихъ якорей и лапъ, хозяинъ расшивы, лоцманъ и остальные девять человѣкъ объявили, что показываемые имъ якоря и лапы не принадлежатъ ихъ судну, потому что находившійся на ихъ суднѣ якорь былъ заводскій, круглый, съ узенькими небольшими лапами, а предъявляемые имъ два якоря имѣютъ бока граненые, лапы широкія и въ длину гораздо больше. Прочіе же три якоря, находившіеся на расшивѣ съ порохомъ, были размѣромъ и вѣсомъ вдвое болѣе показываемыхъ и не имѣли съ ними никакогосходства.

IV.

Здѣсь я изложу въ короткихъ словахъ выводы и замѣчанія, которые мною сдѣланы какъ по собственнымъ наблюденіямъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, такъ и по описаніямъ взрывовъ въ городахъ Очаковѣ, Кронштадтѣ, Майнцѣ и Астрахани.

1) *Величина воронки.* На мѣстѣ зданій, заключавшихъ въ себѣ порохъ и взлетѣвшихъ на воздухъ, образуются ямы или воронки, которыхъ величина, при равныхъ прочихъ условіяхъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ глубже эти зданія были врыты въ землю и чѣмъ устойчивѣе были ихъ своды или крыши; такъ, очаковскій погребъ, который содержалъ въ себѣ болѣе 700 пудовъ пороха, имѣлъ 7½ саженей длины, 4 сажени ширины, почти 3 сажени вышины (1), и былъ снабженъ крышей и земляною сверхъ ея насыпью, слишкомъ въ аршинъ толщины,— при взрывѣ оставилъ послѣ себя воронку въ 15 саженей длины, 10 саженей ширины и 3 сажени глубины. Майнцскій погребъ, который содержалъ въ себѣ около 570 пудовъ пороха, хотя не былъ очень углубленъ въ землю, но имѣлъ прочный каменный сводъ и сверхъ него крышу (размѣры погреба къ сожалѣнію мнѣ не извѣстны), при взрывѣ оставилъ послѣ себя воронку, имѣющую 5 саженей въ діаметрѣ и около 2½ саженей глубины. Охтенскія же пороходѣльныя зданія, изъ которыхъ иныя (по показанію командира завода) содержали до 190 и до 215 пудовъ пороха, и имѣли различные размѣры, отъ 6 до 12½ саженей длины и отъ 3½ до 8 саженей ширины, и которыхъ полъ былъ отдѣленъ отъ земли слоемъ воздуха, толщиной около четырехъ вершковъ, а крыши построены весьма легко изъ листовъ желѣза или кровельнаго толя,—эти, говорю, зданія, при взрывахъ, оставили послѣ себя весьма небольшія воронки, отъ 1½ до 2½ аршинъ въ діаметрѣ и отъ 8 до 12 вершковъ глубины.

---

(1) Вышина очаковскаго пороховаго погреба болѣе чѣмъ на двѣ сажени скрывалась въ землѣ.

2) *Объемъ дѣйствія взрыва.* Дѣйствіе каждаго взрыва разграничивается тремя пространствами, изъ которыхъ *внутреннее или центральное* бываетъ наполнено расширенными, раскаленными газами, и предметы, тутъ находящіеся, подвергаются не только разрушительному механическому, но и химическому дѣйствію газовъ. Это центральное пространство окружено *пространствомъ среднимъ*, которое бываетъ наполнено сотрясеннымъ воздухомъ, получившимъ усиленную упругость, сгущенность, оттого, что газы, развившіеся изъ пороха въ центральномъ пространствѣ, вытолкнули сюда находившійся тамъ воздухъ. Это среднее пространство отличается тѣмъ, что въ немъ хотя уже не замѣтно и слѣдовъ химическаго дѣйствія, но за то разрушительное механическое дѣйствіе натисковъ сотрясеннаго, усиленно-упругаго воздуха обнаруживается довольно равномѣрно по всѣмъ радіусамъ. Наконецъ, *крайнее или наружное пространство* окружаетъ собою пространство среднее и отличается тѣмъ, что находящійся въ немъ сотрясенный воздухъ не имѣетъ той усиленной упругости, которая замѣчалась въ среднемъ пространствѣ, и поэтому здѣсь дѣйствіе натисковъ воздуха обнаруживается не равномѣрно по всѣмъ радіусамъ и гораздо уступчивѣе подчиняется постороннимъ вліяніямъ, которыя оказываютъ: сила вѣтра, разныя условія мѣстности и пр.

Такъ какъ въ центральномъ и среднемъ пространствахъ дѣйствія пороховыхъ взрывовъ обнаруживаются съ бо́льшимъ напряженіемъ и равномѣрностію по всѣмъ радіусамъ, то было бы полезно собрать сколько возможно болѣе данныхъ для опредѣленія діаметра этихъ пространствъ, при взрывахъ, разнящихся между собою какъ количествомъ вспыхнувшаго пороха, такъ и другими условіями. Изъ данныхъ, помѣщенныхъ мною въ этомъ трудѣ, видно, что при вспышкѣ 670 пудовъ или одной кубической сажени пороха, центральное и среднее пространства, совокупно взятыя, займутъ на поверхности земли мѣстность, простирающуюся отъ центра взрыва по крайней мѣрѣ на 250 саженей или на полверсты по всѣмъ тѣмъ радіусамъ, гдѣ газы и воздухъ не встрѣтили неодолимыхъ препятствій.

Одна седьмая длины этихъ радіусовъ, тамъ, гдѣ они сходятся въ центръ (или, другими словами, мѣстность отъ центра почти на 35 саженей во всѣ стороны), будетъ принадлежать исключительно внутреннему или центральному пространству.

Крайнее же или наружное пространство, при вспышкѣ 670

пудовъ пороха, можетъ въ извѣстныхъ направленіяхъ получить огромные размѣры и имѣть радіусы, простирающіеся отъ центра взрыва на 25 и 30 верстъ и даже болѣе.

3) *Дальность разлета обломковъ* и раздробленныхъ частей тѣхъ зданій, въ которыхъ произошелъ взрывъ, зависитъ отъ количества вспыхнувшаго пороха, отъ крѣпости и устойчивости взорваннаго зданія, отъ мѣстности, на которой помѣщалось это зданіе, отъ величины самыхъ обломковъ и пр. Но вообще, если принять за норму каменное зданіе, имѣющее обыкновенной толщины стѣны со сводомъ, стоящее на одномъ уровнѣ съ окружающею его мѣстностію, и заключающее въ себѣ 670 пудовъ или кубическую сажень пороха, то обломки и осколки такого взорваннаго зданія, вѣсящіе до 10 фунтовъ, при безвѣтріи разбрасываются на пространство, котораго всѣ радіусы, проведенные отъ центра взрыва, будутъ имѣть до одной версты протяженія. Надобно не забывать, что здѣсь не берутся въ разчетъ тѣ немногіе обломки, которые вслѣдствіе особенныхъ условій перебрасываются иногда на разстоянія вдвое и даже втрое бо́льшія противъ показанныхъ здѣсь; такіе случаи принадлежатъ скорѣе къ исключеніямъ.

4) *Направленіе полета обломковъ*, разбрасываемыхъ взрывомъ, бываетъ болѣе равномѣрное по всѣмъ радіусамъ тогда, когда взлетѣвшее на воздухъ зданіе стояло на ровной и открытой мѣстности. Еслиже вблизи взорваннаго зданія находилась крѣпкая стѣна, валъ, скала, крутой косогоръ или другая какая-нибудь большая и ровная поверхность, перпендикулярная или наклонная къ горизонту, и если эта преграда не разрушилась отъ взрыва, а только послужила площадью отраженія, то направленіе полета обломковъ бываетъ уже неравномѣрное по всѣмъ радіусамъ, но усиливается въ ту сторону, которая противоположна плоскости отраженія, потому что въ сказанную сторону летятъ какъ тѣ обломки, которые прямо туда брошены взрывомъ, такъ и тѣ, которые, ударившись объ отражающую плоскость, отъ нея отбросились (1).

---

(1) Въ этомъ родѣ опытъ можно сдѣлать у себя въ комнатѣ; положимъ, что у васъ, читатель, есть пистолетъ, изъ котораго пуля, на разстояніи 30 шаговъ, пробиваетъ доску толщиной въ $^1/_2$ дюйма. Если, вмѣсто того чтобы стрѣлять за 30 шаговъ, вы приблизите дуло вашего пистолета на $^1/_4$ вершка къ самой стѣнѣ или къ толстому деревянному брусу и выстрѣлите, то пуля, сдѣлавъ въ деревѣ сильное углубленіе и

5) *Вздрагиваніе или сотрясеніе почвы* при взрывахъ можетъ быть сильнѣе и слабѣе, смотря по количеству вспыхнувшаго пороха, крѣпости и устойчивости зданія, въ которомъ произошелъ взрывъ, глубинѣ, на которую это зданіе было врыто въ землю, качествамъ самой почвы и проч. Судя по вздрагиваніямъ земли, которыя замѣчались при взрывахъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, конечно, нельзя сдѣлать общаго заключенія, но все-таки по нимъ можно предполагать, что при взрывѣ 670 пудовъ или кубической сажени пороха, заключавшихся въ зданіи, нисколько не углубленномъ въ землю, снабженномъ легкою крышей и стоящемъ хотя на твердомъ грунтѣ, но имѣющемъ въ сосѣдствѣ почти болотистую мѣстность, вздрагиваніе почвы можетъ быть ощутительнымъ на пространствѣ, котораго радіусъ, проведенный изъ центра взрыва, будетъ равняться по крайней мѣрѣ десяти верстамъ. Если то же самое количество пороха вспыхнуло бы въ зданіи крѣпкомъ, устойчивомъ, снабженномъ прочнымъ сводомъ и глубоко врытомъ въ землю, то вздрагиваніе почвы было бы ощутительно на болѣе-обширномъ пространствѣ.

6) *Распространеніе звука взрыва* чрезвычайно непостоянно и измѣнчиво, потому что, кромѣ разныхъ другихъ вліяній, оно весьма много подчиняется вліянію вѣтра. Если принять за норму, что при безвѣтренной погодѣ, въ зданіи, стоящемъ на безлѣсной, ровной и открытой мѣстности, вспыхнуло 670 пудовъ или кубическая сажень пороха, то звукъ взрыва будетъ слышенъ на пространствѣ, котораго каждый радіусъ, проведенный изъ центра взрыва, имѣетъ около двадцати верстъ. Если же погода вѣтренная, и особенно если вѣтеръ будетъ въ ту сторону, гдѣ течетъ широкая рѣка, находится большое озеро, заливъ моря и вообще какая бы то ни было большая водная поверхность, которая своею гладкостію и ровностію весьма способствуетъ стройному теченію сотрясенныхъ волнъ воздуха, а слѣдовательно и распространенію звука,—тогда звукъ взрыва, бѣгущій по вѣтру черезъ водяную поверхность, можетъ быть слышимъ на пространствѣ вдвое и даже втрое большемъ

изщепавъ опаленные края этого углубленія, отскочитъ на большое пространство въ сторону, противоположную той стѣнѣ, въ которую вы стрѣляли, а отраженіе газовъ произведетъ то, что вы выстрѣломъ будете почти оглушены. Производя этотъ опытъ, руку съ пистолетомъ должно отводить въ сторону отъ туловища, иначе пуля, отразившись, можетъ попасть въ самого экспериментатора.

противъ вышеуказаннаго; но за то съ противоположной, надвѣтренной стороны онъ будетъ слышенъ на гораздо-меньшемъ противъ 20 верстъ пространствѣ.

7) *Способъ постройки зданія, вмѣщающаго въ себѣ порохъ*, имѣетъ значительное вліяніе какъ на дальность разлета обломковъ и осколковъ, такъ и на самое ихъ количество. Если взлетѣвшее на воздухъ зданіе, содержавшее въ себѣ порохъ, кромѣ крыши имѣло еще каменный сводъ (какъ погребъ въ Майнцѣ) и не было ни углублено въ землю, ни обнесено высокимъ крѣпкимъ валомъ, то раздробленныя и брошенныя взрывомъ части свода этого зданія значительно увеличатъ количество обломковъ, а отсутствіе вала доставитъ возможность обломкамъ разлетаться не только подъ острыми углами, но даже и въ горизонтальномъ направленіи. Поэтому, если погребъ назначенъ для храненія пороха въ мирное время, безопасенъ отъ непріятельскихъ снарядовъ и находится вблизи города, или вообще вблизи жилыхъ строеній, то для уменьшенія опустошительнаго дѣйствія, въ случаѣ взрыва, при постройкѣ такого погреба не должно дѣлать каменнаго свода, а только одну крышу изъ легкаго огнеупорнаго матеріяла, и стараться весь погребъ или болѣе углублять въ землю, или окружать высокимъ крѣпкимъ валомъ (1).

П. Малиновскій.

(1) Остальная, наибольшая часть этого отдѣла, заключавшая въ себѣ замѣчанія, касавшіяся администраціи, не могла быть напечатана по причинамъ, не зависящимъ отъ редакціи.

РАЗКАЗЪ СТРАННИЦЫ

Я ѣхалъ къ себѣ въ имѣніе въ X. губернію. Это было лѣтомъ. Жаркіе стояли дни, и отдохнуть вечеромъ въ полѣ послѣ дневнаго жара было истинною отрадой. Со мною было ружье и Оскалъ, лягавая собака,—постоянные спутники почти во всѣхъ моихъ путешествіяхъ и загородныхъ прогулкахъ. Человѣкъ мой, заболѣвшій въ дорогѣ, остался въ больницѣ одного уѣзднаго города. Поравнявшись съ лѣсомъ, я велѣлъ остановить лошадей и вышелъ изъ душнаго тарантаса, чтобы подышать лѣсною прохладой, не забывъ захватить съ собой и ружье. Нѣсколько минутъ бродилъ я по лѣсу; солнце только что начало садиться, и ароматный запахъ зелени, навѣваемый легкимъ вѣтеркомъ, такъ и манилъ дальше и дальше. Забираясь въ самую глушь кустарника, выходя по временамъ на зеленыя лужайки, добрался я наконецъ до противоположной стороны опушки лѣса, и тутъ разсудилъ сдѣлать маленькій привалъ. Оскалъ мой шныряль во всѣ стороны и съ какимъ-то неистовымъ упоеніемъ принюхивался, упражняя свое чутье. Онъ бѣжалъ впереди меня, помахивая хвостомъ, въ знакъ полнаго удовольствія; по временамъ онъ прислушивался, и останавливаясь, рылъ проворно лапами землю и снова, вытянувъ шею, бросался въ самую чащу. Занятый этими эволюціями, онъ не замѣтилъ моей остановки, и лишь только я прилегъ на траву, чтобы выкурить сигару, послышался громкій лай и вслѣдъ за-

тѣмъ крики смѣшанныхъ голосовъ. Зная слабость своей собаки деспотически раздѣлываться съ личностями, не приходящимися ей по нраву, я поспѣшилъ на выручку какой-нибудь жертвы, хотя не слишкомъ можетъ-быть обиженной добрымъ Оскаломъ, но тѣмъ не менѣе напуганной его придирчивостію и манерой потрепать за платье. Подобное невѣжество позволялъ онъ себѣ впрочемъ только противъ людей, вооруженныхъ палкою, къ которой Оскалъ хранилъ глубокую ненависть, вѣроятно еще со временъ дрессировки. Раздвигая кусты, я подвигался влѣво, откуда сильно пахнуло на меня запахомъ луку, что̀ подтвердило мои догадки о присутствіи какого-нибудь человѣческаго существа. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, я дѣйствительно увидѣлъ цѣлое общество богомолокъ; онѣ сидѣли въ кружокъ, около самой канавки, отдѣляющей лѣсъ отъ поля, и весь караванъ расположился повидимому ужинать: хлѣбъ, лукъ и вода вофляжкахъ составляли походную закуску, такъ безсовѣстно разстроенную набѣгомъ моего буйнаго спутника.

— Ахъ ты лѣшій! Да отвяжешься ли ты отъ меня? Братики, да не бѣшеный ли онъ какой? Ахъ ты пропасть тебя возьми! кричала старуха, размахивая палкой надъ спиной Оскала, съ ожесточеніемъ осаждавшаго ея темную куцавейку.

Лаконическое *тубо*, строго крикнутое мною, вмигъ остановило забіяку. Покорно принявъ нѣсколько ударовъ хлыста отъ хозяйской руки, онъ смиренно, потупя голову и поджавъ хвостъ, улепетнулъ въ сторону.

— Ну ужь батюшка! ну ужь родной! одолѣлъ меня твой песъ проклятый, шутъ его побери! Душа въ пятки ушла, такъ вотъ думала зубастый на мѣстѣ и положитъ. Спасибо еще, куцавейка цѣла, не изорвалъ, разбойникъ. Вишь ты оказія какая! продолжала кричать пилигримка, осматриваясь со всѣхъ сторонъ съ разстроенно-плачевнымъ видомъ.

Я понималъ, что дѣло не должно кончиться безъ вознагражденія за испугъ, и подойдя ближе, чтобъ удовлетворить обиженную, былъ сильно удивленъ нечаянною встрѣчей хоть давно забытаго, но слишкомъ знакомаго мнѣ лица.

— Татьяна Архиповна, ты ли это?

Старуха встрепенулась.

— Святители мои, да кто же это меня призналъ? ахнула она, выставивъ на меня глаза.

— А помнишь Петра Васильевича, гимназиста, что̀ у тебя квартировалъ?

— Ахъ, батюшки, вотъ оказія такъ оказія! Ахъ вы мой сударикъ! да нешто это вы? Такой-то ужь большой, да совсѣмъ какъ-есть баринъ! а у меня какъ тростиночка ходилъ, жиденькій, худенькій, дитя да и только, а теперь вишь ты какъ выровнялся!

— Пора выровняться; вѣдь этому прошло десять лѣтъ.

— Десять лѣтъ, эка шутка! говорила она нараспѣвъ:— много, много за такое время воды утечетъ, а вѣдь вотъ привелъ Господь свидѣться. Правду говоритъ пословица: гора съ горой не столкнется, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. Да какъ ты-то меня призналъ?

— Ты такая же осталась, отвѣчалъ я,—какъ и была. Помнишь, какъ шутя мы тебя сморчкомъ прозвали? такимъ же сморчкомъ и теперь смотришь.

— Хи, хи, хи! хрипло засмѣялась старуха:—помню, помню все, батюшка. То-то было времечко! А теперь другое, прибавила она, тяжело вздохнувъ.

И я помнилъ очень хорошо это милое прошлое; помнилъ, что Татьяна была для меня цѣлыхъ семь лѣтъ самою добросовѣстною и услужливою хозяйкой. Я стоялъ у нея на квартирѣ весь гимназическій курсъ и почти возмужалъ на ея глазахъ. Добрая женщина была эта Татьяна. Сколько удобствъ предоставляла она мнѣ сначала за шесть, а потомъ за семь рублей въ мѣсяцъ. Комнатка моя всегда была прибрана какъ игрушечка, все бѣлье перемыто, переглажено, перечинено: сапоги блестѣли какъ зеркало, на зависть цѣлому классу, а о столѣ ужь и говорить нечего: никто изъ одинокихъ воспитанниковъ не ѣдалъ такихъ чудныхъ щей, затолченныхъ саломъ, такой румяной свинины съ картофелемъ, или разсыпчатаго крупеника съ густыми сливками; а по праздникамъ пирогъ, и какой душистый! идя бывало изъ церкви, еще въ началѣ проулка слышу его... И съ чѣмъ она пироговъ не пекла! и съ рысью, какъ сама говорила, и съ капустой, и съ легкимъ, и съ картофелемъ; иногда, глядя на начинку, усумнишься, думаешь, добра изъ этого не будетъ, а на дѣлѣ окажется: что̀ въ ротъ, то спасибо, ѣшь да похваливаешь! Еще, кромѣ законныхъ трехъ блюдъ, иногда и сюрпризъ приготовитъ: тарелку сочныхъ грушъ или яблокъ гдѣ-нибудь поста-

вить за тетрадями; тутъ приготовишься латынь твердить, а изъ-подъ книжки выглядываютъ прянички, горсть орѣховъ, или что-нибудь изъ подобныхъ удовольствій. Много завидовали мнѣ товарищи и тоже любили ее: заходившихъ ко мнѣ, бывало никогда безъ обѣда не оставитъ. Добрая была она и не глупая женщина. Я со слезами разставался съ нею, отправляясь въ университетъ. Всхлипывала и Архиповна, съ непритворнымъ горемъ выпровожая меня.

— Ну-ка, Архиповна, сказалъ я послѣ первыхъ привѣтствій,— присядемъ-ка подальше отъ твоей компаніи; я выкурю сигару, да поговоримъ о старинѣ. Куда тебя Богъ несетъ, откуда, какъ живешь, какъ можешь?

— Присядемъ, родной мой, присядемъ. Тутъ и на тебѣ никто не взыщетъ, что толкуешь съ мѣщанкою: въ полѣ воля, всѣ равны. Только какъ бы разбойникъ-то твой, прибавила она, поглядывая на собаку,—чтобъ онъ опять, будь ему пусто! не бросился.

— Ничего, ничего, при мнѣ не тронетъ. Вотъ здѣсь и расположимся, говорилъ я, усаживаясь подъ кустомъ, въ недальнемъ разстояніи отъ общества странницъ, съ любопытствомъ поглядывавшихъ на насъ и повидимому съ аппетитомъ предававшихся ужину.

— Да, заговорила Татьяна Архиповна,—шутка ли, десять лѣтъ! что̀ времени ушло!

— Что̀ жь ты живешь все тамъ же, въ К...? Домикъ твой цѣлъ, служитъ еще тебѣ?

— И, нѣтъ, батюшка! Вотъ ужь девятый годъ бездомствую; живу, сударикъ ты мой, въ монастырѣ просвирней, и тамъ кой-какія келейныя работы исполняю, а о добромъ своемъ и думать позабыла. Извѣстно тебѣ, жила полною чашей, да все прахомъ пошло.

— Какъ такъ? да что̀ же тебя разстроило? А сынъ твой гдѣ, къ которому, помнишь, ты все меня письма писать заставляла?

— Онъ-то меня и сокрушилъ, безбожный: мать хороша покуда нужна, а оперился—и лучшихъ нашелъ. Женился, вишь ты, въ Ростовѣ на какой-то безпутной солдаткѣ, да какъ привезъ ее ко мнѣ, такъ и пошло все вверхъ дномъ: и то и другое дурно. Я совсѣмъ не годною стала; такъ и мутитъ моя Матрешка; мотыга такая, разбитная, глазоньки бы на нее не смотрѣли. А мой-то такъ и вскинется на мать за всякое слово своей вертопрашки! Ну, просто не жизнь пришла, а омутъ.

Говорю я: Акимъ, гнѣвишь ты Бога, мать со свѣту сживаешь, все мое доброе я на тебя положила. Мой вѣкъ коротокъ, найду себѣ уголъ, обиждать тебя не хочу, живи съ Богомъ, а мнѣ у васъ не умирать: живую въ яму зароете. Такъ-то говорила я, да и отправилась куда глаза глядятъ; взяла деньжонки кое-какія, и мысль моя была походить по святымъ мѣстамъ, душу отвести. Вотъ Богъ и привелъ на первыхъ же порахъ въ нашу обитель. Ночлегъ тамъ имѣла, да такъ мнѣ понравилось, что и по сю пору осталась: самъ Господь пріютилъ и успокоилъ.

Старуха набожно перекрестилась и вздохнула.

— Ну, а теперь опять на богомолье отправляешься? спросилъ я.

— Да теперь, другъ ты мой, плетусь черезъ силу; годы-то мои ужь такіе, что и ноги не выносятъ. Я запрошлый годъ по угодникамъ ходила; вотъ и теперь пришлось. Пятый мѣсяцъ мы грѣшныя толчемся, то пѣшечкомъ, то добрые люди подвезутъ. Да и гдѣ не перебывали? и въ Новомъ-то Іерусалимѣ, и въ Сергіевской, Площанской пустынѣ, Одринѣ монастырѣ, Кіевѣ; всѣ святыя мѣста обошли; гдѣ землицы, гдѣ песочку, гдѣ маслица захватили, со святыней идемъ; вотъ теперь встрѣтили богомолокъ, до Воронежа съ ними пути, а тамъ случится новыхъ попутчицъ найдемъ.

— Но что̀ жь тебя неволитъ плестись черезъ силу? возразилъ я.

— То-то, что иду по чужой нуждѣ, грѣшная: изъ нашей обители дѣвицу послушницу веду—умомъ свихнулась. А ужь и оказія была, Господи, спаси насъ грѣшныхъ! Впервой въ жизни такое видѣть привелось.

Заинтересованный этими словами, я просилъ старуху объяснить, что̀ это значитъ.

— Разкажи же, Архиповна, что̀ сдѣлалось съ этою послушницей и гдѣ она?

— А вонъ сидитъ одна на пенечкѣ, подальше-то ото всѣхъ.

Въ сторонѣ отъ другихъ дѣйствительно сидѣла молодая дѣвушка, или женщина, на ней была черная камлотовая ряска и такой же платокъ окутывалъ голову, окаймляя лицо правильное и красивое, но худое и болѣзненно-блѣдное. Опершись въ колѣна локтями, она поддерживала руками подбородокъ, безотчетно смотря вдаль. Большіе черные глаза ея могли бы назваться прекрасными, еслибъ отсутствіе всякой мысли не

придавало имъ какого-то дикаго выраженія. Я съ любопытствомъ всматривался въ ея черты.

— О, такая ли она была! какъ бы отвѣтила на мою мысль Архиповна:—узнать нельзя, что это наша Душа бѣлая, румяная, дородная дѣвушка. А теперь вишь ты какъ печаль оглодала; еще походомъ нашимъ на воздухѣ-то немного оправилась, а ужь такъ была, что краше въ гробъ кладутъ.

Это интересное предисловіе обѣщало цѣлый романъ, и мнѣ пришлось выслушать его сполна.

— Больно мнѣ разказывать о горѣ этой бѣдняжки, прибавила Архиповна, ну да ты добрый человѣкъ, судить строго ближняго не станешь. Вишь, она у насъ въ монастырѣ прозывается Душей, Авдотьей то-есть. Мать ея богомольная какая-то дворянка была; ужь такъ, говорятъ, набожно въ мірѣ жила, какъ отшельница; ну, какъ умирать стала, родныхъ у дѣвочки не оказалось, окромя одной тетки двоюродной,—у насъ въ монастырѣ казначейшею была,—мать и просила ее принять сироту на свое попеченіе, да позаботиться о ея душеспасеніи: оченно ей хотѣлось, чтобы дочь въ монастырскую жизнь пошла. Только и деньжонокъ ей оставила, чтобы келью заложить. Дѣвочка была по двѣнадцатому году, какъ привезли ее въ обитель; меня въ ту пору тамъ еще и не было; ужь какъ она жила впервые да привыкала, не вѣдаю; все небось около тетки-то сноснѣе было чѣмъ промежь чужихъ; только та ужь больно стара была, стала хворать, собралася по обѣту въ Іерусалимъ съѣздить, передъ смертію Гробу Господню поклониться, да забравшись такъ далеко, тамъ и осталась, въ схиму постриглась. Душѣ было всѣхъ четырнадцать лѣтъ, когда я вошла въ монастырь. И ужь умница какая она была! Грамотная, по-французскому знала, канвовыя работы шила, музыку играла, ну просто не дитя, а золото! Только нравомъ по матери не пошла живая, да непокорная такая, такъ и норовитъ какъ бы что̀ сшалить. Кажется, въ такомъ смиреніи росла, а не привилось оно къ ней. Съ старой монахиней мы вмѣстѣ сначала въ кельѣ стояли, такъ баловница то псалтырь ея куда запрячетъ, то очки засунетъ, да мнѣ потихоньку и сознается: «Архиповна, голубчикъ, вѣдь это я у матушки Пульхеріи утащила, надоѣла она мнѣ своимъ чтеніемъ.» Грѣшная я, промолчу бывало, или хоть и прикрикну на нее, а пожаловаться не пожалуюсь; такъ сердце къ сиротѣ какъ къ родной лежало. Да и доброй души она дѣвушка, только характеромъ-то больно строптива. Богъ за самовластіе

наказалъ. Стала подростать, за рѣдкость въ чемъ монахинь старыхъ послушаетъ: ей скажутъ такъ, а она по своему, все говоритъ: «онѣ глупости говорятъ, я и безъ нихъ знаю, что̀ хорошо и что̀ дурно.» Ужь на что матушка игуменья, всѣмъ гроза общая, а она и ей бывало не уступитъ. Разъ какъ-то подошла на поклонъ, да вмѣсто того, чтобы съ почтеніемъ поясной положить, такъ себѣ легонькій отвѣсила. Это за нею часто замѣчали, да все матушка молчала, а тутъ ужь не выдержала: «что̀, говоритъ, спина-то у тебя не гнется?» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ Душа, не задумавшись, — гнется-то гнется, да я полагала, что въ вашемъ смиренномъ санѣ вы такого раболѣпства не потребуете.» Матушка Херувима только съ досады поблѣднѣла, да махнувъ рукой, приказала ей сорокъ поклоновъ положить. Исполнила дѣвка и двѣ недѣли потомъ съ повязаннымъ горломъ ходила: «я, говоритъ, на поклонахъ вспотѣвши простудилась», и пѣть не пѣла—бѣдовая! А ужь что̀ дать кому, помочь, за больной прислужить, на это лучшей сидѣлки не было: ночь не доспитъ, день не доѣстъ, всякій капризъ болящей исполнитъ... А мои глупые совѣты иногда слушала, стану этакъ говорить: «Ахъ Душа, Душа, готовишь ты себя въ такой важный санъ, а нѣтъ у тебя святаго смиренія ни на крошку. Такъ-то покойницу мать утѣшаешь?» Задумается она, слезы на глазахъ выступятъ, обовьетъ мою шею руками, да такъ жалобно скажетъ: «Охота тебѣ, Татьянушка, меня такими мыслями разстраивать; ну, обѣщаю тебѣ никому не грубить, вотъ увидишь какъ измѣнюсь, всѣхъ буду слушаться, только не говори мнѣ такъ, а лучше за ограду пойдемъ на ступенькахъ посидѣть, да городъ посмотримъ.» А монастырь-то нашъ стоитъ на высокой горѣ, все кругомъ, и городъ, и селы какъ на блюдечкѣ видны. «Ахъ, какъ въ мірѣ, скажетъ она, хорошо!..»—«И-и! другъ мой, кругомъ насъ лучше, это тебя врагъ такъ картинами прельщаетъ.» На смѣхъ меня подыметъ: «Кто это тебѣ выдумалъ, Архиповна? примолвитъ, какой врагъ прельщаетъ? не стыдно ли тебѣ тому вѣрить? Вонъ тамъ барыня въ коляскѣ спускается, вѣрно на гулянье ѣдетъ, тамъ еще господа какіе-то верхами вокругъ сада разъѣзжаютъ, всѣ веселятся, а мы тутъ себѣ сидимъ и радостей не знаемъ. Нѣтъ, въ мірѣ жить хорошо.»—«Пойдемъ-ка въ келью, скажу я, и тамъ не худо.» Вотъ сядемъ себѣ за работу, забудетъ Душа про мірскія веселья, сидитъ да громко молитвы распѣваетъ, а голосъ у ней

былъ серебряный, первою клирошанкою слыла; какъ зальется бывало, такъ душа замретъ слушая, и игуменья ее за это цѣнила, дорожила и нивѣсть какъ такою пѣвуньей. Такъ-то время шло, да шло, росла моя послушница и выровнялась чудо-дѣвушка, глядишь не налюбуешься: глаза черные, коса густая, сама бѣлая, румяная—кровь съ молокомъ, писаная да и только! И сама-то она знать такъ думала: все въ осколочекъ зеркальца посматривалась; но этотъ грѣхъ только при мнѣ и выказывала. Вотъ пошелъ ей двадцать-первый годъ. Разъ это, кажись, подъ самый праздникъ Преображенія, сидимъ мы съ нею вдвоемъ въ кельѣ послѣ всенощной: «а что̀, говоритъ Душа, Татьянушка, ежелибъ я изъ монастыря вышла?»—«Не ты бы говорила, отвѣчаю я, не мнѣ бы слушать, перекрестись-ка, да отплюнь эту мысль, вишь какъ тебя врагъ-то мутитъ подъ святъ день, это его дѣянія, не поддавайся.» Расхохоталась моя дѣвка и продолжаетъ: «Въ чемъ же я тутъ грѣшу? Обѣта я не давала да и ма̀менька меня бы не неволила, а такъ, по сиротству отдала; что̀ жь мнѣ за радость всю молодость схоронить здѣсь? чѣмъ я другихъ хуже? А намеднись у Ангелики сестры были, такъ послушала бы ты, что̀ онѣ намъ поразказали, какихъ веселій въ мірѣ нѣтъ! на все бы это и я посмотрѣла. Бога, говоритъ, Архиповна, можно любить, да и жизнію надо пользоваться.» Что̀ ты будешь съ нею дѣлать? Я ужь и усовѣщивать устану—несетъ свое да и только! Такъ-то поговорили мы на сонъ грядущій, да и уснули. Нарань, въ самый праздникъ, встаетъ она чуть зоречка, разбудила меня: «вотъ, Татьянушка, говоритъ, какой я дурной сонъ видѣла; вѣрно потому что вчера такъ вольно о монастырской жизни разсуждала. Вижу я передъ самымъ разсвѣтомъ, что будто иду изъ монастыря за водою все внизъ, да внизъ, дойду до конца—все еще ступени, опять дойду, и спустилась такъ низко, что и обители не видно; только крестъ вверху мелькаетъ, ясный преясный; дошла я наконецъ до колодца, вода въ немъ какъ деготь, а на краю сидитъ большой воронъ, глаза какъ огонь, такъ что смотрѣть на него больно. Оробѣла я, зашла такъ далеко и одна съ такою страшною птицей; хочу почерпнуть воды, боюсь, его потревожишь, а сама все внизъ гляжу. Вдругъ вскочилъ онъ съ насѣстья, да прямо ко мнѣ на голову, я откинулась ею назадъ—нѣтъ, никакъ не стряхну, словно желѣзными когтями впился, а самъ такъ и подводитъ глаза свои прямо въ мои, жжетъ

огнемъ меня, такъ все внутри и пылаетъ, хочу отвернуться— силъ нѣтъ, крикнуть о помощи—духъ сперло, и сверху надъ нами только крестъ виситъ, да изъ золотаго ужь сталъ чернымъ, такъ и клонится, какъ упасть хочетъ; сдавило мнѣ грудь, вскрикнула я, и проснулась.» Выслушала я ея слова, да и сама смутилась; еонъ дурной! Ну, думаю, авось Богъ пронесетъ, а много худаго предвѣщаетъ. «Помолись, говорю, усерднѣе Богу, вотъ Онъ Самъ тебя отъ чужой жизни остерегаетъ, помни это завсегда.» Пошлимы къ обѣднѣ, и прихожанъ въ тотъ день было много-премного. Она, по обыкновенію, соловьемъ заливалась, и всѣ ради ея пѣнія больше и въ церковь-то къ намъ ѣзжали. Отошла служба, сталъ людъ расходиться, смотрю, бѣжитъ ко мнѣ моя Душа, да такъ проворно: «что, Татьянушка, говоритъ, здѣсь никто не проходилъ?» а я стояла близь выручки, у самыхъ главныхъ вхожихъ дверей. «Какъ, говорю, не проходилъ? народъ такъ валитъ, нешто не видишь?» — «Нѣтъ, мнѣ не то... ну да ужь не нужно...» А сама такъ глазами вкругъ церковь и обводитъ; щеки разгорѣлись, какъ маковъ цвѣтъ и какъ будто что̀ потеряла. «Да кого тебѣ?» говорю, а она стремглавъ внизъ, такъ и слѣдъ простылъ. Фу ты, вѣтеръ! подумала я, да и принялась считать мѣдныя деньги. Стою-себѣ, такъ внизъ смотрю подъ руки, вдругъ сзади меня кто-то за плечо тронулъ; кажется, пугаться нечего, что̀ за важность? анъ такъ и вздрогнула; оглянулась, смотрю, передо мною стоитъ баринъ, высокій такой, волосы черные и глаза такіе же, только ужь дюже большіе, да яркіе, или оно мнѣ такъ въ воображеніи показалось, лицо смуглое-пресмуглое, изъ-подъ черныхъ усовъ такъ зубы снѣгомъ и блестятъ. «Кто это такая, говоритъ онъ, что̀ хорошо поетъ?» — «А это, батюшка, у насъ послушница,» отвѣчаю я, да смотрю, онъ все по сторонамъ глядитъ. «Кто жь она такая?» заговорилъ опять. «Дворянка, сударь, сызмалу у насъ воспитана, сирота.»—«Славный голосъ,» прибавилъ онъ, да и ничего болѣе о ней; спросилъ только, въ какомъ часу въ воскресные дни служба у насъ начинается; я ему доложила, а самой мнѣ ужь какъ видъ его не понравился, гордый, да суровый такой, на меня, грѣшную, какъ на червяка смотритъ, чуть глазами повелъ, да и спасибо, Богъ миловалъ... Ну, такъ-то поговорилъ онъ, да и отошелъ отъ меня; пошла я восвояси. Душа моя сидитъ за столикомъ у самовара и не то чтобъ веселая, а такъ призадумавшись. «Нутка чайку, другъ милый, говорю я, да и тебѣ бы

свое горлышко промочить, небось, за пѣньемъ-то пересохло, а пѣла славно; вонъ и люди хвалятъ,»—да съ дуру-то и махнула: «вишь сегодня баринъ какой-то спрашивалъ, какъ зовутъ, да что̀ за пѣвица такая.»—«Какой баринъ?» вскрикнула она, да такъ и зардѣлась. Я въ ту пору и въ-домекъ не взяла, почему. Что̀ ты, говорю, веполошилась?» — «Да вотъ, рукавомъ ряски чуть чашки не смахнула, отвѣчаетъ она. Перепугалась, чашка-то чужая, Глафирина.» Повѣрила я, а она минуточку спустя: «Вѣрно, говоритъ, это Ангеликинъ братъ спрашивалъ меня; она сказывала ему, что я клиросомъ управляю, а онъ самъ пѣвчій, такъ въ интересъ и взялъ.»—«Какой Ангеликинъ братъ? Тотъ рыжій, а этотъ смуглый такой мущина,» дернуло опять меня. Улыбнулась и такая-то ужь стала веселая: и хохочетъ, и меня обнимаетъ, сама не своя. «Что̀ ты такъ расходилась?» спрашиваю. «Такъ надо, говоритъ:—сегодня праздникъ, общая радость.» Что̀ дѣло, то дѣло, пусть, думаю, дѣвка потѣшится, невинная шутка не грѣхъ, да только въ томъ грѣхъ, что съ того дня и пошелъ мутить ее лукавый; а я-то, дура, хожу какъ слѣпая, и въ голову не возьму, что безпремѣнно должна быть какая ни-на-есть причина такой въ ней перемѣны; то, бывало, праздникъ какой подходитъ, она молодой человѣкъ, согрѣшитъ иногда, по лѣности поморщится, да не рада, что служба-то вотъ длинная, и всякъ идти долженъ, а кольми паче ихъ сестра-крылошанки, а тутъ, вдругъ, ждетъ не дождется воскресныхъ дней. На послухъ тоже прежде насилу заманишь, и то за нее исправишь, и другое подможешь, а то стала сама рваться въ церковь, чужіе послухи на себя брать начала; да чего? за водой къ колодцу ходить принялась, или бѣлье какое на рѣку полоскать, такъ и норовитъ это дѣло исправить. Ну, думаю, дѣвка за разумъ взялась. Приду, иногда, въ церковь, въ ея недѣлю: время близится къ службѣ, загляну въ паникадило, лампады не чищены, масло не долито, даже полъ не метенъ, а она, моя голубушка, стоитъ въ сторонкѣ у столба, да то кругомъ посмотритъ, то улыбнется, то перейдетъ на клиросъ; стану говорить, что скоро къ службѣ зазвонятъ, тутъ только встрепенется, засуетится, да все какъ-то въ рукахъ у нея не спорилось: нѣтъ-нѣтъ да и станетъ. Еще что̀ придумала: у насъ стѣны вишь въ церквѣ все расписныя, святыми изображеніями разрисованы, такъ на одной вотъ явственно представленъ пиръ у какого-то богомерзкаго царя, еще коего Богъ

огненными буквами образумилъ. Вотъ, сударикъ ты мой, не отходитъ она отъ этой картины; такъ, сложа руки, и стоитъ передъ нею; подвела какъ-то меня да и показываетъ: «Посмотри-ка, Архиповна, что за прекрасное лицо тутъ написано; не признаешь ли, съ кѣмъ сходство?» А мнѣ гдѣ жь, я человѣкъ нешто грамотный? «Извѣстное дѣло, отвѣчаю,— одно слово, образъ: дуренъ быть не можетъ, не намъ и судить грѣшнымъ; а ты вотъ лучше помолись, да и займись дѣломъ.» Такъ нѣтъ, не уймется, кой-что поисправитъ, да опять въ тотъ уголъ, гдѣ картина ее прельщала. За всѣмъ этимъ и другимъ, прошелъ, кормилецъ ты мой, ровно мѣсяцъ. Стала Душа поговаривать, что ей-де въ монастырѣ скучно и будетъ преосвященному прошеніе подавать объ увольненіи ея въ міръ. Такъ какъ ей не впервое было такія рѣчи брехать, я сначала на нихъ вниманія своего не обратила, да дѣло-то стало объясняться почище. Подошелъ нашъ престольный праздникъ, торжество у насъ въ тотъ день бываетъ великое: животворную икону на колодецъ носятъ, и народу собирается тьма-тьмущая, потому что окромя службы подъ монастыремъ и ярмарка бываетъ; суматоха такая, что монастырскимъ есть на цѣлый годъ о чемъ помянуть да поговорить: родные, это, или знакомые, съ утра къ нашимъ черничкамъ въ кельи пріѣзжаютъ, кто съ своимъ обѣдомъ, кто съ чаемъ. У игуменьи всегда парадная закуска: званыхъ человѣкъ тридцать изъ мірскихъ; бывало еле-еле размѣщаются. Послѣ обѣдни подняли св. икону и пошелъ весь ходъ внизъ къ колодцу. Впереди духовенство, тамъ клирошанки, мантійныя, рясофорныя монахини, и вся обитель. Народу по сторонамъ видимо-невидимо, такъ кишмя и кишатъ, тѣснота страшная, а меня матушка-казначея послала недѣльной монахинѣ свѣчи подать: та внизу все вокругъ колодца хлопотала. На обратномъ пути и затрись я между ходомъ, примкнула къ крылошанкамъ, а народъ насъ такъ впередъ и подаетъ. Вдругъ, кто-то меня за ряску дернулъ, обернулась вправо, да прямо такъ глазами и выголилась на того смуглаго барина, что̀ мѣсяцъ тому назадъ про Душу справлялся; онъ какъ будто улыбался, да какъ на меня взглянулъ, такъ брови свелъ да глазами сверкнулъ, что нехотя голова моя влѣво своротила, а налѣво-то стояла въ парахъ Душа, значитъ рядомъ приходилась съ нимъ, маненечко впереди; я вкось посматриваю на нее, да дивомь дивлюсь: блѣдная-преблѣдная она такая и по губамъ какъ дрожь пробѣгаетъ; ухватилась за мою ряску руками, будто

удержаться хочетъ. «Иль дурно тебѣ?» спрашиваю, смотрю, а ее въ краску бросило; подалась я назадъ, про случай поддержать, ежели нужно будетъ, да какъ вспомнила про черномазаго-то, сама своей смѣлости испугалась; анъ глядь, его ужь нѣтъ, вѣрно народомъ оттерло; только какъ я за руку Душу тронула, она такъ и выдернула ее отъ меня, а ощупать все-таки мнѣ удалось бумажечку у ней въ горсти смятую. Взглянула я по сторонамъ, а онъ, грѣховодникъ, черный-то недругъ, стоитъ неподалеку, да такъ будто глазами дѣвку съѣсть хочетъ, какъ змѣй искуситель впился, ажно мнѣ, при всемъ моемъ глупомъ невѣдѣніи, подозрѣніе пало и почитай страшно стало. Вотъ онъ, воронъ-то, подумала я, упаси ее Господи!—И взаправду, Петръ Васильичъ, прибавила старуха, обращаясь ко мнѣ:—я такихъ людей, кажись, больше и въ жизнь свою не видала: ужь такой-то, такой взглядъ, что къ полу человѣка прикуетъ! Такъ зрачки огнемъ и горятъ, посмотрѣть пристально, вчужѣ руки и ноги поджимаются; я и теперь какъ вспомню, такъ крещусь; кто его вѣдаетъ, откуда онъ такой. Врагъ-то человѣческій не дремлетъ, а Богъ попускаетъ карать самонадѣянныхъ. Дюже ужь горда дѣвка была! По сію пору мнѣ сдается, что дѣло тутъ велось не христіянскою душой, пусто ему будь! Небось, образъ только человѣческій носитъ.

Послѣднія слова старуха произнесла почти шепотомъ и, плюнувъ всторону, потупилась.

— Да и я окаянная, продолжала она, помолчавъ немного:— великій грѣхъ на душу себѣ взяла, тѣмъ что потачку допустила; мнѣ бы на первыхъ же порахъ игуменьѣ доложить, что вотъ-де и вотъ какіе виды творятся, такъ нѣтъ, жалость непрошеная пришла: какъ, думаю, сироту выдашь, авось сама дурь скинетъ, перебѣсится, пойдетъ все по прежнему! А матушка-игуменья и за мысли таковскія со свѣту бы ее сжила, одними поклонами да послухами въ щепку бы изсушила. Сама она старица богобоязненная и весь монастырь въ большой строгости содержитъ; у насъ не только бѣлички, и рясофорныя монахини носа никуда не показываютъ; развѣ только вотъ какіе поминки большіе, такъ въ дома на чай сбираютъ черничекъ, или проситъ кто изъ родныхъ въ отпускъ благословить по какой важной причинѣ, такъ и то нехотя отпускаетъ. Наши-то какъ этимъ не довольны! Шушукаютъ, что тѣснитъ ихъ, взыскательна, прихотлива. Да оно, положимъ, нравомъ она крутенька, да и нашему-то брату къ чему по мірянамъ

ніяться? что̀ тамъ оставили? Въ монастырь пошла охотою— живи, не скучай. Вѣдь всякія есть: иная и въ обители, да норовитъ какъ бы какой казусъ подвести; нечего иногда затѣвать, такъ въ словахъ сцѣпятся къ чему ни попало: зачѣмъ-де рубашку на мой частоколъ просушить повѣсила, и потомъ гвалтъ! Такъ какъ же ихъ не обуздывать-то? Смиренной начальницѣ такія на голову сядутъ; оно даромъ что̀ монахини, а не хуже чѣмъ въ свѣтѣ, съ зубами; пальца въ ротъ не клади, откусятъ.

— Ну, что̀ же Душа-то, какъ же она познакомилась съ страшнымъ бариномъ? перебилъ я разкащицу, желая знать скорѣе конецъ ея повѣсти.

— Да такъ, отвѣчала она:—что насилу службу выстояла; какъ пришлось пѣть, едва на голосъ нашла, дрожитъ да въ лицѣ измѣняется. Вѣстимо никому и въ умъ не пришло, что̀ этому за причина была, заключили, что нездоровится, или такъ, тѣснотою потревожилась.

Сошлись мы послѣ службы у себя; какъ только вошла Душа въ келью, такъ я и запримѣтила, что догадки мои не пустыя: все что-то таится она отъ меня; прилегла на скамью, лицо руками закрыла, да все ихъ прижимаетъ да крѣпко цѣлуетъ. «Что̀ это съ тобою творится? крикнула я съ сердцемъ. Службу ты цѣлую смущалась. Охъ, полно, не воронъ ли черный тому причиной?» Какъ вскочитъ моя дѣвушка, и договорить не дала, зажала мнѣ ротъ рукою. «Молчи, говоритъ, безсовѣстная, что̀ ты мнѣ зло этакое предвѣщаешь?» Вѣрно сердце почуяло правду, да больно екнуло. «Не зло предвѣщаю, заговорила я, а остановить тебя хочу въ пору.»—«Не въ чемъ! мое дѣло!» говоритъ, да такъ гордо пріосанилась, что я передъ нею и голову наклонила, однако языка не удержала: «Душа, сирота ты безродная, и я почитай ближе тебѣ всѣхъ: неужели старуху въ душевномъ совѣтѣ не послушаешь? Что̀ ты затѣваешь? Я все примѣтила, и взгляды его окаянные, и бумажку, что̀ тебѣ въ руку сунулъ, и конфузъ, которымъ тебя самъ Богъ попуталъ: искушаетъ тебя дьяволъ—помни свой сонъ!» Опустились у ней руки, сѣла она на лавочку и крѣпко задумалась, а глаза полны слезъ; однако пораздумала, взглянула себѣ на руку, а на рукѣ, гляжу, золотое колечко у ней очутилось; поцѣловала она это колечко, да и подошла ко мнѣ.

— Слушай, Архиповна, говоритъ:—ежели ты все это знаешь, то не хочу и скрываться; только ни слова мнѣ объ этомъ

худаго и чтобъ этихъ разговоровъ ни одна душа отъ тебя не слыхала, не то вотъ-те Христосъ, загубишь ты меня; клятву даю передъ иконою, ежели не исполнишь моихъ словъ, руки на себя наложу. Никакіе присмотры не помогутъ, никому не повѣрю, никого не послушаю и любить его все-таки буду, потому что онъ не дьяволъ, а ангелъ мой утѣшитель; я только черезъ него и жизнь поняла, слышишь ли? Я не жила до сихъ поръ, говоритъ, а теперь живу и пью сладкую, сладкую чашу.

Шутка ли, какъ ее лукавый обошелъ! Въ какихъ украшеніяхъ свой соблазнъ выставилъ! всплеснувъ руками, проговорила Татьяна, вопросительно смотря на меня, и, вздохнувъ, снова продолжала:—Я было опять заикнулась, а она показала мнѣ на крючокъ въ потолкѣ, да за шейку себя подержала; ужь послѣ этого и языкъ не повернулся, долго ли, думаю, до грѣха? Бѣдовая! Все въ волѣ Божіей, а мнѣ съ своимъ глупымъ разумомъ соваться плохо; такъ-то пустою головой и разсудила, а потомъ съ досады да горя руки себѣ грызла. Да, что̀ съ воза упало, то пиши пропало, а теперь и подавно что̀ говорить? Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Объяснила однако она мнѣ, чтобы меня успокоить, что ничего затѣвать не станетъ; передалъ онъ ей вотъ письмецо да колечко, проситъ будто поминать себя, и что она только и будетъ смотрѣть на него, когда въ церкви случится, какъ и прежде бывало. Повѣрила я, и хоть стала за ними присматривать, да въ прокъ не пошло, подъ глазами провели. Бывало, что̀ ни-на-есть праздникъ, окаянный стоитъ тутъ, и все межъ двухъ столбовъ противъ клироса становился, а она съ краю тамъ стаивала, такъ имъ только другъ друга и видно; тутъ и впервые они ознакомились; а на рѣку она ходила по той причинѣ, какъ узнали потомъ, что онъ на другомъ берегу стаивалъ, а на нашъ перейдти не могъ, обитель каменною высокою оградой обнесена, а внизу у самаго спуска часовня, гдѣ всегда сборщица черничка сидитъ.

Разъ какъ-то ходила она за водою и воротилась такая задумчивая да пасмурная; сѣла въ уголокъ, ничего не промолвитъ, даже тоску нагнала; я было спрашивать; «оставь, говоритъ, Татьянушка, меня въ покоѣ, не здоровится мнѣ.»—«А все, говорю, потому, что по воду вздумала ходить, съ непривычки-то и надорвалась.»—«Вотъ сегодня вечеромъ въ послѣдній разъ пойду: Глафирѣ взялась бѣлье пополоскать, она больна, чуть по

нельѣ ходитъ.» И взаправду ввечеру отлучилась, да тѣмъ на время и покончила, только все какая-то странная была: задумывалась, спать лижетъ, во снѣ что-то бредитъ, да мечется, воскреснаго дня ждетъ не дождется, а отъ обѣдни, смотрю, идетъ, какъ ночь грустна, да такъ съ той поры и не улыбалась.

Прошло еще нѣсколько праздниковъ; она день ото дня все скучнѣе, ни ѣстъ, ни пьетъ, лицо осунулось; что̀ заговоритъ, такъ слезки и брызнутъ; совсѣмъ съ голосу спала, еле-еле на клиросѣ держалась; день таки и то и се, а ночь хуже малаго ребенка: плачетъ какъ шальная, да все за сердце держится.

—Болитъ, что̀ ли, спрашиваю, у тебя?—«На части, говоритъ, разрывается.» Я иногда прикинусь, что сплю, такъ она встанетъ, ряску свою подпоретъ, вынетъ оттуда какія-то бумажки, значитъ все искусъ этого діавола. Онъ, какъ узнали потомъ, съ берега ей цыдулки пересылалъ: разъ съ мальчонкомъ какимъ-то, что въ рѣчкѣ купался, въ хлѣбѣ передалъ, какъ-будто монахинѣ на бѣдность подаяньице послалъ — самъ мальчишка потомъ и доказалъ,—а то, говорятъ, какъ-то письма на камушкѣ обертывалъ да перебрасывалъ; лукавый его знаетъ, ни дна ему, ни покрышки! Такъ вотъ вынетъ эти записочки, читаетъ ихъ, да всхлипываетъ, а сама все за грудь, все за грудь хватается, будто что̀ ее тѣснитъ да давитъ; или къ окну подойдетъ, такъ воздухъ въ себя и тянетъ, знать, палило ее огнемъ его нечистымъ, а отшатнуться не могла; такъ и сонъ предвѣщалъ.

Какъ никто объ этомъ въ монастырѣ не спохватился, ничего не примѣтилъ, ума не приложу; всѣ, кромѣ нездоровья, ничего не заподозрили. Игуменья къ себѣ призвала, разспрашивать стала: что̀, да чѣмъ хвораетъ? Сначала домашними средствами думала помочь: то липоваго цвѣта, то мяты пришлетъ— простуда, говоритъ, по̀томъ нужно выгнать. Да нѣтъ, не помогло; за дохтуромъ городскимъ вздумала посылать, только Душа, какъ провѣдала объ этомъ, и руками и ногами уперлась: «Я, говоритъ, матушка, лѣчиться не намѣрена; подожду, что̀ Богъ дастъ. Онъ наказалъ, Онъ и помилуетъ, а лѣкаря тутъ дѣло сторона.» Видитъ матушка Херувима, что съ ней не сладишь, да къ тому же и вправду дѣло говоритъ, такъ такъ все на разговорѣ и оставили. Стала я соображать: что̀ бы это напало на дѣвушку? Вдругъ мнѣ какъ подшепни кто, что богомерзкій-то въ нашу обитель давно глазъ не показывалъ; по-

раздумала — анъ и впрямь: сколько праздниковъ прошло, его видомъ не видать. Вотъ она кручинушка-то злая! Тоскуетъ, что врагъ отходитъ, — вотъ навожденіе! Подумала я такъ, да и пошла на службу: день былъ царскій. Становилась я въ самомъ заду въ церкви, у выручки, чтобы въ чемъ нибудь матушкѣ казначеѣ прислуживать: подать что, принять, деньги мѣдныя перечесть; больше народу, больше хлопотъ. Пришла этакъ я, да и стала на своемъ мѣстѣ, глядь, а въ уголкѣ неподалеку стоитъ нашъ окаянный: такъ меня даже ознобъ прошибъ. Вотъ, думаю, пострѣлъ на поминѣ легокъ! А онъ стоитъ, все потупясь, и по сторонамъ не смотритъ. Послѣ пѣсни херувимской, меня матушка Пульхерія въ келью послала, четки что ли, иль платокъ кажись забыла; побѣжала я скоренько, да не успѣла я келью обшарить — махъ дверь на распашку, а за порогомъ Душа; вошла, да такъ на лавку снопомъ и повалилась. Я только ахнула. «Моченьки моей нѣтъ, говоритъ, ежели такъ маяться, сдержу свое обѣщаніе, Татьянушка», а сама глазами въ потолокъ повела.—«Да что убиваешься? Создатель ты мой, образумься, Душа, призови своего ангела-хранителя.»—«Ахъ! молчи ты, за душу меня не тяни,» проговорила да потихоньку и заплакала. «Пропалъ! шепчетъ сквозь слезы, а чего бы я не дала, душу бы свою прозаложила, чтобъ еще хоть разочекъ взглянуть на него.» Меня такъ отъ этихъ словъ и покоробило, да съ языка сорвалось: «Лихо споро, не пропадетъ скоро. Вонъ ужь и сегодня тутъ, принесла нелегкая.» Едва договорила я, она такъ пожаромъ и запылала, скакнула на меня, ажно страшно стало, такъ въ руку и впилась. «Гдѣ, гдѣ, кричитъ, Татьянушка?»—«Пусти ты меня шальная! Невидаль какая, обрадовалась! Пусти, матушка Пульхерія ждетъ.» Нѣтъ, такъ меня и жметъ, такъ шею и обвиваетъ: «голубочка Архиповна, ангелъ ты мой, покажи мнѣ гдѣ онъ, онъ вѣдь жизнь моя, я умру безъ него, не лиши меня жизни,» лепечетъ, сама какъ въ лихорадкѣ дрожитъ; глаза горятъ, насилу слова вяжетъ. «Оправься ты, полоумная, грѣха съ тобою не оберешься, говорю, иди-ка въ церковь, воловодиться тутъ некогда.» А самое меня даже сердце взяло, что къ этому извергу такое пристрастіе имѣла. Насилу такъ-то я вырвалась; прихожу въ церковь, а минуту спустя и она за мною, да прямо на клиросъ и стала. Небось сказала тамъ, что маненько оправилась, а оно кому какое дѣло, лишь бы пѣла. Крылошанки-то жалиться стали, что нерадѣть начала, а онѣ

безъ нея, что̀ въ темномъ лѣсу, ступить не могли. Вотъ стою, да и хотѣла подстеречь, не будетъ ли межъ парочкой нашею какого ни-на-есть свиданія, иль знака другъ другу не подадутъ ли; подвернись, какъ нарочно, барыня ко мнѣ знакомая, проворная такая, застрекотала, засуетила меня, и образа-то ей разкажи, и къ святцамъ подведи, и игуменьѣ отрекомендуй; туда-сюда, замоталась я съ нею, грѣшная, да ворога-то и проглядѣла, какъ изъ рукъ упустила, а онъ безпремѣнно какіе-нибудь знаки съ нею имѣлъ. Осмотрѣлась, анъ и церковь пуста. Такъ больше ничего и не запримѣтила. Вечеромъ, какъ встала я, отдохнувъ немного, да изъ кельи вышла, такъ прямо на Душу и наткнулась: идетъ, вижу, дѣвка моя опять съ рѣки. Ну, думаю, дѣло плохо, за старое принялась; придется, почитай, навѣрное матушкѣ игуменьѣ донести, не то дурочка пропадетъ ни за что̀. А сказать правду, мнѣ самъ казусъ и въ умъ не приходилъ; такъ, думала, дуритъ по молодости. И то грѣха боялась, а точно кто языкъ сковалъ, не рѣшусь доложить, да и все тутъ; все подожду, да подожду. Видимое дѣло какая тутъ сила дѣйствовала; такъ отуманилъ, что и выхода не видали!

Я какъ встрѣтила Душу, и лицо нахмурила. Она смекнула, да и говоритъ: «послѣдній разъ, Татьянушка, такими тяжестями себя мучаю. Это я за утреннюю вину испытаніе на себя наложила, а съ сей поры и за коромысло не возьмусь; за то наблюдать за собою по самой строгости буду.» И все это такъ себѣ вполувесела говоритъ. Два дня цѣлыхъ прошло; она и взаправду изъ кельи никуда ни ногой, кромѣ службы; со мной такая ласковая, и не то чтобы кручинилась, а все задумчивая ходитъ; кличешь, кличешь, или спрашиваешь что̀ — глаза въ сторону уставитъ, насилу доспросишься. Ночь подошла и третьяго дня, огоньки по кельямъ вездѣ позатухли, улеглись и мы на покой; только она страхъ тревожна: передергивается, да жмется, какъ въ лихорадкѣ; то легла, теплымъ укрылась, то опять на ноги вскочила, мечется изъ угла въ уголъ, руки какъ съ морозу потираетъ, зубъ съ зубомъ не сведетъ. «Вишь опять простудилась, говорю я, то-то не за свое бы дѣло не браться. Вонъ оно рѣка-то и отзывается.»—«Да, не можется мнѣ, Архиповна, да ничего, пройдетъ, только больно тоска взяла меня, такъ сердце и колотитъ, какъ выпрыгнуть хочетъ.»—«А вонъ возьми четки, отвѣчаю, да молитвы отчитай, всяко случается, тревожиться нечего.» Сѣла она въ уголокъ, свѣчку восковую

зажгла и начала потихоньку молитвы творить, да вдругъ какъ схватится за голову, и ну рыдать. А ужь слезъ такихъ я никогда и не видывала: вотъ, вотъ будто замираетъ, грудь кажись надорваться должна. И не приведи Богъ какъ я испугалась! Вскочила, дую на нее, крещу, водицы богоявленской дала испить — и стаканъ въ рукахъ не удержитъ, такъ всю ее и колотитъ. Пріутихла немножко — да опять, да опять! Голову въ подушки забила, да такъ крикма и плачетъ. Просто говорю, не лгу, у меня ноги похолодѣли. «Что̀, что̀ съ тобою?» Ни отвѣта, ни привѣта, только заливается слезами, да воду глоточками прихлебываетъ. Насилу-то успокоилась. Иконой я ее перекрестила, да около и поставила. «Тяжело мнѣ, Татьянушка голубочка,» вымолвила.—«Иль что̀ болитъ, другъ любезный?» спрашиваю. «Нѣтъ, не болѣзнью больна, а душа щемитъ; такая тоска охватила, что на свѣтъ бы Божій не глядѣла; знаешь ли что̀, продолжаетъ,—въ церковь какъ-то мнѣ все хочется, ко святителямъ приложусь, авось полегчитъ. Самъ Богъ меня утѣшитъ!»— «Головушка моя бѣдная! въ отвѣтъ я ей, да какъ мы ключами-то разживемся, вѣдь они у ризничей, а она небось давно спитъ; полночь, смотри-ка, нигдѣ ни свѣточка во всей обители не мелькнетъ.» Она на это ключи изъ кармана вынимаетъ, да и подаетъ мнѣ. «Вотъ, говоритъ, они; я церковь сегодня запирала, а отдать забыла.» Что̀ жь, поразмыслила я, дѣло хорошее, ежели самъ Богъ въ храмъ свой призываетъ, не намъ отклонять, пускай сходитъ; только страхъ бралъ, какъ бы игуменья или кто изъ монастырскихъ не усмотрѣлъ: что̀, подумаютъ, по ночамъ колобродятъ? никто нашего резона не зналъ, и всякому въ диво покажется. Нечего дѣлать, одѣлись мы, взяла я фонарь подъ полу, да втихомолку и выбрались. Пришли въ церковь, темь такая, да тишина. Грѣховную душу какъ святымъ страхомъ обдало. Вынули свѣчку, предъ образомъ Богоматери поставили, и припала къ Царицѣ небесной моя Душа. Слезы небось всѣ выплакала, тихо молилась; только вѣра ли въ ней не крѣпка была, или такъ Господь любя наказывалъ, испытанія не миновала; образумить, знать, хотѣлъ ее Создатель да на истинный путь навести, а человѣкъ, извѣстное дѣло, только въ несчастіи за Бога и хватится. Ну, помолилась, ко всѣмъ иконамъ приложилась, и вышли мы изъ храма Божія. Она какъ будто спокойнѣе стала; все только говоритъ: «мнѣ спать не хочется, а, ты Татьянушка, приляжь, вишь какъ я тебя потревожила; благо-

дарю тебя, голубушка, за любовь, за ласку, не хуже ты для меня родной матери.» И крѣпко-крѣпко обнялась со мной, да такъ на шеѣ и повисла. Прохватили меня слезы: «Что̀ ты, говорю, Душа, нешто намъ прощанье какое, что сумнѣніемъ себя попусту безпокоишь? Не смертный часъ пришелъ. Вотъ лучше тебѣ бы соснуть немного; все какъ рукой сниметъ, и тоска твоя лютая прахомъ пропадетъ.» Она какъ будто послушалась, прилегла и глаза закрыла, и я своимъ чередомъ прикорнула, да едва зажмурилась, такъ сонъ и одолѣлъ. И по сіе время не знаю какъ она тамъ встала, какъ вышла, что̀, да какимъ манеромъ, только какъ въ первый колоколъ ударили, да вскочила я, моей дѣвушки, глядь, нѣтъ. У меня сердце всполохнулось: туда-сюда, гдѣ Душа? гдѣ Душа? И свѣтать ужь стало — нѣтъ какъ нѣтъ. Тутъ я всѣхъ на ноги поставила; всѣ ищутъ, окликаютъ,—какъ не бывала, словно въ воду канула. Сторожа стали спрашивать—видомъ, говоритъ, не видалъ, слыхомъ не слыхалъ. Пошла потѣха! Игуменья сама не своя. За тѣмъ да за другимъ, ужь и бѣлый день на дворѣ; въ обители только и толку про чудный случай. Тутъ-то я страху, тутъ душевной скорби набралась! Молчу да руки ломаю, и чего въ голову не пришло! Ужь мысль меня брала, что въ рѣкѣ утопилась, а куда — тамъ курица ногъ не обмочитъ, мелкота такая, что дно все на виду. Ума не приложимъ куда подѣвалась. Сказать бы ушла, такъ и ворота какъ на запорѣ были, такъ и остались, и замокъ не тронутъ. Матушка Херувима въ полицію знать дала. Толковали, толковали, да помаленьку и затихать стали, а меня такъ скорбь и ѣстъ: такое дѣло промежь глазъ пропустила! Да тамъ ужь какъ хочешь себѣ убивайся, а горю не пособить.

Случилось все это осеннею порой, пошли дожди да ненастье и такъ время проволоклось до самыхъ заморозковъ. Снѣжокъ выпалъ, сильно холодомъ пахнуло, начало санную дорогу прибивать — близилось время зимняго Николы. Только разъ я поднялась отъ сна, къ заутренѣ прозвонили, слышу шумъ большой на дворѣ. Глянула въ оконце, бѣгаютъ наши черницы; суета такая какъ что̀ важное случилось. Выбѣжала за порогъ, не горитъ ли гдѣ, думаю. Такъ всѣ къ воротамъ и бѣгутъ, я за всѣми. «Батюшки, что̀ за оказія?,» спрашиваю, а мнѣ кто-то въ отвѣтъ: «бѣги, Архиповна, диво какое! слышь, сторожъ у ограды нашей тѣло нашелъ.» Господи! какъ

льдомъ обдало. Собрались всѣ, и точно, у самыхъ воротъ тулупчикомъ прикрытъ кто-то лежитъ. Игуменья прикасаться всѣмъ запретила: «надо, говоритъ, сейчасъ дать знать въ судъ. Боже избави какъ тѣло мертвое!» А мы видимъ, что не шелохнется. Сторожъ толкалъ, будилъ — не пикнетъ. У насъ монахиня старенькая есть, страхъ любопытная, не выдержала она запрету, приподняла край тулупчика, ощупала, да такъ и вскрикнула: «родныя мои, да это женщина! съ косой и повязка на лицѣ, а тѣло теплое—живая.» Тутъ только матушка Херувима осмотрѣть дозволила, нельзя ли въ чемъ, думала, помощь подать. Приподняли шубенку, глядь—взаправду женщина; сарафанъ красный штофный, золотымъ галуномъ выложенъ, и рубашка русская; сдвинули повязку, подняли фонарь къ лицу—волосъ дыбомъ у всѣхъ сталъ... Душа! крикнули мы въ голосъ. Она, моя голубушка, и лежала, скорчившись, руки на груди сжаты, лицо воску блѣднѣе, а изъ устъ чуть-чуть дыханіе излетаетъ. Уложили бѣднягу на носилки, да въ келью къ себѣ игуменья приказала нести, а сама сейчасъ за лѣкаремъ гонца отправила. Къ утру больную въ чувствіе привели, двигаться стала, метаться; такъ жаромъ ее и палитъ, рѣчи несвязныя твердитъ, стонетъ, волосы на себѣ рветъ, все кругомъ въ клочья мечетъ—страхъ Господень! Это, вишь, у ней горячка бѣлая оказалась, а откуда сама пришла, гдѣ была — Богъ одинъ знаетъ. Только какъ разъ въ тотъ день пошелъ сторожъ дрова собирать, въ самый дальній уголъ двора, глядь — анъ межъ стѣнкой да полѣнницей виситъ лѣстница веревочная, обмерзла, даже обледенѣла вся; такъ чрезъ ограду и перекинута. Тутъ лишь и догадались, какимъ путемъ горемыка наша изъ монастыря ушла, а ужь съ кѣмъ же, родной Петръ Васильичъ? Вѣдомое дѣло — не самой въ голову пришло. Доканалъ ее воронъ проклятый, такъ, ни за что̀ сгубилъ!... Вотъ еще забыла сказать: какъ раздѣвать стали, на груди ладоночку нашли, пять сотъ рублевъ денегъ въ ней оказалось, а въ карманѣ сарафана связка бумагъ завернутая. Игуменья себѣ на разсмотрѣніе взяла, да сказывала, что это письма все соблазнительныя, которыми злодѣй дѣвку выманивалъ, да отлучкой стращалъ и томилъ, чтобы къ согласію привести. А кто онъ самъ—лукавый его знаетъ! Гдѣ спрашивать? Никто и не видывалъ, а я и пикнуть не смѣю. Да что̀ проку было бы и сказать? на кого укажу? все равно, что песчинку въ морѣ

искать. Вотъ только надѣялись, что сама опомнится, на слѣдъ наведетъ, да этому быть не пришлось: лѣчилъ, лѣчилъ ее лѣкарь, безуміе-то у ней прошло—тише воды стала, да вотъ такою, какъ видишь, и осталась—разсудокъ потеряла. Немочь-то у ней утихла, стали было заговаривать съ нею стороной—смотритъ во всѣ глаза, да молчитъ какъ нѣмая, или вдругъ улыбнется—жалости подобно, какъ будто ножомъ по душѣ проведетъ, да и запоетъ молитву. Пищи почти совсѣмъ не принимаетъ; ужь чѣмъ жива—Богу извѣстно. Дохтуръ все говорилъ, дальше ее отъ стѣнъ монастырскихъ нужно, чтобы прежняго ничего не видала. Вотъ какъ весна наступила, матушка игуменья и рѣшила общимъ совѣтомъ по святымъ мѣстамъ ее поводить; пусть, говоритъ, замолятъ Бога за нее угодники. Я сама за свою вину и сопровождать ее вызвалась; да съ другими бы она и не пошла. Всѣхъ дичилась сначала; какъ увидитъ бывало черную ряску, такъ губы сожметъ и глаза отведетъ. Да и меня не признавала, а потомъ обошлась; я все за ней ходила, такъ теперь ужь какъ ко мнѣ привыкла! Послушна что̀ малый ребенокъ, шагу одна не ступитъ. Охъ, охъ, охъ! помогъ бы мнѣ Господь хоть половину моего грѣха искупить, хоть бы глазоньки закрыть спокойно привелось, чтобъ ее-то въ здравомъ умѣ увидать. Вотъ тутъ, говорили, верстъ за семьдесятъ барыня, помѣщица проживаетъ въ своемъ имѣніи, боголюбивая такая, страннопріимщица, всѣхъ безпріютныхъ призрѣваетъ, болящихъ лѣчитъ, богатая барыня! Хотѣла я къ ней съ бѣдняжкой моей пройдти, можетъ какой совѣтъ добрый дастъ, или знается съ какими дохторами лучшими, у ней вишь и больница въ вотчинѣ заведена; испытать надо, авось Богъ оглянется на грѣшницу, а то смотрѣть больно: что̀ было да что̀ осталось! Охъ, грустно!...

— Да неужели ничего не открыли про соблазнителя Душина? спросилъ я:—неужели никакихъ слуховъ и догадокъ не было, кто онъ, и по какой причинѣ дѣвушка очутилась опять въ монастырѣ и въ такомъ видѣ? За цѣлый годъ должно же что-нибудь объясниться. Ежелибы взялись серіозно, вѣрно доискались бы.

— Кому жь браться-то? возразила Архиповна:—оно рады хоть срамъ-то заглушить. Что̀ жь оглашать-то, съ кѣмъ тягаться? Какъ бы замять хлопотали. А слухи, Богъ вѣсть вѣрные или нѣтъ, были. Вотъ девятую пятницу у насъ около монастыря ярмонка; все болѣе черный народъ прибываетъ: бабы дере-

венскія—кто съ пряжей, кто съ яйцами—что̀ у кого случится, а иные просто родню провѣдать что̀ между нашими есть. Вотъ какіе-то и разказывали, какъ оно къ дѣлу пришлось, про Душу вспоминать стали: говорятъ, будто у нихъ на селѣ мужики толковали, извощики обозные, какъ однажды на постояломъ дворѣ какой-то человѣкъ, не то господскій, не то деньщикъ, съ ними вмѣстѣ бражничалъ, своимъ житьемъ похвалялся, что баринъ будто его богатый-пребогатый, и все въ свое удовольствіе живетъ; только пиры да веселья задаетъ, въ одномъ городѣ болѣе года не проживаетъ, весь бѣлый свѣтъ изъѣздилъ и какихъ дѣлъ не надѣлалъ! А все больше касательно женскаго пола будто; говоритъ, что̀ плохо лежитъ не беретъ, а позапрятаннѣе полюбится, тутъ и домогается. И ужь откуда добра не откапывали! Привелось разъ изъ монастыря сманить, привезли—дура дурою, а въ недѣлю и пѣвуньей, и плясуньей, и актеркой сдѣлалась, во всякія одежды одѣвалась; да не долго потѣшился ею,—иль чѣмъ не понравилась, или просто прискучило, зажились въ городѣ, надоѣло, въ походъ подыматься слѣдовало, такъ лишнюю обузу съ плечъ долой... Да такія штуки и не впервые мастерили, почище случалось; а на расплату потребуютъ—карманомъ отвѣтимъ: деньги вещь наживная, у насъ, говоритъ, онѣ не трудовыя.—Вотъ какія рѣчи распускалъ, прибавила отъ себя Архиповна. Небось воры какіе-нибудь они, или разбойники, заключила она,—а мужики наши только уши развѣсили, слушая краснобая; не въ догадку было развѣдать кто онъ такой. А наши монастырскіе, выслушавъ, только головами покивали; а вѣдь, родной мой, дѣло-то какъ разъ къ нашему подходящее, да уличить некому. Самъ Богъ грѣшника до поры до времени прикрываетъ да терпитъ, а тамъ и покараетъ. Страшенъ отвѣтъ на судѣ Божіемъ!

Старуха встала и набожно перекрестилась.—Вона! прибавила она:—пока мы съ тобой заговорились, мѣсяцъ солнышко смѣнилъ. Нутка, други! крикнула она спутницамъ.—въ путь-дорожку собирайтесь. Зоречкой-то оно идти не въ тяжесть, славно.

Пилигримки засуетились и начали снаряжаться въ дорогу.

— И мою пора разбудить, ишь заснула, прибавила Архиповна.—Прощай, мой сударикъ. Небось и твои кони отдохнули. Добраго тебѣ пути да здоровья, не поминай лихомъ...

Е. С.

МАМОНТОВА ПЕЩЕРА

Изобиліе водъ составляетъ одну изъ главныхъ особенностей американскаго материка. Сообразно съ этимъ, и бо́льшая часть явленій природы, поражающихъ въ Америкѣ своею громадностію, одолжена своимъ происхожденіемъ дѣйствію воды: Миссиссипи съ своимъ притокомъ Миссури; водопадъ Ніагары, и наконецъ Мамонтова пещера, всѣ эти явленія отличаются своими размѣрами, и всѣ они—произведенія воды. Находясь внутри штата Кентукки верстахъ въ полутораста къ югу отъ Люиздвиля, въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія, Мамонтова пещера не привлекаетъ къ себѣ множества посѣтителей. Для пріема гостей, утомленныхъ ѣздой въ каретѣ по неровной дорогѣ, устроена всего одна гостиница среди обширнаго парка. Мы застали въ ней одну только компанію, состоявшую изъ восьми леди и столькихъ же джентльменовъ, такъ что для опасныхъ переходовъ въ пещерѣ у каждой изъ дамъ былъ свой проводникъ. Вся компанія съ утра уже отправилась въ пещеру и вернулась оттуда при насъ вечеромъ. На усталыхъ лицахъ леди, какъ показалось намъ, лежалъ еще отпечатокъ сумрака, вынесеннаго ими изъ подземнаго царства.

Окрестности Мамонтовой пещеры, какъ вообще весь край, еще мало обитаемый, покрытъ холмами, составляющими по-

слѣднія ступени Аллегенскаго хребта. Эти холмы сверху донизу покрыты лиственнымъ лѣсомъ. Сперва обыкновенно отправляются для обозрѣнія разныхъ боковыхъ ходовъ пещеры, то-есть на короткій обходъ *(short route)*, какъ называютъ его проводники, живущіе въ гостиницѣ. Намъ достался въ руководители молодой Американецъ, Франсисъ Демонбрамъ. Послѣдовавъ за нимъ по дорогѣ, проложенной по скату покрытаго лѣсомъ холма, внизъ къ его подножію, мы остановились передъ котловиной, саженей пять глубины. Внизу, противъ насъ, виднѣлось на подобіе тоннеля большое сводообразное отверстіе подъ самымъ холмомъ, который какъ будто служилъ ему огромнымъ куполомъ. Спустившись на дно котловины, Франсисъ зажегъ масляныя лампочки. Вооружившись ими, мы вошли за нимъ подъ мрачные своды. Несмотря на значительную ширину галлереи, простиравшуюся мѣстами до десяти саженей, для ходьбы въ этомъ мѣстѣ оставалось немного простору, оттого что грунтъ былъ весь заваленъ взрытою глиной, набросанными камнями и бревнами; мѣстами же вырыты были глубокія ямы. Здѣсь, во время войны съ Англіей, добывалась селитра, которою изобилуютъ пещеры, и до сихъ поръ все осталось въ томъ видѣ, какъ было брошено работавшими. Надъ головой слышался тоску наводящій шелестъ, производимый крыльями летучихъ мышей, испуганныхъ нашимъ приходомъ. Наконецъ, за версту отъ входа не стало и мышей; мы были далеко отъ всякаго живаго звука, и только мѣрный шумъ нашихъ шаговъ глухо замиралъ подъ мрачными сводами, уходившими по временамъ въ вышину, такъ что надъ головой стоялъ густой, непроницаемый мракъ. Созданное воображеніемъ Грековъ царство Аида не могло быть сумрачнѣе охватившей насъ дѣйствительности. Тамъ по крайней мѣрѣ были хоть тѣни, слышался голосъ негодующей Прозерпины, а по временамъ и вой Цербера; здѣсь же, никакихъ признаковъ жизни, никакихъ слѣдовъ органическаго проявленія. Только глыбы сѣраго известняка, изъ котораго состоятъ сводъ и стѣны, разбросанныя по глинистому грунту, преграждали мѣстами путь. Молча дошли мы до мѣста, гдѣ галлерея, раздавшись въ ширину, образовала большое круглое пространство, въ которомъ свободно могло бы помѣститься до тысячи человѣкъ. «Это *большая ротонда*», провозгласилъ Франсисъ, остановившись въ серединѣ. При мерцаніи лампъ едва можно было разсмотрѣть бока и потолокъ этой ротонды. Пройдя ее, мы опять очутились въ галлереѣ.

сонъ опять сталъ смыкать ея глаза, она загасила свѣчу и задремала. Но въ девять часовъ она уже сидѣла за чайнымъ столомъ, нарѣзывала хлѣбъ и намазывала его масломъ для пяти голодныхъ ротиковъ; а Нанни, между тѣмъ, съ малюткой на одной рукѣ, вносила въ комнату кувшинъ горячаго молока. Ближе всѣхъ къ матери сидитъ девятилѣтняя Патти; на ея кроткое и нѣжное личико уже иногда ложится тѣнь задумчивости; она старается угадать желанія матери и вѣчно стремится сбѣгать вмѣсто нея наверхъ, чтобы поберечь мамашины ножки. Кромѣ нея за столомъ сидятъ еще четыре бѣлокурыя головки: два мальчика и двѣ дѣвочки, составляющіе лѣстницу, постепенно спускающуюся до Клубеньки, которая въ эту минуту изо рта своего образуетъ круглый О въ ожиданіи кусочка кренделя отъ отца. Вниманіе отца раздѣлено между Клубенькой, завтракомъ и шумливомъ Фредомъ, котораго онъ останавливаетъ съ нѣсколько-излишнею рѣзкостію. Онъ еще не взглянулъ на жену и не замѣтилъ, что она блѣднѣе обыкновеннаго. Но Патти шепчетъ матери:

— Мама, не болитъ ли у тебя голова?

По счастію, уголь былъ не дорогъ въ окрестностяхъ Шеппертона, и мистеръ Гакитъ частенько присылалъ въ подарокъ пастору возъ-другой, этого драгоцѣннаго матеріала. Благодаря этому, въ гостиной былъ разведенъ пылающій огонь; это было нелишнее: на дворѣ стоялъ морозъ, и бѣлый, матовый цвѣтъ неба возвѣщалъ снѣгъ.

Послѣ завтрака мистеръ Бартонъ отправился въ свой кабинетъ, и принялся за свое письмо къ мистеру Ольдинпорту. Письмо это вышло такое, какое бы на его мѣстѣ написала бо́льшая часть его собратій въ подобныхъ обстоятельствахъ, за исключеніемъ того, что почтенный Амосъ писалъ безъ точнаго соблюденія всѣхъ синтаксическихъ тонкостей. Англійскимъ синтаксисомъ мистеръ Бартонъ не владѣлъ въ совершенствѣ; и объ этомъ можно было тѣмъ болѣе пожалѣть, что, какъ было извѣстно, знанія его въ еврейскомъ языкѣ были очень ограниченны, и нельзя было также сказать, чтобъ онъ очень твердъ былъ въ греческомъ. Промахи въ человѣкѣ, прошедшемъ черезъ таинства университетскаго образованія, приводили въ удивленіе барышень его прихода, въ особенности двухъ миссъ Фаркьюеръ, получившихъ однажды отъ него записку, крайне разсмѣшившую ихъ однимъ сокращеніемъ: онъ, по всему вѣроятію, хотѣлъ сказать *madams*, но написалъ это слово въ диковинномъ сокращеніи, такъ: *mads* (а *mad* по-англійски значитъ *сумашедшій*). Менѣе всѣхъ удивлялась этимъ слабымъ сторонамъ Амоса его духовная братія, которая сама прошла черезъ эти таинства.

Въ одиннадцать часовъ мистеръ Бартонъ въ шарфѣ и плащѣ, въ отвратительную погоду, вышелъ изъ дому, чтобъ идти читать

молитвы въ пріютѣ, носившемъ громкое имя «коллегіи». Коллегія, большое, квадратное, каменное строеніе, стояла на единственномъ пригоркѣ, который можно было увидать, въ какую бы сторону ни глянулъ, на разстояніи десяти миль. Плоская, не красивая то была мѣстность, унылая даже въ самые ясные дни. Дороги, черныя отъ угольной пыли, закоптѣвшіе дома придаютъ картинѣ мрачный колоритъ; и въ то время, время ручныхъ ткацкихъ станковъ, вы могли увидать у окна каждаго коттеджа станокъ, а за нимъ, прильнувшихъ къ нему впалою грудью—блѣднаго мущину или болѣзненную женщину, руками и ногами справляющихъ эту работу. Тяжелый округъ для священника, по крайней мѣрѣ для такого, который подобно Амосу Бартону серіозно смотрѣлъ на свои обязанности, относительно своей духовной паствы, тяжелый по той причинѣ, что здѣсь, къ сельской тупости земледѣльцевъ, присоединялся дикій развратъ рудокоповъ, и рѣзкій радикальный и диссентерскій духъ ткачей. Усердіе они оказывали только къ пьянству; религіозный энтузіазмъ, возбужденный популярными проповѣдями мистера Парри, предшественника Амоса, почти совсѣмъ исчезъ, и религіозный духъ Шеппертона падалъ все ниже и ниже. Дьяволъ, какъ видите, устроилъ себѣ здѣсь крѣпкую засаду, и трудно было бѣдному Амосу одному бороться съ нимъ. Мы знаемъ, что стѣны Іерихона рушились отъ гласа трубнаго; но мы никогда не слыхали, чтобы гласъ сей былъ слабый и дребезжащій. Безъ всякаго сомнѣнія, трубы эти издавали ясные, громкіе звуки, сотрясающіе воздухъ и каменныя стѣны. Но краснорѣчіе почтеннаго Амоса походило нѣсколько на звукъ бельгійскаго сигнальнаго рога, употребляемаго на желѣзныхъ дорогахъ: намѣренія его были отличны, но исполненіе не соотвѣтствовало имъ. Онъ часто бралъ фальшивыя ноты, и вслѣдствіе того приходилъ въ раздраженіе. А это потому, что онъ мысленно сознавалъ себя сильнымъ, а чувствовать себя такимъ не чувствовалъ. Природа дала ему мнѣніе, но не ощущеніе. Не будь этого мнѣнія, онъ бы, вѣроятно, никогда не носилъ бѣлаго пасторскаго воротничка, а былъ бы отличнѣйшимъ токаремъ и дьякономъ въ диссентерской церкви, какъ до него отецъ его (отецъ его не былъ сапожникомъ, какъ докладывалъ мистеръ Пильгримъ). Онъ могъ бы тогда сопѣть сколько хотѣлъ въ углу своего мѣста въ Генъ-Стритской молельнѣ; онъ могъ бы тогда на митингахъ пускать въ ходъ свою риторику, а въ частной жизни говорить не совсѣмъ изящнымъ англійскимъ языкомъ; и эти маленькія слабости не помѣшали бы ему быть свѣтиломъ диссентерскаго кружка. Сальный огарокъ—отличная вещь въ мѣдномъ подсвѣчникѣ; носъ и глаза Бетти не замѣчаютъ разницы между нимъ и чистѣйшимъ воскомъ, и только когда вы вставите его въ сереб-

ряный шандалъ, и внесете въ гостиную, вы увидите до какой степени онъ тусклъ, вонючъ и не на мѣстѣ. Жалокъ тотъ добрый человѣкъ, который, подобно этой свѣчкѣ, попадетъ не на свое мѣсто. Только истинно возвышенныя души будутъ въ состояніи оцѣнить его, пожалѣть о немъ, понять его хорошія намѣренія, несмотря на слабое и неудачное исполненіе ихъ.

Но теперь Амосъ Бартонъ сквозь снѣгъ добрался до коллегіи, снялъ шляпу, плащъ и шарфъ, и въ мрачной, устланной каменными плитами столовой, читаетъ часть утреннихъ молитвъ для сидящихъ передъ нимъ, на скамьяхъ, жителей дома. Вспомните, что новый законъ о бѣдныхъ (poor law) не былъ еще тогда приведенъ въ дѣйствіе, и мистеръ Бартонъ не получалъ вознагражденія за свои труды, но дѣйствовалъ какъ пастырь, которому ввѣрены всѣ души его прихода, какъ нищихъ, такъ и другихъ. Послѣ молитвъ, онъ обыкновенно говорилъ имъ еще нѣсколько словъ въ объясненіе текстовъ, приведенныхъ имъ въ этотъ день, стараясь этимъ способомъ хоть сколько-нибудь озарить свѣтомъ истины души и совѣсти своихъ слушателей; задача была не легкая, и много нужно терпѣнія и вѣры, чтобы не бросить этотъ неблагодарный трудъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ, стоило взглянуть на лица, сидѣвшія на передней скамьѣ.

Прямо противъ Амоса сидѣлъ Старый Максомъ; онъ былъ совершенно глухъ, но, вѣроятно, почиталось назидательнѣе, чтобъ онъ лучше ничего не слыхалъ на маленькомъ разстояніи чѣмъ на большомъ. Настоящее же его, данное ему при крещеніи, имя, оставалось тайной для всѣхъ. Тонкое филологическое чутье найдетъ въ этомъ прозвищѣ намекъ (1) на то, что рѣчь патріарха пріюта нѣкогда отличалась назидательностію, но теперь тяжесть девяноста пяти лѣтъ легла на его языкъ и слухъ, и онъ сидѣлъ передъ пасторомъ, съ выдвинувшимся впередъ подбородкомъ, вѣчно-двигавшимися челюстями, и глазами, неопредѣленно глядѣвшими вдаль.

Рядомъ съ нимъ сидитъ Полли Фоджъ, магистратурѣ своего края извѣстная подъ именемъ Мери Гиджинсъ, кривая женщина, съ разными рубцами и желваками на лицѣ, извѣстная бунтовщица и мятежница, окатившая однажды надзирателя своимъ супомъ и способствовавшая, несмотря на мѣры, принятыя природой для избѣжанія этой опасности, къ увѣковѣченію Фоджевскихъ примѣтъ и имени, въ лицѣ мальчика, предающагося разнымъ неистовствамъ на заднихъ скамьяхъ. Миссъ Фоджъ съ какимъ-то дерзкимъ упорствомъ глядитъ на мистера Бартона своимъ единственнымъ слезливымъ глазомъ.

---

(1) *Maxim*—правило.

Далѣе, за этимъ обращикомъ прекраснаго пола, на самомъ концѣ скамьи сидѣлъ «дурачокъ Джимъ», молодой человѣкъ, страдавшій водянею въ головѣ, вслѣдствіе чего голова его качалась то туда, то сюда, а онъ не сводилъ глазъ съ кончика своего носа. Это были сосѣди Стараго Максома съ правой стороны.

Налѣво отъ него сидѣлъ мистеръ Фичетъ, высокій старикъ, который нѣкогда былъ лакеемъ въ домѣ Ольдинпортовъ, и въ этомъ высокомъ санѣ презрительно отзывался объ отварной говядинѣ, и вслѣдствіе такой гордости онъ, какъ гласило шепертонское преданіе, и попалъ въ пріютъ для бѣдныхъ. Икры его не имѣютъ теперь прежней круглоты, и волосы его бѣлы безъ помощи пудры; но подбородокъ онъ поднимаетъ все такъ же высоко, какъ бы все еще испытывая дѣйствіе накрахмаленнаго галстуха; онъ съ такимъ же шикомъ надвигаетъ на лѣвое ухо измятую шляпу, и во время полевыхъ работъ тачку свою везетъ съ тѣми же ухватками, съ какими нѣкогда ставилъ серебряныя блюда на столъ. Лакейская природа его не смирилась ни въ чемъ, за исключеніемъ развѣ одного желудка, и онъ по прежнему раздѣлялъ все общество на господъ, господскихъ лакеевъ и людей работающихъ на нихъ; пасторъ безъ лакея казался ему какимъ-то страннымъ существомъ, не принадлежащимъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ. Духовныя наставленія мистера Бартона каждый разъ наводили на него сонъ, и правильностію, съ которою онъ, задремавъ, опять просыпался, когда голова его падала на грудь, онъ походилъ на искусную машину, придуманную для того, чтобъ измѣрять длину проповѣдей мистера Бартона.

Во всѣ глаза, напротивъ того, глядѣла на пастора сосѣдка мистера Фичета съ лѣвой стороны, мистрисъ Брикъ, одна изъ тѣхъ сухихъ, живучихъ женщинъ, которыхъ время покрыло сѣтью морщинъ, составляющихъ какъ бы магическій панцырь, охраняющій ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній жара и холода. Единственная вещь, къ которой мистрисъ Брикъ еще была чувствительна, единственный предметъ, способный еще возбуждать ея страхъ и надежду, былъ нюхательный табакъ. Порошокъ этотъ способствовалъ, казалось, къ сохраненію ея въ видѣ муміи.

И теперь представьте себѣ цѣлую аудиторію по образцу этой первой лавки, съ прибавкой нѣсколькихъ непокорныхъ дѣтей, съ которыми тутъ же расправляется надзиратель, мистеръ Спратъ, и вы согласитесь, я думаю, со мной, что незавидна была участь пастора, обязаннаго свѣтъ евангельскій проливать въ такія души. Чтобъ имѣть какую-нибудь надежду на успѣхъ, онъ долженъ приноровиться къ понятіямъ, къ образу мыслей своихъ слушателей; долженъ сообразить, какое впечатлѣніе произведутъ истины, столь ясныя для него самого, на непривыкшіе къ тес-

логическимъ и другимъ изысканіямъ умы. Только очень гибкое воображеніе можетъ сдѣлать такой скачокъ, только очень ловкій языкъ можетъ найдтись въ такихъ особенныхъ обстоятельствахъ. Достопочтенный же Амосъ не былъ одаренъ ни гибкимъ воображеніемъ, ни ловкимъ языкомъ. Онъ толковалъ про Израиля и его грѣхи, про сосуды избранные, искупительныя жертвы, про агнца пасхальнаго, и пытался этимъ путемъ сдѣлать духовныя истины доступными Фоджевскому и Фичетовскому уму. Въ это самое утро мистеръ Бартонъ говорилъ о совершеніи Пасхи и объ опрѣснокахъ и хлѣбѣ безъ закваски. Ничто въ свѣтѣ такъ не доступно неразвитому понятію, какъ ученіе путемъ простыхъ примѣровъ и символовъ. Но въ этихъ случаяхъ проповѣднику угрожаетъ всегда опасность, чтобъ участіе и пониманіе его слушателей не остановились именно на той точкѣ, гдѣ начинается его религіозное толкованіе. Въ это утро мистеру Бартону удалось перенести воображеніе обитателей пріюта на лотокъ съ тѣстомъ, но онъ не былъ въ состояніи заставить ихъ перейдти съ этого извѣстнаго предмета къ неизвѣстнымъ истинамъ, которыя состоятъ съ нимъ въ связи.

Итакъ, въ то время, какъ на дворѣ дождь превращался въ рѣшительный снѣгъ, и мрачная столовая становилась все мрачнѣе и унылѣе, и мистеръ Фичетъ дремалъ и кивалъ головой, а мистеръ Спратъ все сильнѣе и сильнѣе дралъ за уши мальчиковъ, по мѣрѣ того, какъ приближался часъ обѣда, мистеръ Бартонъ окончилъ свою проповѣдь, ощущая холодъ въ сердцѣ точно такъ же, какъ и въ ногахъ. Мистеръ Фичетъ, проснувшійся при послѣднемъ его словѣ, съ обычными своими ужимками бросился помогать ему надѣть плащъ, а мистрисъ Брикъ открыла свою маленькую табатерку, видомъ похожую на башмакъ, и долго шарила въ ней своими морщинистыми пальцами, надѣясь найдти хоть одну щепоточку табаку. Я убѣжденъ, что еслибы мистеръ Бартонъ наполнилъ эту маленькую табатерку, онъ бы этимъ болѣе тронулъ душу мистрисъ Брикъ нежели всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ говорилъ въ это утро. Но нашъ добрый Амосъ бѣденъ былъ не однѣми деньгами: онъ былъ лишенъ всякаго такта, и когда онъ замѣтилъ движеніе пальцевъ старухи, то сказалъ съ обычною своею рѣзкостью:

— У васъ, кажется, вышелъ весь табакъ?

Глаза мистрисъ Брикъ заблистали смутною надеждой, что пасторъ намѣренъ наполнить ея табатерку, косвеннымъ по крайней мѣрѣ путемъ, подаривъ ей мелкую мѣдную монетку.

— Да, да! вы скоро отправитесь туда, гдѣ будете нуждаться уже не въ табакѣ, а въ милосердіи Божіемъ. Подумайте, что вы можете искать и не найдти этого милосердія, какъ теперь не находите табаку.

При первомъ словѣ этого поученія, взглядъ мистрисъ Бринъ омрачился, и табатерка, и душа ея закрылись въ одно и то же время.

Но тутъ вниманіе его было отвлечено мистеромъ Спратомъ; онъ тащилъ къ нему маленькаго мальчика, который всячески отбивался и упирался. Мистеръ Спратъ былъ невысокій человѣчекъ съ мелкими чертами; онъ нѣсколько заикался, но тѣмъ не менѣе очень гордился своимъ краснорѣчіемъ и говорилъ всегда самымъ отборнымъ языкомъ.

— Мистеръ Бартонъ, сэръ — ау — я осмѣлюсь васъ обезпокоить — ау — и попрошу васъ обратить вниманіе на поведеніе этого мальчика — ау — ау; онъ — ау — ведетъ себя дурно во время службы, и — ау — вообще отличается своею закоснѣлостью.

Закоснѣлый грѣшникъ былъ мальчикъ лѣтъ семи, слабымъ фырканьемъ протестовавшій противъ щелчковъ, достававшихся его носу. Но не успѣлъ мистеръ Спратъ произнести свою жалобу, какъ миссъ Фоджъ ринулась впередъ и стала между мистеромъ Бартономъ и обвиненнымъ.

— Это *мой* сынъ, мистеръ Бартонъ, воскликнула она, въ доказательство материнскихъ своихъ чувствъ утирая передникомъ носъ своего дѣтища. — Онъ завсегда нападаетъ на него, ни за что̀ ни про что̀ колотитъ его. Пусть онъ убирается ѣсть своего жаренаго гуся, который такъ въ носъ и бьетъ, когда мы ѣдимъ нашу жирную похлебку, а мальчишку моего онъ не трогай.

Глазки мистера Спрата засверкали, и онъ чуть было не выразился несовсѣмъ отборнымъ языкомъ при пасторѣ; но мистеръ Бартонъ, предвидя, что продолженіе этой исторіи не послужитъ къ назиданію общества, строгимъ голосомъ повелѣлъ ей замолчать.

— Я вашу брань слушать не намѣренъ. Какъ можетъ мальчикъ вашъ вести себя хорошо, если вы подаете ему такой дурной примѣръ?—Потомъ, обратившись къ мастеру Фоджъ и положивъ ему руку на плечо, онъ продолжалъ:—Ты развѣ любишь, чтобы тебя наказывали?

— Нѣ-ѣтъ.

— Отчего же ты, въ такомъ случаѣ,ведешь себя дурно; еслибы ты велъ себя хорошо, тебя бы никто пальцемъ не тронулъ. Но если ты будешь неуменъ, то навлечешь на себя гнѣвъ Бога, а не только гнѣвъ мистера Спрата. Богъ можетъ повергнуть тебя въ огнь вѣчный. Это будетъ хуже пинковъ и щелчковъ.

Мастеръ Фоджъ очень хладнокровно принялъ это извѣстіе.

— Но, продолжалъ мистеръ Бартонъ,—если ты будешь добрый мальчикъ, Богъ тебя будетъ любить, и съ Его помощью изъ тебя

выйдетъ хорошій человѣкъ. Смотри же, веди себя такъ, чтобы въ будущій четвергъ я могъ тебя похвалить.

Мастеръ Фоджъ, казалось, не ясно сознавалъ, какую пользу принесетъ ему исправленіе. Но мистеръ Бартонъ, замѣтившій, что миссъ Фоджъ своимъ намекомъ на жаренаго гуся коснулась деликатнаго вопроса, рѣшился не вмѣшиваться въ ея споры съ мистеромъ Спратомъ, и поэтому поспѣшилъ выйдти изъ училища.

Снѣгъ падалъ густыми хлопьями и уже успѣлъ покрыть бѣлою пеленой садъ пасторскаго дома, когда онъ вошелъ въ ворота. Мистрисъ Бартонъ услыхала, какъ онъ отворилъ дверь, и выбѣжала изъ гостиной къ нему навстрѣчу.

— Я боюсь, что ты промочилъ ноги, милый мой. Что̀ за ужасная погода! Дай мнѣ свою шляпу. Туфли твои у огня.

Мистеръ Бартонъ прозябъ и былъ не въ духѣ. Да и мудрено ли, когда человѣкъ былъ занятъ цѣлое утро исполненіемъ непріятныхъ обязанностей, за которое никто никогда не скажетъ ему спасиба? Поэтому онъ привѣтствіе Милли оставилъ безъ отвѣта и сказалъ только:

— Принеси-ка мнѣ лучше халатъ.

— Онъ въ гостиной, милый. Ты говорилъ, что тебѣ нужно поставить нумера на книги для библіотеки для чтенія, и я думала, что ты не пойдешь въ свой кабинетъ. Мы съ Патти завернули всѣ книги въ бумагу и приготовили ихъ въ гостиной.

— О, я сегодня не могу заниматься этимъ, сказалъ мистеръ Бартонъ, снимая сапоги и надѣвая туфли, приготовленныя для него женой.—Приберите-ка опять эти книги.

Гостиная днемъ служила также и за дѣтскую и за классную; и Дики, второй мальчикъ, воспользовался минутнымъ отсутствіемъ матери, чтобъ отнять у Клубеньки безголоваго деревяннаго коня, котораго онъ таскалъ за собой по комнатѣ, и когда Амосъ отворилъ дверь, Клубенька оралъ во всю мочь.

— Милли, дѣтей нужно отослать, мнѣ нужно заниматься.

— Да, милый. Полно плакать, Клубенька, поди съ Патти и посмотри, что̀ Нанни готовитъ намъ къ обѣду. А вы, Фредъ, Софи и Дики, помогите мнѣ унести эти книги. Дики, возьми вотъ эти три. Несите ихъ осторожнѣе.

Отецъ между тѣмъ усѣлся въ свое мягкое кресло и принялся за книгу объ епископствѣ, которую онъ досталъ изъ библіотеки духовнаго общества: онъ хотѣлъ ее кончить до обѣда, чтобъ отдать ее, когда отправится на духовный митингъ въ Мильби, гдѣ въ домѣ пастора находилась библіотека.

Мы не послѣдуемъ за нимъ на духовный митингъ. Мнѣ хочется теперь познакомить васъ съ мистеромъ Бридменомъ и графиней Черласскою, у которыхъ мистеръ Бартонъ и его жена должны обѣдать завтра.

ГЛАВА III.

На дворѣ холодная луна освѣщала холодный снѣгъ; покрытыя инеемъ ели бросали синія тѣни на бѣлое поле, вокругъ Кампъ-Виллы, и хрупкій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами Амоса Бартона и его жены, когда въ пятницу вечеромъ, около семи часовъ, они подходили къ вышеназванному, во всѣхъ отношеніяхъ удобному и пріятному загородному дому, лежащему только въ полумилѣ отъ базарной площади мѣстечка Мильби.

Въ домѣ, въ каминѣ гостиной, пылалъ яркій огонь и бросалъ пріятный, но невѣрный свѣтъ на свѣтлое шелковое платье дамы, полулежавшей въ тѣни, въ углу дивана, и давалъ возможность разсмотрѣть, что въ волосахъ джентльмена, сидѣвшаго противъ нея, съ газетою въ рукахъ, проглядываетъ замѣтная сѣдина. Маленькій *кингъ-чарльсъ*, съ красною лентой вокругъ шеи, долго лежавшій клубкомъ передъ самымъ каминомъ, вдругъ замѣтилъ, что мѣсто это черезчуръ жарко для него, и прыгнулъ на диванъ съ видимымъ намѣреніемъ расположиться на шелковомъ платьѣ. На столѣ стоятъ двѣ свѣчи, которыя зажгутся, какъ только ожидаемый звонокъ раздастся у дверей.

Звонокъ раздался, зажгли свѣчи, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошли мистеръ и мистрисъ Бартонъ,—мистеръ Бартонъ съ важною осанкой, блестящею лысиной, и въ непорочно-бѣломъ галстухѣ; мистрисъ Бартонъ какъ всегда изящная, несмотря на старое свое, много разъ вывороченное, черное шелковое платье.

— Какъ это любезно, что вы пожаловали ко мнѣ, сказала графиня Черласская, встрѣчая ихъ въ дверяхъ и прикладывая губы свои къ щекѣ Милли.— Мнѣ право стыдно своего эгоизма—приглашать къ себѣ друзей въ такую ужасную погоду, особенно же васъ, мистеръ Бартонъ, продолжала она, протягивая руку мистеру Бартону:—я знаю какъ время ваше дорого. Впрочемъ, я дѣлаю доброе дѣло, что отрываю васъ отъ работы. Дай вамъ волю, вы совсѣмъ себя измучите.

Пока говорились эти любезности, мистеръ Бридменъ и собачка Джетъ переминались съ ноги на ногу, и видимо не знали, что̀ съ собою дѣлать. Мистеръ Бридменъ, тучный и неповоротливый господинъ, съ какимъ-то неловкимъ радушіемъ привѣтствовалъ своихъ гостей. Удивительно было въ самомъ дѣлѣ, какъ мало было сходства между имъ и его прелестною сестрой.

Графиня Черлаесская была поистинѣ прелестна. Когда она усѣлась на диванѣ подлѣ мистрисъ Бартонъ, глаза Милли, я долженъ признаться, прежде всего остановились на подробностяхъ изящнаго ея наряда; она внимательно осмотрѣла тяжелое шелковое платье, нѣжно-лиловаго цвѣта (графиня всегда по вечерамъ одѣвалась въ свѣтлые цвѣта), черную кружевную косынку и черный кружевной вуаль, приколотый къ ея пышной косѣ. Милли была подвержена одной слабости, — не осуждайте ее за эту милую женскую слабость, — она любила наряды, и часто, перекраивая свои дешевыя платья, мечтала о томъ, какъ пріятно было бы имѣть красивые наряды, одѣваться всегда по модѣ, носить напримѣръ широкіе накрахмаленные рукава, безъ которыхъ, въ тѣ дни, женскій туалетъ не могъ назваться нарядным. И у васъ, и у меня, читатель, есть тоже свои слабости, свои глупыя мечты. У насъ быть-можетъ онѣ основаны на излишней любви къ маленькимъ ручкамъ и ножкамъ, высокому гибкому стану, большимъ чернымъ глазамъ и шелковистымъ волосамъ. Всѣмъ этимъ обладала графиня, и сверхъ того природа даровала ей маленькій носикъ, съ самою незамѣтною горбинкой, и ослѣпительный цвѣтъ лица. Подбородокъ ея, надо признаться, выдавался немножечко впередъ, и пророческій глазъ могъ бы предвидѣть время, когда разстояніе между имъ и носомъ станетъ черезчуръ мало. Но, при вечернемъ освѣщеніи, время это казалось очень отдаленнымъ, и никто бы не сказалъ, что графинѣ больше тридцати лѣтъ.

Взгляните на этихъ двухъ женщинъ, сидящихъ рядомъ на диванѣ! Высокая бѣлокурая, кроткая Милли застѣнчива даже въ дружбѣ: ей трудно говорить о чувствахъ, переполняющихъ ея сердце. Изъ тонкихъ устъ черноглазой, вертлявой графини льется потокъ нѣжныхъ словъ, очаровательныхъ любезностей.

— А что̀ дѣлаютъ ваши ангельчики? спрашиваетъ графиня, нагибаясь, чтобы поднять собачку, и не дожидаясь отвѣта, продолжаетъ:— я простудилась, и съ воскресенья никуда не выѣзжала, а то бы непремѣнно побывала у васъ. Какъ же вы устроились съ этими не сносными пѣвчими, мистеръ Бартонъ?

— О, мы собрали новый хоръ, и я надѣюсь, что онъ скоро пойдетъ хорошо. Я совершенно рѣшился распустить старыхъ пѣвчихъ. Я имъ приказалъ никогда не пѣть этотъ неприличный гимнъ, свадебный, какъ они его называютъ, дѣйствительно слишкомъ свадебный! а они, несмотря на то, спѣли его. Я бы могъ, еслибы хотѣлъ, отдать ихъ подъ судъ за то, что они осмѣлились въ церкви противиться распоряженію священника.

— И слѣдовало бы ихъ проучить, сказала графиня,—вы слишкомъ терпѣливы и снисходительны, мистеръ Бартонъ. Что̀ ка-

сается меня, то я выхожу изъ себя, видя, какъ мало умѣютъ цѣнить васъ въ этомъ отвратительномъ Шеппертонѣ.

Если, что̀ весьма вѣроятно, Амосъ Бартонъ не зналъ что̀ отвѣчать на этотъ любезный намекъ, то онъ вѣроятно обрадовался докладу, что обѣдъ поданъ, и ему пришлось вести графиню къ столу.

Мистеръ Бридменъ подалъ свою руку мистрисъ Бартонъ и, проходя въ столовую, замѣтилъ ей, что погода очень дурна.

— Очень, возразила Милли.

Мистеръ Бридменъ всегда разговаривалъ методически. Съ дамами онъ говорилъ о погодѣ, и имѣлъ обыкновеніе предметъ этотъ разсматривать съ трехъ разныхъ точекъ зрѣнія: какъ вопросъ о климатѣ вообще, сравнивая въ этомъ отношеніи Англію съ другими странами, какъ вопросъ чисто личный, освѣдомляясь о дѣйствіи произведенномъ погодой на его собесѣдницу, и какъ вопросъ вѣроятностей, разсуждая о томъ, продолжится ли, или измѣнится состояніе атмосферы. Съ мущинами онъ говорилъ о политикѣ, и ради того читалъ двѣ ежедневныя газеты. Мистеръ Бартонъ находилъ, что онъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями въ дѣлѣ политики, но не отличающійся особеннымъ остроуміемъ.

— Итакъ, вы для вашихъ духовныхъ митинговъ всегда будете собираться у мистера Эли? сказала графиня, поднося ко рту ложку супа. (Въ супѣ было черезчуръ много пряностей. Мистрисъ Шарпъ, хозяйка дома, отдававшая внаймы лучшія свои комнаты, нанимала дешевую кухарку.)

— Да, отвѣчалъ мистеръ Бартонъ: — Мильби находится въ центрѣ округа, и гораздо удобнѣе собираться всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Не понимаю, продолжала графиня,—отчего это мистеръ Эли пользуется здѣсь такою славой и авторитетомъ. Что̀ касается до меня, я не принадлежу къ числу его поклонниковъ. Проповѣди его слишкомъ холодны для меня. Въ нихъ нѣтъ энтузіазма, нѣтъ теплоты. Я часто говорю брату: какое для меня утѣшеніе, что шеппертонская церковь такъ близка отъ насъ! не такъ ли, Эдмондъ?

— Да, возразилъ мистеръ Бридменъ:—намъ въ Мильби отводятъ такія дурныя мѣста, прямо противъ дверей. Мнѣ надуло шею въ послѣдній разъ какъ мы были тамъ.

— О! на меня дѣйствуетъ не холодъ церкви, а холодъ проповѣдей. Я сегодня утромъ писала къ моей милой леди Портеръ, и излила ей всю свою душу. Она раздѣляетъ всѣ мои мнѣнія на этотъ счетъ. Она очень желаетъ, чтобъ имъ попался человѣкъ благонамѣренный и свѣдущій, когда сэръ-Уильяму

придется выбирать курата на свою ругу. Я ей описала одного своего друга, который, я увѣрена, ей совершенно придется. И какъ хорошъ тамъ домикъ священника, Милли; какъ бы я желала васъ видѣть его хозяйкой!

Милли улыбнулась и слегка покраснѣла. Почтенный Амосъ покраснѣлъ до ушей, и въ смущеніи засмѣялся: онъ рѣдко достаточно владѣлъ своими мускулами, чтобъ ограничиться улыбкой.

Въ эту минуту Джонъ, слуга, подошелъ къ мистрисъ Бартонъ съ соусникомъ въ рукѣ, а также съ легкимъ запахомъ конюшни, не покидавшимъ его и при отправленіи его домовыхъ должностей. Джонъ былъ очень робокъ; случилось такъ, что въ эту минуту съ нимъ заговорилась графиня: соусникъ выскользнулъ изъ его рукъ, и все, что было въ немъ, очутилось на заново-вывороченномъ черномъ платьѣ мистрисъ Бартонъ.

— О ужасъ! Скажите Алисѣ, чтобъ она сейчасъ пришла вытереть платье мистрисъ Бартонъ, сказала графиня дрожащему Джону, отодвигаясь сама отъ жирнаго пятна на полу. Но мистеръ Бридменъ, который, по особеннымъ причинамъ, не могъ равнодушно видѣть шелковыя матеріи, тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста и приложилъ свою салфетку къ платью мистрисъ Бартонъ.

Сердце Милли нѣсколько сжалось, но она не показала этого, и старалась казаться совершенно равнодушною къ этому дѣлу, ради Джона и спокойствія всего общества. Графиня въ душѣ благодарила Бога, что пострадало не ея шелковое платье, но на словахъ краснорѣчиво выражала свое сожалѣніе и негодованіе.

— Да, вы выше всего этого, милый мой ангелъ, сказала она, когда Милли смѣясь замѣтила, что тусклое пятно не очень будетъ замѣтно на ея и безъ того не очень блестящемъ шелковомъ платьѣ.— То же самое случилось однажды со мною у княгини Венштейнъ. На мнѣ было розовое атласное платье, и я была въ отчаяніи. Но вы такъ равнодушны къ нарядамъ, да и не удивительно. Не наряды красятъ васъ, а вы красите нарядъ.

Алиса, бойкая горничная графини, одѣтая несравненно нараднѣе мистрисъ Бартонъ, явилась и заступила мѣсто мистера Бридмена; съ помощію воды и мыла все наконецъ пришло въ порядокъ, и всѣ опять занялись обѣдомъ.

Когда потомъ въ кухнѣ Джонъ описывалъ это происшествіе кухаркѣ, онъ замѣтилъ:—Мистриссъ Бартонъ предобрая барыня; мнѣ гораздо было бы пріятнѣе пролить соусъ на платье графини. Но, Боже мой! какую бы она мнѣ задала головомойку послѣ отъѣзда гостей!

— Я полагаю, что было бы лучше вовсе не разливать соуса,

отвѣтила угрюмая кухарка. (Джонъ не ухаживалъ за ней.)—Не наготовишься соуса, если вы будете имъ всѣхъ обдавать.

— Я думаю, покорно замѣтилъ Джонъ,—что хорошо бы вамъ чѣмъ-нибудь обмазать соусникъ, чтобъ онъ не скользилъ изъ рукъ.

— Сами вы обмажьтесь! возразила кухарка, и на это возраженіе Джонъ уже не нашелся ничего отвѣчать.

Позже вечеромъ, когда Джонъ убиралъ со стола гостиной чайную посуду, и сметалъ со скатерти крошки хлѣба, присвистывая въ то же время, какъ онъ это всегда дѣлалъ въ конюшнѣ, занимаясь лошадью мистера Бридмена, Амосъ Бартонъ досталъ изъ кармана тоненькую брошюру, въ зеленой оберткѣ, и сказалъ, вручая ее графинѣ:

— Вамъ понравилась, кажется, проповѣдь, сказанная мною въ день Рождества. Она была напечатана въ *Проповѣдникѣ*, и я подумалъ, что вамъ быть-можетъ будетъ пріятно имѣть отдѣльный оттискъ ея.

— Еще бы! Я такъ буду рада перечесть эту проповѣдь. Она такъ глубока! въ ней такіе убѣдительные доводы! Такую проповѣдь мало слышать одинъ разъ. Какъ я рада, что она напечатана и станетъ всѣмъ извѣстна!

— Ахъ, да! простодушно сказала Милли: — меня такъ утѣшило письмо редактора!

И она достала изъ кармана свой маленькій бумажникъ, гдѣ хранился автографъ редактора; мистеръ же Бартонъ въ это время краснѣлъ и смѣялся и говорилъ:—Полно, Милли.

— Вы понимаете, сказала она, передавая письмо графинѣ, — какъ мнѣ должно быть пріятно, когда хвалятъ моего мужа.

Скажемъ здѣсь кстати, что въ проповѣди этой дѣло шло о воплощеніи, и что она имѣла характеръ до такой степени полемическій, что многіе шефертонскіе умы были очень смущены ею.

— Да, сказала графиня, отдавая Милли письмо,—я не удивляюсь, что онъ проситъ васъ сообщить ему еще другія ваши проповѣди. Но я еще больше бы желала, чтобы вы проповѣди свои издали особою книжкой. Какъ было бы пріятно имѣть полное собраніе ихъ! Я могла бы послать одинъ экземпляръ декану Радборскому, другой лорду Бларнею, котораго я такъ хорошо знала прежде чѣмъ онъ сталъ канцлеромъ. Мы съ нимъ были большіе друзья, и вы не можете себѣ представить, какъ онъ былъ любезенъ со мной. Я непремѣнно на дняхъ напишу ему и скажу ему просто и откровенно, какъ онъ долженъ распорядиться первымъ свободнымъ куратствомъ, которое будетъ въ его рукахъ.

Не берусь рѣшить, была ли собачонка Джетъ гораздо умнѣе

чѣмъ предполагалось, и возстали ли ея понятія о правдѣ и справедливости противъ послѣднихъ словъ графини, но въ эту минуту она соскочила съ ея колѣнъ, повернулась къ ней спиной, и стала грѣть лапки у камина, какъ бы желая показать, что она не принимаетъ участія въ разговорѣ.

Но тутъ мистеръ Бридменъ явился съ шахматною доской, и мистеръ Бартонъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе сыграть съ нимъ партію. Почтенный Амосъ очень любилъ шахматную игру, но всегда такъ хитро маневрировалъ своимъ конемъ, и такъ увлекался своими запутанными планами, что не замѣчалъ, какъ противникъ подбирался къ его королевѣ.

Шахматная игра—молчаливая игра, а графиня и Милли разговариваютъ вполголоса, вѣроятно, объ интимныхъ дѣлахъ; подслушивать теперь было бы нескромно, поэтому мы покинемъ Кампъ-Виллу, и перенесемся въ Мильби, въ домъ мистера Эли, гдѣ мистеръ Фаркьюеръ засидѣлся послѣ обѣда и начинаетъ надоѣдать хозяину своею болтовней.

Мистеръ Эли былъ высокъ ростомъ, и наружность его была пріятна. Жители Мильби и окрестностей его смотрѣли на него какъ на человѣка весьма талантливаго и ученаго, который непремѣнно произвелъ бы эффектъ и въ Лондонѣ; а духовные его собратья почитали его человѣкомъ очень порядочнымъ и пріятнымъ. Мистеръ Эли никогда не вступалъ въ горячіе споры; онъ выражался всегда осторожно и рѣдко высказывалъ свое мнѣніе; онъ никогда не давалъ замѣтить своему собесѣднику, что смѣется надъ нимъ, но также никогда никому не давалъ случая посмѣяться надъ собой. Въ одномъ только отступалъ онъ отъ обычной осмотрительности: онъ раздѣлялъ свои темные волнистые волосы по срединѣ головы, и такъ какъ голова его была нѣсколько плоска, то прическа эта вовсе не шла къ нему.

Хотя мистеръ Фаркьюеръ не былъ прихожаниномъ мистера Эли, однако былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ, и находилъ, что онъ былъ бы для него отличнымъ зятемъ, несмотря на то, что фамилія его не особенно была хорошая. Мистеръ Фаркьюеръ былъ очень разборчивъ въ вопросѣ «крови», почитая, что жидкость, текущая въ его жилахъ, необыкновеннаго качества и свойства.

— Кстати, сказалъ онъ картавя, но голосомъ, въ которомъ слышалось сознаніе собственнаго достоинства:—какую глупую роль играетъ Бартонъ въ отношеніи къ этому Бридмену и этой графинѣ, какъ она себя называетъ! Намедни, послѣ того какъ вы ушли, мистрисъ Фаркьюеръ высказала ему общее мнѣніе на ихъ счетъ, и онъ не на шутку разсердился. Каковъ гусь! Вѣритъ въ ея разказы о ея мужѣ, Полякѣ, и его удивительныхъ приключені-

яхъ; а что касается ея лично, онъ видитъ въ ней совершенство, толкуетъ про возвышенныя ея чувства, и тому подобный вздоръ.

Мистеръ Эли улыбнулся.

— Найдутся люди, которые скажутъ, что нашъ другъ Бартонъ не лучшій судья въ этомъ дѣлѣ. Дама эта вѣроятно льститъ ему, а мы, мущины, слабы. Она каждое воскресенье бываетъ въ Шеппертонской церкви, куда влечетъ ее, будемъ надѣяться, краснорѣчіе мистера Бартона.

— Вздоръ! сказалъ мистеръ Фаркьюеръ:—стóитъ взглянуть на эту женщину, чтобы понять, что она такое; она въ церкви ломается, дѣлаетъ глазки, является въ какихъ-то необычайныхъ костюмахъ. По моему, ей просто надоѣлъ ея братецъ Бридменъ, и она ищетъ себѣ другаго братца. Мистрисъ Фаркьюеръ очень любитъ мистрисъ Бартонъ, и ее очень огорчаетъ, что она попала въ общество такой женщины; потому-то она такъ и напала на него на счетъ этого. Но я ей говорю, что Бартону ничего не втолкуешь. Онъ добрый малый, но ужь такъ увѣренъ въ себѣ! Я давно пересталъ давать ему совѣты.

Мистеръ Эли улыбнулся про себя и подумалъ: какое ужасное наказаніе! Но сказалъ громко:—Да, нужно признаться, Бартонъ нѣсколько опрометчивъ. — Мистеръ Эли былъ утомленъ и не чувствовалъ желанія распространяться объ этомъ предметѣ.

— Никто у нихъ не бываетъ, кромѣ Бартоновъ, продолжалъ мистеръ Фаркьюеръ,—и зачѣмъ бы они поселились сюда, еслибы не имѣли особыхъ причинъ желать жить въ странѣ, гдѣ ихъ никто не знаетъ? Все это вовсе неблаговидно. Вы, кажется, были у нихъ, — какъ вы ихъ нашли?

— О! мистеръ Бридменъ показался мнѣ человѣкомъ очень обыкновеннымъ, который старается выказаться порядочнымъ и благовоспитаннымъ. Онъ долго и много говорилъ со мной о политикѣ. Графиня въ самомъ дѣлѣ очень хороша собой, но она черезчуръ ломается. Вудкокъ совершенно плѣнился ею, и непремѣнно захотѣлъ, чтобы жена его была у нея, и пригласила ее къ обѣду; но мистрисъ Вудкокъ, кажется, взбунтовалась послѣ перваго ея посѣщенія и не захотѣла больше приглашать ее.

— Ха! ха! Вудкокъ всегда былъ падокъ до хорошенькихъ женщинъ. Странно, что онъ женился на такой некрасивой особѣ, и не богатой къ тому же.

— Это тайна, въ которую я еще не посвященъ, сказалъ мистеръ Эли.

Здѣсь слуга доложилъ, что экипажъ мистера Фаркьюера поданъ, и такъ какъ разговоръ его, даже въ гостяхъ и съ такимъ человѣкомъ, какъ мистеръ Эли, не показался намъ особенно блестящимъ, то мы не послѣдуемъ за нимъ домой.

Мистеръ Эли съ наслажденіемъ опустился въ свои мягкія кресла, протянулъ ноги къ камину, и въ этомъ удобномъ положеніи принялся читать записки епископа Джебба.

ГЛАВА IV.

Я вовсе не увѣренъ, что еслибы добрые жители Мильби узнали всю истину о графинѣ Черласской, то не почувствовали бы никакой досады, увидавъ, что она далеко не такъ ужасна, какъ они предполагали. Тонкія различія затруднительны для ума. Гораздо легче прямо рѣшить, что вещь черна, чѣмъ вникать къ какимъ, коричневымъ, синимъ или зеленымъ тѣнямъ она принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ. Гораздо легче прямо рѣшить, что такой-то человѣкъ никуда не годенъ, чѣмъ вникать во всѣ обстоятельства, которыя могли бы васъ заставить измѣнить это сужденіе.

Притомъ вспомните объ этомъ добродѣтельномъ краснорѣчіи, обо всѣхъ этихъ остроумныхъ выводахъ, основанныхъ единственно на томъ положеніи, что графиня Черласская—особа весьма предосудительная,—которые, лишившись этой исходной точки, рушились бы и превратились бы въ ничто. Мистрисъ Фипсъ, жена банкира, и мистрисъ Ландоръ, жена атторнея, извѣстныя своею проницательностью, рѣшили, что мистеръ Бридменъ не можетъ быть братомъ графини,—и какъ горько для ихъ самолюбія было бы убѣдиться, что предположенія ихъ несправедливы! Къ тому же мистрисъ Фипсъ сознавала, что если графиня окажется не столь великою грѣшницей, то у нея самой ничего не останется, что̀ бы могла она противопоставить ея блеску и красотѣ. Нескладная, неизящная мистрисъ Фипсъ, могла теперь смотрѣть на графиню съ высоты своего добродѣтельнаго величія, а тогда бы ей пришлось стать на одну доску съ этою стройною, нарядною красавицей.

И какой богатой темы для послѣобѣденныхъ разговоровъ лишилась бы мужская часть народонаселенія Мильби, еслибы вы ей сказали, что въ прошедшемъ графини не было ничего такого, что̀ бы давало почтеннымъ людямъ положительное право презирать ее; еслибъ они узнали, что она въ самомъ дѣлѣ была замужемъ за графомъ Черласскимъ, который послѣ приключеній, поистинѣ удивительныхъ, давалъ уроки танцевъ въ столицѣ, о чемъ впрочемъ она умалчивала; что мистеръ Бридменъ былъ дѣйствительно ея братъ, и что онъ честнымъ трудомъ добылъ себѣ маленькое состояніе, которое дало ему возможность удалиться отъ дѣлъ и на досугѣ заняться изученіемъ политики,

погоды и искусства вести разговоры! Мистеръ Бридменъ, сорокалѣтній холостякъ, былъ очень радъ принять къ себѣ овдовѣвшую сестру, красотой и графскимъ титуломъ которой онъ очень гордился. Каждый человѣкъ, если только онъ не извергъ, не математикъ и не сумасбродный философъ, покоряетъ волю свою волѣ какой-нибудь женщины. Мистеръ Бридменъ находился теперь подъ башмачкомъ своей красавицы - сестры, и совершенно поддался ея вліянію. Если въ немъ иногда и проявлялись вспышки самостоятельности, то графиня умѣла скоро опять повернуть его по своему. Тѣмъ не менѣе сердце холостяка всегда въ опасности, каждую минуту можетъ сдаться въ руки прекрасной непріятельницы, и надъ графиней всегда висѣла та грозная туча, что братъ ея вздумаетъ вступить въ первый бракъ прежде чѣмъ она успѣетъ пріискать себѣ втораго мужа. Но покамѣсть онъ покорялся всѣмъ ея прихотямъ, никогда не жаловался на то, что расходы по ея туалету далеко превышали ея собственный маленькій доходишко въ шестьдесятъ фунтовъ въ годъ, и соглашался вести съ нею бродячую жизнь, вмѣсто того чтобы поселиться въ какомъ-нибудь скромномъ городкѣ, гдѣ его пятьсотъ фунтовъ ежегоднаго дохода сдѣлали бы изъ него довольно значительное лицо.

Графиня имѣла свои виды, выбравъ для мѣста временнаго жительства такой тихій провинціяльный городокъ, какъ Мильби. Послѣ трехъ лѣтъ вдовьей жизни, она начинала чувствовать желаніе дать наслѣдника такъ долго оплакиваемому ею Черласскому, котораго красивые усы, красивая наружность и романическая жизнь покорили ея сердце десять лѣтъ тому назадъ, когда она, хорошенькая, двадцати-пяти-лѣтняя Каролина Бридменъ, была гувернанткой у дочерей леди Портеръ, которыхъ онъ посвящалъ въ таинства *pas de basque* и *lancier*. Она, въ продолженіи семи лѣтъ, наслаждалась очень достаточнымъ супружескимъ счастьемъ съ Черласскимъ, который возилъ ее въ Парижъ и Германію, и познакомилъ со многими изъ своихъ старинныхъ друзей, съ громкими именами и скудными состояніями. Этимъ путемъ прекрасная Каролина пріобрѣла не малую жизненную опытность, и извлекла изъ нея не глубокую, конечно, мудрость, но много внѣшняго лоска и нѣсколько очень положительныхъ выводовъ. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ, что есть въ жизни вещи болѣе прочныя чѣмъ красивые усы и графскій титулъ, и что при выборѣ втораго мужа она будетъ смотрѣть не столько на эти преимущества, сколько на ежегодные его доходы. Она убѣдилась, вслѣдствіе неоднократныхъ попытокъ, что на водахъ и морскихъ купальняхъ трудно поймать ту рыбку, которую она имѣла въ виду, оттого что тамъ уже находилось много красавицъ, занятыхъ тѣмъ же дѣломъ; а мущины по большей части

сами искали себѣ богатыхъ невѣстъ; сообразивъ все это, она рѣшилась попытать счастія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждый человѣкъ въ точности зналъ, что̀ дѣлается въ карманѣ его сосѣда, и гдѣ женщины по большей части некрасивы и дурно одѣваются. Мистеръ Бридменъ, какъ всегда и во всемъ, совершенно согласился съ сестрой, и былъ увѣренъ, что такая блестящая красавица, какъ графиня, непремѣнно составитъ партію, которая и его втянетъ въ высшую сферу, и въ головѣ его раждались разныя честолюбивыя мечты.

Все это показалось бы весьма не интереснымъ для сплетниковъ Мильби, послѣ того какъ они въ своихъ предположеніяхъ ушли гораздо дальше. Во всемъ этомъ ничего не было очень ужаснаго. Правда, графиня была немного тщеславна, немного честолюбива, немного пуста и суетна, немного предана слабости отклоняться отъ истины. Но кто скажетъ, что изъ-за такихъ легкихъ тѣней не слѣдуетъ принимать человѣка въ почтенномъ обществѣ? Самыя чопорныя дамы мѣстечка Мильби должны были чувствовать въ глубинѣ души своей, что эти слабости графини не проводятъ еще такой глубокой черты между ими и ею; а такъ какъ было ясно, что черта эта существовала, то необходимо предположить въ графинѣ разные пороки, въ которыхъ самихъ ихъ нельзя было упрекнуть.

Поэтому, аристократія Мильби рѣшительно не захотѣла признать графиню, несмотря на ея усердное посѣщеніе церкви и негодованіе, съ которымъ, какъ было извѣстно, она говорила о томъ, что церковь такъ часто была пуста. Графиня увидѣла, что ошиблась въ своихъ разчетахъ, выбравъ мѣсто жительства тамъ, гдѣ всякій знаетъ подноготную своего сосѣда. При такихъ обстоятельствахъ, вы можете себѣ представить, какъ ей пріятно было встрѣтить такое полное сочувствіе и вѣру въ мистерѣ Бартонѣ и его женѣ. Болѣе всего возмутило ее обращеніе съ ней мистера Эли; она чувствовала, что красота ея не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, и была убѣждена, что онъ поднимаетъ ее на смѣхъ. Женщина всегда знаетъ, гдѣ она совершенно безсильна, и нѣтъ ей ничего непріятнѣе, какъ холодный, насмѣшливый взглядъ. Къ тому же она особенно желала дружбы и уваженія лицъ духовнаго званія, не только потому, что это лучшее средство поставить себя хорошо въ обществѣ, но и потому, что въ самомъ дѣлѣ на нее нападали разныя религіозныя сомнѣнія. Она серіозно думала о томъ, чтобы сдѣлаться вполнѣ набожною и богомольною, какъ только она добьется своего.

Дай намъ только эту штуку сдѣлать, говоритъ Улиссъ Неоптолему, а ужь тамъ мы весь вѣкъ свой будемъ честны. Такъ же точно и графиня говорила себѣ: только бы мнѣ покончить это

послѣднее маленькое дѣло, а ужъ потомъ буду думать только о спасеніи своей души.

Такъ какъ она далеко не была такимъ тонкимъ цѣнителемъ богословскихъ познаній, какъ туалета, то преподобный Амосъ казался ей не только человѣкомъ очень ученымъ (это само собой разумѣлось въ духовномъ лицѣ), но и могущественнымъ назидателемъ душъ. Что же касается Милли, графиня дѣйствительно любила ее столько, сколько это было возможно ей по ея характеру. Въ самомъ-то дѣлѣ графиня горячо и преданно любила только одну особу, а именно, Каролину Черласскую, урожденную Бриджменъ.

Вслѣдствіе этого, не было большаго притворства въ ея сладкихъ рѣчахъ и вниманіяхъ мистеру и мистрисъ Бартонъ. Тѣмъ не менѣе, дружба ихъ не могла ей служить замѣномъ того, чего она искала, пріѣхавъ въ Мильби, и она уже начинала подумывать о новой перемѣнѣ мѣста жительства.

Наши желанія часто сбываются, но рѣдко точно такимъ образомъ, какъ мы предполагали. Графиня въ самомъ дѣлѣ скоро покинула Кампъ-Виллу, но при обстоятельствахъ, на которыя она вовсе не разчитывала.

ГЛАВА V.

Амосъ Бартонъ, грустную судьбу котораго я взялся описывать, не былъ, какъ вы уже могли замѣтить, личность идеальная, или сколько-нибудь выходящая изъ ряда обыкновенныхъ людей; и быть-можетъ, съ моей стороны черезчуръ смѣло стараться возбудить вашу симпатію въ пользу человѣка, ничѣмъ не замѣчательнаго, человѣка, съ добродѣтелями вовсе не героическими, даже не имѣющаго на совѣсти ни одного ужаснаго преступленія; человѣка, не имѣющаго въ себѣ ничего таинственнаго, и даже не влюбленнаго, но благополучно прошедшаго черезъ эту болѣзнь уже много лѣтъ тому назадъ. «Совершенно неинтересная личность!» увѣренъ я, восклицаютъ дамы, предпочитающія вымыселъ истинѣ, требующія отъ героя повѣсти сильныхъ страстей и самыхъ необычайныхъ свойствъ.

Но вспомните, милостивая государыня, какое огромное большинство вашихъ соотечественниковъ вылито въ эту незначащую и невзрачную форму. По крайней мѣрѣ восемьдесятъ изо ста взрослыхъ Англичанъ не отличаются ни особенною глупостью, ни особенною мудростью, ни особенными пороками; взглядъ ихъ ни особенно глубокомысленъ, ни особенно выразителенъ; они по всей вѣроятности въ жизни своей не имѣли никакихъ удивитель-

ныхъ приключеній; способности ихъ далеко не геніяльныя, и въ нихъ не кипятъ разрушительныя страсти. Они просто люди обыкновенные на видъ, болѣе или менѣе сбивающіеся въ рѣчахъ, не рѣдко дающіе промахи. И тѣмъ не менѣе многіе изъ этихъ незначащихъ людей всею силой души своей стремятся къ добру, совѣстливо исполняютъ свой долгъ, испытывали и радость и горе: жизнь коснулась и ихъ. Да и самая незначительность ихъ,—не трогательна ли она, если сравнить ихъ блѣдное и тѣсное существованіе съ блестящими задатками, лежащими въ человѣческой природѣ?

Повѣрьте мнѣ, вы бы много выиграли, еслибы научились видѣть поэзію и драму человѣческой души, глядящей на васъ тусклыми сѣрыми глазами и говорящей не совсѣмъ мелодическимъ голосомъ. Въ такомъ случаѣ я бы не боялся, что вамъ надоѣстъ мой разказъ объ Амосѣ Бартонѣ, и что вы почтете не стóящими вашего вниманія простыя подробности о немъ, которыя мнѣ остается вамъ сообщить. Впрочемъ, отъ васъ зависитъ бросить мою повѣсть, а въ послѣднее время столько появилось новыхъ, краснорѣчивыхъ, сердцераздирательныхъ, увлекательныхъ романовъ, что вамъ не трудно будетъ найдти себѣ чтеніе болѣе по вкусу.

За то читатели, которые принимаютъ участіе въ судьбѣ Амоса Бартона и его жены, будутъ рады узнать, что мистеръ Ольдинпортъ ссудилъ имъ вышеупомянутые двадцать фунтовъ. Но двадцать фунтовъ скоро будутъ издержаны, когда двѣнадцать изъ нихъ слѣдуетъ заплатить мяснику, и когда видъ восьми оставшихся сувереновъ въ холодную февральскую погоду искушаетъ васъ заказать себѣ теплое пальто. И хотя мистеръ Бридменъ до того отступилъ отъ необходимой экономіи, возложенной на него издержками графини по своему туалету, что выбралъ хорошую черную шелковую матерію, плотную и добротную на опытный его глазъ, и поднесъ ее мистрисъ Бартонъ, въ замѣнъ того платья, которóе пострадало за его столомъ; но какому женатому человѣку неизвѣстно, что платье ровно ничего не значитъ и мало въ немъ пользы, когда нечего къ нему надѣть, и когда, налицо шесть человѣкъ дѣтей, которые рвутъ и изнашиваютъ свою одежду съ неимовѣрною для нематеринскаго глаза быстротой?

Въ самомъ дѣлѣ, балансъ прихода съ расходомъ становился съ каждымъ днемъ затруднительнѣе въ домѣ Бартоновъ. Къ этому много способствовало еще то, что вскорѣ послѣ рожденія маленькаго Вальтера, тетка Милли, которая постоянно жила съ нею съ самаго ея замужества, перенеслась со всѣми своими пожитками, мебелью и годовымъ своимъ доходомъ, въ домъ другой племянницы.

Побудила ее, по всей вѣроятности, къ этому рѣшительному шагу легкая схватка, которая произошла между ею и Амосомъ въ то время, какъ Милли лежала еще въ постелѣ, и вслѣдствіе которой терпѣніе ея наконецъ лопнуло. Мистеръ Бартонъ былъ нѣсколько горячъ, а старыя дѣвушки всегда бываютъ очень обидчивы, и поэтому мы будемъ надѣяться, что не вся вина была на его сторонѣ, тѣмъ болѣе что онъ, вѣроятно, вовсе не желалъ ссориться съ родственницей, присутствіе которой отгоняло нужду отъ его дверей. Со времени отъѣзда миссъ Джаксонъ прошло уже около года, и чуткое ухо могло уже слышать шаги приближавшейся нужды.

Грустно было также то, что когда стаялъ послѣдній снѣгъ, когда красные и желтые крокусы стали распускаться въ саду, и старая церковь уже до половины была сломана, Милли заболѣла, губы ея поблѣднѣли, и ей прописано было, по мѣрѣ возможности, сидѣть спокойно и не утомляться.

Мистеръ Брандъ, шеппертонскій докторъ, столь ненавистный мистеру Пильгриму, прописалъ ей непремѣнно пить портвейнъ, и все чаще и чаще становилось необходимымъ нанимать поденщицу, чтобы пособлять Нанни въ ея трудахъ.

Мистрисъ Гакитъ, почти никого не посѣщавшая кромѣ ближайшей и старѣйшей своей сосѣдки, мистрисъ Паттенъ, теперь до того отступила отъ своихъ привычекъ, что отправилась навѣстить Милли. Слезы навернулись на ея далеко не сентиментальные глаза, когда она увидѣла Милли, сидѣвшую въ креслахъ, блѣдную и слабую, не имѣвшую силъ продолжать шить фартучекъ, который лежалъ подлѣ нея на столѣ. Очередь сидѣть съ мамашей была теперь за маленькимъ Дики, шумливымъ мальчикомъ лѣтъ пяти, здоровымъ и румянымъ, и онъ смирно прижимался къ колѣнямъ матери, и держалъ ея бѣлую, мягкую руку, въ своихъ красныхъ, не совсѣмъ чистыхъ ручонкахъ. Этого мальчика мистрисъ Гакитъ какъ-то, въ припадкѣ строгости, за его упорство назвала «дубиннымъ»; но теперь видя его такимъ добродѣтельнымъ, она улыбнулась ему самою ласковою своею улыбкой, и нагнулась къ нему, чтобъ его поцѣловать, но Дики рѣшительно отказался отъ этой чести.

— Аппетитъ-то у васъ хорошъ ли, да кушаете ли вы питательныя вещи? былъ одинъ изъ первыхъ вопросовъ мистрисъ Гакитъ, и Милли всячески старалась увѣрить ее, что только того и боится, что ее закормятъ, избалуютъ исполненіемъ всякихъ ея прихотей. Но мистрисъ Гакитъ однако выпытала у нея, что мистеръ Брандъ предписалъ ей пить портвейнъ.

Пока шелъ этотъ разговоръ, Дики втихомолку гладилъ и цѣловалъ руку матери, такъ что наконецъ она сказала съ улыбкой;

— Отчего ты цѣлуешь мою руку, Дики?

— Она такая міяя, отвѣтилъ Дики, который, какъ вы можете замѣтить, еще недалеко ушелъ въ своемъ выговорѣ.

Мистрисъ Гакитъ вспомнила въ послѣдствіи объ этой маленькой сценѣ, и съ особенною нѣжностію и жалостію вспоминала всегда о «дубинномъ мальчикѣ».

На другой день явился посланный съ поклономъ отъ мистрисъ Гакитъ и корзиной; въ ней оказалась полдюжина бутылокъ портвейна и двѣ пары индѣекъ. Мистрисъ Фаркьюеръ также была очень ласкова: настояла на томъ, чтобы Милли не употребляла другаго араурута, кромѣ ея собственнаго, который она получила прямо изъ Индіи, и взяла къ себѣ Фреда и Софи недѣли на двѣ. Эти и другія разныя милыя вниманія облегчали нѣсколько положеніе Милли; но тѣмъ не менѣе издержки все росли, и мистеръ Бартонъ серіозно началъ подумывать о томъ, чтобъ обратиться къ какому-то обществу вспомоществованія нуждающимся куратамъ.

Словомъ, обстоятельства сложились такимъ образомъ въ Шеппертонѣ, что прихожанамъ гораздо было чувствительнѣе, что духовный отецъ ихъ нуждается въ ихъ матеріяльной помощи чѣмъ то, что они сами нуждаются въ его духовной помощи. Опасное положеніе дѣлъ въ нынѣшній вѣкъ и въ странѣ, гдѣ и даровитый человѣкъ не сразу вселитъ къ себѣ довѣріе, а и подавно человѣкъ, подобный нашему Амосу.

Но, спросите вы, хлопотала ли и заботилась ли о своихъ друзьяхъ графиня Черласская въ это трудное для нихъ время? Безъ всякаго сомнѣнія. Она безпрестанно навѣщала свою «милѣйшую Милли», и просиживала съ нею цѣлые часы; можетъ, конечно, показаться страннымъ, что ей въ голову не пришло взять къ себѣ на это время котораго-нибудь изъ дѣтей, или позаботиться о томъ, чтобы доставить Милли какія-нибудь удобства; но отъ знатныхъ, привыкшихъ къ роскоши дамъ, нельзя требовать, чтобъ они понимали нужды своихъ ближнихъ. Она обливала одеколономъ платокъ мистрисъ Бартонъ, поправляла ея подушки, цѣловала и обнимала ее, кутала ее въ свою собственную теплую шаль, и забавляла ее разказами о своей заграничной жизни. Когда къ нимъ присоединялся мистеръ Бартонъ, она заводила съ нимъ душеспасительные разговоры, толковала о своемъ рѣшеніи не пускаться болѣе въ вихрь свѣтской жизни, о своей надеждѣ увидѣть его въ сферѣ, болѣе достойной его дарованій. Милли нравилась ея живость и ласковая теплота, и она всею душой привязалась къ ней; а мужъ ея испытывалъ какое-то смутное чувство, что онъ вступилъ въ аристократическое общество.

Однако, когда дни стали теплѣе и все въ природѣ разцвѣло, разцвѣла и Милли, и черезъ нѣсколько недѣль она уже по преж-

нему хлопотала въ домѣ, хотя внимательный глазъ могъ бы разсмотрѣть, что эта дѣятельность еще утомляетъ ее. Глаза мистрисъ Гакитъ были именно такого рода, и когда Милли, въ первый разъ послѣ своей болѣзни, обѣдала у нея съ своимъ мужемъ, она по отъѣздѣ ихъ сказала мистеру Гакиту: — Бѣдная, она еще очень слаба и далеко не совсѣмъ поправилась. Я боюсь за нее.

Мистеръ Бартонъ между тѣмъ трудился неутомимо. Онъ каждое воскресенье читалъ экспромптомъ двѣ проповѣди въ работномъ домѣ, гдѣ одна комната была отведена для богослуженія, на время передѣлки церкви; и въ тотъ же вечеръ отправлялся въ дальній коттеджъ, чтобъ и тамъ въ душной маленькой комнатѣ импровизировать еще одну проповѣдь. Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, легко себѣ представить, что онъ очень былъ утомленъ къ девяти часамъ вечера, и что ему очень было пріятно поужинать у какого-нибудь гостепріимнаго прихожанина и подкрѣпиться однимъ, или даже двумя стаканами бранди съ водой. Мистеръ Бартонъ вовсе не былъ аскетомъ и не признавалъ духовной пользы постовъ; онъ не прочь былъ иногда и посплетничать до того, что миссъ Бондъ и другія дамы восторженнаго духа часто жалѣли о томъ, что мистеръ Бартонъ оказываетъ мало презрѣнія къ удобствамъ плоти. Дамы слабаго здоровья, не выходящія изъ своей комнаты и желудки которыхъ варятъ не совсѣмъ исправно, бываютъ очень строги къ привычкамъ своихъ ближнихъ. А главное, Амоса Бартона никакъ нельзя было назвать невоздержнымъ человѣкомъ. Самые недостатки его были какіе-то посредственные, онъ и писалъ и говорилъ не очень хорошо и не очень нехорошо. Не въ его природѣ было быть чрезвычайнымъ въ чемъ бы то ни было, развѣ только именно въ посредственности. Если въ чемъ-нибудь онъ переступалъ эту границу, такъ развѣ въ своей увѣренности, что онъ отлично постигаетъ всѣ житейскія дѣла и умѣетъ какъ нельзя лучше вести ихъ; и голова его вѣчно была полна планами, которые, подобны его шахматнымъ маневрамъ, были бы хороши—при другомъ положеніи игры. Напримѣръ, его глубокообдуманный планъ завести антидиссентерскія книги въ библіотекѣ для чтенія, не нанесъ, казалось, нималѣйшаго удара расколу, а только сильно вооружилъ противъ него всѣхъ диссентеровъ. Его вѣчные намеки на то, какія передѣлки нужно бы было предпринять въ церкви, его неистощимое воображеніе на этотъ счетъ, смущали церковныхъ попечителей и вліятельныхъ прихожанъ, и вселяли въ ихъ души недовѣріе къ нему.

— Я никогда ничего не видалъ подобнаго этимъ священникамъ, говорилъ однажды мистеръ Гакитъ мистеру Бронду, другому попечителю церкви:—у нихъ страсть вмѣшиваться во всѣ дѣла, а толку они въ нихъ понимаютъ не больше моей вороной лошади.

— Да, сказалъ мистеръ Брондъ,—отъ большой учености у нихъ умъ за разумъ заходитъ.

— Какъ хотите, скромно и не совсѣмъ рѣшительно замѣтилъ мистеръ Гакитъ, какъ бы выражая черезчуръ смѣлую гипотезу,—не вижу я пользы въ такомъ воспитаніи, которое съ толку сбиваетъ людей.

Итакъ, вы видите, что популярность Амоса Бартона находилась въ томъ невѣрномъ и шаткомъ положеніи, когда малѣйшаго толчка злой судьбы достаточно, чтобы совершенно ниспровергнуть ее. И это, какъ вы увидите, не замедлило случиться.

Въ одно прекрасное майское утро, когда Амоса не было дома, и солнце освѣщало гостиную, гдѣ у окна за своею работой сидѣла Милли, отъ времени до времени поднимая глаза, чтобы взглянуть на дѣтей, игравшихъ въ саду, кто-то громко постучался въ дверь, и Милли тотчасъ же догадалась, что то была графиня; какъ всегда нарядная и изящная, она вошла въ комнату съ опущеннымъ на лицо вуалемъ. Милли, какъ всегда, обрадовалась ей; но когда графиня подняла вуаль и показала ей свои красные, заплаканные глаза, она очень удивилась и огорчилась.

— Что̀ случилось, милая Каролина?

Каролина спустила съ рукъ своего Джетъ, который жалобно завылъ, бросилась на шею Милли и зарыдала; потомъ она въ изнеможеніи опустилась на диванъ, спросила стаканъ воды, потомъ скинула съ себя шаль и шляпу, и наконецъ, послѣ того какъ воображеніе Милли уже успѣло нарисовать ей картины самыхъ страшныхъ бѣдствій, Каролина сказала:

— Душа моя, вы представить себѣ не можете, что̀ случилось! Я самая несчастная изъ женщинъ. Быть обманутой братомъ, которому я была такъ предана, видѣть, какъ низко онъ упалъ!

— Въ чемъ же дѣло? сказала Милли, начинавшая представлять себѣ, что воздержный мистеръ Бридменъ напился пьянъ, и предается какимъ-нибудь неистовствамъ.

— Онъ женится, женится на моей горничной, на этой лукавой Алисѣ, которую я такъ любила и баловала! Можете ли вы себѣ представить что̀ нибудь ужаснѣе, позорнѣе, унизительнѣе?

— И онъ вамъ только теперь сказалъ объ этомъ? спросила Милли, даже и въ свою невинную жизнь слышавшая о поступкахъ болѣе черныхъ и поэтому избѣгавшая прямаго отвѣта.

— Сказалъ объ этомъ! Онъ даже и этой чести мнѣ не сдѣлалъ. Я вхожу въ столовую и вижу, что онъ цѣлуетъ ее, — не отвратительно ли это въ его лѣта? — и когда я стала бранить ее за то, что она позволяетъ ему такое вольное съ собою обращеніе, она съ дерзкою улыбкой объявила мнѣ, что такъ какъ она выходитъ замужъ за моего брата, то и не видитъ почему бы ей

не позволить ему поцѣловать ее. Эдмондъ, какъ вамъ извѣстно, жалкій трусъ, онъ скорчилъ испуганное лицо; но когда она обратилась къ нему и спросила такъ или нѣтъ, онъ собрался съ духомъ и сказалъ, что такъ. Я въ негодованіи вышла изъ комнаты. Сегодня утромъ я объяснилась съ братомъ и убѣдилась, что онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился жениться на этой женщинѣ, и скрывалъ это отъ меня, вѣроятно потому, что ему было стыдно. Вы понимаете, что послѣ этого я не могла оставаться долѣе въ домѣ, гдѣ горничная моя будетъ хозяйкой. Теперь, Милли, я къ вамъ съ просьбой пріютить меня у себя недѣли на двѣ. Что̀ вы мнѣ на это скажете?

— Что я очень рада, если только вы можете довольствоваться нашимъ бѣднымъ житьемъ-бытьемъ. Я буду такъ счастлива имѣть васъ у себя.

— Мнѣ будетъ отрадно и успокоительно прожить нѣкоторое время съ вами и мистеромъ Бартономъ. Я не въ состояніи теперь ѣхать къ кому-нибудь изъ другихъ моихъ друзей. Не знаю, что̀ станутъ дѣлать эти два жалкія существа, но надѣюсь, что они поскорѣе уѣдутъ отсюда. Я посовѣтовала брату сдѣлать это прежде еще чѣмъ онъ опозоритъ себя.

Когда возвратился Амосъ, онъ присоединился къ Милли, чтобы выразить графинѣ все свое сочувствіе и радость видѣть ее у себя. Вскорѣ прибыли и громадные ея сундуки, которые она, несмотря на свое негодованіе, успѣла бережно уложить; ихъ помѣстили въ порожнюю комнату и въ два непорожніе чуланчика, которые Милли опорожнила по этому случаю. Недѣлю спустя, удобныя и красивыя комнаты въ Кампъ-Виллѣ опять отдавались внаймы, и внезапный отъѣздъ мистера Бридмена, переселеніе графини Черлаской къ Бартонамъ сдѣлались предметомъ общихъ толковъ и пересудовъ. Бдительная добродѣтель Шеппертона и Мильби увидала въ этомъ подтвержденіе самыхъ ужасныхъ своихъ подозрѣній, и оплакивала заблужденія Амоса.

Но когда стали проходить недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, когда настала осень, а графиня все жила у Бартоновъ, отнимая у Милли мѣсто и бо́льшую часть ея времени и вниманія, дурныя подозрѣнія обратились въ убѣжденія, и овладѣли умами даже самыхъ близкихъ къ Амосу Бартону людей.

Случалось ли вамъ, читатель, разлить чернилицу и въ безпомощномъ отчаяніи слѣдить за быстрымъ распространеніемъ черной влаги по вашему красивому манускрипту или еще болѣе красивому ковру стола? Съ подобною же быстротой клевета чернила теперь доброе имя нашего Амоса, возбуждала противъ него равнодушныхъ, отчуждала отъ него друзей въ такое время, когда и другаго рода затрудненія быстро размножались вокругъ него.

ГЛАВА VI.

Въ одно ноябрьское утро, по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ послѣ того какъ графиня Черласская поселилась у Бартоновъ, мистрисъ Гакитъ нечаянно узнала, что сосѣдка ея мистрисъ Паттенъ страдаетъ припадкомъ старинной своей болѣзни, окрещенной неопредѣленнымъ именемъ «спазмовъ». Вслѣдствіе этого, она въ одиннадцать часовъ надѣла бархатную шляпу и суконный салопъ, окутала шею въ длинный боа, и засунула руки въ муфту, въ которой бы легко помѣстился здоровѣйшій новорожденный ребенокъ: мистрисъ Гакитъ для туалета своего соображалась съ календаремъ, и какая бы ни стояла погода, всегда съ перваго ноября облекалась въ зимнюю одежду. Не такая она была женщина, чтобы соображаться съ разными колебаніями, отступленіями и исключеніями. Если время года не знало чѣмъ ему подобаетъ быть, такъ это знала мистрисъ Гакитъ. Въ ея молодость всегда стояла холодная погода около этого времени, и она не любила нововведеній.

Впрочемъ, въ это утро температура была совершенно прилична ея костюму, и пока она черезъ поля пробиралась въ Кроссъ-Фармъ, холоднѣйшій ноябрьскій вѣтеръ дулъ ей въ лицо и срывалъ съ деревьевъ послѣдніе красные и желтые листья. Да, думала про себя мистрисъ Гакитъ, по всей вѣроятности зима нынѣшняя будетъ холодная, и если такъ, врядъ ли переживетъ ее старушка. Ужь она и теперь одною ногой стоитъ въ гробу.

Эти грустныя предчувствія однако разсѣялись, когда въ дверяхъ Кроссъ-Фармъ ее встрѣтила миссъ Дженетъ съ извѣстіемъ, что ея теткѣ гораздо лучше, и безъ предварительнаго доклада повела ее въ спальню старушки. Дженетъ только что успѣла окончить подробный разказъ о томъ, какъ начался припадокъ и какія были ощущенія ея тетки, разказъ, къ которому мистрисъ Паттенъ, въ своемъ непорочно-бѣломъ и аккуратномъ ночномъ чепцѣ, казалось, прислушивалась, презрительно примиряясь съ историческою неточностію своей племянницы, и отъ времени до времени смущая Дженетъ неодобрительнымъ покачиваніемъ головы, — когда стукъ копытъ по мощеному двору возвѣстилъ о пріѣздѣ мистера Пильгрима, и онъ и его высокіе сапоги вскорѣ сами явились въ спальнѣ. Состояніе здоровья мистрисъ Паттенъ оказалось такъ хорошо, что ему не было никакой причины

хранить мрачный видъ; онъ могъ себѣ позволить свести разговоръ на сплетни, и невозможно было противостоять искушенію имѣть слушательницей мистрисъ Гакитъ.

— Какъ не красиво становится дѣло вашего курата, было замѣчаніе, которымъ онъ перешелъ отъ разспросовъ своей больной къ болѣе занимательному предмету.

— Да, сказала мистрисъ Гакитъ,—точно что не красиво. Ради мистрисъ Бартонъ, я стояла за ея мужа такъ долго, какъ только могла; но оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ было бы теперь противно совѣсти. Возмутительно видѣть, какъ эта женщина, по воскресеньямъ, входитъ съ ними въ церковь, и еслибы мистеръ Гакитъ не былъ попечителемъ церкви, и еслибъ я не была тѣхъ правилъ, что не слѣдуетъ покидать свой приходъ, я бы стала посѣщать Неблейскую церковь. Ужь и такъ многіе изъ нашихъ прихожанъ отправляются туда.

— Я думалъ прежде, что Бартонъ только глупъ, замѣтилъ мистеръ Пильгримъ, тономъ человѣка, раскаивающагося въ своемъ благодушіи.—Я думалъ, что эти люди забрали его въ руки, пустили ему пыль въ глаза, но теперь вижу, что дѣло совершенно иного рода.

— О, все это ясно какъ день! возразила мистрисъ Гакитъ:— прилетѣла сюда Богъ вѣсть откуда, Богъ вѣсть съ кѣмъ; а потомъ вдругъ этотъ нареченный ея братъ уѣзжаетъ одинъ, а она переселяется къ Бартонамъ, хотя непонятно, что̀ могло ее заставить связаться съ этимъ бѣднякомъ, который и жену свою и дѣтей насилу-то содержитъ: это, признаюсь, для меня загадка.

— Вѣроятно намъ неизвѣстны всѣ прелести мистера Бартона, сказалъ мистеръ Пильгримъ, очень гордившійся своимъ остроуміемъ. —У графини теперь нѣтъ горничной, и, говорятъ, мистеръ Бартонъ вполнѣ замѣняетъ ее, шнуруетъ ея ботинки и такъ далѣе.

— Безстыдникъ! съ негодованіемъ произнесла мистрисъ Гакитъ.—А бѣдняжка, жена его, въ это время выбивается изъ силъ, чтобъ одѣть и прокормить дѣтей. Что-то она должна чувствовать! Мнѣ до смерти жаль, что я должна удаляться отъ нея. Но и она виновата, что даетъ такимъ образомъ топтать себя въ грязь.

— Да, я на дняхъ говорилъ объ этомъ съ мистрисъ Фаркьюеръ. «Я нахожу сказала она мнѣ,—что мистрисъ Бартонъ о-чень слабая жен-щина.» (Мистеръ Пильгримъ слова эти произнесъ громко и отчетливо, какъ бы находя это сужденіе очень оригинальнымъ.) Она рѣшила, что ей невозможно приглашать ее къ себѣ, пока эта двусмысленная личность живетъ въ ея домѣ.

— Еслибъ я была замужемъ, замѣтила миссъ Дженетъ,—ничто не могло бы меня заставить помириться съ тѣмъ, съ чѣмъ мирится мистрисъ Бартонъ.

— Да, на словахъ-то все легко, послышался съ кровати слабый голосъ мистрисъ Паттенъ; — у старыхъ дѣвушекъ мужья всегда подъ башмакомъ. Еслибы Богъ далъ вамъ мужа, вы такія же бы дѣлали глупости, какъ и всѣ. И почище васъ женщины оставались въ дурахъ.

— Удивляюсь я только тому, замѣтила мистрисъ Гакитъ,—какъ это Бартоны сводятъ концы съ концами. *Она* имъ ничего не платитъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены: я знаю, что онъ просилъ денегъ у какого-то духовнаго благотворительнаго общества. Говорятъ, она сперва убѣдила мистера Бартона, что она знакома съ разными знатными и вліятельными лицами и можетъ черезъ нихъ доставить ему болѣе выгодное мѣсто. Впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, что̀ правда и что̀ нѣтъ. Мистеръ Бартонъ пересталъ бывать у насъ съ тѣхъ поръ какъ я разъ высказала ему нѣсколько не совсѣмъ пріятныхъ истинъ. Быть-можетъ ему стыдно. Я замѣтила въ прошлое воскресенье, что онъ очень похудѣлъ, и что у него очень разстроенный и утомленный видъ.

— Да, онъ не можетъ не замѣчать, что всѣ стали коситься на него. Духовенство очень возстаетъ на него за эти глупыя продѣлки. Говорятъ, ректоръ Корпъ вовсе не прочь смѣнить Бартона; но для этого ему надобно пріѣхать самому въ Шеппертонъ, чего, кажется, ему вовсе не хочется.

Въ эту минуту мистрисъ Паттенъ заохала, и напомнила этимъ мистеру Пильгриму, что ему слѣдуетъ еще заняться ею; а мистрисъ Гакитъ, вспомнивъ, что нынче четвергъ, и что ей слѣдуетъ заняться своимъ масломъ, распростилась, обѣщаясь скоро опять какъ-нибудь зайдти.

Четвергъ этотъ, прибавимъ, былъ первый день мѣсяца—день, въ который духовенство всегда собиралось въ Мильби, въ домѣ курата; и такъ какъ Амосъ Бартонъ имѣлъ свои причины не быть на этомъ митингѣ, то онъ вѣроятно будетъ предметомъ разговора между своими собратіями. Отправимся и мы туда, чтобъ узнать, въ точности ли передалъ мистеръ Пильгримъ общее ихъ о немъ мнѣніе.

Общество собралось сегодня немногочисленное, по той причинѣ, что теперь самое время насморковъ и кашлей, и теологическія пренія, предшествующія всегда обѣду, не были такъ оживлены какъ обыкновенно, и хотя какой-то вопросъ, касательно посланія Іуды, не былъ еще вполнѣ разрѣшенъ, никто не былъ недоволенъ, когда на колокольнѣ пробило шесть часовъ и въ то же время слуга доложилъ, что обѣдъ поданъ.

Пріятно и отрадно (для человѣка здороваго) войдти въ благоустроенную столовую, гдѣ на опущенныя красныя занавѣси

падаетъ двойной свѣтъ камина и свѣчъ, гдѣ стекло и серебро блестятъ на скатерти снѣжной бѣлизны, и ароматъ, исходящій изъ суповой чаши, отрадно и возбудительно дѣйствуетъ на васъ,— особенно, если вы питаете довѣріе къ гастрономическимъ способностямъ вашего амфитріона, если вы знаете, что онъ не смотритъ на обѣдъ какъ только на грубое средство утолить голодъ и жажду, что онъ просвѣщенный въ этомъ отношеніи человѣкъ, и понимаетъ, что не можетъ требовать отъ своихъ гостей оживленія и остроумія, если станетъ кормить ихъ неправильно-составленными соусами и поить дешевою марсалой. Мистеръ Эли былъ вполнѣ достоинъ такого довѣрія, и его вкусные обѣды, вѣроятно, способствовали столько же, какъ и географическое положеніе Мильби, къ выбору его дома для духовныхъ митинговъ. Роль хозяина дома очень идетъ къ нему, и онъ какъ нельзя лучше исполняетъ свои обязанности, сидя у верхняго конца стола.

Противъ него, за другимъ концомъ стола, сидитъ мистеръ Феллаусъ, ректоръ и магистратъ, человѣкъ величественной наружности, краснорѣчивый и сладкорѣчивый. Первый свой приходъ онъ получилъ рѣшительно благодаря своему разговорному дару и ловкости, съ которою онъ передавалъ мысли и мнѣнія лѣниваго и заикающагося баронета, и тѣмъ вселялъ въ душѣ этого пожилаго джентльмена пріятное сознаніе собственнаго достоинства. Мистеръ Феллаусъ вездѣ имѣетъ большой успѣхъ, и пользуется очень хорошею славой, вездѣ, за исключеніемъ собственнаго прихода, гдѣ, благодаря, вѣроятно, буйнымъ свойствамъ прихожанъ, онъ постоянно ведетъ ожесточенную борьбу разомъ съ двумя, по крайней мѣрѣ, фермерами, съ владѣльцемъ угольныхъ копей, съ лавочникомъ, который нѣкогда былъ попечителемъ церкви, и съ портнымъ, исправлявшимъ встарину должность причетника.

По правую руку отъ мистера Эли, вы видите очень не высокаго человѣчка, съ блѣднымъ и нѣсколько опухшимъ лицомъ; волосы его всѣ зачесаны кверху, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы придать ему ростъ, болѣе соотвѣтствующій его сознанію собственныхъ достоинствъ, чѣмъ тотъ, которымъ въ минуту разсѣянности одарила его природа. Это его преподобіе Арчибальдъ Дьюкъ, человѣкъ съ неисправно-дѣйствующимъ желудкомъ и мрачнымъ взглядомъ на жизнь и людей, находящій, что огромный успѣхъ *Пикникскаго Клуба*—лучшее доказательство испорченности нравовъ нынѣшняго времени. Къ несчастію, несмотря на то, что мистеръ Дьюкъ не былъ обремененъ семействомъ, годовой расходъ его обыкновенно далеко превышалъ его доходъ; и непріятныя послѣдствія этого, соединенныя съ неумѣренностью въ пищѣ, вѣроятно, не мало способствовали безнадежному взгляду его на вещи.

Рядомъ съ нимъ сидитъ мистеръ Фернесъ, высокій юноша съ бѣлокурыми волосами и бакенбардами, который провалился въ Кембриджѣ, благодаря единственно своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, доказательствомъ коихъ можетъ служить то, что скоро затѣмъ онъ издалъ томъ стихотвореній, которыя всѣ знакомыя ему барышни превозносили до небесъ. Мистеръ Фернесъ читалъ собственныя свои проповѣди, что̀ явствовало изъ сравненія ихъ съ его стихотвореніями: тѣ и другія отличались богатствомъ метафоръ и уподобленій, совершенно оригинальныхъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ сравниваемымъ предметамъ.

По лѣвую сторону отъ мистера Фернеса сидитъ мистеръ Пефъ, другой молодой куратъ, но далеко не столь замѣчательный. Онъ не издалъ тома стихотвореній; онъ даже не провалился на экзаменахъ; цвѣтъ лица его блѣденъ, и черные бакенбарды его всегда тщательно разчесаны; по воскресеньямъ онъ всегда читалъ два раза молитвы и проповѣдь, и каждый день пускался въ путь для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей, въ бѣлѣйшемъ галстукѣ, лоснящейся шляпѣ, черной, всегда отлично сшитой одеждѣ, и всегда вычищенныхъ сапогахъ—костюмъ самый христіянскій и самый приличный, по его мнѣнію.

Напротивъ мистера Пефа сидитъ его преподобіе Мартинъ Клевесъ, человѣкъ лѣтъ сорока, невысокаго роста, широкоплечій, съ небрежно-завязаннымъ галстухомъ, крупными, неправильными чертами и большою головой, густо покрытою жесткими, темными волосами. На первый взглядъ, у мистера Клевеса, изо всѣхъ присутствующихъ, самое некрасивое и мало обѣщающее лицо, а онъ-то и есть настоящій приходскій священникъ, пастырь любимый и уважаемый своею паствой, о которомъ не вспоминаютъ въ одно время съ гробовщикомъ, но къ которому обращаются за совѣтами, за утѣшеніями, какъ къ строгому, но нѣжному отцу. Мистеръ Клевесъ имѣетъ рѣдкій даръ говорить проповѣди понятныя и для кузнеца, и для плотника; не потому что онъ снисходительно говоритъ имъ пошлый вздоръ, но потому что онъ можетъ лопату назвать лопатой, и можетъ освобождать мысль отъ всякаго вздорословія. Взгляните на него внимательнѣе, и вы увидите, что у него очень хорошее лицо, что въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ его, въ большомъ, неправильномъ ртѣ выражается много ума, юмора и чувства: этотъ человѣкъ, заключаете вы, вѣроятно, вышелъ изъ трудовыхъ классовъ, и сохранилъ живую симпатію къ нуждамъ рабочаго люда, любитъ и понимаетъ его. Онъ въ приходѣ своемъ собираетъ этихъ людей по понедѣльникамъ, вечеромъ, разговариваетъ съ ними о разныхъ общедоступныхъ, практическихъ вопросахъ, читаетъ имъ отрывки изъ какой-нибудь занимательной книги, толкуетъ съ ними о

ней; и еслибы вы спросили у перваго встрѣчнаго пахаря или ремесленника въ Трипельгетѣ, какого рода человѣкъ ихъ пасторъ, то онъ, не задумываясь, отвѣтитъ: «очень ученый и толковый господинъ; а къ тому же очень ласковый и добрый.» Несмотря на все это, онъ изъ всѣхъ присутствующихъ самый свѣдущій въ греческомъ языкѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, мистера Берда, молодаго человѣка, сидящаго по лѣвую сторону отъ него.

Мистеръ Бердъ пріобрѣлъ не малую извѣстность какъ писатель и проповѣдникъ въ одной изъ лондонскихъ церквей, но въ то время онъ проповѣдывалъ въ маленькой церкви, нѣсколько похожей на сарай; слушателями у него были всего три богатые фермера съ своими работниками, отъ десяти до пятнадцати земледѣльцевъ съ ихъ женами и дѣтьми. Богатые фермеры были убѣждены въ его учености; но еслибы вы захотѣли узнать отъ нихъ что-нибудь болѣе точное о немъ, они бы вамъ сказали только, что онъ худощавъ и нѣсколько косъ.

Ихъ семь всего: очаровательное число для обѣденнаго общества, если предположить, что каждая единица очаровательна, а въ этомъ-то и дѣло. Во время обѣда больше всѣхъ говорилъ мистеръ Феллаусъ, и разговоръ преимущественно касался сѣвооборота и всякихъ агрономическихъ нововведеній: мистеръ Феллаусъ и мистеръ Клевесъ сами занимались хозяйствомъ на своихъ участкахъ. Мистеръ Эли также имѣлъ нѣкоторыя агрономическія свѣдѣнія, и даже мистеръ Дьюкъ былъ побужденъ, обладаніемъ одного картофельнаго поля, принимать участіе въ этомъ прозаическомъ вопросѣ; молодые же два курата бесѣдовали между собой во время этихъ разсужденій, лишенныхъ всякаго интереса для ихъ безземельныхъ умовъ; а глубокомысленный и косой мистеръ Бердъ, который не сумѣлъ бы отличить ячмень отъ овса, слушалъ довольно разсѣянно.

— Какая страсть у лорда Ватлинга къ агрономіи! сказалъ мистеръ Феллаусъ, когда приняли скатерть.—Прошлымъ лѣтомъ онъ возилъ меня въ свою Теттерлейскую мызу. Это въ самомъ дѣлѣ образцовая мыза: молочня первостепенная, великолѣпныя пастьбища, и что за строенія! Да и стоитъ ему эта страсть не мало денегъ. Онъ пристрастился къ чернымъ овцамъ, и для закупки ихъ ежегодно посылаетъ въ Шотландію своего пьяницу управляющаго съ сотнями фунтовъ въ карманѣ.

— Кстати, сказалъ мистеръ Эли,—не знаете ли вы, кому лордъ Ватлингъ доставилъ Брамгильскую ругу.

— Одному Сарджeнту. Я зналъ его въ Оксфордѣ. Его братъ юристъ и былъ очень полезенъ лорду Ватлингу по этому не красивому бронсельскому дѣлу. Вотъ почему Сарджентъ и получилъ эту ругу.

— Сарджентъ! сказалъ мистеръ Эли:—я зналъ его. Онъ бойкій, говорливый человѣкъ и написалъ путешествіе по Месопотаміи или что-то подобное?

— Онъ и есть.

— Онъ когда-то былъ куратомъ въ Видерингтонѣ. Тамъ пріобрѣлъ онъ себѣ не совсѣмъ хорошую репутацію...

— Кстати, возвразилъ мистеръ Фелауусъ:—слышали вы, чѣмъ теперь занимается Бартонъ? Низбетъ разказывалъ мнѣ на дняхъ, что онъ обѣдаетъ одинъ съ графиней въ шесть часовъ, а что мистрисъ Бартонъ между тѣмъ исправляетъ должность кухарки.

— Низбетъ такой источникъ, на который не совсѣмъ можно полагаться, сказалъ мистеръ Эли.

— Повѣрьте, съ добродушною улыбкой сказалъ мистеръ Клевесъ:—повѣрьте, что все это вздоръ, нелѣпое толкованіе, истинный же текстъ состоитъ навѣрное въ томъ, что они всѣ обѣдаютъ вмѣстѣ съ прибавкою шести, то-есть шести дѣтей, и что мистрисъ Бартонъ любитъ заглядывать въ кухню, потому что умѣетъ мастерски готовить кушанья.

— Могу только желать, чтобы въ этомъ грустномъ дѣлѣ не было чего похуже обѣдовъ вдвоемъ, многозначительнымъ тономъ замѣтилъ мистеръ Дьюкъ.

— Да, признаюсь, шутливо сказалъ мистеръ Феллаусъ, доливая свой стаканъ:—Бартонъ или злодѣй какихъ нѣтъ на свѣтѣ, или у него есть какая-нибудь хитрая тайна, какое-нибудь зелье, которое помогаетъ ему побѣждать сердца красавицъ. Не всякій изъ насъ такъ счастливъ, особенно же когда, какъ у насъ съ нимъ, успѣла отцвѣсть никогда не существовавшая красота.

— Графиня, съ перваго же дня ихъ знакомства, очаровала его, сказалъ мистеръ Эли.—Уморительно было, какъ онъ одинъ разъ у Гранби передавалъ намъ ея разказы о приключеніяхъ ея мужа. «Когда она мнѣ разказывала это, говорилъ онъ, я не могу вамъ сказать, что̀ я почувствовалъ, по всѣмъ жиламъ моимъ пробѣжалъ морозъ.»

Мистеръ Ели съ большимъ выраженіемъ произнесъ эти слова, передразнивая преподобнаго Амоса, его жесты и горячность, и всѣ расхохотались, за исключеніемъ мистера Дьюка, который послѣ обѣда всегда становился еще уныліе и мрачнѣе.

— Я нахожу, сказалъ онъ,—что соблазнъ этотъ такъ великъ, что слѣдовало бы намъ сдѣлать замѣчаніе Бартону. Примѣръ его можетъ быть пагубенъ для ввѣренныхъ ему душъ.

— Повѣрьте, сказалъ мистеръ Клевесъ, — дѣло это можно было бы объяснить гораздо проще, еслибы мы только знали всѣ обстоятельства. Бартонъ всегда казался мнѣ хорошимъ человѣкомъ, который только имѣетъ даръ выставлять себя всегда съ самой дурной стороны.

— Мнѣ же никогда не нравился Бартонъ, сказалъ мистеръ Феллаусъ.—Помните вы въ какихъ короткихъ онъ былъ отношеніяхъ съ этимъ отвратительнымъ, пьянымъ святошей, пріоромъ?

— Должно полагать, что графиня развила въ немъ болѣе изящные вкусы, сказалъ мистеръ Эли.

— Какъ бы то ни было, замѣтилъ мистеръ Клевесъ,— бѣдняку не легко должно быть жить при своемъ маленькомъ доходѣ и большомъ семействѣ. Будемъ надѣяться, что графиня не даромъ ѣстъ его хлѣбъ.

— На это надѣяться нельзя, возразилъ мистеръ Дьюкъ,—нужда въ ихъ домѣ становится все замѣтнѣе.

— Что̀ жь, возразилъ мистеръ Клевесъ, умѣвшій иногда быть колкимъ, и не питавшій симпатіи къ своему собрату, мистеру Дьюку:—это говоритъ въ пользу Бартона. Онъ не старается маскировать свою бѣдность.

Мистеръ Дьюкъ позеленѣлъ, потому что краснѣть онъ не могъ, и мистеръ Эли выручилъ его, замѣтивъ:

— А Шеппертонская церковь послѣ перестройки будетъ очень хороша. Долби, архитекторъ, завѣдующій работами, дѣло свое знаетъ.

— Коппельтонская церковь выстроена также имъ, сказалъ мистеръ Фернесъ.—Ее славно отдѣлали къ пріѣзду епископа.

Эти слова дали новый оборотъ разговору, и разсужденіе о такихъ важныхъ предметахъ, какъ епископъ и его пріѣздъ, заняли мѣсто злословія и сплетней.

Но разсужденія эти становятся уже слишкомъ интимными, и чтобы не услыхать чего-нибудь лишняго, опаснаго для спокойствія нашей души, мы поспѣшимъ удалиться изъ уютной столовой мистера Эли.

ГЛАВА VII.

Я полагаю, любезный читатель, что долгое пребываніе графини Черласской въ домѣ мистера Бартона почти столько же васъ удивляетъ, какъ и его духовныхъ собратьевъ, тѣмъ болѣе, что вамъ, какъ я надѣюсь, не придетъ въ голову объяснить этотъ фактъ такъ, какъ не задумываются объяснять его унылый и болѣзненный мистеръ Дьюкъ и добрый, и цвѣтущій мистеръ Феллаусъ. Вы довольно, надѣюсь, узнали моего Амоса, чтобъ убѣдиться, что онъ скорѣе способенъ на безтактный чѣмъ на дурной поступокъ, что онъ не можетъ обманывать другихъ, а что его самого обмануть очень не трудно; и если вы одарены нѣкоторою прони-

дательностію, то мнѣ нечего будетъ сказывать вамъ, что графиня Черласская такъ нѣжно любила себя, и такъ понимала свои выгоды, что не могла бы, кажется, грѣшить такимъ непрактическимъ образомъ.

Что же въ такомъ случаѣ, спросите вы, побудило эту избалованную франтиху поселиться въ домѣ бѣднаго курата, гдѣ по всей вѣроятности половые ковры были въ лохмотьяхъ, гдѣ вся прислуга ограничивалась одною служанкой, и гдѣ шесть человѣкъ дѣтей, безъ всякаго присмотра, шумѣли отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера? Точно ли все было такъ, какъ вы разказываете?

Сомнѣніе понятное и извинительное, но я, тѣмъ не менѣе вовсе не заслуживаю его. Какъ вы уже могли замѣтить, я не одаренъ богатымъ и пылкимъ воображеніемъ; я не могу забавлять васъ поразительнымъ сцѣпленіемъ необыкновенныхъ происшествій, и все достоинство моего разказа должно заключаться въ его вѣрности и истинѣ. Я желаю возбудить вашу симпатію къ будничнымъ заботамъ, вызвать слезы на ваши глаза описаніемъ настоящаго горя: горя, которое всегда у васъ подъ рукой, которое проходитъ мимо васъ ни въ лохмотьяхъ, ни въ бархатѣ, а въ очень приличной и незамѣтной одеждѣ.

Поэтому, чтобы разсѣять ваши сомнѣнія въ моей правдивости, я попрошу васъ сообразить, что въ то время, когда графиня въ негодованіи своемъ покинула Кампъ-Виллу, у нея въ карманѣ было всего фунтовъ двадцать, треть собственнаго ея годоваго дохода. Вы поэтому поймете, что ссора съ братомъ лишила ее, если ни куска хлѣба, то по крайней мѣрѣ всѣхъ удобствъ, къ которымъ она привыкла; и положеніе ея было тѣмъ непріятнѣе, что она совершенно облѣнилась и была не способна сдѣлать что-нибудь для поправленія своихъ дѣлъ, и что несмотря на всѣ свои очаровательныя свойства, она не припасла себѣ никакихъ такихъ преданныхъ друзей, которые бы почли за счастье принять ее къ себѣ.

Однимъ словомъ, она совершенно запуталась, и единственнымъ средствомъ выйдти изъ этого грустнаго положенія было смириться передъ братомъ и поклониться его женѣ. Но средство это было слишкомъ непріятно, тѣмъ болѣе что она все еще питала надежду, что братъ сдѣлаетъ первый шагъ; въ этомъ пріятномъ ожиданіи она проводила одинъ мѣсяцъ за другимъ въ скромномъ домѣ Бартоновъ, снисходительно прощая своимъ хозяевамъ разныя маленькія неудобства, и оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что она ведетъ себя какъ нельзя милѣе и любезнѣе. «Да и возможно ли, думала она про себя, вести себя иначе съ такимъ милымъ, кроткимъ существомъ, какъ Милли? Мнѣ не на шутку будетъ грустно разстаться съ нею.»

Такъ, напримѣръ, хотя она лежала въ постели до десяти часовъ, и завтракала одна въ одиннадцать, она снисходительно соглашалась обѣдать не позднѣе пяти часовъ; не брезгала говядиной, которая на другой день въ холодномъ видѣ являлась за столомъ дѣтей; изъ нѣжнаго безпокойства за здоровье Милли, не давала ей слишкомъ много заниматься дѣтьми, и старалась разговорами, прогулками, чтеніемъ, отвлекать ее отъ нихъ, начала даже вышивать чепчикъ для будущаго ребенка, который,—такъ уже рѣшила она,—непремѣнно будетъ дѣвочка, и въ честь ея получитъ имя Каролины.

Кагда она еще только одинъ мѣсяцъ прожила въ домѣ Амоса Бартона, онъ уже очень хорошо видѣлъ,—да и трудно было бы не видѣть, — что это обстоятельство возбудило общее неодобреніе и возстановило противъ него даже тѣхъ изъ прихожанъ, которые были особенно хорошо къ нему расположены. Но, вопервыхъ, онъ все еще былъ убѣжденъ, что графиня—очень вліятельная женщина, намѣренная оказать ему большія услуги, и во всякомъ случаѣ, ему невозможно было дѣлать неделикатные намеки гостьѣ, которая всегда была ласкова къ нему и его семейству, и каждую минуту могла объявить о своемъ намѣреніи уѣхать изъ его дома; а вовторыхъ онъ чувствовалъ свою невинность, и съ негодующимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на людей, обрадовавшихся этому случаю чтобъ осудить его; наконецъ, онъ былъ одаренъ, какъ вы уже могли замѣтить, весьма непреклонною волей, и нѣкотораго рода упрямство примѣшивалось само собою къ другимъ его чувствованіямъ по этому предмету.

Но были непріятныя слѣдствія, которыя не могли быть парализированы никакимъ расположеніемъ духа; это—возрастающіе расходы по хозяйству, и быстрое исчезаніе маленькаго денежнаго пособія, полученнаго Амосомъ отъ духовнаго общества. Сплетни можно отражать равнодушіемъ, но никакая независимость духа не въ состояніи уплатить счеты булочника и мясника. Съ каждымъ мѣсяцемъ финансовое положеніе Амоса Бартона становилось мрачнѣе, и съ каждымъ мѣсяцемъ также слабѣло упорство и негодованіе, помогшія ему сначала переносить холодные и непріязненные взгляды людей, которые нѣкогда встрѣчали его съ дружелюбною улыбкой.

Но самая тяжелая часть заботъ выпадала на долю Милли, кроткой, безотвѣтной Милли; она съ каждымъ днемъ становилась менѣе способна ко всему, что ей приходилось дѣлать въ домѣ. Сперва, она думала, что посѣщеніе графини будетъ не продолжительно, и она съ радостію трудилась и выбивалась изъ силъ, чтобы доставить другу своему какія-нибудь удобства. Мнѣ больно подумать обо всемъ томъ, что дѣлали эти нѣжныя руки, дѣлали не слышно, скрытно отъ мужа, а мужья не проницательны: о

томъ какъ она солила свиное сало, гладила рубашки и галстуки, перешивала перешитое, штопала и перекраивала. Нужно было позаботиться и о будущемъ малюткѣ, все приготовить къ его появленію; сама собою безпрестанно являлась задача, какъ ей и Нанни придется справляться, когда въ домѣ будетъ еще одинъ ребенокъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда казалось уже не было больше основаній думать, чтобы графиня когда-нибудь уѣхала, Милли стала ясно понимать все, что происходило вокругъ нея. Ей извѣстны были всѣ клеветы и сплетни; она очень хорошо видѣла, что даже самые близкіе люди стали чуждаться ихъ; но все это огорчало ее только по отношенію къ мужу. Весь міръ любящей женщины заключается для нея въ стѣнахъ ея дома, и она только черезъ мужа вступаетъ въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Мистрисъ Симпкинсъ холодно взглянула на нее, но ея малютка все также весело смѣется и протягиваетъ къ ней свои ручонки; мистрисъ Томкинсъ не хочетъ бывать у нея, но мужъ ея по прежнему нуждается въ ея ласкахъ и заботливости; на дворѣ холодно и пасмурно, но она тщательно осмотрѣла всѣ ли цѣлы пуговки на рубашкахъ, скроила переднички для малютки, и до половины кончила блузочку для Вилли.

То же самое было и съ Милли. Ей было непріятно, потому что мужу ея было непріятно, ей было обидно только то, что мужа ея не понимаютъ. Денежныя же затрудненія являлись въ другомъ видѣ ея чувству. Ея деликатность страдала при мысли, что они не будутъ въ состояніи въ срокъ расплатиться съ хлѣбникомъ и мясникомъ; ея материнская любовь страшилась лишеній для дѣтей; нездоровье и слабость придавали двойную силу этимъ опасеніямъ.

Милли не могла болѣе скрывать отъ себя, что графиня поступаетъ не деликатно, и можетъ-быть позволяла себѣ даже болѣе строгое сужденіе; она начинала чувствовать, что скоро должна будетъ откровенно сказать ей, что жить ей долѣе у нихъ рѣшительно невозможно.

Но въ двухъ другихъ умахъ совершался процессъ, который избавилъ ее отъ этой непріятной обязанности.

Вопервыхъ, графинѣ надоѣлъ Шеппертонъ, надоѣло напрасно ждать любезнаго призыва отъ брата. Итакъ, въ одно прекрасное утро, она разсудила, что прощеніе обидъ есть долгъ христіянина, что сестра не должна быть злопамятна, что мистеръ Бридменъ, вѣроятно, нуждается въ ея совѣтахъ, и что по всей вѣроятности онъ не счастливъ съ «этою женщиной». Въ этомъ мягкомъ настроеніи, она написала очень любезное письмо и послала его къ банкиру брата, для передачи ему.

Другая, до крайности возмущенная душа, была душа Нанни. У этой служанки было пылкое сердце и еще болѣе пылкій нравъ; она обожала свою госпожу, дѣтей и особенно маленькаго Вальтера, котораго она называла *своимъ* малюткой и ревновала какъ любовникъ. Она съ перваго взгляда не взлюбила графини. Съ точки зрѣнія Нанни, эта милая особа была разряженная причудница, годная только на то, чтобы производить суету и безпорядокъ въ домѣ. Нанни никакъ не могла помирится съ тѣмъ, что ей и ея госпожѣ приходится вдвое хлопотать и трудиться, оттого что эта барыня поселилась у нихъ въ домѣ.

— И вѣдь она ничего за все это не платитъ, говорила Нанни мистеру Якову Томсу, молодому человѣку занимавшемуся портняжнымъ дѣломъ, и заходившему иногда по вечерамъ въ кухню куратскаго дома поболтать съ Нанни.—А я знаю, что у хозяина денегъ теперь мало, а расходовъ лишнихъ изъ-за нея бездна: мы принуждены почти каждый Божій день нанимать работницу.

— Послушали бы вы, что про нея говорятъ на селѣ, сказалъ мистеръ Томсъ.—Всѣ говорятъ, что мистеръ Бартонъ врѣзался въ нее, и что отъ этого она такъ долго и живетъ у васъ.

— Врутъ они, а вы бы постыдились повторять такой вздоръ. Станетъ нашъ хозяинъ бѣгать за этою разряженною дурой, когда у него такая жена, какъ миссисъ? Я, правду сказать, не очень пристрастна къ нему, но въ этомъ ужъ поручусь за него.

— Я этому и не повѣрилъ, смиренно замѣтилъ мистеръ Томсъ.

— Еще бы! хороши бы вы были, еслибы повѣрили. Да какая же гадкая и скупая эта графиня! Съ тѣхъ поръ какъ она здѣсь, мнѣ не досталось отъ нея ни пенни, ни старой тряпки. Лежитъ себѣ въ постелѣ до полудня, и подавай ей потомъ завтракъ, когда другимъ пора ужъ обѣдать.

Если таково было состояніе ума Нанни въ концѣ августа, когда шелъ этотъ разговоръ между ею и мистеромъ Томсомъ, то вы можете себѣ представить каково оно было въ началѣ ноября: самой малой искры было бы теперь достаточно, чтобы такъ долго сдержанное негодованіе вспыхнуло яркимъ пламенемъ.

Искра эта упала въ то самое утро, когда мистрисъ Гакитъ посѣтила мистрисъ Паттенъ. Ненависть Нанни къ графинѣ распространялась и на невинную собачонку Джетъ; она «видѣть не могла, что съ нею возятся, какъ съ крещеннымъ человѣкомъ. Эту негодную собачонку приходится еще мыть каждую субботу, какъ будто мало въ домѣ дѣтей, которыхъ нужно мыть и купать.»

Въ это достопамятное утро, Милли такъ не здоровилось, что она не встала съ постели, и мистеръ Бартонъ, уходя изъ дому,

сказалъ Нанни, что онъ зайдетъ къ доктору Бранду и позоветъ его. Этихъ обстоятельствъ уже было достаточно, чтобы встревожить и раздражить Нанни. Но графиня въ спокойномъ невѣдѣніи того, что происходило въ домѣ, по обыкновенію, сошла около одиннадцати часовъ въ столовую, гдѣ она всегда заставала кипѣвшій надъ огнемъ чайникъ и сама дѣлала себѣ чай. Приготовлялся также маленькій горшочекъ со сливками, снятыми со вчерашняго молока и назначенными для графини. Джетъ всегда ждалъ свою госпожу у дверей ея спальни, и графиня сносила его потомъ внизъ.

— А теперь, мой маленькій Джетъ, сказала она, бережно спуская его на полъ,—мы напьемся съ тобой вкуснаго, вкуснаго чаю.

Джетъ выразилъ свое сочувствіе, тотчасъ же поднявшись на заднія лапы, и графиня весь сливочникъ вылила въ блюдечко. Обыкновенно, на подносѣ, стоялъ также маленькій горшочекъ съ молокомъ, назначенный для завтрака Джета; но въ это утро Нанни въ суетахъ совсѣмъ забыла объ этой подробности. Графиня сдѣлала себѣ чай, и замѣтивъ тогда, что нѣтъ втораго молочника, позвонила. Нанни явилась, разгорѣвшаяся и красная: она разводила огонь въ кухнѣ, а это занятіе не способствуетъ къ укрощенію нрава.

— Нанни, вы забыли молоко для Джета. Принесите мнѣ, пожалуста, еще немного сливокъ.

Нанни взорвало.

— Да, нечего сказать! мало вѣрно у меня дѣла съ дѣтьми, съ обѣдомъ, съ больною миссисъ, а тутъ еще бѣжать на конецъ деревни за сливками, оттого что вы накормили ими эту скверную собачонку.

— Развѣ мистрисъ Бартонъ больна?

— Больна? да, больна! Что мудренаго, когда ей житья не даютъ люди, которымъ давно бы пора убираться отсюда.

— Какъ вы смѣете такъ говорить со мной!

— Какъ я смѣю? а такъ, что я видѣть больше не могу, какъ миссисъ выбивается изъ силъ, ночи не спитъ, и все изъ-за людей, которые башмака ея не стоютъ, валяются въ постелѣ до обѣда и цѣлый день ничего не дѣлаютъ!

— Выдьте вонъ изъ комнаты, дерзкая.

— Дерзкая! Лучше быть дерзкой чѣмъ объѣдать чужихъ людей, да еще репутацію ихъ марать.

Нанни вышла изъ комнаты, громко захлопнувъ за собой дверь, и предоставивъ графинѣ переварить на свободѣ этотъ неожиданный завтракъ...

Графиня нѣсколько минутъ не могла придти въ себя отъ удивленія, но когда она начала припоминать слова Нанни, то не

могла не вывести изъ нихъ очень непріятныхъ для себя заключеній и не взглянуть съ нѣсколько новой точки зрѣнія на свое положеніе въ домѣ Бартоновъ. У нея хватило соображенія, чтобы понять намекъ Нанни на «репутацію», и она поняла, что ей необходимо уѣхать немедленно изъ Шеппертона. Правда, было бы лучше дождаться братняго письма, но нѣтъ, она попроситъ Милли переслать ей это письмо, или, что̀ еще лучше, она тотчасъ же отправится въ Лондонъ, узнаетъ адресъ брата отъ его банкира, и сама неожиданно явится къ нему.

Она отправилась въ комнату Милли, расцѣловала ее, нѣжно освѣдомилась о ея здоровьѣ и потомъ сказала:

— Я перечитала письмо, которое получила вчера, милая Милли, и разсудила, что мнѣ слѣдуетъ поскорѣе ѣхать въ Лондонъ. Только какъ вамъ, душенька моя, не стыдно быть больною! Неужели я такъ и уѣду, оставивъ васъ въ такомъ положеніи.

— О ничего, ничего! сказала Милли, которая почувствовала какъ будто камень свалился съ ея плечъ.—Часа черезъ два я буду совсѣмъ здорова. Мнѣ уже теперь гораздо легче. Вамъ нужна будетъ моя помощь для укладки. Но вы уѣдете не прежде какъ дня черезъ два, черезъ три.

— Нѣтъ, мнѣ нужно ѣхать завтра. Но я не допущу васъ помогать мнѣ укладываться; не воображайте себѣ такого вздора и лежите смирно. Нанни мнѣ сказала, что сейчасъ будетъ мистеръ Брандъ.

Новости эти не непріятно поразили мистера Бартона, когда онъ вернулся домой, хотя онъ сумѣлъ заставить себя показать болѣе сожалѣнія объ отъѣздѣ графини чѣмъ смогла показать Милли. Первоначальное мнѣніе о графинѣ менѣе измѣнилось въ немъ чѣмъ въ Милли: женщины откровеннѣе другъ съ другомъ чѣмъ съ мущинами, а нашъ Амосъ не отличался наблюдательностію. Тѣмъ не менѣе онъ очень былъ радъ, что избавляется отъ заботы и притомъ самымъ легкимъ способомъ. Ни онъ, ни Милли не подозрѣвали, что узелъ этотъ разсѣкла для нихъ Нанни: графиня ни однимъ словомъ не намекнула на это обстоятельство. Что же касается Нанни, она очень хорошо видѣла отношеніе между причиной и слѣдствіемъ въ этомъ дѣлѣ, торжествовала въ душѣ и не могла нарадоваться своей выходкѣ.

Итакъ, въ пятницу утромъ, передъ дверьми пасторскаго дома явился дорожный экипажъ; въ немъ кой-какъ помѣстились всѣ пожитки графини, и вскорѣ затѣмъ эта дама сама заняла въ немъ свое мѣсто. Она еще разъ пожала руку Амоса, поцѣловала Милли и дѣтей, лошади тронулись, и Бартоны въ послѣдній разъ увидали красавицу графиню, которая, высунувшись изъ окна, замахала имъ платкомъ и послала поцѣлуи. Черная мор-

дочка Джета также была на виду, и вѣроятно онъ дѣлалъ свои соображенія и выводы, но тщательно скрывалъ ихъвъ своей душѣ.

Жена школьнаго учителя, жившая напротивъ, была свидѣтельницей отъѣзда графини, и поспѣшила объявить объ этомъ мужу, который по окончаніи утренняго класса отправился въ гостиницу передать это извѣстіе своимъ знакомымъ. Нанни успѣла сообщить радостную новость лакею мистера Фаркьюера, и всѣ больные мистера Бранда узнали о великомъ событіи. Словомъ, на другой же день весь Шеппертонъ зналъ, что графиня Черласская уѣхала отъ Бартоновъ.

Графиня уѣхала, но увы! счеты, принявшіе благодаря ей мрачные размѣры, остались; не поправилась скудость дѣтскаго гардероба—также косвенное слѣдствіе ея пребыванія въ домѣ; осталась также и холодность и недоброжелательство прихожанъ, которымъ, казалось, было мало, что она уѣхала. Преподобный Амосъ не былъ оправданъ, прошлое не было еще забыто. Но что еще хуже, здоровье Милли было далеко не хорошо, и мысль о предстоявшихъ ей родахъ пугала всѣхъ принимавшихъ участіе въ ней. Она родила преждевременно, недѣль шесть поѣслѣ отъѣзда графини, но мистеръ Брандъ на другой день, въ субботу, сообщалъ всѣмъ самыя добрыя вѣсти о ея здоровьѣ. Въ воскресенье, послѣ утренняго богослуженія, мистрисъ Гакитъ отправилась узнать о здоровьѣ мистрисъ Бартонъ, и ее ввели въ комнату больной. Милли лежала, какъ всегда, кроткая и спокойная, и протянула руку мистрисъ Гакитъ съ слабою, но радостною улыбкой. Ей отрадно было видѣть, что старый другъ ея наконецъ опять ласково смотритъ на нее. Семимѣсячный недоносокъ былъ очень малъ и красенъ, но какъ взрослые люди, такъ и новорожденные младенцы бываютъ *не по хорошу милы, а по милу хороши*. Мистрисъ Гакитъ возвратилась домой радуясь, что миновала опасность.

VIII.

Въ слѣдующую середу, только что мистеръ и мистрисъ Гакитъ успѣли, по обыкновенію своему, усѣсться у камина послѣ ранняго обѣда, какъ въ комнату вошла служанка ихъ Рахиль и сказала:

— Извините, сударыня, но слышали ли вы, что мистрисъ Бартонъ стало хуже, и что почти нѣтъ надежды спасти ее? Мнѣ это сейчасъ сказалъ пастухъ.

Мистрисъ Гакитъ поблѣднѣла, поспѣшно вышла изъ комнаты, чтобы разспросить пастуха, и узнала отъ него, что ему эту грустную новость сообщили въ деревенской харчевнѣ. Мистеръ Гакитъ,

послѣдовавшій за нею, сказалъ: — Лучше всего тебѣ сейчасъ же сѣсть въ кабріолетъ и ѣхать.

— Да, сказала мистрисъ Гакитъ, такъ пораженная, что не могла на словахъ выражать свое огорченіе. — Рахиль, помогите мнѣ одѣться.

Когда она усѣлась въ кабріолетъ, и пока мужъ окутывалъ ей ноги ея плащомъ, она сказала:

— Если мнѣ нельзя будетъ вернуться къ ночи домой, я отошлю кабріолетъ.

— Хорошо, хорошо!

День былъ ясный и морозный, и къ тому времени, когда мистрисъ Гакитъ прибыла въ пасторскій домъ, солнце уже почти сѣло. У воротъ стояла парная коляска, которая, какъ ей было извѣстно, принадлежала доктору Медли изъ Ротерди. Она вошла въ заднюю дверь, чтобы не звонить и разспросить Нанни. Въ кухнѣ никого не было, но, проходя далѣе, она увидѣла дверь столовой отворенною: Нанни съ Вальтеромъ на рукахъ, убирала со стола ножи и вилки, приготовленные для обѣда часа три тому назадъ.

— Мистеръ Бартонъ говоритъ, что ничего въ ротъ взять не можетъ, были первыя слова Нанни. — Онъ со вчерашняго утра ничего не ѣлъ и не пилъ, кромѣ чашки чаю.

— Когда же госпожѣ вашей стало хуже?

— Въ ночь на понедѣльникъ. За докторомъ Медли посылали вчера въ обѣдъ, и онъ теперь опять здѣсь.

— А малютка живъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ вчера. Всѣ дѣти у мистрисъ Бондъ. Она пріѣзжала за ними вчера вечеромъ, но мистеръ Бартонъ говоритъ, что нужно будетъ скоро за ними послать. Онъ теперь наверху съ докторомъ Медли и мистеромъ Брандомъ.

Въ эту минуту мистрисъ Гакитъ услыхала звукъ медленныхъ, тяжелыхъ шаговъ въ корридорѣ, и въ слѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ Амосъ Бартонъ, съ сухими, безнадежными глазами, разстроенный и блѣдный. Онъ ожидалъ найдти столовую такъ, какъ онъ ее оставилъ, не думалъ увидѣть въ ней ничего, кромѣ рабочаго ящика Милли на диванѣ и игрушекъ дѣтей, разбросанныхъ на окнѣ. Но когда къ нему подошла мистрисъ Гакитъ, когда онъ увидѣлъ на ея лицѣ такое живое сочувствіе, слезы наконецъ хлынули изъ его глазъ, онъ бросился на диванъ, закрылъ лицо руками и горько зарыдалъ.

— Вспомните, мистеръ Бартонъ, рѣшилась наконецъ сказать мистрисъ Гакитъ,—что вы должны беречь себя для вашихъ бѣдныхъ дѣтей,

— Дѣти, сказалъ Амосъ, вздрагивая и поднимаясь съ своего мѣста. — За ними нужно послать. Милли захочетъ...

Онъ не договорилъ, но мистрисъ Гакитъ поняла его, и сказала:

— Я сейчасъ же пошлю за ними свой экипажъ.

Она вышла, чтобъ отдать приказаніе, и встрѣтила докторовъ, собиравшихся уѣхать.

— Я очень радъ видѣть васъ здѣсь, мистрисъ Гакитъ, сказалъ мистеръ Брандъ. — За дѣтьми нужно немедленно послать, мистрисъ Бартонъ желаетъ ихъ видѣть.

— Такъ вы думаете, что нѣтъ больше никакой надежды?

— Сомнѣваюсь, чтобъ она прожила эту ночь. Она просила насъ сказать ей, долго ли ей еще остается жить, и потомъ спросила дѣтей.

Экипажъ былъ посланъ, и мистрисъ Гакитъ, возвратившись къ мистеру Бартону, изъявила желаніе пойдти на верхъ.

Онъ пошелъ съ нею и отворилъ дверь. Комната была обращена на западъ, и красные лучи заходящаго солнца прямо падали на кровать Милли. Смерть уже видимо наложила на нее свою печать. Грудь ея какъ бы съ трудомъ поднималась и опускалась, всѣ черты ея вытянулись и глаза были закрыты. Въ комнатѣ не было никого кромѣ сидѣлки и школьной учительницы, которая съ первой минуты опасности находилась при больной.

Амосъ и мистрисъ Гакитъ стали у постели, и Милли открыла глаза.

— Душа моя, мистрисъ Гакитъ пріѣхала навѣстить тебя.

Милли улыбнулась и взглянула на нее тѣмъ страннымъ, неземнымъ взглядомъ, которымъ смотритъ умирающій человѣкъ.

— За дѣтьми послали? съ трудомъ проговорила она.

— Да, они сейчасъ будутъ здѣсь.

Она опять закрыла глаза.

Вскорѣ послышался стукъ колесъ. Амосъ знакомъ попросилъ мистрисъ Гакитъ послѣдовать за нимъ и вышелъ изъ комнаты. На лѣстницѣ, она сказала ему, что экипажъ нужно оставить здѣсь, чтобы потомъ опять отослать дѣтей. Амосъ согласился съ нею.

Дѣти ожидали ихъ въ грустной столовой, шесть милыхъ, такъ нѣжно любимыхъ матерью дѣтей, всѣ похожія на нее, и всѣ, за исключеніемъ Патти, съ какимъ-то неяснымъ, смутнымъ страхомъ, глядѣли на вошедшаго въ комнату отца.

Патти понимала великое горе, постигшее ихъ, и старалась заглушить свои рыданія, когда услыхала шаги отца.

— Дѣти мои, сказалъ Амосъ, поднимая на руки малютку, — Богъ зоветъ къ себѣ вашу добрую мама. Она желаетъ васъ видѣть, и проститься съ вами. Но будьте какъ можно тише и не плачьте.

Онъ не могъ продолжать, и отвернулся, чтобы посмотрѣть, здѣсь ли Нанни съ Вальтеромъ, и потомъ направился къ дверямъ,

взявъ за руку маленькаго Дики. За нимъ слѣдовала мистрисъ Гакитъ съ Патти и Софи, а за ней Нанни съ Фредомъ и Вальтеромъ.

Казалось, Милли услыхала шаги маленькихъ ножекъ на лѣстницѣ: когда Амосъ вошелъ въ комнату, глаза ея были широко раскрыты и обращены на дверь. Всѣ окружили ея постель; Амосъ, державшій за руки *Клубеньку* и Дика, ближе всѣхъ стоялъ къ ней; но она сдѣлала знакъ, чтобы Патти подошла первая, и, сжимая руку бѣднаго, разстроеннаго ребенка, сказала:

— Патти, я ухожу отъ васъ. Люби своего папу, утѣшай его, береги своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ. Богъ тебѣ поможетъ.

Патти стояла неподвижно и сказала только: — Хорошо, мама.

Мать своими блѣдными губами сдѣлала милому ей ребенку знакъ нагнуться и поцѣловать ее; тутъ Патти не выдержала и тоскливо зарыдала. Амосъ притянулъ ее къ себѣ и обнялъ, пока Милли, еще болѣе слабымъ голосомъ, говорила Фреду и Софи:

— Патти будетъ вашей мамой, когда я уйду. Будьте умницами, слушайтесь ее.

Они бросились къ ней, и она погладила ихъ свѣтлыя головки, поцѣловала ихъ мокрыя отъ слезъ щеки. Они плакали оттого, что мама такъ больна и папа такъ грустенъ; но думали, что, быть-можетъ, черезъ недѣлю все опять поправится и будетъ по старому.

Меньшихъ дѣтей подняли на кровать, чтобъ она могла поцѣловать ихъ. Маленькій Вальтеръ кричалъ: мама, мама, и протягивалъ къ ней свои толстыя ручонки и улыбался; Дики же, который съ первой минуты, когда онъ вошелъ въ комнату, пристально, съ открытымъ ртомъ, смотрѣлъ на мать, теперь вдругъ, казалось, понялъ, что мама собирается куда-то уѣхать; маленькое его сердечко сжалось, и онъ громко заплакалъ.

Мистрисъ Гакитъ и Нанни увели дѣтей. Патти сперва просила, чтобъ ее оставили дома и не отсылали опять къ мистрисъ Бондъ; но когда Нанни напомнила ей, что она можетъ быть нужна меньшимъ дѣтямъ, она тотчасъ же покорилась, и всѣхъ ихъ опять укутали и усадили въ экипажъ.

Послѣ того, какъ ушли дѣти, Милли нѣсколько минутъ лежала съ закрытыми глазами. Амосъ опустился на колѣни и держалъ ея руку, тоскливо вглядываясь въ милыя ему черты. Наконецъ она открыла глаза и, притянувъ его еще ближе къ себѣ, медленно, чуть слышно, проговорила:

— Милый... дорогой мой... мужъ... ты былъ... очень... добръ... ко мнѣ. Я... была... такъ счастлива... съ тобой...

Она уже болѣе не говорила въ продолженіи многихъ часовъ. Вечеръ смѣнился ночью; пробило полночь; дыханіе ея становилось

все тяжеле и тяжеле. Около половины перваго она зашевелила губами, какъ бы силясь что-то сказать, и Амосъ пригнулся къ ней, чтобъ услыхать хоть еще одно ея слово.

— Поютъ... поютъ... слышите, какъ поютъ?

Амосъ стоялъ на колѣняхъ подлѣ ея постели и держалъ руку ея въ своей. Онъ не вѣрилъ въ свое несчастіе. Все это было ужасный сонъ. Онъ не замѣтилъ, когда она перестала дышать. Но мистеръ Брандъ, за которымъ послала мистрисъ Гакитъ, предполагая, что мистеръ Бартонъ будетъ нуждаться въ его помощи, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Она перестала страдать. Пойдемте, милый мистеръ Бартонъ, пойдемте со мной.

— Она не умерла! Нѣтъ, это невозможно! завопилъ несчастный, обезумѣвшій отъ горя человѣкъ, стараясь вырвать свою руку изъ рукъ мистера Бранда, который поддерживалъ его. Но онъ былъ такъ слабъ, такъ утомленъ, что не могъ долго противиться, и его вывели, или скорѣе вынесли изъ комнаты.

ГЛАВА IX.

Холодная, покрытая снѣгомъ земля, приняла въ себя миловидную мать съ малюткой на рукахъ. Мистеръ Клевесъ похоронилъ ее. При первомъ извѣстіи о горѣ, постигшемъ мистера Бартона, онъ пріѣхалъ изъ Трипельгета, чтобы предложить свои услуги и помощь, и его молчаливое рукопожатіе болѣзненно, но живительно отозвалось въ сердцѣ несчастнаго, убитаго горемъ человѣка.

Густой снѣгъ покрывалъ могилы и день былъ холодный и мрачный; но много огорченныхъ глазъ слѣдило за грустнымъ шествіемъ, когда оно переходило изъ пасторскаго дома въ церковь, и изъ церквы къ свѣже-вырытой могилѣ. На кладбищѣ стояло много мущинъ и женщинъ, которые недавно еще издѣвались надъ своимъ пасторомъ, легкомысленно обвиняя его въ преступленіи; но теперь, когда они увидѣли его, за гробомъ блѣднаго и разстроеннаго, великое горе его снова возвысило его въ общемъ мнѣніи, и они смотрѣли на него съ почтительнымъ сочувствіемъ.

Всѣ дѣти были здѣсь: Амосъ этого хотѣлъ, надѣясь, что какое-нибудь смутное воспоминаніе этой торжественной минуты останется быть-можетъ даже маленькому Вальтеру, и сольется съ тѣмъ, что въ послѣдствіи ему придется слышать о своей милой матери. Онъ самъ велъ Патти и Дики; Фредъ и Софи шли за нимъ; мистеръ Брандъ взялся нести Клубеньку, а Вальтеръ былъ на рукахъ у Нанни. Они окружили могилу, пока спускали въ нее

гробъ. Патти, одна изъ дѣтей, чувствовала, что мама въ гробу, и что новая, болѣе трудная жизнь начинается для нея и для ея папа. Она дрожала и была блѣдна, и крѣпче сжала его руку, когда гробъ опустили въ могилу, но не плакала. Фредъ и Софи, хотя они только двумя и тремя годами были моложе ея, и видѣли мать въ гробу, казалось только удивлялись этому странному, не виданному ими зрѣлищу. Они еще не научились разбирать эту страшную страницу человѣческой судьбы — болѣзнь и смерть. Дики сперва возсталъ противъ своей черной одежды, но когда ему сказали, что мама огорчится, если онъ не надѣнетъ ея, онъ тотчасъ же покорился, и теперь, хотя Нанни ему сказала, что мама на небѣ, онъ смутно представлялъ себѣ, что она опять вернется домой завтра, скажетъ что онъ былъ умница и позволитъ ему рыться въ ея рабочемъ ящикѣ. Онъ стоялъ подлѣ отца, румяный и веселый, и своими большими голубыми глазами смотрѣлъ то на мистера Клевеса, то на гробъ, и думалъ о томъ, какъ онъ дома будетъ играть съ Клубенькой въ эту новую игру.

Ее похоронили, и Амосъ направился съ своими дѣтьми къ дому —къ дому, гдѣ полчаса тому назадъ лежало дорогое тѣло Милли, гдѣ занавѣсы на окнахъ были спущены, гдѣ вся обстановка была въ ладу съ горемъ его души. Но теперь ужь ея не было; рѣзкій дневный свѣтъ проникалъ во всѣ комнаты; весь домъ принялъ опять свой будничный видъ, и Амосъ только теперь вполнѣ созналъ, что онъ одинъ, навсегда одинъ, что потянутся для него дни, мѣсяцы и годы, не согрѣтые любовью Милли. Настанетъ весна—и ея не будетъ; лѣто—и ея не будетъ; она никогда не сядетъ водлѣ него въ длинные зимніе вечера. Ему тяжело было подумать, что настанутъ свѣтлые, ясные дни, что солнце весело будетъ свѣтить. Онъ лишился ея; онъ ужь никогда не будетъ въ состояніи доказать ей свою любовь, искупить прошлую небрежность годами преданности и нѣжности.

О, какая тоска въ этой мысли, что намъ ужь никогда не поправить нашихъ упущеній передъ дорогимъ намъ покойникомъ, не можемъ искупить легкость, съ какою когда-то мы отвѣчали на его жалобы, вознаградить недостатокъ уваженія къ этой священной душѣ человѣческой, которая жила такъ близко, близко къ намъ,—самое божественное, что только дано намъ знать Богомъ!

Амосъ Бартонъ любилъ свою жену, и при жизни Милли никогда не былъ мучимъ сомнѣніемъ, что симпатія его къ ней недовольно жива и заботлива; но теперь онъ проходилъ самъ всю прошлую свою жизнь съ ней, съ тою страшною силою памяти и воображенія, какую даетъ чувство вѣчной разлуки, и просилъ у нея прощенія за самую любовь свою, которая казалась ему и бѣдною, и недостойною ея.

Никакія внѣшнія утѣшенія не могли облегчить горечь этой внутренней муки. Но во внѣшнихъ утѣшеніяхъ не было недостатка. Лица, прежде холодныя, глядѣли теперь ласково, и прихожане придумывали, какъ бы съ своей стороны помочь пастору. Мистеръ Ольдинпортъ написалъ ему для выраженія своего соболѣзнованія письмо, и вложилъ въ конвертъ еще одну двадцатифунтовую банкноту, прося позволенія способствовать тому, чтобы хоть нѣсколько облегчить мистера Бартона отъ денежныхъ заботъ въ такое горькое для него время, и предлагалъ ему хлопотать о помѣщеніи двухъ старшихъ дочерей его въ пансіонъ, основанный для дочерей духовныхъ лицъ. Мистеру Клевесу удалось собрать тридцать фунтовъ между своими собратьями, и, прибавивъ къ нимъ своихъ собственныхъ десять фунтовъ, онъ послалъ эти деньги Амосу съ самымъ дружескимъ и деликатнымъ письмомъ. Миссъ Джаксонъ забыла старыя дрязги, пріѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ къ дѣтямъ Милли, и привезла ея мужу столько матеріяльнаго пособія, сколько это позволилъ ея небольшой доходецъ. Все это помогало Амосу кой-какъ приводить свои дѣла въ порядокъ, и дружескія пожатія руки, ласковые взгляды, повсюду встрѣчавшіе его, давали ему чувствовать, что иней, сѣвшій на его пастырскія отношенія во время пребыванія графини въ его домѣ, растаялъ, и сердца его прихожанъ снова открыты ему.

Никто не упоминалъ уже болѣе о графинѣ; память Милли освятила мужа ея, какъ въ давніе времена священнымъ было то мѣсто, на которое ступилъ ангелъ Господень.

Когда настала весна, мистрисъ Гакитъ пригласила къ себѣ на время Дики, и много, много узналъ онъ въ эти нѣсколько недѣль новаго и любопытнаго. Каждое утро мистрисъ Гакитъ, окутавъ его предварительно всего, за исключеніемъ ногъ, которые всегда были голы и красны, позволяла ему на свободѣ бѣгать по скотному и птичьему двору, дразнить индѣйскаго пѣтуха сатирическимъ подражаніемъ его болтовнѣ, и предлагать затруднительные вопросы груму о причинахъ, отчего у лошадей четыре ноги, и т. п. Потомъ мистеръ Гакитъ, когда объѣзжалъ свою мызу, сажалъ иногда Дики передъ собой на лошадь, и у мистрисъ Гакитъ всегда былъ на-готовѣ какой-нибудь лакомый кусочекъ на случай, если онъ неожиданно проголадается. Однимъ словомъ, Дики скоро совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о пріятности поцѣлуевъ мистрисъ Гакитъ.

Дочери мистера Фаркьюера очень занимались Фредомъ и Софи и взялись учить ихъ читать и писать, а мистрисъ Фаркьюеръ придумывала разныя удовольствія для нихъ. Самымъ большимъ удовольствіемъ для Патти было сидѣть дома или гулять съ отцомъ, и когда по вечерамъ онъ сядетъ къ камину, послѣ того

какъ остальныхъ дѣтей уложитъ Нанни, она принесетъ свой стульчикъ, сядетъ у ногъ его и прислонитъ головку къ его колѣнямъ. Онъ положитъ бывало свою руку на эту свѣтлую головку и чувствуетъ въ такія минуты, что любовь Милли еще не покинула его жизни.

Такимъ образомъ шло время, и вотъ опять насталъ май. Церковь была почти окончена, и вскорѣ должна была открыться въ новой своей красотѣ. Мистеръ Бартонъ, съ бо́льшимъ рвеніемъ чѣмъ когда-либо, работалъ и трудился. Но въ одно истинно-прекрасное утро—дурныя новости любятъ иногда налетать въ хорошую погоду—пришло письмо на имя мистера Бартона. Амосъ узналъ почеркъ мистера Карпа и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ открылъ его: онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Письмо это извѣщало его, что мистеръ Карпъ намѣренъ самъ поселиться въ Шеппертонѣ, и что мѣсяцевъ черезъ шесть онъ пріѣдетъ.

О, горько это было!—именно теперь, когда Шеппертонъ сталъ для него мѣстомъ, гдѣ ему бы хотѣлось жить и умереть, гдѣ онъ имѣлъ друзей, сочувствующихъ его горю, гдѣ онъ жилъ вблизи дорогой могилы! Ему казалось, что разставаясь съ этою могилой, онъ въ другой разъ разстается съ Милли. Амосъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые жадно льнутъ ко всему, что̀ матеріяльно связываетъ душу съ невозвратимымъ прошлымъ. Воображеніе его не было живо, и чтобы подстрекнуть его требовалось внѣшнее впечатлѣніе.

Обидно также было подумать, что желаніе мистера Карпа поселиться въ Шеппертонѣ было только предлогомъ, чтобы сбыть съ рукъ мистера Бартона и посадить на его мѣсто своего собственнаго шурина, который нуждался въ мѣстѣ.

Но нечего было дѣлать, нужно было покориться, и немедленно приступить къ непріятному дѣлу искать другаго мѣста. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Амосъ принужденъ былъ отказаться отъ надежды найдти приходъ въ сосѣдствѣ Шеппертона и принять мѣсто, предложенное ему въ отдаленномъ графствѣ. Новый приходъ его находился въ большомъ фабричномъ городѣ, гдѣ ему придется ходить по шумнымъ, грязнымъ улицамъ, гдѣ не будетъ у дѣтей сада, въ которомъ бы они могли бѣгать и играть, гдѣ они лишатся ласкъ и попеченій добрыхъ друзей.

Это былъ новый ударъ, нанесенный разбитому человѣку.

ГЛАВА X.

Настала, наконецъ, грустная для Амоса недѣля, когда ему и дѣтямъ его приходилось уѣхать изъ Шеппертона. Отъѣздъ его возбуждалъ общія сожалѣнія прихожанъ: не то, чтобы кто-ни-

будь очень цѣнилъ его дарованія и находилъ очень назидательными его проповѣди. Но недавнее его горе возбудило общее участіе и всѣхъ расположили къ нему. Амосу не очень удавалось затрогивать пружину добра въ сердцахъ своими проповѣдями, но онъ дѣйствительно тронулъ ее своимъ горемъ; и теперь установилась истинная связь между имъ и его паствой.

— Мнѣ больно подумать объ этихъ бѣдныхъ сиротахъ, говорила мистрисъ Гакитъ своему мужу: — каково это имъ ѣхать въ чужой, отвратительный городъ, гдѣ нельзя достать хорошей свѣжей провизіи, да и за дурную-то приходится платить въ тридорога.

Воображенію мистрисъ Гакитъ смутно представлялась городская жизнь, какъ непріятная смѣсь грязныхъ дворовъ, несвѣжаго масла и сыраго бѣлья.

Чувство ея вполнѣ раздѣлялось всѣми прихожанами, даже самыми бѣдными. Старый, страдающій ревматизмомъ, но зарабатывающій еще кое-что работами по садамъ, мистеръ Тозеръ, остановилъ работницу мистрисъ Крампъ, когда она наканунѣ отъѣзда мистера Бартона возвращалась изъ его дома, гдѣ помогала Нанни укладываться, и подробно сталъ разспрашивать ее о намѣреніяхъ и видахъ мистера Бартона.

— Да, да, сказалъ онъ покачивая головой,—жаль мнѣ его бѣдняка. И здѣсь ему было не больно хорошо, а тамъ будетъ еще хуже. Полкаравая лучше чѣмъ ровно ничего.

Амосъ и дѣти его уже распростились со всѣми до этого послѣдняго вечера; и когда все въ домѣ было уложено, всѣ нужныя распоряженія были сдѣланы, Амосъ почувствовалъ гнетъ этого празднаго промежутка, когда человѣку ни о чемъ другомъ не остается думать, какъ о мрачной будущности, о разлукѣ со всѣмъ, что̀ ему мило и къ чему онъ привыкъ, о вступленіи въ новую, болѣе трудную жизнь. Во всякой разлукѣ есть подобіе смерти.

Въ десять часовъ онъ послалъ Нанни лечь спать, чтобъ она могла хорошенько отдохнуть передъ трудами завтрашняго дня, а самъ тихо вышелъ изъ дому, чтобы въ послѣдній разъ посѣтить могилу Милли. Ночь не была лунная, но звѣздъ было много, при свѣтѣ ихъ можно было различить, что густая и высокая трава покрываетъ могилу, и что возвышается надъ нею памятникъ, по темному полю котораго золотыя буквы возвѣщали о томъ, что здѣсь покоится Амелія, возлюбленная жена Амоса Бартона, скончавшаяся на тридцать пятомъ году отъ рожденія и оставившая по себѣ безутѣшнаго мужа и шестерыхъ дѣтей. Послѣднія слова надписи были «Да будетъ воля Твоя.»

Амосъ приближался къ этой дорогой могилѣ, которую онъ такъ скоро долженъ былъ покинуть и быть-можетъ навсегда. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ передъ ней и перечитывалъ над-

нись какъ бы для того, чтобъ удостовѣриться въ дѣйствительности своего прошлаго счастія и несчастія: любящее сердце пугается тѣхъ припадковъ равнодушія и безчувственности, которые мало-по-малу вытѣсняютъ изъ него горе, и болѣзненно старается возбудить въ себѣ силу первой тоски.

Глаза его остановились на словахъ: «Амелія, возлюбленная жена», и волны чувства поднялись въ его душѣ; онъ бросился на могилу, обнялъ ее, и прильнулъ губами къ холодной землѣ.

— Милли, Милли, слышишь ли ты меня? Я мало любилъ тебя, мало берегъ тебя, но я все это чувствую, чувствую теперь.

Рыданія не дали ему продолжать, и горячія слезы облегчили его стѣсненное сердце.

Заключеніе.

Еще одинъ разъ въ свою жизнь посѣтилъ Амосъ Бартонъ могилу Милли. Было то въ тихій и теплый осенній день, и онъ былъ не одинъ. На руку его опиралась молодая женщина съ кроткимъ, задумчивымъ лицомъ, живо, по выраженію своему, напоминавшимъ лицо мистрисъ Бартонъ, но не такъ плѣнительнымъ по очертаніямъ и цвѣту. Ей было лѣтъ около тридцати, но нѣсколько преждевременныхъ морщинъ вокругъ рта и глазъ свидѣтельствовали о раннемъ знакомствѣ съ заботами.

Самъ Амосъ тоже очень измѣнился. Рѣдкіе волосы его были совершенно бѣлы, спина его согнулась и рука его дрожала. Но взглядъ его былъ спокоенъ и даже веселъ, чистая и опрятная одежда его свидѣтельствовала о заботливости женщины. Милли, умирая, не всю свою любовь унесла съ собой на небо, она оставила частицу ея въ сердцѣ Патти.

Всѣ остальныя дѣти уже были теперь взрослыми людьми и шли по разнымъ избраннымъ ими дорогамъ. Дики—инженеръ, и (вамъ это вѣрно будетъ пріятно узнать) очень способный, очень даровитый человѣкъ. Щеки его все также румяны, несмотря на занятія математикой, и глаза его все такіе же большіе и голубые, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ, конечно, не походитъ на прежняго Дики, и другъ его, мистрисъ Гакитъ, никакъ бы не узнала его теперь, тѣмъ болѣе что пролетѣвшія двадцать лѣтъ вѣроятно отозвались и на глазахъ ея. Онъ очень высокъ ростомъ, и росту соотвѣтствуетъ ширина его плечъ; онъ носитъ очки, а голова его поросла цѣлымъ лѣсомъ курчавыхъ темныхъ волосъ. Но вы не сомнѣваетесь, я увѣренъ, что мистеръ Ричардъ Бартонъ отличнѣйшій малый, и при встрѣчѣ съ нимъ, надѣюсь, вы съ удовольствіемъ пожмете его руку какъ изъ уваженія къ нему самому, такъ и изъ уваженія къ его матери.

Патти одна осталась при отцѣ: она вечерній свѣтъ его жизни.

на нихъ слѣды отъ вѣковыхъ работъ подтачивавшей воды стекая внизъ, она образовала на сѣромъ известнякѣ отвѣсные борозды и желоба.

Отсюда свернули мы въ боковой извилистый ходъ, или *лабиринтъ*, по которому добрались до новаго провала тоже въ родѣ колодца. Францисъ подвелъ насъ къ отверстію въ стѣнѣ, въ которое мы заглянули какъ въ окно. Мы смотрѣли внизъ, дна не видать, смотрѣли вверхъ—и тамъ взоръ уходилъ въ темноту. Проводникъ бросилъ зажженную масляную бумажку; дрожа на воздухѣ, она медленно опускалась, освѣщая изборожденныя дѣйствіемъ воды бурыя стѣны пропасти. Чудный видъ представляли эти стѣны при мерцающемъ свѣтѣ: рельефныя, величественныя колонны поднимались со дна; сверху они были обвѣшаны массивною, античною драпировкой, спадавшею въ красивыхъ складкахъ и стянутою толстыми шнурами. Эту отвѣсную полость назвали, по имени владѣльца пещеры, *храмомъ Горинса*.

Вернувшись отсюда къ *гробу великана*, мы прошли по другому боковому ходу до *больницы*. Тутъ, верстахъ въ трехъ отъ входа, на просторномъ мѣстѣ галлереи стояло два каменные домика, оклеенные внутри бумажными обоями. Ихъ выстроилъ докторъ Митчель, съ цѣлью открыть здѣсь больницу для чахоточныхъ. Устроивъ все, какъ слѣдуетъ, докторъ пригласилъ страдающихъ грудными болѣзнями, ручаясь за ихъ выздоровленіе. У него вскорѣ набралось около пятнадцати паціентовъ. Комнаты въ домахъ были освѣщены лампами и свѣчами. Все необходимое для удобствъ жизни было доставляемо изъ гостиницы; пещера населилась, оживилась на время. Въ мрачныхъ подземныхъ пространствахъ затѣвались балы, пикники и прогулки въ дальнія мѣста; но ни одинъ изъ больныхъ не подходилъ къ выходу, ни одинъ не видѣлъ свѣта Божьяго во все время лѣченія. Мѣсяца черезъ два, однако, болѣзнь нѣкоторыхъ паціентовъ усилилась; трое изъ нихъ умерли, одинъ вслѣдъ за другимъ. Тогда, наконецъ, остальные рѣшились покинуть ужасную гробницу. Но смерть и внѣ пещеры уже не пощадила ни одного изъ нихъ: всѣ они померли въ скоромъ времени, и даже самъ докторъ Митчель поплатился жизнью за свой чудовищный опытъ. Онъ основывалъ свое лѣченіе, какъ кажется, на томъ, что воздухъ въ пещерѣ сохраняетъ постоянно почти одинаковую температуру, то-есть около двѣнадцати градусовъ по Реомюру. Нельзя сказать, чтобы воздухъ этотъ былъ

сыръ или удушливъ; онъ показался намъ довльно сноснымъ и сухимъ; только въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ стояла вода, несло сыростью какъ изъ погреба. Но все же это не былъ чистый воздухъ полей.

Мы закончили на этотъ разъ нашъ обходъ посѣщеніемъ *звѣздной комнаты.* Такъ названо обширное пространство въ галлереѣ съ высокимъ почернѣвшимъ потолкомъ. Франсисъ отобралъ у насъ лампочки и поставилъ къ стѣнѣ, заслонилъ ихъ собою такъ, что свѣтъ отъ нихъ падалъ на потолокъ; на черномъ полѣ его свѣтились гипсовые кристаллы и искрились какъ звѣздочки. Давъ волю воображенію, можно было представить себѣ, будто видишь ночное звѣздное небо. Гораздо сильнѣе были мы поражены, когда Франсисъ удалился съ лампами и насъ обняла темнота, съ которою не можетъ сравниться никакой мракъ ночи подъ густыми облаками. Намъ казалось, будто мы лишились сознанія, будто всѣ способности наши оцѣпенѣли; намъ и въ голову не приходило, что теперь мы лишены возможности выбраться изъ этой черной мглы на бѣлый свѣтъ. Немного погодя, вдали показалось слабое мерцаніе лампы, и наши взоры невольно впились въ приближавшійся свѣтъ и уже не отрывались отъ него. Франсисъ передалъ намъ лампы, и мы послѣдовали за нимъ къ выходу. Послѣ пятичасоваго пребыванія подъ землей мы опять увидѣли дневной свѣтъ, опять повѣяло на насъ свѣжимъ воздухомъ лѣсовъ.

На другое утро назначенъ былъ большой обходъ *(long rout)*, доходящій до крайнихъ предѣловъ пещеры верстъ на четырнадцать отъ входа. На этотъ разъ Франсисъ захватилъ съ собой коробъ съ провизіей. Не останавливаясь, дошли мы до бездоннаго колодца, у котораго были уже вчера, и перейдя по перекинутому черезъ него мостику, продолжали путь. Первый предметъ, на который Франсисъ обратилъ наше вниманіе, былъ большой камень, висѣвшій съ потолка на маленькомъ отросткѣ, такъ что, казалось, стоитъ только тронуть его, и камень тотчасъ оборвется. Потолокъ въ этомъ мѣстѣ понизился, а въ грунтѣ образовался уступъ. «Осторожнѣе, это *ловушка,*» сказалъ Франсисъ, спускаясь внизъ и наклоняя голову. Но камень висѣлъ такъ крѣпко, что не было возможности сдвинуть его съ мѣста. Далѣе ходъ здѣсь и тамъ былъ заваленъ грудами камней, по которымъ приходилось и лазить, и прыгать. Эта дальняя прогулка прежде была вовсе неизвѣстна; ее недавно открылъ негръ Стивенсъ, служившій здѣсь въ прежнее время проводникомъ.

Стивенсъ, какъ разказывали намъ, съ артистическою любовью изучалъ пещеру; онъ проникалъ во всѣ ея закоулки и до сихъ поръ сохранилась слава его, какъ лучшаго проводника. Но при насъ его уже не было здѣсь: отпущенный на волю своимъ господиномъ, онъ уѣхалъ въ Африку, въ свободную колонію негровъ, Либерію.

Потолокъ въ галлереѣ опускался иногда такъ низко, что нельзя было идти иначе, какъ наклонивъ голову. «Это *дорога Боканана*, объяснялъ Франсисъ: нынѣшній президентъ нашъ держитъ всегда голову на бокъ; вотъ и выдумали, будто онъ привыкъ къ этому съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ здѣсь.» Вскорѣ ходъ сталъ просторнѣе и выше. Тутъ на выдавшемся изъ стѣны камнѣ лежалъ другой, съ виду похожій на сидящую курицу, почему онъ и прозванъ *насѣдкой*. Отсюда попали мы на *вьющуюся дорогу*: она въ видѣ узкаго канала извивалась между камнями, такъ что намъ приходилось протѣсняться бокомъ; надъ головой же было довольно просторно. Эта дорога называется также *бѣдою толстяка*, потому, объяснялъ Франсисъ, что толстому человѣку нельзя уже проникнуть далѣе внутрь пещеры. Выбравшись изъ узкаго прохода, мы скорѣ прибыли въ *комнату рѣки*. Когда въ Гренриверѣ, протекающемъ въ полуверстѣ отъ пещеры, послѣ дождей подымается вода, то эта комната также затопляется ею. Вообще между Гренриверомъ и этими подземными полостями существуетъ какая-то неизслѣдованная еще связь, о которой можно только догадываться по прибыли и убыли воды здѣсь и тамъ. Послѣ этого подошли мы къ мѣсту, гдѣ ходъ снова обрывается внизъ сажени на четыре. Слѣва у стѣны чернѣлъ обрывъ; Франсисъ бросилъ туда камень, и онъ съ плескомъ упалъ въ воду, которая скопилась тамъ въ большомъ углубленіи. Этотъ водоемъ названъ *Мертвымъ моремъ*. Спустившись внизъ по деревянной лѣстницѣ, мы оставили его за собой и, держась лѣвой стороны, пошли по глинистому слою, подъ которымъ тоже скопилась вода. Здѣсь также услышали мы плескъ отъ камня, брошеннаго черезъ край обрыва у противоположной стѣны. Это былъ *Стиксъ*. Галлерея шла отлогимъ покатомъ внизъ и вскорѣ показалась вода, разлившаяся по всему ходу и носившая имя *Леты*. Мы сѣли въ лодочку и, переплывъ неширокую Лету, вышли на противоположный берегъ, и продолжали идти по сухому грунту. Не въ дальнемъ разстояніи опять весь ходъ былъ залитъ водой. И тутъ тоже стояла наготовѣ лодка. На

этотъ разъ наше плаванье продолжалось гораздо долѣе: вода, названная рѣкой *Эхо*, затопила ходъ почти на цѣлую версту... Страннымъ, казалось это плаваніе въ подземельи подъ сводами, то пропадавшими въ темной вышинѣ, то спускавшимися такъ низко, что мѣстами приходилось ложиться на спину, чтобы не удариться головой о камни, торчавшіе съ потолка. Но всего чудеснѣе въ этой подземной рѣкѣ было самое эхо. Выбравшись на просторъ, Франсисъ сталъ съ весломъ впереди лодки, и запѣлъ; голосъ его совершенно покрывался отголосками. Издалека съ вышины ему какъ будто вторилъ хоръ торжественно-согласныхъ голосовъ, и звуки неслись по водѣ, а потомъ, разливаясь по воздуху, неслись, не умолкая, все выше и выше подъ мрачные своды пещеры...

Рѣка Эхо во всѣхъ отношеніяхъ самое замѣчательное мѣсто въ подземельи. Вода, образовавъ въ другихъ частяхъ его колодцы и пропасти, скопилась въ этомъ мѣстѣ, не встрѣчая выхода. Эхо, Лета, Стиксъ и Мертвое море остатки тѣхъ потоковъ, которымъ эти подземныя полости одолжены своимъ образованіемъ. Во время половодья, когда подымается протекающій внѣ пещеры Гренриверъ, прибываютъ и воды въ подземельяхъ. Эхо и Лета, обыкновенно отдѣленные другъ отъ друга сухимъ проходомъ, сливаются тогда въ одно цѣлое, и вода подымается такъ высоко, что доходитъ до потолка, и тогда невозможно переплыть эти рѣки.

Въ водѣ заключается сила, оживляющая окрестную природу; такъ и здѣсь въ рѣкѣ Эхо, гдѣ все лишено свѣта, главнаго условія органической жизни на землѣ, застали мы живыя существа. Заглянувъ въ воду, мы увидѣли при свѣтѣ лампъ маленькихъ рыбъ, не больше пискаря. Онѣ смѣло подплывали къ лодкѣ, слѣдуя за сіяніемъ, бросаемымъ лампами на воду, и радуясь, казалось, свѣту, котораго они лишены въ подземельѣ. Эти рыбки не принадлежатъ впрочемъ къ настоящимъ обитателямъ пещеры: онѣ попали сюда случайно вмѣстѣ съ струями воды, просачивавшейся снаружи. Совсѣмъ другаго свойства были потомки тѣхъ существъ, которыя издавна уже поселились въ водахъ подземнаго царства. Къ нимъ принадлежатъ рыба и ракъ. На берегу намъ удалось поймать одного рака.

Свѣтъ лампы, повидимому, не производилъ на него никакого вліянія; но когда трогали близь него воду, онъ начиналъ шевелить своими несоразмѣрно-длинными усами. Въ мѣстахъ, гдѣ слѣдовало быть глазамъ, остались однѣ впадины, но

самыхъ глазъ не оказалось. Такимъ образомъ и здѣсь подтвердился важный законъ природы: развитіе органовъ обусловливается тою средой, въ которой развивается животное. Если же дѣятельность какого-нибудь внѣшняго чувства задерживается, то останавливается и развитіе органа, соотвѣтствующаго этому чувству. И наоборотъ, орудія, вызванныя къ болѣе дѣятельному отправленію, получаютъ развитіе болѣе широкое противъ обыкновеннаго. Такъ отсутствіе свѣта въ пещерѣ задержало развитіе органа зрѣнія, но въ замѣнъ этого слѣпые обитатели тѣмъ болѣе упражняли чувство осязанія; вслѣдствіе чего усики, щупальцы и вообще всѣ части тѣла, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается осязаніе, получили развитіе несоразмѣрное. Въ этомъ убѣждаетъ также наружный видъ паукообразныхъ, живущихъ въ разныхъ углахъ пещеры: они снабжены весьма длинными оконечностями. Когда къ такому пауку подносили лампу, то это его нисколько не тревожило; но лишь только приближали къ нему спереди или сзади соломенку, не касаясь однако тѣла, то онъ безпокойно начиналъ шевелить длинными щупальцами и ногами.

Къ самымъ замѣчательнымъ жителямъ пещеры принадлежитъ безглазая рыба. Лишенная органовъ зрѣнія, она такъ чутка, что поймать ее довольно трудно; малѣйшее движеніе, производимое въ водѣ, уже пугаетъ ее. Франсисъ на другой день поймалъ съ помощію сѣтки такую рыбу, и принесъ ее намъ. Глазъ вовсе не было, и никакихъ наружныхъ слѣдовъ нельзя было открыть въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ слѣдовало быть. Рыба, ракъ и всѣ паукообразныя въ пещерѣ, были цвѣта изжелта-бѣлаго, походившаго нѣсколько на цвѣтъ соломы. Причина одноцвѣтности заключается, конечно, также въ отсутствіи дневнаго свѣта. Прилагаемыя здѣсь изображенія срисованы съ натуры, и представляютъ рыбу и рака въ настоящей ихъ величинѣ.

Рѣка Эхо находится въ шести верстахъ отъ входа; намъ оставалось еще верстъ восемь до конца пещеры. Мы пустились впередъ, и пройдя широкимъ ходомъ, поименованнымъ *Суллимановымъ*, попали въ *Долину цвѣтовъ*. Образовавшіеся на стѣнахъ галлереи кристалы селитры, напоминали собою тѣ цвѣтные узоры, которые образуются на нашихъ окнахъ въ морозные дни. Затѣмъ слѣдовала *Концертная зала Оле-Буля;* знаменитый скрипачъ недавно давалъ здѣсь концертъ при большомъ стеченіи публики. *Проходъ Эльвора* привелъ насъ къ такому мѣсту, гдѣ на стѣнѣ опять показались селитряные кристаллы. Расположившись полукругомъ по краю камня, они представили подобіе діадемы: это была *корона королевы Викторіи*. Миновавъ большое углубленіе, образовавшееся въ сторонѣ галлереи и прозванное *ямой Калькутти*, мы прибыли въ *виноградникъ Марты*. Куча скопившихся на верху стѣны сталактитовыхъ кругляковъ походила съ виду на большую виноградную кисть. Потомъ остановились мы не на долго въ *Вашингтоновой комнатѣ*. Это было расширившееся мѣсто въ галлереѣ, заваленное грудами камней. Нашъ проводникъ досталъ изъ-подъ валуна сохранявшуюся здѣсь на всякій случай бутылку и подлилъ масла въ наши лампочки. Тутъ же увидѣли мы много черныхъ мошекъ и мухъ. Эти случайные переселенцы попали въ подземное царство вмѣстѣ съ кушаньемъ, принесеннымъ въ корзинахъ проводниками и оставляемымъ обыкновенно въ комнатѣ Вашингтона, гдѣ закусываютъ посѣтители пещеры. До конца оставалось еще версты четыре, и

по пути опять приходилось слышать разнаго рода названія, которыми обозначены отдѣльныя галлереи, комнаты, разныя ниши въ стѣнѣ, мѣстами украшенныя кристаллами селитры и гипса. Все отмѣчено особеннымъ, иногда довольно причудливымъ именемъ: тутъ и *садъ Флоры*, и *послѣдняя лѣтняя роза*, и *бриллiантовый гроттъ*, и *гротты Бахуса и Шарлотты*. Всѣ эти сами по себѣ очень красивыя мелочи и блестки въ другомъ мѣстѣ обратили бы на себя гораздо большее вниманіе; но тутъ, при впечатлѣніи громадности, которое испытывалось въ сумрачныхъ пространствахъ, всѣ подобныя украшенія показались намъ какъ-то неумѣстными. Въ этомъ отношеніи тутъ повторилось съ нами то, что испытали мы при видѣ Ніагары: передъ торжественно-величавымъ въ природѣ, красивое какъ бы пропадаетъ мельчаетъ въ глазахъ нашихъ.

Но вотъ мы подходимъ къ *Скалистымъ горамъ*; преграждая весь ходъ, камни глыбами вздымаются въ вышину и въ сумракѣ кажутся нагроможденными другъ на друга скалами. Взобравшись на зубчатый гребень горъ, мы сошли по противуположному скату и очутились въ обширномъ пространствѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ отвѣсными стѣнами. Далѣе не было никакого выхода изъ пещеры, за исключеніемъ развѣ одной пропасти, которая въ видѣ широкой щели чернѣла вдоль правой стѣны. Сюда, какъ должно полагать, устремилась масса воды, наполнявшей нѣкогда подземныя полости. Трудно опредѣлить, до какой глубины доходила зіявшая передъ нами бездна; мы бросили въ нее камень; черезъ пять секундъ онъ ударился о каменный уступъ; потомъ еще съ секунду слышно было какъ катился онъ далѣе, наконецъ звукъ замеръ въ глубинѣ. Судя по времени паденія камня до перваго удара, глубина болѣе пятидесяти саженей. Но какъ знать, гдѣ остановился онъ окончательно въ этой пропасти?

Тутъ кончился нашъ обходъ. Перейдя опять Скалистыя горы, мы вернулись въ *комнату Вашингтона*, закусили въ ней, потомъ опять переплыли Эхо и Лету, и наконецъ вечеромъ, въ девятомъ часу, воротились въ гостиницу, пробывъ такимъ образомъ подъ землей слишкомъ двѣнадцать часовъ. Этимъ не кончились однако наши подземныя похожденія. На другой же день пошли мы смотрѣть другую небольшую пещеру. Вообще Кентукки изобилуетъ разнаго рода гротами, провалами и воронкообразными колодцами. По своей громадности Мамонтова пещера, конечно, занимаетъ между ними первое мѣсто. Но по

красотѣ расположенія множества сталактитовъ, по блеску гипсовыхъ кристалловъ она уступаетъ *Бѣлой пещерѣ* (wight cave), находящейся всего въ верстѣ отъ гостиницы. Безъ проводника намъ не найдти бы этой пещеры; спустившись съ пригорка въ лиственномъ лѣсу, мы подошли къ темной ямѣ, осѣненной вѣтвями деревъ. Она была не велика, такъ что проходя мимо, пожалуй, не обратишь на нея вниманія. Мы пролѣзли вслѣдъ за Франсисомъ въ неширокое отверстіе, и шаговъ съ пятьдесятъ прошли согнувшись, пока не добрались до просторнаго мѣста, гдѣ можно было выпрямиться. Вообще размѣры этой пещеры не велики: она всего саженей на сто проходитъ внутри земли. Но образовавшіеся внутри сталактиты придаютъ подземелью особенную прелесть. По серединѣ его вытянулся рядъ сталактитовыхъ столбовъ; вверху по стѣнамъ известнякъ выдавался на подобіе карниза, съ котораго между колоннами, въ красивыхъ складкахъ, ниспадала тяжелая драпировка. Причудливые арабески и свѣтлыя блестки сталактитовыхъ капель, кварцовыхъ и гипсовыхъ кристалловъ на потолкѣ, вполнѣ гармонировали съ античнымъ убранствомъ всего пространства.

По возвращеніи въ гостиницу, предупредительный проводникъ составилъ списокъ именъ всѣхъ мѣстъ, по которымъ водилъ насъ въ подземельяхъ, и на прощаніи отдалъ намъ его, вмѣстѣ съ безглазою рыбой и ракомъ, которые хорошо сохранились у меня въ спиртѣ.

Верстахъ въ пятнадцати отъ Мамонтовой пещеры, жившій тамъ фермеръ указалъ намъ еще одно подземелье, находившееся въ его полѣ. По указанію фермера мы нашли тамъ котлообразную яму. Когда спустившись на дно ея, вошли мы подъ своды пещеры, то увидѣли бьющійся изъ каменной стѣны ключъ самой чистой воды, за которую приходятъ сюда сосѣдніе жители. Она разлилась по всему ходу. Мы прошли по колѣно въ водѣ саженей на сто внутрь; наконецъ стало такъ глубоко и своды спустились такъ низко, что не было возможности проникнуть далѣе. Фермеръ разказывалъ, что мальчики наловили здѣсь нѣсколько безглазыхъ рыбъ. Но, по причинѣ глубокой воды, никому не удалось добраться до конца подземелья. Она представляла небольшой обращикъ того состоянія, въ которомъ находилась и Мамонтова пещера въ давно-минувшія времена, когда вода, не встрѣчая нигдѣ выхода, наполняла собою подземныя полости.

Э. Циммерманъ.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

СЕМЕЙНОЕ ЧУВСТВО.

Измученъ дрязгами, усталый отъ трудовъ—
Въ кругу моихъ дѣтей я веселъ и здоровъ!
Понятенъ, дорогъ мнѣ сердецъ невинныхъ трепетъ;
Ихъ радость шумную, неистощимый лепетъ,
Распросы безъ конца и безъ причины смѣхъ—
Прервать, остановить считаю я за грѣхъ.
Въ нихъ кровь моя течетъ, растетъ моя надежда!
Они—блестящее убранство и одежда
Разсудочныхъ годовъ суровой наготы,
Утраченной весны послѣдніе цвѣты!...

Нѣтъ, не напрасно я молюся и тоскую,
Когда ихъ руки жму, головку имъ цѣлую!
Нѣтъ, пощадитъ судьба безкрылаго птенца
За слезы матери, страданіе отца!...

Мы преждевременно состарѣлися оба
Въ печали и борьбѣ... У темной двери гроба
Еще ль не смѣемъ мы, въ замѣну долгихъ бѣдъ,
Грядущихъ, лучшихъ дней привѣтствовать разсвѣтъ?

Мой сынъ! Ты будешь ли отъ горькихъ нуждъ избавленъ?
Желѣзною пятой насилья не раздавленъ?
Умъ, совѣсть сохранишь отъ язвы и пятна?
А птичка рѣзвая, а дочь моя,—она
Спасется ль отъ сѣтей—ихъ разгадать умѣя—
Богатаго глупца, бездушнаго злодѣя?...
Свѣтъ полонъ темныхъ дѣлъ, обмановъ и заразъ...
Малютки бѣдные! Какъ я боюсь за васъ!...

Но частыхъ опытовъ жестокіе уроки,
Но правды и любви немолчные упреки
Проникнутъ, можетъ-быть, растопятъ наконецъ
Холодную кору безчувственныхъ сердецъ!
День примиренія, желанный долго нами,
День человѣчности—проглянетъ надъ сынами!
Зовъ милосердія пройдетъ во всѣ концы
И стройно запоютъ свободные пѣвцы!
Простятъ имъ смѣлые порывы вдохновенья,
Больнаго чувства вопль не вмѣнятъ въ преступленье;
Не будутъ поминать, для осужденья ихъ,
Мгновеньемъ вызванный, неосторожный стихъ,—
И пѣсня, гордая сочувствій воздаяньемъ,
Польется не глухимъ и сдержаннымъ рыданьемъ!

II.

CASTA DIVA

Тайно горящихъ сердецъ Божество!
Душъ цѣломудренныхъ кроткій властитель!
Ближе, полнѣе скрѣпи ихъ родство,
Въ рай обрати имъ земную обитель!
Пусть онѣ знаютъ любовь, а не страсть,
И пламенѣя, какъ солнце, безъ дыма,
Въ даръ себѣ примутъ небесную часть:
Ангеловъ радость, восторгъ Херувима.

Благослови ихъ улыбку и трудъ!
Будь имъ защитникъ вѣрный и скорый!
Не разлучай ихъ—твой милостивъ судъ—
Не сокрушай ихъ взаимной опоры!..
Дышутъ, живутъ они чувствомъ однимъ;
Міръ имъ готовитъ вражду и гоненье:
О соблюди ты закономъ святымъ
Сердцу отвѣтное сердца біенье!...

III.

П. У....ВУ.

(При отсылкѣ Библіи.)

Спасибо, другъ, вамъ! Эта книга
Мнѣ указала вѣрный путь,
И отъ египетскаго ига
На время облегчилась грудь.

Какъ въ древнемъ словѣ правды много!
Какъ жалокъ, бѣденъ тотъ народъ,
Который наставленій Бога
Въ родной завѣтъ не соберетъ!

. . . . . .

Кто уменьшитъ людей страданья,
Въ пустынѣ будетъ имъ вождемъ,
И выполнитъ обѣтованья,
Которыхъ совершенья ждемъ?

Лишь Богъ одинъ!.. Святая книга
Запутанный исправитъ ходъ
И отъ египетскаго ига
Освободится весь народъ.

Что̀ насъ теперь, какъ язва, гложетъ,—
Пройдетъ иль перемѣнитъ видъ;
Господь разслабленнымъ поможетъ
И прокаженныхъ обновитъ.

Бернетъ.

Франсисъ обратилъ наше вниманіе на небольшія углубленія, образовавшіяся въ каменной стѣнѣ, и назвалъ ихъ *голубятней*, по сходству съ гнѣздами. Мѣстами, известковый камень выступалъ рельефомъ вдоль по верхней части стѣны, образуя такимъ образомъ родъ карниза; а мѣстами онъ такъ далеко выдавался впередъ, что представлялъ подобіе хоръ. *Церковь методистовъ*, сказалъ Франсисъ, остановившись опять середи обширнаго пространства. На одной сторонѣ, изъ стѣны, выдвинулся большой, сверху плоскій камень. Методисты нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершали здѣсь, при свѣтѣ лампъ, свои богослуженія; проповѣдникъ говорилъ съ края плоскаго камня, служившаго вмѣсто каѳедры. Отсюда перешли мы въ галлерею, по одной сторонѣ которой стоялъ рядъ объемистыхъ сталактитовъ; оно названо *готическою галлереей*. Далѣе Франсисъ указалъ намъ въ стѣнѣ глубокую нишу, въ которой найдены были двѣ муміи въ индѣйскихъ одеждахъ. Одна изъ нихъ хранится теперь въ музеумѣ въ Нью-Йоркѣ, другая перевезена была въ Синсиннети, гдѣ она сгорѣла во время большаго пожара. Эти муміи, по внимательномъ осмотрѣ, оказались весьма подозрительными и теперь не сомнѣваются въ томъ, что онѣ были кѣмъ-нибудь подложены. Пробираясь по камнямъ, дошли мы до *готической капеллы*. Небольшое и невысокое пространство уставлено было сталактитовыми колоннами самыхъ причудливыхъ формъ, и колонны эти казались остатками древней архитектуры. При отсутствіи всякой симметріи, все здѣсь дышало тихою торжественностію и гармоніей; не доставало только алтаря и надлежащаго освѣщенія, чтобы преобразить это мѣсто въ настоящую часовню. Сталактиты были около аршина въ поперечникѣ, и отъ трехъ до четырехъ аршинъ въ вышину. Недалеко отъ капеллы увидѣли мы еще одинъ, болѣе объемистый сталактитъ; въ нижней части его образовался уступъ, на которомъ довольно удобно было сидѣть, почему этотъ сталактитъ и названъ *древнимъ кресломъ*. «А вотъ *слоновая голова*», сказалъ Франсисъ, указывая на огромный камень, лежавшій посереди галлереи. Хорошо, что проводникъ предупредилъ насъ, иначе и намъ пришлось бы сознаться, что *слона-то мы и не замѣтили!* И въ самомъ дѣлѣ, только при помощи сильнаго напряженія фантазіи можно было принять за голову эту неправильную каменную глыбу. Замѣтивъ наше недоумѣніе, Франсисъ, улыбнувшись, прибавилъ: «У этого слона сломаны бивни, оттого вы и не узнали его сразу.» Ну, это другое дѣло, подумали мы, удивляясь игривости

и многосторонности, съ какою американское воображеніе высказалось въ названіяхъ, данныхъ разнымъ предметамъ въ пещерѣ. Придуманныя большею частію самими проводниками, эти названія переносили насъ отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ временъ Греціи черезъ всѣ вѣка до нынѣшняго президента Штатовъ. У всѣхъ вѣковъ и народовъ, изъ всѣхъ царствъ природы были заимствованы громкія имена для того, чтобъ еще болѣе подстрекнуть любопытство посѣтителей. Должно однако сказать, что не всѣ предметы по своему виду соотвѣтствовали тѣмъ названіямъ, которыми украсили ихъ здѣсь.

Свернувъ на такъ-называемый главный ходъ, мы дошли до *бальной залы*: въ этой довольно просторной залѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, собралось большое общество, и мрачныя пространства пещеры огласились веселымъ шумомъ бала. Камни, обрушившіеся со стѣнъ, болѣе прежняго мѣшали ходьбѣ. Въ одномъ мѣстѣ, нѣсколько большихъ валуновъ, стоя на ребрѣ, образовали такъ-называемыя *стоячія скалы*; въ другомъ мѣстѣ, двухъ-саженный камень представлялъ подобіе гроба, почему и назвали его *гробомъ великана*. Вотъ мы подошли и къ *обрыву*: грунтъ земли здѣсь обрушился, и намъ слѣдовало спуститься внизъ по деревянной лѣстницѣ. Внизу галлерея привела насъ къ *Ричардсонову ключу:* чистая, какъ кристаллъ, вода била изъ каменной стѣны и протекая тонкою струйкой до середины хода, скопилась тамъ въ небольшой водоемъ, гдѣ по немногу просачивалась въ глинистый грунтъ. По такъ-называемой *дорогѣ подъ аркой*, гдѣ сводъ не такъ уже высоко поднимался надъ головой, дошли мы до *двухъ колодцевъ*: это были двѣ пропасти, размытыя водой. Просачиваясь сначала тонкими струями сквозь отверстія въ грунтѣ, вода, наполнявшая когда-то полости пещеры, расширяла ихъ мало-по-малу, пока не излилась наконецъ всею массой въ эти неизмѣримо-глубокія пропасти. Когда вода нашла себѣ такимъ образомъ исходъ въ глубину, то полости пещеры обсохли и образовались подземные ходы. Сколько тысячелѣтій потребовалось на такую гигантскую работу воды? Вѣкъ за вѣкомъ сочилась она между камнями, обтачивая ихъ и расширая щели между ними. Теперь, Богъ вѣсть, на какой глубинѣ въ колодцахъ остановилась она. Когда Франсисъ зажегъ масляную бумагу и бросилъ ее въ одинъ изъ нихъ; тогда, освѣтившись на нѣсколько мгновеній, каменныя бока колодца представили взорамъ оставшіеся

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 5-го мая 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ДНЕВНИКЪ ГАРДЕМАРИНА

НА ФРЕГАТѢ *АСКОЛЬДЪ* (1).

Нагасаки, 24 іюня (6 іюля) 1859.

Право писать нечего, но чтобы не долго оставлять васъ безъ вѣстей, принимаюсь за выписку изъ своего дневника, который доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Это мой первый опытъ, и безъ сомнѣнія плохой и небрежный, потому что пишу урывками, а предметы описаній, какъ обширныя мели, встрѣчаются на каждомъ шагу. Часто, пробѣгавъ весь день, только поздно вечеромъ нахожу свободную минуту, чтобы записать что̀ дѣлалъ, что̀ замѣтилъ, и сонная рука начертитъ иногда такіе іероглифы, что на слѣдующее утро самъ съ трудомъ разбираю.

$^{4}/_{16}$ *апрѣля, суббота.* Утромъ, послѣ ванны, мы ѣздили съ капитаномъ на американскій пароходъ-фрегатъ *Миссиссипи*, отдать визитъ капитану Никольсону и г. Гаррису, генеральному консулу Соединенныхъ Штатовъ въ Японіи. Оба очень почтенные старики, чрезвычайно ласковые и обходительные. Послѣ обѣда я не выходилъ изъ дому, потому что былъ дождь и грязь по колѣно. Завтра Вербное воскресенье; всенощная была чрезвычайно торжественна, вмѣсто вербы мы держали листья сасовой пальмы; кромѣ того у каждаго матроса былъ букетъ чудныхъ камелій и азалій, онѣ теперь въ полномъ цвѣту.

$^{5}/_{17}$ *апрѣля.* Сейчасъ вернулся съ длинной прогулки по городу. Мы согласились съ В. І. З. отправиться вдвоемъ тотчасъ послѣ обѣда, но такъ какъ разговоръ затянулся гораздо долѣе, то пришлось ждать до трехъ съ половиною часовъ. Была превосходная погода. Мы долго ходили по разнымъ магазинамъ, по-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2 и 3.

купали всякую мелочь: тушь, трубки, дощечки, на которыхъ въ храмахъ пишутся молитвы, и пр. Когда начало смеркаться, мы пошли къ одному знакомому В. I—ча семейству; оно не многочисленно—мать и дочь. Послѣдняя здоровая, красивая (для Японки) дѣвушка, вышла къ намъ навстрѣчу. Она только что вернулась съ дальней религіозной процессіи и не успѣла еще снять свой праздничный нарядъ; онъ состоялъ изъ двухъ или трехъ бѣлыхъ шелковыхъ халатовъ, шитыхъ по краямъ золотымъ шнуркомъ, сверхъ которыхъ былъ надѣтъ еще четвертый изъ лиловаго крепа, также шитый, съ звѣздочками изъ розоваго шелка и длиннымъ шлейфомъ. Распахнувшись отъ шаговъ, эти платья позволяли видѣть пунцовую не длинную юпку, изъ-подъ которой показывалась маленькая, хорошенькая ножка; обувь въ теплое время не считается необходимостью даже въ высшемъ кругу, и на ноги надѣваются только сандаліи. Искусная прическа сдерживалась длинными черепаховыми спицами, горизонтально проведенными въ черные блестящіе волосы. Лицо и шея, отъ природы бѣлыя, были (увы!) набѣлены еще такъ, что на щекахъ румянецъ совсѣмъ исчезъ, а сзади на шеѣ была проведена полоса, будто мѣломъ черкнули; губы алѣли отъ румянъ, но къ счастію зубы были еще бѣлы, какъ слоновая кость. Халаты были перевязаны широкимъ поясомъ, который сзади образовалъ огромный узелъ; кромѣ того былъ еще поясъ изъ бѣлаго крепа съ шелковымъ узоромъ. Вотъ полное описаніе убора японской дѣвушки. Не подумайте, что она принадлежитъ къ богатому сословію—нисколько,—это довольно-бѣдное семейство; но страсть къ нарядамъ развита у японскихъ женщинъ. Насъ приняли очень радушно, подали чаю, ужинъ.

Вдова нанимаетъ этотъ домъ за 50 таиловъ въ годъ, то-есть 14 руб. 50 коп.; впрочемъ это не домъ, а маленькая бесѣдка въ три комнаты, чрезвычайно чистыя. Я вспомнилъ о жилищахъ нашихъ крестьянъ соотвѣтствующаго класса, и это повело меня къ дальнѣйшимъ сравненіямъ. Кто изъ жившихъ въ Японіи не согласится, что въ образованіи, въ свободѣ, въ любви къ труду, въ опрятности, японскій простолюдинъ стоитъ гораздо выше русскаго? Я произнесъ теперь сужденіе, которое устрашаетъ меня самого; вѣроятно, многіе скажутъ, что я увлекся новыми для меня впечатлѣніями, что все, что ново, кажется лучше стараго. Я говорю, дѣйствительно, по своимъ впечатлѣніямъ, по наружнымъ оттѣнкамъ, которые успѣлъ уловить; можетъ-быть въ сущности и ошибаюсь.

Я упомянулъ объ образованіи. Здѣсь безграмотность — такая же рѣдкость, если еще не болѣе, какъ у насъ грамотность, и это несмотря на сложность и разнообразіе письменныхъ знаковъ. Каждый простолюдинъ заботится о книжномъ обученіи

своихъ дѣтей. Это знаніе, къ сожалѣнію, не приноситъ здѣсь всей своей пользы; книги, служащія для высшаго образованія — сочиненія древнихъ китайскихъ мудрецовъ; остальное, доступное народу,—собраніе пѣсенъ и религіозныхъ правилъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что даже самое обыкновенное чтеніе и письмо развиваютъ умственныя способности. Можно надѣяться, что, при ближайшемъ знакомствѣ съ Европейцами, здѣсь въ самомъ скоромъ времени заведутся журналы и сочиненія для общаго чтенія. Покуда и то важно, что, благодаря книгамъ, картамъ и другимъ чрезвычайно-дешевымъ изданіямъ, народъ получаетъ очень много общихъ знаній. Здѣсь каждый простолюдинъ разкажетъ тебѣ, не хуже бонза, основаніе своей вѣры, и это несмотря на религіозную холодность, о которой говорятъ путешественники; у насъ же, въ нашей набожной Руси, спроси любаго мужика, знаетъ ли онъ болѣе чѣмъ двѣ или три молитвы, а о догматахъ и не спрашивай. Кто-то сказалъ, что обращеніе съ женщинами можетъ служить мѣриломъ степени образованности, которой страна достигла. А что̀ напримѣръ обыкновеннѣе у насъ какъ видѣть, какъ мужикъ бьетъ свою жену? Здѣсь даже вино рѣдко доводитъ до этого. Дѣвушки получаютъ книжное образованіе наравнѣ съ мальчиками, и кромѣ того учатся разнымъ рукодѣліямъ, приличнымъ ихъ полу. Въ полевыхъ работахъ женщины участвуютъ очень рѣдко, только въ самой крайности. Вообще можно утвердительно сказать, что онѣ стоятъ здѣсь на гораздо-высшей степени чѣмъ обыкновенно думаютъ о странахъ Востока. Онѣ вполнѣ раздѣляютъ семейныя и хозяйственныя заботы. Правда, что при чужихъ, въ собраніяхъ, онѣ играютъ очень скромную роль; онѣ не садятся обѣдать съ мущинами-гостями, и даже прислуживаютъ имъ.

Чрезвычайная вольность въ разговорѣ, нескромность самихъ женщинъ, поражаютъ съ перваго взгляда и даютъ о нихъ самое превратное мнѣніе; но познакомившись съ ними, сейчасъ можно замѣтить, что это только внѣшность, подъ которою скрывается множество разныхъ добродѣтелей. Лѣтъ до четырнадцати дѣвушка пользуется привилегіями дѣтства: она работаетъ и учится грамотѣ болѣе шутя, поетъ, играетъ на *самшинѣ*, на *кото*; ея единственная обязанность носить на спинѣ маленькаго брата или племянника; къ этому и она, и ребенокъ такъ привыкаютъ, что ноша дѣлается легка и нисколько не мѣшаетъ движенію. Въ пятнадцать лѣтъ за ней смотрятъ строже, почти не выпускаютъ изъ дому; она готовитъ кушанье, шьетъ платье на всю семью, смотритъ за меньшими братьями или сестрами. Лѣтъ въ восемнадцать или девятнадцать, если она еще не вышла замужъ, въ извѣстный день она

чернитъ себѣ зубы. При этомъ она ходитъ ко всѣмъ знакомымъ съ маленькимъ котелкомъ, къ которому привязана цвѣтная бумажка; такія бумажки всегда прилагаются къ подаркамъ. Вездѣ ее поздравляютъ, *омерето*, и наливаютъ въ котелокъ каплю разведеннаго порошку; онъ дѣлается изъ желѣзныхъ опилокъ, *саке* (рисовое вино) и воды. Вернувшись домой, она натираетъ себѣ зубы сперва бѣлымъ порошкомъ, потомъ этимъ растворомъ, отчего они дѣлаются черны и блестящи. Къ этому обыкновенію, какъ оно ни странно, ни уродливо, можно привыкнуть, и даже найдти, что оно скрываетъ многіе недостатки лица, придаетъ ему нѣкоторую серіозность, а иногда въ характерѣ дѣвушки производитъ счастливую перемѣну. Притомъ, основаніе его очень нравственно: невѣста, черня себѣ зубы наканунѣ свадьбы, такъ сказать, отрекается отъ міра, предается вполнѣ и исключительно своему мужу. Послѣ всего этого остается сожалѣть о томъ, что репутація молодой дѣвушки не цѣнится здѣсь какъ должно, и вольность въ обращеніи съ мущинами не осуждается обычаями. Можно надѣяться, что христіянство, когда оно проникнетъ сюда, исправитъ это и дастъ новую силу любви материнской, любви супружеской, любви братней и сыновней, которыя и теперь обнаруживаются такъ часто и трогательно. Много ошибаются тѣ, кто осуждаютъ японскихъ женщинъ въ безчувственности: онѣ очень впечатлительны и набожны.

Я упомянулъ о свободѣ. Въ Японіи крѣпостнаго права въ строгомъ смыслѣ нѣтъ. Поселянинъ едва знаетъ, что онъ имѣетъ господина, а этотъ господинъ живетъ далеко, онъ рѣдко его видитъ, князья не имѣютъ обыкновенія часто объѣзжать свои владѣнія. Власть ихъ распространяется черезъ толпы посредствующихъ лицъ, которыхъ подраздѣленіе и степени очень разнообразны. Эти люди, выбранные изъ разныхъ классовъ и наиболѣе изъ низшихъ, не могутъ, сколько замѣтно, поступать съ самовольствомъ нашихъ провинціяльныхъ властей; интересы хлѣбопашца тѣсно связаны съ ихъ интересами; ни одеждой (кромѣ сабли), ни понятіями, они не отличаются отъ простаго народа; они находятъ въ немъ своихъ родителей, братьевъ и друзей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ Японіи отличное обращеніе господъ съ своими слугами. Даже зажиточные поселяне платятъ своимъ работникамъ хорошее жалованье; работники, нанимаемые ими на годъ, принадлежатъ къ семейству, ѣдятъ съ нимъ съ одного стола. Что же касается до домовъ аристократическихъ, то я приведу что видѣлъ самъ въ Едо въ домахъ министровъ. Хозяинъ отдавалъ приказанія тихимъ, ласковымъ голосомъ, и когда слуга приходилъ къ нему что-нибудь доложить и низко кланялся, господинъ отвѣчалъ ему тою же вѣжливостью. Я никогда не слы-

халъ, чтобы господинъ говорилъ своему слугѣ грубо, тѣмъ менѣе билъ его. Даже слово *санъ* (господинъ) рѣдко отдѣляется отъ имени лакея.

Японцы мало привыкли къ деньгамъ. Трудно понять какъ мало онѣ нужны здѣсь для жизни. Дешевизна ли всѣхъ потребностей, или малая степень развитія, на которой стоитъ здѣсь торговля, тому причиной, не знаю. Мелкая мѣдная монета, подобно желѣзной, введенной Ликургомъ въ Лакедемонѣ, когда нравы его жителей были просты и нужды ограниченны, наиболѣе здѣсь въ употребленіи.

Каждая семья, по возможности, собственными средствами удовлетворяетъ своимъ жизненнымъ потребностямъ. Женщины прядутъ, ткутъ, шьютъ платья, мущины работаютъ въ полѣ. Духъ хозяйственности и трудолюбія, который врожденъ этому народу, служитъ ему вѣрнымъ залогомъ довольства и изобилія. Наши крестьяне даже и не попробовали бы воздѣлывать эти горы, высокія, крутыя и часто скалистыя! А Японецъ не боится препятствій, онъ раскапываетъ ихъ въ террасы, которыхъ края укрѣпляетъ камнями, выбранными тщательно со всего поля. Почва не такъ плодородна, какъ въ большей части Россіи; въ ней много глины и песчаника, но благодаря тучному навозу, которымъ Японецъ удобряетъ ее, она даетъ обильную жатву риса и пшеницы, а слѣдовательно и всякаго другаго хлѣба. Подати не разоряютъ народа, онѣ незначительны и платятся натурой.

Опрятность Японцевъ удивительная. Она особенно бросается въ глаза и производитъ пріятное впечатлѣніе при переходѣ изъ Китая, этой страны въ особенности неопрятной. Несмотря на близость двухъ народовъ, на множество соприкосновеній историческихъ и этнологическихъ, вы замѣчаете съ удивленіемъ совершенную противоположность между этими прямыми широкими улицами, всегда содержимыми въ чистотѣ, и тѣми узкими, изворотливыми, грязными, полными всевозможныхъ запаховъ и нечистотъ.

Заглянемъ въ японскую деревню. Народонаселеніе не скучивается здѣсь въ тѣсномъ селеніи; оно расходится по всѣмъ направленіямъ, долинамъ, пригоркамъ, строитъ маленькія кучки домовъ посреди зелени, цвѣтовъ и апельсинныхъ деревьевъ, и нѣтъ ничего милѣе этихъ мѣстъ. Войдите въ одно изъ этихъ жилищъ: оно похоже на бесѣдку, такъ тонка и легка его постройка; рогожки, покрывающія полъ въ гостиной (дзаски), главной и непремѣнной части каждаго японскаго дома, всегда кажутся совершенно новыми; кухня находится въ первой комнатѣ, но отъ нея нѣтъ ни запаху, ни дыма, потому что все приготовляется на угольяхъ. Сквозь тонкую бумагу свѣтъ проходитъ въ комнату обильно, а чтобы смотрѣть на дворъ, сдѣлано въ рамѣ маленькое окошечко

изъ европейскаго стекла. Во дворѣ стоитъ ванна; въ ней маленькое отдѣленіе, обитое желѣзомъ, куда кладутъ дрова, такъ что вода нагрѣвается въ самой ваннѣ; въ ней моются поодиночкѣ всѣ члены семейства. Хотя есть общія публичныя бани (которыя приводятъ въ негодованіе всѣхъ путешественниковъ, а въ сущности ничѣмъ не хуже нашихъ русскихъ), но ванна есть необходимая принадлежность всякаго порядочнаго дома.

По цыновкамъ ходятъ въ чулкахъ или вовсе безъ обуви; отъ этого онѣ и сохраняются такъ чисто. Нельзя сдѣлать Японцу большей непріятности, какъ, входя въ его домъ, пойдти по цыновкамъ въ сапогахъ. Да оно и зачѣмъ стали бы мы изъ лѣности нарушать правило, которымъ жители такъ дорожатъ? Это доказало бы только собственную нашу грубость. Такая же чистота соблюдается въ пищѣ, а въ платьѣ она доходитъ до самыхъ мелочей. Всякая нечистоплотность тѣла противна Японцу, и у мужиковъ лицо, руки, даже ноги всегда чисты, несмотря на трудныя, часто грязныя работы.

Чрезвычайная дешевизна и свобода промысла *саке́* позволяетъ каждому поселянину имѣть запасъ этого напитка у себя въ домѣ. *Саке* бываетъ разныхъ родовъ, и есть нѣкоторые очень пріятные на вкусъ. Но то, которое составляетъ необходимость на всѣхъ праздникахъ и большихъ обѣдахъ, есть кислое *саке*. Японцы, на которыхъ наши крѣпкія вина такъ сильно дѣйствуютъ, выпиваютъ однако этого *саке* большое количество. Несчастное свойство этого вина то, что оно дѣйствуетъ спустя нѣсколько часовъ, между тѣмъ какъ на вкусъ слабо. Однако, въ оправданіе народа, должно сознаться, что эта наклонность считается въ немъ большимъ недостаткомъ; молодые люди до двадцати и больше лѣтъ воздерживаются отъ него почти совершенно, а женщины и дѣвушки почти вовсе не знаютъ *саке*. Этотъ порокъ больше развитъ у пожилыхъ зажиточныхъ людей и въ низшемъ чиновничествѣ; однако онъ не составляетъ такой общей поразительной черты народа, какъ у насъ; въ высшемъ кругу онъ презирается.

Вотъ еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній. Японцы не имѣютъ бранныхъ словъ кромѣ *бака*, дуракъ, и *кунцукусе*, скотина. Вѣжливость въ поклонахъ, привѣтствіяхъ, выраженіяхъ, соблюдается самымъ строгимъ образомъ какъ въ простомъ народѣ, такъ и въ высшемъ кругу. То же можно замѣтить въ словахъ *санъ*, *аната* и другихъ. Дѣвушки носятъ имена, подобныя слѣдующимъ: *Осейсанъ*, *Окаціанъ*, *Омицсанъ*, *Отакисанъ*, *Отомисанъ*. Въ нихъ должно различать три части: собственное имя, которое всегда коротко: *сей*, *кац*, *миц*, *таки*, *томи*; потомъ слово *санъ*, сокращенное изъ *самá*. Частица *о* прилагается ко всему, что̀ заслуживаетъ уваженіе, напримѣръ къ именамъ боговъ и нѣкоторыхъ предметовъ:

осякусама, *окуанонгсама*, *охисама* (солнце), *оцкисама* (луна), *оміа* (часовня), также къ глаголамъ для вѣжливости: *окаси* (покажите), *оханаси* (скажите), *оиде* (подите). Какъ замѣчательно то, что эта частица прилагается къ именамъ дѣвушекъ и женщинъ,—не мущинъ! Поступая въ такъ-называемый *чайный домъ*, дѣвушка совершенно измѣняетъ свое имя и теряетъ эту частицу уваженія и чести; таковы имена: *Асанджюсанъ*, *Мацутосисанъ*, *Вакакиносанъ*, *Камзмасанъ* и т. д. Родственники ея продолжаютъ однакоже называть ее тѣмъ же именемъ. Служанки въ этихъ домахъ, наоборотъ, сохраняютъ прежнее имя, но вмѣсто *сама* называются *донгъ*, такъ напримѣръ *Мацудонгъ*, *Такедонгъ* и т. д.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что чайный домъ есть единственное убѣжище для сиротъ женскаго пола. Дѣвочка, не имѣющая ни родственниковъ, ни средствъ къ пропитанію, должна бы умереть съ голоду, еслибы не было этихъ заведеній. Впрочемъ, не къ чести Японіи будь сказано, случается, что сами родители, прельщенные съ одной стороны сравнительно большею платой, съ другой обремененные многочисленною семьей, рѣшаются отдавать дочерей своихъ на *воспитаніе* въ эти дома. Тамъ пріучаются онѣ почти съ дѣтства къ виду разврата, и выходятъ оттуда только лѣтъ двадцати-пяти, прошедши иногда всѣ его степени.

Въ продолженіи этого времени родители пользуются выручаемыми деньгами, да и послѣ дочь служитъ имъ со всею преданностію, со всею любовью, и странно, они и не помышляютъ о сдѣланномъ ей злѣ.

Въ семействѣ родственники (ближайшіе) не называютъ другъ друга *сама*, а просто *Отаки*, *Окака*, *Кинго;* это родъ нашихъ ласкательныхъ именъ.

Однако я давно прервалъ разказъ и слишкомъ далеко втянулся въ разсужденія объ обычаяхъ и нравахъ Японцевъ. Простившись съ нашими гостепріимными хозяевами, мы пошли прогуляться по городу. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый, безподобный. Полный мѣсяцъ медленно выплывалъ изъ-за темныхъ горъ, бросая лучъ вдоль широкой и длинной улицы, еще не опустѣвшей; хороши были храмы съ своею таинственною зеленью, хорошъ заливъ, тихій и гладкій какъ зеркало. Не въ первый разъ я любуюсь этою картиной, и не могу налюбоваться, такъ она хороша.

7 (19) апрѣля. Небо сѣро. Дождь принимался идти нѣсколько разъ и теперь льетъ какъ изъ ведра; но это теплый, лѣтній дождь, отъ котораго вѣетъ грибами и ароматами цвѣтовъ. Природа идетъ быстро впередъ. Кусты азалій, которыхъ множество на нашемъ дворѣ, какъ вездѣ, алѣютъ кистями безподобныхъ цвѣтовъ. Вчера я нарвалъ букетъ розъ съ очень-

хорошимъ запахомъ. Пшеница стоитъ въ колосѣ. Но съ тепломъ появились злые комары и кусаютъ очень больно.

8 (20) апрѣля. Прескверная погода, весь день проливной дождь и жестокій вѣтеръ отъ SO утромъ, и потомъ отъ NW. Я не выходилъ изъ дому весь день.

12 (24) апрѣля. Свѣтлый праздникъ, Христосъ воскресъ! Многимъ я говорилъ эти священныя слова и со многими обнимался, а все хочется говорить и обниматься. Сказалъ бы знакомымъ Японцамъ, да они не повѣрятъ. Чувствую, что кого-то не достаетъ, кому бывало такъ радостно сказать это, поздравить и обнять. Какъ далеко они всѣ! Скоро ли я ихъ увижу?

Заутреня была отслужена очень торжественно. На японской землѣ, въ христіянскомъ храмѣ, было произнесено слово спасенія людей. Когда-то произносилось оно здѣсь въ послѣдній разъ! Мы, право, совершили великое дѣло. Думаютъ ли Японцы о его важности? Многіе изъ нихъ присутствовали при нашемъ богослуженіи; кажется, оно произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе. Эти иконы и алтарь въ кущѣ цвѣтовъ и зелени, это пѣніе, это шествіе со свѣчами и запертыя двери, все должно было показаться важнымъ и торжественнымъ; а эта общая радость, въ которой старшіе и младшіе, начальники и подчиненные, сливались въ одно общество вѣрующихъ, и, забывая различіе состояній, цѣловались и обнимались какъ братья... Не должны ли они были почувствовать превосходство религіи, уравнивающей такимъ образомъ богатаго и бѣднаго, господина и слугу, начальника и подчиненнаго?

Но что̀ они подумали, когда увидѣли нашихъ людей, перепившихся послѣ розговѣнья? Для предупрежденія безпорядковъ назначены были караулы и обходъ; кромѣ того, на фрегатѣ, для присмотра за находящимися тамъ людьми, велѣно оставаться одному изъ насъ для дежурства съ однимъ изъ офицеровъ. Мнѣ досталось сегодня. Я не жалѣлъ объ этомъ, потому что погода была не хороша.

13/25 апрѣля. Послѣ обѣда мнѣ удалось размѣнять золото на доллары, и я съ Е. отправился въ Нагасаки. Мы провели время очень пріятно, не истративъ ни копѣйки денегъ. Купецъ Икесе, продающій намъ сабли, уже давно приглашалъ насъ къ себѣ. Всѣ офицеры у него бывали и хвалили его гостепріимство и квартиру. Сегодня мы обѣщали придти къ нему, съ условіемъ только, чтобъ онъ не приготовлялъ намъ обѣда, потому что мы и безъ того будемъ сыты. Зная, что домъ его находится въ Кодзія-мачи, одной изъ лучшихъ улицъ города, мы безъ труда нашли его.

Его жилище состоитъ изъ двухъ небольшихъ домиковъ о двухъ этажахъ; въ первой комнатѣ разложены для продажи всевозмож-

ныя обиходныя мелочи: трубки съ футлярами и мѣшечками для табаку, бумажники, чашечки и пр. Далѣе небольшая комната, наполненная оружіемъ; здѣсь можно видѣть все, что̀ двѣсти лѣтъ тому назадъ Японцы употребляли въ войнѣ съ Китайцами: сабли всѣхъ родовъ и размѣровъ, тяжелыя пищали, хорошія ружья новѣйшаго устройства, луки и двое латъ со шлемами; однѣ изъ нихъ стальныя, другія кожаныя, сто́ятъ первыя 90, а вторыя 50 рублей серебромъ. Эта комнатка сдѣлала бы честь любому музеуму, тѣмъ болѣе кабинету, но какъ магазинъ, она слишкомъ мала и скромна. Оружіе это приготовляется работниками купца во второмъ этажѣ того же дома; туда привозятъ готовые клинки изъ другаго дома, и на нихъ насаживаютъ рукоятки. Одинъ наклеиваетъ на нихъ рыбью чешую, другой выдѣлываетъ украшенія, третій обматываетъ шелкомъ; словомъ, полное раздѣленіе труда.

Небольшая комнатка во второмъ домѣ, куда насъ провели, кажется, назначена для пріема Европейцевъ; тамъ стоялъ столъ съ двумя графинами и нѣсколько скамеекъ. Впрочемъ, эта комнатка заслуживаетъ болѣе вниманія, какъ необходимая часть японскаго дома: въ ней помѣщается *міа*, домашняя часовня. Это домикъ на комодѣ. Въ комодѣ разныя мелкія принадлежности часовни: подсвѣчники, подносики и чашечки для приношенія жертвы, то-есть рису, вина, лепешекъ и пр. Въ домикѣ сидитъ или стоитъ деревянный идолъ бога, подъ покровительствомъ котораго находится домъ и семейство. Идолъ сдѣланъ очень чисто и изящно. Передъ нимъ курятся душистые фитильки, стоятъ по обѣимъ сторонамъ цвѣты въ вазахъ, свѣжіе или искусственные, подносики съ приношеніями. Дверцы домика—тонкая позолоченная рѣшетка. Передъ часовней, подъ потолкомъ, виситъ металлическая тарелка, по которой молящійся ударяетъ угломъ, висящимъ на длинной лентѣ. На полу подъ нею лежитъ бронзовая чашка съ палочкой изъ особаго крѣпкаго дерева и пустая шарообразная деревянная фигура, покрытая краснымъ лакомъ и позолоченная; возлѣ нея тоже палочка съ кожаною шишкой. Во время молитвы, хозяинъ стоитъ на колѣняхъ передъ часовней, перебираетъ на рукахъ четки, читаетъ нараспѣвъ молитвы, и отъ времени до времени ударяетъ то по бронзовой чашечкѣ, то по красному барабану, лежащимъ на подушечкахъ изъ лиловаго крепа. Эти двѣ вещи такъ же необходимы при богослуженіи, какъ самая часовня въ японскомъ домѣ; поэтому я попросилъ Икесе достать мнѣ ихъ, что̀ онъ и обѣщалъ.

По стѣнкамъ комнаты сверху сдѣланы полки съ дверцами, задвигающимися какъ шкапъ. Тамъ я нашелъ нѣсколько связокъ разноцвѣтныхъ продолговатыхъ бумагъ. Я спросилъ объ ихъ упо-

требленіи; мнѣ сказали, что на нихъ пишутъ стихи и изреченія въ родѣ тѣхъ, какъ на вѣерахъ. Вотъ, напримѣръ, что написалъ мнѣ Накаяма на двухъ вѣерахъ, которыхъ онъ далъ мнѣ на память:

«Умный человѣкъ говоритъ о вещахъ, которыя онъ видѣлъ, знаетъ, и которыя полезны, а не о тѣхъ, которыя онъ не видалъ, не знаетъ, или которыя безполезны.»

«Хорошій гражданинъ исполняетъ добросовѣстно свои обязанности. Хорошій слуга посвящаетъ всю жизнь своему господину.»

Уставши сидѣть и разговаривать, мы вышли въ небольшой садикъ за домомъ. Какая прелесть эти уголки въ японскихъ жилищахъ! У насъ, напримѣръ, лакеи не упустили бы случая употребить ихъ на помойныя ямы, на склады сора и грязи; тутъ валялись бы разныя корки, бумажки. Не бойтесь найдти это здѣсь; каждый закоулокъ, каждый футъ между двумя стѣнками, между заднею стѣной дома и горой, представляетъ миніатюру сада въ китайскомъ вкусѣ; вотъ, напримѣръ, мѣстечко, гдѣ ступить трудно: голо, глазу непріятно; западя туда щепка, соринка, Японецъ скажетъ *іоссодси*,—поэтому онъ непремѣнно посадитъ туда какое-нибудь круглолиственное водяное растеніе изъ породы кувшинокъ, и мѣстечко занято, зелено, и соръ уже туда не попадетъ, потому что неопрятность сама бѣжитъ прочь оттуда, гдѣ такъ хорошо. Гдѣ пространство немного побольше, тамъ навѣрное найдете у подошвы дикой скалы съ кедромъ прудъ съ золотыми рыбками; тутъ, возлѣ пальмы, нѣсколько цвѣтовъ и травъ; нѣсколько нитей аароновой бороды и пр. Всеэто не болѣе двухъ саженей въ поперечникѣ.

За домомъ Икесе, какъ вообще за всѣми домами Нагасаки, выстроена возвышенная площадка съ наметомъ; тамъ хозяинъ отдыхаетъ, любуется живописными окрестностями, смотритъ на суда, приходящія въ заливъ. Радушный хозяинъ, замѣтивъ, что мы все осмотрѣли въ его домѣ, предложилъ намъ прогуляться по городу. Пошли въ храмъ бога *Амида-сама*. Храмъ огромный и прекрасный, къ нему ведетъ широкая лѣстница, на которой мы встрѣтили много народу, возвращавшагося изъ храма. Женщины были очень нарядны, потому что сегодня праздникъ этого бога. Осмотрѣвъ храмъ, мы вошли въ гостиную бонзовъ; тамъ подали намъ чаю и конфетъ. Это мѣсто прекрасно, весь городъ какъ на ладони. Побесѣдовавъ съ стариками-бонзами, мы спустились внизъ, гдѣ занялись осматриваніемъ надгробныхъ памятниковъ.

Вечеръ провели у нашего знакомаго Ямаири. Хорошенькій Кингосанъ и сестра его позволили намъ снять ихъ силуеты, которые удались довольно хорошо; потомъ мы сняли также ихъ

маленькія ручки. Говорилъ ли я уже о ручкахъ и ножкахъ Японокъ? онѣ дѣйствительно заслуживаютъ удивленія; оттого ли, что Японки сами меньше Европеекъ ростомъ, но у нѣкоторыхъ дѣвушекъ, лѣтъ девятнадцати и двадцати, сравнительно даже высокихъ, можно видѣть ручку не болѣе какъ у восьмилѣтняго ребенка, и притомъ бѣлую и полную сколько нужно для совершенной ея прелести. То же можно сказать и о ножкахъ, и малость ихъ не искусственная, какъ въ Китаѣ, и потому не уродливая; напротивъ, не сжатыя обувью, онѣ получаютъ полное развитіе, и природа формируетъ ихъ по своему лучше чѣмъ узкіе башмачки нашей моды.

$^{14}/_{26}$ *апрѣля*. Сегодня мы получили отъ экипажа американскаго парохода *Миссиссипи* приглашеніе на театръ, который будетъ представленъ матросами; обѣщаемъ себѣ веселиться. Въ ожиданіи же, опять гуляли и видѣли много новыхъ интересныхъ вещей, о которыхъ не могу говорить, потому что боюсь опоздать на почту. Сегодня пришелъ сюда финляндскій трехмачтовый китобой *Графъ Бергъ*. Онъ пришелъ изъ Гонолулу, и капитанъ его разказываетъ чудеса объ этихъ островахъ; общество, говоритъ, очень образованное, на первомъ мѣстѣ стоятъ местицы, а потомъ уже чистые Европейцы; портъ и городъ снабжены всѣмъ нужнымъ, страна прекрасная, есть верховыя лошади; однимъ словомъ, стоянка, лучше какой желать нельзя. Оттуда буду можетъ-быть писать.

Мы снялись съ якоря въ четвергъ, 25 іюня, провожаемые добрыми пожеланіями жителей, съ которыми такъ мирно и счастливо провели девять мѣсяцевъ, съ помощію которыхъ исправили фрегатъ и сдѣлали его годнымъ для моря. Погода, какъ нарочно, послѣ продолжительныхъ дождей, сдѣлалась въ этотъ день прекрасною, и живописныя горы, которыми мы не устали любоваться цѣлые девять мѣсяцевъ, показались намъ въ лучахъ утренняго солнца еще зеленѣе, еще волнистѣе, еще лучше, чѣмъ когда мы увидали ихъ въ первый разъ послѣ жалкаго Китая. Однако, стоявшій до того времени сѣверный вѣтеръ, который быстро перенесъ бы насъ черезъ Японское море, на нашу бѣду стихъ, а на слѣдующій день, когда мы, обогнувъ южную оконечность острова Гота, должны были взять курсъ N, онъ сдѣлался прямо противенъ. Къ вечеру онъ началъ быстро свѣжѣть, и мы принуждены были взять четыре рифа у марселей и спустить брамъстеньги на палубу. Пять дней сряду лавировали мы сначала съ свѣжимъ, потомъ съ тихимъ NO-ымъ вѣтромъ, и, дѣлая иногда не болѣе 20 миль впередъ, прошли въ это время группу острововъ Вото, составляющую одно изъ феодальныхъ княжествъ

Японіи, проливъ Корейскій между полуостровомъ Кореей и островомъ Цуссимой, наконецъ $^{3}/_{15}$ іюля съ вѣтромъ отъ SW добрались до острова Оки, сдѣлавъ въ послѣднія сутки 114 миль. ($^{5}/_{17}$ праздновали мы день Радонежскаго чудотворца, священникъ нашъ отслужилъ для меня молебенъ и панихиду). Наконецъ 6-го вечеромъ стали мы на якорь въ бухтѣ Хакодаде, гдѣ ожидали насъ два корвета (*Рында* и *Гридень*) отряда Попова и клиперъ *Пластунъ*.

Мы предполагали, простоявъ съ недѣлю и. запасшись всякаго рода провизіей, идти на Сандвичевы острова.

Вышло иначе. Въ Хакодаде ожидало насъ письмо отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, графа Муравьева-Амурскаго, съ весьма-вѣжливымъ предложеніемъ присоединиться къ его эскадрѣ, чтобъ идти вмѣстѣ въ Едо. Разчитавъ, что мы во всякомъ случаѣ ранѣе весны 1860 года не придемъ въ Россію, и что придется зимовать гдѣ-нибудь въ Европѣ, капитанъ согласился на это предложеніе, и мы остались ожидать графа. Онъ между тѣмъ кончалъ дѣла въ Печили, по предмету пріобрѣтенія бухты Пасьеты. 21-го онъ возратится, и перенесъ свой флагъ на фрегатъ, а 25-го утромъ мы снялись съ якоря. На пути изъ Хакодаде въ Едо, который мы противъ всякаго ожиданія совершили въ десять дней (очень долго), мы вынесли ураганъ, но къ счастію не имѣли поврежденій. $^{5}/_{17}$ августа мы пришли изъ Канагавы въ Едо въ числѣ шести судовъ, и стали здѣсь на якорь въ шести миляхъ отъ города. На дняхъ пришелъ клиперъ *Джимти*, да еще мы ждемъ 3 корвета, 1 клиперъ и 1 шкуну. Всего-на-все будетъ въ этомъ заливѣ 13 судовъ подъ русскимъ флагомъ.

Цѣль экспедиціи—пріобрѣсти отъ Японіи небольшую южную часть Сахалина съ бухтой Анина, которая принадлежитъ ей съ прошлаго столѣтія. Сѣверная часть острова, какъ извѣстно, принадлежитъ Россіи, и тамъ добываютъ теперь очень хорошій каменный уголь.

Графъ потребовалъ, чтобъ японскіе полномочные явились первые къ нему съ визитомъ. Четыре дня объ этомъ спорили, губернаторы и вице-губернаторы ежедневно пріѣзжали на фрегатъ. Наконецъ графъ принялъ губернаторовъ, и ласковое обхожденіе его, кажется, ихъ ободрило и привлекло. На слѣдующій день прибыли полномочные. Ихъ постарались принять со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Ихъ пригласили въ каюту. Съ двумя полномочными, изъ которыхъ одинъ былъ очень старъ, была большая свита важныхъ чиновниковъ. Изъ нихъ пятеро остались въ кормовой каютѣ адмирала (мы такъ называемъ графа по морской привычкѣ). Другихъ И. С. повелъ въ столовую обѣдать.

Мнѣ пришлось быть переводчикомъ. Разговоръ начался, безъ сомнѣнія, привѣтствіями и всякими вѣжливостями, потомъ перешелъ, какъ водится, къ погодѣ, къ позднему приходу пышной джонки на фрегатъ, вслѣдствіе вѣтра и теченія, къ кушаньямъ, говядинѣ, къ которой Японцы понемногу привыкаютъ, къ тостамъ за здоровье императоровъ и присутствующихъ; это заняло все время, и полномочные попросили отпустить ихъ до сумерекъ. Поэтому принялись за объясненіе причины прихода графа. «По послѣднимъ трактатамъ съ Китаемъ, началъ секретарь г. Б. Б.,—*in order to maintain the friendly relations*,—берега Амура *возвращены* Россіи. Рѣка эта называется кно-китайски *Сахалинъ-Ула*, поэтому, *of course*, и островъ Сахалинъ принадлежитъ Россіи.»

Но Японцы видимо не хотѣли приниматься за это дѣло. Сановники японскіе, не привыкшіе къ вину и всегда очень умѣренные, вѣроятно считали преступленіемъ начинать дѣло, столь важное для ихъ государства, чувствуя мысли свои отуманенными хотя бы и слегка парами шампанскаго. Передъ уходомъ полномочныхъ, графъ предложилъ имъ подарки, которые состояли въ часахъ столовыхъ и карманныхъ. Несмотря на ночь, полномочныхъ проводили общимъ салютомъ.

На слѣдующее утро, $^{10}/_{22}$ августа, на фрегатѣ все пришло въ движеніе. Матросы чистили оружіе, вѣстовые—парадные мундиры; я примѣрялъ флагъ, который мнѣ должно было нести какъ въ прошломъ году. На этотъ разъ входъ русскаго посланника въ столицу Японіи былъ далеко не то, что скромное путешествіе графа Путятина. Съ утра отвалили шлюпки съ карауломъ и офицерами изъ Канагавы въ Едо. Въ 12 часовъ пошелъ и адмиральскій катеръ, со мной на носу и блестящими чинами въ кормѣ. Мы пристали къ пароходу *Америка*, гдѣ ожидали офицеры всѣхъ судовъ эскадры (на каждомъ осталось ихъ только по двое). *Аскольдъ* салютовалъ, когда катеръ отвалилъ отъ борта; въ то же время всѣ суда расцвѣтились флагами, люди разбѣжались по реямъ и крикнули *ура!* Лишь только адмиралъ поднялся по трапу парохода, *Америка* снялась съ якоря, ведя на буксирѣ 18 катеровъ и вельботовъ. Но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пяти фортовъ, она должна была бросить якорь, потому что малая глубина не позволяла идти далѣе. Шлюпки отвалили одна за другою, а послѣ всѣхъ адмиральскій катеръ, чтобы дать время офицерамъ собраться и построиться на пристани до пріѣзда графа. Въ улицѣ ожидалъ его батальйонъ изъ трехъ сотъ матросовъ, составлявшихъ почетный караулъ. Полковникъ, въ красныхъ лацканахъ и папахѣ, съ саблей на-караулъ, важно маршировалъ передъ фронтомъ на встрѣчу графа. Поздоровавшись съ нимъ и отдавъ честь флагу,

графъ сѣлъ на приготовленную лошадь, и шествіе двинулось. Впереди шли японскіе *гремушники*, потомъ японскіе чиновники въ норимонахъ, за ними флагъ, то-есть я, съ ассистентами, собранными изъ воспитанниковъ эскадры, потомъ музыканты, караулъ, въ центрѣ графъ съ штабомъ изъ 40 человѣкъ верхомъ, потомъ свита, около 70 офицеровъ пѣшкомъ и 6 или 8 разночинцевъ, то-есть отецъ Аввакумъ, литераторъ, секретари и пр., въ норимонахъ. Шествіе заключалось опять-таки гремушниками, очень полезными въ подобныхъ случаяхъ.

Помня, что мы не на Марсовомъ полѣ, а просто въ японскомъ городѣ, и что высшее начальство далеко, мы, передовые, не слишкомъ стѣсняли себя вытягиваніемъ носка, то-есть разговаривали, смѣялись, смотрѣли по сторонамъ. Мы проходили между двухъ стѣнъ народа. Тутъ было все, что̀ можетъ представить населеніе японскаго города: мелкіе чиновники, бонзы съ бритою головой, четками на рукѣ и малиновымъ или зеленымъ платкомъ на черной креповой рясѣ, нагіе или почти нагіе работники съ сильными мускулами и загорѣлою кожей, продавцы въ сѣрыхъ халатахъ съ чернилицей и вѣеромъ за поясомъ; не рѣдко изъ-за этой толпы мущинъ выглядывали лукаво и хорошенькія, кокетливо причесанныя женскія головки, судившія насъ вѣроятно не менѣе чѣмъ и мы судили ихъ между собою. Пожилыя женщины, держа за руку ребенка, показывали ему другою рукой, какъ бываетъ на картинахъ, на нашу нестройную толпу. Право, весело было идти подъ музыку, то-есть, подъ грохотъ восьми барабановъ и горновъ, немилосердо звучавшихъ всѣ марши и бои фрегатскаго репертуара. Верховыя лошади были превосходные, особенно та, на которой сидѣлъ графъ; не даромъ, нѣсколько дней сряду, японскимъ чиновникамъ повторяли, что лошадь своими качествами должна соотвѣтствовать высокому сану сѣдока, то-есть быть почти идеальной красоты. Къ нашему счастію, недолго пришлось идти. Послѣ трехъ поворотовъ, мы спустились по небольшому каменному трапу во дворъ храма Дэй-дзю-дзи, отведеннаго для графа. Тамъ встрѣтили его два *губернатора иностранныхъ дѣлъ*. Храмъ какъ и всѣ японскіе храмы и дома: комнаты безукоризненной чистоты, свѣтлы и обширны; дверь и крыша массивны; у входа съ большимъ вкусомъ поставлены нѣсколько кадокъ и горшковъ съ деревьями, полы покрыты цыновками, стѣны всѣ бумажныя, садикъ очень милъ, съ часовенькой, съ священными красными воротами, съ низкими, искусно изуродованными кедрами, лужей съ золотыми рыбками, съ бананами и пальмами. Въ большой комнатѣ, *дзяськи*, подали намъ японскій обѣдъ отъ тайкуна. Такъ какъ мебели было очень мало, то вся наша толпа, кромѣ самыхъ старшихъ, разсѣлась, развалилась, растя-

нулась въ самыхъ причудливыхъ и неловкихъ положеніяхъ на чистыя, новыя цыновки, которыя мы скоро обратили въ грязныя. Воображаю, съ какимъ содроганіемъ смотрѣли прислужники и якунины на то, какъ кто-нибудь, не научившись управляться палочками, бралъ кусокъ арбуза двумя пальцами, или ѣлъ не очищенную грушу, или ронялъ что-нибудь на цыновку. Многимъ понравился японскій обѣдъ; это меня радовало, потому что мнѣ онъ тоже очень нравится; другіе увѣряли, что они ѣсть ничего не могутъ, и я считаю это аффектаціей или отсутствіемъ вкуса. Графъ поселился на своей квартирѣ съ секретарями, полковникомъ и нѣкоторыми другими. Мы вернулись домой. Къ вечеру вѣтеръ засвѣжѣлъ; на слѣдующее утро онъ превратился въ жестокій ураганъ, продолжавшійся до вечера $^{12}/_{24}$, когда опять стихло и сдѣлался штиль. Ураганъ прошелъ для насъ не даромъ: мы потеряли лучшую нашу шлюпку, капитанскій катеръ, стоявшій за кормой. За ураганомъ пошли штили и совершенно ясная жаркая погода (30 и болѣе градусовъ Реом.), продолжающаяся и до сихъ поръ, 21 августа (2 сентября). Ежедневно отправляются шлюпки на берегъ, какъ ни далеко мы стоимъ отъ него; многіе изъ нашихъ, кому дѣлать нечего, живутъ на берегу. Мнѣ случилось быть тамъ нѣсколько разъ, и я въ точности изучилъ дорогу отъ пристани до графской квартиры; знаю каждую лавку, гдѣ продаются костяныя и деревянныя фигурки, называемыя *недзуки*, на которыя у насъ пошла большая мода; еще болѣе тѣ, гдѣ разложены, какъ въ Милютиныхъ лавкахъ на Невскомъ, самыя привлекательныя груши, виноградъ и арбузы; знаю каждый столикъ съ золочеными блюдцами, въ которыхъ дѣвушка или женщина подастъ тебѣ, если попросишь, студеной воды напиться,—очень человѣколюбивое даровое заведеніе, встрѣчающееся на каждомъ шагу; знаю, чуть что не въ лицо, каждаго пестраго погремушника, считающаго долгомъ провести иностранца черезъ свою часть улицы, отъ воротъ до воротъ, и потомъ, вѣжливо поклонившись, сдать его на руки слѣдующему погремушнику; знаю также двухъ маленькихъ паяцовъ, въ фантастическихъ костюмахъ, съ шляпами изъ черныхъ и красныхъ перьевъ, ломающихъ камедь на улицѣ. Но до сихъ поръ мнѣ только одинъ разъ удалось быть въ городѣ по собственной надобности и погулять вдоволь. $^{16}/_{28}$ утромъ собрались мы большою компаніей, до 20 человѣкъ, ѣхать верхомъ. Съ нами было четверо японскихъ чиновниковъ. Лошади на этотъ разъ были очень хороши; онѣ мельче нашихъ русскихъ, но всѣ части тѣла у нихъ совершенно пропорціональны, а сила и неутомимость ихъ доказывается тѣмъ, что мы сдѣлали въ этотъ день приблизительно 50 верстъ съ малыми отдыхами, и почти все рысью; но представьте, при каждой лошади былъ

проводникъ, бѣжавшій сзади, когда пускали лошадь скорѣе, и потомъ догонявшій ее. Это насъ стѣсняло, жаль было мучить этихъ честныхъ и услужливыхъ людей. Мы проѣхали городъ во всю длину его, и потому мнѣ удалось прибавить нѣсколько новыхъ подробностей къ понятію, которое я о немъ составилъ. Улицы, гдѣ тянутся одинъ за другимъ длинные клѣтчатые, бѣлые, рельефомъ на сѣромъ фонѣ, княжескіе дома, окруженные неширокими канавками, на случай пожара, проложены по стрункѣ, длинны, широки, прямы, уединенны; мостовыя въ нихъ прекрасныя, но нѣтъ ни лавокъ, ни народу, ни малѣйшаго шума. Изрѣдка поднимется ставня, повернется рѣшетка, и изъ-за каменной стѣны въ окно выглянетъ хорошенькое личико молодой затворницы, смѣющейся и румянящейся въ своей тюрьмѣ. До сихъ поръ массивныя дубовыя, чисто барскія ворота заперты для иностранцевъ. Мы не знаемъ ничего изъ того, что̀ было бы такъ интересно знать въ семейной жизни японской аристократіи, и чѣмъ болѣе удается нескромному глазу проникать внутрь этихъ пышныхъ, обширныхъ дворцовъ, гдѣ содержатся семейства всѣхъ князей и губернаторовъ Японіи, тѣмъ болѣе возрастаетъ любопытство. Сквозь полуотворенную калитку видѣлъ я толпу суетившихся слугъ и якуниновъ; флигеля и другіе дома, окружающіе главный corps de logis, населены дворней, напоминающею многочисленностью своею бытъ нашихъ древнихъ боаръ; за домами тянутся огромные сады или парки, о красотѣ которыхъ говорятъ высокія тѣнистыя деревья, но они окружены высокою каменною оградой съ рогатками, а у воротъ стоитъ княжескій якунинъ, готовый кинуться и дѣйствовать саблей, если слова будутъ недостаточны, чтобъ остановить любопытнаго. Другія улицы отступаютъ нѣсколько отъ правильности княжескихъ, но тѣмъ не менѣе онѣ широки и хорошо вымощены; въ нихъ дома другаго вида, болѣе деревянные, двухъ-этажные, съ тесовою или черепичною крышей. Очень много домовъ изъ чернаго камня, прекрасно отполированнаго и похожаго съ виду на мраморъ; въ нихъ одно или два небольшія окна, наверху, съ желѣзною рѣшеткой. Впрочемъ, это не тюрьмы, а сохранныя кладовыя на случай пожара. Бездна лавокъ и вывѣсокъ самыхъ разнообразныхъ по шрифту—вотъ главная характеристическая черта этихъ улицъ. По обѣимъ сторонамъ, на мѣстѣ троттуаровъ, разставлены лабазы съ фруктами и всякою обиходною мелочью. Въ лавкахъ очень красиво развѣшены футляры съ трубками и табакомъ, тыквы, бутылки, картинки, *недзуки*, платки и проч. и проч. Замѣчательна обширность книжной торговли. Эти улицы всегда полны народомъ, и при проходѣ иностранца мгновенно составляются густыя толпы. Экипажей на подобіе нашихъ въ Едо нѣтъ, но

безпрестанно встрѣчаются богатые норимоны, въ которыхъ сидитъ какой-нибудь важный чиновникъ или дама, или наконецъ ребенокъ; носильщики чисто одѣты; вокругъ норимона и за нимъ идутъ человѣкъ шесть или восемь, иногда болѣе, якуниновъ или простыхъ лакеевъ съ ящиками. То же замѣчается и при всадникахъ. Сѣдла удобны и богаты. Простой народъ ходитъ пѣшкомъ, но часто случается видѣть, что больнаго или старика несутъ въ *канго*, бамбуковой постелѣ или сидѣніи, висящемъ на коромыслѣ. Я уже говорилъ, что для предупрежденія большихъ дракъ или для поимки воровъ и тому подобнаго, улицы эти раздѣлены на небольшія части массивными деревянными воротами, при которыхъ на крышѣ ближайшаго дома устроена небольшая каланча.

При каждой части улицы находятся два сторожа или погремушника. Это, я нахожу, преумное заведеніе, и даже необходимое при густомъ народонаселеніи. Объѣхавъ весь городъ, мы остановились въ храмѣ Асакуса, гдѣ были въ прошломъ году. Пообѣдавъ тамъ, мы поѣхали въ деревню Оодзи, лежащую въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Едо. Намъ пришлось скакать по прекрасной дорогѣ, между огромныхъ садовъ, дворцовъ и храмовъ. Это была безподобная прогулка. Оодзи или Оонія, или еще Эбія — премилое мѣсто. Мы нашли тамъ старыхъ знакомыхъ, которые очень рады были насъ видѣть. Только ночью удалось намъ вернуться на фрегатъ. Всѣ устали, но не могли нахвалиться прогулкой. У меня была хорошая лошадь и сѣдло; я даже помирился съ японскими стременами.

$^{14}/_{26}$ августа пришло изъ Канагавы страшное извѣстіе, сильно взволновавшее наше общество Русскихъ. Наканунѣ былъ посланъ туда за провизіей баркасъ съ корвета *Гридень*, на немъ два офицера. Деревня Іокогоама, гдѣ намъ позволено было гулять въ прошломъ году, теперь сдѣлалась европейскимъ городомъ. Вечеромъ мичманъ (гвардейскій) Мофетъ, съ двумя людьми и мѣшкомъ долларовъ, шелъ къ пристани, какъ вдругъ на нихъ напали спереди и сзади нѣсколько Японцевъ. Стемнѣло, на улицѣ никого не было. Мофетъ успѣлъ только закричать «берегись» и упалъ изрубленный, но еще въ памяти; бывшаго съ нимъ матроса зарубили на мѣстѣ; третій, лакей А. А. Попова, кинулся бѣжать. За нимъ погнались трое чевовѣкъ съ саблями и, когда онъ стучался въ первый попавшійся домъ, нанесли ему рану въ руку. Однако онъ успѣлъ запереться. Хозяинъ дома вышелъ къ ломившимся въ дверь разбойникамъ, и погрозилъ имъ своею саблей. Вотъ какъ разказывалъ это Александръ, лакей Попова. На мѣсто преступленія первыми изъ Европейцевъ пришли капитанъ американской шкуны, англійскій консулъ и второй офицеръ, Ови-

новъ, съ гребцами; они нашли уже собравшуюся толпу Японцевъ, старавшихся подать помощь раненому. Мофетъ былъ въ полной памяти, и еще не зналъ своего отчаяннаго положенія. Грудь и спина его были такъ разсѣчены, что всѣ внутренности открылись. Его отнесли на цыновкахъ въ домъ Лореро, англійскаго консула. Онъ умеръ черезъ три часа. Александръ все еще былъ спрятанъ у спасшаго его Японца; его взяли оттуда и перевязали. Рана его оказалась не опасна.

Эти печальныя новости узнали мы на слѣдующее утро отъ японскихъ чиновниковъ, присланныхъ отъ губернатора Канагавы съ письмомъ Овинова и увѣреніемъ въ томъ, что онъ, губернаторъ, вполнѣ раздѣляетъ нашу печаль, и принялъ всѣ мѣры для отысканія виновныхъ; покуда отъ него нельзя было и требовать болѣе. Но что̀ было причиной убійства, вотъ вопросъ, до сихъ поръ (22 августа) не разрѣшенный и различно перетолковываемый всѣми. Иные говорятъ, что это была политическая мѣра японскаго правительства; другіе обвиняютъ партію князей, которая постоянно враждуетъ съ правительствомъ и реформой; третьи видятъ въ этомъ обыкновенное убійство вслѣдствіе корысти, что̀ и доказывается отчасти пропажей денегъ. Въ томъ, другомъ или третьемъ случаѣ, всѣ мы знаемъ, что удовлетвореніе необходимо; но каково оно должно быть, и до какой степени можетъ допустить его благоразуміе, вотъ чего никто не можетъ рѣшить. Три наши судна стояли до сего дня въ Канагавѣ подъ начальствомъ Попова, чтобъ изслѣдовать это дѣло, и до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано. Японцы, то-есть губернаторъ, медлятъ по своему обыкновенію, а можетъ-быть и съ цѣлью, увѣряютъ, что ищутъ виновныхъ и выдадутъ ихъ намъ, какъ скоро найдутъ. Народъ по прежнему обходителенъ и ласковъ съ нашими. Европейцы ходятъ вооруженные, какъ слышно, и въ Нагасаки, гдѣ недавно произошли убійства по винѣ одного Англичанина. Мы въ Едо гуляемъ, ничего не дѣлаемъ, собираемъ подписку на сооруженіе часовни на могилѣ Мофета, раскупаемъ его вещи. Но завтра кончится бездѣйствіе. Эскадра наша уходитъ въ Хакодаде, графъ Муравьевъ-Амурскій тоже; клиперъ *Пластунъ* повезетъ это письмо въ Шангай вмѣстѣ съ англійскимъ курьеромъ, вѣроятно везущимъ своему правительству отчетъ о нашихъ дѣлахъ и притязаніяхъ въ Японіи. Мы простоимъ можетъ-быть еще съ мѣсяцъ въ Канагавѣ, для окончанія дѣла объ убійствѣ. Мы надѣемся на энергію И. И. С., и на его опытность въ сношеніяхъ съ этимъ народомъ. Я увѣренъ, что онъ сумѣетъ заставить губернатора выдать виновныхъ; мы казнимъ ихъ публично, и это будетъ примѣромъ и удовлетвореніемъ; такою мѣрой мы сохранимъ прежнія близкія дружественныя отношенія къ Японіи;

мы не дадимъ упасть этой популярности, которую намъ удалось пріобрѣсти вездѣ, гдѣ ни былъ фрегатъ подъ командой графа Путятина или И. С.

П. Мухановъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Въ апрѣлѣ 1860.

Въ концѣ двухнедѣльнаго моего пребыванія здѣсь, спѣшу сообщить вамъ нѣсколько художественныхъ замѣтокъ. Въ послѣдніе годы артистическія собранія Петербурга увеличились нѣсколькими замѣчательными пріобрѣтеніями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ античная статуя, нынѣ украшающая одну изъ залъ картинной галлереи Императорскаго Эрмитажа. 5-го апрѣля 1859 года, нѣкто Гвиди, искатель древностей, двадцать-пять лѣтъ производившій археологическія разысканія для извѣстнаго маркиза Кампаны, работая съ подобною же цѣлію на собственный счетъ въ виллѣ Mangani, отстоящей на четверть мили отъ Porta Borgese, близь Рима, имѣлъ счастіе открыть, на глубинѣ 10 футовъ отъ поверхности земли, статую Венеры, сдѣланную изъ паросскаго мрамора. Она была лишена головы, передней части правой руки и всей лѣвой. Эта счастливая находка побудила Гвиди продолжать свои изслѣдованія съ особеннымъ рвеніемъ, и въ самомъ дѣлѣ они увѣнчались вскорѣ блистательнымъ успѣхомъ. Раскопки обнаружили остатки небольшаго мраморнаго храма, котораго алтарь украшала статуя богини, и въ то же время найдена была голова, часть правой руки, однако не во всей цѣлости, и лѣвая, но безъ пальцевъ. Реставрація статуи была поручена профессору скульптуры въ академіи Св. Луки въ Римѣ, Ньяккерини (Gnaccherini), болѣе восьми лѣтъ реставрировавшему статуи маркиза Кампаны, и русское правительство, получивъ въ самомъ скоромъ времени точныя свѣдѣнія объ этой находкѣ, поспѣшило пріобрѣсть новонайденное сокровище античнаго рѣзца.

Самое мѣсто нахожденія этой статуи Венеры въ высшей степени замѣчательно. Вилла лежитъ на мѣстѣ славныхъ садовъ завѣщанныхъ Юліемъ Цезаремъ народу римскому. Извѣстно что Венера считалась богинею – покровительницею фамиліи Юліевъ, которая черезъ Энея и Анхиза производила свой родъ отъ этой богини. Отсюда ясно особое почитаніе, которое

воздавала эта фамилія своей родоначальницѣ. Въ роскошныхъ садахъ Цезаря ей воздвигнутъ былъ небольшой храмъ, котораго единственною богиней была она. Должно предполагать что это зданіе было воспроизведеніемъ того храма, небольшихъ размѣровъ, въ которомъ помѣщалась въ Книдѣ знаменитѣйшая изъ статуй Афродиты, созданныхъ великимъ греческимъ ваятелемъ, Праксителемъ. Книдскій храмъ былъ небольшое строеніе, собственно сооруженое для этой статуи, схожее съ храмомъ, но имѣвшее два входа, чтобъ удобнѣе было со всѣхъ сторонъ обозрѣвать это высоко художественное произведеніе. По словамъ Лукіана, это былъ ἀμφίθυρος νεώς, а не круглое зданіе, какъ выводили изъ словъ латинскихъ писателей нѣкоторые археологи. Какъ самый храмъ не былъ зданіемъ, назначаемымъ исключительно для поклоненія въ строгомъ смыслѣ, такъ и статуя книдской Афродиты, созданная Праксителемъ и прославившая этотъ городъ, не была храмовою статуей, которой воздавались божескія почести, но свободною композиціей художника, произведеніемъ его творческой фантазіи, типомъ, котораго безчисленныя варіаціи античныхъ художниковъ временъ, послѣдовавшихъ за Праксителемъ, дошли до насъ въ Венерахъ Медицейской, Таврической и новопріобрѣтенной, нынѣ находящейся въ Эрмитажѣ. Вотъ почему Книдяне, пріобрѣтя Афродиту Праксителя, поставили ее не въ одномъ изъ существовавшихъ уже храмовъ своего города, но соорудили ей, возлѣ храма Афродиты Εὔπλοια (благопріятствующей мореплавателямъ), особое зданіе, въ которомъ благочестивые могли молиться ей какъ богинѣ, а люди, понимавшіе искусство, наслаждаться ею какъ высоко-художественнымъ произведеніемъ. Это различіе между храмовою статуей (Cultbild) и свободнымъ созданіемъ фантазіи художниковъ понятно всякому, кто знакомъ съ религіозными идеями, связанными у Грековъ съ собственнымъ храмомъ (ναός) и предметами поклоненія.

Въ исторіи греческаго искусства, въ высшей степени интересно слѣдить за тѣмъ, какъ художники стремятся выразить идеи своего народа о божествѣ въ болѣе и болѣе чисто-человѣческихъ формахъ; какъ постепенно, съ теченіемъ времени, число аттрибутовъ и символовъ боговъ уменьшается въ созданіяхъ великихъ художниковъ, и возвышенный человѣческій образъ становится непосредственнымъ выраженіемъ идеи. Красота была божественный даръ, общій всѣмъ богинямъ. И Афродита обладаетъ красотой, какъ богиня, но она красива не только какъ богиня, но и какъ Афродита, какъ женщина. Красота составляетъ ея индивидуальную сущность, идею этой богини. Какъ одежда составляетъ характеристическую черту типа Геры, такъ отсутствіе всѣхъ покрововъ характеризуетъ типъ Афродиты позд-

нѣйшихъ временъ Греціи. Можно почти утвердительно сказать, что Пракситаль, жившій около 350 г. до Р. Х., впервые снялъ всѣ покровы съ этой богини. Изъ двухъ статуй Афродиты, одновременно изваянныхъ этимъ художникомъ, одну, еще покрытую одеждами, предпочли болѣе благочестивые жители острова Коса; другую, вполнѣ нагую, пріобрѣли Книдяне. Слава книдской Афродиты вскорѣ совершенно помрачила первую статую: чтобы видѣть ее, нарочно предпринимали странствія въ Книдъ. Никомедъ, царь Виѳиніи, предложилъ счастливымъ гражданамъ уплатить весь значительный ихъ государственный долгъ, если они уступятъ ему ее: они отказались. Позднѣе, она была перевезена въ Константинополь, гдѣ погибла въ пожарѣ одного дворца въ 461 году по Р. Х., а по другимъ въ 475 г.

Такимъ образомъ, хотя это геніяльное произведеніе навѣки утрачено, но память о немъ сохранилась на книдскихъ монетахъ, которыя увѣковѣчили по крайней мѣрѣ идею композиціи Праксителя. Судя по этому изображенію, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что между многочисленными античными копіями или подражаніями статуѣ Праксителя всего болѣе подходятъ къ ней, разумѣется не относительно исполненія, но по передачѣ мотива, избраннаго Праксителемъ, статуи Афродиты, одна, скрываемая въ магазинахъ Ватикана, другая, перешедшая въ мюнхенскую Глиптотеку изъ палаццо Браски. Изъ идеи книдской Афродиты Праксителя вышли и знаменитая Венера Медицейская и новопріобрѣтенная статуя Эрмитажа, хотя значительныя измѣненія въ позѣ этихъ двухъ статуй противъ позы книдской Афродиты произошли оттого, что различные художники воспользовались геніяльнымъ мотивомъ для выраженія уже совершенно иныхъ представленій. Но и послѣднія обѣ статуи не суть копіи одна съ другой, или съ одного неизвѣстнаго намъ произведенія. Напротивъ, обѣ онѣ совершенно самостоятельныя произведенія. Тотъ, кто принялъ бы новую Венеру Эрмитажа за копію съ Медицейской, весьма бы ошибся; для опытнаго глаза между ними бездна различій. Только счастливый случай дозволилъ на одно мгновеніе смертному созерцать божественную красоту Афродиты, какъ ее созерцалъ Пракситаль: никѣмъ не видимая, готовилась она сойдти въ прохладныя волны. Истинноженская стыдливость объясняетъ движеніе ея правой руки. Она не поднимала головы въ гордомъ сознаніи торжества своей красоты, и глаза ея не были обращены въ даль, чтобъ удостовѣриться не слѣдитъ ли за нею чей-либо дерзкій взоръ. Напротивъ, ея голова была обращена въ сторону и слѣдила за движеніемъ лѣвой руки, которая опускала послѣдній покровъ на стоявшій возлѣ нея сосудъ.

Божественною красотою блистало все тѣло богини, и его видѣло

только внутреннее око великаго художника. Такимъ образомъ если совершенная нагота Афродиты Праксителя находитъ полное объясненіе въ мотивѣ этого произведенія, то этотъ мотивъ совершенно исчезъ въ Венерѣ Медицейской и въ новоприобрѣтенной Венерѣ Эрмитажа. Самозабвеніе книдской Афродиты исчезло въ позѣ этихъ двухъ послѣднихъ статуй; можно даже утвердительно сказать, что творцы ихъ преднамѣренно исключили это чувство изъ мотива своихъ произведеній въ представленный ими моментъ. Оттого-то въ нихъ и исчезла вся наивность извѣстной позы этихъ статуй, что творцы жили уже въ совершенно иныя, болѣе поздніе времена, когда господствовалъ во всемъ обществѣ уже совершенно иной, болѣе грубо-чувственный духъ. Такъ повидимому совершенно незначительныя измѣненія въ композиціи наложили на эти два творенія печать совершенно иного, новаго времени, вложили въ нихъ совершенно иной смыслъ, иное содержаніе.

Наивность и безсознательность, составлявшія характеристическую черту Афродиты Праксителя, совершенно исчезли въ Венерѣ Медицейской: во всей ея позѣ высказывается сильное чувство самодовольства. Эта женщина вызываетъ на созерцаніе: она, кажется, сейчасъ готова выступить съ любою красавицей на состязаніе за призъ, назначенный въ награду красивѣйшей женщинѣ. Самая утонченная чувственность разлита во всемъ ея тѣлѣ, въ мельчайшихъ изгибахъ тѣла, вызванныхъ ея позою, въ положеніи ея рукъ, которыхъ движеніе есть кокетство въ моментъ торжественнаго сознанія собственной красоты. Если, поэтому, въ общемъ составѣ, Медицейская Венера и новооткрытая Венера, находящаяся въ Эрмитажѣ, тожественны между собою, то тѣмъ не менѣе я думаю, что послѣдняя статуя нѣсколько ближе подходитъ къ идеалу, созданному Праксителемъ чѣмъ Медицейская. Въ ней болѣе наивнаго чувства чѣмъ въ твореніи Клеомена; красота ея совершенно иная чѣмъ красота Венеры Медицейской. Это совершеннѣйшая женская красота, но еще не вполнѣ созрѣвшая, и въ этихъ недозрѣвшихъ очертаніяхъ женскаго тѣла лежитъ вся дѣвственная грація этого произведенія. Любопытныя параллели между наклоненіемъ ея торса и торса Венеры Медицейской и другихъ статуй, въ схожихъ позахъ, между формами ея тѣла, пропорціями головы, уборкою волосъ, чертами лица, и т. д., съ сейчасъ-названными произведеніями, должны еще глубже посвятить насъ въ тайны античнаго искусства, и привести къ новымъ соображеніямъ, столь важнымъ, какъ для пониманія его созданій, такъ и для эстетики. Я желалъ только указать, для не вполнѣ знакомыхъ съ развитіемъ греческой скульптуры, на то мѣсто, которое это произведеніе занимаетъ въ исторіи античнаго искусства.

Новооткрытая Венера была, сказалъ я выше, найдена въ развалинахъ нарочно для нея построеннаго храма, слѣдовательно она, вѣроятно, сохранялась точно такимъ же образомъ, какъ и книдская Венера Праксителя. Къ сожалѣнію, другихъ, болѣе подробныхъ извѣстій объ архитектурномъ характерѣ этого римскаго зданія я нигдѣ не могъ получить.

Прочія приращенія Императорскаго Эрмитажа преимущественно относятся къ Керченскому отдѣленію. Ежегодныя раскопки, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, постоянно производимыя въ греческихъ поселеніяхъ, находящихся въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи, обогащаютъ ежегодно это отдѣленіе, которое не имѣетъ себѣ подобнаго ни въ одномъ изъ музеевъ Европы. Этими раскопками нынѣ завѣдуетъ Императорская археологическая коммиссія, которая и будетъ издавать отнынѣ ученыя описанія археологическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ на разныхъ точкахъ Россіи по ея порученію, и предметовъ, найденныхъ въ этихъ разысканіяхъ. Въ прошломъ 1859 году, изъ греческихъ колоній южной Россіи производились изслѣдованія въ Керчи или древней Пантикапеѣ, въ европейскомъ Босфорскомъ царствѣ и въ Фанагоріи, столицѣ азіятскаго Босфора. Раскопки на этихъ двухъ мѣстностяхъ привели къ открытію въ высшей степени замѣчательныхъ памятниковъ, въ числѣ которыхъ занимаютъ первое мѣсто: вазы аѳинскихъ фабрикъ, съ превосходными рисунками, разные камни и очень важные надписи на мраморныхъ плитахъ, которые проливаютъ новый свѣтъ на религіи и исторію греческихъ колоній. Всѣ эти памятники нынѣ находятся тоже въ Эрмитажѣ.

Необыкновенно важное и единственное въ мірѣ собраніе въ Эрмитажѣ составляютъ скиѳскія древности, найденныя года три тому назадъ въ катакомбѣ одного огромнаго кургана, находившагося въ Екатеринославской губерніи, близь мѣстечка Александрополя. Вмѣстѣ съ древностями сибирскихъ кургановъ, недавно поступившими изъ Академіи наукъ въ Эрмитажъ, они представляютъ столько загадокъ историку и археологу, что нельзя не пожелать скорѣйшаго изданія ихъ въ свѣтъ, чтобъ европейскіе ученые могли обсудить важные, съ ними связанные вопросы этнографическаго и миѳологическаго содержанія.

Въ послѣдніе годы, отдѣленіе картинъ Императорскаго Эрмитажа не получило ни одного значительнаго приращенія; это тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что италіянская живопись не имѣетъ здѣсь представителей, достойныхъ этого единственнаго во всей Россіи художественнаго собранія. Въ Италіи, хотя и рѣдко, но до сихъ еще поръ встрѣчаются случаи для пріобрѣтенія капитальныхъ произведеній, которыя могли бы не только восполнить

существующія въ нашемъ собраніи пробѣлы, но и дать полное понятіе о великихъ мастерахъ эпохи процвѣтанія живописи въ Италіи. Коммиссары англійскаго правительства, въ числѣ которыхъ находится глубокій знатокъ живописи Отто Мюндлеръ и Истлекъ, президентъ Лондонской академіи художествъ, съ этою цѣлію объѣзжаютъ всѣ закоулки Италіи, обозрѣваютъ монастыри и дворцы, и скупаютъ цѣною золота находящіяся въ продажѣ картины. Такъ, недавно пріобрѣтена была для Національной Галлереи знаменитая и превосходно сохранившаяся картина Павла Веронеза: Семейство Дарія у ногъ Александра Великаго, изъ Палаццо Пизани въ Венеціи. Я не упоминаю о другихъ картинахъ, купленныхъ въ сѣверной Италіи, или о собраніи Ломбарди, которое могло бы дополнить у насъ скудный рядъ произведеній италіянскихъ школъ XIII, XIV и XV вѣковъ. Пріобрѣтеніе музея маркиза Кампаны, въ прошломъ году купленнаго папою за пять милліоновъ франковъ, доставило бы намъ такое собраніе сокровищъ, которому позавидовала бы вся Европа.

Изъ достовѣрнаго источника я получилъ свѣдѣніе, что къ осени выйдетъ изъ печати руководитель по различнымъ отдѣленіямъ Эрмитажа, въ двухъ томахъ. Онъ въ высшей степени необходимъ для всѣхъ посѣтителей, и недостатокъ его чувствуется всѣми. Въ особенности важенъ будетъ этотъ руководитель для собранія картинъ, и вѣроятно онъ совершенно устранитъ книжку, составленную А. Сомовымъ подъ заглавіемъ: *Картины Императорскаго Эрмитажа*, С.-Петербургъ, 1859 г., стоящую ниже критики.

К. Герцъ.

ОТВѢТЪ НА НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОСЪ НЕИЗВѢСТНАГО, ПО СЛУЧАЮ СТАТЬИ РЖЕВСКАГО О ПРОЛЕТАРІАТѢ.

Кто сей неизвѣстный?
Царю небесный!

Изъ оперы: *Цампа, морской разбойникъ.*

Въ мартовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за сей годъ помѣщена статейка подъ названіемъ: *Нескромный вопросъ г. Ржевскому*, и въ скобкахъ прибавлено: *о мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата.* Что это значитъ? Вопросъ ли это о мѣрахъ и пр., или вопросъ о чемъ-либо другомъ? Разрѣшеніе этой загадки, происшедшей вѣроятно отъ малограмотности писавшаго, постараемся отыскать въ содержаніи самой статейки, весьма задорной, какъ мы увидимъ далѣе.

Прежде нежели отвѣчать на вызовъ, который сдѣланъ прямо на мое имя, мнѣ, очень естественно, хочется знать: кто этотъ неизвѣстный рыцарь, такъ рѣшительно, но совершенно не понятно требующій отъ меня отвѣта? Нѣтъ сомнѣнія, что это не самъ почтенный редакторъ *Отечественныхъ Записокъ*, ибо онъ, вопервыхъ, не пишетъ такъ безграмотно, а вовторыхъ, въ этой статейкѣ есть такія замашки и такія уловки, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ его честному и прямому характеру.

Кто же сей неизвѣстный рыцарь? Въ концѣ статьи не поставлено никакой буквы, никакой цифры, забрало совершенно опущено: не видать ни края ушка, по которому бы можно было судить о его формѣ, словомъ, никакого наружнаго признака—тайна непроницаемая!

Многіе, конечно, не подписываютъ своего имени подъ статьями; но это дѣлается болѣе изъ скромности, а человѣкъ, задающій, какъ онъ самъ говоритъ, нескромный вопросъ, не имѣетъ уже права отговариваться скромностію.

Посмотримъ и пересмотримъ еще нѣсколько разъ этотъ нескромный вопросъ, нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо признаковъ, чтобъ открыть неизвѣстнаго рыцаря?... Ура! находка! признаки обнаруживаются! Господинъ этотъ все толкуетъ о какомъ-то ожерельѣ изъ перловъ, которымъ онъ хочетъ меня украсить, но гдѣ же мущины носятъ ожерелья, кромѣ развѣ мандариновъ въ Китаѣ? Стало-быть это даже и не рыцарь, а просто мандаринъ, Китаецъ! Теперь понятны и всѣ уловки, увертки и хитрости, которыми, какъ увидятъ читатели, такъ изобилуетъ маленькая статейка.

Статья моя не нравится этому мандарину (какое горе!), и онъ находитъ въ ней множество непріятныхъ для его китайскаго вкуса вещей или перловъ, какъ онъ ихъ называетъ, но *главная жемчужина, въ сравненіи съ которою всѣ другіе перлы уже кажутся малоцѣнными* (собственныя слова мандарина), есть слѣдующая:

На страницѣ 247 моей статьи, гдѣ говорится объ основателѣ соціалистическихъ ученій, Бабефѣ, казненномъ во время французской революціи, за возбужденіе черни ко всеобщему грабежу и раздѣлу всѣхъ земель поровну, сдѣлана слѣдующая выноска: «Бабефъ родился въ 1764 году въ Сенъ-Кентенѣ, былъ сынъ майора австрійской арміи, и до революціи занималъ должность поземельнаго коммиссара, commissaire à terrier, то-есть кадастроваго чиновника. Онъ даже написалъ книгу подъ названіемъ: Cadastre perpetuel (постоянный кадастръ). Занятіе измѣреніемъ и оцѣнкой чужихъ земель не имѣетъ ли свойства внушать желаніе дѣлить поземельную собственность и отнимать ее у однихъ, чтобъ отда-

вать другимъ, по своему произволу или по своимъ личнымъ соображеніямъ?»

Вотъ это-то невинное замѣчаніе, или, точнѣе, этотъ вопросъ, возбудилъ гнѣвъ неизвѣстнаго, и подалъ поводъ къ новому вопросу.

Выписываемъ его какъ онъ выраженъ самимъ мандариномъ:

«Вотъ этой геніяльной догадки г. Ржевскаго о такомъ вредномъ вліяніи кадастра, мы рѣшительно не понимаемъ, и именно по этому поводу просимъ г. Ржевскаго отвѣтить намъ положительнѣйшимъ образомъ *(ого! да это ужь никакъ мандаринъ хочетъ поставить меня на барьеръ! Каковъ Китаецъ!)*, какъ это кадастръ имѣетъ такое злокачественное свойство?»

Да гдѣ же въ моемъ примѣчаніи или въ вопросѣ — догадка о злокачественномъ свойствѣ кадастра? Кадастръ—отличная вещь, а Бабефъ все-таки былъ человѣкъ, который считалъ всѣ средства позволенными, чтобы достигнуть диктатуры, и вопросъ мой относится не къ кадастру, а къ психологическому наблюденію надъ этою личностію.

Далѣе сказано: «особенно мы были бы довольны, еслибы г. Ржевскій указалъ намъ примѣры. Вѣдь кадастръ произведенъ уже во всей Европѣ, какъ извѣстно и г. Ржевскому, а права собственности, какъ извѣстно тоже г. Ржевскому, тамъ очень сильны.»

Ну, на это приходится отвѣчать по пунктамъ: 1) Ржевскому не извѣстно, чтобы кадастръ былъ произведенъ во всей Европѣ. Мандаринъ забылъ маленькое, слабое, ничтожное въ политическомъ значеніи государство, гдѣ нѣтъ кадастра, именно Англію. Впрочемъ Китайцу, да еще мандарину, это весьма простительно; вѣдь называютъ же они Англичанъ рыжеволосыми варварами, невѣждами, умирающими съ голода, и оттого нарушающими спокойствіе Срединнаго государства; стóитъ ли говорить о такомъ ничтожномъ народцѣ послѣ блистательной побѣды надъ нимъ Китайцевъ при Пей-хо?

2) Чтò касается до того, что права собственности очень сильны въ Европѣ, то и въ этомъ Ржевскій разнорѣчитъ съ мандариномъ. Онъ знаетъ, что права собственности очень сильны въ Англіи (но вѣдь мандаринъ исключилъ Англію изъ Европы), а въ прочихъ государствахъ можно указать на кое-какія нарушенія, напримѣръ на отобраніе имѣній у всѣхъ эмигрантовъ и у всѣхъ подозрительныхъ во время первой революціи, на попытку въ 1848 году соціалистовъ, послѣдователей Бабефа, ограбить всѣхъ богатыхъ, на конфискацію имѣній Орлеанской фамиліи, на отобраніе испанскимъ королемъ Фердинандомъ VII въ 1823 году національныхъ имуществъ у покупщиковъ, даже безъ возвращенія уплаченной суммы, на такой, или худшій поступокъ въ 1815 году короля сардинскаго и курфирста гессенъ-кассельскаго,

которые уничтожили даже купчія крѣпости, заключенныя между частными лицами во время владычества Наполеона; на конфискаціи въ Неаполѣ и Сициліи; на конфискаціи имуществъ ломбардскихъ выходцевъ Австрійцами; на безчисленныя конфискаціи имуществъ въ Венгріи въ 1849 году, и т. д. Мандаринъ продолжаетъ: «даже ученіе Гракховъ о равномъ раздѣлѣ земель не было такъ гибельно для государства, говоритъ г. Ржевскій (будто бы!), потому что касалось земель фиска, а не частныхъ; кадастровые же чиновники не уважаютъ даже личной собственности.» Постойте, постойте, г. мандаринъ, это уже вы поступаете слишкомъ по-китайски! Ржевскій говоритъ только, что проектъ закона, предложеннаго Гракхами не касался частной собсственности, а государственныхъ полей (ager publicus — не земель фиска! ну да Китайцу простительно не знать этихъ тонкостей), но онъ нигдѣ не говоритъ, чтобъ этотъ законъ не былъ гибеленъ. Это говорите вы; но то, что̀ Ржевскій говоритъ, на страницѣ 245, совершенно не похоже на защиту аграрныхъ законовъ, которую вы, какъ-будто мимоходомъ, приписываете Ржевскому. Далѣе мандаринъ прибавляетъ, будто Ржевскій сказалъ: «Кадастровые же чиновники не уважаютъ даже личной собственности.» Гдѣ же онъ это сказалъ? Въ примѣчаніи, которое васъ такъ обидѣло, этого не сказано—такъ гдѣ же находятся эти слова? (1) Они прибавлены вами, мандаринъ, и не спросту, а съ хитрымъ, истинно-китайскимъ умысломъ, и я сейчасъ объясню его.

Вамъ статья Ржевскаго не нравится, вы находите, что въ ней говорится не о томъ, и не то, чего бы вы желали. Вы находите ея манеру доказательствъ *фельетонною*, подтруниваете надъ его умомъ, начитанностію, опытностію и стойкостію убѣжденій, и говорите о какихъ-то побитыхъ противникахъ, о пожатіи руки друзьями. Но это все не заставило бы васъ писать нескромный вопросъ. Мало ли печатается плохихъ статей! Нѣтъ, умыселъ другой тутъ былъ: вы видите въ Ржевскомъ человѣка не вашихъ убѣжденій, не принадлежащаго къ тому кружку, который пожималъ вамъ руку, и, какъ истинный Китаецъ, хотите вашею коварною выдумкой вооружить противъ Ржевскаго всѣхъ кадастровыхъ чиновниковъ, и такимъ образомъ, изъ скромнаго вопроса о направленіи ума Бабефа, стараетесь сдѣлать нескромный вопросъ о личности всѣхъ кадастровыхъ чиновниковъ, о которой Ржевскій не говоритъ не полслова. О, хитрый Китаецъ!

(1) Укажемъ еще на одного историческаго commissaire à terrier, Андре Дюмона (André Dumont), одного изъ самыхъ отчаянныхъ террористовъ, знаменитаго своими казнями въ департаментѣ Соммы, участіемъ въ смерти Андре-Шенье, и служившаго потомъ при Наполеонѣ и первой реставраціи весьма усерднымъ подпрефектомъ въ Аббевилѣ.

Дѣйствительно хитрый. Посмотрите какъ онъ оканчиваетъ свой нескромный вопросъ: «*мы бы хотѣли видѣть этихъ новѣйшихъ невѣждъ, чтобы предать ихъ общественному осмѣянію, вмѣстѣ съ г. Ржевскимъ!*» Какъ ловко прикрывается онъ своимъ незнаніемъ русскаго синтаксиса, чтобы назвать Ржевскаго невѣждой и предать его, вмѣстѣ съ *этими невѣждами*, общественному осмѣянію! Только точно ли можно всѣхъ сочувствующихъ ученію Бабефа назвать невѣждами, когда между ними есть такіе книжники и въ особенности фарисеи, что и Боже упаси?

Такъ вотъ въ чемъ заключается *главная жемчужина статьи Ржевскаго, въ сравненіи съ которою всѣ другіе перлы кажутся намъ* (мандарину) *малоцѣнными*. И немудрено. Мы съ своей стороны скажемъ, что эти перлы не только малоцѣнны, но что это просто фальшивые бусы, плохаго домашняго издѣлія. Мы бы и вовсе не стали отвѣчать неизвѣстному, еслибы не почитали обязанностію оправдать себя передъ публикой въ приписываемой намъ фабрикаціи подобныхъ продуктовъ.

Такъ напримѣръ, въ статьѣ Ржевскаго излагается мнѣніе различныхъ писателей о выгодахъ крупной и мелкой поземельной собственности. Выписывая одно изъ нихъ, мандаринъ прибавляетъ: «это говоримъ не мы съ г. Ржевскимъ, а давнымъ-давно сказалъ Адамъ Смитъ...» Опять китайская штучка: не подумаетъ ли читатель, что Ржевскій присвоилъ себѣ слова Адама Смита? Вѣдь не станетъ же онъ справляться съ страницей 253-й, гдѣ имя Адама Смита названо, и длинная выписка его мнѣнія отмѣчена вводными знаками. Мандарина приводитъ въ изумленіе, что ни теорія, ни практика не могутъ рѣшить вопросъ о превосходствѣ крупной или мелкой поземельной собственности: теорія, потому что для рѣшенія его не находитъ твердаго основанія, а практика, потому что результаты ея наблюденій въ различныхъ случаяхъ были различны. Мандаринъ, видите, отговорокъ и слышать не хочетъ: рѣши да и только! Что за бѣда, что рѣшеніе будетъ вздорное! А то еще приводить разныя мнѣнія, сличать ихъ, и потомъ сдѣлать выводъ, что и вопросъ-то спорный есть вопросъ праздный! Это такъ поражаетъ мандарина, что онъ не вѣритъ глазамъ своимъ, и проситъ читателя перечесть только двѣ страницы, 264 и 265. И мы ихъ о томъ же усерднѣйше просимъ; но если это имъ будетъ скучно, то на всякій случай приведемъ только слѣдующія строки изъ страницы 265-й.

«Вопросъ этотъ, есть вопросъ совершенно праздный уже и потому, что фактъ самъ по себѣ не возможенъ: нѣтъ, и не можетъ быть страны, въ которой господствовало бы исключительно крупное или исключительно мелкое хозяйство. Если же эти виды хозяйства перемѣшаны въ различной пропорціи, то необходимо

заключить, что или они равно выгодны, или одинъ изъ нихъ не выгодный удерживается отъ перехода въ другой какими-нибудь внѣшними, посторонними препятствіями. Устраните ихъ, чего однако нигдѣ еще не сдѣлано, и тогда въ каждой странѣ, въ каждой части страны, въ извѣстное время, дѣло рѣшитъ вопросъ этотъ само за себя, вѣрнѣе, прочнѣе и спокойнѣе, нежели всѣ мнимые теоретики-регламентаторы.» Это слова Ржевскаго. Если они не убѣдительны для читателей, то мы приведемъ въ ихъ поученіе, и особенно въ назиданіе мандарину, выписку изъ большой, конечно не фельетонной статьи г. Соловьева: *О поземельномъ владѣніи въ Россіи*, помѣщенной въ № 7 *Отечественныхъ Записокъ* 1858 года. Тамъ авторъ, на страницѣ 267, говоритъ отъ себя слѣдующее:

«Начало дробленія поземельной собственности во Франціи относится къ самымъ древнимъ временамъ, именно къ X столѣтію, и оно шло разъ принятымъ путемъ до настоящаго времени. Дойдя до крайнихъ предѣловъ дробимости, оно пошло обратно. Въ настоящее время бываютъ случаи, что мелкіе собственники отдаютъ свои соединенные участки фермерамъ, а сами поступаютъ къ нимъ въ работники. Такимъ образомъ они получаютъ двойную выгоду: и какъ собственники, и какъ работники. Общее промышленное направленіе заставило убѣдиться, что земледѣліе, точно такъ же какъ и всякая промышленность, нуждается въ капиталахъ и подлежитъ общему закону: чѣмъ болѣе затрачено капитала на производство промысла, тѣмъ онъ прибыльнѣе. Урожаи, бывшіе нѣсколько лѣтъ сряду, обратили капиталы къ земледѣлію. Капиталисты начинаютъ скупать поземельные участки. Отнынѣ капиталы и машины будутъ двигать земледѣліе во Франціи впередъ, точно такъ же какъ и другія отрасли промышленности. Мелкіе поземельные собственники будутъ соединяться не въ родовыя, а въ торговыя общества, связанныя разумнымъ сознаніемъ взаимныхъ выгодъ.»

Вотъ оно что̀! Главное дѣло слѣдовательно не въ крупной или мелкой собственности, а *въ разумномъ сознаніи взаимныхъ выгодъ*. Къ чему же послужитъ сознаніе взаимныхъ выгодъ, когда какой-нибудь теоретикъ-мандаринъ нарегламентируетъ тотъ видъ собственности, который болѣе соотвѣтствуетъ его вкусу? Да и можетъ ли развиться разумность тамъ, гдѣ эти мандарины восклицаютъ: *да и что̀ можетъ сказать литература дѣльнаго и новаго намъ, офиціяльнымъ спеціалистамъ и патентованнымъ знатокамъ*?

По нашему мнѣнію, всякое развитіе возможно только при двухъ условіяхъ: при охраненіи личной безопасности и при неприкосновенности права собственности, а до соблюденія этихъ-то двухъ условій мандарины, въ отношеніи къ другимъ, и не охотники. Что̀ же касается собственно до успѣховъ земледѣлія, то мы приведемъ мнѣніе г. Леонса де-Лавермя, заимствованное нами изъ той же статьи г. Соловьева (стр. 260).

«Земледѣліе, какъ всякая отрасль народной промышленности, прежде всего нуждается въ безопасности и въ свободѣ. Изъ всѣхъ бѣдствій, которыя могутъ остановить его развитіе, самое смертельное—дурная администрація. Революція и войны даютъ отдыхъ народу; дурная администрація дѣйствуетъ постоянно.»

Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ г. Леонсомъ де-Лавернемъ и съ г. Соловьевымъ.

Но возвратимся къ нашему мандарину и его китайскимъ штучкамъ. На страницѣ 234 статьи Ржевскаго, сказано: «*Если число бѣдныхъ, то-есть людей, которые, кромѣ своего личнаго труда, не имѣютъ никакого капитала въ какой бы то ни было формѣ, не слишкомъ велико, и если при томъ они не скоплены на извѣстныхъ пунктахъ, а разсѣяны по всей странѣ равномѣрно, то положеніе ихъ еще не очень тягостно.* Вопервыхъ, имъ легко представляются способы заработковъ, и притомъ заработковъ на столько выгодныхъ, что они могутъ отъ своего ежедневнаго содержанія откладывать небольшую часть для составленія запаса на черный день или даже для образованія небольшихъ капиталовъ. Вовторыхъ, имъ открывается возможность—а это самое главное—выходить изъ своего положенія посредствомъ личныхъ способностей, таланта, изобрѣтательности, даже простой предпріимчивости, потому что сближеніе съ лицами высшихъ классовъ общества весьма часто представляетъ къ тому случай. Это самое сближеніе служитъ средствомъ оцѣнки труда и способностей, дѣлаетъ для бѣдныхъ людей доступнымъ нравственное, умственное и техническое образованіе, и такимъ образомъ открываетъ имъ путь ко всѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, которыя общественное устройство страны можетъ представлять для независимой личности. Слуга, работникъ ремесленника, простой батракъ земледѣльца, находятся въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ хозяиномъ, часто живутъ вмѣстѣ съ его семействомъ, трудъ ихъ опредѣляется не часами работы, а ея достоинствомъ, личность каждаго играетъ ту роль, къ которой она наиболѣе способна, и возможность перехода къ лучшему столь очевидна, что не можетъ не служить сильнѣйшимъ побужденіемъ не только къ добросовѣстному выполненію самой работы, но и къ развитію бережливости и нравственному возвышенію. *Совершенно противное представляетъ намъ положеніе рабочихъ на фабрикахъ.* Сотни, иногда тысячи работниковъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ работаютъ въ одномъ заведеніи и представляются хозяину не лицами, а цифрами, трудъ ихъ оцѣняется или часами, или поштучно, но до личнаго ихъ характера нѣтъ никому дѣла; лишь бы требуемая работа была выполнена, а все равно, кто ее ни

исполнилъ, глупый ли или умный, трезвый или пьяница, воръ или честный человѣкъ. Для земледѣльца, для ремесленника это обстоятельство далеко не такъ безразлично: онъ боится негодяя и дорожитъ человѣкомъ надежнымъ въ нравственномъ отношеніи. Вотъ почему иногда и при недостаткѣ работы онъ держитъ при себѣ рабочихъ, на сколько позволяютъ ему средства, чтобы не взять кого попало, когда требованіе на работу усилится. Фабрикантъ же, напротивъ того, понижаетъ заработную плату и даже вовсе въ ней отказываетъ, смотря по требованію на товаръ и сообразно колебанію цѣнъ на мануфактурныя произведенія. Кромѣ того, эти тысячи фабричныхъ рабочихъ живутъ отдѣльнымъ міромъ, въ тѣсныхъ, грязныхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ, не только по недостатку въ средствахъ, но и по матеріяльной невозможности жить просторно, то-есть далеко отъ фабрики. Такимъ образомъ нищета предоставляется самой себѣ, она образуетъ особый міръ, изъ котораго нѣтъ выхода, въ которомъ развивается свой унылый, отчаянный взглядъ на человѣческія отношенія, или лучше сказать, гдѣ все человѣческое исчезаетъ, а остаются только одни грубые, животные инстинкты. Недостатокъ заработной платы производитъ недостатокъ въ содержаніи и пищѣ, а отъ него раждаются болѣзни, которыя въ свою очередь лишаютъ возможности имѣть заработки. Такимъ образомъ все вращается въ безвыходномъ кругѣ, и зараза пролетаріата распространяется.»

Мандаринъ воспользовался этимъ мѣстомъ для своихъ цѣлей такимъ образомъ: онъ отрѣзалъ начало и конецъ, да немного перемѣнилъ въ серединѣ и вышло—не сравненіе положенія слуги въ семействѣ, работника у ремесленника, батрака у земледѣльца, съ положеніемъ рабочаго на фабрикѣ, а похвала судьбѣ безземельныхъ работниковъ, и эта уловка подала поводъ мандарину воскликнуть:

Не правда ли, что картина бросается въ глаза?

Въ этомъ смыслѣ—конечно. Но вотъ что̀ не бросается въ глаза: измѣненіе родительнаго падежа въ именительный и прибавленіе одной запятой. У Ржевскаго сказано: слуга, *работникъ ремесленника* (замѣтьте, не всякій работникъ, а только работникъ *ремесленника)*, простой батракъ земледѣльца пользуется возможностію перехода къ лучшему; а мандаринъ выписываетъ такъ: «слуга, работникъ, ремесленникъ» и проч., и выкидываетъ окончаніе, гдѣ говорится о рабочихъ на фабрикахъ. Конечно, перемѣнить букву *а* на букву *ъ* и прибавить запятую, дѣло не важное, хотя смыслъ отъ этого совершенно измѣняется, и можно всегда оговориться опечаткой. Случалось вамъ поймать писаря въ какой-нибудь уловкѣ? Первыя слова, которыя у него въ такомъ случаѣ явля-

ются на языкѣ: *виноватъ, ваше благородіе, описался!* Что̀ вы будете дѣлать съ этимъ извиненіемъ, хотя вы и вполнѣ увѣрены, что онъ описался съ намѣреніемъ? Но представьте, что такой писарь самъ сдѣлается мандариномъ: какъ будутъ добросовѣстны его доклады, его извлеченія изъ прошеній и такъ далѣе, и каковы могутъ быть послѣдствія, если работу его не подвергать строжайшему контролю?

Мы не указываемъ еще на другія, столь же добросовѣстныя выписки мандарина изъ статьи Ржевскаго, въ которыхъ онъ старается отыскать противорѣчіе съ основною мыслію Ржевскаго, что пролетаріатъ происходитъ отъ стѣсненій на различныхъ ступеняхъ экономической дѣятельности, отъ покровительства однимъ на счетъ другихъ, отъ близорукихъ регламентаторскихъ системъ и наконецъ отъ дурной администраціи. Нѣтъ, г. мандаринъ, статья можетъ вамъ не нравиться; она, можетъ-быть, слаба, не полна, все что̀ вамъ угодно; но только противорѣчій въ ней вы не отыщете. Вы судите о статьѣ, не прочтя ея, а вѣдь вы ея не прочли по той весьма простой причинѣ, что половина ея еще не была напечатана!

Мандаринъ, какъ всѣ мандарины, отстаиваетъ систему запрещеній и говоритъ:

«Запрещеніе продавать собственность, запрещеніе, котораго невыгоды такъ ярко выставилъ г. Ржевскій, основано именно на томъ, что крупному владѣльцу очень выгодно скупать земли, вокругъ его имѣнія находящіяся, и даже можно ихъ скупать за дешевую цѣну, особенно, если расторопный владѣлецъ воспользуется годами неурожая, пожаровъ, падежей скота, и будетъ мало-по-малу давать взаймы ничтожныя суммы подъ залогъ мелкихъ участковъ. Вѣдь такія явленія кой-гдѣ бывали, г. Ржевскій, и кончались всегда тѣмъ, что мелкіе землевладѣльцы лишались послѣдняго и должны были прибѣгать къ своимъ личнымъ талантамъ, которые особенно рекомендуетъ г. Ржевскій, и зарабатывать насущный кусокъ хлѣба въ богатыхъ имѣніяхъ.»

Что̀ касается до послѣдней фразы, о талантахъ, то мы уже показали, на какой уловкѣ обрѣзанія конца и начала и небольшаго измѣненія середины, удалось мандарину приписать Ржевскому то, чего онъ не говорилъ. Обратимся къ главной мысли мандарина: если собственность будетъ свободна отъ запрещенія (то-есть если она будетъ собственность собственника, а не того, кто имѣлъ право дѣлать запрещеніе), то крупнымъ владѣльцамъ очень выгодно будетъ скупать земли, вокругъ ихъ имѣнія находящіяся. Почему же выгодно? Выгодно, если онѣ будутъ продаваться дешево, и не выгодно, если за нихъ будутъ просить дорого. Въ какихъ же случаяхъ онѣ могутъ быть дешевы? Онѣ могутъ быть дешевы только въ томъ случаѣ, если личная безопасность и право собственности будутъ стѣсняемы близорукими прави-

лами, а еще болѣе злоупотребленіями мандариновъ. Вспомните слова Леонса де-Лаверня, приведенныя г. Соловьевымъ: «для земледѣльца дурная администрація хуже войны и революціи.» Вы, мандаринъ, или не читали этой статьи, или уже ее забыли! Тамъ указана крайняя раздробленность участковъ во Франціи и въ Германіи, и, несмотря на то, что владѣльцы имѣютъ на нихъ настоящее право собственности, то-есть право отчужденія, тамошніе помѣщики не скупили ихъ въ свои руки, и тѣ случаи, про которые вы говорите, что они кое-гдѣ бывали, мнѣ неизвѣстны; а мнѣ извѣстно противное—существованіе во Франціи такъ-называемыхъ *bandes noires*. Слыхали ли вы о нихъ, мандаринъ? Это компаніи спекуляторовъ, которые покупаютъ большія помѣстья *дешево*, и продаютъ ихъ по маленькимъ клочкамъ *дорого*, и какъ во Франціи нѣтъ мандариновъ, которые бы опекали спеціально крестьянъ, то у крестьянъ есть деньги, на которыя они и покупаютъ эти земли. Вообще опекать крестьянина, настоящаго собственника, неудобно: онъ пожалуй не вытерпитъ, да и продастъ свою землю; если же онъ къ ней прикрѣпленъ, то-есть если земля принадлежитъ не ему, то онъ не вывернется, и будетъ давать деньги до послѣдней копѣйки, то-есть не только тѣ, которыя получитъ съ земли, но и тѣ, которыя добудетъ личнымъ трудомъ своимъ. Если же онъ окончательно разорится, и денегъ съ него нельзя будетъ взять, то можно распорядиться *о принятіи мѣръ*, то-есть брать деньги отъ правительства, чтобы помогать крестьянамъ, разорившимся будто бы отъ неурожаевъ, пожаровъ, падежа скота и пр. Вы, можетъ-быть, слыхали о такихъ мандаринахъ, у которыхъ отъ опеки надъ прикрѣпленными къ землѣ крестьянами и отъ *принятія мѣръ въ пользу этихъ крестьянъ* заводились деньжонки, домики на имя женъ, деревеньки и пр. и пр. Не бойтесь, мандаринъ, за крестьянъ-собственниковъ, а вотъ лучше прочтите, что̀ пишетъ г. Соловьевъ странахъ, гдѣ мандаринизмъ слишкомъ усилился:

«Цѣна на поземельную собственность въ Галиціи и Венгріи—*странахъ, находящихся политически въ неблагопріятномъ положеніи—съ каждымъ годомъ упадаетъ*. Земли, безпрестанно предлагаемыя въ продажу, не находятъ покупщиковъ. Дворянство не имѣетъ средствъ для пріобрѣтенія земли, Евреи не имѣютъ права, а частныя лица и иностранцы боятся рисковать своими капиталами или пріискиваютъ для нихъ другое помѣщеніе, болѣе выгодное, потому что съ земли въ этихъ провинціяхъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, иногда можно получить не болѣе полутора или двухъ процентовъ. Помѣщики, по большей части, задолжавшіе еще прежде, болѣе и болѣе запутываются въ неоплатныхъ долгахъ. Вознагражденіе, полученное ими (мы говоримъ о Галиціи и Венгріи) лишь черезъ восемь или девять лѣтъ, и притомъ облигаціями, которыя они должны были принимать по номинальной цѣнѣ, между тѣмъ какъ въ обращеніи онѣ теряютъ третью часть

своей цѣнности, далеко не покрывало долговъ ихъ. Вслѣдствіе этого, помѣстья все чаще и чаще подпадаютъ секвестру.» (Стр. 275) *О поземельномъ владѣніи въ Россіи.*)

Въ концѣ своей статьи, мандаринъ не одобряетъ взгляда Ржевскаго на надѣлъ землею и на общинное владѣніе. Видно, мандаринъ мало занимался крестьянскимъ вопросомъ, или мало знакомъ съ его литературою. Иначе ему было бы извѣстно, какъ объ этихъ предметахъ судитъ, согласно съ Ржевскимъ, авторъ вышеприведенной статьи.

«Намъ не одинъ разъ также печатно приходилось говорить, что даже большіе надѣлы землей, которые, казалось бы, должны были послужить къ обогащенію крестьянъ, бываютъ причиной бѣдности ихъ. Небогатые крестьяне, истрачивая свои небольшія средства и силы на большое пространство земли, не въ состояніи возбудить плодородія ея. Усилія ихъ въ этомъ случаѣ похожи на усилія человѣка, который хочетъ поднять тяжесть сверхъ своихъ силъ. При этомъ напрасно пропадаютъ силы, напрасно пропадаетъ и земля, которая въ рукахъ богатыхъ крестьянъ дала бы обильные урожаи.»

Это говоритъ г. Соловьевъ о большихъ надѣлахъ, а вотъ вамъ мнѣніе его о регламентаціи поземельныхъ отношеній, высказанное въ той же статьѣ (*Отеч. Зап.* № 8 стр. 614).

«Помѣщики въ Молдавіи не только не имѣютъ права уменьшать крестьянскія земли, но обязаны съ увеличеніемъ народонаселенія увеличить пространство ихъ до тѣхъ поръ, пока не раздадутъ крестьянамъ двѣ трети всей своей земли; слѣдовательно, неограниченное право собственности они имѣютъ только на остальную треть земли. Крестьянинъ владѣетъ безплатно своимъ домомъ и десятью пражинами земли для сада; за остальныя угодья крестьянинъ несетъ барщину и нѣкоторыя другія повинности въ опредѣленныхъ закономъ нормахъ. Ни крестьянинъ, ни помѣщикъ, не могутъ измѣнить этихъ отношеній. Еслибы крестьянинъ отказался отъ земли, то все-таки на немъ останутся господскія повинности; еслибы помѣщикъ не захотѣлъ требовать повинности, то все-таки онъ долженъ отвести землю крестьянину, если еще не роздалъ двѣ трети всего своего владѣнія. Закономъ устанавливаемыя нормы не могутъ быть замѣняемы другими по добровольному согласію. Договоры хотя и допускаются, но не съ общинами, а съ отдѣльными лицами и притомъ относительно не крестьянской, а одной только господской земли. Съ одной стороны помѣщикъ не имѣетъ права удалить крестьянина изъ своего имѣнія иначе, какъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ; но, съ другой, и крестьянинъ стѣсненъ разными формальностями, если желаетъ перейдти въ другія мѣста.

«Изъ всего этого можно видѣть, что крестьянину предоставлена *какая-то полусвобода* не въ видѣ временной мѣры, но въ видѣ постояннаго узаконенія; ему обезпечено потомственное пользованіе землей, но онъ *не можетъ ни продать, ни даже отказаться отъ нея, и въ то же время стѣсненъ общиной.* Помѣщикъ не можетъ удалить его изъ имѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянинъ почти не можетъ двинуться съ мѣста. Такимъ образомъ молдаванскій крестьянинъ связанъ съ землей, съ общиной и съ помѣщикомъ: съ величайшимъ усиліемъ онъ можетъ оторваться отъ этого тройнаго прикрѣпленія. *Не у всякаго достанетъ энергіи бороться съ такими препятствіями!* Положеніе помѣщика также не хорошо: онъ считается собствен-

никомъ земли, и не только не можетъ свободно распорядиться ею, но, сверхъ того, обязанъ раздавать поземельные участки крестьянамъ, въ случаѣ прибыли народонаселенія; лишенъ права отказать крестьянину, хотя бы онъ по своему поведенію того заслуживалъ; не можетъ измѣнять повинностей, хотя бы на то согласны были крестьяне; *принужденъ довольствоваться законными повинностями, хотя бы онѣ были ниже дѣйствительной стоимости земли.* Потому помѣщики для вознагражденія себя за убытки, употребляютъ всѣ средства къ незаконному увеличенію крестьянскихъ повинностей, что̀ въ народѣ возбуждаетъ негодованіе противъ бояръ-землевладѣльцевъ.»

Г. Соловьевъ чрезвычайно картинно обрисовываетъ эти регламентированныя отношенія слѣдующимъ образомъ: *Взаимныя законныя обязательства крестьянъ и помѣщиковъ въ Молдавіи дѣлаютъ ихъ похожими на двухъ людей, связанныхъ между собою, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено жаловаться другъ на друга, если одинъ будетъ безпокоить другаго.*

Полусвобода, то-есть свобода безъ права перехода, и полусобственность, то-есть собственность безъ права отчужденія, суть отрицаніе свободы и собственности, и могутъ быть выгодны только для мандариновъ.

Кто же такъ устроилъ дѣла въ Молдавіи?....

Что̀ касается до того, спасаетъ ли общинное владѣніе отъ голода, мы приведемъ фактъ, заимствуя его также изъ статьи г. Соловьева (*Отеч. Зап.* № 9 стр. 225), гдѣ онъ говоритъ:

«Можно сказать, что и въ настоящее время положеніе крестьянъ во многихъ губерніяхъ не лучше пролетаріевъ западной Европы. Для этого достаточно вспомнить часто повторяющіеся голодные годы для такихъ губерній, каковы Псковская и Смоленская, заставляющіе правительство истрачивать огромныя суммы на продовольствіе крестьянъ; но и этихъ суммъ бываетъ недостаточно для отвращенія народнаго бѣдствія въ полномъ значеніи этого слова.»

Вотъ противоположный фактъ, переданный тѣмъ же г. Соловьевымъ (*Отеч. Зап.* № 6 стр. 451):

«Въ Бельгіи, поземельная собственность, освобожденная отъ бремени феодальныхъ правъ, подраздѣлилась на мелкіе участки, сдѣлалась доступною раздѣламъ и свободному пріобрѣтенію (*отчего же помѣщики-то ея не скупили? Ну какъ они прочтутъ нескромный вопросъ мандарина и воспользуются его намекомъ?*). Но несмотря на то (*по нашему мнѣнію: именно—потому*), въ этой странѣ сельское хозяйство стоитъ на высшей степени развитія—выше, чѣмъ въ Англіи, а благосостояніе всей массы народа выше чѣмъ въ Англіи, Франціи и Германіи.»

Какъ же это? и безъ общиннаго владѣнія, и безъ регламентированія, безъ регулированія, безъ прикрѣпленія къ землѣ, безъ легіона мандариновъ, и не прибѣгая даже къ молдаванскому порядку?!!

Пора однако намъ окончить отвѣтъ на нескромный вопросъ мандарина. Посмотримъ, чѣмъ онъ заключаетъ статью свою. Ба! да онъ пускается въ поэзію, но вдругъ—вѣроятно, боясь растерять фальшивыя жемчужины своего ожерелья—коротко осаживаетъ Пегаса на всемъ скаку и съ торжествующимъ видомъ произноситъ многозначительныя слова: «*Такъ какъ же* Бабефъ и кадастровые чиновники?»

Что̀ отвѣчать на вопросъ, сдѣланный въ такой изящной формѣ? Развѣ вотъ что:

Такъ, такъ же, мандаринъ, ревнитель молдаванскаго порядка! слѣзьте съ вашего конька и прочтите статью г. Соловьева. Она заставитъ васъ перемѣнить выраженное вами убѣжденіе въ пользѣ запрещеній, но только прочтите ее всю, не такъ, какъ вы прочли статью Ржевскаго, и если будете дѣлать изъ нея или изъ какихъ-либо чужихъ мнѣній извлеченіе или составлять докладъ, то дѣлайте его добросовѣстно, не измѣняйте заключающагося въ нихъ смысла, хотя бъ онъ и не соотвѣтствовалъ вашимъ фантазіямъ, не обвиняйте ихъ въ томъ, чего они не говорили, и для достиженія вашей цѣли ни прибѣгайте ни къ китайскимъ хитростямъ, ни къ обрѣзанію, ни даже къ простому писарскому пріему измѣненія падежей и знаковъ препинанія.

В. Ржевскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О БЫТѢ СЕЛЬСКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ.

Я всегда находила, что женщина не должна заниматься литературой. Почему именно—не стану распространяться. Всѣ знаютъ pro и contra этого вопроса; но таково всегда было мое мнѣніе.

Вотъ, любезные читатели, съ первой строки вы видите, что я женщина. Вы можете думать, что я молода и прекрасна, и потому обязаны имѣть ко мнѣ снисхожденіе. Да и конечно молода, иначе не рѣшилась бы писать статью для журнала, да какую еще! не повѣсть, не стихи, не воспоминанія, не признанія; нѣтъ, я чувствую непреодолимое желаніе писать *о бытѣ сельскаго священника*. Да, я хочу писать, потому что люблю нашихъ сельскихъ пастырей, потому что я совершенно знаю ихъ бытъ. (Согласитесь, эта причина не маловажная, не всякій можетъ похвалиться, что совершенно знаетъ предметъ, о которомъ хочетъ говорить.) Я люблю сельскихъ священниковъ, потому что между ними знаю многихъ очень хорошихъ, что добродѣтели ихъ почти всегда остаются незамѣченными и часто непризнанными. Я всю жизнь провела въ

деревнѣ и привыкла видѣть какъ въ домѣ отца моего принимали священника. Отецъ мой считалъ своею священнѣйшею обязанностью поддерживать молодаго священника. Отецъ мой былъ не ханжа, онъ былъ даже лютеранинъ, но истинно-благонамѣренный человѣкъ. Слѣдствіемъ этого правила было то, что изъ четырехъ священниковъ, которые на моей памяти перемѣнились въ нашемъ приходѣ, ни одного не было дурнаго. Да, еслибъ и всѣ помѣщики такъ поступали, то дурныхъ священниковъ было бы гораздо менѣе (1).

Почти всегда молодой священникъ принимаетъ санъ свой съ самыми лучшими намѣреніями; но мечты его, какъ и у всѣхъ насъ, разбиваются о горькую существенность. Отсутствіе хорошаго общества, недостатокъ книгъ, необходимость думать о средствахъ жизни, часто необразованная, грубая жена, все это сводитъ его съ неба не на землю, а просто въ грязь. Поэтому я совершенно согласна съ авторомъ статьи: *Общество и духовенство*, что нравственность священника много зависитъ отъ той среды, въ которой онъ находится, отъ того, какъ съ нимъ обращаются.

Но болѣе всего побудило меня взяться за перо то, что я недавно встрѣтилась съ человѣкомъ умнымъ, образованнымъ и литераторомъ, который судилъ о состояніи и улучшеніи быта нашего духовенства какъ человѣкъ совершенно незнакомый съ этимъ предметомъ; онъ всю жизнь провелъ въ Петербургѣ, и недавно купилъ имѣніе въ нашемъ краю. Между прочимъ онъ говорилъ, что у священниковъ надо отнять землю, потому что хлѣбопашество унижаетъ ихъ въ глазахъ крестьянъ; что надо уничтожить благочинныхъ, какъ членовъ не только безполезныхъ, но даже вредныхъ въ нашей іерархіи. Слушая его, я думала, что, вѣроятно, не онъ одинъ такого мнѣнія; а можетъ-быть многіе, столь же мало знакомые съ этимъ предметомъ, будутъ говорить и писать эти нелѣпости, могутъ увлечь другихъ, и наконецъ составится на этомъ основаніи общественное мнѣніе, которое нынче и у насъ такъ много значитъ.

Итакъ, вопервыхъ, я хочу говорить противъ мнѣнія, что свя-

---

(1) Я съ дѣтства не могу забыть, какъ принятъ былъ одинъ почтенный священникъ у одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сосѣда нашего, пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга на самое короткое время въ свое помѣстье. Мы были у него въ гостяхъ. Вдругъ вошелъ священникъ. Никто не всталъ, никто не подошелъ подъ благословеніе. Хозяинъ сказалъ: «здравствуй, батька!» и указалъ ему на послѣдній стулъ у дверей. Тутъ онъ и просидѣлъ все время, не сказавъ ни слова и не поднимая глазъ. Меня это поразило, мнѣ жаль было бѣднаго старца; но теперь думаю, что это было такъ въ нравахъ того времени, что священникъ и не подумалъ оскорбиться на его превосходительство. Помѣщикъ былъ предобрый старичокъ; какъ же обращались дурные, и придумать не могу.

щенникъ не долженъ быть хлѣбопашцемъ, что будто это занятіе унижаетъ сельскаго священника въ глазахъ его прихожанъ. Начну съ того, что крестьянинъ отнюдь не презираетъ ни своего состоянія, ни своего занятія; напротивъ, онъ считаетъ себя выше многихъ и никого не ниже. Я это также очень хорошо знаю, потому что живу окруженная удѣльными и государственными крестьянами, съ которыми я въ лучшихъ отношеніяхъ; могу похвалиться ихъ уваженіемъ, но это дѣло личное, и вовсе не относится къ моему общественному положенію. Какъ же крестьянамъ презирать священника за то, что у него есть земля, еслибъ онъ даже и своими руками ее воздѣлывалъ? Я знаю двѣ губерніи, Новгородскую и С-Петербургскую, и не знаю ни одного священника, который бы самъ пахалъ. Если это еще есть гдѣ-нибудь, то священникъ вынужденъ къ этому необходимостью, недостатками, и тогда мужикъ, можетъ-быть, презираетъ его, но только потому, что чѣмъ священникъ бѣднѣе, тѣмъ онъ зависимѣе отъ своего прихожанина. Тѣ священники, которыхъ я знаю (а я знаю многихъ), нанимаютъ работниковъ, отдаютъ *изъ-полу* свои поля и сѣнокосы, а сами занимаются огородами и садами (1). Знаю и такихъ, которые улучшили свое состояніе осушеніемъ болотъ и другими неважными агрономическими средствами, потому что знанія ихъ по этой части самыя ограниченныя. Нѣтъ, не отнять у нихъ надо землю, а желать, чтобъ они пріобрѣли основательныя агрономическія свѣдѣнія, чтобъ, улучшая свои собственныя поля, они своимъ примѣромъ передавали успѣхи науки рабочему классу и тѣмъ приносили обществу пользу. Мужикъ никогда не станетъ подражать помѣщику, онъ отстоитъ отъ него слишкомъ далеко, а непремѣнно будетъ подражать священнику, особенно если найдетъ въ этомъ свою выгоду. Всякій знаетъ, какъ мы отстали въ сельскомъ хозяйствѣ отъ другихъ странъ и какъ важенъ этотъ предметъ тамъ, гдѣ, какъ въ нашемъ отечествѣ, нѣтъ недостатка въ землѣ. Прошли тѣ времена, когда мы стыдились нашихъ пустынь.

Если взять этотъ вопросъ съ экономической точки, то какія нужны суммы, чтобы вознаградить священниковъ за потерю земли? Всякій, живущій въ городѣ, легко разсудитъ, что значитъ имѣть даромъ хлѣбъ, молоко, яйца, свиней, ленъ и многіе другіе необходимые предметы, которые безъ земли надо будетъ покупать. Прибавьте къ этому, что почти всѣ священники продаютъ хлѣбъ, а многіе и сѣно. Я слышала, что отъ священниковъ были отбираемы показанія, сколько они получаютъ дохода съ земли;

---

(1) Еще Петръ Великій желалъ, чтобы сельскіе священники занимались садоводствомъ.

слышала и то, что они по робости, недовѣрчивости или недогадкѣ, показали всѣ менѣе, чѣмъ они получаютъ на самомъ дѣлѣ. Если имъ дадутъ по ихъ показанію, то они будутъ въ убыткѣ, а между тѣмъ необходимо улучшить ихъ бытъ. Строгіе люди скажутъ: «за чѣмъ они лгали? такъ имъ же и хуже». Но можетъ ли желать благонамѣренное законодательство, чтобы кому-нибудь было хуже, а тѣмъ паче священникамъ, отъ благосостоянія которыхъ зависитъ нравственное образованіе такого множества людей?

Возвращаюсь къ моему предмету. Улучшеніе быта священниковъ нужно уже потому, что съ довольствомъ входитъ и просвѣщеніе. Я это вижу на опытѣ. Я часто бываю въ крестьянскихъ избахъ. У бѣднаго все такъ грязно, что отвратительно видѣть; дѣти его хохлатыя, онъ и жена его похожи на дикарей. У богатаго же крестьянина все чисто, и чѣмъ онъ богаче, тѣмъ чище; всякая вещь на своемъ мѣстѣ; дѣти одѣты опрятно, жена и дочери глядятъ совсѣмъ иначе; видна какая-то образованность, происходящая отъ довольства. Наконецъ съ просвѣщеніемъ являются новыя потребности, и имъ надо удовлетворять. Нынче всякій священникъ въ деревнѣ постоянно носитъ рясу, а лѣтъ тридцать тому назадъ онъ шилъ себѣ одну при посвященіи, и ея достаточно было на всю его жизнь. Жены священниковъ по буднямъ носили лапти и толстые холстинные сарафаны. Нынче все это измѣнилось. Священникъ, его жена и дѣти одѣты прилично; въ ихъ домахъ мебель, а не лавки. На все это нужны деньги. Мудрено ли послѣ этого, что, не имѣя достаточнаго содержанія, священникъ беретъ, что̀ можетъ, съ мужика (1)? Вотъ это-то, а никакъ не хлѣбопашество, унижаетъ священниковъ въ глазахъ крестьянина; но священники дѣлаютъ это по необходимости. Правда, что у иныхъ священниковъ есть и капиталы, а они все то же дѣлаютъ. Но у нихъ есть дѣти; священникъ не помѣщикъ, земля ему не принадлежитъ; она переходитъ къ тому, кто его замѣститъ. Дѣти же его остаются нищими, если онъ ничего имъ не припасетъ при своей жизни; а онъ человѣкъ и отецъ: какъ же ему не позаботиться о своемъ семействѣ? Надо взять и то въ соображеніе, что каждый священникъ нынче воспитываетъ своихъ дочерей, а это также денегъ сто́итъ. Итакъ не отнимать у нихъ должно землю, а прибавить имъ содержанія. Я не знаю, есть ли на это суммы, можетъ-быть ихъ и нѣтъ; но почему же, въ такомъ случаѣ, не наложить на всѣ сословія въ приходѣ подать въ пользу священника? Кажется, вездѣ въ мірѣ свя-

(1) Хотя у него все это есть, но онъ продаетъ излишки. Онъ сбираетъ хлѣбъ, ленъ, масло, яйца, соль, творогъ и пр.

щенники получаютъ содержаніе отъ прихода, только не святокупствомъ, не нищенствомъ, не насиліемъ. Крестьянинъ очень не любитъ священническихъ сборовъ, онъ даетъ и сердится. На подать же крестьянинъ не ропщетъ, онъ знаетъ, что это распоряженіе высшее, и покоряется безъ ропота. Крестьянинъ еще легче будетъ переносить эту подать, если священнослужители, за жалованье, будутъ обязаны заниматься воспитаніемъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обученіемъ ихъ закону Божію, чтеніемъ съ ними Священнаго Писанія. Священники сами мнѣ говорили, что необходимость протягивать руку за подаяніемъ для нихъ невыносима, но къ этому побуждаетъ ихъ крайность. Крестьянинъ не рѣдко видитъ теперь въ священникѣ человѣка жаднаго, который беретъ съ него все, что̀ можетъ, и потому, когда онъ проповѣдуетъ ему честность, безкорыстіе, милосердіе, эти проповѣди производятъ мало дѣйствія. Мнѣ кажется, что еслибы наложить и десять копѣекъ съ десятины, то съ крестьянина сошло бы не многимъ больше теперешняго, но сошло бы правильнымъ, а не произвольнымъ образомъ. Мнѣ скажутъ, что священники нынче получаютъ жалованье. Но какое это жалованье? можетъ ли оно обезпечить священника, поставить его въ независимое положеніе? Надо замѣтить и то, что чѣмъ приходъ больше, тѣмъ и жалованье больше; такъ что, чѣмъ священникъ бѣднѣе, тѣмъ онъ менѣе получаетъ. Говорятъ: «это и справедливо: въ большомъ приходѣ больше дѣла». Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы поровнять приходы, что̀ почти вездѣ возможно. Само собой разумѣется, что, давъ хорошее содержаніе священникамъ, назначивъ къ жалованью ихъ хорошую прибавку изъ сбора съ прихожанъ, надо будетъ изобрѣсть какія-нибудь строгія мѣры, чтобы воспрепятствовать священникамъ брать деньги за совершеніе таинствъ, а это задача очень трудная, потому что священникъ всегда имѣетъ средства притѣснить крестьянина и заставить его заплатить. Такъ какъ это особенно удобно при свадьбахъ, то нельзя ли было бы разрѣшить вѣнчаться въ какомъ угодно приходѣ?

О причетникахъ я ничего не говорю. Они люди необразованные, почти всегда враждующіе противъ священника. Правда, они вліянія никакого на приходъ не имѣютъ, но также сдираютъ съ крестьянъ все, что̀ могутъ. Положеніе ихъ слишкомъ хорошо. Не платя никакихъ повинностей, они получаютъ доходъ, небольшое жалованье, и если мало-мальски хорошаго поведенія, то живутъ въ изобиліи. Мысль нанимать причетниковъ—по моему очень хорошая. Дѣти ихъ, которыхъ у нихъ бываетъ необыкновенно много, теперь всѣ поступаютъ въ семинарію, и поэтому всякіе два года выходитъ столько семинаристовъ, что помѣстить ихъ по ду-

ховному вѣдомству нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ всѣ они приготовляются исключительно къ духовной службѣ. А тѣ, которыхъ выключаютъ за лѣность, непонятливость или проступки, изъ семинаріи и училища, дѣлаются истинно вредными членами общества. Это наши пролетаріи: живутъ у отцовъ, отъ работы отвыкли, пьютъ и крадутъ, и наконецъ идутъ служками въ монастыри, откуда ихъ также не рѣдко выгоняютъ.

Обращаюсь теперь ко второму вопросу: о необходимости имѣть благочинныхъ. Встарину, правда, они ничего не дѣлали, кромѣ зла, по крайней мѣрѣ въ нашемъ краѣ, и я могла бы, какъ очевидица, многое поразказать о нихъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ священники были, почти всѣ, неученые и ничѣмъ не отличались отъ мужиковъ, ни житьемъ, ни поведеніемъ. Помню, какъ на ихъ мѣста стали поступать молодые семинаристы. Эти были, если возможно, хуже своихъ предмѣстниковъ: съ своею полуобразованностью и требовательностью, они гордились передъ мужикомъ, тѣснили его, а пили съ нимъ не хуже прежнихъ. Трезвый священникъ въ тѣ времена былъ большая рѣдкость. Благочинный обыкновенно былъ только номинальный начальникъ. Онъ уже пилъ безъ просыпу, потому что имѣлъ болѣе на это средствъ. Онъ два или три раза въ годъ объѣзжалъ благочиніе, то-есть бралъ контрибуцію съ каждаго прихода деньгами и натурой. Ему платили и его угощали. Я помню, какъ одинъ опился въ такомъ объѣздѣ. Можно себѣ представить, каковъ былъ порядокъ, каковъ былъ надзоръ за молодыми священниками! Эти юноши говорили: до Бога высоко, до архіерея далеко. И точно правда: что можетъ знать архіерей о нашихъ сельскихъ священникахъ, если онъ даже и объѣзжаетъ свою паству? Его ждутъ, приготовляются къ его пріѣзду, и все бываетъ въ порядкѣ. Кто худъ, кто хорошъ—отличить нельзя. До какой степени архіереи не знали нравственности священниковъ своей эпархіи, послужитъ доказательствомъ то, что въ одномъ извѣстномъ мнѣ благочиніи, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, одинъ только священникъ получилъ награду, набедренникъ, и этотъ былъ самый дурной во всемъ благочиніи; но онъ имѣлъ какого-то родственника въ консисторіи. Благочинный же знаетъ жизнь и характеръ каждаго священника въ своемъ вѣдомствѣ, и если онъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то такія грубыя ошибки быть не могутъ, да нынче и не бываютъ. Я никогда не судила строго молодыхъ священниковъ. Я всегда понимала, что молодые люди, преданные совершенно своей волѣ, исключенные изъ порядочнаго общества, окруженные дурными примѣрами отцовъ и братьевъ, должны гибнуть. Во всякомъ другомъ званіи, молодой человѣкъ начинаетъ службу съ низшихъ инстанцій, онъ подъ страхомъ, подъ руко-

водствомъ, подъ отвѣтственностью. А тутъ мальчикъ прямо изъ школы облеченъ въ санъ священника, поставленъ этимъ выше всѣхъ, кто непосредственно окружаетъ его, ни отъ кого не зависитъ, никого не боится, потому что, если возникнетъ жалоба, онъ очень легко сдѣлается съ своимъ благочиннымъ и еще легче съ своими прихожанами: незлопамятность и великодушіе передъ смиряющимся—отличительныя черты русскаго мужичка. Оттого и пословица: лежачаго не бьютъ.

Все, что̀ я теперь говорю, не можетъ оскорбить никого; слава Богу, это все древняя исторія. Все измѣнилось къ лучшему въ теченіи этихъ сорока лѣтъ, и не одно это; но еслибъ я стала разказывать, что̀ было въ тѣ времена и по гражданскому управленію въ деревняхъ, то теперь никто бы этому не повѣрилъ. Да я и сама не понимаю, какъ могъ существовать подобный порядокъ вещей. Но я не буду объ этомъ распространяться, это повело бы меня слишкомъ далеко; я буду лучше говорить о томъ, что̀ значитъ хорошій благочинный и какую существенную пользу онъ приноситъ, исполняя свои обязанности какъ слѣдуетъ. Я знаю благочиніе, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на половину было дурныхъ священниковъ. Благочинный, хотя трезвый, также объѣзжалъ два раза въ годъ благочиніе, бралъ контрибуцію, хорошихъ священниковъ притѣснялъ, дурныхъ миловалъ—они были его данники—и всѣ дѣла, сколько можно, рѣшалъ миролюбиво самъ. Онъ уже скончался, не оставивъ дѣтей; поэтому я и говорю о немъ смѣло, не боясь ни повредить никому, ни огорчить никого. На мѣсто его поступилъ человѣкъ умный, дѣятельный и честный. Нельзя себѣ представить, что̀ онъ вытерпѣлъ, прежде чѣмъ поставилъ себя какъ слѣдуетъ въ отношеніи къ священникамъ. Надо было имѣть его твердость и молодое рвеніе, чтобъ устоять. Самое то, что онъ при объѣздѣ входилъ въ каждую церковь и осматривалъ святые запасные дары, казалось личнымъ оскорбленіемъ священникамъ, а замѣчанія его и вообще всякій порядокъ—невыносимымъ притѣсненіемъ. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ, но послѣдствія оказались самыя утѣшительныя для всѣхъ благомыслящихъ людей. Пользуясь довѣріемъ начальства, онъ старался, чтобы на упразднившіяся мѣста поступали только люди хорошіе. Три священника, изобличенные въ дурной жизни, выбыли, и теперь почти всѣ священники его благочинія люди безукоризненные, нѣкоторые даже отличные, а одинъ или два изъ прежнихъ, не совсѣмъ хорошіе, ведутъ себя осторожнѣе и благообразнѣе. Мнѣ скажутъ: «Да, хорошо, еслибы вездѣ были такіе благочинные.» Да вѣдь хорошо бы, еслибъ и всѣ губернаторы были отличные. А сорокъ лѣтъ тому назадъ не только такого благочиннаго не было, но и ничего

подобнаго. Быть хорошимъ исполнителемъ своихъ обязанностей всегда дѣло трудное, но съ успѣхами просвѣщенія, которое такъ незримо, а между тѣмъ такъ ощутительно проникаетъ въ нашу Россію, все будетъ легче и легче. Можно себѣ представить, сколько враговъ нажилъ себѣ этотъ *кововводитель*, какъ справедливо называютъ этого благочиннаго, и еслибъ благоразумное начальство не поддерживало его, то онъ вѣроятно бы погибъ. Его называютъ интриганомъ, но онъ не смѣстилъ ни одного хорошаго священника; напротивъ, онъ представляетъ ихъ къ наградамъ. Его зовутъ лихоимцемъ, а между тѣмъ жалуются, что онъ всякое дѣло доводитъ до консисторіи; этимъ онъ устраняетъ себя отъ судебной власти и отъ средствъ чѣмъ-либо покорыстоваться. Это оттого, что чистое стремленіе къ добру есть такая непонятная новизна въ деревняхъ, что ей никто не хочетъ еще вѣрить.

Благочинный есть необходимый посредникъ между священниками и архіереемъ. Злоупотребленія власти въ излишней строгости тутъ быть не можетъ. Законы ли наши такъ милосерды, или способъ судопроизводства, этого я не знаю; но знаю то, что у насъ гораздо легче оправдаться виновному чѣмъ изобличить виноватаго. Современемъ, конечно, отдадутъ справедливость этому благочинному и станутъ ему подражать. Впрочемъ и теперь уже, хотя не въ такомъ совершенствѣ, но вездѣ благочинные, болѣе или менѣе, исполняютъ свои обязанности. Я недавно говорила съ однимъ молодымъ и добрымъ священникомъ этого благочинія. Я ему сказала: «Согласитесь, батюшка, что вы въ первые годы вашего священства многаго не сдѣлали изъ страха благочиннаго.» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Правда, этотъ страхъ мнѣ и теперь еще полезенъ, я молодъ.» Этотъ смиренный отвѣтъ лучше всѣхъ моихъ доказательствъ. Уничтожить благочинныхъ значило бы снять всякую узду съ молодыхъ, неопытныхъ людей, которые, по своему званію, должны быть примѣромъ и наставниками милліонамъ людей; а кто изъ насъ можетъ похвалиться, что въ молодости не нуждался въ грозѣ и руководствѣ?

Думаю теперь остановиться, хотя многое могла бы еще сказать; но, какъ говорятъ Французы, toute vérité n'est pas bonne à dire.

N.

УЧЕНЫЙ СКАНДАЛЪ.

Письмо къ редактору

М. Г. Покорнѣйше прошу васъ сдѣлать на нынѣшній разъ исключеніе въ пользу настоящей статьи и помѣстить въ *Современной Лѣтописи* замѣчанія по поводу такого предмета, который, кажется, никогда еще не попадалъ на страницы вашего журнала, а именно *нумизматики*. Я, какъ и всѣ вообще ваши читатели, очень хорошо знаю, что этотъ предметъ столько исключителенъ и спеціяленъ, что обыкновенно до него нѣтъ никакого дѣла массѣ публики. Однакоже я навѣрное знаю, что на нынѣшній разъ ей будетъ до него дѣло, и даже въ весьма значительной степени.

И это вотъ почему: рѣчь идетъ о фактахъ, столько же особенныхъ и любопытныхъ, какъ и лицо, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ.

Недавно вышло въ свѣтъ, въ Петербургѣ, сочиненіе академика Куника: *О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца.* Это сочиненіе чрезвычайно основательное, дѣльное, принадлежащее къ числу замѣчательнѣйшихъ историко-нумизматическихъ изслѣдованій. Въ немъ разработано окончательно и со всею подробностію нѣсколько разнообразныхъ вопросовъ русской нумизматики, тѣмъ болѣе важныхъ и интересныхъ, что они относятся къ древнѣйшему періоду нашей исторіи. Но не о сочиненіи г. Куника нужно мнѣ говорить здѣсь. Мнѣ нужно говорить только о томъ дѣлѣ, которое послужило главнѣйшею побудительною причиной г. Кунику къ написанію его изслѣдованія.

Года два тому назадъ, господинъ Кене, считающій себя однимъ изъ нашихъ ученыхъ, нашелъ въ Стокгольмѣ, въ кабинетѣ монетъ и медалей, одну очень древнюю монету, которую не могли объяснить шведскіе антикваріи: онъ призналъ ее за русскую. Сдѣлавъ самъ съ нея рисунокъ, онъ представилъ его въ здѣшній Эрмитажъ съ объясненіемъ, что эта монета IX вѣка, что на ней изображенъ великій князь Олегъ, какъ это видно изъ латинской надписи «Oleg rex» (князь Олегъ); что въ другой надписи, на оборотѣ, написаны по-латини же слова «Regwigw o Nrogad», которыя должны значить: *монетчикъ Регвигвъ въ Новгородѣ.* Изо всего этого г. Кене выводилъ заключеніе, что эта монета—есть древнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ памятниковъ древности.

Г. Куннку, какъ хранителю кабинета монетъ и медалей въ Эрмитажѣ, поручили разсмотрѣть мнѣніе г. Кене. Что же оказалось? Оказались вещи самыя куріозныя, какъ-то: что монета дѣйствительно русская, но что на ней изображенъ не языческій князь Олегъ, а великомученикъ Св. Георгій очень извѣстнаго византійскаго типа; что первая надпись вовсе не латинская «Oleg rex» (князь Олегъ), а греческая «o agios Georgios» (святой Георгій); что другая надпись также вовсе не латинская съ неслыханными словами «Regwigw o Nrogad», а церковно-славянская, и содержитъ очень ясно вычеканенныя слова «Ярославле сребро», и что вообще эта монета есть только новый, еще не встрѣчавшійся видъ монетъ, чеканенныхъ въ XI вѣкѣ, великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ, и которыя давно извѣстны не только русскимъ ученымъ, но и самому г. Кене.

Все это объясненіе г. Куникъ сдѣлалъ по рисунку г. Кене, который заподозрилъ сразу же въ совершенной неточности, какъ относительно контуровъ фигуры, такъ и формы буквъ. Потребовали изъ Стокгольма на справку галванопластическій снимокъ съ монеты: вышелъ правъ г. Куникъ,—рисунокъ г. Кене былъ столько же фантастиченъ, какъ и его объясненіе.

Что жь г. Кене? Онъ крѣпко разсердился за новую брешь въ атакованной уже и прежде, много разъ, его учености. Ему особенно было несносно то, что выбиваютъ его постыднымъ образомъ изъ сѣдла въ Петербургѣ, въ Россіи, гдѣ, разумѣется, никто ничего не смыслитъ по ученымъ дѣламъ. Онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на всѣ эти доводы и объясненія, которыя такъ непріятно рѣзали ему глаза, и объявилъ (письменно), что онъ можетъ только удивляться, какъ это у насъ здѣсь рѣшаются приписывать Ярославу такую вещь, гдѣ стоитъ такая ясная латинская надпись объ Олегѣ,—и что поэтому онъ напечатаетъ за границей свою статью объ Олегѣ. Тамъ лучше знаютъ, и поймутъ все дѣло по настоящему *знатоки, между которыми онъ не можетъ считать, къ сожалѣнію, и. служащихъ при Эрмитажѣ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ никогда ничего не печаталъ о нумизматикѣ* (1).

Послѣ неожиданной выходки г. Кене, ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлать общеизвѣстною всю исторію, передать ее въ руки публики, но вмѣстѣ съ тѣмъ передать ей и всѣ доказательства того, до какой степени нѣтъ ничего похожаго на правду во всѣхъ фантазіяхъ г. Кене объ Олеговой монетѣ. Г. Куннку поручили изложить подробно и напечатать свои опроверженія

(1) Г. Кене дѣйствительно напечаталъ потомъ свою статью въ берлинскомъ нумизматическомъ журналѣ, въ концѣ прошлаго года.

противъ г. Кене. Онъ это и сдѣлалъ въ появившемся теперь сочиненіи: *О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича.*

Какъ я уже выше сказалъ, здѣсь рѣшено нѣсколько важныхъ научныхъ вопросовъ, изслѣдовано множество подробностей, но вдобавокъ ко всему остальному произведено такое преслѣдованіе господина Кене по пятамъ, шагъ за шагомъ, не давая ему нигдѣ вздохнуть и опомниться, такое преслѣдованіе, о которомъ даетъ понятіе только охота въ отъѣзжемъ полѣ.

Наука въ большомъ выигрышѣ отъ новаго сочиненія г. Кене, а г. Кене?—Ну, наврядъ. Удовольствія онъ тутъ не пріобрѣлъ себѣ, кажется, а что̀ касается до пользы, то я тоже очень сильно сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, никакъ нельзя предположить, чтобы вся накопленная противъ него масса доказательствъ, изслѣдованій, опроверженій была ему на что-нибудь нужна. Не-естественно предположить, чтобъ онъ не былъ съ самаго же начала, съ перваго еще объясненія г. Куника, совершенно убѣжденъ въ томъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакого Олега, никакого неслыханнаго Регвигва-монетчика, да еще изъ Новгорода (скажите намилость, что̀ это за фокусъ-покусъ: *Nrogad*—Новгородъ?); не былъ бы совершенно убѣжденъ, что нѣтъ тутъ никакихъ латинскихъ надписей и пр. и пр. И надписи, и типы, одинъ разъ узнанные, такъ ясны, такъ просты, что и ребенокъ тутъ пойметъ, не только что взрослый станетъ спорить. Притомъ же, какъ упоминаетъ о томъ и г. Куникъ, «г. Кене въ теченіи почти двадцати лѣтъ показывалъ особенную любовь къ нумизматикѣ, и напечаталъ рядъ сочиненій и статей, которыя касаются средневѣковыхъ и новыхъ монетъ почти всѣхъ народовъ Европы; кромѣ того, онъ занимался греческою, византійскою и трапезунтскою нумизматикой, также и классическою археологіей, и даже западно-европейскою, литовскою и русскою геральдикой.» Ясно, что изъ такой гумбольдтовской, многосторонней дѣятельности, можно вынести по крайней мѣрѣ хоть одно: возможность прочитать надпись, правильно и неопровержимо разобранную другими, возможность сличить данное изображеніе со множествомъ другихъ того же самаго типа, которыя вамъ кладутъ передъ глазами. Поэтому я и не сомнѣваюсь, что вотъ уже болѣе года, какъ г. Кене искреннѣйшимъ образомъ убѣжденъ въ томъ, что монета, кое-какъ срисованная имъ въ Стокгольмѣ, и кое-какъ объясненная имъ въ Петербургѣ, есть не что̀ иное, какъ монета Ярослава—спорить тутъ нѣтъ уже никакого средства. Но для г. Кене все дѣло вотъ въ чемъ: Это что̀ еще? меня смѣютъ компрометировать? собираются портить мою репутацію? въ Россіи? Вотъ еще важное дѣло: — Ярославъ такъ Яро-

славъ, Олегъ такъ Олегъ, Богъ съ ними совсѣмъ, но — меня? въ Россіи? въ этой Россіи, гдѣ мнѣ, этакъ, пожалуй испортятъ мою *карьеру*, мое *положеніе?* вотъ я васъ! » И вотъ, г. Кёне печатаетъ свою статью заграницей. Ему нужна жалоба и доносъ на постыдную русскую науку и постыдныхъ русскихъ ученыхъ, которые выдумали читать латынь по-русски.

Развѣ все это дозволительно? Развѣ намъ нужны здѣсь такіе люди, которымъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла не только до нашей науки, до нашихъ памятниковъ, но собственно говоря ни до какой на свѣтѣ науки, ни до какихъ на свѣтѣ памятниковъ, и которые однакоже являются къ намъ просвѣщать насъ по многимъ статьямъ, имъ извѣстнымъ, какъ они увѣряютъ, и живутъ у насъ только для того, чтобы находить все у насъ нелѣпымъ и безтолковымъ, и жаловаться потомъ въ свой Vaterland—если только у нихъ есть Vaterland! Развѣ нужно намъ терпѣть здѣсь людей, которые являются подъ титломъ ученыхъ, которые потомъ вовсе такими не оказываются, а вмѣсто того ухитряются пустить у насъ порядочные корни вездѣ, гдѣ ихъ вліяніе можетъ быть только вредно? Нѣтъ, они намъ ненужны; но за то, кажется, мы имъ крѣпко нужны. Вспомнимъ, что этого сорта индивидуумы особенно сильны по части практической, и необыкновенно ловки по части искусства свивать себѣ теплыя гнѣзда. Вспомнимъ, что только недавно г. Кене пересталъ быть хранителемъ кабинета монетъ при Эрмитажѣ, вспомнимъ слова г. Куника въ концѣ его изслѣдованія: «въ ноябрѣ 1859 года, г. Кене доставилъ мнѣ оттискъ своей статьи, *къ чему присовокупилъ свои угрозы въ случаѣ новаго противорѣчія съ моей стороны.* Какъ человѣкъ, я могу простить и забыть *этотъ и другіе поступки г. Кене, они характеризуютъ особенно его...*» вспомнимъ все это, и тогда мы получимъ маленькое понятіе о томъ, какого рода дѣятельность бываетъ у такихъ людей, какая путаница и безтолковщина должна происходить тамъ, гдѣ они распоряжаются и приказываютъ, какъ они готовы идти, для пользы своихъ собственныхъ дѣлъ, наперекоръ чему бы то ни было на свѣтѣ, готовы мѣшать всякому знанію и истинѣ, готовы ломать и коверкать что угодно.

Какъ будто для подтвержденія моихъ теперешнихъ словъ, г. Кёне, между прочимъ, позаботился о произведеніи на свѣтъ такого факта, который вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Олегомъ, съ жалобой за границей, съ угрозами и «другими поступками» (по словамъ г. Куника), оставляетъ намъ отличную память о достойномъ ученомъ.

Кто не знаетъ въ наше время всю цѣну тому пустому и ничтожному занятію, которое называютъ геральдикой? Геральдику

называютъ наукой, и это совершенная правда, когда дѣло идетъ о геральдикѣ, какъ части археологіи, какъ отрасли историческихъ изслѣдованій о временахъ и родахъ минувшихъ, изслѣдованій объ извѣстныхъ подробностяхъ средневѣковаго склада жизни. Эта геральдика, само собою разумѣется, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду историческихъ знаній. Но заниматься въ наше время геральдикой, для практическаго употребленія во вседневной нашей жизни, стараться о воскрешеніи и поддержаніи этого давно сгнившаго, негоднаго сучка, писать ея законы, давать ей мѣсто въ современной жизни — это просто дѣло постыдное. Кажется, нынче никто въ этомъ не сомнѣвается. Но господинъ Кене, какъ практическій ученый, нашелъ, что «всякъ злакъ на пользу человѣкомъ», въ томъ числѣ и геральдика, что и до сихъ поръ можно этими смѣшными пустяками дѣйствовать на чванливость или пустоту людей полезныхъ или выгодныхъ, что пожалуй и до сихъ поръ найдутся баре, для которыхъ стóитъ изъ кожи лѣзть вонъ, чтобы доказать, что они происходятъ отъ Карла Великаго или Далай-Ламы. Такимъ образомъ господинъ Кене съ жаромъ занялся у насъ здѣсь русскою геральдикой, и выкраиваетъ, передѣлываетъ, выстраиваетъ, моетъ и гладитъ гербы, прилагая при этомъ главное стараніе о томъ, чтобы какъ можно точнѣе и основательнѣе придерживаться *законовъ геральдики!* Посреди своихъ эквилибристическихъ экзерцицій онъ докарабкался даже и до нашего общаго русскаго герба, и принялся со страстію доказывать, что онъ тоже не такой, какой долженъ быть, *по правиламъ гаральдики...*

Что касается до формъ и представленій Св. Георгія, мы находимъ не мало капитальныхъ данныхъ въ одномъ изъ отличныхъ приложеній къ труду г. Куника, подъ заглавіемъ: *О византійскихъ и древне-русскихъ изображеніяхъ Св. Георгія Побѣдоносца.* Есть и тутъ за чтò поблагодарить г. Куника, разоблачившаго хитросплетенія г. Кене.

Что же касается до той части нашей публики, которая можетъ интересоваться наукой и дѣлами, съ нею связанными, то, кажется, послѣ нынѣшней книги г. Куника, разоблачившей господина Кене не съ одной, а съ *разныхъ* сторонъ, ей остается только радоваться, что этотъ пóслѣдній *ученый* не завѣдываетъ (какъ слышно) больше ничѣмъ ни въ одной изъ нашихъ великолѣпныхъ эрмитажныхъ коллекцій.

Ст. Владиміровъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРОПЫ И ПЛЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ.

Скоро историкамъ придется искать новаго основанія для раздѣленія исторіи, какихъ-нибудь другихъ категорій для обозначенія ея великихъ періодовъ, въ замѣнъ доселѣ употребляемыхъ, которыя становятся, очевидно, неудобными. За древнею исторіей слѣдуетъ исторія среднихъ вѣковъ, а за нею исторія новая; но жизнь идетъ впередъ, и новая исторія оказалась недостаточною, потребовалось возвести ее въ высшую степень, понадобилась исторія новѣйшая. Дальнѣйшее возведеніе въ степени будетъ уже неудобно. Но по всѣмъ признакамъ наступаетъ эпоха, которая должна существенно измѣнить политическое и международное устройство Европы и положить ощутительную грань между предыдущимъ и послѣдующимъ. Время, въ которое мы живемъ, не даетъ ни на чемъ остановиться, и предаетъ все неудержимому движенію. Искуственный порядокъ, который послѣ наполеоновскихъ войнъ былъ установленъ въ Европѣ на основаніи акта вѣнскаго конгреса, не только отжилъ свой вѣкъ, но уже не существуетъ ни *de jure*, ни *de facto*. Давно были очевидные признаки, что въ этомъ порядкѣ изсякла та малая жизненность, которая была сообщена ему на время. Движеніе 1848 и 1849 годовъ было этимъ очевиднымъ признакомъ; оно было бы невозможно въ такихъ размѣрахъ и въ такой силѣ, еслибы начала, которымъ держался существовавшій порядокъ, сохраняли еще въ себѣ какую-нибудь жизненность. Довольно было одного толчка, чтобы распространить по лицу всей Европы, до самыхъ предѣловъ нашего отечества, это страшное движеніе, которое разомъ ниспровергло всѣ эти величавыя постройки, ка-

завшіяся несокрушимыми. Въ исторіи мало примѣровъ подобной катастрофы, мало подобныхъ превратностей судьбы, какія представили намъ эти роковые годы и какія вообще представляетъ послѣднее время. Но движеніе было сильно не столько собственною силою, сколько внутреннимъ безсиліемъ преградъ, то-есть въ немъ, какъ говорится, была только разрушающая сила и не было ничего созидающаго. Оно распространялось потому, что все само собою валилось. Самые разнородные элементы безсознательно смѣшивались, и самые однородные безсознательно сталкивались между собою. Въ слѣпотѣ своей, движеніе не ограничивалось тѣмъ, что̀ рушилось само собою,—оно кинулось и на то, что̀ несокрушимо, что̀ подлежать ему не могло, то наконецъ, что̀ одно могло оправдать его и дать ему внутреннюю силу. Оно замѣшалось и запуталось, потому что оно не было движеніемъ новаго духа, а лишь движеніемъ паденія, движеніемъ разрушающагося порядка, потерявшаго внутреннюю опору и всякую жизненность. Гроза прогремѣла, но воздухъ не очистился, какъ бываетъ послѣ грозы. Тишина возстановлена, и возтановлено подобіе порядка; карта Европы осталась безъ имѣненія, только Франція два раза перемѣнила свой титулъ, назвавшись республикою вмѣсто королевства, и имперіей вмѣсто республики; все, повидимому, вошло въ свои прежніе предѣлы, и европейское устройство опять, повидимому, закрѣпилось. Но все это были только наружные знаки, которымъ ничего не соотвѣтствовало въ сущности. Этотъ порядокъ былъ призракомъ, а не живымъ дѣломъ. Напрасны были ожиданія, что мертвое оживетъ. Приверженцамъ отжившаго слѣдовало не обольщать себя несбыточными надеждами, а готовиться къ тому, чтобы благочестиво похоронить его.

Восточная война сорвала закрѣпу, которою держалось отжившее устройство. Она убила священный союзъ, или, лучше сказать, обнаружила ея невозможность. Вопросъ за вопросомъ возникаетъ ежедневно, и теперь въ положеніи Европы рѣшительно нѣтъ ничего твердаго; все подвержено сомнѣнію, все течетъ, и наступающее утро не знаетъ что̀ принесетъ съ собою вечеръ. Но въ этомъ движеніи замѣтно уже явственное направленіе, и дѣйствительно чувствуется приближеніе чего-то новаго. Явственно обозначились съ одной стороны стремленія либеральныя, несущія начала правильнаго политическаго устройства, съ другой—стремленія народныя, которыя пробиваются съ кровавыми усиліями. Вся западная Европа приняла или принимаетъ принципъ свободныхъ учрежденій. Даже Австрія, которая до сихъ поръ была главною опорой, можно сказать центромъ анти-либеральныхъ стремленій, даже Австрія становится государствомъ конституціоннымъ. Начало политической свободы не можетъ ожидать бо́льшаго тор-

жества: оно почувствовано, оно уже признано въ сердцѣ силы, самой враждебной ему. Правда, австрійскія реформы — попытка еще слишкомъ слабая, отъ нихъ нельзя ожидать много проку, на нихъ дѣло, конечно, не остановится; но важно то, что и тамъ почувствована необходимость политическихъ реформъ. Послѣднія событія въ Австріи, бывшія прямымъ послѣдствіемъ италіянской войны, заслуживаютъ особеннаго вниманія: они очень назидательны; мы не замедлимъ возвратиться къ нимъ и представить ихъ нашимъ читателямъ въ возможно полномъ очеркѣ. Во Франціи, не смотря на фактическое господство диктатуры, принципъ либеральныхъ учрежденій признанъ уже давно и ждетъ только возможности осуществиться на дѣлѣ. Дѣйствительно, можно смѣло сказать, что это начало господствуютъ теперь повсюду въ западной Европѣ, за исключеніемъ Неаполя и Папскихъ Владѣній: грустные остатки когда-то могущественной системы, не терпѣвшей ни малѣйшаго противорѣчія, не допускавшей и тѣни возможности чего-либо другаго, тѣмъ болѣе грустныя, что они какъ будто для того и уцѣлѣли, чтобы въ лицѣ ихъ было умалено то, что̀ прежде было такъ сильно, такъ велико, такъ превознесено надъ всякими сомнѣніями.

Замѣчательно, что въ то самое время когда въ Италіи демагогія отказалась отъ своихъ притязаній въ пользу конституціонной монархіи, предоставляя ей соединить и оживить итальянскую народность, когда Гарибальди, этотъ знаменитый республиканскій вождь, такъ рѣшительно и искренно объявилъ себя орудіемъ свободной и вмѣстѣ монархической Италіи, когда притихъ даже Мадзини,—въ Испаніи претенденты другаго рода также отказались торжественно отъ своихъ притязаній и присягнули на вѣрность конституціонной монархіи, утвердившейся въ этой странѣ. Конституціонный тронъ Изабеллы постоянно находился въ борьбѣ съ этими притязаніями упраздненной системы. Донъ-Карлосъ завѣщалъ сыновьямъ свои права, и хотя карлистскія движенія никогда не имѣли успѣха и со дня на день становились все слабѣе и безвреднѣе, тѣмъ не менѣе они удерживали за собою начало законности и дѣлали какъ бы спорнымъ существованіе новой системы. Недавняя безумная попытка, предпринятая губернаторомъ Балеарскихъ острововъ Ортегой, который, обманувъ войска, находившіяся подъ его командой, высадился въ Испаніи вмѣстѣ съ графомъ Монтемолиномъ, можетъ, конечно, считаться уже послѣднимъ актомъ этой безтолковой трагедіи, извѣстной подъ названіемъ испанскихъ дѣлъ. Ортега легко былъ захваченъ и разстрѣлянъ. Претендентъ былъ также захваченъ, но онъ предпочелъ спасти свою жизнь отреченіемъ отъ своихъ притяза-

ній, — тѣхъ притязаній, за которыя пролилось столько крови и которыя такъ долго потрясали страну.

Итакъ, новая система публичнаго права, которая впервые выработалась въ Англіи, но отнюдь не составляетъ ея исключительной принадлежности, ибо начала его заключаются въ самой сущности государства, стала въ Европѣ господствующимъ фактомъ. Всѣ противодѣйствующія ему стремленія выбиты изъ центра и получили значеніе дурныхъ крайностей, все болѣе и болѣе теряющихъ смыслъ. Новое публичное право, принимаясь въ различныхъ странахъ Европы, уже перестаетъ быть простою формой, простымъ подражаніемъ, и все болѣе и болѣе пускаетъ корни, становится дѣломъ живымъ и народнымъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ Пруссіи говоритъ особенно убѣдительно. Но народные элементы не вездѣ, къ сожалѣнію, поставлены согласно съ движеніемъ государственнаго устройства. Тамъ, гдѣ народныя стремленія сливаются съ либеральными стремленіями вѣка въ одну силу, сила эта дѣйствуетъ неотразимо и плодотворно. Но гдѣ обѣ группы пересѣкаютъ другъ друга, тамъ происходитъ грустное замѣшательство, парализируется всякій успѣхъ, и выходятъ на свѣтъ дурныя крайности; внутреннія потрясенія и гроза войнъ являются въ перспективѣ, общественное благосостояніе подвергается новымъ опасностямъ. Когда дѣло идетъ о жизни и смерти, человѣкъ забываетъ обо всѣхъ благахъ своего существованія. Точно также и народность: когда вопросъ касается ея существованія, она естественно забываетъ все, чему должна служить основой, въ чемъ состоитъ и благосостояніе, и достоинство человѣческихъ обществъ; подъ властію инстинкта самохраненія она будетъ готова на всѣ рѣшенія. Слѣдя за общими началами, управляющими жизнію человѣческихъ обществъ, мы не должны забывать тѣхъ великихъ индивидуальныхъ основъ, которыя не входятъ въ содержаніе понятій, тѣхъ силъ, которыя не формулируются, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и дѣйствуютъ. Къ этимъ индивидуальнымъ силамъ принадлежатъ народности. Напрасно думаютъ, что силы эти ослабѣли и потеряли значеніе, и что нѣтъ надобности принимать ихъ въ расчетъ. Событія показываютъ, что силы эти живы, и что если онѣ гдѣ-либо спокойны и неслышны, то лишь тамъ, гдѣ существованіе ихъ не подвергнуто вопросу. Именно въ наше время особенно ощутительно стремленіе соплеменныхъ элементовъ сосредоточиваться и группироваться въ обширныя политическія цѣлыя. Вотъ, послѣ многихъ вѣковъ страданій, собирается италіянская земля, и національное чувство сближаетъ и миритъ всѣ партіи въ виду общаго отечества. Вотъ, вслѣдъ за тѣмъ, возникаетъ вопросъ германскій, который давно уже томитъ умы и давно уже стоитъ на

исторической очереди. То, о чемъ прежде трудно было бы и помыслить, высказывается теперь открыто и становится лозунгомъ не только отдѣльныхъ людей или отдѣльныхъ партій, но и самихъ правительствъ. Австрія чувствуетъ теперь, что̀ значитъ эта сила народностей, которыхъ она была безпощаднымъ отрицаніемъ....

Что касается до италіянскаго дѣла, то оно неудержимо стремится впередъ. Италія не довольствуется безыменнымъ королевствомъ съ двѣнадцатью милліонами жителей. Вся страна находится въ броженіи; крики: «Италія и Викторъ-Эммануилъ!» раздаются уже въ Сициліи и даже въ Неаполѣ. Сопротивленія, которыя организуются въ Римѣ и роковое ослѣпленіе бурбонской династіи въ Неаполѣ, только усиливаютъ и какъ бы оправдываютъ возстаніе. Вниманіе всей Европы устремлено теперь на отважную попытку Гарибальди. Одни пророчатъ ей вѣрный успѣхъ, другіе не сомнѣваются въ неудачѣ. Одни видятъ въ немъ героя, рѣдкаго въ наши дни, въ которомъ воплотились стремленія цѣлаго народа; другіе честятъ его флибустьеромъ и пиратомъ. Самыя телеграммы, долетающія до насъ изъ тѣхъ мѣстъ, представляютъ совершенное разногласіе: по однимъ вездѣ торжествуютъ королевскія неаполитанскія войска, по другимъ торжествуетъ возстаніе. Но, несмотря на предостереженіе газетъ не довѣрять телеграммамъ благопріятнымъ возстанію и ожидать болѣе точныхъ телеграммъ изъ Неаполя, публика болѣе вѣритъ депешамъ неофиціяльнымъ и идущимъ не изъ Неаполя. Безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени, узнаемъ мы и точныя подробности этихъ событій, и исходъ ихъ, который не можетъ замедлить. Сардинское правительство поспѣшило сложить съ себя всякую отвѣтственность за экспедицію Гарибальди; оно не оказывало ей содѣйствія, оно только не могло воспрепятствовать ей, хотя впрочемъ отправило вооруженный пароходъ въ погоню за судами, забравшими волонтеровъ Гарибальди числомъ до 2.000 человѣкъ, въ слѣдъ за которыми должно было отправиться еще столько же. Офиціяльно, сардинское правительство держитъ себя въ сторонѣ, и Неаполь пока еще не прерываетъ съ нимъ дипломатическихъ сношеній.

Англійское министерство, высказывая откровеннѣе піемонтскаго свое сочувствіе дѣлу сицилійскаго возстанія, уклоняется отъ офиціяльнаго и прямаго вмѣшательства. Дипломатическія сношенія между Неаполемъ и Англіей также не прерывались, — и если государственные люди, которые держатъ теперь власть въ Англіи, выражались рѣзко о системѣ неаполитанскаго правительства и дѣлали ему не очень лестныя представленія, то, какъ замѣтилъ лордъ Джонъ Россель, оно само обращалось къ нимъ и тѣмъ давало

имъ право говорить откровенно. «Министры короля Обѣихъ Сицилій, говорилъ лордъ Джонъ-Россель въ засѣданіи 4 мая, сносились съ нами отъ времени до времени какъ съ державой дружественною. Когда генералъ Гарибальди отправился къ Генуѣ съ вооруженными судами, правительство короля Обѣихъ Сицилій тотчасъ отнеслось къ правительству ея величества, прося его употребить всѣ старанія, чтобы задержать эту экспедицію, и я немедленно обратился къ сардинскому правительству, настаивая, чтобъ оно, если имѣетъ какую-либо власть надъ генераломъ Гарибальди, воспрепятствовало ему въ этомъ предпріятіи, пока онъ остается на службѣ короля сардинскаго. Но если у насъ просили такой дружеской услуги, то, я думаю, мы имѣли полное право съ своей стороны сказать: вы не хотите чтобы на васъ нападали, вы не желаете, чтобъ у васъ было возстаніе, — дозвольте жь, и намъ пожелать вашей администраціи быть на столько справедливою и на столько согласною съ общепризнанными началами, чтобы не было неудовольствія между вашими подданными. Мы имѣли полное право на такое мирное, безоружное вмѣшательство, имѣли полное право сказать наше мнѣніе объ ихъ системѣ. Мы никогда не угрожали правительству короля Обѣихъ Сицилій вооруженнымъ вмѣшательствомъ, но не хотѣли ни отъ кого скрывать наше мнѣніе о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ неаполитанскою полиціей.»

Что касается до папскаго правительства, то англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ отвѣтъ на запросы и упреки со стороны нѣкоторыхъ католическихъ членовъ палаты, высказался такъ: «Прежде всего я желаю заявить, что къ личному характеру папы я питаю величайшее уваженіе. Я считаю его человѣкомъ самымъ доброжелательнымъ; одинъ изъ членовъ этой палаты (г. Магиръ) издалъ книгу, въ которой показано, что и въ нѣкоторыхъ частяхъ папскаго управленія, какъ напримѣръ въ администраціи госпиталей и т. п., обнаруживается въ высокой степени духъ милосердія и благотворенія, характеризующій папу. Но есть другія отрасли государственной дѣятельности, преимущественно отправленіе правосудія, которыя, не говорю нынѣшній папа въ особенности, но вообще всякое церковное правительство не можетъ, по моему мнѣнію, вести удовлетворительно для народа. Я говорю это не потому, что я не католикъ, а членъ англиканской церкви. Я имѣю великое уваженіе къ архіепископу кентерберійскому, но увѣренъ, что еслибъ ея величество захотѣла вручить ему управленіе графствомъ Кентскимъ, графство это въ скоромъ времени стало бы самою жалкою частію королевства...»

Какъ бы то ни было, англійское правительство желаетъ полнаго

успѣха италіянскимъ патріотическимъ движеніямъ, и въ этомъ отношеніи оно имѣетъ въ виду столько же интересъ своей политики, сколько и тѣ начала, которыя служатъ лозунгомъ италіянскихъ движеній. Оно помогло присоединеніямъ центральной Италіи къ Піемонту, оно желаетъ возможно полнаго соединенія Италіи, которая могла бы занять мѣсто великой державы въ совѣтахъ Европы и быть дѣйствительною силой, независимою отъ сосѣдей. Что же касается до общественнаго мнѣнія, то въ Англіи оно не обязано справляться съ мнѣніями министровъ. Оно не ограничивается однимъ сочувствіемъ; въ пользу сицилійскаго возстанія организована подписка, и волонтеры Гарибальди отправлялись въ Сицилію на англійскихъ торговыхъ судахъ. Изъ объясненій лорда Джона-Росселя, въ засѣданіи 17 мая, явствуетъ, что два англійскія военныя судна находились у Марсалы въ самое то время, когда высадились тамъ волонтеры. Суда эти были отряжены командиромъ англійской эскадры на Средиземномъ море для защиты англійскихъ подданныхъ въ случаѣ ожидаемыхъ столкновеній. Неаполитанскіе военные пароходы, въ виду которыхъ происходила высадка, не рѣшились стрѣлять, неизвѣстно по какой причинѣ, ни въ суда, ни въ людей. Когда люди высадились, командиръ неаполитанскаго парохода потребовалъ, чтобъ отправлена была англійская барка захватить эти суда. Но капитанъ Марріетъ, которому было предписано соблюдать строгій нейтралитетъ, отказался исполнить это требованіе. Наконецъ, неаполитанскія суда открыли огонь противъ Марсалы, но не прежде какъ заявивъ о томъ англійскому командиру, съ тѣмъ чтобъ онъ отозвалъ изъ города людей своего экипажа, которые могли въ то время находиться тамъ.

Во Франціи публика принимаетъ также весьма живое участіе въ италіянскомъ дѣлѣ. Мудрено ли, что въ Англіи открыта подписка въ пользу этого дѣла, когда такая же подписка была объявляема даже во Франціи при редакціяхъ разныхъ журналовъ? Но французское правительство молчитъ и, повидимому, устраняется отъ всякаго, даже нравственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Оно требовало отъ Сардиніи объясненій по поводу экспедиціи Гарибальди, но довольно легко удовольствовалось тѣми, которыя были ему даны. Полуофиціяльные органы безпрерывно колеблются, переходя отъ рѣзкихъ порицаній почти къ полному оправданію дѣйствій италіянскаго патріота, потомъ снова переходя къ обвиненіямъ и снова принимая тонъ апологіи. Эта тема до сихъ поръ не вызвала ни одного предостереженія со стороны министра Бильйо, который такъ щедръ въ этомъ отношеніи, и даже сдѣлалъ недавно предостереженіе газетѣ *la Presse* за историческое замѣчаніе, что коалиція противъ Наполеона I находила себѣ сочувствіе въ самой Франціи, — замѣчаніе, ко-

торое, по мнѣнію министра, оскорбляетъ національную честь Франціи.

Впрочемъ, до сихъ поръ еще съ точностію неизвѣстно, находится ли самъ Гарибальди въ Сициліи, или, какъ есть нѣкоторыя основанія полагать, онъ собираетъ силы въ другомъ пунктѣ, чтобы, современно съ дѣйствіями его дружинъ въ Сициліи, нанести еще болѣе рѣшительный ударъ внутреннимъ противникамъ италіянскаго единства. Прокламаціи его летаютъ по всей Италіи, и немудрено, что онъ явится тамъ, гдѣ можетъ-быть менѣе всего ожидаютъ встрѣтить его.

Между тѣмъ какъ въ Италіи происходятъ эти движенія, имѣющія столько же національный, сколько и политическій характеръ, аналогическія явленія совершаются въ Германіи. Національное чувство разыгрывается всѣ сильнѣе и сильнѣе, но, къ сожалѣнію, нѣмецкое національное чувство не всегда обнаруживаетъ симпатическій характеръ. Въ нѣмецкомъ національномъ чувствѣ есть что-то скаредное и отталкивающее. Можно принимать къ сердцу глубокую потребность соединенія, которая высказывается теперь въ Германіи и которой главнымъ органомъ, главною надеждой является Пруссія. Можно понимать также эту ревнивую заботу Нѣмцевъ о положеніи нѣмецкихъ странъ, находящихся подъ властію другихъ государствъ,—хоть бы объ этихъ несчастныхъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи, о которыхъ было столько шуму въ Германіи, о которыхъ было ведено столько сутяжническихъ переговоровъ, запутанныхъ и длинныхъ, грозившихъ безконечностью, всѣмъ до смерти надоѣвшихъ, и измучившихъ не только Данію, но и цѣлую Европу. Канцеляристы Германскаго сейма, право, хуже всякихъ флибустьеровъ, хуже пиратовъ. Но какъ бы ни выражалось національное чувство, оно заслуживаетъ полнаго уваженія, если основано на справедливости и умѣетъ быть справедливымъ къ подобному чувству въ другихъ. Но Европѣ, казалось, что дѣло о герцогствахъ было покончено; можно было по крайней мѣрѣ думать, что теперь, когда возбуждено столько горячихъ внутреннихъ вопросовъ и столько опасеній, столько тревожныхъ ожиданій съ разныхъ сторонъ, вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ случилось въ одно воскресенье сказать проповѣдь какому-нибудь пастору въ какой-нибудь церкви герцогства Шлезвигскаго, на нѣмецкомъ или на датскомъ, могъ бы еще быть отложенъ до временъ болѣе благопріятныхъ. Вопросъ о кургессенской конституціи встрѣчаетъ радикальныя разногласія и производитъ еще большее разъединеніе въ тридцати разнокалиберныхъ нѣмецкихъ государствахъ, а по вопросу о Шлезвигѣ всѣ партіи сливаются, Австріецъ подаетъ руку Прусаку, нѣтъ ни Великогерманцевъ, ни Малогерманцевъ, и *Аугсбургская Газета* вполнѣ сочувствуетъ *Кельнской*. Раздробленная, униженная, безсильная у

себя внутри Германія, является единою, сильною, по крайней мѣрѣ крикливою въ Шлезвигскомъ герцогствѣ. Послѣ всѣхъ серіозныхъ преній, которыя происходили въ прусской второй палатѣ, и которыя служатъ доказательствомъ дѣйствительно начинающейся политической жизни въ Германіи, вдругъ поднялось это старое дѣло о Шлезвигѣ, поднялись жалобы на датскаго деспота, воззванія къ божескому правосудію, воззванія къ германскому патріотизму, къ патріотизму прусскому, къ Пруссіи, какъ къ члену конфедераціи, и къ Пруссіи, какъ къ европейской державѣ, вступиться за права притѣсненной нѣмецкой народности. И не одни вольнопрактикующіе ораторы, но и министры произносили по этому поводу сильныя рѣчи и давали торжественные обѣты. Хорошо и то по крайней мѣрѣ, что дѣло шло только о Шлезвигскомъ герцогствѣ, а о Гольштейнѣ и Лауенбургѣ упоминалось лишь кстати, хотя по настоящему только о Гольштейнѣ и могла бы идти рѣчь въ прусскихъ палатахъ или въ Германскомъ сеймѣ. Голштинское герцогство входитъ въ составъ Германскаго союза; но Шлезвигское не имѣетъ этой чести, оно просто область Датскаго королевства, на половину заселенная Датчанами. Данія обѣщала не притѣснять нѣмецкой народности въ этой провинціи, хотя Данія и безъ всякихъ обязательствъ не должна была бы притѣснять ее; что всѣ факты, приведенные нѣмецкими патріотами въ обвиненіе Даніи, при всѣхъ явныхъ преувеличеніяхъ, не представляютъ ничего такого, чего бы нѣмецкая народность не дѣлала относительно другихъ народностей, съ которыми привела ее въ соприкосновеніе историческая необходимость. Безъ всякаго сомнѣнія, датскія притѣсненія показались бы льготами въ сравненіи съ тѣми системами, которымъ слѣдуетъ народность нѣмецкая для подавленія и истребленія другихъ народностей. Болѣе циническаго неуваженія къ правамъ другихъ нельзя ничего себѣ представить,—и Нѣмцамъ ли касаться этого пункта, имъ ли поднимать вопросъ о національныхъ притѣсненіяхъ?

«Дѣло идетъ, говорилъ баронъ Шлейницъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, о двухъ странахъ, изъ которыхъ одна (Гольштейнъ) есть сильный и цѣнный членъ Германскаго Союза, другая же, хотя и несоединена политически съ Германіей, тѣмъ не менѣе составляетъ передовой оплотъ германскаго духа и германскихъ нравовъ, и обѣ населены однимъ изъ самыхъ лучшихъ, изъ самыхъ крѣпкихъ и благороднѣйшихъ нѣмецкихъ племенъ.» Все это было бы очень хорошо, все это можно бы выставить въ образецъ живаго народнаго чувства и въ соревнованіе другимъ народамъ, которымъ пріятно служить послушными орудіями для чуждыхъ цѣлей и въ угоду имъ подавлять въ себѣ всякій инстинктъ

своей крови. Итакъ, само посебѣ проявленіе народнаго чувства было бы дѣломъ весьма почтеннымъ даже въ его увлеченіяхъ; но вотъ, въ прусскомъ парламентѣ посреди горячихъ толковъ о «передовомъ оплотѣ германской народности», всталъ сказать свое слово одинъ изъ депутатовъ Познани, г. Бентковскій. «Ни я, ни друзья мои, сказалъ онъ, не имѣемъ намѣренія, въ этомъ важномъ вопросѣ, нарушать гармонію мнѣній какими нибудь раздражительными замѣчаніями; мы надѣемся, что эта гармонія выразится въ единогласномъ рѣшеніи палаты.» Нѣмецкая аудиторія, при этихъ словахъ огласила залу криками: *браво!* «Я и друзья мои, мы примемъ участіе, продолжалъ г. Бентковскій, въ этомъ единогласномъ заявленіи палаты»... И снова крики: *браво*, прервали рѣчь оратора. Когда они смолкли, онъ продолжалъ: «Уже одинъ взглядъ на общіе очерки этого вопроса побуждаетъ насъ къ этому рѣшенію. Вездѣ, гдѣ какой-либо народъ притѣсненъ безпощадною политическою системою въ своемъ языкѣ и въ своей самобытности, гдѣ, вопреки миролюбивымъ обѣщаніямъ, народность подвергается неразборчивымъ преслѣдованіямъ, гдѣ переименовываются старинныя историческія урочища, гдѣ даже школа и церковь лишаются своего національнаго характера, гдѣ дѣтямъ не даютъ учиться исторіи своей страны, гдѣ правительство не стыдится придавать такому образу дѣйствій видъ либерализма, утверждая, что оно хочетъ тѣмъ искоренить привилегіи дворянства,—гдѣ бы это ни случилось, въ Венгріи или въ Италіи, — не можетъ быть сомнѣнія, въ какую сторону подадимъ мы свой голосъ. Мы подаемъ голосъ въ пользу мѣръ противъ подобныхъ угнетеній, можетъ-быть съ большею горячностью чѣмъ вы, милостивые государи, потому что мы прошли школу несчастія, отъ какого да сохранитъ Богъ вашихъ дѣтей и внуковъ...» Здѣсь у оратора прервался голосъ, но не вслѣдствіе одобрительныхъ криковъ, какъ прежде. Крики: *браво,* уже не оглашали залы. «Но, милостивые государи, продолжалъ онъ оправившись, Германія не прежде найдетъ себѣ внутреннюю опору, какъ сосредоточившись въ самой себѣ, когда венгерскія и славянскія земли не будутъ болѣе имѣть повода жаловаться на Нѣмцевъ, въ чемъ теперь Шлезвигъ-Гольштейнцы жалуются на Датчанъ. Нѣкоторые будутъ, конечно, утверждать, что нѣмецкая народность стоитъ выше и имѣетъ большее право не подвергаться угнетенію. Но вѣдь это китайская точка зрѣнія. Вѣдь и Китайцы считаютъ себя единственными обладателями цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ, народъ, который сталъ бы о себѣ такъ думать, впалъ бы въ преувеличенное самомнѣніе. Развѣ, въ былыя времена, Германцевъ не считали Римляне за безсловесныхъ варваровъ?» Ораторъ старался доказать, что пока

Нѣмцы не освободятся отъ своихъ наклонностей къ преобладанію, отъ своей жадности къ захвату чужаго, они никогда не будутъ сильны внутри и всегда должны будутъ подвергаться неизбѣжной реакціи со стороны другихъ народностей. «Сколько мнѣ извѣстна исторія шлезвигъ-голштейнскихъ смутъ, продолжалъ познанскій депутатъ, угнетеніе, на которое жалуются эти области, есть дѣло весьма недавнее. Прежде оно имѣло болѣе политическое нежели національное свойство. Патентъ имѣлъ болѣе династическій нежели народный характеръ. Настоящія притѣсненія національности начинаются лишь съ 1848 года, послѣ того какъ во Франкфуртѣ были заявлены желанія присоединить къ Германіи Шлезвигъ *(слушайте, слушайте! и знаки удивленія)*,— да, милостивые государи, не только Шлезвигъ, но и насъ *(смѣхъ)*, хотя, конечно, мы были бы самымъ несчастнымъ пріобрѣтеніемъ для Германскаго союза... Впрочемъ, всѣ эти размышленія въ настоящую минуту не существенны. Въ эту минуту рѣчь идетъ о нарушеніи дѣйствительныхъ національныхъ правъ. А потому постараемся, чтобы нашъ нынѣшній вотумъ не остался пустымъ парламентскимъ памятникомъ, но чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ послужилъ къ улучшенію безотраднаго положенія Шлезвига.» При этихъ заключительныхъ словахъ аудиторія помирилась съ ораторомъ и снова, въ привѣтъ ему, раздались крики: *браво*, послѣ всѣхъ знаковъ удивленія, изъявленій веселости и выраженій неудовольствія, которые сопровождали предыдущее изложеніе.

Рѣчь г. Бентковскаго не осталась безъ возраженія. Ему отвѣчалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Шверинъ. Онъ нанаходитъ, что между Шлезвигомъ и Познанью не можетъ быть никакой параллели и что политическія отношенія этихъ странъ не имѣютъ между собою ничего общаго. «Въ Познани, сказалъ онъ, дѣйствуютъ мѣстные законы, и если то или другое изъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ поступитъ несправедливо, недовольнымъ не только открытъ путь для жалобъ, но и дано свободное слово здѣсь въ палатѣ.» Справедливо; мы видѣли какъ свободно могъ заявить свое мнѣніе депутатъ Бентковскій, и это дѣлаетъ честь установившемуся теперь политическому устройству Пруссіи и ея правительству. Но вопросъ не въ томъ. Германія жалуется не на политическія угнетенія Шлезвига, а на стѣсненія, которымъ подвергается народность нѣмецкихъ обитателей этого края. Данія обладаетъ точно такимъ же политическимъ устройствомъ, какъ и Пруссія, и обитатели Шлезвигскаго герцогства участвуютъ въ этихъ общихъ правахъ. Но германскіе патріоты возмущаются тѣмъ, что въ Шлезвигѣ правительство покровительствуетъ датскому языку и датской народности преимущественно передъ нѣмецкою. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ

обвиненія, отсюда воспламеняются громоносные протесты германскихъ патріотовъ, и только этого пункта коснулся г. Бентковскій съ своей стороны.

Въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ, самыхъ противоположныхъ по направленію, даже въ такихъ, гдѣ рѣчи прусскихъ министровъ приводятся лишь съ полемическими цѣлями, замѣчаніе графа Шверина было принято съ величайшимъ сочувствіемъ и безъ малѣйшей критики; всѣмъ понравилось, какъ сильно онъ *abgefertigt* и *zurückgewiesen* познанскаго депутата.

Графъ Шверинъ сказалъ, что жалобы Познанцевъ оказываются неосновательными. Но судя потому, какъ принимаемы были нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ, какой ходъ получали нѣкоторыя дѣла, поднятыя въ парламентѣ познанскими депутатами, дѣла непонятныя посреди цивилизованнаго и благоустроеннаго общества, — можно усомниться въ этомъ показаніи. Мы пока оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ были справедливы эти жалобы; но онѣ касались дѣйствій и злоупотребленій, которыя должны были бы возмутить палату и побудить правительство къ самому дѣятельному разбору дѣла, чтобъ убѣдиться въ истинѣ. Въ прошедшемъ году, около этого же времени, г. Нѣголевскій представилъ палатѣ доказательство провокаціонныхъ дѣйствій познанской полиціи, которая, подъ сѣнью прежняго мантейфелевскаго правительства, сама фабриковала зажигательныя прокламаціи, будто отъ революціоннаго комитета, находящагося въ Лондонѣ, и разсылала ихъ въ значительномъ количествѣ по мирнымъ обитателямъ Познанскаго княжества. Дѣло было въ высшей степени скандалезное, тѣмъ болѣе что въ немъ былъ замѣшанъ самъ президентъ княжества, г. Путкаммеръ. Доказательства были слишкомъ очевидны, дѣла нельзя было замять. Правительство обѣщало произвести слѣдствіе, но такимъ спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ какъ будто бы рѣчь шла о самомъ неважномъ предметѣ. Прошелъ годъ, и вотъ теперь снова явился г. Нѣголевскій напомнить объ этомъ дѣлѣ и представить новыя, еще болѣе сильныя улики противъ познанской полиціи. Прусскія газеты не могли скрыть, что рѣчь г. Нѣголевскаго и особенно прочтенный имъ документъ произвели сильное впечатлѣніе на палату. Но впечатлѣніе это, какъ видно, исчезло подобно легкому туману, а прусскія газеты старались, при передачѣ, такъ сократить рѣчь г. Нѣголевскаго, что лишь при тщательномъ вниманіи можно добраться до ея смысла. Прочитанный г. Нѣголевскимъ документъ есть случайно доставшееся ему письмо президента полиціи, г. Береншпрунга, къ одному изъ его подчиненныхъ. Письмо это не приведено въ газетахъ, хотя и сказано, что оно

произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на палату. Г. Нѣголевскій употребилъ всѣ старанія, чтобъ отыскать слѣды этого темнаго дѣла, — «по крайней мѣрѣ для того, сказалъ онъ, чтобы не могли называть клеветами, представленныя имъ прежде улики.» Онъ нашелъ, что дѣйствительно существуетъ революціонный комитетъ въ княжествѣ Познанскомъ, находящійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лондонскимъ. Комитетъ этотъ не отступаетъ ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей, какъ видно изъ его переписки съ лондонскими выходцами, но находитъ, что нужно всячески остерегаться прусской полиціи. И что̀ же? этотъ познанскій революціонный комитетъ, эти познанскіе заговорщики оказываются чиновниками мѣстной полиціи! Г. Нѣголевскій имѣетъ въ своихъ рукахъ письма этого комитета за два года, отъ 1858 по 1860 г. Имена, которыя значатся подъ этими письмами, принадлежатъ лицамъ дѣйствительно живущимъ въ Познани, но не подозрѣвающимъ существованія этихъ писемъ. Подписи эти подложныя, а истинными авторами писемъ оказывается самъ г. Береншпрунгъ, съ своимъ секретаремъ и другими сообщниками. Въ письмахъ этихъ, сколько можно видѣть изъ умышленно-скудной передачи въ нѣмецкихъ газетахъ, идетъ рѣчь о томъ, чтобы произвести революціонный взрывъ, и говорится о составленіи революціонныхъ прокламацій, которыя лондонскій комитетъ долженъ былъ выслать познанскому, и объ отправкѣ эмиссара. Въ этой перепискѣ упоминается также о запросахъ, сдѣланныхъ г. Нѣголевскимъ въ прошломъ году, о которыхъ сообщали мы нашимъ читателямъ. Авторы писемъ говорятъ здѣсь о самихъ себѣ, какъ о людяхъ постороннихъ и называютъ дѣйствія полиціи мелкою интригой, которая имѣла цѣлію «доставить лавры,» доносчикамъ, то-есть, чиновникамъ полиціи и г. Береншпрунгу. Такъ выражаются они о самихъ себѣ, для того чтобы лучше замаскироваться. Г. Береншпрунгъ, ведя эту дѣятельную переписку съ лондонскимъ и выходцами, представлялъ въ то же время тайныя донесенія прусскимъ властямъ и обманывалъ ихъ, навлекая подозрѣніе на лица невинныя. Этого мало: старались даже обмануть иностранныя правительства, именно правительство русское въ лицѣ князя Долгорукаго.

Запросъ г. Нѣголевскаго, сдѣланный въ прошломъ году, имѣлъ самыя незначительныя послѣдствія; вся вина была свалена на одного чиновника, который будто такъ, случайно, разослалъ экземпляры прокламаціи, напечатанные полиціей въ Познани, къ разнымъ частнымъ лицамъ, между тѣмъ какъ онѣ назначались только для полицейскихъ агентовъ. Г. Нѣголевскій изъявилъ надежду, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время, при министер-

ствѣ справедливомъ и мудромъ, Поляки будутъ наконецъ избавлены отъ подобныхъ обвиненій.

Графъ Шверинъ уклонился отъ объясненій по поводу новыхъ изобличеній, представленныхъ г. Нѣголевскимъ, ссылаясь на то, что эти факты не были заявлены министерству прежде, и что каждый изъ министровъ можетъ отвѣчать на запросы лишь по обсужденіи дѣла въ общемъ совѣтѣ министровъ. Что же касается до прежняго дѣла, то относительно его графъ Шверинъ остается при мнѣніи своего предшественника, то-есть, что оно не было основано на системѣ провокаціи, хотя правительство не можетъ во всѣхъ отношеніяхъ одобрить (еще бы одобрить!) средства, употребленныя полиціей. Виной всему былъ одинъ чиновникъ, который превысилъ данную ему власть, разославъ экземпляры прокламаціи къ частнымъ лицамъ, и тѣмъ совершилъ служебный, такъ-называемый дисциплинарный проступокъ, а потому онъ и былъ подвергнутъ дисциплинарному суду, какому подвергаются чиновники за нарушеніе служебныхъ обязанностей Въ случаѣ обвиненія, чиновникъ увольняется отъ службы. Дисциплинарный судъ оправдалъ обвиняемаго. Рѣшеніе второй инстанціи еще не послѣдовало. Но, прибавилъ графъ Шверинъ, правительство во всякомъ случаѣ не считаетъ удобнымъ оставлять этого чиновника въ штатѣ познанской полиціи. Что же касается до того, есть ли во всемъ этомъ поводъ къ уголовному процессу, то администрація рѣшить этого не можетъ. Министръ поставилъ г. Нѣголевскому въ упрекъ, зачѣмъ онъ не предалъ новыхъ, найденныхъ имъ фактовъ уголовному суду: онъ имѣлъ бы время поднять это дѣло въ палатѣ, когда бы государственный прокуроръ отказался внести его въ уголовный судъ.

Положимъ такъ, положимъ, что г. Нѣголевскій не такъ повелъ дѣло какъ бы слѣдовало, но смыслъ дѣла отъ этого не измѣняется, а это главное. Къ тому же оно не походитъ на обыкновенныя уголовныя дѣла, оно имѣетъ политическій характеръ, и очень естественно, что членъ палаты счелъ своимъ долгомъ поднять въ ней этотъ вопросъ, къ которому она не должна была бы оставаться равнодушною. Да и кто знаетъ, какая участь постигла бы это дѣло въ судѣ, еслибъ оно прежде не подверглось торжественной огласкѣ? Тутъ фальшъ заключается не въ политикѣ правительства, а въ самомъ обществѣ, въ его настроеніи, въ его взглядѣ на вещи. Вѣдь дисциплинарный судъ оправдалъ же чиновника. Дисциплинарный судъ нашелъ, что онъ не совершилъ никакого служебнаго поступка, что онъ не превысилъ своего полномочія. Одно изъ двухъ: или дисциплинарный судъ рѣшилъ справедливо, или несправедливо. Если справедливо, то что же изъ этого слѣдуетъ?—не то ли, что обвиняемый

чиновникъ дѣйствительно не виноватъ, что онъ оставался въ предѣлахъ своихъ обязанностей, и былъ только исполнителемъ высшихъ приказаній. На кого же пришлось бы г. Нѣголевскому жаловаться передъ судомъ?

И когда подумаешь, что всѣ эти темные маневры производятся съ тою цѣлію, чтобъ обмануть другія правительства, чтобы произвести смуту въ иноплеменныхъ странахъ и тѣмъ легче подчинить ихъ чуждымъ для нихъ интересамъ, то невольно задумаешься, невольно спросишь себя: когда же прекратятся эти недостойные разчеты на наше легковѣріе, когда же и наши союзники, и наши враги убѣдятся, что у насъ есть свои интересы, которые мы сознаемъ ясно и зрѣло.

И нѣмецкіе патріоты, спокойно и равнодушно выслушивая подобныя раскрытія,—а можетъ-быть и принимая въ нихъ живое участіе, только въ обратномъ смыслѣ,—осмѣливаются говорить, съ нестерпимыми родомонтадами, о притѣсненіи драгоцѣнной нѣмецкой народности въ герцогствѣ шлезвигскомъ подъ игомъ датскаго деспота! Посмотримъ какъ-то будутъ они дѣйствовать, когда наконецъ дѣйствительно Франція подастъ руку этому, какъ они говорятъ, датскому деспоту.

Между тѣмъ въ Германіи произвели всеобщій скандалъ слова, вырвавшіяся въ ганноверскомъ парламентѣ у одного изъ тамошнихъ министровъ, г. Борриса. Въ виду грозящаго преобладанія Пруссіи, онъ намекнулъ на возможность союза среднихъ германскихъ государствъ съ иноземными, и какъ было очевидно, съ Франціей. Въ самомъ дѣлѣ, повтореніе рейнскаго союза не есть еще дѣло невозможное. Вотъ гдѣ горячій вопросъ Германіи, вотъ о чемъ прежде всего должны заботиться ея патріоты, а не обманывать чужихъ правительствъ.

Расположеніе Франціи все еще остается сомнительнымъ. Отношенія ея къ Англіи довольно холодны и натянуты, несмотря на общую китайскую экспедицію, несмотря на торговый трактатъ, котораго статьи окончательно пересматриваются теперь въ Парижѣ, при участіи г. Кобдена. Въ Англіи продолжаются вооруженія, и общественное мнѣніе не очень обольщаетъ себя торговымъ трактатомъ, который могъ бы дѣйствительно стать залогомъ мира, но только при условіи, чтобы существованіе его мирно продлилось нѣкоторое время. Смутныя европейскія обстоятельства оказали неблагопріятное дѣйствіе и на ходъ бюджета, который имѣлъ такой успѣхъ въ парламентѣ и въ цѣлой странѣ. Разсмотрѣніе его продолжается еще до сихъ поръ, но, къ сожалѣнію, онъ находится въ опасности утратить одну изъ весьма важныхъ своихъ статей. Вотъ почему мы сочли за лучшее отложить продолженіе начатой нами статьи о бюджетѣ до

окончательнаго его утвержденія. Утрата, о которой мы упомянули, касается той части бюджета, которою отмѣнялась акцизная пошлина на бумагу. Отмѣны этой пошлины давно уже ожидаетъ и требуетъ страна. Мастерская комбинація канцлера казначейства не оставляла сомнѣнія въ возможности этой важной мѣры. Билль объ отмѣнѣ пошлины на бумагу выдержалъ два чтенія въ палатѣ общинъ съ полнымъ успѣхомъ; но при третьемъ возгорѣлись сильныя пренія. Противники билля, соглашаясь въ необходимости рано или поздно отмѣнить эту пошлину, находили, что настоящія обстоятельства не дозволяютъ этого въ нынѣшнемъ году. Уже и теперь, въ краткій промежутокъ времени, послѣ того какъ канцлеръ казначейства впервые изложилъ свой финансовый планъ, цифры по части расхода оказались нѣсколько болѣе значительными, чѣмъ предполагалось въ общей приблизительной смѣтѣ. А между тѣмъ положеніе Европы не таково, чтобы можно было безъ всякаго опасенія смотрѣть впередъ и отказаться отъ значительнаго источника дохода, не имѣя ничего взамѣнъ. Китайская война требуетъ теперь по смѣтѣ 500.000 ф. стерл.,—«а кто знаетъ, сказалъ г. Дизраели, можетъ-быть она потребуетъ 5.000.000 ф. ст.?» Къ будущему финансовому году можно скорѣе ожидать увеличенія нежели сокращенія государственныхъ издержекъ, и въ случаѣ новаго дефицита не останется ничего иного какъ возвысить налогъ на доходъ и довести его до шиллинга съ фунта. Однако, при раздѣленіи голосовъ, министерство одержало верхъ, и билль прошелъ чрезъ третье чтеніе, впрочемъ, большинствомъ только девяти голосовъ. Но уже заранѣе было извѣстно, что въ палатѣ лордовъ предстоялъ биллю дурной пріемъ. Графъ Дерби рѣшился употребить все свое вліяніе, чтобъ онъ былъ отвергнутъ. И дѣйствительно, телеграфъ сообщаетъ намъ, что чтеніе билля, по предложенію лорда Монтигля, отсрочено на шесть мѣсяцевъ, то-есть, билль отвергнутъ. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть обязательно рѣшеніе верхней палаты относительно финансоваго билля. Новѣйшая телеграмма извѣщаетъ, что лордъ Пальмерстонъ намѣренъ представить на обсужденіе палаты общинъ, всѣ относящіеся сюда прецеденты, чтобы рѣшить, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ финансовыя мѣры, все, что̀ имѣетъ отношеніе къ податямъ и налогамъ истекаетъ изъ нижней палаты; собственно бюджетъ, то-есть *аппропріація* или распредѣленіе суммъ по разнымъ отраслямъ управленія, есть ея дѣло, въ которое верхняя палата вмѣшиваться не можетъ; всякую финансовую резолюцію свою палата общинъ можетъ постановить и отмѣнить безъ согласія другой палаты; но

если рѣшеніе нижней палаты получило силу закона, если оно не есть мѣра, постановленная на опредѣленный срокъ времени, а составляетъ актъ законодательный, то отмѣнить его нельзя безъ содѣйствія верхней палаты. Вотъ почему билль объ отмѣнѣ пошлины на бумагу требовалось внести въ палату лордовъ, и вотъ на какомъ основаніи палата лордовъ считала себя въ правѣ отвергнуть его. Тѣмъ не менѣе палата общинъ имѣетъ право, съ своей стороны, протестовать противъ этого рѣшенія, а главное, она можетъ запретить правительству касаться этой суммы для государственныхъ расходовъ. Законъ останется неотмѣненнымъ, сборъ пошлинъ будетъ производиться по прежнему, но сумма, реализованная этимъ сборомъ, можетъ оставаться въ банкѣ безъ аппропріаціи, чего, конечно, не могутъ желать лорды.

При неопредѣленномъ и смутномъ положеніи дѣлъ всякое новое обстоятельство возбуждаетъ вниманіе и тревожитъ общественное мнѣніе. Россія, какъ пишутъ въ иностранныхъ журналахъ, намѣрена пригласить великія державы на конференцію для обсужденія, въ какой мѣрѣ положеніе восточныхъ христіянъ соотвѣтствуетъ обѣщаніямъ, которыя торжественно даны султаномъ. Замѣчательно, что около того же времени лордъ Стратфордъ Редклифъ заговорилъ въ верхней палатѣ о положеніи протестантскихъ христіянъ въ Турціи.

Въ Европѣ начинаютъ опасаться союза между Франціей и Россіей, и подъ вліяніемъ этихъ опасеній, распространяются извѣстія о сосредоточеніи русскихъ войскъ на югѣ. Англійское правительство, подъ предлогомъ, чтобы смотрѣть за могилами павшихъ воиновъ своей арміи въ Крыму, назначило особаго агента съ довольно значительнымъ жалованьемъ, который долженъ тамъ находиться и можетъ-быть смотрѣть еще кое за чѣмъ.

Кстати о Крымѣ. Племенныя движенія происходятъ и на Востокѣ. Давно уже сообщали у насъ въ газетахъ, что кавказскіе горцы начинаютъ выселяться въ Турцію,—слухъ весьма утѣшительный, но до сихъ поръ мы не встрѣчаемъ въ нашей печати ни подтвержденія его, ни новыхъ подробностей. Теперь, благодаря иностраннымъ журналамъ, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности о переселеніи Татаръ изъ Крыма. Въ газетѣ *le Nord* напечатана довольно большая корреспонденція объ этомъ интересномъ фактѣ, а въ *Times* немедленно появилась статья по этому поводу. Движеніе, какъ пишутъ, началось съ Карасубазара и принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Татары не засѣвали своихъ полей, и никто изъ нихъ не нанимался ни на какое дѣло срокомъ далѣе 25 апрѣля. Нельзя не согласиться какъ съ корреспондентомъ газеты *le Nord*, такъ и съ газетою *Times*,

что значеніе Крыма можетъ только возвыситься, когда покинетъ его это племя, считающее себя чужимъ на его почвѣ и инстинктивно увлекаемое въ другія страны. Важныя экономическія реформы, которыя должны произойдти въ русской жизни, не преминутъ еще болѣе возвысить значеніе этого полуострова, который, при своемъ благодатномъ климатѣ, все еще остается полудикою пустынею. Мы постараемся собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ фактѣ, и, если будетъ можно, сообщимъ ихъ публикѣ.

ОТДАЧА ВЪ СОЛДАТЫ ПО СУДЕБНОМУ ПРИГОВОРУ.

Отдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленіе вошла у насъ въ обычай не ранѣе второй половины прошедшаго столѣтія; однако въ эту эпоху нашего законодательства не встрѣчается еще общаго положительнаго предписанія, установляющаго этотъ видъ наказанія. Тогда не было еще у насъ систематическаго уложеніяхъ о наказаніхъ соотвѣтствующихъ каждому роду и виду преступныхъ дѣйствій, и потому судебныя мѣста пользовались значительною свободой въ опредѣленіи наказаній за преступленія; но обычай, о которомъ мы говоримъ, образовался сначала въ административной практикѣ, и изъ нея уже перешелъ въ практику судебную. Насильственное обращеніе людей низшаго званія въ военную службу, мало-по-малу сдѣлалось обыкновенною мѣрой взысканія, къ которой обращалось правительство въ тѣхъ случаяхъ, когда проступокъ, самъ по себѣ не заслуживавшій строгаго уголовнаго наказанія, возбуждалъ общее предположеніе о дурной нравственности или дурномъ поведеніи виновнаго. Вмѣсто того чтобы тщательно взвѣсить и опредѣлить вину его и пріискать ей соотвѣтствующее взысканіе, правительство обращалось къ простому, легчайшему способу взысканія и исправленія: оно распоряжалось всею личностью виновнаго, обращая ее въ разрядъ людей, состоявшихъ подъ непрерывнымъ надзоромъ, въ постоянной дисциплинѣ военной службы. Личность человѣка, принадлежавшаго къ низшему званію, въ то время немного значила. Прежде всего, при императрицѣ Елисаветѣ, предоставляется нѣкоторымъ податнымъ обществамъ отдавать въ солдаты по приговору своихъ членовъ за дурное поведеніе, праздность и бродяжество. Потомъ, при Екатеринѣ II, особыми высочайшими повелѣніями предписано отдавать въ военную службу

бѣглыхъ людей, отъ которыхъ отказывались помѣщики или общества, бродягъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, взятыхъ полиціей за «продерзости», приказнослужителей нерадивыхъ и неспособныхъ къ гражданской службѣ, виновныхъ въ нарушеніи запретительныхъ правилъ объ охотѣ въ окрестностяхъ столицъ, когда они не въ состояніи заплатить штрафа (ибо, — сказано въ состоявшемся по этому предмету указѣ 1769 года,—въ нѣмецкихъ земляхъ и строже сего наказываютъ — каторгой). Императоръ Павелъ, подобно родителю своему, Петру III (1), обращавшій особенное вниманіе на военную службу и желавшій всячески возвысить ее, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1798 году издалъ первый указъ, которымъ ограничивался произволъ судебныхъ мѣстъ въ присужденіи къ отдачѣ въ солдаты въ видѣ наказанія: онъ запретилъ назначать въ военную службу людей, приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію. Преступники и бродяги, отдаваемые въ военную службу, распредѣлялись обыкновенно по крѣпостямъ въ число военныхъ работниковъ; но многіе изъ нихъ поступали и въ составъ полковъ, отъ чего оказывались неудобства для службы, и непомѣрно умножилось число побѣговъ между нижними чинами. Для отвращенія этихъ неудобствъ, императоръ Александръ I, въ 1823 году, запретилъ назначать въ военную службу преступниковъ и бродягъ и разрѣшилъ обращать въ полки только тѣхъ, которые не были судимы, но представляются въ зачетъ набора по приговору обществъ или по волѣ помѣщиковъ; а преступниковъ и бродягъ, вмѣсто отдачи въ солдаты, велѣно отдавать въ работу въ порты и на казенные заводы. Но въ 1825 году истолковано, что правило это относится только къ людямъ неизъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, а дворяне и чиновники могутъ быть присуждаемы къ отдачѣ въ военную службу, такъ же какъ и канцеляристы, виновные въ нерадѣніи къ должности. Такимъ образомъ постепенно образовалось въ законѣ положительное правило: людей, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній,

(1) Петръ III, по вступленіи своемъ на престолъ, немедленно издалъ нѣсколько указовъ, имѣвшихъ цѣлію возвысить значеніе военной службы: онъ запретилъ офицерамъ употреблять солдатъ для личныхъ услугъ себѣ и старался ограничить тѣлесныя наказанія въ полкахъ. «Военная служба, сказано въ именномъ указѣ его 9 марта 1762 года, какъ наитруднѣйшая и опаснѣйшая, есть благороднѣйшая и почтительнѣйшая... Главное и почти единственное ея награжденіе состоитъ въ знакахъ и степеняхъ чести, потому справедливо и весьма нужно похвальное къ сей службѣ ревнованіе умножить, а все то истребить, что̀ имѣетъ въ себѣ нѣсколько безчестнаго и поносительнаго. Вслѣдствіе того повелѣваемъ: солдатъ, матросовъ и другихъ нижнихъ чиновъ, кои за преступленія наказываются на тѣлѣ, не штрафовать отнынѣ безчестными наказаніями, какъ-то батожьями и кошками, но токмо шпагой или тростью».

присуждать, вмѣсто ссылки на поселеніе, къ отдачѣ въ солдаты, если они не старѣе 35 лѣтъ и окажутся годными къ военной службѣ; при тѣхъ же условіяхъ положено отдавать въ солдаты за нѣкоторыя преступленія, вмѣсто ссылки, и людей неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, именно членовредителей, раскольниковъ, за распространеніе раскола и преступленія противъ вѣры, людей, назначаемыхъ къ ссылкѣ обществами или помѣщиками и осуждаемыхъ на поселеніе за преступленія, не подвергающія наказаніямъ рукою палача. При изданіи *Свода Законовъ*, въ системѣ уголовныхъ наказаній образовался вслѣдствіе того особый видъ наказанія: *отдача въ солдаты*. Случаи, къ которымъ примѣнялся этотъ видъ наказанія, значительно умножились въ минувшее царствованіе. Такъ въ разное время было постановлено: отдавать въ солдаты: Евреевъ за недоимки въ податяхъ, за подговоръ къ уклоненію отъ военной службы, за всѣ преступленія, ведущія къ ссылкѣ; дѣтей священно и церковно-служителей, оказавшихся ненужными, при разборѣ, для духовнаго вѣдомства, также исключенныхъ изъ него за дурное поведеніе; нижнихъ служителей разныхъ вѣдомствъ за развратное поведеніе, раскольниковъ, за утайку принадлежности къ сектѣ; людей, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, за ябедническія просьбы, и т. п., Только наказанные рукой палача и (по особому высочайшему повелѣнію 1840 года) святотатцы признаны рѣшительно недостойными поступать въ военную службу, вслѣдствіе содѣланныхъ ими преступленій.

Съ изданіемъ въ 1845 году *Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ* введена у насъ новая система наказаній за преступленія. Новый законъ исключилъ отдачу въ солдаты изъ общаго списка наказаній; но это вовсе не значило, что отдача въ солдаты за преступленія и проступки отмѣнена: напротивъ, съ изданіемъ уложенія увеличилось еще число случаевъ такой отдачи, означенныхъ въ особенной части новаго закона, при спеціяльномъ опредѣленіи наказаній за каждое преступное дѣйствіе. Уложеніе оставило въ полной силѣ прежнее общее правило, предоставивъ судебнымъ мѣстамъ присуждать лица, изъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ, къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, вмѣсто ссылки на поселеніе въ Сибирь и за Кавказъ, и постановивъ, что лица, состоящія на службѣ и не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, могутъ быть, по приговорамъ уголовныхъ палатъ, отдаваемы въ солдаты, вмѣсто исключенія изъ службы. Правила эти отнесены, въ общей части Уложенія, къ постановленіямъ о *замѣнѣ* однихъ наказаній другими; слѣдовательно, въ примѣненіи ихъ къ преступленіямъ, судебныя мѣста могли руководствоваться собственнымъ усмотрѣніемъ. Затѣмъ, въ особенной части Уло-

женія, за нѣкоторые виды преступленій и проступковъ положена была отдача въ солдаты, въ видѣ правила безусловно обязательнаго для судебной власти. Именно, постановлено было отдавать въ солдаты: несовершеннолѣтнихъ, не подлежащихъ тѣлесному наказанію, отъ 14 лѣтъ до 21 года, за преступленія, подвергающія лишенію особенныхъ правъ со ссылкой на житье въ отдаленныя губерніи, или съ отдачей въ арестантскія роты; — раскольниковъ, за распространеніе раскола;—виновныхъ въ самооскопленіи;— скрывшихъ принадлежность свою къ одной изъ вредныхъ сектъ для избѣжанія невыгоды, соединенной съ этою принадлежностью;—послѣдователей таковыхъ же сектъ, когда они, въ противность закона, наняли за себя въ рекруты людей, не принадлежащихъ къ одной съ ними сектѣ;—Евреевъ, самовольно возвратившихся изъ мѣстъ, гдѣ открыта жидовская ересь, и откуда они были высланы;—исполняющихъ должность раввина безъ утвержденія правительства, Евреевъ, давшихъ способъ къ побѣгу солдату или состоявшему на рекрутской очереди;—членовъ Еврейскаго общества за злоупотребленія при представленіи людей въ рекруты, раввиновъ или свидѣтелей, допустившихъ важное отступленіе отъ формы рекрутской присяги;—Евреевъ-колонистовъ за упорное нерадѣніе къ земледѣлію, дурное поведеніе и неповиновеніе сельскому начальству;—самихъ раввиновъ и сельскихъ старшинъ за умышленное отвращеніе Евреевъ-земледѣльцевъ отъ сельской промышленности,—раввиновъ за неправильное совершеніе брака или развода. Тому же наказанію подвергались: бродяга, упорно называющій себя непомнящимъ родства, членовредитель, и виновный въ изувѣченіи человѣка безъ его желанія съ цѣлію освободить его отъ рекрутства, укрывавшій бѣглаго солдата безъ вѣдома своего вотчиннаго начальства, дворникъ, тайно пустившій въ домъ безпаспортнаго бродягу, или тайно выпустившій кого-либо изъ дому, низшіе служители почтоваго вѣдомства за утайку, задержаніе и распечатаніе писемъ, за подлогъ въ отдачѣ ихъ по адресу, за самовольный провозъ при почтѣ постороннихъ людей, съ убыткомъ для казны, наконецъ всѣ конокрады, по прошествіи срока содержанія ихъ въ арестантскихъ ротахъ. Сверхъ того, даже *малолѣтныхъ дѣтей*, производящихъ обряды жидовской вѣры или иной какой-либо ереси, хотя бы они были увлечены къ тому другими, велѣно было отдавать въ военные кантонисты; да и вообще законъ предполагалъ отдачу малолѣтныхъ, безъ наказанія, въ кантонисты, за разныя преступленія, вслѣдствіе высочайшихъ о томъ повелѣній.

Такимъ образомъ армія продолжала наполняться по прежнему, если еще не болѣе прежняго, преступниками, бродягами и людь-

ми, отданными въ службу неволей, по причинамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ исполненію государственной повинности. Въ отвращеніе происходившихъ отъ того неудобствъ для службы и въ видахъ возвышенія нравственнаго духа арміи, возбужденъ былъ военнымъ министромъ вопросъ объ изысканіи способовъ къ замѣнѣ отдачи въ солдаты лицъ гражданскаго вѣдомства за преступленія и проступки, другими наказаніями и взысканіями. Составленный съ этою цѣлію, во II Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, проектъ внесенъ былъ въ 1859 году на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ призналъ и съ своей стороны не только полезнымъ, но приличнымъ и необходимымъ отмѣнить законы объ отдачѣ преступниковъ гражданскаго вѣдомства въ военную службу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совершенное ими противозаконное дѣяніе, по свойству своему, принадлежитъ къ числу не только важныхъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи преступленій, но и вообще всѣхъ такихъ, которыя доказываютъ развращенность виновнаго и отсутствіе въ немъ чувства чести, нанося ему въ общемъ мнѣніи справедливый позоръ и униженіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ полезнымъ допускать въ видѣ наказанія, которое можетъ, по мнѣнію совѣта, назваться исправительнымъ въ полномъ смыслѣ слова, — помѣщеніе въ войска лишь тѣхъ несовершеннолѣтнихъ, которые «принадлежа къ высшимъ въ государствѣ сословіямъ, иногда впадаютъ въ проступки лишь по легкомыслію, неосторожности или минутной запальчивости, столь трудно удерживаемой людьми съ раздражительнымъ характеромъ, особливо въ молодости, и которыхъ именно строгій непрестанный надзоръ, соединенный съ военною дисциплиной, по всей вѣроятности, можетъ не только сдѣлать осмотрительными, но и вполнѣ нравственно исправить силой привычки къ труду и порядку.» На основаніи этихъ соображеній, мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 22 марта 1860 года отмѣнено дѣйствіе вышеуказанныхъ постановленій, и за преступленія, и проступки, за которые назначалось прежде одинаковое наказаніе—отдача въ солдаты, положены теперь другіе виды наказаній и взысканій, весьма разнообразнаго свойства, именно: ссылка на поселеніе съ лишеніемъ и безъ лишенія правъ, отдача въ арестанскія роты, заключеніе въ рабочемъ домѣ съ лишеніемъ правъ, въ смирительномъ домѣ и въ тюрьмѣ, наказаніе розгами, денежный штрафъ и наконецъ, просто взысканіе убытка, казнѣ причиненнаго. Отдача малолѣтныхъ въ кантонисты замѣнена отдачей на казенныя фабрики. Лицъ, состоящихъ на службѣ и неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, предоставлено, вмѣсто исключенія изъ службы, приговаривать не къ от-

дачѣ въ солдаты, а къ заключенію въ смирительномъ домѣ или къ наказанію розгами. Затѣмъ отдача въ солдаты оставлена въ видѣ наказанія только для двухъ случаевъ: для одного—съ цѣлію исправленія, для другаго—съ цѣлію спеціяльнаго вмѣненія вины. *Вопервыхъ*, всѣ несовершеннолѣтніе мужескаго пола, и не моложе 17 лѣтъ, дворяне, дѣти священнослужителей, почетные граждане, купцы первыхъ двухъ гильдій и всѣ окончившіе курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если они не изобличаются въ подлогахъ, лживыхъ доносахъ, обманахъ, грабежѣ, воровствѣ, присвоеніи имущества, отданнаго на сохраненіе, контрабандѣ и тайномъ провозѣ незаконно добытыхъ питей и соли въ видѣ постояннаго ремесла, въ зажигательствѣ и умышленномъ причиненіи кому-либо поврежденій въ здоровьѣ,—отдаются безъ лишенія правъ, въ рядовые съ выслугой и лишь въ случаѣ неспособности къ военной службѣ обращаются на житье въ Сибирь. *Вовторыхъ*, государственный совѣтъ призналъ необходимымъ оставить въ силѣ существующія узаконенія объ отдачѣ въ солдаты тѣхъ, кто для избѣжанія военной службы умышленно самъ себя изувѣчитъ или дозволитъ себя изувѣчить; ибо «освобожденіе такихъ людей отъ военной службы вело бы ихъ къ той самой цѣли, для которой они совершаютъ преступленіе членовредительства.»

Съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ статей уголовнаго уложенія, новый законъ косвенно отмѣняетъ и нѣкоторые другіе виды наказаній, падавшихъ нерѣдко и на невинныхъ, когда нельзя было найдти виновнаго. Такъ напримѣръ, прежними законами постановлено было: за каждаго бѣглаго солдата, проживавшаго въ селеніи казеннаго и удѣльнаго вѣдомства, взыскивать съ цѣлаго селенія по одному рекруту, безъ зачета. Если бѣглый рекрутъ укрывался въ семействѣ того же селенія или городскаго общества, изъ котораго отданъ былъ на службу, то съ этого семейства полагалось въ наказаніе брать по два рекрута; еслибы между членами виновнаго семейства не было способныхъ къ военной службѣ, то взысканіе рекрутъ обращалось на другія семейства того же селенія или общества, знавшія объ укрывательствѣ; когда бы и въ этихъ семействахъ не оказалось способныхъ къ военной службѣ, въ такомъ случаѣ законъ предписывалъ — двухъ виновнѣйшихъ, или, буде всѣ равно виновны, то начальника и старшаго по немъ члена семейства, у коего скрывался бѣглый, подвергать наказанію розгами отъ 90 до 100 ударовъ и отдавать въ арестантскія роты на время отъ 10 до 12 лѣтъ. Эти положенія не вошли въ составъ новой редакціи 577 и 578 статей Уложенія о наказаніяхъ, слѣдовательно должны считаться отмѣненными.

ЛАШМАНЫ.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 21-го марта, положено: всѣхъ лашманъ обратить въ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ, предоставивъ имъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, льготу отъ рекрутской повинности на одинъ наборъ.

Этимъ постановленіемъ прекращается отдѣльное существованіе сословія лашмановъ, продолжавшееся безъ малаго 150 лѣтъ. Начало его относится къ царствованію Петра I. Для значительныхъ корабельныхъ работъ, предпринятыхъ имъ, надлежало доставлять лѣсъ изъ низовыхъ губерній. На это употреблялись мѣстные жители, служилые люди и инородцы, которыхъ иногда высылали по наряду и въ Петербургъ. Въ 1718 году Петръ задумалъ превратить эту повинность въ постоянную, обложивъ ею особенный разрядъ низовыхъ жителей. Съ этою цѣлію. въ 1718 году, предписано было казанскому вицегубернатору Кудрявцеву для рубки, тески и вывозки корабельныхъ лѣсовъ и для другихъ къ тому принадлежащихъ работъ брать Казанской, Нижегородской и Воронежской губерній, также Симбирскаго уѣзда служилыхъ Мурзъ и Татаръ, Мордву и Чувашей; а ежели въ Воронежской губерніи за дальностью нельзя будетъ брать работниковъ, то вмѣсто того за каждаго человѣка брать съ нихъ деньгами. Вслѣдствіе того, для исполненія новой повинности, приписано было къ лѣсамъ въ означенныхъ губерніяхъ всего 56.113 душъ, изъ числа коихъ 10.550 душъ въ Воронежской губерніи платили за работу деньгами, по 2 р. 30 к. съ души. Новоприписные люди отданы въ расправу казанскому вицегубернатору, а относительно работъ, въ распоряженіе особо-назначеннаго капитанъ-командора, подъ главнымъ управленіемъ адмиралтействъ коллегіи и особаго адмиралтейства, учрежденнаго въ Казани. Лежавшая на нихъ повинность была крайне отяготительна, и распредѣленіе ея зависѣло вполнѣ отъ произвола поставленныхъ надъ ними правителей. Въ работу употреблялись всѣ годные люди отъ 15-ти лѣтняго до 60-ти лѣтняго возраста, въ теченіе шести осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, съ 1 октября по 1 апрѣля, днемъ и ночью, несмотря ни на какую погоду, или въ теченіе цѣлаго года. Въ первомъ случаѣ ставилось по складкѣ по 2 работника (конный и пѣшій) съ 9-ти, а въ послѣднемъ—съ 25 чело-

вѣкъ — два конныхъ и одинъ пѣшій. При установленіи подушной подати, государь не велѣлъ было помѣщать приписныхъ Татаръ въ расположеніе подати по полкамъ, предполагая вмѣнить имъ въ подать исправленіе натуральной повинности; но по смерти Петра, при распредѣленіи подушныхъ денегъ, положено было и на нихъ 59.000 рублей подушныхъ, въ число суммы назначенной на содержаніе адмиралтейства, по 1 р. 10 копѣекъ на душу. Такимъ образомъ къ тяжкой натуральной повинности, лежавшей на этихъ приписныхъ людяхъ, присоединилась еще тягость подушной подати, да сверхъ того принимаемые люди не избавлены были ни отъ другихъ платежей въ казну, ни отъ исполненія рекрутской повинности. Въ 1729 году, по просьбѣ ихъ, велѣно было работу ихъ зачитать въ число подушныхъ денегъ, по плакату и даже, когда они переработаютъ сверхъ положеннаго числа денегъ, удовлетворять ихъ платой; но это постановленіе не исполнялось, точныхъ правилъ для учета работъ не было, нарядъ работниковъ дѣлался по числу не наличныхъ, а ревизскихъ душъ, или даже вовсе произвольно, такъ что приходилось работать и за умершихъ, и за бѣглыхъ, и за стариковъ, и за малолѣтнихъ, а между тѣмъ, отъ тяжкихъ работъ накоплялось между ревизіями много умершихъ и бѣглыхъ (1); даже на мѣсто ушибенныхъ и убитыхъ во время работы остальные принуждаемы были нанимать вольныхъ работниковъ. По плакатному положенію работа ихъ оцѣнивалась въ зимнее время,—коннаго по 6 и пѣшаго по 4 копѣйки въ день; а въ лѣтнее время коннаго по 10 и пѣшаго по 5 копѣекъ; за ночную же работу прибавлено имъ въ 1757 году не болѣе 2-хъ копѣекъ. Управители распоряжались работами по произволу, а на притѣсненія и лихоимство властей управы не было; при томъ и число этихъ властей съ теченіемъ времени умножалось, потому что при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ вѣдомство приписныхъ людей, которое было до того сосредоточено въ одной Казанской губерніи, раздробилось по воеводскимъ канцеляріямъ всѣхъ тѣхъ губерній, къ которымъ принадлежали люди по мѣсту своего жительства. Сверхъ того, тѣ самые лѣса, которые въ 1718 году находились вблизи отъ селеній приписныхъ людей, лѣтъ черезъ 20 послѣ приписки, были уже вырублены, такъ что людямъ приходилось, для исполненія

(1) Кромѣ работъ при лѣсахъ, люди эти употреблялись еще, по распоряженію властей, и на другія работы и даже, по прежнему качеству служилыхъ людей, въ военные походы. Въ 1724 году, 5000 служилыхъ Татаръ и Мордвы послано было изъ Казанской и Воронежской губерній въ Баку и на Куру для строенія крѣпостей. Изъ нихъ еще на дорогѣ умерло 3800 человѣкъ, но и за этихъ умершихъ оставшіеся до 1730 года принуждены были платить подушныя деньги.

своей повинности, уѣзжать на работу за 300 и за 400 верстъ отъ своихъ селеній, тогда какъ по близости отъ лѣсовъ жили другіе ясачные инородцы, вовсе не подлежавшіе повинности. По всѣмъ этимъ причинамъ положеніе приписныхъ людей становилось болѣе и болѣе несноснымъ; въ теченіе всего XVIII столѣтія повторяются жалобы ихъ сенату и адмиралтействъ-коллегіи на тягости и притѣсненія, и просьбы объ облегченіи ихъ участи. Но просьбы эти большею частію не удовлетворялись: такъ въ 1751 году сенатъ отказалъ имъ въ ходатайствѣ объ освобожденіи отъ рекрутствъ, подушныхъ и прочихъ поборовъ. Выходъ изъ этого сословія былъ возможенъ только для тѣхъ инородцевъ, которые соглашались принять православную вѣру: такихъ велѣно было освобождать отъ работъ, но на мѣсто ихъ приписывать такое же число другихъ инородцевъ. При всемъ томъ приписные люди не имѣли свободы заниматься другими промыслами, и каждый разъ, когда нужно было имъ отъѣзжать для торговли и покупки лошадей, дозволялось отпускать ихъ на срокъ и не иначе какъ съ поручительствомъ. Большею свободой торговли пользовались только тѣ изъ этихъ людей, предкамъ которыхъ царскими жалованными грамотами за службу дано было право безпошлинной торговли. Общее количество приписныхъ людей увеличилось въ 1730 году припиской къ нимъ еще 184.000 ясачныхъ инородцевъ Казанской губерніи: Татаръ, Мордвы, Чувашъ Черемисъ и Вотяковъ, такъ что по 2-й ревизіи показано было людей приписныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ всего 234.887 человѣкъ; по 3-й ревизіи показывалось ихъ 75.930 душъ, а по 4-й 99.337 душъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ, обратила вниманіе на положеніе приписныхъ Татаръ. Находя, что польза, получаемая казной отъ ихъ работы, вовсе не соотвѣтствуетъ тягостямъ ея и разоренію, которому они подвергаются, Екатерина, въ 1763 году, предписала коммиссіи о россійскихъ флотахъ подумать, не изыщется ли способъ освободить этихъ людей отъ работы, замѣнивъ ее денежнымъ сборомъ, и исправлять за тѣмъ работу за добровольную цѣну по договорамъ съ ними. Но не таковы были еще экономическія условія того времени, чтобы можно было съ увѣренностію разчитывать на одинъ только вольный трудъ для совершенія огромныхъ государственныхъ и казенныхъ предпріятій: мысль императрицы, какъ ни была разумна сама по себѣ, не могла еще развиться среди старой системы государственнаго управленія, основанной на трудѣ обязательномъ и обязательной службѣ. Коммиссія донесла въ 1766 году, что не отваживается приступить къ совершенному освобожденію Татаръ и къ производству работъ наймомъ, представляя, что по сдѣланнымъ съ 1764 года публикаціямъ не явилось охотниковъ

взять на себя наемную работу, да и всѣ попытки этого рода, дѣланныя съ 1713 года, оставались безуспѣшны. Вслѣдствіе того, въ 1774 году, положено было на этотъ разъ только удвоить Татарамъ заработную плату, назначивъ конному работнику по 16, а пѣшему по 10 коп. на день, со дня вступленія въ работу до окончанія ея, а за дни прохода изъ дому на мѣсто работъ и обратно производить имъ плату въ уменьшенномъ размѣрѣ, по 3 и по 6 копѣекъ.

Въ маѣ 1779 года, послѣдовалъ манифестъ объ улучшеніи быта людей и крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ, съ тѣмъ чтобы доставить имъ болѣе свободнаго времени для собственнаго хозяйства и опредѣлить количество положенныхъ для работы уроковъ; заработная плата имъ была удвоена противъ стараго петровскаго плаката; наряды на работу велѣно ограничить зачетомъ по 1 р. 70 к. съ души, а за всякій лишній день полагалась въ пользу работниковъ пеня съ управителей или содержателей завода вдвое противъ размѣра заработной платы. Но люди приписные къ лѣсамъ не подведены были подъ дѣйствіе заводскихъ правилъ до тѣхъ поръ, пока сама императрица въ 1782 году вновь не обратила вниманія на бѣдственное ихъ положеніе. Вслѣдствіе того, по высочайшему повелѣнію, составлены были въ сенатѣ правила о времени и порядкѣ назначенія приписныхъ людей въ работу. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнено самое управленіе этими людьми: они переданы въ вѣдомство общаго управленія казенными крестьянами, то-есть въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ, директоровъ домоводства и экономіи. а адмиралтейскому вѣдомству предоставлено только требовать заготовленія лѣсовъ и наряда людей по мѣрѣ надобности. Однако и это новое положеніе не облегчило тягостей приписнымъ Татарамъ, а лежавшая на нихъ вмѣстѣ съ натуральною повинностію подушная и оброчная подать постепенно увеличивалась по мѣрѣ того, какъ увеличивалась для всѣхъ государственныхъ крестьянъ, и дошла наконецъ до четырехъ слишкомъ рублей на душу. Новыя попытки производить работы посредствомъ вольныхъ подрядовъ оказались слишкомъ невыгодными для казны, потому что обязательная работа приписныхъ людей въ общей сложности стоила казнѣ отъ 2 до $6^1/_2$ коп. за каждый пудъ вырубленныхъ и доставленныхъ къ пристани деревьевъ, а по цѣнѣ, объявленной подрядчиками, та же самая работа стоила бы отъ 20 до 50 коп. за пудъ. Просьбы Татаръ императрицѣ и сенату не прекращались: они ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и рекрутскихъ наборовъ, обязываясь за то уже безплатно рубить корабельные лѣса и сплавлять ихъ до самаго Рыбинска. Императоръ Павелъ, немедленно по вступленіи на престолъ, повелѣлъ

4-му департаменту сената вмѣстѣ съ адмиралтейскою коллегіей изыскать способы къ облегченію Татаръ, не останавливая и надобностей адмиралтейства. Сенатъ, разсмотрѣвъ просьбу ихъ вмѣстѣ съ письменными свѣдѣніями и разчетами, доставленными коммиссіей, призналъ рѣшительно невозможнымъ освободить Татаръ отъ работъ, такъ же какъ и отъ платежа податей и отъ рекрутства, но для облегченія ихъ, соразмѣрно съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы, полагалъ съ 1797 года увеличить имъ платежъ заработныхъ денегъ и зачитать въ подати коннымъ по 40, пѣшимъ по 20 к. въ день, а за переѣздъ и переходъ, коннымъ по 12, пѣшимъ по 6 к.; назначать къ нарядамъ ближайшія селенія, и работниковъ не отъ 15 до 60 лѣтъ, какъ было прежде, но отъ 18 до 55-ти. Затѣмъ, въ 1799 году, по предложенію адмирала де-Рибаса, установлены новыя правила работъ и уроковъ по заготовленію лѣсовъ къ корабельному строенію. Устройство приписныхъ людей опредѣлилось окончательно въ 1817 году съ изданіемъ высочайшеутвержденнаго учрежденія объ управленіи корабельныхъ лѣсовъ. При этомъ въ первый разъ дано этимъ людямъ существующее донынѣ офиціяльное названіе *лашмановъ* (1) Всѣ корабельные лѣса въ имперіи раздѣлены на три округа: низовой, сѣверный и западный, и въ первомъ изъ нихъ, средоточіе коего въ Казани, положено производить заготовленіе лѣсовъ *лашманами*. Чтобъ избавить отъ заготовленія лѣсовъ всѣхъ отдаленныхъ отъ лѣсныхъ дачъ Татаръ, изъ 943.139 душъ, приписанныхъ къ нимъ по семи губерніямъ, въ 66 уѣздахъ, уволено отъ лашманской повинности 823.000 душъ, а оставлено только 120.000 душъ по 6-й ревизіи, для употребленія въ работы по 8000 душъ ежегодно. Взамѣнъ многотрудной повинности, лашманы освобождены наконецъ отъ рекрутства, но вмѣсто того опредѣлено брать изъ нихъ адмиралтейскихъ плотниковъ и показателей, для пополненія комплекта въ 200 человѣкъ, и отдѣлить 300 семействъ для лѣсной стражи. Прежняя заработная плата увеличена имъ еще вдвое, и опредѣлена ежегодная пропорція заготовленія въ 28.000 дубовыхъ деревъ, кромѣ мачтовыхъ. Лашманы причислены къ государственнымъ крестьянамъ, а для управленія ими устроены волостныя и окружныя правленія, въ вѣдѣніи правленія низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, причисленнаго къ министерству финансовъ. Съ 1817 года положеніе о лашманахъ оставалось въ томъ же видѣ, безъ значительныхъ измѣненій, до настоящаго времени; но въ 1821 году сословіе ихъ увеличилось еще припиской 15.000 душъ въ Саратовской губерніи, такъ что по 8-й ревизіи ихъ значилось всего 160.460 душъ,

---

(1) Слово это очевидно не русскаго происхожденія. Его производятъ съ нѣмецкаго отъ Lasche (срубъ, надрубъ) и Mann.

а по 9-й ревизіи, 1850 года, 146.798 душъ, именно: въ Казанской губерніи 73.925 душъ, въ Симбирской 29.966 душъ, въ Самарской 2.038 душъ и въ Пензенской 7.870 душъ. Лашманы значились и прежде въ числѣ государственныхъ крестьянъ, нынѣшнее же обращеніе ихъ въ общій разрядъ этого сословія означаетъ безъ сомнѣнія то, что обязательная натуральная повинность, на нихъ лежавшая, прекратилась, и что они во всѣхъ правахъ и повинностяхъ сравнены съ тѣмъ сословіемъ, къ составу котораго принадлежатъ.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНІЕ КОММИССІИ О ЗЕМСКИХЪ БАНКАХЪ.

Спѣшимъ сообщить читателямъ полученное нами изъ С.-Петербурга извѣстіе о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ для введенія у насъ ипотечной системы.

Проектъ положенія объ обезпеченіи договоровъ и обязательствъ ипотечнымъ порядкомъ, былъ внесенъ въ государственный совѣтъ статсъсекретаремъ, главнымъ управляющимъ II Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, графомъ Д. Н. Блудовымъ.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи, нашелъ, что вопросъ объ устройствѣ земскихъ банковъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о введеніи у насъ ипотечной системы, и что вслѣдствіе этого, основанія, на которыхъ полагается устроить земскіе банки въ имперіи, должны быть соглашены съ главными началами, которыя будутъ приняты въ основаніе при введеніи ипотечной системы въ Россіи, а потому положилъ: передать дѣло объ ипотекахъ министру финансовъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ поручилъ коммиссіи высочайше учрежденной для начертанія проекта устройства земскихъ банковъ, сообразить составленный во II Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи проектъ положенія объ обезпеченіи договоровъ и обязательствъ ипотечнымъ порядкомъ съ проектомъ положенія объ устройствѣ земскихъ банковъ, и за тѣмъ составить новый по этому предмету проектъ, который, по надлежащемъ сношеніи съ главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи и съ министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, внесть на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Сообщеніе объ этомъ было сдѣлано коммиссіи о земскихъ банкахъ въ засѣданіи 9-го апрѣля. Примѣняясь къ

порядку работъ, производившихся въ коммиссіи собственно по вопросу о земскихъ банкахъ, коммиссія избрала изъ своей среды четырехъ членовъ: В. П. Безобразова, Ю. А. Гагемейстера, М. Х. Рейтерна и кн. В. А. Черкасскаго для составленія проекта ипотечнаго закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обязанность этой приготовительной коммиссіи возложено просить министра финансовъ объ усиленіи ея состава приглашеніемъ къ занятіямъ нѣсколькихъ юристовъ, знакомыхъ какъ съ практическою, такъ и теоретическою стороной ипотечнаго вопроса.

Затѣмъ коммиссія вошла въ разсужденіе о будущихъ своихъ занятіяхъ. Управлявшій ея дѣлами В. П. Безобразовъ изложилъ при этомъ случаѣ, что съ первоначальнаго учрежденія коммиссіи и даже съ окончанія перваго періода ея занятій, вопросъ о земскихъ банкахъ въ имперіи значительно подвинулся впередъ, и можетъ во многихъ отношеніяхъ потребовать отъ коммиссіи новыхъ соображеній и новыхъ работъ; такъ во многихъ губерніяхъ возникли проекты учрежденій компаній: для земскихъ банковъ, акціонерныхъ, землевладѣльческихъ и даже смѣшанныхъ; эти проекты частію уже представлены на утвержденіе правительства, частію изготовляются въ разныхъ мѣстностяхъ; распубликованіе трудовъ коммиссіи еще болѣе оживило эту дѣятельность, не только въ литературѣ, но и въ кругу лицъ, практически заинтересованныхъ поземельнымъ кредитомъ. Труды и предположенія коммиссіи уже вызвали критику, которая можетъ получить еще болѣе обширное развитіе, и которая, по мнѣнію коммиссіи и министерства, была признана весьма полезною для уясненія дѣла и особенно его практическихъ сторонъ. Коммиссія и правительство, вызвавъ критику, не могутъ не воспользоваться ею для вящаго успѣха своихъ предначертаній, потому и нельзя не желать пересмотра предположеній коммиссіи, въ ея собственной средѣ. Въ то же самое время, такой пересмотръ можетъ привести къ результатамъ, практически полезнымъ, въ особенности если въ виду коммиссіи будутъ всѣ проекты земскихъ банковъ, представляемые учредителями на утвержденіе правительства.

Соглашаясь съ изложеннымъ мнѣніемъ В. П. Безобразова, и имѣя въ виду нынѣшнее и еще болѣе обширное въ будущемъ времени, развитіе вопросовъ объ устройствѣ земскихъ банковъ въ Имперіи, коммисеія признала необходимымъ ближайшее опредѣленіе круга и порядка ея занятій на будущее время, о чемъ и просила своего предсѣдательствующаго члена представить на благоусмотрѣніе г. министра финансовъ.

Въ засѣданіи коммиссіи, 9-го мая было читано предложеніе г. министра финансовъ, изложенное въ письмѣ къ предсѣдательствующему члену. Въ письмѣ этомъ было изложено

желаніе, чтобы члены коммиссіи продолжали свои занятія до тѣхъ поръ, пока будутъ окончательно обсуждены всѣ мѣры, необходимыя со стороны правительства для устройства земскихъ банковъ въ Имперіи. Независимо отъ нынѣ возложеннаго на коммиссію труда составленія ипотечнаго закона, министръ поручаетъ ей пересмотрѣть всѣ ея предположенія и представить свое заключеніе, вслѣдствіе замѣчаній, какія сдѣланы будутъ на ея труды, распубликованные во всеобщее свѣдѣніе, наконецъ разсматривать всѣ поступающіе въ министерство финансовъ пункты частныхъ земскихъ банковъ и представлять о нихъ свои мнѣнія. Управляющимъ дѣлами коммиссіи назначенъ В. П. Безобразовъ, которому предоставлено сноситься по министерству финансовъ о доставленіи разныхъ необходимыхъ для коммиссій и справокъ изъ дѣлъ.

Мы постараемся въ одной изъ ближайшихъ книжекъ представить нашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ипотечной системѣ и о томъ значеніи, какое эта важная мѣра должна имѣть для нашего отечества, но теперь не можемъ не выразить нашего глубокаго сочувствія къ истинно-просвѣщенному образу мыслей г. министра финансовъ, и къ тому благородному духу, который обнаруживаетъ коммиссія о земскихъ банкахъ не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ. Полная гласность и свобода публичнаго обсужденія,—вотъ великое начало, которое, можно сказать, впервые вводится у насъ министерствомъ финансовъ и его коммиссіей о земскихъ банкахъ, и которое, безъ сомнѣнія, будетъ обильно плодотворными послѣдствіями какъ для финансовыхъ дѣлъ, такъ и вообще для нашей государственной жизни. Чѣмъ ближе будемъ мы знакомиться съ этимъ началомъ, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что всѣ опасенія, которыя оно возбуждало, не болѣе какъ призракъ, и ничего не значатъ въ сравненіи съ его дѣйствительными благодѣяніями, ибо ничто такъ не обезпечиваетъ успѣха разумныхъ реформъ и ничто въ то же время такъ не упрочиваетъ основы порядка, какъ гласность и свобода мнѣнія. Напряженная канцелярская таинственность, въ какую прежде облекались всѣ отправленія государственной жизни, дѣйствительно препятствовала образованію просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія, но въ то же время плодила смутные слухи и фальшивые толки въ обществѣ и содѣйствовала развитію мнѣнія не просвѣщеннаго и дурно направленнаго.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БІОГРАФЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ДВѢ СЕСТРЫ. Романъ Е. Нарской. Въ двухъ томахъ. М. 1858. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. Издалъ проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или МАНЕРЫ оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для домовладѣльцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисункахъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ 1 р. сер.; съ пер. 1 р. 30 к. сер.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

АМОСЪ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ ДЖОРДЖА ЭЛЛІОТА

I.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Шеппертонская церковь вовсе не была похожа на то, что̀ она теперь. Массивная каменная башня, конечно, по прежнему дружелюбно смотритъ на васъ своимъ большимъ разумнымъ глазомъ, циферблатомъ часовъ; но во всемъ остальномъ какія перемѣны! Крыши, примыкающія къ старинной колокольнѣ, покрыты теперь сланцемъ, окна высоки и симметричны; наружныя двери украшены рѣзьбой; внутреннія обиты краснымъ сукномъ и отворяются почтительно, безъ шума; а на стѣнахъ, вы можете быть увѣрены, никакая плѣсень не дерзнетъ завестись: онѣ гладки и непорочны, бѣлы, какъ десятилѣтняя, ежедневно подвергающаяся дѣйствію мыла, лысина его преподобія Амоса Бартона. Войдите въ обитыя сукномъ двери, и глазамъ вашимъ представятся скамьи удобныя и красивыя, предоставленныя всѣмъ; а кой-гдѣ по угламъ, подальше отъ огня взглядовъ проповѣдника, находятся отдѣльныя мѣста, принадлежащія шеппертонской знати. Желѣзные столбы поддерживаютъ просторныя галлереи, и посреди одной изъ нихъ стоитъ гордость и лучшее украшеніе церкви, а именно, органъ не черезчуръ разстроенный, на которомъ сборщикъ податей, силой обстоятельствъ превращенный въ органиста, будетъ аккомпанировать скорой побѣжкѣ вашей изъ церкви, послѣ заключительнаго

благословенія, какимъ-нибудь священнымъ минуетомъ или незатѣйливою *gloria*.

Огромный шагъ впередъ! скажетъ каждый положительный человѣкъ, равно одобряющій всякія нововведенія, ни разу въ жизни не забывшійся до того, чтобы пожалѣть, что милое сердцу, старое, почернѣвшее, полуразвалившееся неудобство вездѣ уступаетъ мѣсто современному выкрашенному, выполированному удобству, которое можетъ годится для безконечнаго множества чертежей и плановъ, но увы! ни для одной картины. Въ этомъ отношеніи я, къ несчастію, не могу себя назвать положительнымъ человѣкомъ: мнѣ случается пожалѣть о старинѣ, несмотря на всю ея дикость; я съ нѣжностію вспоминаю о времени причетниковъ, пѣвшихъ въ носъ, и пасторовъ, носившихъ сапоги по колѣна; мнѣ грустно разставаться съ послѣдними тѣнями живописнаго суевѣрія. Поэтому не удивительно, что я съ любовію вспоминаю о Шеппертонской церкви, какъ она была встарину, съ полуобвалившеюся штукатуркой, черепичною крышей, разнокалиберными окнами, съ вставленными въ нихъ кой-гдѣ кусочками расписнаго стекла, съ ея узенькою крутою лѣстницей съ деревянными перилами, которая вилась вдоль наружной стѣны и вела въ галлерею, гдѣ учились дѣти.

А внутри, какъ все было безпорядочно, мило и живописно! Съ самаго ранняго моего дѣтства, когда нянюшка моя была принуждена, для поощренія моей набожности, изподтишка кормить меня булками во время богослуженія, я съ наслажденіемъ и восхищеніемъ вглядывался въ мельчайшія подробности того, что̀ меня окружало. Какъ памятна мнѣ каѳедра, охраняемая двумя маленькими херувимчиками, стиснутыми между стѣной и сводомъ, и украшенная гербами семейства Ольдинпортовъ, представлявшими мнѣ обширное поле для догадокъ своими окровавленными руками, мертвыми головами, мальтійскими крестами и другими разными таинственными знаками! На панеляхъ пѣвчей галлереи были надписи, гласившія о благодѣяніяхъ шеппертонскимъ бѣднымъ, и украшенныя удивительными заглавными буквами и размашистыми заключительными крючками, на которые я никогда не могъ надивиться. Въ тѣ дни не было скамей, но отдѣльныя просторныя семейныя мѣста, гдѣ во время проповѣдей усаживались набожные прихожане, стараясь смотрѣть всюду, только не другъ-другу въ глаза. Не существовало тогда и низкихъ перегородокъ, дозволяющихъ вамъ, съ печальнымъ отсутствіемъ контраста и таинственности, постоянно видѣть все и всѣхъ; но высокія темныя панели, въ тѣни которыхъ, я, съ чувствомъ совершеннаго отчужденія отъ всего мірскаго, опускался во время литіи; за то, какъ пріятно мнѣ было снова чувствовать себя

дѣйствующимъ членомъ общества, когда во время пѣнія меня становили на мое сѣдалище.

И пѣніе не было дѣломъ механическимъ, идущимъ по неизмѣнной колеѣ; оно имѣло драму своего рода. Когда подходило время псалмопѣнія, впереди галлереи, какимъ-то таинственнымъ и непонятнымъ для меня образомъ, являлась доска, возвѣщавшая о томъ, какой будетъ пѣться псаломъ, на случай, если громогласное объявленіе причетника не разъяснитъ этого дѣла буколическому уму присутствующихъ. Затѣмъ слѣдовалъ переходъ дьячка на галлерею, гдѣ фаготистъ, два кларнетиста, плотникъ, извѣстный умѣньемъ своимъ вторить, два меньшія музыкальныя свѣтила, и онъ самъ составлялъ хоръ, пользовавшійся большою славой и даже привлекавшій иногда слушателей изъ сосѣднихъ приходовъ. Отличался этотъ хоръ особенно по воскресеньямъ, когда на доскѣ являлось объявленіе объ антифонѣ; болѣе точныя опредѣленія почитались ненужными, потому что въ этихъ случаяхъ слова и музыка были равно недоступны самымъ смѣлымъ приходскимъ любителямъ, и даже фаготъ съ трудомъ поспѣвалъ за быстрыми переливами кларнетовъ.

Что же касается священника, мистера Гильфиля, отличнаго стараго джентльмена, который выкуривалъ очень длинныя трубки и сказывалъ очень короткія проповѣди, я не стану говорить о немъ, а то, пожалуй, я увлекусь имъ и разкажу всю исторію его жизни, которая, подобно всѣмъ жизнямъ, имѣла, между возрастомъ мячиковъ и возрастомъ сигаръ, свой маленькій романъ. Теперь же я занятъ духовнымъ лицомъ совершенно другаго рода, его преподобіемъ Амосомъ Бартономъ, который появился въ Шеппертонѣ тогда когда мистера Гильфиля уже давно не было на свѣтѣ, когда католическій вопросъ и евангелизмъ уже начали волновать сельскіе умы и теологическія пренія были въ общемъ ходу.

Вы не воображаете, надѣюсь, что Амосъ Бартонъ былъ полнымъ обладателемъ шеппертонскаго прихода. Нѣтъ, конечно. Въ тѣ времена человѣкъ могъ имѣть три маленькія руги (living), могъ морить съ голода курата на двухъ, а самъ бѣдствовать на третьей. Въ такомъ положеніи былъ и шеппертонскій викарій, викарій, подверженный страсти къ постройкамъ, что вовлекало его въ неоплатные долги и увлекало далеко въ одно изъ сѣверныхъ графствъ, и находившій, что его обязанности, относительно его шеппертонской паствы, заключаются въ томъ, чтобы взять съ нея въ годъ тридцать пять фунтовъ десять шиллинговъ, весь остатокъ дохода по выдачѣ восьмидесяти фунтовъ десяти шиллинговъ годоваго жалованья курату.

А теперь, не угодно ли вамъ будетъ разрѣшить слѣдующую задачу? Представьте себѣ человѣка съ женой и шестью дѣтьми

представьте себѣ, что онъ обязанъ для поддержанія достоинства своего сана не иначе показываться внѣ своего дома, какъ въ приличной черной одеждѣ, нигдѣ не лоснящейся, не бѣлѣющей на швахъ; въ галстухѣ снѣжной бѣлизны, представляющемъ въ себѣ плодъ не малыхъ трудовъ по части стирки, крахмаленья и глаженья; въ шляпѣ, которая не показывала бы признаковъ, что она слѣдуетъ возмутительной доктринѣ, предписывающей сообразоваться съ обстоятельствами и принимать такой видъ, какого они потребуютъ; дайте ему приходъ, на столько обширный, чтобъ онъ условливалъ внѣшнююнеобходимость въ большомъ количествѣ сапоговъ, и внутреннюю—въ большомъ количествѣ крѣпительной пищи, и къ тому же настолько бѣдный, чтобы нуждался въ частыхъ духовныхъ утѣшеніяхъ, въ видѣ шиллинговъ и пенсовъ; и въ заключеніе представьте себѣ, что собственная и чужая гордость ставятъ его въ необходимость одѣвать прилично жену и дѣтей, начиная съ лентъ чепчика до снурковъ ботинокъ. Какимъ способомъ можно восемьдесять фунтовъ раздѣлить такимъ образомъ, чтобы квоціентъ покрывалъ еженедѣльные расходы этого человѣка? Такова была задача, которую представляло положеніе Амоса Бартона, шеппертонскаго курата, лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ.

Что̀ думали объ этой задачѣ и о человѣкѣ, обязанномъ разрѣшить ее, нѣкоторые изъ самыхъ зажиточныхъ обитателей Шеппертона, года два по прибытіи въ ихъ среду мистера Бартона, вы узнаете, если послѣдуете за мной въ Кроссъ-Фармъ, и станете у пылающаго камина мистрисъ Паттенъ, бездѣтной старой дамы, разбогатѣвшей единственно почти отрицательнымъ способомъ, то-есть воздержаніемъ отъ всякихъ издержекъ. Саркастическая ея сосѣдка, мистрисъ Гакитъ, объясняла это постоянное и мѣрное возрастаніе богатства мистрисъ Паттенъ, несмотря на неурожайные года на фермѣ, которую она снимала одна по смерти мужа, тѣмъ, что по всей вѣроятности пенсы растутъ на поляхъ Кросъ-Фарма; а мужъ ея, выражаясь опредѣлительнѣе, напоминалъ женѣ, что деньги любятъ деньги. Мистеръ и мистрисъ Гакитъ сегодня вечеромъ въ гостяхъ у мистрисъ Паттенъ, а также и мистеръ Пильгримъ, докторъ изъ сосѣдняго городка, который хотя иногда и важничалъ и задавалъ поздніе обѣды съ загадочными *entremets* и подозрительнымъ портвейномъ, никогда однако не былъ такъ доволенъ своею судьбой, какъ тогда, когда онъ могъ отдыхать отъ своихъ трудовъ въ одной изъ тѣхъ идеальныхъ фермъ, гдѣ домъ—полная чаша, а хозяйка — слабаго здоровья. И въ эту минуту онъ былъ какъ рыба въ водѣ.

И не удивительно: яркій огонь камина отражается на блестящемъ мѣдномъ чайникѣ, домашнія печенія одно другаго привле-

кательнѣе, и племянница мистрисъ Паттенъ, старая дѣва лѣтъ пятидесяти, отказавшая самымъ выгоднымъ женихамъ изъ преданности старухѣ-теткѣ, щедрою рукой наливаетъ густые сливки въ душистый чай.

Читатель! пилъ ли ты когда-нибудь такой чай, какой въ эту минуту миссъ Гибсъ передаетъ мистеру Пильгриму? Имѣешь ли ты понятіе о сладкой крѣпости, объ оживляющей нѣжности чая, въ мѣру смѣшаннаго съ настоящими деревенскими сливками? Нѣтъ, ты по всей вѣроятности жалкій городской читатель, подъ именемъ сливокъ понимающій какую-то бѣловатую жидкость, продающуюся въ безконечныхъ копѣечныхъ дробленіяхъ; или быть-можетъ ты подозрительнаго характера, и мысль о телячьихъ мозгахъ заставляетъ тебя пить горькій чай, безъ всякой млечной примѣси. Понятіе твое о коровѣ сливается съ бѣлымъ гипсовымъ животнымъ, выставленнымъ на окнѣ молочника, и тебѣ не извѣстна поэтическая исторія настоящихъ сливокъ, подобныхъ тѣмъ, которыми миссъ Гибсъ подчуетъ мистера Пильгрима, какъ сегодня утромъ они еще находились въ сосцахъ большихъ, гладкихъ животныхъ, толпившихся подъ навѣсомъ и съ нетерпѣливымъ мычаніемъ ожидавшихъ своей очереди; какъ они, съ звукомъ мѣрнымъ и пріятнымъ, падали въ ведро Бетти, распространяя очаровательный запахъ по свѣжему воздуху; какъ они были перенесены въ этотъ храмъ студеной чистоты, въ молочню, гдѣ они тихо отдѣлились отъ не столь благороднаго молока, и въ мягкой бѣлизнѣ своей ждали ложки миссъ Гибсъ, обязанной перенести ихъ въ стеклянный сливочникъ. Если предположенія мои справедливы, ты не имѣешь понятія о томъ, чѣмъ можетъ и долженъ быть чай; и мистеръ Пильгримъ, вкушающій его въ эту минуту, имѣетъ въ этомъ отношеніи перевѣсъ надъ тобой.

Мистрисъ Гакитъ отказывается отъ сливокъ; она такъ долго воздерживалась отъ нихъ въ виду недѣльнаго дохода съ масла, что воздержаніе перешло въ привычку и наконецъ въ отвращеніе. Она худа и страдаетъ отъ хронической болѣзни въ печени, и этого было бы достаточно, чтобы пріобрѣсть ей полное уваженіе и благоволеніе мистера Пильгрима, даже еслибъ она не содержала его въ страхѣ своимъ язычкомъ, который былъ остеръ, какъ его ланцетъ. Она принесла съ собою свое вязанье—не безполезную какую-нибудь работу, но толстый шерстяной чулокъ, и брянанье ея спицъ—постоянный акомпаниментъ всякому ея разговору, и не было примѣра, чтобы въ самомъ горячемъ преніи, сбивая спѣсь съ своихъ ближнихъ, она сбилась въ своемъ вязаньи.

Мистрисъ Паттенъ не любитъ такой излишней дѣятельности языка и рукъ. Спокойно возсѣдать въ креслѣ съ сознаніемъ, что проценты ея капитала растутъ да растутъ, давно

уже казалось ей дѣятельностію весьма достаточною, и она всегда бываетъ невозмутимо спокойна, даже когда злословитъ. Она красивая старушка, лѣтъ восьмидесяти, въ чепцѣ и съ тоненькими, плоскими бѣлыми буклями, окаймляющими ея лицо; своею опрятностію, чистотой и неизмѣнностію, она напоминала восковую куклу подъ стеклянным колпакомъ; она нѣкогда была горничною въ богатомъ домѣ, и вышла замужъ благодаря своей красотѣ. Она обожала своего мужа, а теперь обожаетъ свои деньги, и питаетъ въ душѣ родственную ненависть къ своей племянницѣ, Дженетъ Гибсъ, которая, какъ извѣстно ей, ожидаетъ большаго наслѣдства, и которую она твердо рѣшилась обмануть въ ея ожиданіяхъ. Всѣ деньги свои она оставитъ дальнему родственнику мужа, и Дженетъ будетъ избавлена отъ обязанности оплакивать ее, увидѣвъ, что на ея долю не достанется почти ничего.

Къ мистеру Гакиту мистрисъ Паттенъ питала болѣе уваженія чѣмъ къ другимъ. Онъ человѣкъ смѣтливый и положительный, свѣдущій въ хозяйствѣ и на столько достаточный, чтобы не желать занимать деньги.

Теперь усядемся въ этомъ уютномъ, тепломъ уголку, и послушаемъ, что̀ говорится вокругъ насъ.

— Итакъ, говоритъ мистеръ Пильгримъ, почти съ полнымъ еще ртомъ, — у васъ въ прошлое воскресенье была смута въ Шеппертонской церкви. Я былъ сегодня утромъ у Джема Худа, сготиста, чтобы посмотрѣть на его жену, и онъ клянется, что отмститъ пастору, несносному методисту, который во все вмѣшивается и носъ свой всюду суетъ. Въ чемъ же именно дѣло?

— О, все это вздоръ отвѣтилъ мистеръ Гакитъ, всовывая одинъ большой палецъ промежъ пуговицъ просторнаго своего жилета, а другимъ удерживая щепотку табаку (онъ не былъ большимъ приверженцемъ питья, веселящаго душу, но не отуманивающаго головы, и уже покончилъ съ своимъ чаемъ).—Они начали пѣть свадебный псаломъ для новобрачныхъ, славный псаломъ и на отличный голосъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, его всегда поютъ всѣмъ молодымъ. Да и что̀ можетъ быть лучше?—Тутъ мистеръ Гакитъ закинулъ голову назадъ, протянулъ лѣвую руку и затянулъ:

Какъ пріятно, какъ прекрасно
Обитателямъ земнымъ,
Будто ангеламъ святымъ,
Жить и въ мирѣ и согласно...

Но мистеръ Бартонъ, кромѣ гимновъ, ничего знать не хочетъ, и хочетъ ввести музыку, которой я и въ толкъ не возьму.

— Итакъ, сказалъ мистеръ Пильгримъ, желая отвлечь мистера Гакита отъ лирическихъ воспоминаній и снова навести его на разказъ,—онъ приказалъ перестать пѣть,—а? такъ что ли? и самъ назначилъ гимнъ на какой-нибудь унылый голосъ.

— Да, сказала мистрисъ Гакитъ, нагибаясь къ свѣчѣ, чтобы поднять петлю, и покраснѣвъ какъ индѣйскій пѣтухъ. — Я всегда нахожу, что когда онъ говоритъ про смиреніе, онъ самого себя отдѣлываетъ. Въ этомъ отношеніи мы другъ на друга похожи, не можемъ похвалиться особенною кротостью.

— Этотъ Бартонъ, по моему, человѣкъ вовсе не порядочный, сказалъ мистеръ Пильгримъ, ненавидѣвшій Амоса по двумъ причинамъ: онъ призывалъ къ себѣ новаго доктора, недавно поселившагося въ Шеппертонѣ, да и самъ имѣлъ страстишку къ лѣченію, и про него шла слава, что онъ вылѣчилъ одного паціента мистера Пильгрима.—Говорятъ, что отецъ его былъ сапожникъ изъ диссентеровъ, и что самъ онъ наполовину диссентеръ. Вы конечно знаете, что онъ вечеромъ, по воскресеньямъ, проповѣдуетъ, изъ головы, въ одномъ изъ здѣшнихъ коттеджей.

— Тш!—то было любимое восклицаніе мистера Гакита: — эти проповѣди безъ книги никуда не годятся, если нѣтъ у человѣка дара, да если онъ Библіи не знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Я въ молодости своей слыхалъ такихъ проповѣдниковъ; говорили они часа по два, не останавливаясь, и слова ихъ въ самомъ дѣлѣ дѣлали впечатлѣніе. Но нашъ пасторъ на этого рода дѣло вовсе не способекъ. Онъ скажетъ вамъ проповѣдь какъ лучше и требовать нельзя, если сперва напишетъ ее. Но когда захочетъ проповѣдывать изъ головы, такъ, такъ начнетъ путать что и текстъ потеряетъ; бьется, словно овца, которая упала и не можетъ встать на ноги. Вамъ бы это не понравилось, мистрисъ Паттенъ, еслибы вы побывали въ нашей церкви.

— Да, да, сказала мистрисъ Паттенъ, опускаясь въ своемъ креслѣ и поднимая свои маленькія сморщенныя руки, — что̀ бы сказалъ мистеръ Гильфиль, еслибъ онъ дожилъ до всѣхъ этихъ перемѣнъ! Я не понимаю этого новаго ученія. Когда мистеръ Бартонъ приходитъ навѣстить меня, онъ только и говоритъ, что о моихъ грѣхахъ и о томъ, что мнѣ нужно каяться въ нихъ. А я вамъ скажу, мистеръ Гакитъ, что я вовсе не считаю грѣшницей. Съ самаго начала, когда я взяла первое свое мѣсто, хозяева мои всегда были мною довольны. Жена я была какихъ мало, никогда не перечила своему мужу. Поставщикъ сыра часто говорилъ, что на мой сыръ всегда можно положиться. А знала я женщинъ, у которыхъ сыры выходили такіе, что стыдно было взглянуть, и мужья ихъ напрасно разчитывали на доходъ съ сыра, а платьевъ онѣ себѣ шили втрое больше противъ меня. Если я пойду въ адъ, такъ по крайней мѣрѣ знаю, что ужь и другой-то кто врядъ ли попадетъ въ рай. Нѣтъ, я ужь не могу ходить въ нашу церковь если смѣнятъ еще старыхъ пѣвчихъ, то ужь ничего не останется изъ того, что̀ было при мистерѣ Паттенѣ; я даже слышала, что и церковь-то хотятъ разорить и выстроить новую.

Дѣло же было въ томъ, что Амосъ Бартонъ, въ послѣднее свое посѣщеніе, уговаривалъ мистрисъ Паттенъ прибавить что-нибудь къ обѣщаннымъ ею двадцати фунтамъ, представляя ей, что богатства ея принадлежатъ Богу, и что она не можетъ употребить ихъ лучше, какъ пожертвовавъ нѣкоторую сумму въ пользу перестройки Шеппертонской церкви,—практическое приложеніе, которое не могло склонить ее къ принятію его богословскаго ученія. Мистера Гакита, человѣка въ этомъ отношеніи болѣе просвѣщеннаго, нѣсколько покоробило язычество, проглянувшее въ словахъ мистрисъ Паттенъ, и онъ былъ радъ новому обороту, который данъ былъ разговору послѣднимъ ея вопросомъ, предложеннымъ ему какъ церковному старостѣ и авторитету во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ.

— Да, сказалъ онъ,—пасторъ такъ приставалъ къ намъ, что мы наконецъ согласились, и примемся за дѣло нынѣшнею весной. Но мы пока не собрали еще достаточно денегъ. Мое мнѣніе было дождаться, пока вся сумма будетъ собрана сполна, но сколько, мнѣ кажется, въ послѣднее время стало убывать у насъ прихожанъ. Мистеръ Бартонъ объясняетъ это тѣмъ, что нѣтъ мѣста для всѣхъ. Но я помню, что во время Парри народа всегда бывало пропасть, и боковые придѣлы всегда бывали полны, теперь же я никогда не вижу толпы.

— А я, сказала мистрисъ Гакитъ, добродушіе которой могло проявиться теперь, когда оно противорѣчило общему мнѣнію,— я люблю мистера Бартона; ума онъ, конечно, не дальняго, но онъ добрый человѣкъ, а жена его—женщина премилая и препорядочная. Въ какомъ порядкѣ она держитъ своихъ дѣтей! И обстоятельства ихъ очень стѣсненныя, а сама она болѣзненная, шесть человѣкъ дѣтей, да седьмой въ надеждѣ. Я удивляюсь, право, какъ они сводятъ концы съ концами, съ тѣхъ поръ какъ тетка уѣхала отъ нихъ. Я на прошлой недѣлѣ послала имъ кругъ сыра и мѣшокъ картофеля; ей это пригодится, у нея въ домѣ много голодныхъ ртовъ.

— Да, сказалъ мистеръ Гакитъ,—жена моя всегда готовитъ мистеру Бартону стаканъ крѣпкаго грога, когда онъ послѣ проповѣди въ котеджѣ приходитъ къ намъ ужинать. Пасторъ до этого охотникъ; щеки у него раскраснѣютъ съ и онъ становится молодцомъ.

Этотъ намекъ на грогъ напомнилъ миссъ Гибсъ, что пора и стаканы поставить на столъ, такъ какъ чай уже принятъ; въ деревенскихъ обществахъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, предполагалось, что мужская половина ихъ всегда томима жаждой, и поэтому одно питье смѣнялось постоянно другимъ.

— Что же касается этихъ проповѣдей въ коттеджахъ, сказалъ мистеръ Пильгримъ, мѣшая себѣ крѣпкій стаканъ душесогрева-

ющаго напитка, — я на дняхъ говорилъ объ этомъ съ нашимъ пасторомъ Ели, и онъ этого вовсе не одобряетъ. Онъ говоритъ, что неизвѣстно еще, полезно или вредно давать религіозному ученію слишкомъ обиходный видъ. Онъ такъ и сказалъ: неизвѣстно еще полезно или вредно давать религіозному ученію слишкомъ обиходный видъ.

Мистеръ Пильгримъ отъ времени до времени заикался, когда говорилъ; но когда онъ доходилъ до того, что̀ почиталъ самою глубокомысленною или остроумною частью своей рѣчи, то слова свои произносилъ съ медленною выразительностью, какъ курица, возвѣщающая, что она снесла яйцо, переходитъ отъ слабаго кудахтанья къ громкимъ переливамъ голоса. Онъ находилъ, что эти слова мистера Ели необыкновенно глубоки и тѣмъ яснѣе разрѣшаютъ вопросъ, что не выражаютъ ничего опредѣленнаго.

— А я знаю только то, сказала мистрисъ Гакитъ, всегда храбро стоявшая за свои мнѣнія,—что многіе изъ нашихъ поселянъ и ремесленниковъ, которые никогда не ходили въ церковь, ходятъ въ коттеджъ, и что это имъ полезнѣе, чѣмъ никогда ничего хорошаго не слышать. Похвалю я также это общество для раздачи полезныхъ книжекъ въ народѣ (1), основанное мистеромъ Бартономъ, и въ самомъ дѣлѣ пора было заняться бѣдными людьми, потому-что въ этихъ ихъ клубахъ только и было что̀ пьянство. Кромѣ диссентеровъ, нѣтъ почти ни одного мущины и даже женщины, которые бы не пили.

Въ то время какъ мистрисъ Гакитъ говорила, мистеръ Пильгримъ испускалъ какіе-то странные звуки, похожіе на кудахтанье кохинхинской курицы, что̀ всегда означало въ немъ сдержанное неодобреніе. Но онъ никогда не противорѣчилъ мистрисъ Гакитъ, женщинѣ, къ которой всегда можно было пріѣхать съ увѣренностью попасть на вкусный обѣдъ, и которая съ своей стороны питала неограниченную вѣру въ кровопусканія, пластыри и микстуры.

Мистриссъ Паттенъ, однако, раздѣляла его неодобреніе и не имѣла причинъ скрывать его.

— Не знаю, замѣтила она,—я никогда не слыхала, чтобы было хорошо вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, бѣдныхъ или богатыхъ. Мнѣ гадко подумать, что женщины шляются изъ дома въ домъ, во всякую погоду, и въ сухую и въ сырую, и возвращаются съ запачканными юпками и грязными башмаками. Дженетъ хотѣла присоединиться къ этому обществу, но я ей сказала, что не хочу, чтобы кто-нибудь изъ моего дома бѣгалъ по чужимъ домамъ. Вотъ когда меня не будетъ на свѣтѣ, тогда пусть

(1) Track или Tract Society.

она дѣлаетъ что̀ хочетъ. Я своихъ юпокъ никогда не таскала по грязи, и не понимаю этой новой религіи.

— Нѣтъ, сказалъ мистеръ Гакитъ, любившій шутливымъ комплиментомъ возвращать спокойствіе и пріятное настроеніе взволнованному женскому духу:—вы всегда высоко поднимали юпки, чтобы показать свои маленькія ножки! Не всякая можетъ это дѣлать безнаказанно.

Эта шутка была встрѣчена общимъ одобреніемъ, даже со стороны разбраненной Дженетъ, хотя сама она уже никакъ не могла похвастаться маленькими ножками. Но Дженетъ, казалось, не признавала собственной своей личности и не отдѣляла ея отъ личности тетки.

Подъ шумъ общаго смѣха, мущины снова налили себѣ стаканы, и мистеръ Пильгримъ снова усѣлся въ свое кресло, хотя тутъ же замѣтилъ, что пора бы ему и въ путь. Миссъ Гибсъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сказать мистрисъ Гакитъ, что она служанку Бетти подозрѣваетъ въ томъ, что она лучшую часть ветчиннаго шпеку поджариваетъ пастуху, когда тотъ приходитъ помогать ей въ кухнѣ; въ отвѣтъ на это мистрисъ Гакитъ сказала, что Бетти никогда ей не нравилась; а мистрисъ Паттенъ замѣтила, что когда *она* сама была въ состояніи распоряжаться хозяйствомъ, такъ у ней конечно шпеку не пропадало. Мистеръ Гакитъ, часто жаловавшійся на то, что «нѣтъ ничего несноснѣе возни женщинъ съ ихъ служанками, что у него съ работниками нѣтъ никогда такихъ исторій и хлопотъ,» старался не вслушиваться въ этотъ разговоръ, и завелъ рѣчь съ мистеромъ Пильгримомъ о сѣнѣ. Разговоръ принялъ другой оборотъ, и ничего больше не было сказано объ Амосѣ Бартонѣ, самомъ интересномъ теперь для насъ лицѣ. Поэтому, мы можемъ оставить Кроссъ-Фармъ, не дождавшись, чтобы мистрисъ Гакитъ закуталась въ платокъ и салопъ, и этимъ побудила и мистера Пильгрима привести наконецъ въ исполненіе не разъ изъявленное имъ намѣреніе пуститься въ путь.

II.

Хорошо, что Амосъ Бартонъ не подслушалъ, подобно намъ, разговора, приведеннаго нами выше. Да есть ли въ самомъ дѣлѣ между нами смертный, котораго чувства не пострадали бы отъ сравненія картины его дѣйствій, представляющейся ему самому, съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое они производятъ на его ближнихъ? Мы не что̀ иное какъ блѣдныя растенія, поддержанныя воздушными пузырями нашего самодовольства: плохо намъ приходится, если неосторожный толчокъ лишаетъ насъ этой

воздушной поддержки! Съ нею вмѣстѣ можетъ пропасть и все что̀ въ насъ есть хорошаго. Скажите, напримѣръ, оратору, что его парикъ надѣтъ косо или рубашка его не въ порядкѣ, и что онъ смѣшитъ слушателей своею наружностью, вмѣсто того чтобы поражать и восхищать ихъ силой своихъ періодовъ, и источникъ его краснорѣчія непремѣнно изсякнетъ. Глубока и полна значенія поговорка, что вѣра творитъ чудеса — вѣра дѣйствующаго въ себя, такъ же точно какъ вѣра въ него со стороны воспринимающаго. И бо́льшая часть вѣры дѣйствующаго въ себя состоитъ именно въ той вѣрѣ, что вѣрятъ въ него другіе.

Убѣдите меня въ томъ, что сосѣдъ мой Дженкинъ почитаетъ меня дуракомъ, и я при немъ никакъ не буду въ состояніи блеснуть въ разговорѣ. Скажите мнѣ, что миловидная Феба находитъ мой косой глазъ отвратительнымъ, и мнѣ никогда не удастся нѣжно и прямо взглянуть на нее своимъ здоровымъ глазомъ.

Возблагодаримъ же Небо за то, что оно не лишаетъ насъ этого маленькаго самообольщенія, благодаря которому мы бываемъ и пріятны и полезны, этого самообольщенія, въ силу котораго мы не знаемъ точно, что̀ думаютъ о насъ друзья наши, и свѣтъ не состоитъ изъ зеркалъ, гдѣ бы мы видѣли вѣрно, на что̀ мы похожи и что̀ происходитъ за нашею спиной! Благодаря этому пріятному обману, мы можемъ воображать, что мы очаровательны, и чувство спокойной увѣренности придаетъ нѣкоторую прелесть нашимъ лицамъ;мы можемъ представлять себѣ, что ближніе наши въ восторгѣ отъ насъ, и это хорошо располагаетъ насъ къ нимъ; мы можемъ себѣ вообразить, что приносимъ огромную пользу, и эта мысль помогаетъ намъ дѣлать хоть что-нибудь.

Таково было и положеніе Амоса Бартона въ тотъ самый вечеръ, когда онъ былъ предметомъ разговора въ Кроссъ-Фармѣ. Онъ обѣдалъ у мистера Фаркьюера, втораго по богатству помѣщика въ приходѣ, и возбужденный вкуснымъ обѣдомъ и портвейномъ, съ большимъ оживленіемъ говорилъ о приходскихъ и всякихъ другихъ дѣлахъ. И теперь онъ, при свѣтѣ луны, возвращался домой, продрогнувъ, правда, нѣсколько (у него не было теплаго пальто, подобающаго его сану, а шарфъ вокругъ шеи и непрокаемый плащъ съ капишономъ не спасаютъ насъ отъ холода), но въ полномъ невѣдѣніи не только мнѣнія о немъ мистера Гакита, но и критическихъ замѣчаній, сообщенныхъ на счетъ его одною миссъ Фаркьюеръ другой, какъ только дверь гостиной затворилась за нимъ. Миссъ Джюлія замѣтила, что она никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь такъ сопѣлъ, какъ мистеръ Бартонъ, и что ей нѣсколько разъ хотѣлось предложить ему носовой платокъ; а миссъ Арабелла выразила желаніе узнать, отчего онъ такъ часто говоритъ: *совершить* вмѣсто *сдѣлать*. А

онъ—добрый человѣкъ!—въ то время мечталъ, дѣлалъ планы; собирался въ самомъ скоромъ времени открыть свою библіотеку для чтенія, для которой онъ досталъ нѣсколько книгъ, и книгъ убійственныхъ для диссентеровъ; одна въ особенности, будто бы написанная рабочимъ, который, изъ безкорыстной любви къ своимъ собратьямъ, бралъ на себя трудъ предостерегать ихъ этимъ путемъ отъ этихъ лицемѣрныхъ злодѣевъ, раскольничьихъ проповѣдниковъ. Почтенный Амосъ Бартонъ твердо вѣрилъ въ существованіе этого рабочаго, и собирался даже писать къ нему. Диссентеры, думалъ онъ, не устоятъ противъ его обдуманнаго, рѣшительнаго образа дѣйствій, они увидятъ, что бороться имъ съ нимъ будетъ невозможно. Мистеръ Бартонъ находилъ, что мудрость змія отличительная черта его характера.

Взгляните на него, какъ онъ пробирается черезъ маленькое кладбище. Лунный свѣтъ, падающій на церковь и могилы, поможетъ вамъ разглядѣть эту черную, худую тѣнь, которая кажется еще худощавѣе благодаря узкимъ штанамъ, мелькающую между памятниками. Онъ быстро идетъ впередъ, и вотъ съ нетерпѣливою рѣшимостью стучится въ дверь пасторскаго дома. Ему немедленно отпираетъ ее нянюшка-кухарка, а также и горничная, другими словами, соединяющая въ себѣ всѣ эти должности, здоровая и добрая Панни, и въ то время какъ мистеръ Бартонъ вѣшаетъ въ передней шляпу на гвоздь, вы видите узкое лицо неопредѣленнаго колорита,—казалось, даже оспа, исказившая его, имѣла какой-то неясный, незрѣлый характеръ,—лицо съ неявственными чертами, неопредѣленнымъ взглядомъ, и большою лысиной, сливающеюся со лбомъ. По его виду вы справедливо заключите, что ему около сорока лѣтъ. Въ домѣ тихо: десятый часъ въ исходѣ, и дѣтей давно уложили спать. Онъ отворяетъ дверь гостиной, но вмѣсто того чтобы, какъ онъ ожидалъ, застать жену при свѣтѣ одной свѣчи прилежно занятою своимъ шитьемъ, онъ находитъ, что она обходится безъ свѣчи. При красномъ свѣтѣ каминнаго огня, она тихо ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, держа на рукахъ маленькаго Вальтера, годоваго малютку, который смотритъ черезъ ея плечо большими удивленными глазами, въ то время какъ терпѣливая мать гладитъ его по спинѣ своею мягкою рукой, и смотритъ со вздохомъ на кучу, еще не заштопанныхъ, большихъ и маленькихъ чулковъ, сложенную на столѣ.

Мистрисъ Амосъ Бартонъ была милая женщина; высокая, ясная, кроткая мадонна, съ густыми мягкими каштановыми кудрями, вившимися вокругъ нѣжныхъ щекъ, и большими, добрыми, близорукими глазами. Мягкія очертанія высокаго ея стана придавали красоту самому простому платью, надѣтому на ней, и старая,

изношенная черная шелковая матерія ложилась вокругъ нея живописными, спокойными складками, составлявшими противоположность съ тревожнымъ чувствомъ неловкости, выражавшимся, казалось, въ шелестѣ великолѣпнаго *gros de Naples* мистрисъ Фаркьюеръ. Шляпку ея, когда она не была на нее надѣта, всякій бы назвалъ неуклюжею и отвратительною; но надѣтая на ея маленькую головку и смѣшивая свою дешевую ленточную и кружевную отдѣлку съ ея шелковистыми кудрями, шляпка казалась чудомъ моднаго искусства. Между чужими она была застѣнчива и смущена какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка; она краснѣла до ушей, если кто-нибудь спрашивалъ ея мнѣнія, и несмотря на то, было что-то такое величественное во всемъ ея существѣ, въ самой кротости ея, что мущины всегда относились къ ней съ пріятнымъ чувствомъ почтительной робости.

Успокоительная, невыразимая прелесть кроткой женственности! Блескъ, таланты ничто передъ ней. Вамъ, ни въ какую пору жизни, не пришло бы въ голову спросить мистрисъ Амосъ Бартонъ, рисуетъ ли она, играетъ ли на фортепіянахъ. Вамъ было бы, можетъ быть, немножко непріятно подумать, что она можетъ снизойдти отъ яснаго достоинства *бытія* къ работѣ и безпокойству *дѣйствія*. Счастливъ тотъ человѣкъ, думаете вы, глаза котораго, утомленные занятіями, могутъ отдохнуть, глядя на нее, который можетъ свѣжую ея руку приложить къ пылающему своему лбу, можетъ найдти утѣшеніе въ неудачахъ, поддержку и силу въ ея взглядѣ, полномъ любви и нѣжности. Вамъ бы не пришло въ голову, что такое счастье выпадетъ на долю именно такому человѣку, какъ Амосъ Бартонъ, не одаренному, сколько вы могли замѣтить, тѣми качествами, которыя бы вы желали, чтобы мистрисъ Бартонъ нашла въ своемъ мужѣ. Я же, съ своей стороны, отъ души радуюсь за Амоса Бартона, и еслибъ отъ меня зависѣло, не отнялъ бы у него его милой жены. Я всегда питалъ симпатію къ некрасивымъ, непривлекательнымъ псамъ, которыхъ никто не ласкаетъ; мнѣ пріятнѣе такого обрадовать лаской и лакомымъ кускомъ чѣмъ отвѣчать на любезности очаровательнѣйшей левретки, избалованной и изнѣженной. Не такъ, конечно, судитъ свѣтъ: если онъ увидитъ человѣка, молодца собой и съ благороднымъ выраженіемъ лица, никогда не спотыкающагося, всюду встрѣчающаго удачи, онъ тотчасъ же выбираетъ для него очаровательнѣйшую изъ незамужнихъ женщинъ, и говоритъ: вотъ была бы парочка! Вовсе нѣтъ, говорю я: пусть этотъ счастливый, красивый и умный господинъ соединится съ женщиной не самаго перваго сорта; а пусть ангелъ въ образѣ женщины проливаетъ свѣтъ и теплоту въ сердце бѣдняка, не сложеннаго Аполлономъ, не избалованнаго судьбой,

рѣдко въ чемъ встрѣчающаго удачу. Она, милая женщина, по мириться съ этимъ, ибо ея высокая любящая сила найдетъ себѣ тутъ только больше дѣла; я думаю даже, что природа мистрисъ Бартонъ никогда бы неразвилась до такого ангельскаго характера, еслибъ она вышла за человѣка, котораго бы вы, можетъ-быть выбрали для нея, за человѣка блестящаго и съ состояніемъ. Къ тому же, Амосъ былъ добрый, нѣжный, и по своему цѣнилъ жену какъ лучшее свое сокровище.

Но теперь онъ затворилъ за собою дверь и сказалъ: Здравствуй, Милли!

— Здравствуй, милый! былъ отвѣтъ, краснорѣчивый по улыбкѣ, сопровождавшей его.

— Маленькій этотъ злодѣй, кажется, не хочетъ заснуть! Не можешь ли ты передать его Нанни?

— Нанни весь вечеръ гладила, но теперь, я думаю, она можетъ его взять.—И мистрисъ Бартонъ направилась къ кухнѣ, а мужъ ея побѣжалъ наверхъ, чтобъ облечься въ халатъ свѣтлопесочнаго цвѣта, и уже спокойно набивалъ свою длинную трубку, когда жена его возвратилась въ гостиную. Цвѣтъ свѣтлопесочный вовсе не шелъ къ нему, онъ же, какъ извѣстно, очень марокъ: почему же мистеръ Бартонъ избралъ его для домашняго платья? Быть-можетъ потому, что мистеръ Бартонъ одаренъ былъ способностью попадать на самое не подходящее какъ въ одеждѣ, такъ и въ слогѣ.

Мистрисъ Бартонъ зажгла свѣчу и принялась за свою кучу чулокъ. Ей нужно было сообщить мужу что-то непріятное, но она не хотѣла начать съ этого.

— Пріятно ли ты провелъ вечеръ, мой милый?

— Да, довольно пріятно. Ели тоже обѣдалъ тамъ, но уѣхалъ довольно рано. Миссъ Арабелла сильно задираетъ его, но онъ что-то не очень подается на это. Я подозрѣваю, что у Ели уже есть какая-нибудь любовь, и что онъ на дняхъ разудивитъ всѣхъ здѣшнихъ барышень, вздыхающихъ по немъ, представивъ имъ свою жену. Этотъ Ели большой хитрецъ; онъ это непремѣнно сдѣлаетъ, штуки ради.

— Говорили ли что-нибудь Фаркьюеры о пѣніи въ прошлое воскресенье?

— Да! Фаркьюеръ сказалъ, что пора заняться пѣвчими; но ему не нравится, что одинъ гимнъ я заставилъ спѣть на голосъ, который онъ привыкъ слышать, проходя мимо диссентерской молельни.

Тутъ мистеръ Бартонъ засмѣялся — онъ имѣлъ привычку смѣяться надъ замѣчаніями, которыя бы другой человѣкъ нашелъ очень дѣльными—и выставилъ напоказъ остатки своихъ зубовъ, подобно остаткамъ Старой Гвардіи не многочисленные и сильно пострадавшіе отъ дѣйствія времени и обстоятельствъ.

— Но, продолжалъ онъ,—мистрисъ Фаркьюеръ безпрестанно заводила рѣчь о мистерѣ Бридменѣ и графинѣ. Она узнала всѣ сплетни о нихъ, и непремѣнно хотѣла, чтобъ я согласился съ ней, но я крѣпко защищалъ свое мнѣніе.

— Не понимаю, какъ это люди такъ хлопочутъ, чтобъ узнать что-нибудь дурное о своихъ ближнихъ! Я безъ тебя получила записку отъ графини: она приглашаетъ насъ обѣдать у нея въ пятницу.

И мистрисъ Бартонъ взяла записку съ камина, и передала ее мужу. Заглянемъ въ нее, пока онъ читаетъ.

«Ангелъ мой Милли,

«Доставьте мнѣ удовольствіе видѣть ваше милое лицо и пріѣзжайте въ пятницу съ мужемъ отобѣдать у насъ. Не то я буду сердиться на васъ до воскресенья, когда мнѣ придется васъ увидѣть, и не буду въ силахъ противостать желанію расцѣловать васъ. Любящая васъ

«Каролина Черласская».

— Какъ эта записка похожа на нее, не правда ли? сказала мистрисъ Бартонъ.—Я полагаю, что намъ можно будетъ быть у нея.

— Да; я свободенъ. Духовный митингъ будетъ завтра утромъ.

— И вотъ что̀ еще, милый мой: мясникъ Вудсъ заходилъ сказать, что ему непремѣнно нужны деньги на будущей недѣлѣ. Онѣ ему необходимы.

Это извѣстіе заставило мистера Бартона задуматься. Онъ быстрѣе сталъ втягивать въ себя дымъ трубки, и устремилъ глаза на огонь.

— Я думаю, что мнѣ придется попросить у мистера Гакита взаймы фунтовъ двадцать: до Благовѣщенія еще два мѣсяца, а нельзя же намъ отдать Вудсу послѣдній шиллингъ.

— Я бы не желала, чтобы ты просилъ объ этомъ мистера Гакита, милый; онъ и жена его такъ были добры къ намъ, недавно еще прислали намъ столько разныхъ разностей.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ обратиться къ Ольдинпорту. Я хочу написать ему завтра утромъ, чтобы сообщить ему свое намѣреніе служить въ рабочемъ пріютѣ, пока церковь будетъ перестраиваться. Если онъ согласится раза два присутствовать тамъ при службѣ, всѣ послѣдуютъ его примѣру.

— Я бы желала, чтобы мы могли справиться, не занимая денегъ; но право не знаю, какъ это устроить. Бѣдному Фреду необходимы новые башмаки; я не могла отпустить его вчера къ мистрисъ Бондъ, потому что они чуть держатся на его ногахъ;

и я бѣдненькаго никуда не могу отпускать гулять какъ только въ садъ. Къ воскресенью непремѣнно должны быть у него башмаки. Рѣшительно, сапоги и башмаки—бѣдствіе моей жизни. Все остальное можно перевернуть, передѣлать, обновить; но нѣтъ средства придать приличный видъ старымъ сапогамъ и башмакамъ.

Напрасно мистрисъ Бартонъ такъ скромно отзывалась о своемъ искусствѣ передѣлывать башмаки. Въ эту минуту у нея на ногахъ были надѣты туфли, которыя давно уже прошли прюнелевый періодъ своей жизни, а теперь доживали свой вѣкъ въ видѣ весьма приличныхъ черныхъ шелковыхъ туфузель, благодаря искуснымъ пальцамъ мистрисъ Бартонъ. Удивительные то были пальцы! Никогда они не оставались безъ дѣла; если она на нѣсколько часовъ куда-нибудь отправлялась въ гости, изъ ея кармана тотчасъ же появлялся наперстокъ и кусокъ кисеи или ситцу, и прежде чѣмъ она уходила, превращался въ какой нибудь миніатюрный чепчикъ или платьице со всевозможными рубцами и строчками. Она даже старалась убѣдить мужа промѣнять панталоны въ обтяжку на простые широкіе, увѣряя, что она берется сшить ихъ такъ отлично, что никто не заподозритъ пола портнаго.

Но мистеръ Бартонъ уже докурилъ свою трубку, свѣча почти догорѣла, и мистрисъ Бартонъ отправляется посмотрѣть, успѣла ли Нанни укачать Вальтера. Нанни укладываетъ его въ эту минуту въ его маленькую кроватку, стоящую рядомъ съ кроватью матери; его головка, покрытая мягкимъ, темнымъ трико, покоится на маленькой подушкѣ, и крошечный, круглый, бѣлый кулачокъ закрываетъ розовыя губки: малютка подверженъ дѣтской слабости сосать свои пальцы.

Вслѣдствіе этого, Нанни могла теперь присоединиться къ общей короткой вечерней молитвѣ, послѣ которой всѣ отправились спать.

Мистрисъ Бартонъ отнесла наверхъ остатокъ своей чулочной кучи, положила его на столѣ у самаго своего изголовья и рядомъ съ нимъ положила теплую шаль. Она была утомлена физически, но не нравственно, и у нея на сердцѣ было легко, несмотря на мясника Вудса и бренность башмаковъ: сердце ея такъ было переполнено любви, она такъ крѣпко вѣрила, что Богъ не оставитъ ея мужа и малютокъ, что уныніе не закрадывалось въ ея душу, и она скоро и сладко заснула. Но около половины пятаго утромъ, если ангелы ходили у ея постели,—и ангелы могли бы порадоваться такой должности,—они бы увидѣли, какъ мистрисъ Бартонъ тихо и осторожно, чтобы не разбудить Амоса, спавшаго сномъ праведника, привстала, зажгла свѣчу, накинула теплую шаль на плечи, и прислонившись къ своей подушкѣ, опять ревностно принялась за штопанье чулокъ. Штопала она да штопала, пока не услыхала, что Нанни уже на ногахъ, и тогда, на разсвѣтѣ,

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Дневникъ гардемарина на фрегатѣ *Аскольдъ*. П. С. МУХАНОВА.
Изъ Петербурга. К. К. ГЕРЦА.
Отвѣтъ на нескромный вопросъ неизвѣстнаго, по случаю статьи Ржевскаго о пролетаріатѣ. В. В. РЖЕВСКАГО.
Нѣсколько словъ о бытѣ сельскихъ священниковъ. N.
Ученый скандалъ. С. ВЛАДИМІРОВА.
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
I. Положеніе Европы и племенныя движенія.
II. Отдача въ солдаты по судебному приговору.
III. Лашманы.
VI. Новое назначеніе коммиссіи о земскихъ банкахъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1860 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К°, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 3 пфеннига.

Печатать позволяется.
Мая 19 го. Цензоръ *Гиляровъ-Платоновъ*.

21964

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ

1860

МАЙ. КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—ОБЪ АТОМИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ ВЕЩЕСТВА. Н. Н. СТРАХОВА.
II.—О МѢРАХЪ, СОДѢЙСТВУЮЩИХЪ РАЗВИТІЮ ПРОЛЕТАРІАТА. (Окончаніе). . . . . В. К. РЖЕВСКАГО.
III.—СТАЧКА РАБОЧИХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. . . . . Е. М. ѲЕОКТИСТОВА.
IV.—ПОЛКОВЫЕ ИСТОРІОГРАФЫ I.—II. . . . . М. И. СЕМЕВСКАГО.
V.—ОШИБКА ЗА ОШИБКУ. Повѣсть. I.—VI. . . . Н. Р.
VI.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. (*См. на оборотѣ.*)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Кровь Сандоновъ. Изъ Диккенсова журнала.
Семейство Альвареда. Разказъ Фернандо Ковальеро. Переводъ съ испанскаго. Часть первая.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

BODLEIAN
P
17 SEP 1956
LIBRARY

BND. 5267

ОБЪ АТОМИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ ВЕЩЕСТВА

Wo der Widerspruch sich zeigt, liegt die Schuld entweder in der Hohlheit der Speculation, oder in der Anmassung der Empirie, die mehr durch die Erfahrung erwiesen glaubt, als durch dieselbe begründet ward.

A. Humboldt.

I.

Физика Пулье, самый употребительный учебникъ физики въ настоящее время, начинается слѣдующими размышленіями:

«Ничего не можетъ быть любопытнѣе для исторіи человѣческаго ума, какъ слѣдить среди теченія вѣковъ за странными мнѣніями, которыя попеременно были составляемы людьми о свойствахъ тѣлъ, объ ихъ элементахъ, о началахъ и причинахъ, двигающихъ веществомъ и сохраняющихъ гармонію міра. Какая путаница гипотезъ и ошибокъ, среди которыхъ геніяльные люди тамъ и сямъ бросили нѣсколько плодовитыхъ истинъ! И даже въ настоящее время, что̀ можетъ быть любопытнѣе, какъ вопрошать различные умы, начиная съ самыхъ простыхъ и до самыхъ развитыхъ, и выслушивать ихъ мнѣнія о различныхъ явленіяхъ природы, о дѣйствіяхъ воздуха и атмосферы, о равновѣсіи водъ вокругъ земли, о явленіяхъ теплоты и свѣта, о метеорологіи, напримѣръ о причинѣ грома, которую, правда, уже не олицетворяютъ, но которую многіе все еще представляютъ имѣющею тѣло и форму! Какое разно-

образіе взглядовъ и представленій! Какая разница между людьми! Какая разница между народами!» (1)

Все это говорится, разумѣется, съ тѣмъ, чтобъ, указывая на ошибки и заблужденія, заманить къ изученію физики, успѣвшей открыть во всемъ этомъ сущую истину. Такая уловка можетъ однакоже произвести грустное и совсѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе. Если въ теченіе вѣковъ встрѣчаются только однѣ ошибки да странныя мнѣнія, то и нашъ вѣкъ, такъ какъ онъ находится въ ряду вѣковъ, долженъ быть исполненъ ошибокъ, которымъ съ любопытствомъ будутъ удивляться слѣдующіе вѣка. Если исторія науки есть только путаница предположеній и ошибокъ, то никто не можетъ поручиться за то, что въ наше время эта путаница не больше чѣмъ когда бы то ни было. Правда, геніи имѣютъ чудесную способность открывать истину. Кажется, вѣрнѣе было бы подобную способность признать за человѣкомъ вообще, но пусть такъ: кто намъ ручается въ такомъ случаѣ, что наши заблужденія не затмѣваютъ истинъ, открытыхъ геніями?

Наука теряетъ свою твердость, какъ скоро мы лишимъ исторію ея всякаго смысла. По словамъ Пулье, въ этой исторіи не видно ни связи, ни порядка; одна путаница, съ которою едва ли справятся геніи, Богъ знаетъ откуда почерпающіе свои истины, точно такъ же какъ Богъ знаетъ откуда другіе берутъ безпрерывныя ошибки и предразсудки.

Взглядъ Пулье, какъ извѣстно, не есть что-либо исключительное, только ему принадлежащее; онъ повторяется въ тысячѣ формахъ, на тысячу ладовъ. Это взглядъ *случайности*, взглядъ грубаго эмпиризма.

Другіе смотрятъ на исторію науки нѣсколько иначе.

Грове, во введеніи своей знаменитой книги: *О соотношеніи физическихъ силъ*, говоритъ:

«Чѣмъ далѣе простираются наши изслѣдованія, тѣмъ болѣе мы находимъ, что наука есть произведеніе медленнаго движенія, что истинныя понятія, которыя кажутся намъ новыми, произошли, хотя не прямо, изъ послѣдовательнаго измѣненія давнишнихъ мнѣній. Каждое слово, произносимое нами, каждая наша мысль заключаетъ въ себѣ слѣды, представляетъ собою результатъ впечатлѣнія прежнихъ мыслей и словъ. Фи-

(1) *Elém. de Phys.* 1856. T. I, p. 2.

лософія наша, какъ бы она ни оказалась отличною отъ философіи нашихъ предковъ, состоитъ только изъ прибавленій или изъятій, сдѣланныхъ въ древней философіи.» (1)

Слѣдуя такому взгляду постепеннаго измѣненія идей, Грове указываетъ далѣе на то, что краткость человѣческой жизни замедляетъ движеніе наукъ. Какая-нибудь теорія, говоритъ онъ, составляется тѣми, кто открылъ что-нибудь новое или вообще имѣетъ авторитетъ въ наукѣ; и такъ какъ время, по истеченіи котораго она могла бы быть строго обсужена на основаніи новыхъ данныхъ, далеко превосходитъ время жизни людей, принявшихъ ее въ первый разъ, то за нею остается потомъ авторитетъ цѣлаго поколѣнія.

Впрочемъ, прибавляетъ Грове въ видѣ утѣшенія, слишкомъ частыя измѣненія взглядовъ были бы дѣйствительно несовмѣстимы съ существованіемъ человѣческихъ обществъ, потому что отсюда произошла бы только анархія мыслей, безпрерывный рядъ переворотовъ въ умахъ (2).

Утѣшеніе очень слабое! Въ самомъ дѣлѣ, что̀ же особенно хорошаго въ томъ, что перевороты не слѣдуютъ быстро, а что между ними есть большія остановки? Дѣло отъ этого нисколько не перемѣнилось; все же переворотъ идетъ за переворотомъ, и нѣтъ этому конца, и анархія мыслей грозитъ намъ ежеминутно. Весьма справедливо, что гораздо спокойнѣе жить безъ переворотовъ, но для науки нѣтъ никакой выгоды, никакого успокоенія въ этомъ спокойствіи; напротивъ, чѣмъ быстрѣе пройдетъ это ложное, временное спокойствіе, тѣмъ лучше. Но, такъ какъ у Грове вся будущность науки состоитъ въ безконечномъ рядѣ переворотовъ, то, разумѣется, гораздо лучше остановиться и вздохнуть свободно.

Взглядъ Грове есть также взглядъ эмпирическій, но взглядъ *причинности*, взглядъ, который онъ отъ физическихъ явленій перенесъ на явленія ума. Пулье, хотя онъ допускаетъ необходимую зависимость во всѣхъ явленіяхъ природы, въ явленіяхъ ума нѣтъ никакой необходимости; вся исторія ума — путаница ошибокъ, предположеній и предразсудковъ. У Грове — явленія мысли стройно идутъ одно за другимъ; ни одно не остается безъ послѣдствій, ни одно не возникаетъ безъ предшествовавшихъ вліяній. И этотъ взглядъ

(1) *Correlation des forces physiques* par Grove. Paris. 1856. p. 6.
(2) Ibid. p. 3.

также очень обыкновененъ, и считается раціональнымъ и глубокимъ. Многіе думаютъ, что, изслѣдуя ближайшія причины и поводы событій, они достигнутъ самой сущности ихъ, самаго ихъ смысла.

Нигдѣ лучше, чѣмъ въ исторіи науки, не обнаруживается мелкость и недостаточность такого пониманія исторіи. Наука имѣетъ постоянно одно и то же содержаніе, одну и ту же неизмѣнную цѣль — *истину*. Наука не можетъ существовать ни одного дня безъ увѣренности, что она можетъ достигать истины, что она даже заключаетъ ее въ себѣ въ нѣкоторой степени. Исторія науки слѣдовательно имѣетъ только одинъ смыслъ: она представляетъ стремленіе къ большему и большему раскрытію истины, а не рядъ безконечныхъ и медленныхъ переворотовъ.

А между тѣмъ, если судить такъ, какъ Грове, то нельзя видѣть, куда идетъ движеніе науки. Причины производятъ слѣдствія, и слѣдствія становятся причинами новыхъ явленій,—но куда идетъ этотъ безконечный рядъ? Одинаково легко предположить, что онъ ведетъ насъ къ заблужденію, какъ и къ истинѣ. И притомъ, чѣмъ воодушевляется это движеніе? откуда это безпрерывное появленіе *новаго?* Самъ Грове развиваетъ въ своей книгѣ одну изъ такихъ идей, которыя онъ называетъ *абсолютно новыми* идеями; онъ опирается на факты уже извѣстные, и весь смыслъ своей книги полагаетъ въ этой новой идеѣ. Откуда она? Онъ ничего и не говоритъ о ея происхожденіи; она родилась въ немъ какъ-то чудесно, непостижимо, и рожденіе ея принадлежитъ именно ему, Грове, а никому другому.

Такимъ образомъ очевидно, что эмпирическій взглядъ не можетъ постигнуть самаго главнаго, то-есть начала движенія науки; поэтому и движеніе науки въ этомъ взглядѣ не имѣетъ никакого смысла и порядка; оно всецѣло зависитъ отъ случайностей, отъ неожиданной находки новыхъ фактовъ, отъ случайныхъ усилій даровитыхъ людей и т. п.

А между тѣмъ, еслибъ естествоиспытатели примѣнили къ исторіи своихъ наукъ тѣ же начала, которыми они руководятся въ изслѣдованіи природы, то они тотчасъ же пошли бы вѣрнымъ путемъ и нашли бы законность, порядокъ и разумность тамъ, гдѣ все кажется имъ или хаосомъ, или механическимъ накопленіемъ фактовъ и мыслей.

Съ этой точки зрѣнія исторія наукъ и утѣшительна, и глу-

боко поучительна; она собственно есть исторія путей, по которымъ идетъ умъ человѣческій, и изучая ее, мы изучаемъ вмѣстѣ и основные пріемы ума.

Не развивая далѣе этихъ мыслей, я остановлюсь здѣсь, въ видѣ примѣра, на одномъ фактѣ, весьма важномъ, который долженъ былъ поразить всякаго, кто не слѣпо-эмпирически изучалъ развитіе наукъ. Именно есть нѣкоторыя явленія, нѣкоторыя задачи, около которыхъ постоянно вращаются опытныя науки, и которыя однакоже остаются совершенно неразрѣшенными и непонятными, несмотря на всѣ изслѣдованія.

Исторія науки показываетъ, что вопросы такого рода были предложены съ незапамятныхъ временъ точно такъ же, какъ они предлагаются и нынѣ, но что всѣ успѣхи наукъ, несмотря на блистательныя открытія и геніяльныя усилія, не привели насъ ни на шагъ ближе къ ихъ рѣшенію. Они остаются непонятными и неразрѣшенными точно въ той же степени, какъ и были.

Явленіе весьма важное. Правда, для исключительнаго эмпириста оно не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; для него каждый фактъ существуетъ отдѣльно, самъ по себѣ. Какъ часто случается слышать: что̀ же изъ этого? Вопросъ не рѣшенъ до сихъ поръ, такъ онъ будетъ рѣшенъ послѣ. Какъ знать, къ чему приведутъ науку новые факты, новыя открытія и усилія ума?

И дѣйствительно, разсматривая всѣ явленія какъ случайныя и независимыя, не только нельзя знать о дальнѣйшемъ ходѣ науки, но нельзя быть увѣрену въ томъ, что въ сосѣдней комнатѣ не нарушаются въ эту минуту законы тяжести, или этотъ столъ, отъ одного наложенія рукъ, не станетъ писать самъ или не будетъ какъ-нибудь иначе давать отвѣты на вопросы.

Но станемъ на точку зрѣнія разумнаго эмпиризма, и мы увидимъ дѣло иначе. Исторія наукъ, многовѣковой *опытъ*, показываютъ, что вопросы, предлагаемые себѣ умомъ, бываютъ двухъ *родовъ:* одни, къ разрѣшенію которыхъ, хотя и очень еще далекому, наука подвигается съ каждымъ десятилѣтіемъ, съ каждымъ днемъ, и другіе, которые остаются столь же темными, какъ въ первую минуту, когда ихъ задалъ себѣ человѣкъ. Спрашивается, на чемъ основано столь глубокое, столь рѣзкое различіе?

Возьмемъ напримѣръ вопросъ о питаніи человѣческаго тѣла или объ образованіи земнаго шара. Какіе обширные и трудные

вопросы! Какъ далеко еще ихъ полное рѣшеніе! Но между тѣмъ мы приближаемся къ нему шагъ за шагомъ; какія удивительныя открытія, какая богатая надежда впереди! Не рѣдко среди образованныхъ, но не вполнѣ просвѣщенныхъ людей, можно слышать даже насмѣшливое недовѣріе по поводу многихъ изъ такихъ вопросовъ. Но мы уже многое знаемъ и притомъ твердо увѣрены, что современемъ узнаемъ еще больше.

Возьмемъ теперь вопросы другаго рода, напримѣръ о связи духовныхъ и вещественныхъ явленій, или о томъ, что̀ такое вещество? Вопросы эти до такой степени общи, что неизбѣжно встрѣчались каждому физіологу, физику или химику и были постоянно разбираемы ими отъ первой эпохи существованія физіологіи, физики и химіи, до нашихъ дней. Нѣтъ ни одного курса по этимъ наукамъ, гдѣ бы они не рѣшались такъ или иначе, хотя бы и самымъ простымъ образомъ, напримѣръ такъ: *мы не знаемъ, въ чемъ состоитъ сущность вещества*, или: *связь между тѣломъ и душой останется навсегда непостижимою для ума.*

Если же около этихъ вопросовъ постоянно вращаются эмпирическія изслѣдованія, то не въ правѣ ли бы мы были ожидать, что они постепенно разъяснятся, что мы хоть сколько-нибудь приблизимся къ ихъ рѣшенію? Въ самомъ дѣлѣ, кому же, кажется, лучше знать что̀ такое вещество, какъ не химику или физику? Кому, кажется, лучше понимать связь души и тѣла, какъ не физіологу?

И дѣйствительно, многіе физики и физіологи берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ, утверждаютъ, что они вполнѣ принадлежатъ къ ихъ области, и что эмпирическія науки, при постепенномъ своемъ развитіи, на самомъ дѣлѣ приближаются къ ихъ рѣшенію.

Въ нѣкоторомъ отношеніи такіе ученые имѣютъ право сослаться на исторію наукъ. Дѣйствительно, эмпирическія науки постоянно представляютъ стремленіе рѣшать указанные вопросы въ извѣстную сторону; всѣмъ извѣстно, что въ отношеніи къ веществу атомистическая теорія все больше и больше господствуетъ въ физикѣ и химіи, а въ отношеніи къ тѣлу и душѣ физіологія все далѣе и далѣе уклоняется къ матеріализму, то-есть къ сведенію духовныхъ явленій на вещественныя.

Такіе успѣхи однакоже не болѣе какъ чистая видимость. На самомъ дѣлѣ легко показать, что существенно вопросы не подвинуты ни на шагъ, тогда какъ ихъ рѣшеніе въ извѣстную сторону

сдѣлано уже давно. Матеріялисты и атомисты существовали уже въ древней Греціи; въ настоящее время, когда явленія анализированы и умножились безъ конца, натуралисты *то же* самое рѣшеніе прилагаютъ къ *большему* числу случаевъ, и въ этомъ видятъ какъ бы успѣхъ, тогда какъ рѣшать такимъ образомъ они имѣютъ нисколько не болѣе правъ чѣмъ древніе греческіе философы.

Чувствуя это, только не многіе ученые рѣшаются твердо стоять за матеріялизмъ или за атомы, а обыкновенно выражаются такъ: матеріялизмъ есть *смѣлая гипотеза* (то-есть допускаютъ однакоже его возможность), или: *весьма вѣроятно* (то-есть однакоже не достовѣрно), что тѣла состоятъ изъ недѣлимыхъ частицъ.

Какъ бы то ни было, эмпирики, разумѣется, на слово не повѣрятъ; необходимо показать имъ *на опытѣ*, что указанные вопросы нисколько не подвинуты впередъ. Для этого нужно бы анализировать шагъ за шагомъ опыты и явленія, сюда относящіяся, и показать, что ни одно открытіе въ физикѣ, химіи или физіологіи, какъ бы оно велико и блистательно ни было, не могло нисколько придать твердости рѣшеніямъ, о которыхъ мы говорили. Такое доказательство было бы безъ сомнѣнія въ высокой степени поучительно въ отношеніи къ исторіи и теоріи опытныхъ наукъ.

Въ этой статьѣ я предположилъ сдѣлать хотя небольшой очеркъ подобнаго изслѣдованія относительно теоріи атомовъ. На ней, какъ на частномъ примѣрѣ, я желалъ бы показать безсиліе эмпиризма въ извѣстныхъ случаяхъ, показать, что есть вопросы, которые для опыта неразрѣшимы. Если же такъ, то отсюда, не говоря о другихъ слѣдствіяхъ, само собою будетъ уже видно, что исторію наукъ нельзя разсматривать ни какъ смѣну ошибокъ и заблужденій, ни какъ безконечный рядъ переворотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отсюда будетъ видно, что эмпиризмъ неизбѣжно подчиненъ одному и тому же закону въ теченіе тысячелѣтій, что онъ имѣетъ границы, за которыя постоянно стремится перейдти, но что эти усилія, имѣющія неизмѣнно тотъ же характеръ, остаются неизмѣнно безплодными.

Такіе выводы особенно важны въ настоящее время, когда эмпиризмъ господствуетъ почти безпрекословно. Естественныя науки привлекаютъ къ себѣ и юношество, стремящееся къ учености, и такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Въ

наукахъ о природѣ видятъ даже какую-то особенную глубину мудрости. Бальзакъ (кстати дѣло идетъ о веществѣ) написалъ романъ подъ заглавіемъ: *Изысканіе абсолютнаго*. Со всевозможнымъ искусствомъ, старающимся невѣроятное представить вѣроятнымъ, онъ разказываетъ усилія героя отыскать *абсолютное*, то-есть что̀ бы вы думали?—какое-то особенное химическое вещество. Приведу другой примѣръ, въ сущности не менѣе странный. Диккенсъ, въ своемъ трогательномъ разказѣ *Договоръ съ привидѣніемъ*, выставляетъ глубокомысленнымъ мудрецомъ профессора химіи, и краснорѣчиво описываетъ съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ трепетомъ слушатели ловили каждое его слово. Подобныя мечты понятны въ Англіи, какъ классической странѣ эмпиризма, гдѣ и химія и физика слывутъ за философію.

Собственно говоря, въ этихъ мечтахъ нѣтъ ничего ненормальнаго или неразумнаго. Умъ человѣческій всегда такъ жаденъ, исполненъ такихъ безконечныхъ ожиданій! Какъ умъ, онъ имѣетъ полное право ожидать рѣшенія вопросовъ, которые самъ себѣ предлагаетъ. Что̀ же удивительнаго, что человѣкъ, никогда не углублявшійся въ науку, не предполагаетъ, что химія и физика ничего не знаютъ о веществѣ, что физіологія ничего не знаетъ о связи души и тѣла?

Точно въ томъ же положеніи находится и тотъ, кто еще готовится проникнуть въ заповѣдной храмъ науки. Вспомните сладкія надежды вашей юношеской любознательности. Чего не сулило вамъ далекое поприще? Безъ сомнѣнія, каждый, кто съ истинною жаждой знанія предавался изученію опытныхъ наукъ, не разъ мечталъ о рѣшеніи вопросовъ самыхъ глубокихъ, самыхъ привлекательныхъ для ума. Каково же бываетъ изумленіе, когда оказывается, что именно этихъ вопросовъ и не рѣшаютъ опытныя науки, что въ нихъ нѣтъ даже никакого способа, никакой дорожки къ такому рѣшенію. Послѣ многихъ и тяжкихъ усилій, какъ не почувствовать горечи, когда мы видимъ, что приходится или принимать за истину какую-нибудь *смѣлую гипотезу* или же вовсе отказаться отъ рѣшенія, къ которому мы стремились, и остаться въ невѣдѣніи? Такъ не лучше ли напередъ знать, что принятая нами дорога не приведетъ насъ къ цѣли, и поискать другаго пути?

Прежде чѣмъ приступимъ къ атомамъ, замѣтимъ вообще, что эти неразрѣшимые вопросы, кромѣ своей неразрѣшимости, очевидно отличаются и въ другихъ отношеніяхъ. Говоря

языкомъ естественной исторіи, мы должны сказать, что два установленные нами рода задачъ различаются не только по большей или меньшей трудности рѣшенія, но и по другимъ признакамъ, и слѣдовательно суть роды *естественные*, а не искусственные.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросы о душѣ и о веществѣ замѣчательны тѣмъ, что они *не анализируются*, не распадаются на частные вопросы, которые могли бы быть рѣшены одинъ за другимъ. Когда мы предлагаемъ себѣ вопросъ другаго рода, напримѣръ объ образованіи земнаго шара, то сейчасъ же являются частные вопросы. Напримѣръ, была ли земля всегда отдѣльною, или сперва была слита съ другими тѣлами? Какъ и почему отдѣлилась? Въ какомъ состояніи находилось ея вещество? Какіе размѣры она имѣла? Какое движеніе? И такъ далѣе. Совершенно напротивъ, когда предлагается вопросъ: что̀ такое вещество? Тутъ нельзя отвѣчать по частямъ, вопросъ не разлагается, и мы ожидаемъ или *полнаго* отвѣта или никакого.

Шеллингъ разказываетъ, что когда, во время консульства, философъ Якоби былъ въ Парижѣ и вмѣстѣ съ другими представлялся первому консулу, Наполеонъ быстро обратился къ нему съ вопросомъ: *что̀ такое вещество?* Якоби не нашелся что̀ сказать, и Наполеонъ заговорилъ съ другими.

Отвѣчать дѣйствительно не легко. Но замѣтимъ, что Наполеонъ едва ли бы не былъ въ большемъ затрудненіи чѣмъ философъ, еслибъ Якоби спросилъ его: *что̀* собственно онъ хочетъ отъ него узнать?

Подобное же затрудненіе ясно представляется при вопросѣ о связи души съ тѣломъ. Еслибы кто-нибудь желалъ знать о связи между давленіемъ пара и движеніемъ парохода, то онъ могъ бы пояснить свой вопросъ, напримѣръ спросить, на какую поверхность давитъ паръ, какой формы тѣло, приходящее въ движеніе отъ этого давленія, какъ это движеніе передается другимъ тѣламъ, и пр. Словомъ, въ этомъ случаѣ требуется опредѣлить *механическую* связь; возможность связи предполагается, понятія и слова, въ которыхъ она выразится, уже готовы. Совершенно напротивъ, когда спрашивается о связи между духовными и вещественными явленіями: свойство самой связи неизвѣстно; ничто не готово для ея опредѣленія или пониманія, и прежде всего требуется именно это приготовленіе.

Другими словами, въ вопросахъ такого рода дѣло идетъ о

сущности предмета, и потому отвѣтъ труденъ; въ вопросахъ же другаго рода, напримѣръ объ образованіи земли, или питаніи тѣла, сущность предмета предполагается извѣстною; мы предполагаемъ уже и существованіе матеріи и дѣйствія физическихъ и химическихъ силъ, и спрашиваемъ только, *какъ* происходитъ рядъ явленій, въ какомъ порядкѣ, въ какихъ размѣрахъ?

Итакъ натуралисты не могутъ рѣшать вопросовъ о сущности явленій, то-есть именно о томъ, что̀ всего болѣе хотѣлось бы намъ знать. Дѣйствительно, физики и химики почти единогласно утверждаютъ, что они не знаютъ что̀ такое матерія. И поэтому вообще въ опытныхъ наукахъ не рѣдко слышится голосъ какого-то отчаянія и самоотреченія. Такъ, въ отношеніи къ тому самому вопросу, который мы будемъ разсматривать, Грове выражается слѣдующимъ образомъ: «что̀ касается до вопроса о внутреннемъ устройствѣ вещества, то-есть атомисты ли правы, или ихъ противники, вѣроятно *всѣ усилія человѣческаго ума никогда* не доведутъ насъ до удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ» (1).

Впрочемъ, многіе изъ нихъ, не говоря уже о тѣхъ, которые на своемъ пути смѣло надѣются достигнуть рѣшенія всѣхъ вопросовъ, считаютъ вопросы о сущности явленій чѣмъ-то безполезнымъ и лишнимъ, слишкомъ отвлеченнымъ и пустымъ. По счастію, атомистическая система не подпала этому странному равнодушію. Не говоря о математическихъ трудахъ по части молекулярной физики, въ основаніи которыхъ всегда лежитъ атомистическій взглядъ, можно утвердительно сказать, что вся масса натуралистовъ, знакомыхъ и незнакомыхъ съ математикой, убѣждена непоколебимо̀ въ существованіи атомовъ. Понятіе объ атомахъ есть первое понятіе, которое встрѣчается каждому приступающему къ изученію физики; оно легко принимается, и потомъ удерживается навсегда едва ли не тверже всѣхъ другихъ.

Сверхъ того, самый вопросъ кажется вовсе не отвлеченнымъ или слишкомъ глубокимъ. Вопросъ повидимому второстепенный и не касается таинственной сущности вещества. Но еслибы Якоби на вопросъ Наполеона отвѣчалъ: вещество есть совокупность атомовъ, то великій полководецъ едва ли бы остался доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и атомы состоятъ изъ вещества, а о немъ-то и спрашивается. Такимъ образомъ таин-

(1) Grove, *Correlat. des forces*. p. 165.

ственная сущность, какъ ей и слѣдуетъ, остается при этомъ недоступною, и весь вопросъ сводится только на то, дѣлимо ли вещество до безконечности, или это дѣленіе имѣетъ предѣлъ?

Замѣтимъ однакоже, что если мы признаемъ безконечную или ограниченную дѣлимость вещества, то этимъ обозначится нѣкоторая, весьма *существенная* черта; поэтому-то господство теоріи атомовъ, дѣйствительно, можетъ быть выставляемо какъ нѣкоторый успѣхъ въ познаніи вещества вообще.

При самомъ первомъ ознакомленіи съ естественными науками, мнѣ приходила въ голову мысль заняться рѣшеніемъ вопроса о дѣлимости вещества опытнымъ путемъ. Долженъ же быть, я думалъ, хоть какой-нибудь фактъ, хоть одно явленіе, гдѣ бы вполнѣ обнаружилось, дѣлимо ли вещество безъ конца или нѣтъ. Даже странно, что столь важное свойство не обнаруживается постоянно во всѣхъ явленіяхъ, что въ порядкѣ и жизни природы оно не играетъ замѣтной роли. При томъ вопросъ совершенно опредѣленный: одно изъ двухъ, или вещество дѣлимо до безконечности, или состоитъ изъ недѣлимыхъ частицъ; не можетъ быть, чтобы никакъ нельзя было рѣшить столь прямаго, яснаго и существенно важнаго вопроса.

Итакъ вопросъ объ атомахъ по своей простотѣ, наглядности и по всеобщему почти убѣжденію въ ихъ существованіи, особенно удобенъ для критическаго обсужденія. Физики и химики говорятъ объ атомахъ съ полнымъ убѣжденіемъ, и сталобыть здѣсь есть, что̀ опровергать. Опредѣленныя, ясныя убѣжденія можно разсматривать какъ нѣкоторыя законченныя явленія, и разбирать ихъ удобно и полезно.

II.

Для ясности изложенія, разсмотримъ прямо, на чемъ основывается допущеніе атомовъ, именно постараемся вполнѣ анализировать тѣ невысказываемыя основанія, на которыя потомъ такъ крѣпко опирается убѣжденіе атомистовъ.

Часто говорятъ, что гипотеза атомовъ придумана Греками, Левкиппомъ и Демокритомъ, въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х., но что она получила особенное развитіе и вѣроятность со времени ученія о химическихъ пропорціяхъ, под-

твердаемаго точными опытами. Легко показать однакоже, что атомистическая теорія имѣетъ гораздо высшее значеніе, что она есть предположеніе, естественно вытекающее изъ природы нашего ума. Слѣдовательно, и безъ Левкиппа и Демокрита и химическихъ пропорцій она необходимо должна была явиться въ наукѣ. Попробуемъ же указать на тѣ основанія, на которыя она дѣйствительно опирается, и прослѣдить самое образованіе мысли объ атомахъ.

Тѣла состоятъ изъ частей, дѣлятся на части. Вотъ фактъ, вотъ то опытное свѣдѣніе, за которымъ не нужно ходить въ физическіе кабинеты и химическія лабораторіи, и который служитъ однакоже основой теоріи атомовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не останавливаясь на фактѣ, мы идемъ далѣе и тотчасъ же противополагаемъ тѣло его частямъ. Мы говоримъ: тѣло не есть что-либо самостоятельное; оно есть только совокупность частей, оно состоитъ изъ нихъ. Слѣдовательно сущность тѣла состоитъ не въ его цѣломъ, а въ частяхъ. Части самостоятельны, а тѣло—только сумма частей.

Но, очевидно, если тѣло какъ цѣлое въ собственномъ смыслѣ не существуетъ, а существуютъ только его части, то эти части не должны уже состоятъ изъ частей, онѣ должны существовать сами въ себѣ, должны быть самостоятельными, цѣлыми атомами. Слѣдовательно тѣла состоятъ изъ атомовъ, *недѣлимыхъ* и *несоединимыхъ*.

Ошибочность, или, лучше сказать, односторонность этого разсужденія видна совершенно ясно. Въ самомъ дѣлѣ, почему такое предпочтеніе частямъ передъ цѣлымъ тѣломъ? Почему не сказать, что части въ тѣлѣ существуютъ всегда только какъ части, и что цѣлое самостоятельно, а части въ собственномъ смыслѣ не существуютъ?

Мы можемъ разсуждать такъ:

Тѣла могутъ дѣлиться на части; но они *не составлены* изъ частей. Дѣйствительно, каждое тѣло можетъ быть различнѣйшимъ образомъ раздѣлено на части; слѣдовательно, раздѣливъ его какъ-нибудь, мы никакъ не можемъ сказать, что оно состояло изъ этихъ частей, на которыя мы раздѣлили его. Если же не изъ этихъ и ни изъ какихъ другихъ, то и нельзя вообще сказать, что тѣло составлено изъ частей.

Каждое тѣло представляетъ нѣчто самостоятельное, имѣющее опредѣленную форму, величину, вѣсъ, и пр. Пока оно цѣло, въ немъ нѣтъ никакихъ самостоятельныхъ частей; если же мы его

раздѣлили, то форма, величина, плотность частей будутъ вполнѣ зависѣть отъ свойствъ цѣлаго и отъ способа дѣленія.

Итакъ каждое тѣло есть самостоятельное цѣлое, и опытъ показываетъ, что никакихъ опредѣленныхъ частей въ немъ не существуетъ, что всякое тѣло можетъ быть произвольно раздѣлено на части. Вмѣсто атомовъ, мы пришли къ *неопредѣленной дѣлимости* вещества. Какъ ни ясна эта дѣлимость изъ всевозможныхъ опытовъ, метафизическое основаніе, на которомъ опирается убѣжденіе атомистовъ, и которое мы только что привели, такъ крѣпко срослось съ ихъ мыслями, что, несмотря ни на какіе опыты, пока оно цѣло, будетъ существовать теорія атомовъ.

Но не легко убѣдить физиковъ, что они разсуждаютъ метафизически и притомъ неосновательно.

Изложимъ доказательство атомистовъ въ другой формѣ; въ сущности оно будетъ то же самое.

Тѣло раздѣлено на части. Не ясно ли однакоже, что при этомъ оно ни сколько не измѣнилось? Въ частяхъ его есть все, что̀ было и въ цѣломъ тѣлѣ. Дѣленіемъ, какъ бы далеко мы ни простирали его, мы не только не уничтожимъ сущности тѣла, но даже ни на волосъ не измѣнимъ ея. Слѣдовательно, въ тѣлѣ есть нѣчто неизмѣнное, постоянно пребывающее. Но тѣло состоитъ изъ вещества, а веществу существенно свойственны величина и форма; слѣдовательно тѣло состоитъ изъ такого вещества, котораго величина и форма неизмѣнны, то-есть изъ недѣлимыхъ частицъ опредѣленной и ничѣмъ неизмѣнимой формы, изъ атомовъ. Если тѣло дѣлится, то за то атомы его не могутъ быть ничѣмъ раздѣлены; если части тѣла могутъ быть различной формы и величины, то атомы неизмѣнно имѣютъ ту же форму и величину.

Итакъ все это доказательство основано на томъ, что вещество тѣла признаютъ неизмѣннымъ и при всевозможныхъ измѣненіяхъ тѣлъ полагаютъ, что ихъ атомы сохраняютъ всѣ свои свойства, а слѣдовательно и форму и величину, какъ принадлежность всякой части вещества.

Здѣсь уже ясно видно, что физики за міромъ явленій стараются усмотрѣть неизмѣнный міръ сущностей, но потомъ своимъ воображеніемъ снова облекаютъ этотъ міръ въ знакомыя имъ формы явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность вещества неизмѣнна; но зачѣмъ воплощать эту сущность въ неизмѣнныя частицы, то-есть пред-

ставлять себѣ тѣла, которыя однакоже не имѣютъ свойствъ настоящихъ тѣлъ, а имѣютъ свойства сущности?

Всѣ тѣла дѣлятся: это — одно изъ первыхъ положеній физики. Какъ же возможно перейдти отсюда къ недѣлимости атомовъ? Дѣленіе есть существенное измѣненіе тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ же вы считаете существеннымъ для тѣла, если его форма и величина для него несущественны? Раздѣливши тѣло на двѣ части, вы, очевидно, получаете два тѣла вмѣсто одного; первое тѣло уничтожено.

И вообще, среди безчисленныхъ измѣненій вещества, какъ рѣшились физики утверждать его неизмѣнность? Самая смѣлая между всѣми смѣлыми гипотезами!

Между тѣмъ за нее стоятъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, защищаютъ ее съ величайшимъ жаромъ.

«Частица желѣза, говоритъ Дю-Буа Реймонъ, безъ всякаго сомнѣнія пребываетъ и остается тою же вещью, летитъ ли она черезъ пространство міра въ метеорномъ камнѣ, звучитъ ли она по рельсамъ въ колесѣ паровоза, или же въ кровяной клѣточкѣ пробѣгаетъ черезъ високъ поэта. Въ послѣднемъ случаѣ, къ свойствамъ этой частицы точно также ничего не прибавлено и ничего отъ нихъ не отнято, какъ и въ какой-нибудь машинѣ, устроенной рукой человѣка. Эти свойства принадлежатъ ей отъ вѣчности, они неизмѣнны и не могутъ быть ею сброшены съ себя» (1).

О какой частицѣ здѣсь говорится? Гдѣ, кто и когда видѣлъ такія неизмѣнныя частицы желѣза? Мы знаемъ, напротивъ, что всякая частица желѣза можетъ быть раздроблена, или же скована съ другими, можетъ быть расплавлена, растворена, соединена со множествомъ тѣлъ и притомъ такъ, что въ этихъ соединеніяхъ нельзя видѣть никакихъ свойствъ желѣза. Какія же это вѣчныя, неуничтожимыя свойства?

Правда, послѣ всѣхъ этихъ измѣненій, можно опять получить металлическое желѣзо, со всѣми его свойствами; нѣкоторые ученые въ этомъ именно видятъ сильнѣйшее доказательство существованія атомовъ. Великій Ньютонъ выражаетъ это весьма ясно. «Такъ какъ частицы вещества, говоритъ онъ, остаются во всемъ недѣлимыми, то онѣ и образуютъ во всѣ времена тѣла одинаковаго свойства и строенія. Еслибъ онѣ раздробились, то и природа вещей, зависящая отъ нихъ, измѣнилась бы.

1) *Untersuchungen über thierische Electricität.* Berlin. 1848. Vorrede, 44.

Вода и земля, составленныя изъ раздробленныхъ частицъ, не имѣли бы тѣхъ свойствъ и того строенія, какъ вода и земля въ началѣ, когда онѣ состояли изъ цѣлыхъ частицъ.» (1)

Ту же мысль слѣдующимъ образомъ повторяетъ Біо: «Результаты показываютъ, говоритъ онъ, что на земномъ шарѣ матеріяльныя частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются однѣ въ другія, потому что, какой бы химической операціи мы ни подвергли ихъ, въ какое бы соединеніе онѣ ни вошли, онѣ всегда получаются потомъ изъ него съ первоначальными своими свойствами. Безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, кажется, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ.» (2)

Въ подобныхъ заключеніяхъ ясно видна та же задняя мысль. Если въ желѣзномъ купоросѣ я не нахожу желѣза, которое я распустилъ въ кислотѣ, то очевидно и обратно—въ желѣзѣ, полученномъ изъ купороса, я вижу нѣчто, совершенно отличное отъ самого купороса. Я произвелъ сперва одну перемѣну въ веществѣ, и получилъ нѣчто новое; потомъ произвелъ перемѣну прямо противоположную, и получилъ снова прежнее вещество. По какому праву я стану утверждать, что вещество, въ сущности, не потерпѣло этихъ двухъ перемѣнъ и осталось совершенно неизмѣннымъ?

Изъ предыдущаго, мнѣ кажется, совершенно отчетливо видно то метафизическое основаніе, на которое опирается представленіе атомовъ. Было бы слишкомъ утомительно при каждомъ явленіи, объясненномъ по атомистической теоріи, указывать на неизбѣжное присутствіе этого основанія и доказывать, что оно не вытекаетъ изъ явленій, а только становится рядомъ съ ними. Поэтому замѣтимъ вообще, что, опираясь на одномъ и томъ же основаніи, всѣ атомистическія объясненія имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Если, слѣдовательно, мы укажемъ въ этихъ объясненіяхъ общія ихъ особенности, то вмѣстѣ съ тѣмъ уяснится и связь ихъ съ тѣмъ началомъ, изъ котораго они вытекаютъ.

Прежде всего покажемъ, что по атомистической теоріи всѣ

---

1) Newton, *Optics*, p. 376.

2) *Traité de Physique*. T. I, p. 4. Нужно бы прибавить: *до сихъ поръ*, и кромѣ того не отъ начала міра, а только со времени наблюденій. Если основываться только на опытахъ, то геологи имѣли полное право предполагать измѣненіе химическихъ свойствъ вещества въ разныя геологическія эпохи. А что будетъ дальше?

явленія объясняются тѣмъ, что они *отрицаются*, а потому и не требуютъ для себя объясненія. Такое отрицаніе совершенно прямо вытекаетъ изъ самой природы этой теоріи. Атомы представляютъ намъ неизмѣнную сущность вещества; никакія перемѣны въ мірѣ явленій до нихъ не касаются, а между тѣмъ сами атомы вещественны, и слѣдовательно мы представляемъ себѣ, что вещество не претерпѣваетъ перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, разберемъ важнѣйшіе частные случаи.

1) Опытъ показываетъ, что тѣла *дѣлимы*. Чтобъ объяснить себѣ это, атомисты полагаютъ, что дѣленіе, которое мы наблюдаемъ, есть чистая видимость, что на самомъ дѣлѣ вещество, заключающееся *только* въ атомахъ, не дѣлимо, и слѣдовательно дѣленіе состоитъ только въ удаленіи частей, которыя сами по себѣ уже раздѣльны, которыя раздѣлены отъ начала, отъ вѣчности.

2) Опытъ показываетъ, что тѣла *соединяются* между собою. Двѣ капли ртути, будучи сближены, сливаются въ одну каплю, совершенно подобную прежнимъ каплямъ. По объясненію атомистической теоріи, сліяніе здѣсь только видимое; атомы, вещественныя части, не могутъ слиться, онѣ могутъ только помѣститься одна возлѣ другой.

3) Физики доказываютъ опытами, что всѣ тѣла, безъ исключенія, *сжимаются* и *расширяются*. Но чтобъ объяснить это, они предполагаютъ, что вещество собственно не сжимаемо и не расширимо, что сжатіе и расширеніе зависитъ только отъ сближенія и взаимнаго другъ отъ друга отдаленія вещественныхъ частицъ или атомовъ.

4) Если тѣла *измѣняютъ* форму, какъ напримѣръ текущая и волнующаяся вода, или гибкій воскъ, то и это только одна видимость. Въ сущности, вещество не способно измѣнять форму; атомы имѣютъ отъ вѣчности одну и ту же форму.

5) Тѣла соединяются между собою *химически*. Изъ двухъ тѣлъ, различныхъ другъ отъ друга, происходитъ третье, разнородное съ тѣмъ и съ другимъ. И это явленіе, столь рѣзкое и поразительное, объясняется тѣмъ, что отрицается самое явленіе. Повидимому, вода не есть только *механическое* смѣшеніе кислорода и водорода, но въ дѣйствительности предполагаютъ, что атомы кислорода находятся въ ней возлѣ атомовъ водорода, не соединенные, не слитые, а только сближенные.

Этихъ примѣровъ достаточно; читатель легко примѣнитъ къ другимъ случаямъ то же замѣчаніе. Вездѣ, какое бы глубокое

измѣненіе ни происходило въ веществѣ, оно объясняется атомистами такъ, что его *въ сущности нѣтъ*, что измѣняются только пространственнныя отношенія атомовъ, а не самое вещество, не атомы.

Изъ приведенныхъ примѣровъ остановимся нѣсколько на сжимаемости и расширяемости вещества, то-есть на способности его занимать большее или меньшее пространство. Предметъ этотъ очень важенъ.

Вопервыхъ, многіе видятъ въ этихъ явленіяхъ особенно ясное доказательство существованія атомовъ. «Когда мы видимъ, говоритъ Лавуазье, что тѣла расширяются отъ теплоты и сжимаются отъ холода, то трудно удержаться отъ предположенія, что они состоятъ изъ частицъ, которыя отъ холода сближаются, а отъ теплоты раздвигаются.»

Отъ чего зависитъ эта трудность? Очевидно, отъ того, что такъ легко представляется объясненіе, при которомъ сущность тѣла полагается неизмѣнною. Мы и здѣсь дѣлаемъ то же самое умозаключеніе, какъ и при дѣленіи тѣлъ. Тѣло сжалось или расширилось, но существенно оно осталось однимъ и тѣмъ же. Въ немъ нѣчто осталось неизмѣннымъ, то-есть, вещество, его самостоятельныя части, его атомы, не потерпѣли перемѣны. Перемѣнилось только пространство, которое они занимаютъ; но *нѣтъ ничего легче*, какъ представить себѣ, что они сблизились или разошлись.

Этому доказательству даютъ часто и другую форму. Говорятъ: вещество не проницаемо, а опытъ показываетъ, что тѣла сжимаются; слѣдовательно, нужно предположить, что въ тѣлахъ есть промежутки, есть разстоянія между вещественными частицами. Самыя же частицы уже не имѣютъ промежутковъ, и слѣдовательно не сжимаемы и не расширимы.

Всего страннѣе здѣсь прямое противорѣчіе двухъ первыхъ положеній: вещество не проницаемо, но опытъ показываетъ, что тѣла сжимаются. Очевидно, первое положеніе, то-есть абсолютная непроницаемость вещества, или *неизмѣнность пространства*, которое оно занимаетъ, берется физиками не изъ опыта, а предполагается опыту. А потомъ, когда опытъ показываетъ, что тѣла сжимаемы и расширимы, атомисты отрицаютъ это явленіе, и вмѣсто него получаютъ только движеніе частицъ.

Впрочемъ, обыкновенно и непроницаемость доказывается опытами; но за то ни въ какомъ опытѣ противорѣчіе между

заключеніями и опытомъ не бросается такъ рѣзко въ глаза. Возьмемъ, говорятъ, цилиндръ, наполненный воздухомъ, и станемъ вдвигать въ него поршень. Тогда воздухъ можно сжать въ пространство въ десять, въ двадцать разъ меньшее, но все-таки воздухъ и проникнетъ черезъ поршень или поршень черезъ воздухъ.

Очевидно, однакоже, этотъ опытъ, вмѣсто того чтобы доказать *совершенную непроницаемость* воздуха, доказываетъ только то, что воздухъ проницаемъ, но не можетъ быть *совершенно проникнутъ*. Въ самомъ дѣлѣ, то самое пространство, которое занималъ воздухъ, занято теперь поршнемъ; поршень слѣдовательно проникъ въ то мѣсто, которое принадлежитъ воздуху: какая же еще другая проницаемость возможна? Съ другой стороны, то же тѣло, то же количество вещества, заняло меньшее пространство, и слѣдовательно *въ одномъ о томъ же пространствѣ помѣстилось большее количество вещества*. Только это и можно назвать проницаемостію, потому что если мы захотимъ, чтобы два вещества въ одно время занимали одно и то же пространство, то это будетъ уже не проницаніе, а другое явленіе, соединеніе двухъ тѣлъ въ одно новое тѣло, и такое явленіе представляютъ намъ растворы и химическія соединенія.

Повторимъ еще разъ то же разсужденіе. Всякому тѣлу непремѣнно принадлежитъ извѣстное пространство. Если какое-нибудь другое тѣло занимаетъ часть этого пространства, то мы говоримъ, что одно тѣло проникаетъ въ другое. Если же представить, что одно и тоже пространство занято во всѣхъ своихъ точкахъ въ то же время и однимъ и другимъ какимъ-нибудь тѣломъ, то изъ этого очевидно получится новое тѣло, въ которомъ нельзя будетъ отличить двухъ прежнихъ тѣлъ и, слѣдовательно, нельзя будетъ сказать, что одно проникло въ другое.

Но даже и въ этомъ смыслѣ проницаніе существуетъ и, какъ мы видѣли, отвергается атомистами.

Нельзя не остановиться на томъ, что доказавши непроницаемость тѣлъ, физики идутъ далѣе и доказываютъ, что всѣ тѣла представляютъ *скважность*, а для доказательства приводятъ опыты, изъ которыхъ видно, что тѣла *проницаемы*. Какимъ образомъ это странное противорѣчіе ускользнуло отъ физиковъ, трудно понять, но объяснить, какъ оно произошло, очень легко. Дѣйствительно, атомисты, несмотря на явную сжимаемость и проницаемость тѣлъ, принимаютъ, что всѣ тѣла

состоятъ изъ маленькихъ тѣлъ несжимаемыхъ и непроницаемыхъ, то-есть атомовъ. Поэтому, когда тѣла представляютъ сопротивленіе сжатію и проницанію, они относятъ это къ ихъ атомамъ, а когда явно происходитъ сжатіе и проницаніе, то приписываютъ это цѣлымъ тѣламъ, то-есть ихъ скважности, ихъ устройству изъ *отдѣльныхъ* частицъ съ пустыми промежутками. Такъ въ опытѣ съ воздухомъ, который мы привели, еслибы воздухъ прошелъ черезъ поршень, то это доказало бы, что есть промежутки между атомами поршня, а если не проходитъ, то это доказываетъ, что атомы тѣлъ не могутъ проникнуть другъ друга.

Если принимать, что вещество вообще можетъ сжиматься и расширяться, и наконецъ дѣлиться на какія угодно части, то нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ проницаемость въ смыслѣ физиковъ, то-есть какъ способность тѣлъ пропускать черезъ себя другія тѣла. Лучшій образецъ этого представляетъ, напримѣръ, пузырекъ газа, поднимающійся на днѣ рѣки; онъ проходитъ черезъ всю массу жидкости и на поверхности смѣшивается съ воздухомъ. Очевидно, въ водѣ нѣтъ никакихъ каналовъ или поръ для такихъ пузырьковъ, а между тѣмъ они свободно проходятъ черезъ нее. Точно такъ капли дождя проходятъ черезъ воздухъ, сжимая его и разрывая на пути. Точно также, безъ сомнѣнія, и золотой шаръ флорентинскихъ академиковъ пропустилъ при сильномъ давленіи воду, которая была въ немъ заключена.

Наоборотъ, проницаемость въ смыслѣ постояннаго существованія промежутковъ или ходовъ внутри тѣлъ, хотя свойственна многимъ тѣламъ, но никакъ не всѣмъ. Извѣстно, конечно, что губка или дерево имѣетъ поры, но они принадлежатъ къ группѣ органическихъ и, слѣдовательно, по своему строенію пористыхъ тѣлъ. А между тѣмъ изъ безчисленнаго множества однородныхъ веществъ, извѣстныхъ химіи, мы ни для одного не можемъ доказать присутствіе въ нихъ поръ или каналовъ. Таковы, напримѣръ, всѣ жидкости, металлы, стекло и пр. Въ этихъ тѣлахъ всѣ опыты показываютъ совершенную однородность, то-есть показываютъ, что каждая точка этихъ тѣлъ одинаково занята веществомъ. Несмотря на то, атомисты отвергаютъ однородность какого бы то ни было тѣла.

Изъ предыдущаго ясно, мнѣ кажется, что атомистическая теорія отрицаетъ явленія, наблюдаемыя нами въ тѣлахъ, и полагаетъ, что въ сущности, то-есть въ атомахъ, этихъ явленій не

происходитъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что никакой опытъ не можетъ ни опровергнуть этой теоріи, ни доказать ея справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы мы опытъ ни сдѣлали, по сущности самой теоріи опытъ этотъ отвергается, а на мѣсто его подставляется объясненіе, состоящее въ игрѣ атомовъ. И обратно, такъ какъ свойства атомовъ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ свойствами тѣлъ, то мы очевидно не можемъ никогда найдти такихъ маленькихъ тѣлъ, какими представляютъ себѣ физики атомы, и не встрѣтимъ ни одного опыта, въ которомъ бы тѣла дѣйствовали такъ, какъ еслибъ они состояли изъ атомовъ.

Положимъ, напримѣръ, что мы хотимъ доказать сжимаемость вещества. Сколько бы мы ни сжимали какое-нибудь тѣло, атомисты всегда будутъ воображать сближеніе атомовъ; съ другой стороны, ни какимъ образомъ нельзя ждать, что на извѣстной степени сжатіе вдругъ остановится, то-есть столкнутся атомы; опытъ показываетъ, что тѣла сжимаются неопредѣленно.

Итакъ, атомовъ мы никогда не встрѣтимъ; атомы намъ нужны только для того, чтобъ олицетворить неизмѣнную сущность вещества и, слѣдовательно, съ ними нельзя встрѣтиться въ мірѣ явленій, въ мірѣ безпрерывныхъ перемѣнъ.

Поэтому, какъ бы мы ни дѣлили вещество, въ малѣйшей его части мы все еще будемъ предполагать атомы, потому что и малѣйшая часть вещества есть все-таки вещество измѣнчивое, сжимаемое, дѣлимое и пр.—такъ что по сущности дѣла, атомисты должны бы считать атомы *безконечно малыми*, то-есть меньше всякой данной величины. Другими словами, представляя себѣ атомы, мы не можемъ придать имъ никакой, даже самой малой величины, потому что должны построить изъ нихъ явленія вещества, *какъ бы малы ни были* размѣры дѣйствительныхъ явленій и тѣлъ.

Итакъ, величина атомовъ *произвольно малая*. Какъ скоро мы отступимъ отъ этого опредѣленія и вообразимъ себѣ атомы дѣйствительными, имѣющими нѣкоторую опредѣленную величину, мы тотчасъ впадемъ въ противорѣчіе. Легко было *отрицать* въ атомахъ всѣ явленія вещества; но не забудемъ, что каждое отрицаніе влечетъ за собою нѣкоторыя *положительныя* свойства, которыя приписываются атомамъ. Такимъ образомъ, отрицаніемъ мы не упростили дѣла, а только перенесли на атомы то, что̀ хотѣли объяснить въ веществѣ. Разсмотримъ на самомъ дѣлѣ наши атомы.

Мы видѣли, что ихъ нельзя встрѣтить въ природѣ; очевидно мы находимся здѣсь въ области мысли, а не въ области дѣйствительности; поэтому мы будемъ *мысленно* брать атомы и разсматривать ихъ свойства.

Впрочемъ для атомистовъ, непоколебимо увѣренныхъ въ атомахъ, нѣтъ ничего легче какъ предположить, что мы дѣйствительно нашли атомы. Такъ Пулье говоритъ: «никакъ нельзя вполнѣ отвергать предположеніе, что изъ нѣдръ земли вулканы могутъ выбросить когда-нибудь такое вещество, котораго атомы будутъ замѣтной величины, или же что подобныя вещества существуютъ на другихъ планетахъ» (1). Дѣйствительно, если атомы существуютъ, то отчего же этого не можетъ быть?

Предположимъ же, что мы нашли такое вещество. Тогда бы физики нашли явленія, безъ сомнѣнія, болѣе удивительныя, нашли бы вещество, не имѣющее никакихъ свойствъ вещества.

Его нужно было бы однакоже изслѣдовать, объяснить. Упало ли оно въ видѣ аэролита, или выброшено изъ вулкана, явилось ли съ неба или изъ-подъ земли, все равно, оно должно подвергнуться нашимъ изысканіямъ, нашему анализу. Тогда бы мы и убѣдились, что *отрицаніе* есть нѣкоторое положеніе, что атомы, эти простѣйшіе элементы, снова получаютъ сложность, отъ которой мы убѣгали.

1) *Атомы недѣлимы.* Еслибы мы не успѣли раздѣлить какое-нибудь тѣло, мы бы сказали, что атомы его притягиваются очень сильно, такъ что сила ихъ притяженія уничтожаетъ усиліе, которое мы употребили. А что скажемъ здѣсь? Здѣсь очевидно мы должны приписать *самому веществу* атома связь его частей. Въ обыкновенныхъ тѣлахъ мы говоримъ, что части вещества отдѣльны и связаны *силами*, а въ атомахъ мы прямо частямъ вещества приписываемъ связь, не зависящую отъ силъ или чего бы то ни было.

2) *Атомы не сливаются.* Если куски разломаннаго тѣла, какъ бы мы ихъ плотно ни складывали, не сливаются, то мы это объясняемъ тѣмъ, что въ мѣстѣ излома атомы не достаточно сближены. Въ самихъ же атомахъ мы полагаемъ, что хотя бы они вполнѣ соприкасались, слѣдовательно, хотя бы между частями двухъ атомовъ не было вовсе разстоянія, какъ нѣтъ

(1) *Elém. de Phys.* T. I. p. 14.

его между частями того же атома, атомы однако же не сольются. Мы приписываемъ имъ, слѣдовательно, *совершенную отдѣльность.*

3) *Форма атомовъ неизмѣнна.* Такимъ образомъ мы допускаемъ, что вещество *само по себѣ* можетъ имѣть опредѣленную форму, тогда какъ въ тѣлахъ мы полагаемъ, что форма не существенна, а зависитъ отъ расположенія атомовъ.

4) *Атомы не сжимаемы и нерасширимы.* Большее или меньшее пространство, занимаемое тѣлами, мы объясняемъ бо́льшимъ или меньшимъ разстояніемъ атомовъ, тогда какъ въ атомахъ мы признаемъ, что вещество *само по себѣ*, независимо ни отъ какихъ силъ и разстояній, можетъ занимать извѣстное пространство.

5) Химическое соединеніе состоитъ только въ сближеніи атомовъ; *въ сущности* вода не отличается отъ кислорода и водорода. Но за то въ кислородѣ и водородѣ мы допускаемъ существенное различіе; атомы ихъ *химически* различны, они состоятъ изъ двухъ разнородныхъ веществъ, тогда какъ атомы воды различаются отъ водорода и кислорода только *механически*, то-есть по расположенію.

Подобныхъ примѣровъ можно привести еще много: всѣ тѣла проницаемы, атомы суть тѣла непроницаемыя, слѣдовательно твердыя; всѣ тѣла скважны, атомы не имѣютъ скважинъ, слѣдовательно *однородны*, и такъ далѣе. Отрицая въ атомахъ извѣстныя явленія, мы вмѣстѣ приписываемъ имъ *положительно* нѣкоторыя весьма опредѣленныя, хотя и не встрѣчающіяся въ природѣ свойства. Передъ нами является цѣлый міръ особыхъ свойствъ и явленій, и мы, по неизбѣжнымъ законамъ ума, тотчасъ же должны стремиться объяснить себѣ всѣ эти явленія.

Такимъ образомъ атомистическая теорія представляетъ то странное обстоятельство, что она, ради объясненія, сводитъ явленія вещества на другія явленія, если не болѣе, то столь же непонятныя, какъ и первыя. Что̀ же это за объясненіе?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ разрѣшить такіе вопросы: чѣмъ соединены части атома? почему атомы не сливаются? почему имѣютъ извѣстную форму? и пр. Всѣ эти вопросы совершенно законны; атомы суть нѣкоторыя тѣла, и потому изслѣдовать ихъ мы имѣемъ точно такое же право, какъ и самыя обыкновенныя изъ тѣлъ. Еслибы намъ попались въ дѣйствительности атомы, какъ предполагаетъ Пулье, мы стали бы ихъ разсматривать, испытывать вкусомъ, обоняніемъ, жечь, разбивать и пр. и

старались бы понять, почему они при этомъ обнаруживаютъ такія, а не другія свойства.

Атомистамъ остается одно—признать, что на нѣкоторые вопросы, правильные, разумные, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта; или, другими словами, что есть явленія, не имѣющія никакой причины. Такъ и дѣлаютъ они, когда говорятъ, напримѣръ, что свойства атомовъ принадлежатъ имъ отъ вѣчности, что это суть первоначальныя частицы природы, отъ свойствъ которыхъ зависятъ свойства всѣхъ тѣлъ и явленій. Такіе отвѣты прямо противны разуму, противны самому духу нашихъ изслѣдованій.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о недѣлимости атомовъ, вѣчный камень преткновенія атомистовъ. Такъ какъ атомы *протяженны*, то они мысленно *могутъ* быть дѣлимы; спрашивается, *отчего* же они въ дѣйствительности ни въ какомъ случаѣ не дѣлятся? Либихъ разсуждаетъ объ этомъ такъ: «Для ума совершенно невозможно представить себѣ маленькія частицы вещества, которыя были бы совершенно недѣлимы... Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ, что эти атомы только физически недѣлимы, что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будто бы они были неспособны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію; физическій атомъ въ этомъ смыслѣ представляетъ группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторыми силами, болѣе крѣпкими чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ могли бы мы употребить для ихъ раздѣленія. Такимъ образомъ, не отвергая безконечной дѣлимости вещества, химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину.» (1)

Итакъ, чтобы сохранить дѣлимость матеріи, Либихъ допускаетъ *физическіе* атомы. Но какое же различіе между физическими и абсолютными атомами? Въ сущности очевидно ни какого. Физическій атомъ не можетъ быть раздѣленъ *извѣстными* силами, а абсолютный *никакими* силами. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, мы имѣемъ право спрашивать: какими же силами соединены части атома, или проще, отъ чего зависитъ его недѣлимость?

---

(1) *Chemische Briefe*. 1851. § 123.

Замѣтимъ при этомъ ошибку Либиха въ самомъ опредѣленіи физическаго атома. Онъ считаетъ его *группой гораздо меньшихъ частицъ*. Въ этихъ частицахъ къ намъ очевидно опять являются только что изгнанные абсолютные атомы. Самъ же Либихъ говоритъ, что возможно раздробить атомъ на сколько угодно частей: откуда же явилась группа, то-есть опредѣленное число частицъ?

Но таково самое представленіе атомовъ; чуть мы остановились на атомѣ, какъ онъ уже распадается на частицы; остановитесь на частицахъ, и вы увидите, что они сами состоятъ изъ частицъ еще болѣе мелкихъ, и такъ далѣе безъ конца.

Если же мы наконецъ рѣшимся остановиться, то неизбѣженъ вопросъ, отчего же послѣдніе наши атомы недѣлимы?

На этотъ вопросъ, какъ я сказалъ, у атомистовъ нѣтъ отвѣта. Прекрасно выразилась эта безотвѣтственность у Ньютона. Какъ подобаетъ великому уму, онъ высказалъ ее съ полною опредѣленностію.

«Я считаю вѣроятнымъ, говорить онъ, что Богъ въ началѣ создалъ вещество въ видѣ плотныхъ, твердыхъ, не проницаемыхъ, подвижныхъ частицъ такихъ размѣровъ, такой формы, съ такими свойствами и въ такомъ отношеніи къ пространству, какъ это требовалось для цѣли, для которой онѣ были созданы; что эти первоначальныя частицы несравненно тверже всѣхъ пористыхъ тѣлъ, изъ нихъ состоящихъ; даже такъ тверды, что никогда не могутъ быть раздѣлены на части, потому что никакая сила не можетъ раздѣлить того, что̀ Богъ создалъ цѣльнымъ.» (1)

Такимъ образомъ недѣлимость атомовъ зависитъ непосредственно отъ воли Божіей; но въ такомъ же точно смыслѣ отъ Бога зависитъ и все другое, всѣ явленія, какія бы мы ни взяли, и потому при объясненіи какого бы ни было явленія нельзя удовлетвориться словами: такъ Богу угодно. Это значило бы просто отказываться отъ изслѣдованія.

Между тѣмъ, о какомъ бы свойствѣ атомовъ мы ни спросили, мы получимъ или этотъ отвѣтъ, или другой, ему равнозначащій.

Мы не говоримъ здѣсь о множествѣ другихъ свойствъ, почти каждодневно вновь приписываемыхъ физиками и химиками ато-

---

(1, *Optics* 1718. p. 375.

мамъ. Имъ приписывается и двуполярное электричество и химическое сродство, и множество другихъ свойствъ, и о причинахъ присутствія ихъ въ атомахъ атомисты столь же мало знаютъ, какъ и о причинѣ недѣлимости ихъ.

III.

Итакъ теорія атомовъ представляетъ, какъ мы видѣли, двоякій недостатокъ. Вопервыхъ, она признаетъ въ атомахъ свойства, которыя, какъ мы знаемъ изъ опыта, въ тѣлахъ не существуютъ, а вовторыхъ, она не даетъ никакихъ объясненій этимъ свойствамъ. Казалось бы, какъ возможно существовать такой гипотезѣ?

Сравните ее, въ самомъ дѣлѣ, съ другими гипотезами. Какъ легко, въ сравненіи съ атомами, предположить существованіе какой угодно невѣсомой жидкости, или представить, что свѣтъ состоитъ изъ маленькихъ шаровъ, летящихъ съ огромною скоростію, или напримѣръ думать, что около солнца вращаются многія планеты, не видныя намъ, по причинѣ чрезвычайной близости къ солнцу! Точно также нѣтъ ничего затруднительнаго въ предположеніи, что планета Венера состоитъ изъ чистаго золота, что внутренность земли пуста и внутри ея есть тѣла, обращающіяся какъ планеты, а на полюсахъ есть отверстія въ ея пустоту, что на Юпитерѣ живутъ только одноглазыя животныя и пр. и пр. Все это *возможно,* не противорѣчитъ даннымъ опыта, и притомъ оставляетъ намъ полную свободу пріискивать причины и объясненія для этихъ явленій.

Но предположить существованіе тѣлъ недѣлимыхъ, не сжимаемыхъ, не расширимыхъ, неизмѣнимыхъ ни въ какомъ отношеніи и противодѣйствующихъ всѣмъ силамъ, какія мы знаемъ, слѣдовательно признать существованіе такихъ тѣлъ, какихъ мы никогда не встрѣчали, и сверхъ того отказаться отъ всякаго желанія, отъ всякой надежды объяснить себѣ эти чудесныя свойства,—не есть ли это самая странная между всѣми странными гипотезами?

И несмотря на все это, атомы имѣютъ неодолимую привлекательность для ума. Въ чемъ же состоитъ она?

Безъ сомнѣнія, атомисты согласятся, что теорія ихъ держится только однимъ, именно—*сведеніемъ всѣхъ явленій на простран-*

ственныя и временныя отношенія. Движеніе, то-есть перемѣна пространства во времени, есть понятіе легкое, простое, въ которомъ наша способность представлять не встрѣчаетъ никакого затрудненія. Представить себѣ весь міръ какъ игру движенія—значитъ представить его себѣ въ величайшей простотѣ, какая возможна для воображенія. Для этого очевидно нужно отнять у вещества всякую способность измѣняться и оставить ему только одну способность двигаться. Вотъ откуда эти странныя свойства атомовъ. Но эти свойства, столь трудно объяснимыя, за то *представляются* чрезвычайно легко; они просты, они всѣ состоятъ въ совершенномъ отрицаніи перемѣны, и потому имѣютъ математическую опредѣленность, которую такъ любитъ нашъ умъ.

Замѣтимъ поэтому, что физики и химики впадаютъ въ явное противорѣчіе съ своими началами, когда, принимая теорію атомовъ, они не рѣшаются объяснять помощію *механическихъ отношеній* нѣкоторыя явленія. Сюда, напримѣръ, относится понятіе химиковъ объ элементахъ. Они полагаютъ, по крайней мѣрѣ большею частію, что каждый элементъ имѣетъ свои особенные атомы. А между тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ принять, что атомы всѣхъ тѣлъ *одинаковы*, и что различіе золота отъ желѣза состоитъ только въ различномъ устройствѣ *частицъ* этихъ металловъ. Берцеліусъ какъ будто пугался слишкомъ большихъ чиселъ и на этомъ основаніи отвергалъ такое построеніе простыхъ тѣлъ. Но для атомовъ, для этихъ безконечно малыхъ тѣлъ, большія числа ничуть не страшны. И очень большое число атомовъ все-таки составятъ такую малую частицу, что ея не разсмотришь ни въ какіе микроскопы. Поэтому весьма справедливо въ послѣднее время химики подняли вопросъ о составѣ всѣхъ тѣлъ изъ однороднаго вещества; весьма послѣдовательно стараются они найдти отношеніе между атомами различныхъ элементовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы различіе элементовъ не объяснялось различіемъ въ ихъ построеніи изъ атомовъ, то для химиковъ оставалось бы только вмѣстѣ съ Ньютономъ приписывать это различіе волѣ Божіей.

Точно также не вѣрно объясняютъ иногда форму кристалловъ формой атомовъ, изъ которыхъ они состоятъ. Вопервыхъ, само собою понятно, что объяснять форму посредствомъ формы же вовсе не годится. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ этомъ и весь вопросъ: почему вещество имѣетъ правильную форму? Слѣдо-

вательно и объ атомахъ можно спросить: почему они имѣютъ правильную форму, и притомъ въ одномъ случаѣ одну, а въ другомъ другую. Но, кромѣ того, такое объясненіе не согласно и съ духомъ атомистической теоріи. Нѣтъ никакого затрудненія построить изъ атомовъ какія угодно формы и фигуры, и слѣдовательно можно принимать всѣ атомы однородными, имѣющими одну и ту же фигуру. Такъ напримѣръ, Берцеліусъ полагалъ, что всѣ атомы круглы; онъ даже думалъ, что они могутъ быть равны между собою, а различаться только своими силами (1), именно большею или меньшею тяжестью.

Дюма идетъ еще далѣе; по атомистической теоріи, соображенія его могутъ быть объяснены такъ, что вѣсъ всѣхъ атомовъ равенъ, и что различный атомистическій вѣсъ простыхъ тѣлъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что частицы ихъ состоятъ изъ различнаго сочетанія атомовъ.

Итакъ послѣдовательная атомистика должна представлять всѣ атомы равными и одинаковой формы. Натуралисты несправедливо уклоняются отъ такого представленія, между тѣмъ какъ совершенно ясно, что для наибольшей простоты оно необходимо.

Итакъ смыслъ всей атомистической теоріи есть *механическое* и слѣдовательно самое простое построеніе міра.

Но не говоря уже о томъ, дѣйствительно ли механическія представленія такъ просты, такъ ясны и слѣдовательно такъ *согласны съ умомъ*, какъ это предполагаютъ атомисты, можно еще предложить себѣ вопросъ, дѣйствительно ли достаточно допустить существованіе атомовъ, чтобы получить механическое построеніе цѣлаго міра, то-есть дѣйствительно ли такъ *просто* выходитъ объясненіе всѣхъ явленій изъ *одного только* допущенія атомовъ?

Положимъ, что существуютъ атомы, и посмотримъ, что̀ отсюда можно заключить. Вообразите себѣ безчисленное множество атомовъ, вообразите атомы цѣлаго міра: какія явленія представятъ намъ они? Очевидно пока никакихъ. Еслибъ они хоть были достаточно велики, напримѣръ такъ какъ представляетъ ихъ себѣ Пулье, тогда передъ нами были бы нѣкоторыя тѣла, можетъ-быть различной формы, различной тяжести и пр. Но они мелки, неизмѣримо мелки, невидимы, неосязаемы и всѣ равны между собою. Что̀ же они намъ представятъ? Очевидно ничего. Чтобы произошло изъ атомовъ какое-нибудь явленіе,

(1) *Essais sur la théorie des prop. chimiques*, p. 23 et 24.

даже просто тѣло, нужно кромѣ ихъ еще что-то, какія-нибудь силы, какое-нибудь движеніе; такъ что если подробно разобрать всѣ явленія, то окажется что *ни для одного изъ нихъ атомы сами по себѣ не достаточны*, а необходима новая гипотеза, которая бы помогла имъ образовать явленіе. Поэтому въ сущности самой теоріи заключается необходимость дѣлать при объясненіи явленій столько гипотезъ, сколько объясняемыхъ явленій.

Разберемъ главнѣйшія въ этомъ отношеніи явленія.

1) *Тѣла дѣлимы.* Нужно предположить, что между атомами тѣлъ дѣйствуютъ притягательныя силы *такого* рода, что при нѣкоторомъ удаленіи атомовъ, силы, соединяющія ихъ, перестаютъ дѣйствовать, или дѣйствуютъ вовсе незамѣтно.

2) *Тѣла соединяются.* Нужно предположить, что при сближеніи тѣлъ подобныя силы или *вновь раждаются*, или же *постоянно* находятся въ атомахъ. Дѣйствительно, для объясненія этихъ двухъ явленій обыкновенно держатся слѣдующихъ двухъ гипотезъ: 1) каждому атому отъ вѣчности принадлежитъ неизмѣнная сила притяженія; 2) сила эта на замѣтныхъ разстояніяхъ не чувствительна.

3) *Тѣла сжимаются и расширяются.* Нужно предположить, что между атомами въ каждомъ тѣлѣ существуютъ промежутки; слѣдовательно, кромѣ притяженія; нужно предположить *отталкиваніе*, иначе отъ притяженія атомы сблизились бы до совершеннаго сліянія и слѣдовательно сжатіе было бы невозможно.

4) *Тѣла упруги.* Нужно предположить, что сила отталкивающая, при сближеніи атомовъ, *возрастаетъ быстрѣе* чѣмъ ихъ притягательная сила, такъ что послѣ сближенія отталкивающая сила беретъ верхъ и раздвигаетъ атомы.

5) *Тѣла измѣняютъ форму.* Напримѣръ вода, воскъ и пр. Нужно предположить, что атомы тѣлъ находятся въ болѣе или менѣе устойчивомъ равновѣсіи, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при измѣненіи своего положенія, они легко остаются въ новомъ положеніи, то-есть остаются въ равновѣсіи.

6) *Тѣла бываютъ однородны.* Нужно предположить, что всѣ атомы однороднаго тѣла равны между собою по величинѣ, что они всѣ владѣютъ равными силами, такъ что равновѣсіе возможно только при равномъ разстояніи между атомами.

Читатель легко примѣнитъ тѣ же разсужденія ко многимъ другимъ объясненіямъ, предлагаемымъ атомистами. Всегда сверхъ атомовъ требуется еще присутствіе силъ, и именно

такой величины и такого свойства, какое нужно для объясняемыхъ явленій. Такъ напримѣръ, въ послѣднемъ случаѣ, напрасно бы атомисты стали говорить, что предположивши равные атомы, мы должны предполагать и равныя имъ силы. Если силы суть нѣчто отличное отъ атомовъ, то у равныхъ атомовъ онѣ могутъ быть не равны, или однѣ силы могутъ быть равны, а другія неравны и т. д.

Мы остановимся здѣсь въ особенности на химическихъ пропорціяхъ, такъ какъ ихъ считаютъ самою крѣпкою опорой атомистической теоріи и обыкновенно полагаютъ, что существованіе атомовъ дѣйствительно служитъ къ объясненію опредѣленности химическихъ соединеній.

«Философы, говоритъ Реньйо, много спорили о дѣлимости вещества, но усилія ихъ мало подвинули рѣшеніе этого вопроса. Изслѣдованія новыхъ химиковъ были счастливѣе; они доказали почти неопровержимо, что дѣлимость вещества имѣетъ предѣлъ.» (1)

Посмотримъ же, дѣйствительно ли опытныя изслѣдованія что-нибудь доказываютъ въ этомъ отношеніи. Не окажется ли наоборотъ, что, создавая теорію атомовъ, химики зашли за предѣлы опыта и вдались въ философію, хотя и очень простую.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ли принять существованіе атомовъ, чтобъ объяснить себѣ химическія пропорціи?

Вмѣсто собственныхъ разсужденій, приведемъ слова осторожнаго Берцеліуса, который ясно видѣлъ сущность дѣла:

«Еслибы даже было вполнѣ доказано, говоритъ онъ, что тѣла состоятъ изъ недѣлимыхъ атомовъ, то отсюда никакъ не слѣдовало бы, что непремѣнно должны происходить явленія химическихъ пропорцій. Для этого необходимы еще извѣстные законы, управляющіе соединеніемъ атомовъ и извѣстнымъ образомъ *ограничивающіе* эти соединенія; потому что, очевидно, еслибы неопредѣленное число атомовъ одного элемента могли соединяться съ неопредѣленнымъ же числомъ атомовъ другаго, то было бы безконечное число соединеній, и разница между ними въ пропорціяхъ составляющихъ элементовъ была бы большею частію такъ мала, что ее нельзя было бы опредѣлить, даже помощію самыхъ точныхъ опытовъ. Итакъ, главнымъ образомъ химическія пропорціи зависятъ отъ этихъ законовъ.» (1)

---

(1) *Cours de chimie.* T. I. p. 3.
(1) Berzelius. *Essai sur la théorie des proportions chimiques* p. 28.

То-есть, другими словами, главное заключается не въ атомахъ, а въ новыхъ гипотезахъ, которыя нужно сдѣлать для каждаго явленія.

Для ясности разберемъ дѣло подробнѣе. Законовъ химическихъ пропорцій намъ известно три.

Первый состоитъ въ томъ, что если два тѣла соединяются химически, то отношеніе между количествами ихъ, входящими въ соединеніе, всегда опредѣленное.

Здѣсь два факта: вопервыхъ химическое соединеніе всегда даетъ однородное тѣло; вовторыхъ, пропорція соединяющихся тѣлъ неизмѣнно та же. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ фактовъ не объясняется помощію однихъ атомовъ.

Дѣйствительно, почему, при соединеніи, атомъ одного тѣла вездѣ соединяется *только съ однимъ же* атомомъ другаго? Или, что все равно, почему извѣстное число атомовъ одного тѣла вездѣ соединяется съ однимъ и тѣмъ же числомъ атомовъ другаго?

Мы легко можемъ представить себѣ, что тѣло получится разнородное, то-есть въ одномъ мѣстѣ атомы соединятся попарно, въ другомъ по три, по четыре и вообще во всевозможныхъ комбинаціяхъ. Почему же этого не бываетъ?

Съ другой стороны, отъ чего зависитъ постоянство соединеній? Почему, когда одно вещество въ избыткѣ, оно не входитъ въ соединеніе? Вѣдь атомы этому ни сколько не мѣшаютъ?

На эти вопросы химики отвѣчаютъ просто, что таковы *законы* химическаго сродства той силы, которой они приписываютъ соединеніе тѣлъ.

Второй химическій законъ состоитъ въ томъ, что если два тѣла могутъ образовать нѣсколько соединеній, то количества каждаго изъ нихъ, входящія въ разныя соединенія, относятся между собою, какъ очень простыя числа, напримѣръ 1, 2, 3, $^1/_2$, $^2/_3$ и пр.

Очевидно, и здѣсь атомы ничего не объясняютъ. Все объясняется тѣмъ, что химическое сродство имѣетъ пристрастіе къ простымъ числамъ, любитъ ихъ за ихъ простоту. Что же касается до атомовъ, то они ничему не мѣшаютъ, какъ и ничему не способствуютъ; ихъ можно бы брать тысячами и милліонами для соединеній: все зависитъ только отъ того, какъ дѣйствуетъ химическое сродство.

Третій химическій законъ заключается въ томъ, что отношенія для ичествъ, въ которыхъ два простыя тѣла сокниютсея

съ тѣмъ же количествомъ третьяго, къ тѣмъ количествамъ, въ которыхъ эти два тѣла соединяются между собою, выражаются простыми числами.

Этотъ законъ имѣетъ ясное сходство съ предыдущими, и точно такъ же какъ и онъ не объясняется атомами. Вмѣсто простыхъ чиселъ атомы могли бы дать весьма сложныя, особенно если принять въ соображеніе, что въ соединеніе входитъ третье тѣло, совершенно разнородное съ двумя первыми, такъ что и здѣсь приходится предполагать, что химическое сродство всѣхъ тѣлъ другъ къ другу предпочитаетъ малыя числа большимъ.

Кромѣ законовъ пропорцій, химики приводятъ часто другія химическія явленія въ доказательство существованія атомовъ. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ ясно видно, что атомы сами собою недостаточны для ихъ объясненія; всегда требуется приписать химическому сродству способность располагать атомами такъ или иначе; атомы же, повторимъ, несмотря на свою недѣлимость, не могутъ сами по себѣ объяснить ни одного явленія.

Вслѣдствіе этой неспособности, и химики и физики вообще принуждены прибѣгать къ безчисленнымъ предположеніямъ. Сюда относятся всѣ гипотезы о *расположеніи* атомовъ, о различіи между атомами эѳирными и тѣлесными, всѣ построенія частицъ. Эти *частицы*, столь любимыя нынѣ въ физикѣ и химіи, состоятъ всегда изъ атомовъ, соединенныхъ такъ, какъ это заблагоразсудится теоретику, то-есть какъ это требуется для объясненія явленій. Частица собственно есть *сложная* гипотеза, совокупность многихъ гипотезъ, сидящихъ одна на другой. Такъ у Плавзіуса (1) частицы тѣлъ и заключаютъ множество атомовъ, и упруги, и дрожатъ, и двигаются прямолинейно и пр. и пр. Словомъ, гипотезъ чуть ли не больше чѣмъ явленій, которыя нужно объяснить. Если только вспомнимъ, что всѣ эти гипотезы могутъ быть такого рода, что *никакой опытъ* ихъ не опровергаетъ, но и не доказываетъ, то такая щедрость на предположенія невольно покажется странною. Само собою понятно, что принявъ соотвѣтствующую гипотезу, можно всегда объяснить явленіе,—но что же мы изъ этого выигрываемъ? Развѣ то, что вмѣсто явленія, вмѣсто факта,

---

(1) См *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1858, іюнь, VII, 144.

получаемъ гипотезу, то-есть истину промѣниваемъ на выдумку.

Поэтому насъ не должны обольщать успѣхи химіи и физики относительно атомовъ. Само собою понятно, что онѣ принуждены строить весьма хитрыя зданія изъ атомовъ, чтобъ объяснить съ помощію ихъ различныя явленія. Чѣмъ болѣе анализируются и усложняются открываемыя явленія, тѣмъ сложнѣе и сложнѣе становятся ихъ построенія. Повидимому, мы проникаемъ въ величайшія тайны природы, во внутреннѣйшее устройство тѣла, но на самомъ дѣлѣ все это только гипотезы, да притомъ такого рода, что ни одна изъ нихъ еще не была доказана, что всѣ онѣ столь же мало вѣроятны, какъ и самое основаніе ихъ, то-есть существованіе атомовъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ подробнѣе намъ разказываютъ о расположеніи атомовъ, объ ихъ различныхъ силахъ, о вращательныхъ, колебательныхъ и всякихъ другихъ движеніяхъ, тѣмъ менѣе мы должны этому вѣрить, потому что каждая черта этого разказа есть гипотеза, а совокупность множества гипотезъ несравненно менѣе вѣроятна чѣмъ каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности.

IV.

Мы видимъ, что атомистическая теорія ничего не упрощаетъ, ничего не объясняетъ. При совершенно точномъ приложеніи этой теоріи, она для изъясненія наблюдаемыхъ явленій предполагаетъ ровно столько же гипотетическихъ явленій; слѣдовательно она не сводитъ частное на общее, а только переводитъ одни явленія на другія. Такой переводъ, такое подставленіе однихъ фактовъ вмѣсто другихъ очевидно можно дѣлать только въ томъ случаѣ, если существованіе подстановленныхъ фактовъ доказано, слѣдовательно когда доказано существованіе атомовъ. Итакъ мы переходимъ къ послѣднему вопросу, существуетъ ли хоть одно явленіе, хоть одинъ фактъ, изъ котораго *необходимо* слѣдуетъ существованіе атомовъ? Мы показали, что принимать атомы *недостаточно* для объясненія явленій; покажемъ теперь, что принимать ихъ нѣтъ никакой *необходимости*.

Замѣтимъ вопервыхъ, что самыя простыя доказательства атомистамъ не удаются. Можно бы, напримѣръ, постараться найдти предѣлъ сжатію, то-есть сжимать тѣло до того, чтобъ его этомы столкнулись, и слѣдовательно дальнѣйшее сжатіе было бы невозможно. Но ни одинъ опытъ не представляетъ ничего подобнаго. Всегда съ увеличеніемъ давленія увеличивается и сжатіе. Можно было бы постараться доказать скважность какихъ-нибудь однородныхъ тѣлъ, напримѣръ хоть стекла; но опытъ показываетъ, что никакой газъ, какъ бы онъ ни былъ тонокъ, никакая жидкость, какъ бы она ни была летуча и подвижна, не проходитъ черезъ стекло. И вообще мы видѣли, что вещественныя явленія прямо противоположны тѣмъ свойствамъ, какія приписываются атомамъ, и потому, при разсмотрѣніи этихъ явленій, до самыхъ атомовъ мы никогда не дойдемъ.

Несмотря на то, въ наукахъ о природѣ, существуютъ попытки найдти такія явленія, изъ которыхъ бы необходимо вытекало существованіе атомовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вопервыхъ можно думать, что химическія пропорціи непремѣнно требуютъ допущенія атомовъ. Химикъ Дюма, остроумный и точный, но не имѣющій твердыхъ опоръ, разсуждаетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Нѣкоторые ученые думали, что химическія явленія, столь удобно изъясняемыя помощію атомовъ, сами съ своей стороны представляютъ доказательство дѣйствительнаго существованія атомовъ. Но это значило бы дѣлать ложный кругъ. На самомъ дѣлѣ, необходимо ли допускать недѣлимость матеріяльныхъ частицъ, между которыми происходятъ химическія дѣйствія? На этотъ вопросъ я не колеблясь отвѣчу: нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой необходимости.

«Предположите, что химическія дѣйствія могутъ совершаться только между *массами извѣстнаго порядка*, дѣлимыми, если угодно, посредствомъ силъ другаго рода; и все-таки, всѣ явленія химіи будутъ изъяснены съ такою же легкостію, какъ и при помощи атомовъ. Дѣйствительно, не одинаково ли понятно возлѣположеніе этихъ частицъ, ихъ раздѣленіе, ихъ взаимное замѣщеніе?» (1)

---

(1) *Philosophie chimique*, p. 233.

Итакъ мы видимъ, что Дюма, подобно Либиху, защищая дѣлимость вещества безъ конца, въ то же время допускаетъ, что химическія явленія непремѣнно требуютъ предположенія *частицъ, массъ извѣстнаго порядка*, то-есть того, что̀ Либихъ называетъ физическимъ атомомъ.

Еслибы такъ, то атомисты этимъ много бы выиграли; мы видѣли, что разница между физическимъ и абсолютнымъ атомомъ не большая. А собственно говоря, *доказать на опытѣ* физики могутъ только бытіе физическихъ атомовъ. Абсолютный атомъ есть частица, *никогда, никакими силами* недѣлимая; слѣдовательно, странно было бы отъ опыта требовать доказательства его недѣлимости; опытъ не можетъ продолжаться *всегда*, и не можетъ употреблять *всѣ силы*, существующія и возможныя.

Итакъ, по Дюма, опытъ доказываетъ все, что̀ ему возможно доказать, то-есть *недѣлимость* извѣстныхъ частицъ *въ нашихъ опытахъ*.

Значитъ, что если еще и можно освободиться отъ атомовъ, то уйдти отъ частицъ рѣшительно невозможно. Читатели припомнятъ, что наша привычка брать во вниманіе части вмѣсто цѣлаго есть главное основаніе теоріи атомовъ. Вотъ почему частицы имѣютъ такую силу въ физикѣ и химіи; при каждомъ разсужденіи онѣ невольно возвращаются въ голову.

Разсмотримъ химическіе законы.

Тѣла соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ *по вѣсу*. Этотъ фактъ, разсматриваемый просто, показываетъ только, что соединеніе тѣлъ находится въ нѣкоторой связи съ ихъ вѣсомъ, съ ихъ массой. Что̀ же удивительнаго въ томъ, что дѣйствіе тяжести представляетъ опредѣленное отношеніе къ химическимъ дѣйствіямъ тѣлъ?

Если представимъ себѣ тѣла сплошными и однородными, то и тогда эта опредѣленность и законность не только не странна, но даже непремѣнно требуется нашимъ умомъ. Почему здѣсь дѣйствуетъ этотъ законъ, а не другой,—этого, какъ мы знаемъ, не умѣютъ объяснить и атомисты, а что законъ долженъ быть, это всѣ признаютъ одинаково.

Смѣшаемъ водородъ и кислородъ. Опытъ показываетъ, что каковы бы ни были ихъ количества, они смѣшаются равномѣрно, такъ что въ каждой частицѣ смѣси будетъ столько водорода и кислорода, сколько и во всякой другой. Итакъ *простое*

прониканіе тѣлъ совершается въ неопредѣленныхъ пропорціяхъ. Но пропустимъ черезъ смѣсь электрическую искру. Тогда проникнувшіе другъ друга газы придутъ очевидно *въ особенное взаимнодѣйствіе*; образуется вода. Это взаимнодѣйствіе, это дѣйствіе *химическаго сродства* совершается уже въ опредѣленныхъ пропорціяхъ относительно массъ. И мы знаемъ, притомъ, что оно находится въ связи не только съ тяжестію тѣлъ, но и съ объемомъ, съ теплотой, съ электрическими свойствами тѣлъ. Вообще видимъ, что одно явленіе находится въ опредѣленной связи со многими другими. Атомы, какъ мы видѣли, нисколько не помогаютъ намъ открыть эту связь, слѣдовательно они здѣсь совершенно безполезны, а слѣдовательно тѣмъ менѣе можно сказать, что они здѣсь необходимы.

Не все ли равно сказать химическое сродство производитъ то, что атомъ соединился съ атомомъ, или сказать соединеніе совершается въ извѣстномъ отношеніи массъ? Вся разница въ томъ, что второе выраженіе отвлеченнѣе перваго, что въ первомъ случаѣ легко представить, *вообразить* себѣ, какъ одинъ атомъ бѣжитъ къ другому. Но вѣдь дѣло не въ воображеніи, а въ истинѣ.

Другіе химическіе законы, имѣющіе очевидное сродство съ первымъ и основнымъ закономъ соединеній, также понимаются весьма легко и безъ помощи атомовъ.

Если во второмъ законѣ на извѣстную массу одного тѣла требуется непремѣнно или одна масса, или двѣ, или три и т. д. массы другаго тѣла, то отсюда вовсе не слѣдуетъ непремѣнно существованіе атомовъ. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, различныя соединенія одного тѣла съ другимъ можно разсматривать какъ послѣдовательныя соединенія простаго тѣла съ сложнымъ. Напримѣръ, вода есть соединеніе водорода и кислорода; перекись же водорода можно разсматривать какъ соединеніе воды съ кислородомъ. Но соединеніе простаго тѣла съ сложнымъ можно разсматривать просто какъ соединеніе трехъ, четырехъ, пяти и т. д. простыхъ тѣлъ. Для такихъ соединеній химики должны принять слѣдующій законъ: *всякое простое тѣло, соединяясь съ сложнымъ, входитъ въ соединеніе въ такомъ количествѣ, въ какомъ должно входить при соединеніи съ каждымъ изъ простыхъ тѣлъ.* То-есть сложное тѣло играетъ роль простаго. А это есть дѣло весьма извѣстное и ясное. Различеніе простыхъ и сложныхъ тѣлъ у химиковъ только временное; никто не поручится, что ихъ простыя тѣла на самомъ дѣлѣ

простыя; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что простыя тѣла дѣйствуютъ такъ же какъ сложныя, и обратно, сложныя дѣйствуютъ какъ простыя. Тѣ и другія въ существѣ дѣла совершенно одинаковы.

Итакъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что кислородъ, соединяясь съ водой, входитъ въ соединеніе въ такомъ же количествѣ, какъ соединяясь съ водородомъ.

Слѣдовательно, второй химическій законъ прямо вытекаетъ изъ перваго и отличается отъ него только тѣмъ, что относится къ сложнымъ, а тотъ къ простымъ тѣламъ. Но не все ли равно воображать, что сложные атомы играютъ роль простыхъ, или просто сказать, что сложныя тѣла дѣйствуютъ такъ же какъ простыя?

Третій химическій законъ есть очевидно повтореніе перваго; только въ первомъ разсматриваются два тѣла, а въ третьемъ многія тѣла. А потому всѣ три закона можно свести въ одинъ, который я попробую выразить такъ: химическое дѣйствіе каждаго тѣла (все равно простаго или сложнаго) пропорціонально массѣ (1); при соединеніи (то-есть при химическомъ взаимнодѣйствіи) эти дѣйствія должны быть равны.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ два тѣла въ тѣхъ массахъ, при которыхъ ихъ химическія дѣйствія равны, то-есть при которыхъ они вступаютъ въ соединеніе. Очевидно, если попробуемъ третье тѣло, то каково бы ни было его химическое дѣйствіе, для соединенія съ тою и съ другою изъ взятыхъ массъ, его нужно взять въ одинаковомъ количествѣ. Такимъ образомъ, атомическія числа представляютъ намъ не что иное, какъ массы, при которыхъ химическое дѣйствіе тѣлъ одинаково. Въ соединеніи происходитъ какъ бы уравновѣшиваніе химическихъ дѣйствій; слѣдовательно понятно, что сколько бы разъ мы ни производили химическія соединенія и разложенія, они всегда будутъ происходить въ массахъ, соотвѣтствующихъ равнымъ химическимъ дѣйствіямъ.

Итакъ, при объясненіи химическихъ явленій, атомы ни мало не необходимы. Они очень удобны для *представленія* этихъ явленій; они прекрасно *олицетворяютъ* химическіе законы; но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Роль атомовъ въ химіи можно вполнѣ сравнить съ тою, какую они играютъ въ самомъ

(1) То-есть для каждаго тѣла есть число, которое, будучи помножено на массу, представитъ химическое дѣйствіе тѣла.

понятіи о массѣ. Масса тѣла есть количество его атомовъ; чѣмъ больше атомовъ, тѣмъ больше масса. Конечно, это очень удобно, очень наглядно, но всякій согласится, что здѣсь нѣтъ никакого доказательства въ пользу атомовъ.

Можетъ-быть есть однакоже другія явленія, необходимо требующія допущенія атомовъ.

Посмотримъ. Вообще замѣтимъ, что естественныя науки, теряясь во множествѣ своихъ фактовъ, находятся въ печальной невозможности сказать въ какомъ бы то ни было случаѣ: *этого не можетъ быть.* Для нихъ нѣтъ ничего необходимаго, и нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ, сколько бы фактовъ, подтверждающихъ существованіе атомовъ, не было опровергаемо, для физика всегда останется возможность сказать: а можетъ-быть найдется фактъ неопровержимый?

Поэтому слѣдующіе примѣры я приведу вовсе не съ цѣлію именно опровергать, но съ цѣлію только уяснить *понятіе* объ атомахъ.

Дюма разказываетъ слѣдующее: «Есть одно доказательство, предложенное въ новыя времена. Оно въ полномъ смыслѣ опытное и заслуживаетъ очень внимательнаго разбора.

«Извѣстно, что воздухъ есть тѣло, расширяющееся все болѣе и болѣе по мѣрѣ удаленія отъ земли, и можно сдѣлать слѣдующее разсужденіе: если вещество воздуха состоитъ изъ атомовъ, то они могутъ быть приведены въ значительное, но непремѣнно ограниченное отдаленіе одинъ отъ другаго; на извѣстномъ разстояніи отъ земли будетъ равновѣсіе между притяженіемъ земли и отталкиваніемъ самыхъ отдаленныхъ атомовъ, такъ что атмосфера не будетъ простираться неопредѣленно.

«Если же, напротивъ, вещество воздуха дѣлимо до безконечности, то атмосфера распространится въ пространствѣ неба и сгустится около всѣхъ небесныхъ тѣлъ, по крайней мѣрѣ около тѣлъ нашей системы такъ же, какъ около земли.

«Тогда у луны будетъ также атмосфера. На первый взглядъ это свѣтило, кажется, очень удобно можетъ разрѣшить наше затрудненіе. Оно несравненно ближе всѣхъ другихъ и можно бы предполагать, что средства, представляемыя астрономіей, могутъ быть употреблены здѣсь безъ всякаго затрудненія. Но если попробовать опредѣлить явленія вычисленіемъ, то такія предположенія окажутся неосновательными. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствіе было одинаково, нужно, чтобы массы были въ отношеніи квадратовъ разстояній, или чтобы разстоянія отно-

сились какъ корни квадратные изъ массъ. Но извѣстно, что масса земли несравненно болѣе значительна чѣмъ масса луны. Поэтому ясно, что найдти воздухъ нашей атмосферы въ томъ же состояніи, въ какомъ бы онъ находился на поверхности луны, можно только на весьма большомъ удаленіи отъ поверхности земнаго шара. Если вы сдѣлаете вычисленіе, то вы найдете, что масса луны можетъ сгустить на своей поверхности атмосферу только такой плотности, какая существуетъ около 2000 лье надъ землею.

«Теперь я спрошу васъ, какъ убѣдиться въ существованіи столь тонкой атмосферы? Одни только явленія преломленія могли бы дать средство къ этому, но преломленіе, которое она производила бы совершенно нечувствительно для нашихъ астрономическихъ инструментовъ. Итакъ, если они не доставляютъ намъ никакого указанія на лунную атмосферу, то вопросъ нашъ отъ этого все еще нельзя считать рѣшеннымъ.

«Но очевидно, что вопросъ можно оборотить. Такъ какъ малая масса луны не позволяетъ намъ помощію тѣхъ инструментовъ, которыми мы владѣемъ, различить атмосферу на ея поверхности, то станемъ отыскивать около другаго, болѣе массивнаго свѣтила нашу атмосферу, разлившуюся въ пространствѣ.» (1)

Затѣмъ Дюма приводитъ наблюденіе надъ солнцемъ и Юпитеромъ, изъ которыхъ видно, что и на этихъ тѣлахъ нельзя различить атмосферы. Затѣмъ онъ заключаетъ:

«Итакъ никакой споръ здѣсь не возможенъ. Наша атмосфера не распространяется неопредѣленно въ пространствѣ: она ограничена извѣстнымъ предѣломъ.

«Изъ этого Ульстонъ (Wollaston) выводитъ, какъ ясно доказанное положеніе, что вещество воздуха не можетъ быть дѣлимо до безконечности.»

Дюма не согласенъ съ мнѣніемъ Ульстона. Но, прежде чѣмъ я приведу его возраженіе, остановимся на самомъ доказательствѣ Ульстона. Не странно ли, что физики изъ-за атомовъ пустились въ небесныя пространства? Астрономическія трубы не въ силахъ различить атмосферу на небесныхъ тѣлахъ—такъ далеки эти тѣла; не странно ли стараться изъ этихъ наблюденій вывести заключенія о воздухѣ, между тѣмъ какъ воздухъ у насъ самъ подъ руками?

---

(1) *Philosophie Chimique*, p. 235.

Очевидно, Ульстонъ въ одной изъ темныхъ областей астрономіи хотѣлъ найдти точку опоры, которой ему не давали прямыя и ясныя наблюденія. Дѣйствительно, изъ опытовъ извѣстно, что какъ бы велико ни было пустое пространство и какъ бы ни мало было количество воздуха, которое мы въ него впустимъ, онъ, расширившись, наполнитъ собою все это пространство. При томъ физики замѣтили, что воздухъ въ этихъ случаяхъ представляетъ всѣ признаки однородности, имѣетъ одинаковую густоту, или, лучше сказать, рѣдкость въ каждой точкѣ.

Что же касается до атмосферы небесныхъ тѣлъ, то хотя этотъ вопросъ прямо сюда не относится, замѣчу, что странную отвлеченность, странное увлеченіе показываютъ натуралисты, отвергающіе эту атмосферу. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы даже только одинъ кислородъ да азотъ имѣли газообразное состояніе, то и тогда трудно было бы предположить, что ихъ нѣтъ на другихъ планетахъ, потому что всѣ планеты образовались изъ одной общей массы. Но газообразное состояніе не есть особенное свойство только нѣкоторыхъ веществъ, оно есть общее свойство вещества. Физики доказываютъ сами, что всѣ тѣла могутъ быть приведены въ газообразное состояніе; слѣдовательно, предполагая, что на планетахъ нѣтъ вообще газовъ, мы должны принять, что тамъ вещество совсѣмъ другое, что оно не имѣетъ даже самыхъ главныхъ и общихъ свойствъ нашего земнаго вещества. Такой смѣлой гипотезы ужь конечно никто не рѣшится сдѣлать.

Но допустимъ на время, что около планетъ вовсе нѣтъ ничего похожаго на атмосферу; спрашивается, доказываетъ ли это съ необходимостію существованіе атомовъ? Само собою видно, что нѣтъ. Безспорно, такое явленіе *согласно* съ атомистическою теоріей; но очевидно, что его можно согласить и съ неопредѣленною дѣлимостію вещества. Атмосфера имѣетъ предѣлъ,—отчего? Оттого же, отчего всякое другое тѣло, напримѣръ твердое, имѣетъ предѣлъ. Представьте только, что на границѣ атмосферы имѣютъ мѣсто тѣ же явленія, тѣ же силы, тѣ же законы, какъ на границѣ твердаго тѣла, и вы получите гипотезу, при которой сохраняется ненарушимо безконечная дѣлимость вещества.

Посмотрите напримѣръ, какъ Дюма возражаетъ Ульстону. Привожу эту красивую гипотезу не столько по ея важности для самаго дѣла, сколько потому, что она уясняетъ самые пріемы и взгляды натуралистовъ.

«Дѣйствительно ли заключеніе Ульстона необходимо? Позволительно усомниться въ этомъ. Неопредѣленная расширяемость нашего воздуха возможна только до тѣхъ поръ, пока онъ сохраняетъ свое газообразное состояніе. Но если допустить, что воздухъ можетъ стать жидкимъ или твердымъ на крайнихъ предѣлахъ атмосферы, то не видите ли вы, что по одному только этому, все построеніе предыдущихъ разсужденій рушится само собою?

«Въ самомъ дѣлѣ, при температурѣ близкой къ 0°, развѣ ртуть не лишена свойства испускать пары, и развѣ не становится она неспособною выбѣлить золото, хотя бы его держали цѣлые годы весьма близко къ ея поверхности? Кто можетъ навѣрное знать, на границахъ нашей атмосферы, кислородъ и азотъ не составляютъ ли жидкостей или твердыхъ тѣлъ, точно такъ же лишенныхъ испареній, какъ ртуть лишена ихъ при температурѣ 0° и ниже?»

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ утверждать навѣрное? Для натуралистовъ, какъ я уже сказалъ, все возможно. Но впечатлѣніе гипотезы было, должно-быть, слишкомъ сильно, и Дюма продолжалъ свою лекцію такъ:

«Я вижу, милостивые государи, вы колеблетесь; ваши предразсудки возмущаются противъ предположенія, что воздухъ представляетъ жидкость въ высокихъ слояхъ атмосферы, такъ какъ даже холодъ во 100° не способенъ обратить его въ жидкость. Но...» Здѣсь Дюма приводитъ то, что холодъ небеснаго пространства можетъ-быть значительно больше, и что углекислый газъ уже успѣли превратить въ жидкость. Затѣмъ онъ заключаетъ: «Прежде чѣмъ отвергнуть эти предположенія, вы безъ сомнѣнія изслѣдуете ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они заслуживаютъ, если я скажу вамъ, что существованіе этого большаго холода и жидкое состояніе воздуха составляютъ взглядъ, принимаемый знаменитѣйшимъ математикомъ нашего вѣка, г. Пуассономъ.»

Къ сожалѣнію, въ подобныхъ случаяхъ авторитеты ничего не доказываютъ. Особенно не годится здѣсь авторитетъ Пуассона, который этимъ и другими подобными мнѣніями даже уронилъ свой авторитетъ. Но какъ бы то ни было, пріемъ Дюма совершенно вѣренъ. Дѣйствительно, если возможно понять, какъ ограничено жидкое тѣло, то на такомъ же основаніи можно объяснить и границу атмосферы. Можно замѣтить даже что еслибы гипотеза Дюма была единственнымъ средствомъ

объясненія, то и тогда легче принять ее чѣмъ твердо держаться за атомы съ ихъ фантастическими свойствами.

Но, какъ очевидно, въ этой гипотезѣ нѣтъ никакой необходимости, потому что можно предложить множество другихъ гипотезъ, совершенно также разрѣшающихъ вопросъ. Весьма хорошо по этому рѣшеніе, предложенное Уивелемъ (Whewell) (1). Онъ говоритъ, что достаточно предположить на большихъ высотахъ самое малое измѣненіе въ законѣ, по которому плотность воздуха зависитъ отъ давленія, чтобы получить совершенно опредѣленную границу.

Я привелъ этотъ примѣръ только для того, чтобы показать, къ какимъ необыкновеннымъ пріемамъ должны прибѣгать натуралисты, чтобы найдти доказательство существованія атомовъ. Очевидно, физики теряютъ надежду на прямыя, ясныя доказательства.

Химики, кажется, счастливѣе. Когда дѣло идетъ объ атомахъ, они обыкновенно себѣ приписываютъ честь ихъ несомнѣннаго открытія. Остановимся еще, и уже въ послѣдній разъ, на одномъ доказательствѣ, провозглашаемомъ съ чрезвычайнымъ высокомѣріемъ. Я заимствую его прямо изъ *Химическихъ Писемъ* Либиха, сочиненія, отличающагося прекраснымъ, точнымъ и яснымъ изложеніемъ.

«Форма и природа всякаго тѣла, въ которой оно является тѣлесному глазу, то-есть цвѣтъ, прозрачность, твердость и пр., словомъ, такъ-называемыя физическія свойства всякаго тѣла давно уже были разсматриваемы, какъ зависящія отъ природы его элементовъ, отъ его состава. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ нельзя было и мыслить одно и то же тѣло въ двухъ различныхъ состояніяхъ, и нѣкоторымъ образомъ было признано за законъ, что два тѣла необходимо должны имѣть одинаковыя свойства, если они содержатъ тѣ же элементы въ той же пропорціи. Безъ такого мнѣнія, какъ могло бы случиться, что остроумнѣйшіе философы считали химическое соединеніе сопроникновеніемъ, вещество безконечно дѣлимымъ и могли защищать подобный взглядъ? Никогда не было бо́льшаго заблужденія. Сопроникновеніе составныхъ частей въ моментъ химическаго соединенія, предполагаетъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ находятся составныя части *a* и *b*; слѣдовательно, различныя свойства при одинаковомъ составѣ были бы невозможны.

---

(1) W. Whewell. *History of scientific Ideas.* 3 ed. vol. II, p. 62.

«Какъ всѣ другіе натурфилософскіе взгляды былаго времени, такъ палъ и этотъ взглядъ, такъ что даже никто не принялъ на себя труда защищать его. Сила истины, проистекающей изъ наблюденія, необозрима. Открыли въ органической природѣ множество соединеній, которыя при одинаковомъ составѣ, обладаютъ весьма не одинаковыми свойствами; такія тѣла получили названіе *изомерныхъ*.

«Только такое предположеніе, что вещество не безконечно дѣлимо и состоитъ изъ атомовъ, уже далѣе не дѣлящихся, можетъ дать удовлетворительный отчетъ въ этихъ явленіяхъ. При химическомъ соединеніи эти атомы не проникаютъ другъ друга, но располагаются извѣстнымъ образомъ, и отъ этого расположенія зависятъ ихъ свойства. Если же внѣшнія вліянія заставляютъ ихъ перемѣнить мѣсто, то они располагаются иначе и происходитъ другое тѣло съ новыми свойствами. Одинъ атомъ одного тѣла можетъ соединиться съ однимъ атомомъ другаго тѣла, или же два атома одного съ двумя другаго, или четыре съ четырьмя, восемь съ восьмью и т. д. Во всѣхъ этихъ соединеніяхъ процентное содержаніе будетъ равно, и однако же химическія свойства должны быть различны, потому что мы имѣемъ здѣсь сложные атомы, изъ которыхъ въ одномъ содержится два простые атома, въ другомъ ихъ четыре, въ третьемъ восемь или шестнадцать.»

Итакъ вотъ сильнѣйшее доказательство въ пользу атомовъ, доказательство столь сильное, что оно даже внушаетъ Либиху полную самоувѣренность и высокомѣріе въ отношеніи къ натуръ-философамъ.

Между тѣмъ очевидно, что атомистическая теорія здѣсь обнаруживаетъ, такъ сказать, тѣ же силы, тѣ же свойства и пріемы, какъ и въ объясненіи другихъ явленій. Только явленіе здѣсь сложнѣе и потому объясненіе кажется особенно яснымъ; но оно ничѣмъ не тверже, ничѣмъ не необходимѣе другихъ объясненій.

Какъ легко представить себѣ различную группировку атомовъ! А между тѣмъ спросите у Либиха, отчего же атомы въ двухъ тѣлахъ одинаковаго состава группируются различно? Онъ принужденъ будетъ отвѣтить вамъ: такъ угодно химической силѣ сродства; это ея капризъ—въ одномъ случаѣ сгруппировать такъ, въ другомъ иначе. Очевидно, одной группировки атомовъ *недостаточно* для объясненія.

Но ея вовсе и не нужно, она вовсе не составляетъ необхо-

димости. Развѣ, отвергая атомы, нельзя сказать, что тѣла одинаковаго состава различны по свойствамъ потому, что *такъ угодно химической силѣ?*

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, отвергая атомы, мы однакоже не отвергаемъ, а сохраняемъ вполнѣ понятіе о химическомъ дѣйствіи, о силѣ сродства. Либихъ ошибся, воображая, что химическое соединеніе по натуръ-философіи есть простое сопроникновеніе. Само собою понятно, что кромѣ проникновенія здѣсь происходитъ явленіе, и раждается понятіе *особеннаго* взаимнодѣйствія веществъ. Итакъ что же намъ мѣшаетъ въ *изомерныхъ* тѣлахъ принимать различные виды этого взаимнодѣйствія? Мы конечно не будемъ въ воображеніи играть въ атомы, но собственно останемся при томъ же, то-есть должны будемъ признавать различныя химическія явленія при образованіи тѣлъ одинаковаго состава.

Пусть будутъ два тѣла, изъ которыхъ, по Либиху, въ одномъ по парѣ атомовъ двухъ простыхъ тѣлъ соединены въ одинъ сложный атомъ, въ другомъ по четыре, или по двѣ пары. Очевидно второе тѣло можно разсматривать, или какъ соединеніе перваго тѣла съ самимъ собою, или какъ соединеніе его сперва съ однимъ изъ простыхъ тѣлъ, потомъ съ другимъ и т. д. Однимъ словомъ, даже перестановляя только порядокъ, въ которомъ совершаются химическія дѣйствія, мы можемъ уже представить себѣ достаточную причину для разности въ результатахъ. Разумѣется, сама химія должна искать причинъ, почему химическій результатъ различенъ при физически одинаковыхъ массахъ.

V.

Итакъ, ни физика, ни химія не представляютъ ни одного, хотя сколько-нибудь твердаго доказательства въ пользу атомовъ. Было бы утомительно, скучно перебирать разныя явленія съ цѣлію показать, что они не доказываютъ существованія атомовъ. Довольно того, что мы имѣемъ ключъ ко всѣмъ объясненіямъ такого рода, мы знаемъ въ чемъ ихъ сила и въ чемъ ихъ слабость. Атомы слишкомъ просты, слишкомъ ограничены, и сами собою не могутъ объяснить какое-нибудь явленіе; всегда нужно для помощи взять что-нибудь другое, и всегда оказы-

вается, что въ этомъ-то вспомогательномъ средствѣ и заключается вся сущность дѣла. Оказывается, что атомы ни на что вполнѣ не годны, и ни на что вполнѣ не нужны.

Въ этомъ и состояла наша задача. Показать существенныя основанія теоріи и показать, какъ изъ самыхъ основаній проистекаетъ ея недостаточность, не значитъ ли это вполнѣ опровергнуть теорію?

На чемъ основается атомистика? Вопервыхъ, на томъ, что признаетъ самостоятельность и неизмѣнность вещества; вовторыхъ, на томъ, что легко представляетъ всѣ явленія, потому что весь міръ является механическою игрой атомовъ.

Но изъ перваго ея основанія вытекаетъ то, что она противорѣчитъ опыту, и свои неизмѣнныя частицы принуждена сдѣлать невидимыми, неосязаемыми, недостижимыми никакимъ способомъ. Изъ втораго ея основанія выходитъ, что она не можетъ объяснить ни одного явленія, потому что пустая игра атомовъ, простое ихъ передвиженіе не представляютъ никакой возможности вполнѣ исчерпать даже самое простое явленіе.

Мы проникли такимъ образомъ въ самую сущность теоріи, и слѣдовательно легко можемъ судить, хороша ли она, или нѣтъ.

Мы видимъ ясно, что атомы суть созданія нашего воображенія;они удаляютъ насъ отъ прямаго факта, отъ очевиднаго явленія, и останавливаютъ насъ тамъ, гдѣ именно мы хотѣли бы идти дальше.

Атомистика есть взглядъ идеальный; атомы суть созданія нашего мышленія. И въ то же время это взглядъ неудовлетворительный, объясненіе ничего необъясняющее, такъ что является настоятельная потребность перейдти къ другому взгляду.

Такимъ образомъ ясно, что физики и химики—идеалисты, какъ и всѣ другіе смертные; они, конечно, не думаютъ о себѣ такъ и воображаютъ себя чистыми реалистами, но совершенно несправедливо. Идеализмъ для многихъ натуралистовъ есть весьма позорное слово, но, къ счастію для себя, они и въ этомъ случаѣ ошибаются. Еслибы кто-нибудь изъ нихъ убѣдился въ идеальности атомовъ, то, конечно, первымъ его помышленіемъ было бы считать атомы совершеннымъ вздоромъ, неудачною выдумкой, плохою гипотезой. А между тѣмъ атомы нисколько не заслуживаютъ подобнаго мнѣнія; на нихъ могутъ физики убѣдиться, что не одно только вещество не истребимо, но что созданія человѣческаго мышленія такъ же прочны, такъ же не уничтожаемы, какъ вѣсомая матерія, какъ законы природы

Припомните-ка исторію атомовъ. Они явились уже у первыхъ греческихъ философовъ, а если порыться, то можно встрѣтить ихъ еще раньше, у Финикіянъ и Индусовъ (1), такъ что, безъ сомнѣнія, атомы современны человѣческому мышленію вообще. Вспомните потомъ, какъ они тянутся черезъ всю исторію философіи и опытныхъ наукъ, и какъ въ послѣднее время достигаютъ повсемѣстнаго признанія и господства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, а притомъ и никакой бѣды въ томъ, что и въ будущія времена атомистика будетъ процвѣтать и находить послѣдователей. Все это происходитъ прямо отъ того, что атомистика есть *необходимая ступень*, черезъ которую проходитъ человѣческое мышленіе, что въ ней выразились до извѣстной степени существенныя, неистребимыя основанія мышленія. Атомы суть олицетвореніе нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ нашихъ понятій о природѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопервыхъ, атомы выражаютъ собою самостоятельность, существенность каждой точки вещества. Въ этихъ точкахъ, мы предполагаемъ, заключается самый корень явленій, самая сущность того, что̀ существуетъ.

Вовторыхъ, атомы выражаютъ наше непремѣнное желаніе построить изъ частей, изъ отдѣльныхъ существъ и явленій, все цѣлое, все наше мірозданіе.

Въ этомъ болѣе общемъ смыслѣ атомистика получаетъ огромную силу. Это законныя, хотя и не высшія требованія нашего мышленія.

Въ этомъ смыслѣ основателемъ новой атомистики, какъ и вообще основателемъ того взгляда, который понынѣ господствуетъ въ естественныхъ наукахъ, должно считать Декарта. Онъ первый раздѣлилъ непроходимою бездной духъ и вещество и слѣдовательно призналъ особое существованіе вещества, призналъ, что *протяженное* существуетъ въ каждой своей точкѣ. Отвергнувъ скрытныя качества (qualitates occultae), эти полудуховныя созданія схоластики, онъ первый пожелалъ механически, то-есть изъ самаго вещества построить всѣ явленія міра. Въ самомъ дѣлѣ, если вещество самостоятельно, то такъ какъ оно существуетъ протяженно, существуетъ въ каждой изъ своихъ частей, то изъ этихъ самостоятельныхъ частей должно объясняться и все цѣлое, уже не самостоятельное. Такимъ об-

---

1) См. *Философскій Словарь* Гогоцкаго, статья: *Атомы*.

разомъ и полное, совершенное опроверженіе атомистики возможно только въ томъ случаѣ, если уничтожить бездну разстоянія между веществомъ и духомъ, и снова слить міръ въ одно цѣлое, такъ чтобы самостоятельность частей зависѣла отъ самостоятельности цѣлаго.

Какъ бы то ни было, но требованіе самобытности отдѣльныхъ предметовъ и явленій, и желаніе построить изъ нихъ цѣлое, обнаруживаются безпрестанно и составляютъ тотъ *механическій* взглядъ на вещи, который такъ обыкновененъ. Умъ разсматривается какъ совокупность познаній, различныя душевныя явленія и способности какъ сочетаніе и сплетеніе простыхъ впечатлѣній, жизнь какъ стеченіе случаевъ и обстоятельствъ, воспитаніе какъ сумма уроковъ, наставленій, наградъ и наказаній, наука какъ скопленіе открытій и мнѣній, и такъ далѣе.

Все частное самостоятельно, общее же только составляется изъ частнаго, вотъ главное правило атомизма.

Чтобы видѣть, къ чему ведетъ подобный взглядъ, стоитъ только вспомнить міросозерцаніе Эпикура и Лукреція, въ которомъ онъ былъ развитъ совершенно послѣдовательно. Въ этомъ созерцаніи есть особенная сила и особенное содержаніе, которое въ томъ же смыслѣ не истребимо, какъ и атомы и которому также соотвѣтствуетъ нѣкоторое правильное требованіе нашего духа.

Но, вообще говоря, въ философіи, какъ и въ высшихъ сферахъ жизни, такой взглядъ одностороненъ, ничтоженъ, скользитъ только по поверхности вещей, ведетъ къ матеріялизму, убійству духа, и къ фатализму, убійству жизни. Онъ не годится вообще тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общемъ, всестороннемъ. Но въ тѣхъ наукахъ, которыя сами односторонни, очевидно онъ не только годенъ, но и въ высокой степени полезенъ. Для наукъ, занимающихся веществомъ, ничего не могло быть благодѣтельнѣе, какъ признаніе самостоятельности въ каждой его точкѣ. Такому признанію мы обязаны тѣми неисчислимыми трудами, тѣми блистательными открытіями, о которыхъ нельзя подумать безъ восхищенія. Попробуйте сравнить наши познанія о природѣ съ познаніями древнихъ: какія страшныя богатства, какія необозримыя сокровища! Александръ Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своего *Космоса*, что еслибы воскресли Страбонъ и Птоломей, то они пришли бы въ неописанный восторгъ

и изумленіе передъ нашими географическими и астрономическими познаніями. А мало ли еще другихъ!

Отсюда понятно, почему такъ крѣпко держится атомистическая система, почему она долго будетъ съ пользой держаться въ физическихъ наукахъ, почему она даже никогда вполнѣ не исчезнетъ. Никогда не будетъ недостатка въ самоучкахъ, которые будутъ начинать сначала ходъ человѣческаго мышленія, остановятся на этой точкѣ и не пойдутъ далѣе.

Вотъ какимъ образомъ мы отвергаемъ атомистическую теорію. Мы очевидно признаемъ ее больше, держимся ея крѣпче чѣмъ сами атомисты, готовые считать ее вздоромъ, если несостоятельность ея будетъ имъ доказана опытомъ или умозаключеніемъ.

А между тѣмъ мы вполнѣ, со всевозможною ясностію, убѣждены, что *атомы не существуютъ*. Натуралисты, эмпирики лишены возможности питать такія убѣжденія. По этому случаю приведу здѣсь остроту Гегеля, одну изъ тѣхъ удивительныхъ его остротъ, въ которыхъ страшная ѣдкость сарказма смягчается глубокомысліемъ самой насмѣшки:

«Тѣмъ, говоритъ онъ, которые убѣждены въ истинѣ и достовѣрности реализма чувственныхъ предметовъ, можно сказать, что они должны пройдти сперва самую низшую школу мудрости, а именно древнія элевзинскія мистеріи Цереры и Бахуса, и должны сперва проникнуть въ таинство ѣды хлѣба и питья вина; потому что тотъ, кто посвященъ въ эти тайны, не только начинаетъ сомнѣваться въ бытіи чувственныхъ вещей, но даже совершенно отчаивается въ этомъ бытіи, и отчасти самъ производитъ въ нихъ ихъ ничтожество, отчасти видитъ какъ они сами производятъ его. Впрочемъ, самыя животныя не лишены этой премудрости; оказывается даже, что они глубочайшимъ образомъ посвящены въ нее, потому что они не останавливаются передъ бытіемъ чувственныхъ предметовъ, но вполнѣ сомнѣваясь въ ихъ реальности и въ полномъ убѣжденіи въ ихъ ничтожествѣ, безъ всякихъ околичностей прямо хватаютъ ихъ и пожираютъ; да и вся природа, подобно имъ, празднуетъ эти открытыя мистеріи, научающія насъ тому, что̀ есть истиннаго въ чувственныхъ вещахъ.»

Дѣйствительно то, что̀ должно быть совершенно ясно для всѣхъ и каждаго, эта безпрерывная измѣнчивость вещества, его сліянія и превращенія, его метаморфоза изъ мертвыхъ тѣлъ въ живыя растенія, изъ растеній въ одушевленныя животныя, метаморфоза хлѣба и вина въ человѣка, все это для атомиста

закрыто какъ чародѣйскимъ туманомъ, его атомами. Онъ видитъ только одно—движутся, вертятся, толкаются атомы,—и вотъ весь міръ съ его великолѣпіемъ!

Какъ глубоко укореняется навыкъ въ умѣ, какъ трудно изъ-за этого навыка видѣть то, что̀ совершенно очевидно, сказывается на каждой страницѣ у натуралистовъ.

Одно изъ замѣчательныхъ сочиненій въ отношеніи къ атомамъ есть лекціи Дюма: *О химической философіи*, на которыя я часто ссылался. Я сказалъ уже, что Дюма остроуменъ и точенъ; но онъ скептикъ, онъ не имѣетъ никакой крѣпкой опоры, для того чтобы какъ-нибудь твердо взяться за вопросъ. Поэтому, въ своихъ блестящихъ лекціяхъ, онъ не только не пришелъ къ твердому убѣжденію, но даже дошелъ до забавнаго отчаянія.

«Посмотрите, господа, говоритъ онъ, что̀ же намъ остается изъ нашего самонадѣяннаго странствія въ области атомовъ? Ничего, по крайней мѣрѣ, положительнаго, ровно ничего.»

Очень жаль, конечно; но легко согласиться, что не атомы же въ этомъ виноваты. А между тѣмъ, какъ это ни странно, Дюма, кажется, сваливаетъ свою вину именно на атомы. Разказывая объ атомистическихъ соображеніяхъ Сведенборга, онъ прибавляетъ: «Замѣтьте это направленіе его ума, отвлекающее его отъ точныхъ изслѣдованій къ теоретическимъ понятіямъ: оно продолжаетъ развиваться. Его соображенія постепенно все больше и больше удаляются отъ фактовъ, такъ что, достигнувъ пятидесяти-четырехъ лѣтъ, онъ становится наконецъ иллюминатомъ, воображаетъ, что его посѣщаетъ Богъ и что съ нимъ вступаютъ въ сообщеніе ангелы.»

Но этого еще мало. Вотъ что̀ пишетъ далѣе Дюма:

«Послѣ Сведенборга, Лесажъ изъ Женевы, напечатавъ свой *Опытъ механической химіи* (сочиненіе рѣдкое, потому что не было пущено въ продажу), издалъ, сколько мнѣ извѣстно, послѣднее сочиненіе, имѣвшее предметомъ построить атомистическую систему независимо отъ опыта. И Лесажъ тоже сдѣлался потомъ страшно разсѣяннымъ и углубленнымъ въ эти мысли. Вотъ до какой степени обнаружилось роковое вліяніе размышленій объ атомахъ на тѣхъ, кто предавался имъ безразсудно и не обуздываясь опытомъ!»

Значитъ, атомы сводятъ съ ума! Открытіе не маловажное для атомистической теоріи!

Говорю не шутя. Оно показываетъ все безсиліе, всю совершенную немощь химика передъ вопросомъ, кото-

рымъ онъ не могъ нисколько завладѣть, несмотря на всѣ усилія гибкаго ума. Далѣе—это безсиліе, столь странное для ума самаго химика, переходитъ въ боязнь передъ вопросомъ, въ желаніе уклониться отъ дикаго явленія, не покоряющагося разуму. Дѣйствительно, атомы производятъ болѣзненное расположеніе, и еслибы Дюма не сталъ разсуждать о нихъ, не написалъ бы онъ тѣхъ странныхъ строкъ, которыя мы привели.

Боязнь разсужденій и отвлеченностей очень понятна у натуралистовъ. Они не мастера на разсужденія и отвлеченности, и, при всѣхъ стараніяхъ, у нихъ ничего не выходитъ.

Приведу еще одно замѣчательное сужденіе объ атомахъ, принадлежащее человѣку, по справедливости знаменитому и своимъ умомъ, и обиліемъ своихъ заблужденій. Прудонъ, въ своемъ сочиненіи: *Système des contradictions économiques*, гдѣ говорится о весьма многомъ, говоритъ также и объ атомахъ. Онъ посвятилъ имъ длинную выноску, въ которой старается преимущественно опровергнуть Либиха, выразившаго, какъ мы видѣли, столь рѣшительное убѣжденіе въ атомахъ. Нельзя не удивляться вѣрности и силѣ замѣчаній Прудона; онъ очевидно былъ на вѣрномъ пути, хотя высказалъ свои мнѣнія мимоходомъ и говорилъ о предметѣ, для него чуждомъ.

Но неизмѣримо удивительнѣе то заключеніе, къ которому приходитъ Прудонъ:

«Пускай однакоже не думаютъ поэтому, говоритъ онъ, что я отвергаю значеніе и вѣрность химическихъ теорій, или считаю атомизмъ нелѣпостію, или раздѣляю мнѣніе школы Эпикура о производномъ зарожденіи. Все, что я желалъ бы замѣтить, состоитъ, повторю еще разъ, въ томъ, что въ отношеніи къ своимъ началамъ химія имѣетъ нужду въ крайнемъ снисхожденіи, потому что она возможна только при условіи извѣстнаго числа воображаемыхъ понятій, которыя не согласны ни съ разумомъ, ни съ опытомъ, и которыя взаимно уничтожаютъ другъ друга.»

Ничего не могу себѣ представить страннѣе этой выходки. Она представляетъ, мнѣ кажется, лучшій образчикъ того духа и направленія, въ которомъ написана вся книга, которая сама—странность величайшая. Какъ бы ни благородны были чувства, которыя поддерживаютъ духъ противорѣчія и осужденія, ни въ какомъ случаѣ не должно заставлять мысль служить страсти, а это именно и дѣлаетъ Прудонъ. Къ величайшему сожалѣнію, философ-

скіе взгляды нерѣдко зависятъ только отъ личнаго расположенія духа. Чего добивается Прудонъ? Найдти вездѣ противорѣчіе, показать, что міръ полонъ нелѣпостей, что онъ цѣликомъ нелѣпость. И вотъ этому недовольству міромъ онъ заставляетъ служить свою логику, которая конечно была бы страшна, еслибы владѣла сама собою, еслибъ ею не владѣло что-то другое. Схватить какое-нибудь противорѣчіе, выставить его какъ можно ярче и рѣзче, и Прудонъ доволенъ. Наука, основанная на понятіяхъ, противорѣчащихъ разуму и опыту и взаимно-уничтожающихся,—вѣдь это нелѣпость! А Прудонъ говоритъ: это-то и есть истина, это химія въ настоящемъ свѣтѣ.

По счастію, химія есть опытная наука, слѣдовательно наука прочная и даже незыблемо-прочная, такъ что ее трудненько пошатнуть горячею фразой. Не только возможность ея не опирается на атомы, или другія подобныя понятія, но всѣ эти понятія, кажется, скоро будутъ не принимаемы въ ней, даже какъ вспомогательныя или мнемоническія средства. Въ самомъ дѣлѣ, переворотъ, произведенный въ химіи Лораномъ и Жераромъ, имѣетъ также тотъ общій смыслъ, что уничтожаетъ стремленіе къ молекулярнымъ построеніямъ. Химія уже не есть, какъ у Берцеліуса, наука о составѣ, о строеніи тѣлъ; она есть наука о превращеніяхъ тѣлъ, объ ихъ переходѣ изъ однихъ въ другія. Для пособія же воображенію и рѣчи на мѣсто атома берутся такъ-называемыя частицы. Частица есть совокупность многихъ атомовъ, вообще не извѣстно сколькихъ, или лучше столькихъ, сколько потребуется. Очевидно, на мѣсто атомовъ такимъ образомъ берется цѣлое тѣло; частицы—тѣ же атомы, но лишенныя всѣхъ свойствъ атомовъ и обладающія свойствами настоящаго вещества. Прежде полагали, что въ различныхъ тѣлахъ соотвѣтствуютъ другъ другу атомы; теперь соотвѣтствующими членами считаютъ частицы.

Очевидно, въ химіи, то-есть въ той наукѣ, которая по преимуществу занималась атомами, они и должны исчезнуть всего ранѣе.

Въ физикѣ они будутъ держаться долѣе, въ особенности въ математической физикѣ. Еще недавно вышла цѣлая книга въ защиту атомовъ, написанная нѣкогда знаменитымъ физикомъ Фехнеромъ (1), потомъ сочиненіе Редтенбахера, въ которомъ

---

(1) *Ueber die physicalische u. philosophische Atomenlehre* v. G. T. Fechner. Leipzig. 1855.

излагается новая атомистическая теорія (1). Къ сожалѣнію, взгляды этихъ ученыхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновеннаго взгляда физиковъ на атомы и не прибавляютъ къ нимъ ничего новаго.

Главная потребность въ атомахъ, которую чувствуютъ физики, состоитъ въ томъ, что атомы легче подвергаются вычисленію, что они удобнѣе для математическихъ соображеній. Но ни одинъ физикъ, ни одинъ математикъ не рѣшится утверждать, что атомы неизбѣжны, необходимы, что безъ нихъ невозможно дѣлать вычисленія. Были времена, или лучше были математики, которые принимали существованіе такъ-называемыхъ безконечно-малыхъ величинъ, напримѣръ принимали какъ бы атомы пространства и времени. Къ числу такихъ математиковъ принадлежитъ и Пуассонъ, котораго Дюма называетъ знаменитѣйшимъ математикомъ нашего вѣка. Съ этой точки зрѣнія можно бы также сказать, что дифференціяльное и интегральное исчисленіе существуетъ только подъ условіемъ существованія безконечно-малыхъ величинъ. Но извѣстно, что существованіе такихъ величинъ рушилось и ни кѣмъ не признается, и однако же самыя исчисленія существуютъ. То же самое должно сказать и о математической физикѣ; атомы исчезнутъ, но эта наука со всѣми ея выводами останется. Нужно только перевести ихъ съ одного мѣста на другое, съ атомическаго на чисто-вещественное. Конечно, это не малая работа, какъ вообще не малая работа очистить свое воображеніе отъ атомовъ.

Атомы вѣдь представляются нами не иначе, какъ самою сущностью вещества. Это вѣрно до такой степени, что многіе, если вы имъ скажете—я отвергаю атомы, сейчасъ же спросятъ: какъ такъ, что̀ же будетъ? что̀ же останется?

Что̀ будетъ? Будетъ то, что̀ мы видимъ и знаемъ лучше атомовъ. Останется вещество, съ его превращеніями, съ необходимыми законами, которымъ оно слѣдуетъ. Останется вещество не атомическое, не твердое, неизмѣнное и мертвое, но вещество гибкое, измѣнчивое, живое, но вещество, которое дѣйствительно существуетъ. Замѣтьте, отвергая атомы, мы много выигрываемъ; вещество становится богаче, подвижнѣе, многообразнѣе. А въ этомъ все дѣло. Изъ мертвыхъ атомовъ

(1) *Dynamidensysteme*. v. Redtenbacher. 1858.

ничего нельзя объяснить, даже въ физической, не только въ живой, органической природѣ. Очевидно, въ сущности вещества коренятся всѣ его явленія, такъ что, понимая ее, мы могли бы понять и самыя явленія. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что понятіе о сущности вещества есть понятіе глубокое, которое нельзя схватить вдругъ и разомъ, которое будетъ постепенно видоизмѣняться вмѣстѣ съ успѣхами наукъ и философской мысли.

Н. Страховъ.

О МѢРАХЪ,

СОДѢЙСТВУЮЩИХЪ РАЗВИТІЮ

ПРОЛЕТАРІАТА[1]

IX.

Мы видѣли, что пролетаріи не суть люди только не владѣющіе поземельною или недвижимою собственностію, но люди, не имѣющіе никакого ни вещественнаго, ни невещественнаго капитала, кромѣ физической силы своихъ мускуловъ, словомъ, люди совершенно бѣдные, совершенно зависящіе отъ случайностей каждой минуты.

Соединеніе такихъ людей въ значительномъ числѣ на небольшомъ пространствѣ производитъ пауперизмъ, который отличается отъ простой бѣдности особеннымъ свойствомъ заразительности, происходящей столько же отъ разъединенія съ обществомъ людей, находящихся въ лучшемъ положеніи, отъ упадка нравственнаго чувства, отъ привычки къ лишеніямъ и бѣдственному положенію, сколько и отъ недостатка въ матеріяльныхъ средствахъ, чтобы перейдти въ положеніе лучшее.

Владѣніе землей не на правѣ полной собственности, то-есть безъ права отчужденія, не составляетъ обезпеченія отъ пауперизма. Земля остается мертвымъ капиталомъ безъ средствъ ее обрабатывать, а средства эти суть движимый капиталъ, съ

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2 и 9.

появленіемъ котораго прекращается пауперизмъ. Человѣкъ, владѣющій значительнымъ количествомъ земли, но не имѣющій никакого движимаго капитала, можетъ отдать ее въ наймы и жить этою рентой; но если участокъ его незначителенъ, если ренты достанетъ на пропитаніе его лишь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже только дней, а земли своей онъ не можетъ обратить въ движимый капиталъ, то онъ, несмотря на свою мнимую недвижимую собственность, останется пролетаріемъ и нисколько не будетъ обезпеченъ даже отъ голодной смерти. Если лицъ, находящихся въ этихъ условіяхъ, соединено много въ одномъ городѣ или селеніи, то между ними развивается пауперизмъ. Примѣромъ могутъ служить великороссійскія селенія бобылей, то-есть крестьянъ, которые не имѣютъ лошадей, скота, земледѣльческихъ орудій,—словомъ, движимаго капитала,—которые не обрабатываютъ своей земли, а живутъ нищенствомъ, и такъ-называемыя стрѣлецкія слободы, то-есть государственные крестьяне въ нѣкоторыхъ городахъ, не обрабатывающіе своей земли по тѣмъ же причинамъ и живущіе поденною работой, нищенствомъ и отчасти воровствомъ. Они ничего не сберегаютъ на черный день; положеніе ихъ совершенно безнадежное, и ихъ бытъ—зараза.

Въ настоящее время пауперизмъ начинаетъ въ государствахъ западной Европы значительно уменьшаться; положеніе бѣдныхъ классовъ сдѣлалось несравненно лучше нежели оно было прежде, и особенно въ средніе вѣка. Но всѣ мѣры, предпринятыя для рѣшительнаго и быстраго уничтоженія пауперизма, оказались не дѣйствительными и даже положительно вредными.

Подаянія и даровыя пособія имѣютъ дѣйствіе противное цѣли, раздѣлъ земель невозможенъ и безполезенъ, соціялистическія теоріи не только неисполнимы, но имѣли бы слѣдствіемъ совершенное уничтоженіе средствъ существованія всѣхъ людей, а между тѣмъ опытъ показываетъ, что пауперизмъ уменьшается. Это уменьшеніе должно имѣть свои причины.

Указать эти причины и если возможно опредѣлить тѣ начала, по которымъ причины эти дѣйствуютъ, вотъ цѣль наша въ настоящее время.

Человѣкъ по природѣ своей не можетъ существовать иначе, какъ произведеніями своего труда или своею работой.

Существованіе его тѣмъ болѣе обезпечено, чѣмъ болѣе у него запасено этихъ произведеній. Произведенія эти называ-

ются богатствомъ, а запасъ ихъ—капиталомъ: вотъ почему говорятъ, что капиталъ есть сбереженный трудъ.

Сбереженныя произведенія могутъ имѣть двоякую цѣль: или непосредственно служить для пищи, одежды и такъ далѣе, или служить для производства новыхъ произведеній, какъ напримѣръ всѣ орудія, сырые матеріялы и проч. Запасы въ этомъ послѣднемъ случаѣ называются капиталомъ производительнымъ.

Трудъ, собственно механическій, не можетъ имѣть никакого полезнаго результата для человѣка, если не будетъ направленъ умомъ его къ извѣстной цѣли. Достиженіе этой цѣли облегчается знаніемъ законовъ природы и пріобрѣтеннымъ навыкомъ къ извѣстнымъ пріемамъ, къ употребленію необходимыхъ орудій.

Итакъ всякое произведеніе есть результатъ труда и знанія, а въ большей части случаевъ, сверхъ того, и капитала, то-есть запаса прежнихъ произведеній.

Но такъ какъ эти условія по разнообразію человѣческихъ личностей не могутъ быть для всѣхъ людей одинаковы, то является различіе людей богатыхъ и бѣдныхъ, то-есть имѣющихъ запасы въ большей или меньшей степени или вовсе ихъ не имѣющихъ.

Если богатый перестанетъ работать, то запасы его наконецъ истощатся, и онъ сдѣлается бѣднымъ; если бѣдный усилитъ свою дѣятельность, то, посредствомъ труда или посредствомъ придуманнаго имъ улучшенія въ производствѣ или посредствомъ большаго навыка, онъ успѣетъ добыть больше прежняго произведеній и составить себѣ запасъ.

Такимъ образомъ положенія богатаго и бѣднаго мѣняются, но тотъ и другой, предоставленные сами себѣ, побуждаются къ труду и бережливости, первый изъ опасенія сдѣлаться бѣднымъ, а второй изъ желанія сдѣлаться богатымъ.

Далѣе, для произведенія большей части предметовъ, необходимыхъ человѣку, нужно участіе почвы или опредѣленное пространство плодородной земли.

Тѣ люди, которые принялись за трудъ прежде другихъ выбрали, разумѣется, лучшія земли, то-есть самыя удобныя, за ними другіе среднія, третьи еще менѣе удобныя и такъ далѣе, пока наконецъ для нѣкоторыхъ уже земли не достало, хотя это случилось и весьма не скоро.

Очевидно, что при одинаковомъ трудѣ и знаніи, съ почвы перваго разряда получалось произведеній болѣе нежели съ

почвы разряда втораго, третьяго и такъ далѣе, слѣдовательно владѣльцу каждаго высшаго, то-есть лучшаго разряда, было легче составлять запасы. Это обстоятельство сдѣлалось также одною изъ причинъ различія бѣдныхъ и богатыхъ.

Нѣкоторыя земли были такъ хороши, что при одинаковомъ трудѣ съ нихъ получалось вдвое, втрое, вчетверо болѣе произведеній нежели съ земель другихъ разрядовъ. Это внушило занявшимъ ихъ мысль уступать ихъ на условное время другимъ, выговаривая себѣ извѣстную долю произведеній, что дало имъ возможность существовать, не прибѣгая вовсе къ труду, или заняться другими производствами, для которыхъ не нужно участіе почвы.

Различіе качества земли было причиной права собственности на землю и цѣны ея. За участокъ хорошей земли извѣстнаго объема давали въ обмѣнъ два такой же величины, но низшаго сорта, что составило цѣну земли.

Обмѣнивали не только землю на землю, смотря по надобностямъ каждаго, но землю на запасъ продуктовъ и продукты на продукты.

Такъ какъ при разнообразіи личныхъ способностей нѣкоторые замѣтили, что извѣстный родъ произведеній они успѣваютъ сдѣлать скорѣе нежели другіе, то вмѣсто того, чтобъ изготовлять для себя произведенія всякаго рода, въ которыхъ они нуждались, они стали заниматься производствомъ только одного рода и мѣняться между собою произведеніями.

При этомъ обмѣнѣ оказалось, что обѣ стороны выигрывали. Для того, кто могъ скорѣе сдѣлать шляпу нежели сапоги, выгодно было мѣнять ее на сапоги, а для того, кто могъ скорѣе сдѣлать сапоги, выгодно было мѣнять ихъ на шляпу. Обѣимъ сторонамъ было равно выгодно, то-есть обѣ стороны при этомъ полюбовномъ обмѣнѣ сберегали равное количество труда и времени, а все общество выигрывало тѣмъ, что въ данное время производилось болѣе, и запасъ накопившихся произведеній увеличивался, то-есть оно богатѣло.

Но для самаго обмѣна нужно было время и даже нѣкоторый трудъ. Люди, имѣвшіе надобность въ вашихъ произведеніяхъ и возможность дать вамъ за нихъ свои и притомъ именно тѣ, въ которыхъ вы нуждаетесь, не всегда были возлѣ васъ: ихъ нужно было отыскивать, а при обмѣнѣ произведеній почвы нужно было отыскивать охотниковъ мѣняться довольно далеко, потому что сосѣди сами имѣли произведенія той же почвы, а

вамъ были нужны именно произведенія, которыя добывались на почвѣ отдаленной.

Нашлись люди, которые сообразили, что если они возьмутъ на себя посредничество между производителями отдаленныхъ мѣстностей, то они съ меньшею тратой времени успѣютъ дѣлать этотъ обмѣнъ произведеній нежели сами производители, и что для послѣднихъ будетъ выгоднѣе дать имъ нѣсколько большее количество произведеній, нежели сколько придется получить отъ нихъ. Выгода давать болѣе нежели получать, заключалась въ томъ, что сберегался трудъ и время, которыя производители сами должны были бы употребить на поѣздку и на пріисканіе желающаго взять ихъ произведенія, и что въ это время и съ этимъ трудомъ они успѣвали сдѣлать гораздо болѣе нежели тотъ излишекъ, который они давали посреднику.

Очевидно, что для посредника было выгоднѣе дѣлать разомъ большое количество обмѣновъ или по крайней мѣрѣ дѣлать ихъ чаще и съ меньшею потерей времени на поѣздки. Для этой цѣли посредники начали держать у себя въ готовности запасы всѣхъ произведеній, и особенно произведеній отдаленныхъ странъ, и ѣздить за ними не при каждомъ требованіи, а только тогда, когда начинали истощаться запасы.

Посредники эти—купцы, а трудъ ихъ—торговля. Хотя они своими руками и ничего прямо не дѣлали и ихъ промыселъ не создавалъ самъ новыхъ произведеній, но онъ былъ также выгоденъ не для нихъ однихъ, но и для всего общества, ибо сберегалъ для него время и трудъ на образованіе новыхъ произведеній.

Скоро нашли еще средство облегчить и ускорить обмѣны. Замѣтили, что есть одно произведеніе, добываніе котораго весьма ограничено и не можетъ быть расширено, а самое произведеніе имѣетъ большую дѣлимость, всегда одного качества и не подвержено порчѣ отъ времени и вліянію воды, воздуха и вообще погоды—именно золото.

Стали мѣнять всѣ произведенія уже не другъ на друга, а на золото: то отдавать произведенія и брать золото, то-есть продавать, то отдавать золото и брать произведенія, то-есть покупать.

Количество золота, которое давалось за каждый родъ произведеній, получило названіе цѣны, а купцы стали въ одно и то же время продавать и покупать всѣ произведенія, и вмѣсто

полученія небольшаго излишка произведеній отдавали при покупкѣ нѣсколько менѣе золота, а при продажѣ брали его нѣсколько болѣе, то-есть старались продавать по дорогой цѣнѣ, а покупать по дешевой. Эта разность получила названіе барыша, и есть не иное что какъ плата за трудъ посредниковъ, за ихъ время, и награда за умѣніе отыскать и имѣть въ готовности тѣ именно произведенія, которыя каждому нужны.

Такимъ образомъ дѣятельность всѣхъ членовъ общества полезна другъ другу, и сдѣлки ихъ между собою выгодны для каждаго, потому что имѣютъ результатомъ сбереженіе времени и употребленіе труда болѣе производительнымъ образомъ.

Само собою разумѣется, что знаніе или открытіе законовъ природы, улучшеніе и облегченіе производствъ, на нихъ основанныхъ, словомъ, развитіе ума и науки доставляетъ наибольшее сбереженіе труда и времени, то-есть наибольшія выгоды, а потому и поощряетъ все болѣе и болѣе на пути открытій и улучшеній; ходъ по этому пути названъ прогрессомъ, а его дѣйствіе на людей просвѣщеніемъ, или наоборотъ, прогрессъ зависѣлъ отъ дѣйствія просвѣщенія, что, впрочемъ, одно и то же, ибо эти два явленія не разлучны и взаимно обусловливаютъ другъ друга.

Все шло бы отлично, шло бы очень быстро и привело бы къ превосходнымъ результатамъ, но вотъ является элементъ, враждебный свободному развитію экономическихъ отношеній. Элементъ этотъ есть насиліе.

Не всѣ народы начали просвѣщаться въ одно и то же время. Нѣкоторые изъ нихъ и даже большинство оставались въ дикомъ состояніи, не имѣли даже постоянныхъ жилищъ и, занимаясь одни охотой за звѣрьми, другіе уже скотоводствомъ, кочевали изъ одного мѣста въ другое.

Голодъ, который часто постигалъ ихъ по неимѣнію запасовъ, заставлялъ обращаться къ образованнымъ сосѣдямъ, чтобы вымѣнивать у нихъ хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости. Эти сношенія возбудили въ нихъ зависть къ богатымъ сосѣдямъ, людямъ большею частію смирнымъ и занятымъ своею промышленностію. Вмѣсто того, чтобы понемногу и съ трудомъ вымѣнивать у нихъ нужные для себя предметы, они предпочли разомъ, силою, взять у нихъ все.

Предпріятіе вполнѣ удалось, и дикари овладѣли всѣмъ, что принадлежало побѣжденнымъ. Имъ даже понравились ихъ жилища, они остались жить въ завоеванной землѣ и заставили жителей работать въ свою пользу.

Къ удивленію, работа, къ которой принуждали, за которою наблюдали строго, не шла такъ успѣшно какъ прежде, когда за нею не было высшаго надзора, когда всякій могъ работать или оставаться празднымъ, богатѣть или умирать съ голоду, какъ умѣлъ или какъ хотѣлъ.

Видя неуспѣхъ, побѣдители начали дѣйствовать силой, наградами и наказаніями, а побѣжденные противодѣйствовать имъ скрытностію, плутовствомъ и обманомъ. Такимъ образомъ, какъ только насиліе вмѣшалось въ свободныя экономическія отношенія, въ нихъ вошелъ и другой элементъ столь вредный, всегдашній спутникъ насилія—обманъ.

Побѣжденные всѣ были обращены въ рабовъ, кромѣ небольшаго числа, которые умѣли уйдти за море, въ далекія мѣста и завести тамъ новыя государства или колоніи на основаніи тѣхъ же свободныхъ экономическихъ отношеній.

Побѣдители вскорѣ и сами не всѣ остались свободными, вотъ по какому случаю. Они не умѣли и не хотѣли работать, а жили только произведеніями побѣжденныхъ, количество же этихъ произведеній не только не возрастало, но постоянно уменьшалось отъ насилія и обмана, а потому бѣдность нѣкоторыхъ дошла до того, что они шли въ кабалу изъ-за куска хлѣба.

Война сдѣлалась главнымъ, почти исключительнымъ занятіемъ. Города, даже жилища частныхъ лицъ необходимо было укрѣплять толстыми стѣнами съ башнями и содержать на нихъ постоянный караулъ. Это было единственное средство жить сколько-нибудь безопасно и заниматься необходимыми производствами. Вотъ причина, по которой ремесла и городскіе промыслы стали развиваться прежде и скорѣе нежели земледѣліе.

Прошло очень много времени прежде нежели замѣтили, что обогащаются не тѣ, которые отнимаютъ у другихъ даромъ или войной, но тѣ, которые занимаются или работой, или торговлею. Это наблюденіе заставило искать средствъ прекратить постоянную и повсемѣстную войну. Лучшее средство доставили сами тѣ, кому война эта наиболѣе вредила. Такъ какъ между воевавшими одни были сильнѣе другихъ, то не воевавшіе, а занимавшіеся промыслами стали платить сильнымъ и помогать даже лично, чтобъ они только усмирили прочихъ воителей. Дѣйствительно, повсемѣстная война прекратилась, и хотя работавшіе и торговавшіе дорого платили за сохраненіе мира, но расходъ этотъ для нихъ окупался усиленіемъ и улучшеніемъ

производства, и они, а съ ними и всѣ люди, стали снова обогащаться. Прогрессъ начался снова.

Впрочемъ, война далеко еще не прекратилась совершенно. Сильные вели ее только между собою, но за то несравненно въ бо́льшихъ размѣрахъ, и если ихъ войны не останавливали вовсе производства какъ прежде и не уничтожали его источниковъ, то все-таки истребляли несмѣтное количество готовыхъ произведеній и отрывали много рукъ отъ полезныхъ занятій.

Прежде воевали только чтобы грабить, теперь начали придумывать разныя причины для веденія войны, какъ будто для нея можетъ быть какая-нибудь другая причина, кромѣ самой войны, то-есть отраженія силы силой же.

Впрочемъ, придумать причины было не трудно. Стали вести войну за все, что угодно: за женщинъ, за деньги, за религію, за торговлю, за медали, за косое окно во дворцѣ, за несоблюденіе договора, для сохраненія равновѣсія, для его нарушенія, для того чтобы возить въ Америку негровъ, для того чтобы никто не возилъ ихъ въ Америку, для того чтобъ учредить вездѣ республики, для того чтобы не было нигдѣ республикъ, для изгнанія Турокъ изъ Европы, для удержанія Турокъ въ Европѣ, для противодѣйствія прогрессу, за порядокъ, за цивилизацію и наконецъ даже за идеи.

Воюя безпрестанно за все и про все, и рѣшая всѣ вопросы и затрудненія не разсудкомъ, а силой, замѣтили однако, что сильнѣе тотъ, кто богаче, а богаче тотъ, у кого больше денегъ, и вывели заключеніе, что должно стараться—если не отнимать по старой привычкѣ деньги у другихъ силой, то по крайней мѣрѣ не выпускать своихъ денегъ за границу.

Стали сводить торговые балансы и опять воевать за торговлю и писать торговые трактаты. Не имѣя возможности прямо ограбить противника, старались разорить его, не покупая у него его произведеній, а слѣдовательно, и не продавая ему своихъ.

Не покупать вовсе чужихъ произведеній было невозможно, а потому нашли средство устроить дѣло такъ, чтобы покупать ихъ какъ можно менѣе. Средство это заключалось въ томъ, что при ввозѣ чужихъ произведеній брали съ нихъ большія пошлины. Средство это было вовсе не новое, потому что и прежде при провозѣ товаровъ куда бы ни было и откуда бы ни было брали съ купцовъ или деньги или часть товара за позволеніе провезти его далѣе, но это дѣлали прежде въ видѣ грабежа,

а теперь стали дѣлать то же въ видѣ покровительства національной промышленности.

Покровительство это заключалось въ слѣдующемъ: всѣ жители государства безъ различія должны были платить вдвое, втрое, вчетверо и т. д. за иностранные товары; изъ этихъ денегъ правительство брало незначительную часть себѣ на содержаніе пограничной стражи и на другіе государственные расходы (чѣмъ, конечно, уменьшалось количество прямыхъ податей), но самую значительную часть раздавало тѣмъ, кто ухитрялся производить у себя дома иностранные товары, хотя бы и тратилъ на ихъ производство болѣе труда, времени и капитала, нежели чего эти произведенія могли стоить, еслибы просто обмѣнять ихъ на свои туземныя.

Благодаря желанію обогатиться посредствомъ производства бо́льшаго количества товаровъ и получить перевѣсъ надъ сосѣдями, стали воевать нѣсколько рѣже и даже во время самой войны соблюдать нѣкоторую вѣжливость, не грабить и не жечь все безъ толку, свое и чужое, лишь бы повредить непріятелю. Это много содѣйствовало развитію народнаго богатства, но еще болѣе помогъ тому опытъ, сдѣланный еще конечно не всѣми государствами, и весьма легко и часто забываемый даже и тѣми, кто его сдѣлалъ, что развитіе народнаго богатства зависитъ отъ примѣненія ума и знанія къ промышленности и торговлѣ, словомъ, что экономическій прогрессъ есть не иное что какъ результатъ прогресса умственнаго, то-есть слѣдствіе просвѣщенія.

Элементъ насилія до такой степени вошелъ въ жизнь народную, что не только затруднилъ, спуталъ и обезобразилъ всѣ экономическія отношенія, но исказилъ всѣ понятія о правѣ, о вредѣ и пользѣ, выгодѣ и невыгодѣ до такой степени, что даже тѣ самые люди, которые прежде другихъ замѣтили его разрушающее дѣйствіе, желая отъ него избавиться, прибѣгли, вмѣсто нравственнаго элемента, вмѣсто убѣжденія, къ тому же грубому средству, къ тому же насилію. Плодомъ ихъ ошибки были революція и безконечныя войны. Съ другой стороны явились люди, которые захотѣли предупредить эти войны, сохранить порядокъ, разрушенный революціонерами; они объявили себя консерваторами и, принимая нарушеніе экономическаго закона за самый законъ, стали преслѣдовать просвѣщеніе, свободное примѣненіе труда и все то, что несовмѣстимо съ насиліемъ, что дѣлаетъ его невозможнымъ, что сильнѣе ма-

теріяльной силы, чѣмъ именно создается, развивается и держится тотъ порядокъ, котораго они явились непризванными защитниками.

Развитіе одной матеріяльной военной силы не охраняетъ мира, этого необходимаго условія благоденствія, напротивъ вызываетъ такое же развитіе ея у противниковъ и ведетъ къ войнѣ. Сила матеріяльная побѣждается окончательно не силой матеріяльною, а силой нравственною, силой ума, силой: воли, труда, богатства, свободы.

Будьте умны и трудолюбивы, будьте богаты, будьте сильны, но сдѣлавшись сильными не переставайте быть умными, трудолюбивыми, то-есть не отнимайте ничего у другихъ силой: иначе сами обѣднеете и станете опять слабы. Такова «мораль басни».

X.

Будьте богаты! Очень пріятное предписаніе, но какъ исполнить его, не прибѣгая къ насилію?

Мы уже сказали, что богатство народа увеличивается только въ томъ случаѣ, если экономическія сдѣлки частныхъ лицъ между собою для нихъ взаимно выгодны, то-есть, если при обмѣнѣ произведеній труда, выигрываютъ обѣ стороны, и тѣмъ облегчается самый трудъ, и сокращается время.

Всякая сдѣлка, выгодная для одной только стороны, есть слѣдствіе или обмана или насилія, есть не иное что какъ только одно пустое перемѣщеніе собственности и не увеличиваетъ массы народнаго богатства, но уменьшаетъ его, ибо одного вызываетъ къ праздности, а другаго или вовсе лишаетъ возможности трудиться или по крайней мѣрѣ отнимаетъ у него охоту къ тому.

Могутъ возразить, что частное лицо соглашается иногда на невыгодную сдѣлку не вслѣдствіе насилія или обмана, а добровольно и сознательно, единственно вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ. Какого однако рода эти обстоятельства? Они или слѣдствіе его собственной вины, то-есть неразчетливости, безпечности, риска и такъ далѣе, или вовсе отъ него не зависятъ. Въ первомъ случаѣ потеря его не вредитъ обществу нравственно, ибо напротивъ того служитъ предостерегатель-

нымъ примѣромъ; обстоятельства же втораго рода суть обстоятельства, заключающіяся или въ силахъ природы или въ условіяхъ гражданскихъ постановленій. Умѣть обращать въ свою пользу силы природы, дѣлать ихъ безвредными въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ противодѣйствуютъ нашимъ цѣлямъ, есть сущность всей производительной дѣятельности, ибо человѣкъ можетъ создавать свои произведенія только на счетъ природы, и всякая неудача, если къ ней не примѣшивается другихъ причинъ, есть урокъ полезный и выгодный для всего общества, а часто даже и для того лица, которое ее потерпѣло Но что касается до гражданскихъ постановленій, заключаются ли они прямо въ законахъ или косвенно въ дѣйствіяхъ администраціи, если только они могутъ вынуждать частное лицо къ недобровольнымъ экономическимъ сдѣлкамъ, то всѣ такія постановленія суть не иное что какъ или само насиліе, облеченное въ письменную форму, или болѣе или менѣе отдаленные потомки насилія, замаскированные благотворительною или полезною цѣлію; всѣ они увеличиваютъ народную бѣдность, потому что заставляютъ того или другаго изъ частныхъ людей соглашаться на сдѣлки, невыгодныя для него и уменьшающія народное богатство.

Человѣкъ можетъ обогатиться, или по крайней мѣрѣ получить что-нибудь, только двумя способами: посредствомъ силы, то-есть отнявъ у другаго, или посредствомъ своего труда и дѣятельности, то-есть обмѣнявъ на то, что ему самому уже принадлежитъ безъ насилія. Такъ точно и обѣднять или лишиться чего-нибудь можетъ онъ только отъ своей вины, или когда у него отнимутъ силой.

Богатый можетъ много вынести и своихъ собственныхъ ошибокъ, и лишеній, причиняемыхъ постороннею силой; но бѣдный, подъ гнетомъ насилія и такихъ постановленій, которыя заставляютъ его отдавать что-нибудь вовсе даромъ или отдавать болѣе, а получать менѣе, скоро обращается въ нищаго или въ пролетарія. Всѣ монополіи, всѣ цеховыя, гильдейскія и сословныя привилегіи, наконецъ крѣпостное право, относятся къ постановленіямъ этого рода.

Какъ бы сложны, какъ бы запутаны ни были постановленія, уклоняющіяся отъ строгой справедливости, какую бы повидимому благую цѣль они ни имѣли въ виду, дѣйствіе ихъ всегда одно и то же: стѣсненіе свободныхъ экономическихъ отношеній; и дѣйствіе это всегда оканчивается однимъ и тѣмъ же—

крайнимъ обѣднѣніемъ того класса, который бѣднѣе прочихъ, то-есть развитіемъ пауперизма.

Отличительный признакъ такихъ законовъ есть нарушеніе или стѣсненіе добровольнаго согласія въ экономическихъ сдѣлкахъ. Направленное даже противъ богатаго класса, оно окончательно обрывается всею своею тяжестію только на бѣдныхъ классахъ. Сколько бы этажей ни было нагромождено одинъ надъ другимъ, давленіе сверху давитъ всего болѣе самый нижній этажъ.

Подтвердимъ нашу мысль не сравненіемъ, а примѣромъ. Постановленіе о законныхъ процентахъ повидимому направлено противъ капиталистовъ, которые ссужаютъ деньги, а на самомъ дѣлѣ оно вредитъ только людямъ, которые ихъ занимаютъ, потому что, уменьшая конкурренцію, предаетъ ихъ въ руки ростовщиковъ, которые съ нихъ же еще берутъ премію за рискъ нарушенія закона.

Вотъ другой примѣръ. Происхожденіе системы майоратовъ, сеніоратовъ и постоянно-возобновляемыхъ субституцій, отъ завоеванія, слѣдовательно отъ насилія, очевидно. По этой системѣ бо́льшая часть недвижимыхъ имѣній не дѣлится между наслѣдниками, а переходитъ въ полномъ составѣ къ старшему сыну, дочери или къ старшему изъ братьевъ наслѣдника или старшему сыну этого брата и такъ далѣе; при чемъ наслѣдникъ не есть полный собственникъ, потому что не имѣетъ права продать ни всего имѣнія, ни какой-либо части. Какое бы казалось дѣло бѣдному классу до того, въ какомъ порядкѣ наслѣдуются имѣнія знатныхъ и богатыхъ, и дѣлятся ли они между наслѣдниками или нѣтъ? Вѣдь не обращаются же меньшіе братья и сестры въ пролетаріевъ; они получаютъ всегда столько движимаго имущества на свою долю, что далеко не остаются нищими. Законъ этотъ имѣетъ и свою полезную сторону. Въ государствѣ постоянно существуетъ классъ независимыхъ, значительныхъ собственниковъ, которые на столько самостоятельны, чтобы твердо высказывать свое мнѣніе по дѣламъ политики внутренней и внѣшней и тѣмъ ограничивать произволъ и отступленія отъ закона министровъ и всѣхъ другихъ чиновниковъ. Занятіе политикой и администраціей какъ мѣстною, такъ государственною, для нихъ доступнѣе нежели для другихъ классовъ, потому что они имѣютъ по своему положенію болѣе свободнаго времени, болѣе средствъ приготовить себя къ этому роду дѣятельности и вно-

сятъ въ нее широкій взглядъ независимаго, неподкупнаго человѣка. Тѣ члены такихъ семействъ, которые не участвуютъ въ наслѣдствѣ недвижимымъ имѣніемъ, пользуются въ дѣтствѣ возможностію получить отличное образованіе и, имѣя въ виду опираться въ жизни на свою личную дѣятельность, не пренебрегаютъ этою возможностію. Наконецъ эти меньшіе члены богатыхъ и знатныхъ семействъ вступаютъ въ духовное и судебное званіе, обращаются къ занятіямъ науками, торговлей, мореплаваніемъ и проч., и такимъ образомъ сближаютъ высшее сословіе съ другими, и когда имъ по стеченію обстоятельствъ представляется случай въ него возвратиться, то обогащаютъ его всѣмъ запасомъ пріобрѣтенныхъ ими знаній, практическихъ свѣдѣній и навыкомъ къ личной усиленной дѣятельности. Чего бы кажется лучше? а на дѣлѣ можетъ выйдти противное. Главы семействъ могутъ быть вовсе не самостоятельны, ибо необходимость пристроить меньшихъ дѣтей можетъ ставить ихъ въ зависимость отъ людей, распоряжающихся мѣстами съ значительнымъ жалованьемъ; на всемъ обществѣ можетъ тяготѣть огромная масса лишнихъ налоговъ для поддержанія большаго числа синекуръ, а неотчуждаемость большей части поземельной собственности должна возвышать цѣны на остальную часть до такихъ размѣровъ, что покупка ея сдѣлается самымъ невыгоднымъ помѣщеніемъ капитала и будетъ наконецъ имѣть мѣсто только въ видѣ роскоши, съ цѣлію удовольствія и забавы земледѣліемъ, а не дѣйствительнаго извлеченія выгодъ отъ этого рода производства. Тогда всѣ капиталы будутъ скопляться, тѣснить и надрывать другъ друга въ одной мануфактурной и торговой дѣятельности и окончательно давить низшій бѣднѣйшій классъ чудовищными размѣрами фабрикаціи. Гдѣ бы ни была несправедливость въ государственномъ экономическомъ организмѣ, она всегда окончательно отзовется только на лицахъ, имѣющихъ меньше капиталовъ, то-есть на бѣднѣйшемъ классѣ, и доведетъ его рано или поздно до пауперизма.

У насъ въ Россіи неотчуждаемость земель государственныхъ крестьянъ не успѣла еще оказаться вполнѣ вредною по огромному простору и рѣдкому народонаселенію, хотя человѣкъ, имѣющій поземельную собственность безъ права отчужденія, весьма легко можетъ обратиться въ пролетарія, то-есть ничего не имѣющаго кромѣ силы своихъ мускуловъ. Впрочемъ, исключительное покровительство крестьянамъ со стороны закона и администраціи имѣло уже и для нихъ свое вредное дѣйствіе.

Невозможность взыскать что-либо съ государственнаго крестьянина и совершенное отсутствіе средствъ принудить его къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей лишаетъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ довѣрія другихъ сословій и случая пользоваться выгодными заработками. Въ настоящее время они еще прозябаютъ кое-какъ, но при общемъ развитіи свободной дѣятельности, если она не будетъ стѣснена и задержана близорукою регламентаціей, имъ не выдержать соперничества остальнаго рабочаго класса, пока они будутъ находиться подъ мнимымъ покровительствомъ постановленій не строго справедливыхъ.

Всего тяжелѣе дѣйствуютъ на бѣдный классъ высокіе налоги. Происхожденіе ихъ извѣстно—это безконечныя войны, огромные государственные долги и необходимость содержать многочисленныя постоянныя войска.

Кромѣ величины налоговъ, гибельно дѣйствуетъ самая ихъ форма и способъ ихъ собиранія. Если при сборѣ налога въ руки правительства поступаетъ менѣе, а часто и гораздо менѣе, нежели сколько выходитъ изъ рукъ платящихъ подати, то эта потеря всего чувствительнѣе для тѣхъ, которые могутъ менѣе другихъ терять, не обращаясь совершенно въ нищихъ. Способъ сбора косвенныхъ налоговъ посредствомъ откупа представляетъ въ этомъ случаѣ рѣзкій и ясный примѣръ. Способъ сбора косвенныхъ налоговъ посредствомъ круговой поруки есть насиліе дѣятельнымъ и награда лѣнивымъ.

Что касается до формы налоговъ, то налоги косвенные обыкновенно падаютъ большею частію своей тяжести на класъ бѣдный. Богатый человѣкъ съѣстъ столько же соли какъ бѣдный, но какъ ничтоженъ для него излишекъ въ цѣнѣ ея, происходящій отъ налога, и какъ тягостенъ онъ для бѣднаго! Нѣсколько штофовъ спирта, которые сожжетъ богатый подъ своимъ серебрянымъ самоваромъ, конечно менѣе сдѣлаютъ убытка въ его хозяйствѣ, нежели нѣсколько косушекъ водянистаго полугара, которыя выпьетъ крестьянинъ въ теченіе года.

Итакъ, косвенные налоги имѣютъ вредное вліяніе на развитіе народнаго богатства въ трехъ случаяхъ: если собираніе ихъ обходится слишкомъ дорого, если они задерживаютъ свободную производительность, и если они падаютъ большею частію своей тяжести на классъ бѣдный.

Прямые налоги раціональны только тогда, если они распредѣляются, не на лица, а на собственность, которая одна

можетъ ихъ выносить безъ отягощенія, ибо всякая собственность есть свободный запасъ, изъ котораго только и могутъ быть уплачиваемы подати. Все, что не составляетъ запаса, назначается для насущнаго хлѣба, и отдавать его значитъ лишаться ежедневнаго пропитанія. Вотъ почему подать подушная, и притомъ съ душъ и умершихъ, и только что родившихся, при всей ея незначительности и маломъ объемѣ, такъ тяжела для народа и такъ вредно дѣйствуетъ въ матеріяльномъ и нравственномъ отношеніи на свободное развитіе экономической дѣятельности въ низшемъ сословіи.

Есть еще особая форма распредѣленія прямыхъ налоговъ, или, лучше сказать, былъ придуманъ новый способъ распредѣленія прямыхъ налоговъ; это способъ прогрессивный, нигдѣ еще не приведенный въ дѣйствіе. Способъ этотъ заключается въ томъ, что налогъ увеличивается не пропорціонально только богатству частныхъ лицъ, но усиливается прогрессивно, на основаніи произвольно взятаго раздѣленія на члены, помножаемые на столь же произвольно взятаго знаменателя прогрессіи. Напримѣръ, если А имѣетъ на 1000 р. имѣнія или дохода и долженъ платить 5 р., а Б, имѣя вдвое болѣе, будетъ платить 10 р., В, имѣя втрое болѣе, будетъ платить 15 р., то это будетъ налогъ пропорціональный; если же съ 1000 р. платятъ 5, а съ 2000 назначено платить не 10 р., а 20 р., съ 3000 р. не 15 и не 30, а 45 р., то это будетъ налогъ прогрессивный. Очевидно, что увеличеніе его въ полпроцента зависитъ какъ отъ степени прогрессивнаго усиленія налога, такъ и отъ числа тѣхъ категорій, на которыя будутъ раздѣлены платящіе. Если число этихъ категорій будетъ велико, то на высшихъ степеняхъ придется отдавать все, что имѣешь, а если число этихъ категорій будетъ мало, то выйдетъ еще бо́льшая нелѣпость, состоящая въ томъ, что изъ двухъ равно богатыхъ одинъ будетъ платить въ нѣсколько разъ болѣе другаго, напримѣръ, если въ первую категорію поставлены имѣющіе 1000, р., во вторую 100.000 р. и въ первой платится $^1/_2$ процента, то-есть 5 р., а во второй 2 процента то-есть 2000 р., то неужели можно допустить, чтобъ имѣющій 99 тысячъ платилъ только 495 р., а чтобы въ случаѣ пріобрѣтенія имъ сотой тысячи онъ заплатилъ за нее 1500 р. податей?

Прогрессивный налогъ зависитъ отъ произвольнаго назначенія его условій, слѣдовательно основывается на насиліи и

вызываетъ обманъ, ибо даетъ огромную за него премію. Цѣль его есть та же, что подати въ пользу бѣдныхъ, а потому и дѣйствіе должно быть то же, то-есть увеличеніе пауперизма.

XI.

Итакъ бѣдность и ея дальнѣйшее развитіе, пауперизмъ, могутъ происходить только отъ двухъ причинъ: или отъ собственной вины или отъ внѣшней силы. Просвѣщеніе противодѣйствуетъ первой изъ этихъ причинъ, распространяя знанія, развивая умъ и укрѣпляя волю, а для противодѣйствія второй назначены законы.

Мы уже показали, какъ въ самихъ законахъ могутъ заключаться постановленія, ведущія къ пауперизму, и что постановленія того рода суть или преданія прежняго насилія, то-есть, завоеванія и произвола, обращенныя въ правило (какъ крѣпостное право и ему подобныя), или такія правила, которыя образовались вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на экономическія отношенія, взгляда, испорченнаго долговременнымъ вліяніемъ насилія, задерживавшаго правильный ходъ развитія народнаго богатства.

Мы сказали уже, что народное богатство увеличивается при каждомъ свободномъ обмѣнѣ цѣнностей между частными лицами, и что всякое даровое перемѣщеніе этихъ цѣнностей не только потеря для одной стороны, но и вредитъ развитію народнаго богатства, потому что можетъ имѣть мѣсто только или вслѣдствіе насилія или вслѣдствіе всегдашняго его спутника—обмана.

Обмѣнъ цѣнностей вынужденный, то-есть не строго основанный на совершенно свободномъ согласіи обѣихъ сторонъ, всегда заключаетъ въ себѣ даровой переходъ, если не всей собственности,—какого бы роду она ни была, деньги, произведенія, земля или трудъ,—то по крайней мѣрѣ части ея болѣе или менѣе значительной.

Мы допустили единственный видъ дароваго перемѣщенія цѣнностей — уплату податей, подъ двумя условіями: первое, чтобы масса ихъ была по возможности наименьшая, второе, чтобъ она распредѣлялась совершенно равномѣрно на всю собственность или на чистый доходъ съ этой собствен-

ности, но ни въ какомъ случаѣ не на лица. При соблюденіи этихъ двухъ условій уменьшается вредное дѣйствіе этого даровaго перемѣщенія на развитіе народнаго богатства, а при ихъ нарушеніи вредное дѣйствіе увеличивается, ибо характеръ насилія болѣе и болѣе дѣлается господствующимъ.

Впрочемъ, суммы, отдаваемыя правительству, въ видѣ податей, хотя и не составляютъ каждый разъ правильнаго, то-есть добровольнаго экономическаго обмѣна цѣнностей, не отдаются однако совершенно даромъ, но на нихъ покупается охраненіе свободы сдѣлокъ отъ насилія и обмана или, другими словами, на нихъ покупается правосудіе.

Выраженіе *покупать правосудіе* можетъ показаться страннымъ: мы прибавимъ съ своей стороны, что въ отношеніи къ частнымъ лицамъ оно *безсмысленно*. Купить правосудіе нельзя,— можно купить только насиліе. Вотъ примѣръ: вы лишились, вслѣдствіе ли насилія другаго частнаго лица или вслѣдствіе обмана, извѣстной цѣнности, положимъ въ 1000 р., и для возстановленія вашего права, то-есть, для возвращенія этой цѣнности въ 1000 р., вы должны израсходовать, въ видѣ ли судебныхъ пошлинъ, спортелей, гербовой бумаги, я не говорю уже о взяткахъ, положимъ хотя 25 р. Это совершенно то же самое, какъ еслибъ отнявшій у васъ 1000 р. не успѣлъ отнять всю сумму, а только 25 р. Конечно, для васъ выгоднѣе потерпѣть насиліе въ меньшемъ размѣрѣ, нежели въ большемъ, но передъ вами все-таки насиліе, а не правосудіе. Чтобъ оно было полное, необходимо возвратить вамъ полную цѣнность и сверхъ того вознаградить за трату времени и за потери, сопряженныя съ непользованіемъ вашею собственностію. Можно, конечно, обратить всѣ эти расходы на виновнаго, что въ нѣкоторыхъ государствахъ и дѣлается, но способъ этотъ имѣетъ два неудобства: вопервыхъ, опредѣленіе размѣра убытковъ ведетъ къ новымъ расходамъ, то-есть къ бо́льшимъ убыткамъ, а вовторыхъ, лицо, нарушившее ваше право, можетъ быть не состоятельно, то-есть не имѣть матеріяльной возможности вознаградить васъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? вознаградить васъ изъ общественныхъ суммъ, значитъ заставить платить невинныхъ за виноватаго.

Трудность эта разрѣшена слѣдующимъ образомъ. Все общество въ цѣломъ его составѣ или центръ его — правительство — употребляетъ суммы, собираемыя въ видѣ податей на содержаніе лицъ, которыя занимаются разрѣшеніемъ

частныхъ споровъ, и силы, которая необходима для приведенія этихъ рѣшеній въ исполненіе. Лица, посвящающія себя такому занятію, тратятъ на него свой трудъ и свое время, а потому и должны быть достаточно вознаграждаемы. Цѣнности, употребляемыя на это всѣмъ обществомъ, не переходятъ къ нимъ даромъ, а слѣдовательно общество не только ничего не теряетъ, но даже выигрываетъ въ общемъ результатѣ.

Выигрышъ общества отъ правильнаго и скораго дѣйствія правосудія заключается въ томъ, что обмѣнъ цѣнностей совершается вполнѣ добровольно или выгодно для обѣихъ сторонъ, и процессъ этотъ идетъ скорѣе и свободнѣе, то-есть болѣе сохраняется труда и времени, а въ этомъ-то сохраненіи и заключается единственное средство обогащенія всего общества въ полномъ его составѣ.

Итакъ частное лицо не можетъ купить правосудіе, хотябы судья и хотѣлъ продать его, а цѣлое общество не можетъ получить его иначе, какъ заплативъ за него извѣстную цѣнность, которая возвращается ему съ огромною выгодой въ видѣ сбереженія труда и времени.

Выраженіе *продажное правосудіе* не имѣетъ никакого смысла, а если оно и встрѣчается въ разговорѣ и къ сожалѣнію довольно часто, то это значитъ, что есть люди, которымъ вслѣдствіе несовершенства гражданскихъ учрежденій даны возможность и право торговать насиліемъ.

Дѣятельность судьи въ каждомъ частномъ случаѣ или въ частной тяжбѣ объ имуществѣ заключается въ томъ, чтобы разрѣшить этотъ споръ согласно съ справедливостію. Если онъ по ошибкѣ, а тѣмъ болѣе изъ дурнаго умысла рѣшаетъ его не вполнѣ справедливо, то онъ дѣлаетъ насиліе.

Между двумя или нѣсколькими противоположными интересами есть черта, ихъ раздѣляющая, которая указываетъ правду, и въ отысканіи этой черты заключается все дѣйствіе правосудія. Если рѣшеніе, произносимое судьей, совершенно и вполнѣ совпадаетъ съ этою чертой, его называютъ справедливымъ и говорятъ, что дѣло рѣшено *по справедливости*, если же оно уклоняется отъ этой черты, то его называютъ несправедливымъ и говорятъ, что дѣло рѣшено не *по справедливости* то-есть: пристрастно или по крайней мѣрѣ ошибочно. Въ первомъ случаѣ возстановляется право, нарушенное частнымъ насиліемъ или обманомъ, во второмъ дѣлается насиліе частному лицу отъ имени государства.

Справедливое рѣшеніе въ каждомъ дѣлѣ можетъ быть только одно, точно также какъ и истина одна, а заблужденій и вымысловъ—безчисленное множество.

Русскій народъ превосходно выразилъ эту мысль, давъ имъ одно и то же названіе *правды*.

Но та черта, которая раздѣляетъ два или нѣсколько противоположныхъ интересовъ, и которая указываетъ справедливое рѣшеніе, не лежитъ именно въ срединѣ между этими интересами, точно такъ какъ и истина не есть средина между двумя ошибками. Когда одинъ говоритъ дважды два три, а другой дважды два семь, не слѣдуетъ говорить, отыскивая средину, что дважды два пять.

Итакъ справедливость рѣшенія должна быть отыскиваема судьей самостоятельно; для облегченія ему этого труда написаны законы, то-есть руководство для судьи въ отысканіи той черты, которую называютъ справедливостію. Но если законъ указываетъ ее не совершенно ясно, въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, допускающихъ различныя толкованія, по которымъ эта черта можетъ быть безъ слишкомъ явнаго отступленія отъ его смысла подвигнута нѣсколько направо или нѣсколько налѣво, не согласно съ правдой, то такое рѣшеніе, похожее на законное, будетъ рѣшеніемъ несправедливымъ, то-есть, не будетъ служить къ возстановленію права, а произведетъ насиліе.

Но не можетъ ли быть случая, что законъ, вслѣдствіе ли историческихъ причинъ завоеванія, то-есть, насилія, вслѣдствіе ли желанія покровительствовать какимъ-либо интересамъ, то-есть вслѣдствіе насилія однимъ насчетъ другихъ, вслѣдствіе ли какихъ-либо ошибочныхъ теорій, проведетъ эту черту не согласно съ справедливостію и истиною?

Это можетъ быть, и бываетъ весьма часто, какъ мы уже указали примѣрами законовъ о крѣпостномъ правѣ, о запретительной системѣ, о торговыхъ и промышленныхъ монополіяхъ, о покровительствѣ извѣстнымъ сословіямъ, классамъ или слоямъ общества. Рѣшеніе, произнесенное на основаніи такихъ законовъ, будетъ рѣшеніе законное, но, конечно, его не назовутъ справедливымъ ни совѣсть самого судьи, ни общественное мнѣніе. Кому не случалось слышать фразы, подобной слѣдующей: мы видимъ, что А правъ, а виноватъ Б, но, что же дѣлать, по закону невозможно было рѣшить иначе, и кто не извинялъ судей, признавая однако рѣшеніе ихъ несправедливымъ.

На чемъ же основывалась однако мысль о необходимости

иного рѣшенія, отличнаго отъ того, которое указано закономъ, словомъ, чего ищетъ это врожденное всѣмъ и не уничтожаемое произвольнымъ закономъ чувство справедливости? Оно основано на сознаніи существованія черты, которая раздѣляетъ правду отъ неправды, и произвольное перенесеніе которой всегда сопровождается нарушеніемъ справедливости, то-есть даровою отдачей той части собственности одного лица другому, которая находится между произвольно-проведенною чертой и тою, которая дѣйствительно была бы проведена при добровольной сдѣлкѣ, безъ участія обмана и насилія.

Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что рѣшеніе суда тогда только справедливо, когда оно возвращаетъ тяжущихся на ту точку, на которой находилось или могло находиться между ими добровольное соглашеніе въ экономической сдѣлкѣ, устранивъ изъ спора и уничтоживъ всѣ слѣды насилія и обмана.

Дѣйствительно, если для общества въ цѣломъ его составѣ полезенъ такой только переходъ цѣнностей отъ одного частнаго лица къ другому, который выгоденъ для ихъ обоихъ, а всякое насиліе и всякій обманъ дѣлаютъ это условіе невозможнымъ, то и все общество заинтересовано въ устраненіи насилія и обмана, и въ облегченіи добровольныхъ соглашеній для экономическихъ сдѣлокъ по всѣмъ безъ исключенія видамъ собственности.

Итакъ, справедливость есть не иное что, какъ объясненіе и выполненіе той правды, которая служила основаніемъ экономической сдѣлкѣ, или доведеніе спора до очевидности и полноты добровольнаго согласія. Могутъ возразить, что потерявшій тяжбу никогда не согласится охотно на приведеніе въ исполненіе произнесеннаго противъ него рѣшенія и покорится только общественной силѣ или вѣроятности ея примѣненія; но здѣсь разумѣется только добровольное согласіе, предшествовавшее экономической сдѣлкѣ, а слѣдовательно и самой тяжбѣ

Нарушеніе добровольнаго согласія—вотъ единственная сущность всѣхъ исковъ. Оно бываетъ или посредствомъ насилія (разбой, грабежъ, воровство, насильственное завладѣніе, поджогъ, потрава и проч.) или посредствомъ обмана (обмѣръ, обвѣсъ, подлогъ, фальшивая подать, неуплата долга во всѣхъ видахъ, ложное толкованіе контракта и проч.)

Назначеніе суда—возвращать цѣнность, взятую посредствомъ насилія или обмана, то-есть противъ добровольнаго согласія.

Назначеніе администраціи—предупредить возможность этихъ дѣйствій, то-есть дать согласію всю полноту и свободу добровольности.

Назначеніе общественной силы—матеріяльно содѣйствовать первымъ двумъ дѣятелямъ въ исполненіи ихъ рѣшеній.

Обезпеченіе добровольности и свободы въ соглашеніяхъ есть то, что̀ называется общественнымъ порядкомъ, а стѣсненіе этихъ соглашеній, на какихъ бы звучныхъ фразахъ, обширныхъ принципахъ или мнимыхъ теоріяхъ оно ни основывалось, есть нарушеніе порядка. Первое есть прогрессъ, второе—реакція, первое развиваетъ матеріяльныя и нравственныя силы народа, второе ведетъ къ его оскудненію и оглупленію.

Если три вышесказанные общественные дѣятели, то-есть судъ, администрація и сила вполнѣ обезпечиваютъ добровольность и полную свободу въ экономическихъ сдѣлкахъ, то они содѣйствуютъ развитію благосостоянія во всемъ обществѣ, и расходы на ихъ содержаніе не только вознаграждаются, но приносятъ неисчислимую выгоду; если же они по своему произволу, или на основаніи законовъ не вполнѣ достигаютъ своей цѣли, а тѣмъ болѣе если они преднамѣренно стѣсняютъ добровольное согласіе, то они о̀ткрываютъ путь къ насилію и обману, и даже сами служатъ проводниками того и другаго, и такимъ образомъ останавливаютъ преуспѣяніе общества, дѣлаютъ обществу столь же неисчислимый вредъ, какъ въ первомъ случаѣ приносили пользу.

Стѣсненіе и вредъ, дѣлаемые обществу насиліемъ и обманомъ, отъ кого бы они ни происходили, и какими бы сложными и скрытными путями ни дѣйствовали, всегда окончательно падаютъ на бѣднѣйшіе слои общества, которые менѣе другихъ имѣютъ силъ, чтобы выдержать давленіе этой пагубной тяжести: зажиточные люди бѣднѣютъ, менѣе зажиточные становятся бѣдными, бѣдные нищими, а нищіе образуютъ пролетаріатъ и скопленіе его пауперизмъ.

Пока всѣ самыя отдаленныя проявленія насилія не будутъ устранены не только изъ практики правосудія, но изъ самаго законодательства, пока оно будетъ не чѣмъ инымъ какъ письменнымъ выраженіемъ строжайшей справедливости, никакія мѣры, никакія даровыя пособія, никакія благодѣянія не прекратятъ пролетаріата и пауперизма.

Всѣ хитрыя выдумки, всѣ сложныя системы, всѣ политическіе и административные фокусы суть или заблужденіе или

шарлатанство, и не въ силахъ изцѣлить общество отъ этой язвы.

Единственное лѣкарство есть устраненіе причины, произведшей болѣзнь, а причина эта есть насиліе и постоянный его спутникъ—обманъ.

Цѣль правительства заключается именно въ противодѣйствіи этой причинѣ, и въ доставленіи частнымъ лицамъ полной свободы въ ихъ экономическихъ соглашеніяхъ.

Покровительствовать можетъ оно только облегченіемъ способовъ этихъ соглашеній. Прямое же, то-есть понудительное склоненіе этихъ сдѣлокъ въ пользу интересовъ одной какой-либо стороны, хотя болѣе бѣдной, облеченное даже въ форму закона есть не иное что, какъ скрытое насиліе: оно вредитъ всему обществу болѣе, нежели сколько приноситъ пользы лицамъ, имъ покровительствуемымъ, и имѣетъ окончательнымъ результатомъ усиленіе пролетаріата и пауперизма.

Законы должны имѣть въ виду не пользу чью-либо, а пользу общую, то-есть справедливость: всѣ законы съ частною полезною цѣлію, или такъ-называемые полезные законы, вредны, если они не справедливы, а дѣйствительно полезны только тѣ законы, которые строго справедливы.

Власть общественная, кромѣ обезпеченія строгаго правосудія и полной свободы во всѣхъ частныхъ экономическихъ сдѣлкахъ, можетъ содѣйствовать ихъ облегченію и развитію однимъ только способомъ—это усиленіе средствъ просвѣщенія

Успѣхи наукъ, распространеніе образованія въ низшихъ слояхъ общества, возможные только при свободѣ мысли и слова—вотъ единственное положительное средство въ рукахъ правительства, которымъ оно можетъ содѣйствовать экономическому процвѣтанію народа, и эта возможность составляетъ лучшую жемчужину въ его коронѣ.

Общество благоденствуетъ только тогда, когда въ немъ упрочены правда, собственность, свобода и, разумъ.

В. Ржевскій.

СТАЧКА РАБОЧИХЪ

ВЪ ЛОНДОНѢ

Въ то время какъ англійскій парламентъ занимается преніями по поводу билля о реформѣ, долженствующаго расширить избирательное право и распространить его на рабочіе классы, общественное мнѣніе страны слѣдитъ съ неусыпнымъ вниманіемъ за поведеніемъ этихъ классовъ, стараясь предугадать какой элементъ внесутъ они съ собою въ государственную дѣятельность. Движеніе, происходившее недавно въ ихъ средѣ, должно было поэтому отозваться, именно теперь, сильнѣе нежели когда-нибудь въ англійскомъ обществѣ: видя, съ какою заботой старались рабочіе классы о сохраненіи строгаго порядка, несмотря на все раздраженіе своихъ страстей, какъ проповѣдовали они постоянно объ уваженіи къ законности, какъ охотно преклонялись они передъ существующими учрежденіями, многіе готовы видѣть въ упомянутомъ нами движеніи самое убѣдительное доказательство того, что классы эти достаточно созрѣли для политической жизни; другіе, напротивъ, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія притязаній, выставленныхъ рабочими въ происходившемъ кризисѣ, и съ точки зрѣнія политико-экономическихъ понятій, обнаруженныхъ ими произносятъ о нихъ несравненно болѣе строгое сужденіе и пророчатъ большія бѣдствія для государства, если они будутъ

допущены вдругъ и безъ ограниченій къ участію въ политическихъ правахъ. Вопросъ представляетъ, слѣдовательно, великую важность для Англіи, но онъ не лишенъ также значенія и интереса для прочихъ странъ. У насъ, напримѣръ, составилось нѣкоторое понятіе о работникѣ французскомъ, — героѣ баррикадъ и ревностномъ приверженцѣ соціальныхъ теорій, которому предстоитъ, какъ наивно убѣждены нѣкоторые мечтатели въ его собственномъ отечествѣ, великая задача будущаго перерожденія французскаго общества. Англійскій работникъ знакомъ намъ, къ сожалѣнію, весьма мало. Революцій въ Англіи не происходитъ, не видно тамъ насильственнаго стремленія низшихъ классовъ къ преобладанію въ обществѣ, не видно желанія грубою силой подавить ненавистный капиталъ въ пользу труда, и многіе готовы объяснять явленіе это тѣмъ, что англійскій рабочій, по развитію и образованію, стоитъ несравненно ниже французскаго, что подавленный деспотическимъ вліяніемъ аристократіи рожденія, съ одной стороны, и аристократіи денежной съ другой, онъ превратился самъ въ машину и отказался отъ всякихъ высшихъ, нравственныхъ потребностей. Мануфактурные города Англіи, съ своею однообразною архитектурой, почернѣвшіе отъ копоти, съ облаками дыма, застилающими отъ нихъ небо, представляются для многихъ Дантовымъ адомъ, съ точно такою же отчаянною надписью на своихъ вратахъ. Нелѣпо было бы, конечно, рисовать положеніе англійскихъ рабочихъ классовъ исключительно въ розовомъ цвѣтѣ, и указывая только на выгодныя стороны ихъ положенія, отворачиваться отъ страданій, невѣжества и нищеты, собирающихъ ежегодно и въ ихъ средѣ обильную жатву; но нельзя не замѣтить въ то же самое время, что политическій бытъ Англіи, въ основѣ котораго лежитъ начало свободы, подѣйствовалъ могучимъ образомъ на рабочіе классы этой страны и развилъ въ нихъ обычаи, понятія и умѣнье дѣйствовать, почти совершенно неизвѣстные на материкѣ Европы. Мы убѣдимся, слѣдя за движеніемъ, которое было произведено недавно товариществомъ лондонскихъ рабочихъ, что въ Англіи давно уже существуетъ то, о чемъ осмѣливались только мечтать французскіе теоретики. Мы увидимъ, что рабочій классъ, не только не подавленъ тамъ различными внѣшними обстоятельствами, какъ думаютъ обыкновенно, но составляетъ могучую силу, съ которою должны считаться всѣ остальные классы общества. Англійскіе рабочіе успѣли образо-

вать въ своей средѣ крѣпкіе союзы, обладающіе обширными средствами, отличающіеся могущественною организаціей—союзы, которымъ предстоитъ, быть-можетъ, огромная будущность, несмотря на многіе присущіе имъ теперь недостатки. Но въ нѣдрѣ этихъ союзовъ не господствуетъ, какъ во Франціи, стремленіе насиліемъ достигнуть своей цѣли, не господствуетъ закоренѣлой зависти ко всему, что̀ стоитъ нѣсколько выше на лѣстницѣ общественной іерархіи: свободное слово, мирное убѣжденіе, обращеніе къ общественному мнѣнію—вотъ орудія, которыя также прочно усвоены классомъ рабочихъ, какъ и всѣми остальными классами Англіи. Политическая и гражданская свобода проникла одинаково всѣ слои тамошняго народонаселенія и возрастила повсюду свои плоды.

Въ концѣ іюля, нынѣшняго года, англійскіе журналы подняли единодушный говоръ о бѣдствіи, угрожавшемъ ихъ странѣ,—бѣдствіи, по словамъ ихъ, самомъ тяжеломъ, какое только можетъ обрушиться на промышленную націю. Рабочіе-каменьщики вдругъ и сообща покинули свои дѣла, оставляя хозяевъ въ самомъ критическомъ положеніи, ибо бо́льшая часть контрактовъ, заключенныхъ ими для постройки зданій въ теченіи лѣта 1859 года, не была еще окончена. Подобная стачка между рабочими съ цѣлію повысить поденную плату (1) не новость Англіи; со времени отмѣны въ 1824 г. закона о сообщничествахъ (anti-combinations law), онѣ повторялись уже не разъ и отличались въ прежнія времена страшнымъ характеромъ. Въ 1842 году, въ министерство сэръ-Роберта Пиля, манчестерскіе работники возстали противъ своихъ хозяевъ, начали ломать машины, поджигать фабрики и навели на цѣлый городъ ужасъ, который не изгладился еще до сихъ поръ изъ памяти его обитателей. Какъ ни печально подобное событіе, но оно находило себѣ нѣкоторое оправданіе въ тѣ времена: хлѣбъ былъ страшно дорогъ, и многія семейства буквально умирали съ голоду. Съ тѣхъ поръ, даже послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, стачки рабочихъ происходили не разъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ разныхъ промышленныхъ городахъ Англіи, и оканчивались почти вездѣ одинаково: работники вдругъ покидали свое дѣло, желая повысить цѣну своего труда; хозяева отвѣчали на

(1) По-русски трудно обозначить однимъ словомъ этотъ образъ дѣйствій рабочихъ. По-англійски называется онъ *strike* (собственно *ударъ*) а по-французски *grève*.

перничествомъ между которыми только бы и опредѣлялась эта плата.» Мнѣніе Макъ-Коллоха нашло себѣ много защитниковъ, особенно въ недавнее время въ Англіи. Журналъ политико-экономическаго содержанія, *Builder*, возникшій съ самаго начала борьбы между хозяевами и рабочими, съ цѣлію слѣдить исключительно за ея ходомъ, усвоилъ себѣ вполнѣ эту теорію, но именно, на основаніи ея, онъ счелъ очень возможнымъ и законнымъ выразить порицаніе притязаній рабочаго класса. И весьма естественно. Всякая стачка—такъ разсуждалъ обыкновенно этотъ журналъ—не болѣе какъ коммерческій кризисъ, способъ устанавливать отъ времени до времени цѣнность труда и способъ, сверхъ того, самый простой и практическій. Заработная плата, съ теченіемъ времени, при успѣхахъ промышленности и торговли должна неминуемо измѣняться, но какъ произвести это измѣненіе? Понятно, что хозяинъ не согласится повысить ее иначе, какъ подъ условіемъ сильнаго понужденія извнѣ; рабочіе же не имѣютъ никакихъ другихъ, вполнѣ дѣйствительныхъ средствъ для понужденія, какъ согласившись между собою вдругъ и сообща покинуть работу. «Стачки—приводимъ собственныя слова журнала—не должны по этому поводу возбуждать ни малѣйшихъ опасеній, если только участвующіе въ нихъ не проникнуты озлобленіемъ и не нарушаютъ общественнаго спокойствія. Освободите ихъ отъ совершенно не нужнаго и не разумнаго раздраженія, которымъ они обыкновенно сопровождаются, — этого *argumentum ad hominem*, присущаго всѣмъ людямъ, не привыкшимъ къ здравому обсужденію предмета, — и стачки будутъ служить естественнымъ барометромъ промышленности, средствомъ для безошибочнаго опредѣленія различныхъ измѣненій въ цѣнности труда. Частое повтореніе ихъ служитъ только признакомъ быстро развивающейся цивилизаціи, и нисколько не обнаруживаетъ ни эгоистической алчности хозяевъ, ни коммунистическихъ стремленій рабочаго сословія.» Мы привели этотъ взглядъ не потому, чтобы считали его вполнѣ вѣрнымъ; намъ кажется, напротивъ, что заработная плата устанавливается всегда безошибочно сама собою, и что никакое упорство хозяевъ не въ силахъ удержать ее отъ возвышенія, если запросъ на трудъ дѣйствительно великъ; съ другой стороны, допустивши законность и необходимость стачекъ, невозможно уберечься отъ того, что часто онѣ будутъ возникать при совершенно незаконныхъ условіяхъ, и грубою силой подчинять капиталъ своимъ

неосновательнымъ притязаніямъ. Воззрѣніе *Builder* замѣчательно для насъ совершенно по другой причинѣ: можно было бы думать, что защищая стачки въ принципѣ, журналъ этотъ станетъ совершенно на сторону лондонскихъ рабочихъ-каменьщиковъ, соединившихся противъ своихъ хозяевъ, но, какъ мы уже сказали, вышло совершенно на оборотъ. *Builder* допускаетъ, правда, стачки, но съ однимъ весьма важнымъ ограниченіемъ: по мнѣнію его, рабочіе могутъ составлять коалицію въ томъ только случаѣ, когда существуютъ основательныя причины думать, что запросъ на какое-нибудь производство дѣйствительно возвысился и, вслѣдствіе того, должна повыситься наемная плата. Но въ такихъ ли условіяхъ находилась лондонская строительная производительность въ текущее время? Самые рабочіе, участвующіе въ стачкѣ, объявили прямо, что число рабочихъ рукъ, предлагающихъ свои услуги, возрасло въ настоящее время до послѣдней степени, что болѣе двухъ тысячъ человѣкъ находились вовсе безъ дѣла, и готовы были приступить къ нему за самую умѣренную плату; мало того, это значительное количество людей, вовсе не занятыхъ трудомъ, и послужило главнымъ и почти единственнымъ поводомъ для болѣе счастливыхъ ихъ товарищей требовать возвышенія заработной платы. Давайте больше денегъ за работу, не потому чтобы некому было исполнять ее, но потому, напротивъ, что множество лицъ предлагаетъ вамъ для ея выполненія свои услуги—вотъ каковъ былъ кликъ рабочихъ-каменьщиковъ въ самомъ началѣ ихъ стачки! Нѣтъ сомнѣнія, что это было самое явное, самое вопіющее нарушеніе тѣхъ правилъ, которымъ учитъ обыкновенный здравый смыслъ, и которыя вдоволь уяснены наукою политической экономіи. Что же было причиной такого страннаго явленія и на чемъ основывались лондонскіе рабочіе, занимающіеся постройкой зданій, въ надеждахъ достигнуть торжества своихъ несправедливыхъ требованій?

Невозможно отвѣчать на этотъ вопросъ безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій. Рабочій классъ въ Англіи пользуется всеобщимъ и искреннимъ уваженіемъ: неусыпнымъ трудомъ своимъ онъ сильно возвысилъ богатство страны; изъ рядовъ его вышли люди, которые, по англійскому выраженію, были «the architects of their own fortunes» — строителями собственнаго состоянія; типъ рабочаго, какъ онъ представленъ въ романѣ Диккенса, *Hard Times*, или въ превосходномъ произведеніи Джорджа Эліота, *Адамъ Бидъ*, нельзя

заподозрѣть ни въ малѣйшей идеализаціи: это живое лицо, которое можно встрѣтить очень часто въ различныхъ промышленныхъ городахъ Англіи. Энергія въ трудѣ, добросовѣстность во всякомъ дѣлѣ, честность отношеній, которою отличается этотъ классъ общества, признаны не въ одной только Англіи, но и въ другихъ странахъ. Появленіе англійскихъ рабочихъ во Франціи, при постройкѣ Руанской желѣзной дороги, произвело сильное впечатлѣніе на тамошнее народонаселеніе. Крестьяне собирались толпами вокругъ нихъ, толкуя между собою: «Voilà, voilà ces Anglais! comme ils travaillent!» Уваженіе, которымъ пользуется рабочій классъ въ Англіи, возникло не въ послѣднее только время: законодательство прежнихъ королей, если мы обратимся даже къ самымъ отдаленнымъ временамъ, было постоянно очень благосклонно къ нимъ. Законодательство это издавна даровало имъ различныя права и вольности, franchises, дозволило имъ образовывать изъ себя корпораціи, которыя покрыли вскорѣ всю Англію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что корпораціи эти и въ той странѣ, о которой говоримъ мы теперь, точно такъ, какъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, гдѣ онѣ когда-либо существовали, отличались своимъ нетерпимымъ, эгоистическимъ характеромъ. Знаменитый Беконъ называлъ ихъ не иначе, какъ «fraternities in evil» (братства для зла). Какъ ни покажется это удивительнымъ, но корпораціи рабочихъ сохранились въ Англіи до сихъ поръ, наравнѣ со многимъ другимъ, что̀ сохранилось отъ стараго порядка: въ странѣ существуетъ множество союзовъ, такъ называемыхъ *trades-unions* и каждый изъ нихъ состоитъ изъ рабочихъ, занимающихся какимъ-либо однимъ ремесломъ. Съ учрежденіями этими повторилось то же самое, что со многими другими учрежденіями Англіи. Формы сохранились прежнія, но содержаніе ихъ совершенно измѣнилось: старинныя корпораціи здѣсь не подверглись ломкѣ до основанія, какъ во Франціи, но измѣняли постепенно свой характеръ, приспособлялись ко времени и окружавшимъ ихъ обстоятельствамъ. Еще и теперь, конечно, не освободились они совершенно отъ многихъ своихъ злоупотребленій, какъ увидимъ это сейчасъ, но злоупотребленія эти исчезаютъ, общественное мнѣніе все болѣе склоняется на сторону этихъ союзовъ, и рабочій классъ имѣетъ въ нихъ вѣрное и достаточное обезпеченіе своихъ интересовъ. *Trades-unions*, товарищества рабочихъ, весьма разнообразны; не будемъ, конечно, перечислять ихъ; довольно сказать, что они обнимаютъ

всѣ ремесла, всѣ занятія. Такъ между прочимъ каменьщики, плотники, кирпичники и многія другія занятія, которыя относятся къ строительной части въ обширномъ значеніи слова, образуютъ съ давнихъ поръ въ различныхъ городахъ Англіи, такъ-называемыя корпораціи рабочихъ-строителей (builder's union). Корпорація эта особенно сильна въ Лондонѣ, гдѣ каждый годъ съ необыкновенною быстротой возникаютъ новыя великолѣпныя зданія.

Товарищества или корпораціи рабочихъ, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, не рѣдко возбуждали въ послѣднее время неудовольствіе публики тѣми злоупотребленіями, которыя неразрывно связаны съ ихъ устройствомъ. Никому, однако, не приходило въ голову занести на нихъ руку, и всѣ признавали пользу, приносимую ими рабочему сословію. Объ этой пользѣ, объ этой благодѣтельной сторонѣ корпорацій, мы будемъ говорить сейчасъ подробнѣе, стараясь придерживаться словъ самихъ работниковъ, которые въ рѣчахъ своихъ воздали ей должную хвалу. Остановимся пока на другихъ ихъ свойствахъ, тѣхъ, именно, которыя возбудили недавно столь замѣтное броженіе въ англійскомъ обществѣ. Лондонская корпорація рабочихъ строителей находится подъ управленіемъ выборнаго комитета; комитетъ этотъ завѣдываетъ всѣми дѣлами товарищескаго союза, распоряжается суммами, которыя накопляются изъ добровольныхъ, ежемѣсячныхъ взносовъ всѣхъ его членовъ, слѣдитъ за отношеніями рабочихъ къ подрядчикамъ или хозяевамъ. Въ Лондонѣ существуетъ съ другой стороны много торговыхъ домовъ, фирмъ, которыя принимаютъ на себя постройки всякаго рода зданій; хозяева или подрядчики этихъ домовъ нанимаютъ въ свою очередь рабочихъ, и вотъ въ этихъ сношеніяхъ между рабочими и хозяевами, при опредѣленіи наемной платы, комитетъ, о которомъ мы упоминали выше, играетъ самую дѣятельную роль. Ничто не происходитъ безъ его контроля: онъ опредѣляетъ величину платы, которую должны получать рабочіе, и бѣда тому изъ нихъ, кто согласится, вопреки даннымъ свыше приказаніямъ, принять за трудъ свой меньшую цѣну. Понятна причина такихъ строгихъ распоряженій: комитетъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ благосостояніе всѣхъ членовъ корпораціи; это исключительная цѣль, къ которой онъ стремится непрерывно, въ видахъ общаго блага, слѣдовательно, было бы крайне вредно, если бы одна часть рабочихъ согласилась трудиться за сравнительно меньшую

цѣну и стала бы тѣмъ подрывать интересы своихъ остальныхъ собратій. Изъ того же самаго побужденія, о которомъ говорили мы сейчасъ, выходитъ много другихъ стѣснительныхъ распоряженій. Комитетъ постоянно имѣетъ въ виду, чтобы всѣ его члены были заняты работой, чего, конечно, невозможно всегда достигнуть при всей доброй волѣ и заботливости. Не имѣя средства добиться этого естественнымъ путемъ, онъ прибѣгаетъ для того къ искусственнымъ уловкамъ, разсуждая между прочимъ такимъ образомъ: если рабочіе будутъ трудиться безустанно день и ночь, если на службѣ хозяевамъ или подрядчикамъ они будутъ забывать всѣ остальные интересы, какого результата можно ожидать отъ такого усиленнаго труда? Очевидно, что десятокъ рукъ будутъ въ состояніи произвести то, для чего потребовалось бы при другихъ условіяхъ вдвое болѣе; очевидно, что хозяева станутъ довольствоваться половиной того числа рабочихъ, которое пришлось бы имъ нанять при болѣе умѣренной тратѣ силъ со стороны ихъ подчиненныхъ. Но какимъ образомъ избѣгнуть указаннаго недостатка? Комитетъ не могъ конечно предписать работникамъ умышленной лѣни или нерадѣнія въ трудѣ, но онъ придумалъ другія средства, которыя должны сдерживать рвеніе ихъ въ благоразумныхъ границахъ. Мало того, что рабочій не имѣетъ права условиться самостоятельно съ хозяиномъ о заработной платѣ, онъ долженъ сообразоваться съ безчисленными, мелочными предписаніями въ самомъ способѣ, манерѣ своего труда,—предписаніями, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться совершенно невѣроятными: такъ, напримѣръ, комитетъ постановилъ, что во время работы каменьщикъ, складывающій кирпичи и замазывающій ихъ глиной, не можетъ ни на минуту выпустить изъ правой руки своей лопатку, ибо схватывая кирпичъ двумя руками, а не одною только лѣвою, онъ могъ бы ускорить этимъ свой трудъ. Съ необыкновенною точностію расчислилъ комитетъ, что дѣйствуя двумя руками, работникъ могъ бы сложить въ день около 1000 кирпичей, тогда какъ при описанномъ нами способѣ это число уменьшается на половину. Этого мало: комитетъ опредѣлилъ даже, сколько именно кирпичей можетъ положить работникъ въ казу въ теченіи одного часа. Не говоримъ о множествѣ другихъ мелочныхъ постановленій, ибо уже и приведенныя нами даютъ достаточное понятіе о томъ ревнивомъ вниманіи, съ которымъ управленіе корпораціи слѣдитъ за

каждымъ шагомъ, каждымъ движеніемъ своихъ членовъ. Понятно теперь, на кого должна смотрѣть корпорація и комитетъ ея какъ на самыхъ ненавистныхъ и опасныхъ своихъ враговъ? По ея понятіямъ, къ рядамъ ихъ принадлежатъ преимущественно такъ-называемые *no society men*, рабочіе, занимающіеся тѣмъ же самымъ ремесломъ, но не желающіе, по какимъ бы то ни было причинамъ, вступить въ составъ корпораціи. Корпорація преслѣдуетъ ихъ на каждомъ шагу и всѣми зависящими отъ нея средствами: рабочіе ея никогда не соглашаются трудиться съ упомянутыми нами независимыми рабочими на одной фирмѣ, у одного подрядчика; никогда не потерпятъ они, чтобы хозяйскій надсмотрщикъ (foreman) былъ выбранъ изъ рядовъ этихъ *no society men*, людей, чуждающихся ихъ товарищества; всякій считаетъ своимъ долгомъ мѣшать имъ мелкими, но тѣмъ не менѣе возмутительными прижимками: у нихъ таскаютъ инструменты, прячутъ платье и т. п. Строгія правила, установленныя комитетомъ для членовъ корпораціи, требуютъ постояннаго, неусыпнаго надзора за ихъ исполненіемъ: для этой цѣли—и въ этомъ лежитъ главный упрекъ, дѣлаемый комитету,—въ вѣдѣніи его находится много тайныхъ лазутчиковъ, такъ-называемыхъ *pickets*, которые слѣдятъ за всѣмъ и доносятъ кому слѣдуетъ о малѣйшемъ отступленіи отъ правила. Проступокъ никогда не остается безъ наказанія: иногда, смотря по винѣ, онъ подвергаетъ работника штрафу, а иногда влечетъ за собою совершенное исключеніе его изъ рядовъ товарищества. Все это еще печальные слѣды прежней регламентаціи, прежней нетерпимости, которые утратили уже много своей силы и сглаживаются теперь съ каждымъ годомъ. Тѣмъ не менѣе, понятно, что корпорація въ родѣ той, къ которой принадлежатъ рабочіе-строители, можетъ существовать только опираясь на могучую организацію, на полное единодушіе своихъ членовъ, ибо съ разныхъ сторонъ она окружена недоброжелательствомъ. Хозяева заведеній ненавидятъ ее потому, что комитетъ постоянно вмѣшивается въ ихъ сношенія съ рабочими и не допускаетъ никакой добровольной сдѣлки; работники, не принадлежащіе къ корпораціи, не могутъ питать къ ней ничего, кромѣ вражды, ибо комитетъ никогда не позволяетъ имъ работать въ одномъ заведеніи съ своими членами.

Все, сказанное нами объ устройствѣ корпораціи рабочихъ строителей, необходимо для лучшаго уразумѣнія событій, составляющихъ предметъ нашей статьи. Мы видѣли, что одна

изъ постоянныхъ заботъ комитета этой корпораціи—доставлять работу всѣмъ безъ исключенія своимъ членамъ. Въ теченіи всего 1858 года ему не удавалось ни разу достигнуть этой цѣли. Дѣла корпораціи находились, именно въ это время, въ слѣдующемъ положеніи: число рабочихъ, принадлежащихъ къ ней въ Лондонѣ, заключало въ себѣ болѣе 10.000 человѣкъ; работа продолжалась десять часовъ въ день, съ платой 5 шиллинговъ, 6 пенсовъ (1 руб. 73 коп. сер.) на человѣка, но не все показанное нами число людей находило себѣ занятіе: болѣе 2.500 человѣкъ изъ нихъ оставались вовсе безъ дѣла и, по установленному правилу, находились на содержаніи комитета, который выдавалъ имъ еженедѣльно извѣстную сумму денегъ изъ запасной казны товарищества. Послѣднее условіе весьма важно, ибо оно показываетъ, что, стараясь всѣми силами пріискать работу для всѣхъ членовъ корпораціи, комитетъ дѣйствовалъ, побуждаемый самою настоятельною необходимостью, для того чтобъ избавиться отъ тяготѣвшаго на немъ бремени. Вопросъ, какимъ образомъ помочь указанному нами бѣдствію, сильно занималъ управленіе общества въ 1858 году; не разъ уже и прежде придумывало оно для того различныя средства, а теперь рѣшилось только привести эти заранѣе придуманныя средства въ исполненіе. Вотъ планъ, который былъ одобренъ единогласно всѣми членами комитета: число часовъ, которое ежедневно были заняты рабочіе на фирмахъ, было десять. Комитетъ находилъ это обременительнымъ и рѣшился уменьшить ихъ однимъ часомъ; онъ думалъ извлечь изъ этого огромную выгоду: рабочіе не могли, конечно, произвести въ девять часовъ того, для чего требовалось прежде десять; очевидно, поэтому, что хозяева принуждены были бы, желая покончить дѣло къ сроку, нанимать большее количество рабочихъ, чѣмъ нанимали они до тѣхъ поръ. Комитетъ такимъ образомъ достигъ бы своей цѣли, онъ нашелъ бы занятіе для значительнаго количества тѣхъ своихъ членовъ, которые оставались долгое время безъ всякаго дѣла. Но этого мало: комитетъ отнюдь не желалъ уменьшать свои обычные доходы, и поэтому положилъ, что, трудясь отнынѣ только девять часовъ въ день, рабочіе его будутъ получать ту же самую плату, которую получали они прежде за десять часовъ. Въ желаніи своемъ ограничить всѣми средствами работу тѣхъ членовъ товарищества, которые были заняты на фирмахъ, съ цѣлью перенести излишекъ ея къ тѣмъ, которые оставались безъ дѣла, комитетъ не ограничился даже и этимъ.

Давно уже существовало обыкновеніе, что рабочіе, покончивъ свои десятичасовыя ежедневныя занятія, оставались работать еще сверхъ положеннаго времени за особенную плату. Эта неурочная работа (overtime), которая, по словамъ управленія общества, «удовлетворяла только чрезмѣрной жадности немногихъ», подверглась строжайшему запрещенію, въ видахъ принужденія хозяевъ къ найму новыхъ рабочихъ рукъ.

Въ теченіи всего 1858 и первой половины 1859 года происходили постоянные переговоры между комитетомъ корпораціи строителей и хозяевами различныхъ фирмъ въ Лондонѣ о принятіи новыхъ, изложенныхъ нами, условій. Хозяева встрѣтили ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, положительнымъ отказомъ. Они разчитали очень скоро, что убавка одного часа въ урочномъ до сихъ поръ времени работы принесетъ имъ неминуемо 338.000 фунт. стер. (2.136.000 р. сер.) убытку въ годъ и ради какой же необходимости? Не только не нуждались они до сихъ поръ въ наймѣ рабочихъ, напротивъ, должны были отказывать тѣмъ, которые предлагали имъ свои услуги. Въ провинціи къ тому же нашлось бы, кажется, много людей, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, которые согласились бы тотчасъ принять работу въ Лондонѣ, ибо заработная плата, получаемая тамъ, несравненно ниже той, которая установлена въ столицѣ. Въ новыхъ условіяхъ, предложенныхъ комитетомъ корпораціи, хозяева весьма справедливо видѣли только вопіющее нарушеніе всѣхъ политико-экономическихъ положеній, самыхъ основныхъ правилъ, которыми опредѣляется заработная плата. Чѣмъ далѣе шли переговоры, тѣмъ все болѣе уяснялось несогласіе между двумя лагерями. Комитетъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ—людей съ непреклонною волею и пылкимъ краснорѣчіемъ—объявлялъ, что не отступитъ ни за что отъ требованій, которыя не разъ уже были обсуждаемы имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ справедливости которыхъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: хозяева единогласно отказывались согласиться на условія, долженствовавшія неминуемо повлечь за собою новыя и еще болѣе тяжкія уступки.

Вотъ какимъ образомъ произошелъ разрывъ, который нѣсколько мѣсяцевъ сряду держалъ въ страшной нищетѣ цѣлыя тысячи рабочихъ, разорилъ до основанія нѣкоторыя заведенія, причинилъ другимъ убытку на милліоны рублей, нашелъ отголосокъ въ преніяхъ парламента и еще до сихъ поръ отзывается

на Лондонѣ своими гибельными послѣдствіями. Стачка рабочихъ, на которую хозяева въ свою очередь отвѣчаютъ обыкновенно точно такою же стачкой,—слишкомъ страшное несчастіе для всякаго промышленнаго города, и весьма понятно, что комитетъ, о которомъ мы говорили до сихъ поръ, сильно колебался, прежде чѣмъ отважился на подобную мѣру. Дѣло зашло, впрочемъ, слишкомъ далеко, и рабочіе считали постыднымъ для себя всякое отступленіе: комитетъ желалъ, по крайней мѣрѣ, начать борьбу и достигнуть предположенной имъ цѣли безъ большихъ, если возможно, пожертвованій со стороны корпораціи. Онъ придумалъ для этого слѣдующую уловку: положено было произвести стачку не во всѣхъ заведеніяхъ, а только въ одномъ изъ самыхъ главныхъ и богатыхъ изъ нихъ— на фирмѣ Троллоповъ и К°, принимавшей въ огромныхъ размѣрахъ заказы для построекъ различныхъ зданій въ Лондонѣ. Рабочіе этой фирмы, числомъ болѣе 500, должны были отказаться вдругъ и сообща отъ всякихъ занятій иначе какъ на новыхъ условіяхъ, объясненныхъ выше. Комитетъ намѣревался поддерживать ихъ самымъ щедрымъ образомъ изъ запасныхъ суммъ общества, что̀ было бы для него отнюдь не обременительно, ибо всѣ члены корпораціи, занятые въ другихъ заведеніяхъ, обязаны были не покидать своихъ работъ. Принудивши такимъ насильственнымъ образомъ одну фирму къ выполненію предложенныхъ ей требованій, комитетъ думалъ избрать за тѣмъ своею жертвой другую и восторжествовать такимъ образомъ порознь надъ всѣми хозяевами-подрядчиками. Заранѣе были приняты, разумѣется, мѣры, чтобы заведеніе Троллоповъ и К° не могло никѣмъ и ни откуда замѣстить своихъ рабочихъ, отказавшихся трудиться: успѣхъ казался вѣрный и не грозилъ большими бѣдами товариществу!...

Планъ этотъ, придуманный очевидно весьма хитро, былъ разрушенъ въ самомъ началѣ хозяевами заведеній. Они тотчасъ поняли, что стачка рабочихъ, происшедшая на фирмѣ Троллоповъ и К°, повлечетъ за собою неминуемо, въ случаѣ успѣха, стачки и на всѣхъ прочихъ фирмахъ. Переговоры, длившіеся до сихъ поръ, уяснили имъ вполнѣ цѣли и намѣренія корпораціи рабочихъ: они знали, что корпорація стремится установить новыя правила для своихъ членовъ во всѣхъ заведеніяхъ Лондона. Если она начала приводить свой планъ въ исполненіе съ фирмы Троллоповъ и К°, то очередь не замедлила бы, во всякомъ случаѣ, дойдти и до другихъ: неужели

нужно было въ бездѣйствіи дожидаться этого времени? Неужели же разъединеніемъ между собою способствовать побѣдѣ противниковъ? Хозяева-подрядчики отважились на рѣшительную мѣру: они положили не дожидаться ударовъ, но идти имъ на встрѣчу, положили дать общій характеръ борьбѣ, которую рабочіе хотѣли вести по частямъ. Въ рукахъ ихъ находилось могущественное орудіе, такъ-называемое *lock out* или *turn out*, что̀ значитъ въ буквальномъ переводѣ на нашъ языкъ: высунуть вонъ. Всѣ хозяева-подрядчики, на всѣхъ безъ исключенія лондонскихъ фирмахъ, согласившись между собою, объявили, что они закрываютъ свои заведенія, отказываютъ своимъ рабочимъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе фирмы Троллоповъ и К° не согласятся приняться за дѣло на прежнихъ условіяхъ. Комитетъ корпораціи, очевидно, не ожидалъ подобной развязки дѣла: онъ разчитывалъ содержать изъ общественныхъ суммъ безъ особеннаго отягощенія для себя рабочихъ только одной фирмы Троллоповъ и К°. Теперь, внезапно, въ одно только утро 6-го августа, вся корпорація, числомъ около 10.000 человѣкъ, осталась на его рукахъ, безъ всякихъ занятій, безъ всякой возможности заработать себѣ пропитаніе! Хозяева держались твердо: въ одинъ день, можно сказать въ одинъ часъ, всѣ заведенія по строительной части въ Лондонѣ затворили свои двери; начатыя работы должны были оставаться безъ окончанія; заключенные контракты не могли быть выполнены. Все съ самаго начала предвѣщало, что борьба будетъ продолжительна, будетъ, если можно такъ выразиться, борьбой на жизнь и смерть. Хозяева рѣшились именно претерпѣть какіе бы то ни было убытки, подвергнуться всевозможнымъ лишеніямъ, для того чтобы покончить на этотъ разъ съ тѣмъ, что̀ они считали наиболѣе вреднымъ для своихъ интересовъ. Давно уже роптали они на корпоративные союзы рабочихъ, на полновластіе ихъ комитета, ему приписывали они всевозможныя бѣды и между прочимъ эти безпрерывныя стачки между рабочими, которые были бы совершенно безполезны, еслибы заработная плата устанавливалась добровольнымъ согласіемъ между хозяиномъ и его наемщикомъ. Пора покончить съ товарищескими союзами рабочихъ! Пора уничтожить во что бы то ни стало это гибельное устройство! Вотъ былъ единодушный кликъ всѣхъ хозяевъ-подрядчиковъ при наступленіи борьбы. Тотчасъ же объявили они публично, что будутъ принимать къ себѣ только тѣхъ рабочихъ, которые при поступленіи въ за-

веденіе согласятся подписать слѣдующаго рода документъ: «Симъ объявляю, что ни теперь, ни во все время занятій моихъ у такого-то хозяина, не состою я членомъ никакого общества, которое прямымъ или косвеннымъ путемъ вмѣшивается въ дѣла этого или другихъ заведеній, вмѣшивается въ условія о работѣ или наемной платѣ, и что я вполнѣ признаю право хозяевъ и рабочихъ устанавливать лично и независимо взаимныя свои обязательства.» *Документъ* (подъ этимъ именемъ приведенное нами объявленіе извѣстно было во все время борьбы) затрогивалъ самые существенные интересы лондонскихъ рабочихъ-строителей: отнынѣ, если они желали, по прежнему, найдти себѣ занятіе въ столицѣ, имъ слѣдовало отказаться отъ стариннаго своего устройства, которое при многихъ злоупотребленіяхъ, составляло ихъ силу и осыпало ихъ благодѣяніями. Дѣло шло уже не о девяти часахъ, а о чемъ-то болѣе важномъ, о совершенномъ переворотѣ въ нѣдрахъ одной части рабочихъ классовъ.

Весь Лондонъ въ высшей степени былъ заинтересованъ ничинавшеюся борьбою: журналы посвящали ежедневно нѣсколько столбцовъ своихъ отчету о дѣйствіяхъ той и другой изъ враждующихъ сторонъ, подъ рубрикой: *the nine hours movement*; стѣны улицъ были покрыты прокламаціями комитета рабочихъ и прокламаціями хозяевъ, которые также учредили для себя главное управленіе, подъ названіемъ: *central association*; въ различныхъ частяхъ города собирались митинги, привлекавшіе тысячи народа. Только въ Англіи борьба, о которой мы говоримъ, могла развиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ; только тамъ различные классы общества, почерпнувшіе въ долгомъ пользованіи свободой искусство не злоупотреблять ею, могли такъ безпрепятственно развивать свои силы и дѣлать ежеминутно воззванія къ общественному мнѣнію. Во всякой другой странѣ, правительство немедленно приняло бы на себя задачу изслѣдовать требованія враждующихъ сторонъ и, подзвивъ силою волненіе, господствовавшее въ ихъ средѣ, остановилось бы на какомъ-нибудь рѣшеніи вопроса, которое оно сдѣлало бы обязательнымъ для той и другой изъ нихъ. Англійское правительство не считало себя въ правѣ являться посредникомъ въ борьбѣ частныхъ интересовъ; оно оставляло интересы эти примириться самимъ собою и слѣдило только въ качествѣ простаго зрителя за враждой ихъ до тѣхъ поръ, пока вражда эта не принимала характера, опаснаго для обще-

ственнаго спокойствія. Когда въ парламентѣ зашла рѣчь о стачкѣ рабочихъ, лордъ Гренвилль замѣтилъ, что обязанность правительства должна ограничиться только охраненіемъ порядка, и что въ вопросахъ, подобныхъ тому, о которомъ идетъ рѣчь, убѣжденіе словесное и печатное можетъ принести несравненно болѣе пользы чѣмъ всякое правительственное вмѣшательство. Министерство не измѣнило своему характеру даже и въ томъ случаѣ, когда одна изъ враждующихъ сторонъ усиливалась навязать ему роль посредника. Депутація отъ хозяевъ явилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, сэръ-Джоржу Корнвалль-Льюизу, и бесѣда, происходившая между ими и знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, такъ характеристична, что мы считаемъ не лишнимъ остановить на ней вниманіе нашихъ читателей.

Президентъ депутаціи, хозяинъ одного изъ обширнѣйшихъ заведеній въ Лондонѣ, г. Тайтъ, подробно объяснилъ министру причины несогласій, возникшихъ между подрядчиками и рабочими, изобразилъ состояніе рабочихъ, условія, на которыхъ нанимались они до сихъ поръ въ заведеніяхъ, послѣднія ихъ требованія и тѣ убытки, которые долженъ потерпѣть классъ хозяевъ, если требованія эти будутъ имъ приняты. Министръ старался вникнуть во всѣ подробности вопроса, разспрашивалъ тщательно обо всемъ, и затѣмъ депутація коснулась цѣли своего посѣщенія.

— Несмотря на сознаніе правоты нашего дѣла, сказалъ президентъ депутаціи,—мы принимаемъ на себя большую отвѣтственность, не допуская такое множество людей къ занятіямъ, и считаемъ себя въ правѣ требовать, чтобы правительство или нижняя палата выразили свое мнѣніе о возникшемъ дѣлѣ. Если общественное мнѣніе станетъ на сторону рабочихъ и признаетъ ихъ требованія справедливыми, хозяева принуждены будутъ сдѣлать уступки; если же, напротивъ, оно объявитъ себя за хозяевъ, то въ дальнѣйшемъ ходѣ борьбы намъ будетъ весьма полезна эта нравственная опора.

— Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь такого рода, замѣтилъ сэръ-Корнвалль-Льюизъ, —что не допускаетъ никакого вмѣшательства со стороны правительства. Я весьма уважаю нижнюю палату, но не думаю, чтобъ и она могла принять посредничество въ спорѣ между хозяевами и работниками. Правительство же положительно на это не согласится. Оно должно

быть, прежде всего, безпристрастнымъ и не выказывать предпочтенія одному классу общества передъ другимъ.

— Признаетъ ли, по крайней мѣрѣ, правительство, замѣтилъ одинъ изъ членовъ депутаціи,—что всѣ члены общества имѣютъ право заключать между собою контракты совершенно свободно, безъ всякаго внѣшняго стѣсненія?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ министръ.

— Довольно для насъ и этого. Но изъ прежнихъ вашихъ словъ замѣтно, что вы какъ будто не желаете обсужденія въ палатѣ занимающаго насъ вопроса?

— Я не говорилъ этого, а думаю только, что палата не можетъ принять посредничества между хозяевами и рабочими. У ней есть много другихъ, только ей принадлежащихъ обязанностей, и она сама не захочетъ измѣнить своему характеру, принимаясь за дѣло, вовсе не подлежащее ея вѣдѣнію.

Такова была роль, которую принимало на себя правительство. Замѣчательнѣе всего въ событіяхъ, разказываемыхъ нами, что обѣ враждовавшія партіи заботились прежде всего о томъ, чтобы склонить на свою сторону общественное мнѣніе. Если депутаціи хозяевъ такъ сильно желалось слышать приговоръ нижней палаты, то только потому, что общественное мнѣніе находитъ въ ней самое громкое и уважаемое свое выраженіе. Мнѣніе это не замедлило, впрочемъ, скоро выразиться весьма ощутительнымъ образомъ: журналы принялись обсуждать возникшую борьбу съ различныхъ точекъ зрѣнія; въ столбцахъ ихъ печатались съ одинаковымъ безпристрастіемъ адресы хозяевъ и рабочихъ, и помѣщались ежедневно подробные отчеты обо всемъ, что̀ происходило въ томъ и другомъ изъ враждующихъ лагерей. *Times* посвятилъ нѣсколько руководящихъ своихъ статей обоюдной стачкѣ рабочихъ и хозяевъ, съ жаромъ принимая въ нихъ сторону послѣднихъ. Радикальный органъ *Daily News* высказался еще рѣзче въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и *Times*. Несомнѣнные признаки показывали, что общественное мнѣніе располагается далеко не въ пользу союза: притязанія его комитета, желавшаго, чтобы рабочіе, которыхъ было слишкомъ много, продолжали получать прежнюю плату, работая однимъ часомъ менѣе, казались слишкомъ явнымъ противорѣчіемъ здравому смыслу и всѣмъ общепринятымъ правиламъ политической экономіи. Рабочіе не остались однако безмолвными передъ этими обвиненіями: они избрали также общественное мнѣніе верховнымъ трибуналомъ для рѣшенія возник-

шаго спора и старались уяснить свой образъ дѣйствій на многихъ митингахъ, представляющихъ крайне любопытное явленіе уже потому, что ничего подобнаго нельзя видѣть въ другихъ странахъ Европы.

Говоря о митингахъ рабочихъ-строителей, лордъ Монтегю сказалъ недавно въ нижней палатѣ: «Языкъ, которымъ выражались всѣ безъ исключенія присутствовавшіе на митингахъ, сдѣлалъ бы честь даже этой палатѣ.» Дѣйствительно, трудно не удивляться умѣренности рѣчи, здравости сужденій, трезвости приговоровъ, которыми отличались ораторы, вышедшіе изъ рядовъ низшаго класса общества, даже въ тѣ минуты, когда они обсуждали вопросы, наиболѣе щекотливые для своихъ интересовъ! Митинги эти представляютъ, конечно, самое убѣдительное доказательство того, что рабочій классъ въ Англіи можетъ быть допущенъ къ пользованію политическими правами безъ всякаго опасенія для общественнаго спокойствія и для тѣхъ началъ, которыми проникнуто конституціонное устройство страны. Около 5.000 человѣкъ собралось въ первый разъ въ Гайдъ-Паркѣ, и правительство, не считавшее нужнымъ дѣлать какія бы то ни было полицейскія распоряженія по этому случаю, не имѣло на другой день ни малѣйшей причины жаловаться на нарушеніе порядка. На митингѣ, о которомъ говоримъ мы, обозначился сразу характеръ предстоящей борьбы со стороны рабочаго сословія, точно также какъ выказались люди, подъ предводительствомъ и подъ внушеніями которыхъ должна была происходить эта борьба. Тутъ публика впервые имѣла случай познакомиться съ человѣкомъ, который въ теченіи цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ былъ оракуломъ всего рабочаго сословія въ Англіи, завѣдывалъ всѣмъ движеніемъ въ качествѣ секретаря комитета, умѣлъ поддерживать единодушіе и бодрость въ многочисленныхъ рядахъ своихъ собратій, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ во всей странѣ и еще недавно повторялось не разъ въ парламентѣ, при обсужденіи билля о реформѣ, предложеннаго лордомъ Джономъ Росселемъ. Это былъ простой столяръ—Джорджъ Поттеръ. Небольшаго роста, блѣдный, худой, съ бѣлокурыми волосами и умнымъ, выразительнымъ лицомъ, онъ уступалъ многимъ изъ присутствовавшихъ на митингахъ въ краснорѣчіи. Вліяніе его упрочилось не въ публичныхъ собраніяхъ: то было вліяніе, пріобрѣтенное мало-по-малу, постояннымъ обращеніемъ съ рабочими въ ежедневномъ, домашнемъ ихъ быту, уваженіемъ, внушеннымъ его жизнію, каж-

дое дѣйствіе которой не страшилось дневнаго свѣта. Джорджъ Поттеръ сдѣлался идоломъ своихъ собратій: довѣренность ихъ къ нему была безгранична и не измѣнялась никогда. Рѣчь его, избѣгавшая восторженныхъ возгласовъ, безъ которыхъ никогда не обошлась бы рѣчь французскаго демагога, но обильная фактами, доводами, выслушивалась всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, и митингъ готовъ былъ безпрекословно слѣдовать по тому пути, по которому велъ его Джорджъ Поттеръ.

Первый митингъ рабочихъ строителей начался, со стороны многихъ ораторовъ, выраженіемъ признательности англійской журналистикѣ, которая съ такою добросовѣстностью слѣдила за всѣмъ ходомъ дѣла. «Обращаясь къ собранію, такъ началъ одинъ столяръ, Джонъ Клемеръ,—я сознаю, что надо быть крайне воздержнымъ въ словахъ, ибо всякое выраженіе, которое можетъ вырваться изъ устъ ораторовъ нынѣшнимъ вечеромъ, подѣйствуетъ сильно, какъ для добра, такъ и для зла на умы нашихъ собратій. Предки наши кровью и гибелью проложили себѣ путь къ свободѣ. Теперь, нѣтъ необходимости въ подобныхъ средствахъ. Сила разума могущественнѣе силы меча, и грѣшно было бы прибѣгать намъ къ кровавому оружію. Будемъ лучше пользоваться проницательнымъ и яснымъ разумомъ, которымъ надѣлилъ насъ Богъ! Демонстрація наша должна отличаться нравственнымъ характеромъ. Сохраненіе спокойствія, уваженіе къ закону и порядокъ—вотъ нашъ девизъ, ибо мы глубоко убѣждены, что насиліемъ не восторжествуетъ никакое дѣло, что охраненіе правъ собственности столь же важно для насъ самихъ, какъ и для тѣхъ, которые обладаютъ этою собственностью. Газета *Times*, въ послѣднемъ изъ нумеровъ своихъ, почтила насъ обширною статьей: я говорю съ намѣреніемъ «почтила»—ибо надо считать честью для движенія и для лицъ, которыя устроили его, когда самый вліятельный изъ всѣхъ журналовъ страны посвящаетъ имъ свое вниманіе. Я искренно уважаю *Times* за талантливую его редакцію и думаю, что нѣкоторыя его статьи должны стоять на ряду съ образцовыми произведеніями всѣхъ вѣковъ.» Одинъ за другимъ, всходя на возвышеніе, старались ораторы оправдать свою стачку противъ хозяевъ: они говорили, что справедливость требуетъ убавить имъ одинъ часъ въ установленномъ срокѣ работы по той причинѣ, что бо́льшая часть изъ нихъ должна отправляться на постройки въ самыя отдаленныя части города, и терять такимъ образомъ много времени въ переходѣ; они доказывали, что занятія ихъ

составляютъ исключеніе въ сравненіи съ занятіями всѣхъ остальныхъ рабочихъ, уже потому, что продолжаются только лѣтомъ, а зимой почти совершенно пріостанавливаются. Они сознавались, что отцы ихъ работали десять часовъ сряду, но потому, что въ тѣ отдаленные годы, въ теченіи десяти часовъ, дѣлалась только половина того, что̀ дѣлается обыкновенно теперь. Начатое дѣло, говорили они, казалось вполнѣ справедливымъ и законнымъ не одному только товариществу рабочихъ-строителей въ Лондонѣ: всѣ прочія trades-unions, на всемъ протяженіи королевства, начали высказывать полное сочувствіе своимъ лондонскимъ собратіямъ и готовились поддерживать ихъ денежными средствами, особенно послѣ того какъ узнали о ненавистномъ документѣ, составленномъ хозяевами. Вопросъ принимаетъ широкіе размѣры, продолжали ораторы. До сихъ поръ никто не оспаривалъ у рабочихъ права составлять союзы, чрезвычайно благодѣтельные для ихъ существованія, поддерживавшіе ихъ во времена тяжкихъ напастей и несчастія. Если мы согласимся подписать ненавистный документъ, предлагаемый хозяевами заведеній, намъ придется самимъ наложить руки на существованіе этихъ союзовъ. «Говорятъ, замѣтилъ тотъ же Кремеръ, съ краснорѣчіемъ котораго мы познакомили нашихъ читателей, что требованія наши въ теперешнемъ случаѣ несправедливы. Журналы много толковали намъ о политической экономіи, но что̀ такое политическая экономія? Это не болѣе, какъ пугало для дѣтей; взрослымъ людямъ стыдно ея страшиться. Все, что̀ сколько-нибудь клонится къ улучшенію положенія работниковъ, женъ ихъ и дѣтей, встрѣчаетъ себѣ тотчасъ же противорѣчіе въ политической экономіи. Но если, такимъ образомъ, политическая экономія всегда противъ насъ, возстанемъ же и мы противъ политической экономіи!...» Но преимущественно рѣчи были посвящены документу. Очевидно было, что онъ наиболѣе волновалъ рабочихъ, что они готовились принести всевозможныя жертвы, лишь бы не допустить противниковъ поколебать основы стариннаго своего устройства. «Журналы описали уже, говорилъ Джоржъ Поттеръ, — какъ жены наши со слезами на глазахъ и дѣти съ истомленными лицами будутъ бродить голодные по улицамъ столицы: но присутствіе ваше на митингѣ доказываетъ, что вы, не содрагаясь, готовы бороться съ ожидающими васъ впереди бѣдствіями. Пусть и жены и дѣти наши участвуютъ въ этой отчаянной борьбѣ; пусть и на этотъ разъ не измѣнитъ имъ обыч-

ное геройство духа. Мы—рабочій классъ Англіи—содѣйствуемъ богатству великой націи и рѣшились отнынѣ предъявить свои права на участіе въ этихъ богатствахъ. Если мы не достигнемъ теперь уменьшенія часовъ занятій, то можемъ ли когда-нибудь разчитывать на воспитаніе, приличное вообще джентльменамъ? Намъ указываютъ впереди на вліяніе машинъ, намъ говорятъ, что съ развитіемъ ихъ уменьшится тягость труда. Но машины до сихъ поръ еще въ дѣтствѣ; они похожи на море, а мы стоимъ только на берегу; они похожи на высокую гору, а мы достигли лишь ея подошвы.» Единодушно положено было не приниматься за работу на фирмѣ Троллоповъ до тѣхъ поръ, пока хозяева не откажутся отъ документа и не согласятся убавить узаконенное для работы время однимъ часомъ. На разставаньи, Джорджъ Поттеръ еще разъ обратился къ товарищамъ своимъ съ совѣтомъ объ умѣренности и спокойствіи. «Соблюдайте порядокъ, уваженіе къ закону, сказалъ онъ,— и докажите хозяевамъ, что умѣете вести себя съ истиннымъ достоинствомъ. Словами безсмертнаго Шекспира убѣждаю васъ:

«This, this above all: to thine ownselves be true,
And it must follow, as the night the day
Thou cans't not then be false to any man» (1).

Очевидно изъ всего, сказаннаго нами до сихъ поръ, что движеніе, начатое рабочими-строителями, приняло тотчасъ же двоякій характеръ. Дѣло шло, вопервыхъ, объ уменьшеніи числа часовъ, положенныхъ для работы; вовторыхъ, о документѣ, который долженъ былъ сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ, желавшихъ получить себѣ занятіе въ заведеніяхъ. Документъ былъ сочиненъ хозяевами, и въ этомъ состояла ихъ главная, огромная ошибка. Еслибъ они ограничились только противодѣйствіемъ нелѣпымъ требованіямъ работниковъ, желавшимъ получать ту же самую плату за меньшее количество труда, успѣхъ былъ бы несомнѣнно на ихъ сторонѣ: общественное мнѣніе поддерживало бы ихъ до конца, и огромныя средства, которыми они располагали, легко помогли бы имъ подавить своихъ противниковъ. «Если политическая экономія противъ насъ, возстанемъ и мы противъ политической экономіи,» аргументы

(1) Вотъ, вотъ что прежде всего: будь вѣренъ самому себѣ, и тогда, такъ же несомнѣнно, какъ ночь слѣдуетъ за днемъ—ты будешь правъ передъ всякимъ человѣкомъ.

такого рода не могли расположить здравомыслящее общество въ пользу людей, начавшихъ стачку. Но, намѣреваясь сдѣлать побѣду свою полною, намѣреваясь разрушить до основанія то устройство, въ которомъ рабочіе черпали всѣ свои силы, хозяева-подрядчики испортили во многомъ свое дѣло. Вопросъ шелъ о возможности дальнѣйшаго существованія одной изъ trades-unions, и всѣ остальныя trades-unions не въ Лондонѣ только, но на всемъ протяженіи Англіи объявили, что они заинтересованы въ вопросѣ этомъ не менѣе рабочихъ-строителей. Дѣло вдругъ стало общимъ для всѣхъ рабочихъ классовъ страны,—вотъ въ чемъ заключается существенное отличіе занимающей насъ теперь стачки отъ всѣхъ остальныхъ стачекъ, когда-либо возникавшихъ въ промышленныхъ городахъ Англіи. Никогда еще борьба не принимала такихъ громадныхъ размѣровъ, никогда еще исходъ ея не представлялся столь сомнительнымъ. Митинги рабочихъ, занимавшихся самыми различными ремеслами, принадлежавшихъ къ союзамъ, не имѣвшимъ никакихъ сношеній съ рабочими-строителями, происходили безпрерывно въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Бермингамѣ, Шеффильдѣ и другихъ городахъ. Смыслъ рѣчей, произнесенныхъ повсюду, былъ одинъ и тотъ же: «Намъ нѣтъ дѣла до движенія въ пользу девяти часовъ, говорили ораторы; пусть тѣ, которые начали это движеніе, постараются привести его къ успѣшному окончанію. Но мы должны соединиться всѣми силами для противодѣйствія документу, ибо если одинъ союзъ будетъ уничтоженъ, кто поручится, что такая же участь не ожидаетъ всѣ остальные союзы рабочихъ классовъ? Наши отцы отстаивали эти союзы, которые оказываютъ намъ вспомоществованіе при жизни и заботятся о нашихъ похоронахъ. Неужели мы уступимъ имъ въ энергіи, покажемъ, что у насъ менѣе здраваго смысла и любви къ свободѣ? Будемъ же поступать, какъ прилично людямъ, «сознающимъ свои права, и, сознавая, дерзающимъ поддерживать ихъ».

«Men, who know our rights, and, knowing, dare maintain».

Хозяева должны были вскорѣ почувствовать, что, благодаря придуманному ими несчастному документу и тому негодованію, которое возбуждалъ онъ безъ различія во всѣхъ рабочихъ классахъ страны, положеніе ихъ сдѣлается крайне невыгоднымъ. Задача работниковъ состояла въ томъ, чтобы хозяева не могли никѣмъ замѣстить ихъ въ своихъ заведеніяхъ. Достигнуть

этого въ Лондонѣ было весьма не трудно. Безпрерывные митинги ежедневно разжигали тамъ страсти противъ документа: по улицамъ приклеивались на заборахъ и на стѣнахъ домовъ огромные листы бумаги, въ полтора аршина длины, въ заглавіи которыхъ стояло огромными буквами: *Ненавистный документъ* (The odious document); потомъ было перепечатано его содержаніе, въ заключеніи котораго стояли слова: «Товарищи, вотъ копія съ вашего диплома на рабство.» Афиша заключалась такого рода воззваніемъ къ публикѣ: «Прохожіе приглашаются зажигать этимъ документомъ трубки.» Хозяева надѣялись сначала, что въ провинціяхъ, гдѣ поденная плата вообще ниже, чѣмъ въ столицѣ, будетъ имъ легко найдти много людей, которыми съ успѣхомъ замѣстятъ они лондонскихъ рабочихъ въ своихъ заведеніяхъ. Надежда эта ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ движеніе распространялось во всей странѣ. Союзъ рабочихъ-строителей отправилъ вскорѣ отъ себя по всѣмъ городамъ нѣсколькихъ делегатовъ, которые должны были съ одной стороны убѣждать рабочихъ, занимавшихся тѣмъ же самымъ ремесломъ, не являться въ Лондонъ, а съ другой, побуждать всѣ trades-unions къ денежнымъ пожертвованіямъ въ пользу своихъ лондонскихъ собратій. «Неужели рѣшитесь вы играть роль Каина и Исава? говорилось въ прокламаціи, которою были снабжены упомянутые делегаты. У всѣхъ насъ общее дѣло: развѣ вы не видите, что, не отказывая въ трудѣ своемъ хозяевамъ, для того чтобы подавить насъ, вы еще болѣе укрѣпите цѣпи, которыми они васъ опутали.» Делегаты поступали обыкновенно такимъ образомъ: пріѣзжая въ какой-либо городъ, они тотчасъ же созывали на общій митингъ всѣ его союзы (trade's-unions), излагали причины происшедшей въ Лондонѣ стачки и дѣлали воззваніе къ митингу о содѣйствіи. Ни разу воззваніе это не оставалось неуслышаннымъ: всѣ trade's-unions опредѣляли немедленно, какую сумму могутъ они жертвовать ежемѣсячно въ пользу лондонскихъ рабочихъ-строителей, и постановляли, что никто изъ лицъ, принадлежавшихъ къ союзамъ, не долженъ ѣхать въ столицу, искать себѣ тамъ занятій по строительной части. Но этого было мало. Мы говорили уже, что въ Англіи есть достаточное количество рабочихъ, которые, по различнымъ причинамъ, не принадлежатъ вовсе къ союзамъ и остаются отъ нихъ совершенно независимыми. Этотъ разрядъ людей не видѣлъ, по большей части, необходимости содѣйствовать успѣху дѣла, въ которомъ онъ не былъ ничѣмъ заинтересованъ: мно-

гіе изъ нихъ охотно согласились подписать документъ, не требовавшій отъ нихъ никакихъ особенныхъ пожертвованій, и принимались за работу у хозяевъ заведеній. Нужно было помѣшать этому всевозможными средствами: комитетъ союза рабочихъ-строителей пустилъ въ дѣло своихъ тайныхъ надсмотрщиковъ, *pickets*, и вскорѣ достигъ своей цѣли. Краснорѣчіе этихъ *pickets*, по словамъ англійскихъ журналовъ, было необыкновенно: вечеромъ по выходѣ рабочихъ изъ заведеній, они подступали къ нимъ, убѣждали ихъ не вредить общему дѣлу, грозили, что навсегда подвергнутся они мщенію союза, который не пожалѣетъ никакихъ средствъ, дабы повредить имъ; если нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ пріѣхали изъ провинціи, тотчасъ же предлагали имъ деньги для того, чтобы на счетъ союза отправиться назадъ. Рѣдкій изъ слушателей не уступалъ этимъ убѣжденіямъ. Для этого была весьма сильная побудительная причина: они знали, по опыту, что угроза мести со стороны союза вовсе не шутка, что человѣкъ, имя котораго зачернено, то-есть отмѣчено чернымъ крестомъ (blacked), не спасется никуда отъ преслѣдованій своихъ сильныхъ товарищей. Съ другой стороны, союзъ не требовалъ отъ независимыхъ рабочихъ, о которыхъ говоримъ мы, пожертвованій совершенно безвозмездныхъ; онъ зналъ, что люди эти, переставши трудиться, были бы обречены на голодную смерть, ибо не могли разчитывать на запасныя суммы, и согласился содержать и ихъ на свой счетъ во все время стачки. Мы увидимъ сейчасъ, что обѣщаніе это не было пустымъ словомъ, несмотря на тягость его для союза. Напрасно хозяева возставали противъ системы преслѣдованій, которая была установлена комитетомъ рабочихъ. Никто не отнимаетъ у рабочихъ права, говорили они, составлять товарищества, союзы, для достиженія какой-либо общей цѣли. Законъ допускаетъ этотъ образъ дѣйствій, но допускаетъ его подъ тѣмъ только условіемъ, если союзъ будетъ основанъ на добровольномъ согласіи всѣхъ членовъ, если онъ не будетъ стѣснять свободы и независимости постороннихъ лицъ. Очевидно, что условіе это не выполняется. Безпрерывно обращаясь съ страшными угрозами ко всѣмъ, кто не хотѣлъ добровольно вступить въ его ряды, союзъ присвоилъ себѣ деспотическую диктатуру, которая совершенно не въ нравахъ и не въ привычкахъ англійскаго общества. Когда вопросъ объ этомъ возникъ въ верхней палатѣ парламента, всѣ ораторы стали на сторону приведеннаго нами сейчасъ

мнѣнія. Сильные этою опорой, хозяева рѣшились обратиться къ закону для воспрепятствованія дѣйствіямъ комитета: первый же *picket*, который былъ уличенъ въ томъ, что пугалъ независимыхъ рабочихъ—no society men—чернымъ крестомъ, былъ призванъ на судъ, по обвиненію въ угрозахъ личной безопасности гражданъ. Эмиссаръ комитета не отрекался отъ своихъ словъ, но защищался тѣмъ, что слова эти были высказаны вовсе не въ видахъ угрозы, а скорѣе изъ состраданія къ несчастнымъ рабочимъ. Развѣ предувѣдомить человѣка о томъ, что̀ ожидаетъ его впереди, говорилъ онъ, значитъ посягать на его свободу? Въ иныхъ случаяхъ, когда предостереженіе сдѣлано изъ человѣколюбивой цѣли, оно ведетъ къ его спасенію. Судъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: слова, въ которыхъ обвиняли рабочаго, дѣйствительно были произнесены имъ, но какая побудительная причина вызвала эти слова?... Судъ освободилъ обвиняемаго отъ преслѣдованій.

Сказанное нами до сихъ поръ достаточно объясняетъ, почему рабочіе, участвовавшіе въ стачкѣ, не терпѣли въ такой степени, какъ можно было ожидать, отъ голода, нищеты и всѣхъ тѣхъ лишеній, которыя неизмѣнно слѣдуютъ за нею. Въ началѣ думали, что въ Лондонѣ повторятся тѣ же страшныя сцены, которыя происходили въ Престонѣ, въ 1853 году, когда бумагопрядильныя фабрики были покинуты рабочими. Никакое перо не можетъ изобразить ужасовъ, господствовавшихъ въ этомъ городѣ: тамъ возникла цѣлая литература, литература страданій и мрачнаго отчаянія, описывавшая въ пѣсняхъ нищету семействъ, которыя отъ голоду и холоду умирали на чердакахъ и въ подвалахъ; митинги открывались пѣніемъ этихъ мрачныхъ гимновъ, и при ихъ звукахъ какое-то изступленіе овладѣвало присутствовавшими. Союзы рабочихъ поддерживали, по мѣрѣ возможности, во всемъ королевствѣ престонскихъ ткачей, но помощь эта оказалась недостаточною; стачка рушилась, впрочемъ едва не разоривши совершенно бумагопрядильныхъ фабрикантовъ—хлопчатобумажныхъ лордовъ, *cotton-lords*, какъ ихъ называли обыкновенно. Другое дѣло теперь. Лондонскіе рабочіе-строители могли разчитывать на самое дѣятельное вспомоществованіе со стороны союзовъ различныхъ англійскихъ городовъ: если союзы помогали престонскимъ ткачамъ изъ состраданія, то лондонскимъ собратіямъ оказывали они эту помощь по необходимости, заинтересован-

ные не менѣе ихъ самихъ въ начатомъ ими дѣлѣ. Мы достаточно уже повторяли, что вопросъ шелъ о томъ, успѣетъ ли коалиція хозяевъ разрушить вѣковыя и прочныя учрежденія, господствовавшія въ средѣ рабочаго класса. Не удивительно, что вопросъ этотъ отозвался такъ сильно въ Англіи: онъ нашелъ отголосокъ себѣ даже въ Америкѣ, откуда рабочіе не разъ присылали своимъ собратіямъ, по сю сторону океана, значительныя денежныя суммы, собранныя ими добровольными пожертвованіями. Конечно, нищета дала почувствовать себя рабочимъ, участвовавшимъ въ стачкѣ, но все-таки эта нищета была не такого рода, чтобы при достаточномъ запасѣ энергіи и мужества, отличающихъ англійскую націю, не преодолѣть ея ради успѣха дѣла, казавшагося правымъ.

Посмотримъ же, какими средствами располагалъ союзъ лондонскихъ рабочихъ-строителей для матеріяльнаго вспомоществованія своимъ членамъ, и какъ велики были тѣ пособія, которыя доставлялись ему союзами другихъ англійскихъ городовъ. Факты, которые приведемъ мы, послужатъ, быть-можетъ, самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ той крѣпости и силы, которыми отличается англійское рабочее сословіе. Всѣ рабочіе строители, участвовавшіе волей или неволей въ движеніи противъ хозяевъ, раздѣлялись на три разряда: 1) тѣ, которые пожертвовали собою для того, чтобы начать стачку — люди, работавшіе на фирмѣ Тролоповъ и К°; 2) тѣ, которые не добровольно покинули свои занятія, но были принуждены къ тому хозяевами, такъ-называемые *locked out*, и наконецъ 3) *no society men*, работники, не принадлежавшіе ни къ какому союзу или обществу. Всѣхъ безъ различія считалось въ Лондонѣ отъ 16 до 18.000 человѣкъ. Понятно, что первый изъ упомянутыхъ нами разрядовъ, добровольно осудившій себя на ту участь, которая постигла другихъ только по принужденію; долженствовалъ получать отъ комитета, во дни общихъ несчастій, наибольшее содержаніе; остальные рабочіе были совершенно уравнены въ своихъ правахъ, и имъ приходилось довольствоваться платою, несравненно меньшею той, которую получали люди съ Троллоповской фирмы. Какъ бы то ни было, комитетъ долженъ былъ расцолагать значительными суммами, для того чтобы насытить около 20.000 человѣкъ, еженедѣльно стучавшихся въ его двери. Нечего и говорить, что запасный капиталъ союза рабочихъ-строителей былъ обреченъ весь на израсходованіе, но капиталъ этотъ, по истеченіи извѣстнаго времени,

оказался бы неминуемо недостаточнымъ. Тогда-то комитетъ обратился съ воззваніемъ о помощи ко всѣмъ лондонскимъ союзамъ и къ союзамъ другихъ городовъ. Въ Лондонѣ, различныя *trade's-unions* положили взимать въ пользу стачки съ ежедневнаго заработка каждаго изъ своихъ людей по 10%; кромѣ того, жертвовали они значительныя суммы изъ запасныхъ своихъ капиталовъ. Всѣ союзы соперничали одинъ передъ другимъ въ великодушіи; одинъ только союзъ шляпошниковъ пожертвовалъ менѣе всѣхъ прочихъ, потому что энергически поддерживалъ въ это самое время стачку собратій своихъ по ремеслу въ Америкѣ. Благодаря этой дѣятельной помощи, комитетъ могъ разчитать заранѣе, какія суммы можетъ онъ тратить на содержаніе рабочихъ. Суммы эти мѣнялись еженедѣльно отъ 1.000 до 1.200 фунт. стерл. (отъ 6 до 7.500 руб. сер): троллоповскіе работники, числомъ отъ 180 до 500 (остальные нашли себѣ работу въ другихъ городахъ Англіи), получали изъ этихъ денегъ по 1 ф. ст. (6 р. 30 к.) и никогда менѣе 12 шиллинговъ (3 р. 75 к. с.) на человѣка. Плата остальнымъ мѣнялась отъ различныхъ обстоятельствъ, но никогда не понижалась болѣе $1\frac{1}{2}$ шиллинговъ (45 к. с.) каждому изъ нихъ. Съ теченіемъ времени, вмѣсто того чтобъ уменьшаться, какъ обыкновенно бывало во всѣхъ почти стачкахъ, суммы, приведенныя сейчасъ, постоянно увеличивались вслѣдствіе повсемѣстнаго между рабочими ожесточенія противъ документа. Комитетъ заботился всѣми силами о томъ, чтобы распоряженія его не возбуждали ни малѣйшаго неудовольствія: всѣ его члены отказались, по предложенію Поттера, отъ всякаго вознагражденія за свои труды, хотя по большей части, то были люди бѣдные и обремененные семействомъ. Рабочіе, съ своей стороны, умѣли понимать и самопожертвованіе и заботы о нихъ комитета: не всегда, конечно, и не всѣ довольны были получаемымъ ими содержаніемъ, но тѣмъ не менѣе ни одно горькое слово не вырывалось изъ ихъ устъ и при раздачѣ денежныхъ пособій господствовалъ постоянно самый строгій порядокъ. Работники съ Троллоповской фирмы обнаружили даже рѣдкую черту безкорыстія и преданности общему дѣлу: нѣкоторые изъ нихъ отказывались отъ воспомоществованія комитета, ибо имѣли деньги въ сберегательныхъ кассахъ (savings-banks), которыми могли до поры, до времени содержать себя и свои семейства.

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ начала стачки, об-

щественное мнѣніе, сперва сильно расположенное въ пользу хозяевъ, стало замѣтно переходить на сторону работниковъ. Дѣйствительно, первоначальный поводъ къ борьбѣ — уменьшеніе числа часовъ — былъ совершенно заслоненъ отъ вниманія публики вопросомъ о такъ-называемомъ документѣ. Изъ притѣснителей члены союза дѣлались въ свою очередь притѣсненными; въ то время какъ прежде настаивали они на требованіяхъ, совершенно безразсудныхъ, и нисколько не оправдываемыхъ обстоятельствами, теперь защищали они то, въ чемъ законъ и врожденное каждому чувство справедливости были совершенно на ихъ сторонѣ. Съ необыкновенною ловкостію пользовались они этимъ положеніемъ: на митингахъ рѣчи никогда не касались движенія въ пользу девяти часовъ, а занимались исключительно тѣми ужасами, которые ожидаютъ рабочихъ, если, подписавши документъ, они допустятъ разрушеніе своихъ старинныхъ союзовъ. Ораторы одинъ передъ другимъ старались расположить въ пользу этихъ союзовъ общественное мнѣніе, рисуя тѣ благодѣянія, которыя расточали они на рабочій классъ. «Отвергая документъ, говорилъ Джорджъ Поттеръ на одномъ митингѣ, вы исполняете долгъ всякаго честнаго человѣка; принявши его, вы приготовите себѣ участь, которая хуже участи русскихъ крестьянъ.» Рабочіе не упускали случая воспользоваться промахами со стороны хозяевъ, а промаховъ этихъ было много, и именно такого рода, что они должны были въ Англіи возбудить противъ себя сильное негодованіе. Такъ, напримѣръ, мы говорили, что хозяева образовали для себя въ началѣ стачки особое управленіе, занимавшееся ихъ общими дѣлами. Управленіе это производило свои засѣданія при затворенныхъ дверяхъ, и рѣшенія его оставались всегда тайной для публики: комитетъ рабочихъ, напротивъ, обсуждалъ всѣ вопросы при огромномъ стеченіи любопытныхъ, и каждое рѣшеніе его объявлялось на митингахъ или чрезъ посредство газетъ. Обстоятельство это подавало гибельный поводъ для нападокъ на хозяевъ: работники называли дѣйствія ихъ *unenglish*, не въ англійскомъ характерѣ, и заключали каждый свой митингъ троекратнымъ залпомъ рукоплесканій «за журналистику». Еще одно обстоятельство сильно возстановляло общественное мнѣніе противъ хозяевъ: съ теченіемъ времени стачка не могла не отозваться на значительной части посторонней публики, которая видѣла зданія свои неоконченными и была затрудняема

даже при самыхъ ничтожныхъ постройкахъ. Повсюду слышалось желаніе покончить стачку какою-нибудь сдѣлкой, какими-либо обоюдными уступками: рабочіе выказали тотчасъ же согласіе свое дѣйствовать этимъ путемъ, но хозяева отказались на отрѣзъ отъ всякаго перемирія, результатомъ котораго не было бы принятіе ихъ документа безъ малѣйшихъ измѣненій. Многіе архитекторы, пользовавшіеся самою почетною репутаціей въ Лондонѣ, многія общества, не имѣвшія никакой связи съ союзами рабочихъ, предлагали услуги свои для возстановленія согласія въ строительной отрасли промышленности, но были съ высокомѣріемъ отвергаемы хозяевами. Подобный образъ дѣйствій доказывалъ ясно, что, возставая противъ стачекъ въ принципѣ, хозяева слѣдовали имъ однако въ практикѣ: нетерпимость, насиліе, принесеніе справедливости въ жертву духу партіи—всѣ качества, словомъ, которыми отличались коалиціи рабочихъ, проявлялись теперь съ неменьшею силой и въ противномъ имъ лагерѣ. Общественное мнѣніе, сильно высказывавшееся сначала противъ рабочихъ, умѣло высказаться не менѣе сильно и противъ хозяевъ. Многіе члены нижней палаты, гг. Эдвинъ Джемсъ, Донкомбъ, Эртонъ и другіе обратились къ секретарю комитета, г. Джорджу Поттеру, съ письмами, въ которыхъ принимали открыто сторону союза. Всѣ они предрекали самымъ положительнымъ образомъ, что намѣреніе хозяевъ уничтожить союзъ рабочихъ-строителей окажется безуспѣшнымъ. «Думаю, что всякій работникъ, говорилъ между прочимъ г. Донкомбъ, признаетъ за другимъ право вступать добровольно въ какія бы то ни было обязательства; но пользованіе этимъ правомъ должно быть контролировано чувствомъ нравственнаго долга въ отношеніи къ обществу, къ которому принадлежитъ работникъ. Нѣкоторыя лица разсматриваютъ вопросъ о наймѣ рабочаго единственно съ точки зрѣнія денегъ, подобно найму лошади или какой-нибудь вещи; если вредныя тенденціи подобной идеи не встрѣтятъ себѣ сопротивленія въ духѣ товарищества и коалицій, положеніе рабочихъ классовъ снизойдетъ вскорѣ на самую низкую ступень.»

Англійская журналистика, зорко слѣдящая за измѣненіями общественнаго мнѣнія, не замедлила также возвысить свой могущественный голосъ въ пользу союзовъ. Самый вліятельный изъ журналовъ страны, *Times*, все время ревностно поддерживавшій хозяевъ, началъ упрекать ихъ въ упорствѣ и неосторожномъ образѣ дѣйствій. На столбцахъ его все чаще и

чаще появлялись статьи въ пользу ихъ противниковъ. «Намъ очень хорошо извѣстно, говорилъ онъ между прочимъ, что союзы, во многомъ стѣсняющіе энергію и способности рабочихъ, имѣютъ въ виду, по большей части, несравненно лучшія цѣли нежели тѣ, которыя преслѣдуютъ они теперь. Они могутъ назваться благотворительными обществами въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Множество отличныхъ работниковъ пристали къ нимъ, платятъ имъ деньги, находятъ у нихъ себѣ вспомоществованіе во время болѣзни или подъ старость и не могутъ покинуть ихъ безъ большихъ пожертвованій. За исключеніемъ тѣхъ безумныхъ вспышекъ, когда они тратятъ на стачки капиталы, собранные мало-по-малу, въ теченіи долгихъ лѣтъ, союзы рабочихъ достойны всякой похвалы. Во всемъ королевствѣ расходуютъ они ежегодно 5 милліоновъ ф. ст. (30 милл. руб. сер.), которые иначе пришлось выплатить изъ налога въ пользу бѣдныхъ, и сильно поддерживаютъ въ англійскихъ рабочихъ чувство независимости и собственнаго достоинства. Вотъ тайна могущественнаго вліянія ихъ надъ всѣми, принадлежащими къ нимъ лицами, вотъ причина, по которой лучшія и самые благоразумныя изъ этихъ лицъ преклоняются молча передъ ненавистными для нихъ приказаніями комитета. Тираннія капитала—мы далеко не отрицаемъ этого—бываетъ подъ часъ такъ велика, что нерѣдко оправдываетъ и дѣлаетъ даже необходимыми стачки. Одинъ изъ ораторовъ Гайдъ-Парка сказалъ: «Если политическая экономія противъ насъ, возстанемъ и мы противъ политической экономіи!» Бываютъ крайности, при которыхъ безсмыслица эта получаетъ смыслъ, но только не въ теперешнемъ случаѣ, ибо лондонская стачка произошла не отъ притѣсненія отъ рабочихъ.»

Расположеніе общественнаго мнѣнія, о которомъ говорили мы сейчасъ, заставляло бы предполагать, что борьба, сосредоточившаяся вокругъ «документа», и въ которой вопросъ о девяти часахъ былъ отодвинутъ совершенно на задній планъ, окончится пораженіемъ хозяевъ. Такое заключеніе было бы крайне опрометчиво. Существовало много обстоятельствъ, которыя въ рѣшительную минуту удерживали отъ уступокъ и ту, и другую изъ боровшихся сторонъ, несмотря даже на желаніе сдѣлать уступки. Хозяева, конечно, возбудили противъ себя много справедливаго негодованія, защищая съ упорствомъ деспотическія распоряженія своего «документа»; но дѣла зашли такъ далеко, что они не могли отъ него отказаться. Мы

разказывали уже объ усиліяхъ комитета, чтобы хозяева не могли найдти себѣ рабочихъ ни въ Лондонѣ, ни въ другихъ городахъ; усилія эти увѣнчались успѣхомъ, но не безъ большихъ однако исключеній: нѣкоторыя фирмы оказались въ состояніи снова приступить къ своимъ занятіямъ; рабочихъ у нихъ было не столько, конечно, какъ въ прежнія времена, но все-таки ихъ было довольно, и сама собою возникала мысль объ участи, которая ожидала этихъ несчастныхъ, еслибы все возвратилось къ прежнему порядку вещей. Ничто не могло спасти ихъ отъ преслѣдованій союза. Они понадѣялись на то, что хозяева будутъ отстаивать документъ до послѣдней возможности, и дѣйствительно нужно было отстаивать его для того по крайней мѣрѣ, чтобы поддержать къ себѣ довѣріе на послѣдующее время. Съ другой стороны, хозяева хотѣли хоть чѣмъ-нибудь оградить себя отъ дальнѣйшаго вмѣшательства комитета въ дѣла ихъ съ рабочими. Послѣ столькихъ пожертвованій имъ казалось особенно тяжелымъ очутиться въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ союзу рабочихъ-строителей, въ какихъ находились они до начала стачки.

Между тѣмъ чувствовалась настоятельная необходимость прекратить какимъ бы то ни было образомъ борьбу. Силы противниковъ видимо истощались: хозяева понесли уже убытку на нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ стерл., рабочіе получали по прежнему вспомоществованіе отъ множества союзовъ, но вспомоществованія эти были въ большую тягость тѣмъ, которые доставляли ихъ, и подорвали бы наконецъ всѣ запасные капиталы рабочаго класса. Уже нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба, а противники не могли придти ни къ какому между собою соглашенію. Положеніе дѣлъ становилось столь затруднительнымъ, что нѣкоторыя, значительныя по своему вліянію и заслугамъ лица рѣшились всѣми силами содѣйствовать его прекращенію. Великое счастіе для Англіи, что она обладаетъ многими подобными лицами, совершенно независимыми по своему положенію, безпристрастными ко всѣмъ классамъ общества, голосъ которыхъ повсюду выслушивается съ уваженіемъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ знаменитый юристъ, бывшій канцлеръ королевства, лордъ Сентъ-Леонардсъ. Неусыпнымъ трудомъ достигшій великихъ почестей въ странѣ, онъ пользуется большою популярностью въ рабочахъ классахъ; промышленный классъ Англіи могъ также безъ опасеній довѣриться его совѣтамъ, ибо можно было сказать напередъ, что совѣты

эти будутъ проникнуты духомъ строгой справедливости и законности. Лордъ Сентъ-Леонардсъ рѣшился принять на себя роль посредника. Онъ обратился къ враждовавшимъ партіямъ съ воззваніемъ, носившимъ оригинальное заглавіе: *Strike but hear* (1), въ которомъ съ необыкновенною тщательностію и безпристрастіемъ разобралъ причины для неудовольствій какъ со стороны работниковъ, такъ и со стороны хозяевъ. Обращаясь къ первымъ изъ нихъ, онъ не задумался признать великую важность союзовъ (trade-unions) и благодѣтельнаго вліянія ихъ на рабочіе классы, но вмѣстѣ съ тѣмъ произнесъ строгій приговоръ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя господствуютъ въ ихъ средѣ. Безпрерывнымъ вмѣшательствомъ своимъ въ дѣла хозяевъ и ихъ рабочихъ, комитетъ союза строителей не только, по мнѣнію его, причинялъ огромный вредъ промышленности, но—что еще хуже—водворялъ несноснѣйшую тиранніо между самими рабочими. Могло ли быть что-либо стѣснительнѣе тѣхъ распоряженій, вслѣдствіе которыхъ люди, обладавшіе особенною ловкостью, силой и искусствомъ, принуждены по неволѣ, вслѣдствіе полученнаго предписанія, становиться на одну ногу съ людьми, не могущими выдержать съ ними никакого сравненія, принуждены довольствоваться одинаковою съ ними платой и смирять свою энергію въ трудѣ. Такой безпощадный уровень въ средѣ рабочихъ скорѣе можетъ превратить ихъ въ машины чѣмъ всякій гнетъ капитала. Лордъ Сентъ-Леонардсъ допускаетъ возможность и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, печальную необходимость стачекъ, но стачки, по словамъ его, должны быть свободнымъ дѣйствіемъ участвующихъ въ нихъ лицъ—условіе, которое, конечно, не существуетъ, когда множество работниковъ, вслѣдствіе распоряженій своего верховнаго комитета, по причинамъ, иногда не вполнѣ имъ извѣстнымъ, должны вдругъ покинуть свои занятія и влачиться съ семействами своими въ нищетѣ. Устройство союзовъ носитъ, такимъ образомъ, много зародышей тиранніи для собственныхъ своихъ членовъ; еще разительнѣе тиранніа, которою отличается оно во всемъ, касающемся сношеній между хозяевами и рабочими. Лордъ Сентъ-

(1) Игра словъ. Strike по англійски значитъ бить, ударять, а съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ для обозначенія стачки рабочихъ. *Бей, но выслушай* (знаменитое изреченіе Ѳемистокла значитъ также: *Дѣлайте стачки, но выслушайте. Ред.*

Леонардсъ находитъ жалобы хозяевъ вполнѣ справедливыми, но какими средствами отстранить ихъ? Слѣдуетъ ли настаивать для этой цѣли на принятіи рабочими «документа»? Подобный способъ дѣйствій, отличающійся насиліемъ и деспотизмомъ, не привелъ бы ни къ какому результату: онъ бы только раздражилъ страсти и сдѣлалъ бы еще болѣе враждебными оба лагеря. Главнѣйшій же недостатокъ его состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ дурнымъ онъ уничтожилъ бы много хорошаго, чѣмъ рабочіе классы обязаны своимъ союзамъ.

Среди столь затруднительныхъ обстоятельствъ, лордъ Сентъ-Леонардсъ предложилъ средство примиренія, которое должно было одинаково удовлетворить всѣ стороны, не стóя ни одной изъ нихъ большихъ пожертвованій. Хозяевамъ нечего настаивать на документѣ, говорилъ онъ; рабочимъ нечего прибѣгать къ разорительнымъ стачкамъ для того, чтобы защитить старинное устройство свое отъ нападеній капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что законъ допускаетъ существованіе союзовъ точно такъ же какъ и стачекъ, но подъ условіемъ, что они не будутъ ни малѣйшимъ образомъ стѣснять чью бы то ни было свободу, не будутъ дѣйствовать принужденіемъ и насиліемъ. Поэтому довольно выписать всѣ распоряженія закона по упомянутому предмету, выставить ихъ въ каждомъ заведеніи, и рабочимъ, наравнѣ съ хозяевами, обязаться честнымъ словомъ не дѣлать никакихъ уловокъ для избѣжанія точнаго и прямаго смысла этихъ распоряженій. Подобное условіе было бы обязательно для той и другой стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняло бы за каждой изъ нихъ принципъ самоуправленія. Лордъ Сентъ-Леонардсъ утверждалъ, что законодательство предусмотрѣло всѣ злоупотребленія, которыя могутъ произойдти отъ союзовъ рабочихъ и отъ стачекъ, и представилъ самъ ту программу, которая долженствовала быть выставлена въ заведеніяхъ для соблюденія обѣими сторонами. Вотъ она:

«Законы касательно хозяевъ и рабочихъ были составлены съ тщательнымъ соблюденіемъ интересовъ послѣдняго изъ этихъ классовъ. Актъ парламента (6-й годъ царств. Георга IV, гл. 129), отмѣнившій всѣ прежнія распоряженія касательно коалицій между рабочими, постановилъ, что коалиціи, вмѣшивающіяся въ свободное соглашеніе между капиталомъ и трудомъ, вредны для торговли и промышленности, опасны для спокойствія страны и въ особенности для интересовъ тѣхъ, которые занимаются промышленностію и торговлей. Актъ поэтому поста-

вилъ цѣлію обезпечить, съ одной стороны безопасность и личную свободу работниковъ въ пользованіи своимъ трудомъ и искусствомъ, а съ другой—неприкосновенность собственности и личную свободу хозяевъ.

«Актъ парламента наказываетъ, поэтому, тюремнымъ заключеніемъ, не превышающимъ трехмѣсячный срокъ:

«1) Всякаго, кто насиліемъ, угрозами, внушеніями страха или какими бы то ни было средствами принуждаетъ работника, поденьщика или какое бы то ни было другое лицо отступить отъ своего обязательства, найма или работы прежде установленнаго срока;

«2) Всякаго, кто предупреждаетъ, или старается предупредить, чтобы работникъ, поденьщикъ или какое бы то ни было лицо не вступало въ обязательства, не принимало найма или работы отъ другихъ лицъ.

«3) Всякаго, кто понуждаетъ другихъ силой или внушеніями страха принадлежать къ какому бы то ни было клубу или товариществу и дѣлать вклады въ общій фондъ, точно такъ же какъ сообразоваться съ правилами, постановленіями, распоряженіями, клонящимися къ пониженію заработной платы, къ измѣненію или уменьшенію часовъ работы, и устанавливающими, какіе именно способы должно употреблять при томъ или другомъ производствѣ.

«4) Всякаго, кто силою понуждаетъ мануфактуриста или вообще лицо, занимающееся какою-либо отраслью промышленности, дѣлать въ ней какія бы то ни были измѣненія, ограничивать число своихъ учениковъ, работниковъ и поденьщиковъ.

«Но актъ парламента дозволяетъ:

«1) Лицамъ всякаго рода совѣщаться между собою и постановлять общую заработную плату, которую *присутствующіе на подобныхъ митингахъ* обязуются требовать за свой трудъ, такъ же какъ сколько именно часовъ будутъ работать они въ томъ или другомъ заведеніи; дозволяется имъ вступать и въ письменныя соглашенія *между собою* съ цѣлію устанавливать заработную плату, которую участники въ подобныхъ взаимныхъ обязательствахъ будутъ принимать за свой трудъ.

«Вотъ каковы распоряженія относительно работниковъ.

«2) Точно такого же рода права даруются хозяевамъ, дабы могли они свободно совѣщаться между собою, установлять плату, по которой будутъ они нанимать работниковъ, и опредѣлять количество часовъ.

«Позднѣйшимъ актомъ (изданнымъ въ двадцать второй годъ царствованія королевы Викторіи, гл. 34) сдѣлано распоряженіе, что никто не подвергнется судебнымъ преслѣдованіямъ, никто не будетъ обвиненъ въ тайныхъ сообщничествахъ и заговорахъ, если будетъ вступать въ соглашенія съ какими бы то ни было лицами, съ цѣлію установить величину заработной платы, за которую они должны работать на будущее время: дозволяется также, *безъ угрозъ и внушеній страха*, сговариваться между собою покинуть работу съ цѣлію повысить заработную плату или уменьшить количество часовъ.»

Таковы, говоритъ лордъ Сентъ-Леонардсъ, распоряженія закона: они вполнѣ обезпечиваютъ, съ одной стороны, права работниковъ участвовать въ союзахъ и составлять стачки, а съ другой ограждаютъ хозяевъ отъ произвола комитетовъ и даютъ возможность преслѣдовать судомъ всѣхъ, кто насильственно хочетъ навязать одинаковый образъ дѣйствій лицамъ, не участвующимъ въ стачкѣ. До сихъ поръ было, конечно, много средствъ избѣжать яснаго смысла закона, но стóитъ только обѣимъ сторонамъ безъ всякихъ письменныхъ документовъ обязаться словесно слѣдовать ему въ точности, какъ всѣ причины для взаимныхъ недоразумѣній исчезнутъ совершенно. Работники потеряютъ всякое основаніе толковать о томъ, что ихъ принуждаютъ къ образу дѣйствій, несогласному съ правами истыхъ Англичанъ: если можно было считать униженіемъ подчиниться произвольнымъ требованіямъ хозяевъ, то нѣтъ, конечно, никакого униженія подчиниться ясному смыслу закона, одинаково обязательнаго и для хозяевъ и для работниковъ.

Борьба, о которой мы разказываемъ въ этой статьѣ, не разъ перемѣняла свой характеръ, и общественное мнѣніе, слѣдуя за нею, часто переходило въ симпатіяхъ своихъ отъ рабочихъ къ хозяевамъ, и наоборотъ. Явленіе это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ независимости и безпристрастія общественнаго мнѣнія,—доказательствомъ того, что оно не было руководимо никакимъ предубѣжденіемъ въ пользу того или другаго класса. Всякія несправедливыя требованія хозяевъ встрѣчали повсюду громкое неодобреніе и высказывались съ особенною силой тѣми именно журналами, въ которыхъ несправедливо хотятъ видѣть отголосокъ только богатыхъ промышленныхъ классовъ. Но порой мнѣніе публики простирало независимость свою до того, что не соглашалось ни съ одною изъ враждующихъ сто-

ронъ и почти единогласно порицало притязанія той и другой изъ нихъ: такъ, напримѣръ, немедленно и съ самымъ жаркимъ сочувствіемъ отозвалось оно на способъ примиренія, предложенный лордомъ Сентъ-Леонардсомъ, въ то время какъ хозяева и работники приняли его въ началѣ весьма холодно. Предложеніе это, дѣйствительно, не доставляло полнаго торжества ни одной изъ враждующихъ сторонъ и далеко не выполняло надеждъ, возбужденныхъ въ нихъ при возникновеніи борьбы. Безпристрастные зрители, однако, были убѣждены, что мѣрой лорда Сентъ-Леонардса такъ-называемый вопросъ о *документѣ* могъ разрѣшиться безъ малѣйшаго чувства униженія какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ; поэтому раздраженіе ихъ было весьма сильно, когда увидали, что стачка продолжалась, и что обѣ враждующія стороны не обратили никакого вниманія на усиліе привести ихъ къ взаимному соглашенію. Журналы объявили тотчасъ же, что съ этихъ поръ не будутъ представлять никакихъ отчетовъ о стачкѣ: къ чему, говорили они, взвѣшивать и обсуждать притязанія хозяевъ и рабочихъ, когда дѣло идетъ теперь только объ ихъ упрямствѣ, и когда они отказываются внимать самымъ разумнымъ убѣжденіямъ. Несмотря на это, борьба между хозяевами и рабочими продолжалась еще цѣлыхъ два мѣсяца, почти при совершенномъ равнодушіи публики, такъ что въ журналахъ, когда-то съ такою подробностію возвѣщавшихъ о различныхъ ея фазахъ, трудно было бы собрать о ней какія-либо свѣдѣнія въ это послѣднее время. Только въ началѣ марта текущаго года, секретарь комитета, г. Джорджъ Поттеръ, возвѣстилъ письмомъ, напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ, о прекращеніи стачки. Мѣра, предложенная лордомъ Сентъ-Леонардсомъ, восторжествовала, и рабочіе толпами возвратились въ заведенія, обязавшись только, вмѣсто ненавистнаго имъ документа, исполнять предписанія закона, изложенныя знаменитымъ юристомъ. Комитетъ возвѣщалъ однако побѣду на своей сторонѣ: въ упомянутомъ сейчасъ письмѣ, секретарь его утверждалъ, что мѣра, предложенная лордомъ Сентъ-Леонардсомъ, направлена исключительно противъ документа, отъ котораго хозяева принуждены были по неволѣ отказаться; что касается до вопроса о движеніи въ пользу девяти часовъ, оно оставалось, по словамъ его, по прежнему неразрѣшеннымъ, и г. Джорджъ Поттеръ спрашивалъ мнѣнія промышленныхъ союзовъ, слѣдуетъ или нѣтъ продолжать его. Это былъ очевидно маневръ, внушенный духомъ партіи

для всѣхъ безпристрастныхъ людей было ясно, что вопросъ о девяти часахъ былъ осужденъ съ самаго начала, и глубокое молчаніе, господствовавшее о немъ въ теченіи всей борьбы, могло служить ему вѣрнѣйшимъ приговоромъ.

Намъ бы слѣдовало теперь, какъ обыкновенно бываетъ послѣ битвъ, сдѣлать перечень убитымъ, раненымъ и тяжкимъ матеріяльнымъ потерямъ, понесеннымъ воевавшими сторонами. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыми мы можемъ руководствоваться въ этомъ отношеніи, очень недостаточны. Потери какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ были вообще огромны: нѣкоторыя лица—члены парламента—такъ были поражены ими, что рѣшились положить по возможности конецъ этимъ, повторяющимся отъ времени до времени, гибельнымъ разореніямъ капитала. Въ теченіи борьбы, описанной нами, не разъ слышалось мнѣніе, что по всей вѣроятности можно было бы предупредить ее, еслибы въ Англіи существовало учрежденіе, подобное французскимъ *prud'hommes*. Нѣтъ сомнѣнія, что это учрежденіе, основано на превосходныхъ началахъ и принесло несомнѣнную пользу: возникши въ 1806 году въ Ліонѣ, оно распространилось потомъ по всей Франціи и существуетъ нынѣ во всѣхъ ея городахъ, гдѣ есть фабричная промышленность. Фабриканты и работники выбираютъ изъ среды своей по нѣскольку членовъ (число ихъ мѣняется по мѣсту), которые составляютъ такъ-называемый *conseil de prud' hommes:* въ каждомъ изъ этихъ совѣтовъ находятся два бюро—для суда и для соглашенія *(bureau de jugement* и *bureau de conciliation),* куда поступаютъ для разбора несогласія и тяжбы между фабрикантами и рабочими. Совѣтъ prud' hommes можетъ приговорить виновную сторону даже къ денежной пенѣ во 100 фр. Если тяжба идетъ о большей суммѣ, то она поступаетъ въ коммерческій судъ (tribunal de commerce). Во Франціи, гдѣ стачки какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ, строго запрещены закономъ, суды, о которыхъ мы говоримъ, служатъ почти единственнымъ средствомъ рѣшать распри, и дѣятельность ихъ весьма успѣшна: утверждаютъ, что изъ 100 процессовъ въ годъ 95 улаживаются постоянно этимъ путемъ, къ обоюдному удовольствію тяжущихся сторонъ. Но въ Англіи учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, несмотря на многія превосходныя свои стороны, встрѣчаетъ несомнѣнно весьма мало сочувствія и представляется глазамъ публики скорѣе своими недостатками чѣмъ достоинствами. Еще въ началѣ лондонской

стачки, когда въ верхней палатѣ зашелъ вопросъ о prud'hommes, лордъ Гренвилль сдѣлалъ о нихъ нѣсколько строгихъ замѣчаній: въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, уже по окончаніи описанной нами борьбы, одинъ изъ членовъ парламента, г. Макиннонъ, представилъ нижней палатѣ такъ-называемый *masters and operatives bill*, — билль, которымъ полагалось установить во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ Англіи третейскіе ссуды изъ хозяевъ и рабочихъ для прекращенія ихъ взаимныхъ распрей и могущихъ, слѣдовательно, возникнуть стачекъ. Всѣ члены палаты, принимавшіе участіе въ преніяхъ по поводу этого билля, высказались, за весьма намногими исключеніями, противъ него: правительство и законодательная власть, говорилъ сэръ-Джорджъ Корнвалль-Льюизъ—тотъ самый министръ, къ которому обратились хозяева въ началѣ стачки,— превысятъ свои обязанности, содѣйствуя установленію третейскихъ судовъ, которые, возбудивъ много надеждъ, могутъ не осуществить ихъ. Во время стачки страсти бываютъ сильно раздражены, и если правительство или учрежденія, установленныя имъ, вмѣшаются съ неудачнымъ планомъ соглашенія, то раздраженіе это обратится неминуемо противъ него. Во Франціи правительство не страшится этого раздраженія, ибо имѣетъ въ рукахъ много насильственныхъ средствъ подавить его; правительство англійское не обладаетъ этими средствами и поэтому принуждено будетъ выдержать бурю, вызванную неосторожнымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ. Къ тому же, говорилъ г. Вальтеръ—выражая мнѣніе, не разъ уже повторявшееся въ парламентѣ,—третейскіе суды, въ родѣ французскихъ *conseils des prud'hommes*, могутъ быть хороши для рѣшенія распрей, которыя касаются техническихъ пунктовъ, относящихся къ качеству или количеству сдѣланной работы. Стачки, напротивъ, возникаютъ не изъ какихъ-либо частныхъ, случайныхъ несогласій, но изъ борьбы мнѣній; причины ихъ таятся въ глубинѣ страстей и чувствъ, возбужденныхъ болѣе важными соображеніями чѣмъ споры о томъ, точно или не точно былъ выполненъ какой-либо контрактъ. Въ борьбѣ подобнаго рода англійскіе рабочіе и хозяева одинаково не любятъ прибѣгать къ третейскому разбирательству, чему есть положительныя доказательства: въ англійскихъ законахъ существуютъ въ зародышѣ учрежденія въ родѣ французскихъ conseils des prud'hommes. Въ актѣ, изданномъ въ царствованіе Георга IV (годъ 5, гл. 7), находится именно, что при всякой

распрѣ враждующія стороны могутъ обращаться къ мировымъ судьямъ, которые назначаютъ для ея разбирательства безпристрастныхъ и независимыхъ по положенію людей. Несмотря на уваженіе, которымъ пользуются мировые судьи въ Англіи, ни разу еще не представилось случая, чтобы хозяева и рабочіе обратились къ нимъ для разрѣшенія своихъ споровъ: такъ привыкли они во всѣхъ подобныхъ случаяхъ полагаться только на собственныя средства. Билль г. Макиннона не имѣлъ успѣха въ парламентѣ, и до сихъ поръ еще англійская законодательная власть считаетъ невозможнымъ принять какія-либо мѣры для предотвращенія стачекъ.

Какое же впечатлѣніе оставила въ англійской публикѣ описанная нами борьба—вопросъ, какъ замѣтили мы въ началѣ нашей статьи, особенно любопытный въ настоящее время, когда реформа народнаго представительства въ парламентѣ должна расширить избирательное право и на рабочіе классы. Мнѣнія на этотъ счетъ были весьма различны: никому не приходило въ голову укорять участвовавшихъ въ стачкѣ рабочихъ, въ неуваженіи къ общественному порядку, къ законности, въ присутствіи тѣхъ революціонныхъ страстей, которыя могли бы быть опасны государственному устройству. Рабочіе всѣхъ безъ изъятія промышленныхъ союзовъ представили, во время борьбы, слишкомъ много доказательствъ благоразумной умѣренности своихъ рѣчей и дѣйствій. Устройство самыхъ промышленныхъ союзовъ вышло также съ честью изъ испытанія могучею своею крѣпостью, благодѣтельнымъ своимъ вліяніемъ на рабочіе классы, тѣми обширными средствами, которыми они обладаютъ, и которыя созданы ихъ собственными неусыпными усиліями и трудомъ: они успѣли внушить всеобщее къ себѣ уваженіе. Странно было бы говорить о порабощеніи труда капиталомъ въ странѣ, гдѣ трудъ, для защиты своихъ интересовъ, опирается на столь сильную организацію: во Франціи, несмотря на быстрое распространеніе соціальныхъ ученій, несмотря на то, что соціализмъ пользовался даже, одно время, властью въ государствѣ, рабочіе классы не успѣли однако образовать въ средѣ своей ничего подобнаго англійскимъ союзамъ, которые держатъ въ страхѣ могущественнѣйшихъ капиталистовъ. Промышленные союзы имѣютъ несомнѣнно великую будущность въ Англіи, несмотря на временные недостатки ихъ устройства. Сознавая все это, общественное мнѣніе страны не могло видѣть безъ опасенія ту легкость, съ которою нѣсколько агитаторовъ успѣ-

ваютъ пріобрѣсти вліяніе на рабочихъ и пользоваться ихъ энергіей, имуществомъ и внутреннимъ устройствомъ для достиженія не рѣдко химерическихъ цѣлей. Стачка, о которой говорили мы, начата была почти исключительно комитетомъ рабочихъ-строителей, члены котораго, въ родѣ Джорджа Поттера, успѣли увлечь за собою остальную массу и неожиданно накликали на нее опасности, для избѣжанія которыхъ она должна была напрягать всю свою энергію. Что̀ если явленіе это повторится и въ политической жизни? Достаточно ли созрѣли рабочіе классы для того, чтобы, приступая къ участію въ государственномъ управленіи, различить между голосомъ ложныхъ пророковъ и голосомъ людей, которые сочли бы грѣхомъ обольщать ихъ несбыточными надеждами: вотъ вопросъ, раздававшійся въ послѣднее время очень часто въ Англіи и остававшійся безъ отвѣта, ибо отвѣтъ на него можетъ дать только время.

Ев. Ѳеоктистовъ.

ПОЛКОВЫЕ ИСТОРІОГРАФЫ

«Поэтами родятся, историками дѣлаются.»
(Поговорка.)

Не рѣдко жалуются у насъ на бѣдность отечественной литературы вообще и историческаго въ ней отдѣла въ особенности. «Наша историческая литература, говорятъ недовольные, крайне скудна; не только то либо другое государственное учрежденіе, тотъ либо другой городъ не имѣютъ у насъ исторіи, но цѣлыя эпохи, цѣлыя царствованія не описаны надлежащимъ образомъ; а о многихъ событіяхъ, о многихъ лицахъ историческихъ мы должны довольствоваться двумя-тремя фразистыми строчками учебника. Смотрите, восклицаютъ негодующіе читатели, на французскую, англійскую, въ особенности нѣмецкую литературу: онѣ представятъ вамъ десятки сочиненій, десятки исторій и историческихъ обозрѣній каждаго царствованія, каждой войны, каждаго города, мѣстечка, каждой деревеньки, мало-мальски заслуживающей вниманія. Каждый батальйонъ, каждый полкъ одной французской арміи имѣетъ свою обстоятельно составленную исторію, у насъ же...» Но постойте, остановимся на послѣдней жалобѣ: она несправедлива. Несправедлива, смѣло повторяемъ мы, и готовы *числомъ* извѣстныхъ намъ исторій разныхъ частей войска подтвердить свое мнѣніе.

Если не всѣ полки арміи, то за то почти всѣ полки цвѣта нашего воинства, наша гвардія пѣшая и конная, могутъ выдвинуть длинный рядъ не очерковъ, не обозрѣній, а цѣлыхъ исторій довольно полновѣсныхъ: двухъ,-трехъ,-даже четырехъ-томныхъ произведеній военныхъ авторовъ отъ поручика до генерала включительно, съ великолѣпнымъ *альбомомъ* солдатъ, лошадей и офицеровъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, въ самыхъ затѣйливыхъ головныхъ уборахъ стариннаго времени.

Не берёмъ на себя труда выписывать заглавія этихъ сочиненій изъ всевозможныхъ каталоговъ отъ Сопикова до Смирдина-сына; не беремъ труда предъявлять полный списокъ исторій русскихъ войскъ; назовемъ только тѣ, которые намъ болѣе или менѣе извѣстны:

Хроника россійской арміи изъ разныхъ свѣдѣній собрана генералъ-майоромъ, государственной военной коллегіи членомъ и ордена Св. Анны первой степени кавалеромъ, княземъ Долгорукимъ, съ фигурами.

Россійскій ратникъ или общая военная повѣсть о государственныхъ войнахъ отъ древности по 1805 годъ, сочинилъ коллежскій ассесоръ Мальгинъ 1825 г.

Краткая исторія Измайловскаго полка, 1830 г.

Краткая исторія Кавалергардскаго полка 1832 г.

Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка 1833.

Исторія Донскаго войска Броневскаго 1834 года, четыре части (1).

Свѣдѣнія о Гатчинскихъ войскахъ 1835 г.

Исторія россійской гвардіи, составилъ Иванъ Пушкаревъ, 1844 г. I томъ, съ *альбомомъ* 70 раскрашенныхъ рисунковъ.

Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, состав. полковой адъютантъ сего полка поручикъ Пузановъ, 1845, съ альбомомъ изъ 14 рисунковъ.

Краткій очеркъ исторіи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, состав. генералъ-майоръ Маринъ. 1846, двѣ книжки съ портретами, планами и нотами.

Описаніе историческое одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, состав. Висковатовъ 1841—1849; въ листъ, 13 томовъ.

Исторія Карабинернаго полка, Телѣгина.

---

(1) Это сочиненіе не совсѣмъ у мѣста въ нашемъ списочкѣ; поэтому же самому мы не упоминаемъ въ немъ о *Исторіи Новой Сѣчи Запорожской* Скальковскаго, 1841 г., три части, *объ Изслѣдованіяхъ о слободскихъ козакахъ*, *о военной исторіи россійскаго государства* Бутурлина 1839 г. 5 частей; наконецъ о прекрасномъ историческомъ трудѣ уважаемаго ученаго нашего И. Д. Бѣляева: *Русское войско въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ*. 1846.

Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка, состав. полковымъ адъютантомъ Анненковымъ, 1849 г. 4 части съ альбомомъ, изъ 25 рисунковъ.

Историческое обозрѣніе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, состав. Висковатовъ, 1850 г. (1) съ тремя большими картинами.

Очеркъ исторіи генеральнаго штаба, состав. князь И. Голицынъ, 1851.

Исторія кавалергардовъ и Кавалергардскаго полка, состав. Висковатовъ 1851; съ альбомомъ рисунковъ и портретовъ въ большой листъ.

Свѣдѣнія объ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ, состав. капитанъ Ратчь, съ альбомомъ 8 рисунковъ.

Хроника россійской арміи, состав. И. Пушкаревъ, 1852 г., въ большой листъ.

Исторія лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, состав. штабсъ-капитанъ Гоувальтъ, 1852; съ альбомомъ 20 рисунковъ.

Исторія лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, съ планами и рисунками, состав. адъютантъ, капитанъ Волкенштейнъ 1852.

Полкъ Изюмскій Слободскій казачій соч. Н. Гербеля, 1852.

Роспись знаменъ, штандартовъ и особыхъ знаковъ отличій, въ войскахъ состоящихъ, 1853, два изданія.

Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, состав. капитанъ Карцовъ 1852—1854, два тома съ альбомомъ 18 рисунковъ.

Очеркъ исторіи Тобольскаго полка, Висковатова, 1854 г. (2).

Столѣтіе лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, 1857, брошюра Рославлева.

Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. 1856 года.

Исторія лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, состав. полковникъ Манзей, 1859, четыре части съ альбомомъ 24-хъ раскрашенныхъ рисунковъ, въ листъ.

Исторія Преображенскаго полка, состав. штабсъ-капитанъ Азанчевскій, 1859 г.

Бомбардиры въ потѣшныхъ войскахъ Петра Великаго. Извлеченіе изъ перваго тома: *Свѣдѣнія о гвардейской артиллеріи*, приготов. къ печати полковникъ Ратчь, 1860 г. и т. д.

Нашъ списокъ былъ бы чрезвычайно длиненъ, еслибы мы, не останавливались на тридцати выписанныхъ заглавіяхъ, коснулись вообще русской военной литературы: она состоитъ изъ множества сочиненій, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ,

---

(1) Полковымъ адъютантомъ, капитаномъ Дренякинымъ, издано: *Историческое описаніе церквей лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка*, 1851 г. съ планами и рисунками; оно заключаетъ въ себѣ нѣсколько ошибокъ, довольно важныхъ.

(2) Этому же плодовитому автору принадлежатъ, если не ошибаемся, монографіи о лейбъ-гвардіи уланскомъ полку, Ахтырскомъ и друг. Довольно обстоятельныя монографіи о лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку помѣщены были, сколько помню, въ *Военномъ Журналѣ* за 1810 или 1811 годъ. Матеріялы, помѣщенные въ нихъ, доставлены были г. Писаревымъ.

очерковъ, взглядовъ, картинъ, описаній, записокъ, исторій, обозрѣній, разказовъ, походныхъ журналовъ, біографій, писемъ, разсужденій, воспоминаній, стихотвореній, и пр. Сюжеты ихъ не менѣе разнообразны, и множество произведеній многихъ десятковъ историковъ и военныхъ писателей описываютъ событія между войной великаго князя Святослава Игоревича 967—971 годовъ (соч. А. Черткова 1842 и 1848) до *Очерковъ крымской войны* Аничкова.

Нечего и говорить, что плодовитѣйшимъ авторомъ военныхъ исторій является Михайловскій-Данилевскій. Славный баснословецъ позднѣйшихъ временъ, Крекшинъ новѣйшаго изданія, онъ въ искусствѣ разукрасить каждое событіе, въ умѣньи представить блестящую сторону и закрыть противоположную, тамъ и сямъ разсыпать цвѣты краснорѣчія, тамъ и сямъ перемѣшать факты, гдѣ они не вяжутся съ заранѣе заданною программой, то либо другое лицо возвесть въ идеалъ героя, вслѣдствіе личныхъ отношеній и видовъ, во всемъ этомъ Михайловскій-Данилевскій стоитъ неизмѣримо выше Сергѣя Глинки, Николая Полеваго (какъ военнаго писателя), Похвиснева, Владиміра Глинки, Скобелева, Мальгина, Пушкарева, Рафаила Зотова и многихъ другихъ.

Говорить обо всѣхъ этихъ военныхъ историкахъ, говорить объ ихъ произведеніяхъ, мы находимъ не по нашимъ силамъ; также предоставляемъ другимъ составить полный указатель исторій разныхъ частей русскаго войска; указатель этотъ будетъ только тогда и полонъ, и полезенъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, если въ него войдутъ статьи, разсѣянныя въ различныхъ журналахъ и газетахъ настоящаго столѣтія; при составленіи подобнаго указателя не должны быть забыты сочиненія, подъ разными названіями, описывающія кадетскіе корпуса (Мельницкій, Коробановъ, Веселаго и др.), военныя школы, казармы, монументы на поляхъ сраженій, и пр.

Въ ожиданіи же подобнаго *указателя*, обратимся къ *указаннымъ* нами сочиненіямъ: число томовъ, ихъ составляющихъ, достаточно показываютъ, какъ велика литература нашего войска по *объему*; какова же она по содержанію?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, возьмемъ на выдержку нѣсколько книгъ. Взглядъ нашъ останавливается прежде всего на *Исторіи россійской гвардіи*. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть интереснѣе исторіи нашей гвардіи? Гвардія основана отрокомъ Петромъ, она была любимымъ дѣтищемъ великаго пре-

образователя Россіи, предметомъ постоянныхъ, неусыпныхъ заботъ не одного Петра, а и всѣхъ его преемниковъ державныхъ. Въ рядахъ гвардейскихъ полковъ мы встрѣчаемъ знаменитѣйшихъ полководцевъ нашихъ; славные писатели, честь и краса нашей литературы XVIII вѣка: Державинъ, Карамзинъ, Новиковъ, Дмитріевъ и многіе другіе носили гвардейскій мундиръ. Гвардія шла впереди русскаго войска во многихъ и многихъ походахъ съ 1696 года по 1831 г. Гвардія принимала самое дѣятельное участіе въ событіяхъ внутреннихъ, въ событіяхъ чрезвычайно важныхъ; разказы о знаменательныхъ годахъ 1699, 1718, 1725, 1730, 1740, 1741, 1762, 1801, 1825 и мног. друг. не могутъ обойдти гвардію. Едва ли есть страница въ русской исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій, на которой мы не читали бы имени того или другаго полка, фамиліи того или другаго лица, служившаго въ гвардіи. Итакъ, исторія гвардіи россійской должна быть въ высшей степени интересна; очертить ея внѣшнія дѣйствія, ярко охарактеризовать внутренній бытъ въ разныя эпохи ея существованія; остановиться на болѣе замѣчательныхъ годахъ и личностяхъ; обнаружить участіе въ томъ или другомъ переворотѣ; познакомить съ духомъ полковъ, отношеніями разныхъ чиновъ полковой администраціи; избѣгая мелочей, сгруппировать все въ одинъ связный разказъ о составѣ самой администраціи полковъ, о ходѣ дѣлъ въ управленіи полками; выставить безпорядки и смуты въ полкахъ; проступки отдѣльныхъ командъ и личностей; проступки и преступленія, характеризующія время:—вотъ легкій абрисъ той задачи, которую, по нашему мнѣнію, долженъ имѣть въ виду каждый пишущій о гвардіи россійской вообще, либо объ одномъ изъ полковъ ея въ особенности.

Какъ же взглянулъ на свое дѣло г. Пушкаревъ, военный историкъ изъ штатскихъ? Торжественно приступая къ важному дѣлу исторіографа гвардіи, онъ, какъ бы пораженный величіемъ своего предмета, восклицаетъ: «Мы видимъ знамена гвардіи, развивающимися на скалахъ Финляндіи, на высотахъ Кульмскихъ, въ стѣнахъ Парижа, на твердыняхъ Варны и Варшавы, вездѣ, куда призывали русскаго воина честь и благо отчизны. Когда пламенникъ войны угасалъ, и масличныя вѣтви обвивали бранное оружіе, гвардія неизмѣнно выполняла свой долгъ и служила разсадникомъ военносухопутныхъ силъ Россіи!..» (стр. X).

«Просвѣщенному воину, продолжаетъ Пушкаревъ, необходимо знать о первоначальномъ устройствѣ войскъ, ихъ вооруженіи, управленіи, перемѣнахъ, происходившихъ въ составѣ полковъ; содержаніи и службѣ ихъ въ мирное время.» Этими словами историкъ обозначаетъ свой взглядъ на исторію гвардіи и для осуществленія его, во главѣ своихъ источниковъ, называетъ: *Историческое описаніе одеждъ и вооруженія россійскихъ войскъ, Исторію войнъ съ 1806 по 1815 годъ*, генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, и *Военный Энциклопедическій Лексиконъ*.

По знакомствамъ и друзьямъ узнаешь человѣка; по источникамъ и матеріяламъ можно судить о достоинствѣ историческаго сочиненія. Достоинства произведенія г. Пушкарева достаточно опредѣлены заглавіями *матеріяловъ*. Вся книга есть опись кафтановъ, брюкъ, штановъ, штиблетовъ, сапогъ, шляпъ и прочихъ нужныхъ и ненужныхъ принадлежностей туалета гвардейскаго воина прежняго времени. Раскроемъ на удачу: «Царствованіе Петра 1-го: галстуки строились изъ чернаго трипа; завязывались спереди въ бантъ, имѣя оба конца спущенными» и пр. Далѣе: «чулки, какъ сказано выше, были зеленаго цвѣта, а башмаки смазные, тупоносые; застегивали пряжкой, которая прикрѣплялась небольшимъ кожанымъ язычкомъ, или клапаномъ, пришитымъ внутри башмака.»

Исполняя свою программу, по которой «исторія гвардіи только тогда достигаетъ вполнѣ своего назначенія, когда становится книгой вспомогательною для разныхъ *соображеній* въ сравненіи настоящаго съ прошедшимъ» (стр. XI), Пушкаревъ дѣлаетъ такого рода сравненія: «въ походѣ полагались сапоги, длиной до колѣнъ, съ небольшими клапанами, или раструбами, въ родѣ *нынѣшнихъ ботфортовъ*». Историкъ не чуждъ критическаго анализа предлагаемыхъ фактовъ: «епанча того времени была длиной до колѣнъ, весьма узкая, и служила слабою защитой отъ дождя и стужи» (стр. 27).

Такого рода драгоцѣнные факты авторъ сообщаетъ на каждой страницѣ, и мы, утомленные этимъ перечнемъ пуговокъ, пряжекъ, штиблетъ, манжетъ, поясовъ, лядунокъ, чулковъ и т. п. вещей за первую половину прошедшаго вѣка, останавливаемся наконецъ на заглавіи: *Лейбъ-Кампанія*. А вотъ она: эта лейбъ-кампанія, славная по ночной экспедиціи 25 ноября 1741 года, зашитая и залитая золотомъ, пожалованная сотнями крестьян-

скихъ душъ, сопровождавшая набожную Елизавету во всѣхъ ея хожденіяхъ по монастырямъ и путешествіяхъ по обителямъ дальнимъ; лейбъ-кампанія, получавшая громадное содержаніе, буйствовавшая въ досужее время приводившая въ ужасъ жителей столицы: наконецъ, мы познакомимся съ нею... Но г. Пушкаревъ, найдя, что для *разныхъ соображеній* вполнѣ достаточно данныхъ, подобныхъ предыдущимъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ знакомитъ насъ съ кафтаномъ лейбъ-кампанца 1741—1762 годовъ; съ большимъ стараніемъ описываетъ воротникъ, обшлага, подкладку, камзолъ, штаны, пуговицы, галстуки, короче сказать не забываетъ мельчайшей и сокровеннѣйшей части туалета тѣлохранителя Елизаветы (стр. 215,216 и послѣдующія). А вотъ картина внутренняго быта гвардіи въ царствованіе Екатерины I: «гвардія была охраной и оплотомъ, обучалась фрунтовой службѣ, содержала караулы во дворцѣ, адмиралтействѣ, крѣпости и постоянно участвовала во всѣхъ парадахъ.» (стр. 130). Все измѣняется и разнообразится въ жизни: въ *Исторіи Гвардіи* Пушкарева измѣняются покрои и цвѣта кафтановъ, штановъ, шапокъ, но внутренній бытъ гвардіи остается во всѣ царствованія одинъ и тотъ же.

Такимъ образомъ книга Пушкарева есть не болѣе, какъ текстъ къ *классической* книгѣ Висковатова: *Описаніе одеждъ русскаго войска;* книгѣ, говоря словами нашего исторіографа, необходимой *для различныхъ соображеній* при сравненіи прошедшаго съ настоящимъ. Текстъ г. Пушкарева оказывается впрочемъ совершенно лишнимъ, именно потому, что при рисункахъ одеждъ русскаго войска Висковатовъ сдѣлалъ обстоятельное описаніе. А между тѣмъ, ненужная работа копировки описей пуговицъ и штановъ не позволила г. Пушкареву вполнѣ развернуться при живописномъ описаніи сраженій. Въ этомъ случаѣ онъ являетъ талантъ истинно самобытный, который уступаетъ весьма немногимъ; изъ нихъ же первый есть Пузановъ—поручикъ. Какими блестящими страницами необыкновеннаго лиризма наполнена его *Исторія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка!* «Знамена гвардіи развѣвались вездѣ, повѣствуетъ поручикъ-адъютантъ, вездѣ, куда только Труба Правды Русской Державы, звала вѣрныхъ на защиту Свою и благоденствующаго подъ Ея сѣнію народа... При *сладостномъ вникаціи* въ *жизнь* своего полка я полагалъ излишнимъ украшать вымысломъ воображенія то, что̀ само по себѣ въ дѣйствительности заключаетъ столько возвышенной доблести.»

Поручикъ Пузановъ на двухъ стахъ страницахъ неустанно «сладостно вникаетъ» въ жизнь полка: то-есть описываетъ одежду разныхъ чиновъ полковыхъ въ прежнее время и даетъ просторъ своему краснорѣчію только при описаніи военныхъ доблестей лейбъ-гренадеръ. Въ первомъ случаѣ онъ обогащаетъ свои описи примѣчаніями не только критическими, но и филологическими: напримѣръ «*царствованіе Елизаветы*... башмаки гренадеръ были тупоносые, смазные... сначала васильковаго сукна. *Примѣч.* васильковаго—значитъ голубаго цвѣта, отъ слова василекъ, полевой цвѣтокъ.» (стр. 5). Примѣчаніе особенной важности! «Лейбъ-гвардіи гренадерскому полку, съ самаго младенчества, представился путь къ славѣ и оправданію цѣли своего сформированія: губить враговъ отечества,» (стр. 82 и 84). такъ начинаетъ Пузановъ живописный разказъ о походахъ полка въ военное время. Впрочемъ, поручикъ довольно скроменъ, и приступая «къ разсмотрѣнію дѣйствій полка въ незабвенную отечественную войну,» не беретъ на себя описывать причины и послѣдствія ея. «Объ этомъ, продолжаетъ адъютантъ Пузановъ, многіе и во многомъ уже разказали: 1812 годъ всему свѣту доказалъ, что Наполеонъ своими одноглавыми орлами нашего двухглаваго не могъ поймать!» (стр. 140). «*Война 1814 года:* Воины, восхищенные побѣдами, ускоряли шаги; имъ сладостно было видѣть Парижъ и сказать ему: здравствуй, батюшка Парижъ! Какъ-то ты асплартишься за нашу матушку Москву?» (стр. 155).

Духъ полка, по мнѣнію адъютанта-историка, достаточно характеризуется подобными анекдотами: «вечеромъ, 15 сентября 1828 года, лейбъ-гренадеры будучи окружены со всѣхъ сторонъ Турками, сидѣли вокругъ бивуачныхъ огней и разсуждали о настоящемъ положеніи: «плохо, братцы, будетъ намъ, сказалъ одинъ рядовой, обращаясь къ товарищамъ, подмоги не даютъ намъ, басурманы вчетверо насъ сильнѣе и крѣпко хорохорятся; того и гляди, карачуна намъ дадутъ и искрошатъ словно артельную капусту.» На эту выходку товарищи отвѣчаютъ, что въ подмогѣ нѣтъ надобности, что въ Быстровѣ одномъ (генералѣ Бистромѣ) пять тысячъ солдатъ,... что слѣдовательно искрошить ихъ въ артельную капусту нѣтъ возможности. Къ бесѣдующимъ подходитъ самъ генералъ. «Ступайте, говоритъ онъ имъ между прочимъ, выпейте по чаркѣ водки, закусите сухаремъ, чтобы за ушами трещало и поѣшьте каши, а тамъ примемся за работу: зададимъ басурманамъ

славнаго трезвона, чтобъ они своихъ не узнали. Гдѣ имъ, бѣлосухарникамъ, устоять противъ русскаго православнаго солдата, вскормленнаго ржанымъ артельнымъ хлѣбомъ и ротнымъ квасомъ!»

Квасъ дѣйствительно оказался очень питателенъ; поручикъ повѣствуетъ, что слушатели генеральской рѣчи закололи на другой день каждый по два, по три, одинъ даже угомонилъ пять басурмановъ (стр. 180—183).

Но вотъ за лейбъ-гренадерскою каской виднѣется бравый солдатъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка: видъ его грозенъ, красивъ и оригиналенъ: онъ весь смотритъ къ небу: громадные усы, по принятому правилу, зачесаны кверху и наэфабренные торчатъ щетиной; носъ кверху, ружье на руку, гренадерка или кичка башней, подымаясь кверху, выдвигается впередъ мохнатымъ помпономъ. Уборъ солдата напоминаетъ голштинскую гвардію, игрушку и потѣху злополучнаго Петра III; напоминаетъ и основателя полка государя Павла Петровича. *Кичка*—памятникъ прежняго времени, единственное воспоминаніе о Голштинцахъ и голштинской формѣ. По этому поводу, хорошо бы получить свѣдѣнія и о русско-голштинской арміи; о заботахъ Павла I относительно войскъ вообще, и его полка въ особенности; хорошо бы въ связномъ и отчетливомъ разказѣ прослѣдить его разнообразные указы по воинскому дѣлу, инструкціи, требованія; хорошо бы перенестись на ученье либо смотръ того времени, на экзерцицію въ манежѣ; любопытно было бы познакомиться съ важнѣйшими личностями въ порядкѣ управленія полка; узнать проступки разныхъ чиновъ и въ особенности взысканія того времени. Объ этомъ обо всемъ, вѣроятно, говоритъ штабсъ-капитанъ Гоувальтъ.

Но нѣтъ, штабсъ-капитанъ съ своею *Исторіею Павловскаго полка* становится въ общую шеренгу съ Пушкаревымъ и поручикомъ Пузановымъ. Смявъ исторію двухъ полковъ Тенгинскаго и Московскаго гренадерскаго (первообразы Павловскаго), смявъ ихъ исторію съ 1726 по 1791 годъ на *пятнадцати страничкахъ*, штабсъ-капитанъ весь отдается петличкамъ, пуговкамъ, штиблетамъ, шароварамъ, нашивкамъ, шляпамъ, косамъ, сапогамъ смазнымъ, башмакамъ тупоносымъ... Ихъ біографіи занимаютъ бо́льшую часть книги (страницы 14, 17, 18, 22, 28, 30, 31, 33, 78 и проч.). Даже профосы, то-есть но-

сильщики шпицрутеновъ, и тѣ не забыты: говоря очень подробно о ихъ шароварахъ, историкъ свидѣтельствуетъ, что они были васильковаго цвѣта, но объясненія сего цвѣта не дѣлаетъ, вѣроятно находя публику достаточно подготовленною поручикомъ Пузановымъ.

Представивъ описаніе всѣхъ перемѣнъ въ одеждахъ полка по царствованіямъ, даже по годамъ, штабсъ-капитанъ безпрестанно сообщаетъ факты первой важности, при чемъ печатаетъ ихъ въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ: «18-го ноября 1809 года кисточки на темлякахъ повелѣно имѣть по-ротно: бѣлыя, голубыя, желтыя и красныя.» (стр. 102). Еще важнѣе такого рода данныя: «24-го октября 1799 года за нарушеніе порядка дисциплины, въ нѣкоторыхъ гренадерскихъ полкахъ, повелѣно было отнять присвоенные имъ барабанные бои. Но назначеніе новаго главнокомандующаго, графа Воронцова, подало сладкую надежду полкамъ получить обратно драгоцѣнные имъ барабанные бои; надежда эта оправдалась: 8 го февраля 1800 года бои были возвращены!» (стр. 74)

Политическія разсужденія штабсъ-капитана, иначе сказать внѣшняя сторона исторіи полка (внутренняя есть его туалетная часть), также заслуживаютъ вниманія. Если въ фигурности выраженій, въ поэзіи штабсъ-капитанъ Гоувальтъ уступаетъ поручику Пузанову, за то превосходитъ его глубиною взгляда. «Бонапарте, по словамъ штабсъ-капитана, не долго пользовался безкорыстнымъ удивленіемъ современниковъ: его кичливые замыслы, клонившіеся къ явному нарушенію правъ окружавшихъ его народовъ, открыли наконецъ глаза ослѣпленной Европѣ. Тщетно ждала она защиты отъ главныхъ представителей своихъ. Одна только Россія, среди всеобщаго оцѣпенѣнія»... (стр. 87) Но мы сами цѣпенѣемъ отъ нашей ошибки, принявъ весь разказъ о войнахъ 1806—1814 годовъ, принадлежащій цѣликомъ генералъ-лейтенанту Михайловскому-Данилевскому, за разказъ самого штабсъ-капитана; дѣло въ томъ, что исторіографъ Павловскаго полка при описяхъ одеждъ не ссылается на Висковатова, а при фразистыхъ описаніяхъ военныхъ дѣйствій не обозначаетъ страницъ сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго.

За тѣми и другими выписками не видать ни исторіографа полковаго, ни самаго полка. Гдѣ же этотъ полкъ съ своимъ внутреннимъ бытомъ: жизнью, служебными обязанностями, забавами, пѣснями, препровожденіемъ времени въ досужіе часы; съ его

казарменнымъ бытомъ, дисциплиной, съ его жизнію въ походѣ, на квартирахъ, съ современными требованіями устава, съ его подвигами на ратномъ полѣ, примѣрами доблести повиновенія, а главное находчивости и разсудительности, равно какъ и съ дѣяніями достойными укоризны? Ничего и ничего этого нѣтъ! И только блестящіе высокіе гербы на павловскихъ шапкахъ смотрятъ *тысячью черныхъ дыръ* (мѣста пробитыя въ бояхъ пулями), смотрятъ, и какъ бы смѣются надъ пустымъ фразерствомъ штабсъ-капитана. Списокъ солдатъ, на головахъ которыхъ непріятельскія пули изрѣшетили шапки, списокъ этихъ именъ, переходящихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не краснорѣчивѣе ли свидѣтельствуетъ о самыхъ подвигахъ полка, нежели звонкія фразы Гоувальта, заимствованныя у Данилевскаго?

Но вотъ капитанъ Волкенштейнъ съ своею исторіей лейбъ-гвардіи Сапернаго батальйона. Не провидѣлъ ли онъ, что исторія не можетъ состоять изъ однѣхъ фразъ, ничего не изобличающихъ, кромѣ бездарности автора; что разказъ историческій, хоть даже и о такомъ предметѣ, какъ напримѣръ одинъ батальйонъ, долженъ непремѣнно отдѣлить, оттѣнить сколь возможно типичнѣе эту часть войска отъ другой. При всемъ видимомъ однообразіи войскъ однородныхъ, есть много и много такого, что̀ отличаетъ одну часть отъ другой. Напримѣръ похожъ ли лейбъ-гвардіи Саперный батальйонъ на саперные батальйоны арміи? Разумѣется нѣтъ: постоянное квартированіе въ столицѣ, близость высшихъ властей, бо̀льшая образованность офицеровъ, личности командировъ,—все это даетъ иной духъ учрежденію. Капитанъ Волкенштейнъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ уловить всѣ эти черты; подробнѣе остановиться на инженерномъ искусствѣ у насъ, на развитіи у насъ инженерныхъ познаній; изложить, достаточна ли подготовка офицеровъ; въ подробности обратить вниманіе *на образованіе солдатъ* при батальйонѣ, какъ это дѣлалось и дѣлается:—все это было бы любопытнѣе нежели сухая переписка реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ и ходѣ работъ въ военное время, которыя выдавались на долю гвардейскихъ саперъ съ 1812 по 1852 годъ. А кто скажетъ, что было бы лишнее въ этой же исторіи, въ сжатомъ очеркѣ, представить инженерно-саперное дѣло въ Россіи, если не съ допетровскаго времени, то по крайней мѣрѣ съ славнаго инженера нашего Миниха? Но капитанъ издалъ свою книгу на общій образецъ полковыхъ исторій; его книга только напечатана чище, красивѣе, обогащена планами, рисунками, да разказомъ о со-

бытіяхъ 1825 года,—разказомъ, при всей своей офиціяльности, не лишеннымъ интереса и нѣкоторыхъ новыхъ подробностей (стр. 22—29).

Достойно замѣчанія, что при разказѣ о практическихъ работахъ саперъ въ Рыбацкой слободѣ (1818 г.), капитанъ Волкенштейнъ для живописности повѣствованія, приводитъ плохія вирши Слѣпушкина:

На память вамъ, какъ прежнимъ лѣтомъ,
Здѣсь командиръ орломъ леталъ,
Саперовъ къ славѣ пріучалъ,
Являя путь своимъ примѣромъ, и т. п.

Впрочемъ *стихотворенія*, гораздо прежде капитана Волкенштейна, нашли себѣ мѣсто въ полковыхъ исторіяхъ. Честь этого нововведенія принадлежитъ генералъ-майору Марину. Его исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка—явленіе весьма любопытное, и во всякомъ случаѣ выше произведеній вышеназванныхъ гг. поручика, штабсъ-капитана и капитана. Книгу генерала Марина принимаешь сначала за *Утреннюю Зарю*, альманахъ покойнаго жандармскаго полковника Владиславлева. Сходство поразительное! И повѣсти (въ видѣ воспоминаній), и картинки, и куплетцы въ эпиграфахъ, и водянистые безцвѣтные стишки, и ноты, и портреты—впрочемъ не акрисъ. Предисловіе обнаруживаетъ взглядъ автора на исторію полка. «Предки наши, пишетъ авторъ, передавали потомству славныя дѣла и подвиги своихъ соотчичей въ разказахъ и пѣсняхъ, и повѣствованія о лицяхъ знаменитыхъ переходили изъ устъ въ уста, не умирая въ потомствѣ, и воспламеняя духъ новыхъ поколѣній къ новымъ подвигамъ; и мы жили въ вѣкъ славы и помнимъ чудные подвиги нашихъ соотчичей.»

Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что въ исторіи полка совершенно у мѣста разказы ветерановъ, преданія и разказы о дѣлахъ минувшихъ старичковъ-солдатъ, особенно у мѣста пѣсни, подъ звуки которыхъ совершались походы, производились атаки. Собрать пѣсни солдатскія съ до-петровскаго времени по настоящіе годы было бы чрезвычайно полезно. Это живой, драгоцѣнный матеріялъ для полной характеристики солдатскаго быта,—матеріялъ важный и для біографій разныхъ полководцевъ нашихъ войскъ, доблести которыхъ воспѣвались солдатами.

Но генералъ-майоръ Маринъ, вмѣсто подобнаго рода пѣсень, для *вящаго воспламененія духа новыхъ поколѣній*, приводитъ стихотворенія своего брата, С. Марина, выписываетъ и свои произведенія прежняго времени,—и какого времени: 1806—1807 годовъ! Короче сказать—*времень Очаковскихъ и покоренья Крыма!* Едва ли и въ свое время подобные стихи:

Возстань Россія, ополчися!
Воззвали мужество твое,
Въ броню Донскаго облекися,
Возьми ты Грознаго копье и т. п.

едва ли и въ 1806 году (годъ подписанный подъ ними), вирши эти имѣли смыслъ, нравились, или *воспламеняли духъ;* но теперь, на *новое поколѣніе,* они не производятъ никакого впечатлѣнія, хотя внизу и нарисована: «ополченная Россія съ мечомъ (родъ тесака), въ полъ-оборота стоящая» (1). А между

(1) Было бы любопытно остановиться на отечественной войнѣ съ слѣдующею задачей: прослѣдить патріотическую литературу того времени, то-есть просмотрѣть пѣсни, воззванія, рѣчи, разказы, афишки, карикатуры, все что̀ служило въ то время для поддержанія патріотическаго настроенія: событія 1812—1814 годовъ въ высшей степени знаменательны, вотъ почему и интересно знать, какъ они отражались въ книгахъ того времени, что̀ говорилось въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ 1812 года. Передъ нами четыре подобныя изданія: 1) *Сѣверная Почта или новая Спб. газета* 1812 года; газета въ листъ, 104 нумера. Пока неизвѣстно еще было, чѣмъ кончится борьба съ Наполеономъ, въ газетѣ сообщались извѣстія... только не о военныхъ дѣйствіяхъ, а о цѣнахъ на разные продукты, о рожденіи монстровъ (уродовъ), объ освященіи той либо другой церкви, объ урожаяхъ, о ходѣ работъ по исторіи Н. М. Карамзина (№ 18), о концертахъ и т. п. Но какъ только успѣхъ нашего оружія обозначился, редакція сдѣлалась свободнѣе, смѣлѣе и всѣми силами ополчилась «на Галла съ дванадесятью языковъ.» А *Русскій Инвалидъ* 1813 года (Спб. 4 д. 52 нумеръ)? Какъ живо переносятъ его листки въ то время! съ какимъ интересомъ начинаемъ читать съ перваго же листа слѣдующія строки: «при благопріятнѣйшихъ знаменіяхъ, подъ благими созвѣздіями, начинаются сіи листки.» «Протекла ночь человѣческаго рода, и кроткій на дальнемъ горизонтѣ разсвѣтъ возвѣщаетъ день прекрасный! Когда мы окинемъ взоромъ человѣческій родъ, отъ златыхъ временъ ранняго младенчества его, до временъ настоящихъ» и проч.—А вотъ и сѣренькія, тончайшія книжонки *Сына Отечества*, журнала историческаго и политическаго, Спб. (4 д.) 1812, 1813, 1814, 1815 и послѣдующихъ годовъ. На его сѣрыхъ толстыхъ листкахъ печатались подобныя разсужденія: «О системѣ разрушенія алтаря и трона» (*Сын. Отеч.* 1819 г. 411),

тѣмъ весь разказъ испещренъ куплетцами-етишками: *умремъ, побѣдимъ, летимъ, честью водимъ*... Для знакомства съ прозой г. Марина возьмемъ любую страницу на выдержку: «гдѣ искать, спрашиваетъ исторіографъ, — гдѣ искать источника этого могущественнаго начала, гдѣ крылась невѣдомая сила, которая проникала наши полки и ручалась за будущую славу въ кровавомъ дѣлѣ? Кто былъ виновникомъ этого гармоническаго, стройнаго чиноначалія, и въ то же время прекраснаго братства офицеровъ? Какъ объяснить благородный духъ, господствовавшій въ рядахъ и разумное отношеніе офицера къ солдату, которому онъ сочувствовалъ, о которомъ заботился, какъ о соотчичѣ, какъ о товарищѣ, котораго любилъ, какъ человѣка?» При этомъ вопросѣ взоръ историка обращается къ кадетскимъ корпусамъ: «Здѣсь-то, здѣсь, восклицаетъ онъ, свыклись юноши другъ съ другомъ, побратались надолго, а общее поприще сдружило ихъ еще болѣе; тамъ же постигли они великій смыслъ подчиненности, на которомъ утверждены всѣ выводы военной науки, тамъ же лучъ свѣтскихъ познаній и живой примѣръ наставниковъ просвѣтилъ ихъ въ любви

О конституціи (1818, 48), О вредности всеобщей монархіи (1813. VIII и т. п На страничкахъ *Сына Отечества* подвизались нѣкоторые изъ тѣхъ писателей, имена которыхъ достойно почитаются въ нашей литературѣ; напримѣръ, на угадъ развернувши № X *Сына Отеч.* за 1812 годъ, мы читаемъ (стр. 183—184) стихотвореніе А. Х. Востокова.— *Вѣстникъ Европы* 1812, 1813, 1814 годовъ, въ своей красной оберткѣ, тогда еще не обратился въ сборникъ глубоко ученыхъ разсужденій о Славянахъ, Норманнахъ и т. п. Отъ него еще вѣяло современностью. Такъ напримѣръ, онъ давалъ мѣсто на своихъ синеватыхъ, дряблыхъ листахъ слѣдующимъ стихотвореніямъ: «Народная пѣсня» (1814 г. № 9. *Вѣст. Европы* стр. 39):

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
  Вздумалъ въ ровень стать.—2
Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ тудажь съ клешней тащится,
  И давай плясать.—2. И т. п.

Пѣсня эта служа выраженіемъ современнаго настроенія, безъ сомнѣнія, сложена какимъ-нибудь полковымъ запѣвалой; она сдѣлалась, если не народною, то солдатскою. По крайней мѣрѣ, мы не разъ слышали ее въ полкахъ. Остановиться и внимательно разобрать всѣ эти журналы, за годъ великой войны, было бы чрезвычайно интересно, и только сжатость настоящаго очерка мѣшаетъ намъ это сдѣлать.

и сознаніи человѣческаго достоинства, тамъ же, наконецъ, отрадная послѣдовательность занятій и воинскихъ упражненій пріучила смотрѣть на службу не какъ на тягость, но какъ на обычное упражненіе, и *на науки, какъ на отраду въ свободный часъ!*» (стр. 17—18).

Какъ ни плохи картинки, виньетки и эпиграфы въ *Исторіи Финляндскаго полка, исторія* эта, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманіе по своей программѣ, по своему составу. Это не словарь кафтановъ, брюкъ, обуви и пр., не сухой перечень походовъ; здѣсь, едва ли не въ первый разъ, нашимъ *полковымъ исторіографомъ* выказано стремленіе обрисовать внутренній бытъ, духъ полка въ то либо другое время. Не программа виновата, что разказы г. Марина не вносятъ ничего новаго, что біографіи разныхъ лицъ, достопамятныхъ въ исторіи полка, большею частію напоминаютъ формулярные списки, что подвиги нижнихъ чиновъ описаны не просто и естественно, какъ бы слѣдовало, а вычурно до такой степени, что офиціяльный разказъ вызываетъ недовѣріе къ справедливости повѣствованія; какъ бы то ни было, но можно многое и многое сообщить любопытнаго для исторіи полка — въ рубрикахъ, приведенныхъ генералъ-майоромъ Маринымъ: а) очеркъ исторіи полка съ начала его основанія; б) стихи и пѣсни полка (г. Маринымъ приведена только одна пѣсня, истинно характеристичная, она принадлежитъ извѣстному художнику и поэту П. А. Ѳедотову, штабсъ-капитану лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, написанная въ 1841 году); в) подлинные документы, относящіеся къ исторіи полка; г) біографія разныхъ лицъ, служившихъ въ полку, достопамятныхъ въ его исторіи, съ портретами и снимками (при этомъ не надо помѣщать біографіи исключительно добрыхъ пріятелей, нерѣдко, кромѣ знакомства съ авторомъ, ничѣмъ не заслужившихъ біографіи; выборъ лицъ *на безсмертіе* долженъ быть немножко строже); д) разказы, записки и дневники, веденные въ важнѣйшія эпохи разными офицерами (этотъ отдѣлъ особенно *можетъ быть* интересенъ въ томъ отношеніи, что изъ него можно познакомиться съ изнанкою, съ оборотною стороной медали); е) подвиги нижнихъ чиновъ. Здѣсь тоже надо быть очень осторожнымъ, особенно при списываніи этихъ подвиговъ съ современныхъ реляцій и вѣдомостей, гдѣ зачастую навязывались солдатамъ такія рѣчи, такія разсужденія, какія не приходили и не могли придти имъ въ голову: русскій солдатъ храбръ въ

бою, отлично дерется и вовсе не говоритъ о патріотизмѣ, о долгѣ, о любви къ отчизнѣ; не говоритъ, не потому, что и безъ него на эту тему до тошноты говорятъ и говорили Михаиловскіе-Данилевскіе, Полевые, и пр,. но уже и потому не говоритъ велерѣчиво солдатикъ нашъ, что это не въ его характерѣ; да притомъ разсуждать по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ него, дѣло весьма щекотливое и не принятое.

Изъ вышеприведеннаго списка исторій полковъ, мы видѣли, что почти каждое изданіе такого рода сопровождалось коллекціей рисунковъ. Судя по отдѣлкѣ ихъ, по роскоши изданій, можно видѣть, какими большими средствами обладали издатели, и тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что всѣ они ограничивались изображеніями уборовъ солдатъ, лошадей, офицеровъ, знаменъ, трубъ, штандартовъ, шапокъ и пр. Почему бы не представить портреты замѣчательныхъ лицъ полка, снимки съ писемъ всѣхъ, мало-мальски достопамятныхъ чиновъ полка, писемъ, громадныя собранія которыхъ хранятся, какъ намъ извѣстно, почти въ каждомъ полковомъ архивѣ? почему бы не издать рисунковъ слободъ, избушекъ, наконецъ, казармъ, въ которыхъ въ разное время помѣщался описываемый полкъ, рисунковъ внутренностей этихъ жилищъ? Почему бы не изобразить смотра, парада, похода, стоянки, лагеря, дѣла въ бою, дѣла въ столицѣ?.. Для всего этого, разумѣется, надо выбрать сюжетъ интереснѣйшій, либо по времени, либо по другимъ обстоятельствамъ; а не интересно ли было бы видѣть въ рисункахъ тѣ роды *взысканій*, *штрафовъ*, какимъ подвергался нашъ солдатъ, ну хоть въ царствованіе Петра Великаго, либо Павла I, какова хоть прогулка солдата по *зеленой улицѣ* и пр.? Намъ, напримѣръ, положительно извѣстно, изъ разказа современника Богданова, что лѣтъ за сто до нашего времени, «у гауптвахты, въ Петропавловской крѣпости, на площади, именуемой Плясовою, стояла деревянная лошадь съ острою спиной, на которую сажали за штрафъ солдатъ на нѣсколько часовъ сидѣть, и при томъ еще столбъ вкопанъ былъ деревянный; а около его поставлены были спицы острыя, а вверху того столба была цѣпь, и когда кого станутъ штрафовать, то въ оную цѣпь руки его замкнутъ, и на тѣхъ спицахъ штрафованный долженъ назначенное время стоять.» (*Описаніе Петербурга*, 1756, изд. 1779 стр. 35).

Не понимаемъ, какъ г. Висковатовъ упустилъ изъ виду подобный, любопытный сюжетъ для богатой коллекціи

своихъ рисунковъ; мы не нашли изображенія *плясовой площади* съ штрафнымъ конемъ, столбомъ, спицами, цѣпями и съ замкнутымъ въ нихъ воиномъ ни въ одномъ изданіи этого почтеннаго исторіографа: ни въ *Исторіи Кавалергардовъ* 1851 года, изданной съ великолѣпными рисунками, ни въ *Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ* 13 томовъ 1849 г., ни въ *Историческомъ обозрѣніи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка*, 1850, съ рисунками, ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ его изданій (1).

Но вотъ передъ нами штабсъ-капитанъ Карцовъ, или дватолстѣйшіе тома составленной имъ исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Изданіе хорошее, печать крупная, плановъ много, *альбомъ* рисунковъ роскошный. Утомленные всѣми прежними *исторіями*, мы развертываемъ первый томъ съ надеждой, что штабсъ-капитанъ Карцовъ скажетъ что-нибудь новое, но по прочтеніи перваго тома, надежды наши исчезаютъ. Въ этомъ томѣ авторъ повѣствуетъ о лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку въ царствованіе Петра I. Съ Семеновскимъ полкомъ мы не знакомимся, за то имѣемъ удовольствіе перечитать въ сотый разъ компиляцію о военныхъ дѣйствіяхъ, компиляцію изъ Голикова, Крекшина, Марсовой книги, Желябужскаго, Гордона, Матвѣева и Полеваго. На полковой архивъ встрѣчается первая ссылка только на 123 страницѣ! Для полнаго знакомства съ первымъ томомъ соч. Карцова, достаточно сказать, что изъ *54 приложеній* къ нему половина взята изъ *Дѣяній Петра Великаго* Голикова.

Два года спустя, съ производствомъ въ капитаны, г. Карцовъ напечаталъ второй томъ исторіи, и этотъ томъ, по программѣ своей, гораздо замѣчательнѣе перваго. Взглядъ капитана на свою работу уже опредѣленнѣе; вторая часть *Исторіи лейбъ-*

---

(1) Впрочемъ, долгомъ считаемъ сказать, что текстъ г. Висковатова къ его роскошнымъ рисункамъ не можетъ быть сравниваемъ съ произведеніями фаланги полковыхъ историковъ. Разказъ г. Висковатова сухъ, касается только внѣшней жизни того, либодругаго полка; но зато у г. Висковатова нѣтъ фразъ пустозвонныхъ, есть много выписокъ изъ подлинныхъ бумагъ, рѣдкихъ реляцій, много любопытныхъ приложеній и пр. Каждый трудъ г. Висковатова представляетъ много любопытнаго, и на его разказъ вполнѣ можно положиться; такъ напр. въ его *Обозрѣніи Измайловскаго полка* можно найдти обстоятельный очеркъ войны 1736—1739 годовъ; въ *Исторіи Кавалергардовъ*—разказъ о важнѣйшихъ дворцовыхъ празднествахъ съ 1726 г. и т. д.

гвардіи Семеновскаго полка состоитъ изъ тѣхъ же отдѣловъ, какъ и первая, но помѣщенныхъ въ обратномъ порядкѣ, то-есть *въ началѣ разсматриваются внутреннія учрежденія полка, а потомъ уже военныя его дѣйствія.* «Такой порядокъ основанъ на сущности полковыхъ событій, продолжаетъ авторъ, и происходитъ между прочимъ оттого, что главный интересъ описываемаго періода заключается въ организаціи полка, предметѣ вообще мало извѣстномъ и въ историческомъ отношеніи почти не разработанномъ.»

Вѣрный этой программѣ, авторъ говоритъ: о комплектованіи полка; составѣ и штатѣ полка; содержаніи полка; о внѣшнемъ управленіи; о производствѣ и наградахъ; о внутреннемъ управленіи; о ротномъ управленіи; хозяйственномъ управленіи экономической части; госпитальной части; обмундированіи полка; вооруженіи. Затѣмъ слѣдуетъ: служба, помѣщеніе полка и военныя дѣйствія съ 1737 по 1790 годъ. Нельзя не отдать справедливости капитану Карцову; на этотъ разъ онъ потрудился не безъ усердія, и въ его книгѣ можно найдти довольно много любопытныхъ свѣдѣній. При всемъ томъ, вторая часть его труда представляетъ существенные недостатки: въ ней нѣтъ ни слова о проступкахъ и преступленіяхъ солдатъ, родѣ этихъ преступленій, порядкѣ суда надъ ними и казней провинившихся. Хозяйственное управленіе полка *штабами*, имѣющее такъ много сходнаго съ коммиссіями, возникающими теперь въ нѣкоторыхъ полкахъ (съ цѣлью избавить полковыхъ командировъ отъ завѣдыванія хозяйствомъ),—управленіе это очерчено слабо, въ нѣсколькихъ словахъ. Вообще оглавленіе книги едвали не подробнѣе самой книги. Это намъ напоминаетъ фельетоны нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ нашихъ; въ заглавіяхъ ихъ Богъ знаетъ чего нѣтъ, длиненъ, длиненъ, нѣтъ ему конца, а заглянешь въ самый фельетонъ, найдешь два-три слова. Въ самомъ дѣлѣ; въ длинномъ оголовкѣ IV главы сочиненія г. Карцова мы читаемъ: *личное вліяніе царствовавшихъ особъ на полковое управленіе.* Заглавіе громко. Развертываемъ книгу въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ и встрѣчаемъ одну только фразу, «что все царствованіе Елисаветы представляетъ рядъ постоянныхъ благоволеній къ начальству полка» (стр. 46). *Глава XXIII, неслужебный бытъ офицеровъ.* «Въ дѣлахъ полковаго архива, пишетъ капитанъ, не объясняются ни степень образованія офицеровъ, ни отношенія ихъ между собою и къ обществу. Коегдѣ только встрѣчаются объ этомъ отдѣльныя мысли. Совре-

менныхъ записокъ и дневниковъ по этой части мы вовсе не имѣемъ, а если они и есть, то находятся въ рукахъ частныхъ лицъ и доселѣ еще не доставлены» (стр. 387). Вотъ и весь разказъ о *неслужебномъ бытѣ офицеровъ*.

Гораздо съ меньшими претензіями написана ротмистромъ Анненковымъ *Исторія лейбъ-гвардіи Коннаго полка*. Трудъ ротмистра состоитъ изъ четырехъ частей мелкой печати. Въ первой помѣщенъ обстоятельный очеркъ быта полка со времени его основанія: авторъ не дозволяетъ себѣ почти никакихъ пустозвонныхъ фразъ; избѣгаетъ компиляцій изъ Михайловскаго-Данилевскаго съ братіею; но, добросовѣстно разобравши весь архивъ своего полка, постоянно приводитъ и въ текстѣ, и въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ, множество любопытныхъ документовъ, то-есть: указовъ, предписаній, инструкцій, списковъ, рапортовъ, отчетовъ, вѣдомостей всего того, что̀, характеризуя частію внутренній бытъ, представляетъ множество свѣдѣній для знакомства съ внѣшнею жизнію полка. Многія свѣдѣнія, приводимыя г. Анненковымъ, мелочны, но и они не безполезны; такого рода изданіе заслуживаетъ признательности, потому что передъ вами напечатана любопытная часть полковаго архива, что̀ избавляетъ читателя отъ необходимости самому рыться въ немъ для справокъ. Въ книгѣ Анненкова нечего искать подробностей о томъ, какъ производились отпуски, отставки; не найдешь характеристики лицъ, очерковъ дисциплины въ то либо другое время; за то вся третья часть наполнена любопытными документами въ другомъ родѣ; вся же четвертая состоитъ изъ полнаго списка шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка съ 1731 по 1848 года. Списокъ этотъ занимаетъ 300 страницъ, составленъ съ большимъ стараніемъ, и польза его несомнѣнна. Мы уже говорили, что въ рядахъ гвардейскихъ полковъ служили разныя достопамятныя лица Русской земли; бо́льшая часть свѣдѣній о нихъ скудна, многія неточны, ошибочны; вотъ почему для справокъ очень важны изданія подобныхъ формуляровъ.

Въ доказательство приведемъ два-три примѣра: составляя подробную монографію о мнимомъ заговорѣ Натальи Ѳедоровны Лопухиной (1) 1743 года, мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли

(1) Напечатана въ *Русскомъ Словѣ* 1860 г. № 3: «Царствованіе Елисаветы Петровны, 1743 годъ, глава III».

найдти точныхъ указаній о мѣстѣ служенія и ходѣ службы Бергера, доносщика на Лопухиныхъ; Анненковъ своимъ спискомъ разрѣшаетъ наше недоумѣніе. Изъ него видно, что Яковъ Бергеръ, 22 октября 1843 года, изъ поручиковъ Лейбъ-кирасирскаго полка переведенъ въ Конную гвардію секундъ-майоромъ; переведенъ, такъ сказано въ указѣ, «за вѣрную ея императорскаго величества службу, что онъ донесъ о зломъ умыслѣ Степана Лопухина»; затѣмъ изложенъ весь ходъ его службы съ обозначеніемъ, между прочимъ, и того, когда онъ командовалъ Петергофскимъ карауломъ при дворцѣ Елисаветы. Здѣсь же можемъ найдти формуляръ нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ по доносу Бергера: Магнуса Христофора фонъ Лиліенфельда (стр. 24) и Степана Колычева; и тотъ и другой, удаленные въ армію, очистили Бергеру вакансіи, при дальнѣйшемъ его производствѣ. Чрезвычайно любопытны, между прочимъ, «списки офицеровъ конной гвардіи, бывшихъ въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ для карауловъ».

Вмѣсто велерѣчивыхъ восклицаній при описаніи событій 1825 года г. Анненковъ не вдаваясь въ подробныя описанія, трудныя по многимъ обстоятельствамъ, печатаетъ интересный документъ: «Раненые чины лейбъ-гвардіи Коннаго полка, 14 декабря 1825 года: Полковнику Веліо отнялъ правую руку, послѣ раздробленія пулей локтеваго состава. Штабъ-ротмистръ Игнатьевъ получилъ ушибъ въ лѣвую ляжку отъ удара. Унтеръ-офицеръ Даниловъ раненъ въ лѣвую ляжку, получилъ награжденія сто рублей. Рядовые: Лоновой раненъ (?) двумя пулями въ шляпу (?) получилъ награжденія 100 рублей. Лобановъ, раненъ въ грудь съ лѣвой стороны, получилъ награжденія 100 рублей. Хватовъ раненъ въ правое плечо, съ раздробленіемъ кости, получилъ награжденія 500 рублей. Найденовъ раненъ въ лѣвую щеку вскользь, получилъ 50 рублей. Панюта раненъ въ бокъ на вылетъ (умеръ); Супрунъ раненъ дробью въ лѣвую ляжку, получилъ награжденія 50 рублей.»

Мы не помнимъ, былъ ли напечатанъ гдѣ-нибудь вполнѣ списокъ убитыхъ сего времени, также раненыхъ съ отмѣтками наградъ, ими полученныхъ, съ обозначеніемъ дальнѣйшихъ повышеній.

Какъ бы то ни было, но нельзя не отдать справедливости труду ротмистра Анненкова: онъ далеко выдвигается изъ ряда названныхъ нами сочиненій. Назови г. ротмистръ эти четыре тома сборникомъ матеріяловъ для исторіи лейбъ-гвардіи

Коннаго полка, произведеніе его было бы безупречно; отъ исторіи же больше требуется, и этимъ условіямъ не удовлетворяетъ еще сочиненіе г. Анненкова. Не потому ли не удовлетворяетъ условіямъ, что въ годъ изданія книги, 1849 года, и не являлись такого рода требованія? Положимъ такъ, но вотъ передъ нами изданіе 1859 года: *Исторія лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка* полковника Манзея. Во внѣшней формѣ она очень сходна съ предыдущей: тѣ же четыре части, то же раздѣленіе на отдѣлы, чуть не та же обертка, а тетрадь, состоящая изъ двадцати пяти раскрашенныхъ, громадныхъ рисунковъ, до такой степени хороша, такъ роскошна, что рецензентъ книги г. Манзея рѣшительно находитъ дѣломъ «очень пріятнымъ имѣть у себя такой милый альбомъ.» (*Военный Сборникъ*, 1860 года, № 2). Но если внѣшность сочиненія г. Манзея не только напоминаетъ г. Анненкова, но даже превосходитъ его изданіе, за то содержаніе несравненно слабѣе. Десять лѣтъ, по крайней мѣрѣ для полковника Манзея, прошли даромъ. Первую часть его труда занимаетъ сухая, длинная лѣтопись о чехлахъ, сѣдлахъ, киверахъ, чешуяхъ, названій походовъ. Источниками служили: *Военно-Энциклопедическій лексиконъ*; классическая книга: *Описаніе одеждъ и вооруженіе войскъ; Хроника россійской арміи*; *Свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ* (1835 г.); Михайловскаго-Данилевскаго: *Описаніе войнъ 1805—1814 г.*; наконецъ списки и разныя вѣдомости полковаго архива. Какъ богата книга г. Анненкова подлинными документами и разными свѣдѣніями, заимствованными изъ архивовъ, такъ скудно всѣмъ этимъ сочиненіе г. Манзея: не будучи исторіей, оно не есть и сборникъ, мало-мальски полезный. Даже какъ сборникъ описей обуви, ментиковъ, шпоръ, брюкъ, мундировъ, темляковъ, сѣделъ и прочихъ вещей, книга полковника Манзея все-таки неудовлетворительна; такъ напримѣръ, имѣя передъ собой мельчайшія предписанія объ отмѣнѣ разныхъ частей туалета лейбъ-гусара, мы не узнаемъ изъ книги г. Манзея, чего стоило въ разное время содержаніе этого полка. Избѣгая излишнихъ выписокъ, укажемъ на обращикъ разказа полковника: часть первая, стр. 224, 225, 226, 227 и пр. Описаніе военныхъ дѣйствій, то-есть вся вторая часть, не представляетъ ни одного новаго документа, даже по отношенію къ описываемому полку; а между тѣмъ авторъ краснорѣчиво возвѣщаетъ: «описанныя нами дѣла свидѣтельствуютъ, что полкъ принесъ прекрасную дань на жертвенникъ заслугъ, оказанныхъ отечеству

побѣдоносными русскими войсками въ достопамятную кампанію 1812 года» (стр. 107.).

Впрочемъ книга г. Анненкова дала одну хорошую мысль полковнику Манзею: напечатать въ третьей части «списокъ гг. офицеровъ.» Списки эти, какъ мы уже сказали, бываютъ необходимы для разныхъ справокъ не только служащимъ въ полку, любопытствующимъ знать о своихъ предмѣстникахъ, но и другимъ лицамъ. Вотъ, напримѣръ, формуляры нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, служившихъ въ Лейбъ-гусарскомъ полку:

Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ: марта 1-го, 1806 года изъ поручиковъ Чугуевскаго регулярнаго полка переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, тѣмъ же чиномъ, и назначенъ адъютантомъ инспектора кавалеріи, генерала отъ кавалеріи Кологривова. 1807 г. ноября 15, уволенъ въ отставку штабсъ-ротмистромъ (часть IV, стр. 42).

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, 1806 г. іюля 4, изъ ротмистровъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ поручикомъ. 1806 г. декабря 5, назначенъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту князю Багратіону; 1807 г. января 15, произведенъ въ штабсъ-ротмистры; 1812 г. апрѣля 17, переведенъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ (стр. 45) (1).

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ: 1816 г. апрѣля 5, изъ поручиковъ Ахтырскаго гусарскаго полка переведенъ лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ, корнетомъ 1819 г. декабря 15, произведенъ въ ротмистры, 1821 г. февраля 21 уволенъ отъ службы по *домашнимъ обстоятельствамъ* ротмистромъ (стр. 80).

Михайло Юрьевичъ Лермонтовъ, 1834 г. ноября 22, изъ юнкеровъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка произведенъ въ корнеты. 1837 г. февраля 28, переведенъ въ Нижегородскій дра-

---

(1) А. И. Креницынъ доставилъ намъ драгоцѣнную коллекцію писемъ А. А. Бестужева (Марлинскаго) къ его братьямъ Николаю, Михаилу, Павлу Александровичамъ и его матери. Всѣхъ писемъ 94; съ 1830 года по 1837 іюнь мѣсяцъ. Тутъ же есть и духовное завѣщаніе Бестужева. 7 іюня онъ былъ убитъ. Письма въ высшей степени интересны и важны, какъ для исторіи русской литературы, такъ и для біографіи славнаго писателя своего времени. Между прочимъ въ письмѣ изъ Дербента, отъ 15 марта 1832 года, Бестужевъ такъ отзывается о Д. В. Давыдовѣ: «Денисъ Давыдовъ, между нами сказать, пишетъ Бестужевъ, болѣе выписалъ, чѣмъ вырубилъ себѣ славу храбреца; въ 1812 году быть партизаномъ, значило быть наименѣе въ опасности, нападая ночью на усталыхъ или въ расплохъ. Притомъ Французы безъ пушекъ и внѣ строя не страшные ратники. Это не Черкесъ и не Де-

гунскій полкъ, прапорщикомъ, 1838 г. апрѣля 9 изъ-корнетовъ Гродненскаго Гусарскаго полка переведенъ, по прежнему лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ тѣмъ же чиномъ. 1840 г. апрѣля 13 переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ поручикомъ (стр. 142, 143).

Въ слѣдующемъ году, какъ извѣстно, переводы Лермонтова прекратились: онъ былъ убитъ.

Какъ ни интересны выписанные нами формуляры, мы все-таки должны повторить, что въ послѣднія десять лѣтъ наши *полковые историки* не измѣнили своего взгляда на предпринимаемую ими работу, и не дошли еще до сознанія слѣдующаго обстоятельства: при составленіи исторіи полка прежде всего надо вполнѣ, до послѣдняго документа, разсмотрѣть свой полковой архивъ. Безспорно, не всѣ полковые архивы одинаково богаты: многое погибло отъ пожаровъ, во время наводненія, во время походовъ, еще больше отъ небрежности. Тѣмъ не менѣе, приступая къ исторіи полка, прежде всего надо было бы напечатать подробный обзоръ архива, его исторію, его составъ, и указать на интереснѣйшія бумаги, въ томъ либо другомъ отношеніи. Подобнаго обзора мы не нашли ни въ одной изъ кучи прочитанныхъ нами исторій. А между тѣмъ было бы гораздо интереснѣе встрѣтить такого рода обзоръ вмѣсто выписки изъ *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* о происхожденіи гусаръ (какъ это дѣлаетъ г. Манзей), либо толковъ о происхожденіи генеральнаго штаба колонновожатыхъ, какъ это дѣлаетъ князь Н. Голицынъ въ своемъ *Очеркѣ Генеральнаго Штаба*,

---

либашъ, который не задумается вступить въ борьбу съ пятерыми врагами. Между прочимъ я былъ друженъ съ Николаемъ Бедрягою, который служилъ съ Денисомъ въ 1812 году. Онъ говоритъ, что они могли въ тысячу разъ быть полезнѣе, если бы Бахусъ не мѣшалъ Марсу. Денисъ ввѣрился слишкомъ какому-то Храповицкому и занялся болѣе маскарадомъ, да чаркой, чѣмъ дѣломъ. Бедряга уѣхалъ изъ отряда Давыдовскаго за то, что онъ велѣлъ перерѣзать на честное слово сдавшихся ему Французовъ. Въ 1826 году, хоть и онъ пронесся въ горахъ около Арарата съ шайкой Грузинъ, но тамъ не было сборищъ Куртинцевъ и потому они не имѣли даже ни одной стычки. Я не отнимаю впрочемъ ни славы, ни пользы у Давыдова—онъ очень хорошо постигъ свое ремесло, однако я бы желалъ видѣть и сравнить его съ здѣшними наѣздниками. Я думаю, что онъ показался бы школьникомъ въ сравненіи съ ними. Въ мірѣ все относительно. Я очень люблю его, но онъ принадлежитъ исторіи, а исторія есть наша истина,» и проч.

причемъ князь находитъ, что чуть ли не Ной былъ первый колонновожатый! За обзоромъ архива каждый *историкъ* лучше бы сдѣлалъ, если бы просто издалъ сборникъ матеріяловъ къ исторіи полка. Подобнаго же изданія мы не имѣемъ ни одного, и всѣ офицеры пишутъ прямо *исторіи*. Храбрость и безстрашіе конечно должны быть девизами каждаго воина, но не думаемъ, чтобъ этихъ качествъ было достаточно для составленія исторіи.

Весь процессъ работы при составленіи подобныхъ произведеній передъ нами: мы помнимъ, какъ это дѣлалось встарь. Каждый полкъ имѣлъ своихъ каптенармусовъ, аудиторовъ, старшихъ писарей, медиковъ, профосовъ, каждый полкъ имѣлъ и своего доморощеннаго историка, приличнаго чина. Въ историки нерѣдко попадалъ офицеръ просто *по наряду*, почти такъ, какъ наряжали на дежурство, въ караулъ. Дѣло начиналось съ того, что тотъ, кому назначали писать исторію полка, не отказывался отъ назначенія; не слава исторіографа соблазняла его, а облегченіе въ исполненіи служебныхъ обязанностей; буде же такого облегченія не дѣлалось—штабсъ-капитанъ или *капитанъ отъ исторіи* говаривалъ: «Богъ знаетъ, что̀ это такое, силъ нѣтъ: и на ротное ученье ступай, и мундиры пригоняй, и къ разводу готовься, и исторію пиши.»

Въ облегченіе сего дѣла къ исторіографу назначали двухъ-трехъ кантонистовъ-писарей: имъ поручалъ исторіографъ разобрать архивъ, обыкновенно бывшій въ безпорядкѣ; бумаги расшивались, отдѣлялись по годамъ, складывались и переплетались; на переплетѣ наклеивались ярлычки съ обозначеніемъ годовъ и съ надписями: «Часть аудиторіатская: слѣдственныя и судныя дѣла»; «Часть квартирмейстерская», «Именные указы», «Приказы полка», «Бумаги входящія», «Журналъ исходящихъ бумагъ». и т. п. Толстые томы переплетались однообразно; ярлычки наклеивались ровно, одноцвѣтныя и цѣлыя шеренги ранжированныхъ книгъ вытягивались на полкахъ архива. Исторіографъ сдѣлалъ дѣло необыкновенной трудности—привелъ въ порядокъ архивъ! Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что до повѣрки, то ли вышло въ томъ, что̀ значится на ярлыкѣ, не дойдетъ, да и онъ самъ едва ли станетъ повѣрять кантонистовъ; нерѣдко ужь потому не примется за повѣрку, «что старинный почеркъ чортъ знаетъ какой: надъ одною страницей провозишься день, другой, а тутъ ученья, инспекторскіе смотры; приближается день праздника,

къ нему надо подготовить исторію полка» (1), и дѣйствительно, къ торжественному дню *исторія*, составленная по Данилевскому, Голикову и проч., съ присоединеніемъ двухъ-трехъ указовъ, двухъ-трехъ рапортовъ, двухъ-трехъ списковъ, взятыхъ изъ полковаго архива, облекается въ превосходный переплетъ; къ ней прилагается альбомъ рисунковъ, при чемъ фигуры большей части офицеровъ суть портреты товарищей автора; ихъ лица сохранялись такимъ образомъ на память вѣкамъ грядущимъ и предавались безсмертію (2)

Да не покажутся наши слова кому-нибудь предосудительными; мы говоримъ о прежнемъ времени, говоримъ вообще: кто не знаетъ, что изъ всего есть исключенія, и чѣмъ ближе къ нашему времени—исключенія встрѣчаются чаще и чаще, и нерѣдко бываютъ самыя блестящія? Такъ напримѣръ съ глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ смотримъ мы на трудолюбиваго военнаго историка нашего, полковника Ратча. Въ 1851 года издана была имъ книга: *Свѣдѣнія объ артиллеріи гатчинскихъ войскъ* Спб. 8 д. стр. 133. Трудъ почтенный, сообщающій множество спеціяльныхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Болѣе десяти лѣтъ г. Ратчъ постоянно трудится надъ исторіей артиллеріи. Петровскій періодъ весь пройденъ имъ по подлиннымъ документамъ, ни одинъ архивъ не остался въ сторонѣ при работахъ г. Ратча. Отрывки изъ этого важнаго труда помѣщались въ спеціяльныхъ журналахъ, и еще недавно

---

(1) Вслѣдствіе такой системы приводить архивъ въ порядокъ, мы видѣли самые куріозные случаи; на томѣ написано: уголовныя дѣла, а внутри какія-нибудь мирныя требованія о выдачѣ аммуниціи, сукна и т. п. Довольно сказать, что въ архивѣ военно-топографскаго депо, одномъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ архивовъ, извѣстномъ отличнымъ порядкомъ, мы видѣли цѣлый шкафъ, наполненный, какъ значится на ярлыкахъ, *присудственными дѣлами*, а внутри любопытныя дипломатическія сношенія, предписанія и распоряженія сановниковъ двора Елисаветы. Въ такомъ видѣ многіе фоліянты поступали изъ разныхъ вѣдомствъ въ архивъ, гдѣ впрочемъ стараніемъ А. В. Ракинта, начальника его, много подобныхъ томовъ приведено въ порядокъ.

(2) Смѣло скажемъ, что рѣдкій офицеръ знаетъ исторію своего полка, а она написана и лежитъ, если не у него, то въ полковой библіотекѣ. Обвинимъ ли мы гг. офицеровъ въ недостаткѣ любознательности? Очень хорошо знаемъ, что въ послѣднее особенно время офицеры много читаютъ. Итакъ, виноваты не они; виновата исторія полка, и историкъ, ее написавшій: кому интересно читать перечень выпушекъ, да пуговокъ?

мы съ большимъ интересомъ прочитали статью г. Ратча *Бомбардиры въ потѣшныхъ войскахъ Петра Великаго* (*Военный Сборникъ*, 1860 г. № 1). Здѣсь мы нашли много такого, что̀ дополняетъ, либо даже вовсе исправляетъ тѣ факты, которые сообщаетъ г. Устряловъ. Мы жалѣемъ только объ одномъ, что нѣкоторыя статьи полковника Ратча, какъ напримѣръ статья о А. Д. Меншиковѣ, представляющая біографію этого человѣка (по подлиннымъ документамъ) совершенно иначе нежели какъ была она прежде, помѣщена въ *Артиллерійскомъ Журналѣ*, изданіи почтенномъ, но по своей спеціяльности мало извѣстномъ публикѣ. Одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ дѣятельности г. Ратча: неутомимость въ историческихъ розысканіяхъ и неторопливость въ обнародованіи ихъ; намъ хорошо извѣстны богатѣйшія коллекціи его выписокъ, копіи съ драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ; но добавляя ихъ новыми свѣдѣніями и розысканіями, г. Ратчъ не торопится печатать; множество частныхъ записокъ и дневниковъ, собранія интереснѣйшихъ писемъ истіографа Миллера и прочіе историческіе матеріялы составляютъ библіотеку г. Ратча.

Мы позволили себѣ распространиться объ историкѣ гвардейской артиллеріи и его дѣятельности только потому, что утомились и утомили нашихъ читателей знакомствомъ съ произведеніями полковыхъ историографовъ гг. Пузанова, Гоувальта, Волкенштейна, Манзея, Марина. Но къ этому разряду мы отнюдь не причислимъ штабсъ-капитана Азанчевскаго, автора *Исторіи Преображенскаго полка*. Первый томъ ея, превосходно напечатанный въ Москвѣ, въ 1859 году, лежитъ передъ нами, и о немъ предстоитъ намъ теперь говорить.

М. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОШИБКА ЗА ОШИБКУ

ПОВѢСТЬ.

I.

Былъ жаркій іюльскій день. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не нарушало соннаго, мертвеннаго спокойствія природы; недвижно стояли деревья, и голубымъ, гладкимъ зеркаломъ разстилалась Волга, на берегу которой красовалось село Медвѣдково, богатая усадьба, принадлежавшая к — му уѣздному предводителю дворянства, Ильѣ Петровичу Дубровину. Но эта тишина составляла рѣзкую противоположность съ тѣмъ, что происходило въ самой усадьбѣ, гдѣ съ солнечнаго восхода поднялась страшная тревога, по случаю великаго, двойнаго торжества: въ Медвѣдковѣ готовились праздновать день именинъ самого владѣльца и пріѣздъ губернатора, въ то время ревизовавшаго губернію. Вся прислуга была на ногахъ и бѣгала по двору во всѣхъ направленіяхъ, на кухнѣ еще съ вечера раздавался стукъ ножей и говоръ поваровъ, на погребѣ экономка съ ворчаньемъ и бранью отбирала бутылки съ виномъ, выдавала муку, масло, сахаръ и прочія принадлежности для стола, и все это въ огромномъ количествѣ. Илья Петровичъ былъ разчетливъ, но, угощая губернаторы или даже его правителя канцеляріи, не ща-

лилъ ни стерлядей, ни шампанскаго; это знали всѣ, и всѣ спѣшили къ его обѣду съ пріятными надеждами; нужные люди, вообще не равнодушные къ хорошему столу и дорогимъ винамъ, всегда готовы были замолвить слово за предводителя-хлѣбосола безъ малѣйшей просьбы съ его стороны, въ одной сладкой увѣренности, что при каждомъ удобномъ случаѣ ихъ ожидаетъ въ Медвѣдковѣ великолѣпное угощеніе. Въ это утро, самъ Илья Петровичъ всталъ ранѣе обыкновеннаго; прохаживаясь по комнатамъ и по двору въ халатѣ, любимомъ костюмѣ своемъ, онъ раздавалъ приказанія о пріемѣ гостей, о порядкѣ угощенія, и не забылъ даже распорядиться приготовленіемъ особой комнаты для губернаторскаго камердинера. Въ этотъ торжественный день, движенія Ильи Петровича были такъ же плавны и спокойны, какъ и въ обыкновенные дни его жизни, и внутреннее волненіе, котораго не могъ онъ не испытывать, выражалось только въ его озабоченномъ видѣ и во множествѣ раздаваемыхъ имъ приказаній. Молодая супруга его, Вѣра Павловна, дѣлала также разныя распоряженія, но безъ малѣйшаго наружнаго и внутренняго волненія, а только съ ожиданіемъ нестерпимой скуки, неразлучной для нея съ подобными праздниками; одна только Софья Петровна, сестра Дубровина, года два тому назадъ окончившая ученіе въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ, и поселившаяся въ деревнѣ у брата, была весела и беззаботна, примѣривала свои наряды, хохотала, дразнила дѣтей, радовалась и пріѣзду губернатора, и толпѣ гостей, и балу, который долженъ былъ заключить предстоящее торжество.

— Посмотри, Вѣра, какой онъ хорошенькій! говорила она, цѣлуя волнистыя кудри Виктора, маленькаго сына Дубровиныхъ, который хохоталъ во все горло, хваталъ руки своей *милой тети*, дергалъ ее за платье и трепалъ ей голову.—А какое платье у меня, Вѣра, продолжала институтка тѣмъ же тономъ, оставляя Виктора и встрѣчая горничную, которая несла показать Вѣрѣ Павловнѣ костюмъ Софьи.—Посмотри, какъ оно сшито! А голубой поясъ къ нему, вѣдь это просто очарованіе! Да что же ты не смотришь, Вѣра? съ нетерпѣніемъ продолжала Софья:—да полюбуйся же, холодная!

— Я радуюсь, Sophie, ты будешь мило, какъ всегда, сказала Вѣра, ласково улыбаясь.

— Merci за комплиментъ! Впрочемъ, какъ ни старайся, все лучше тебя не будешь. Ты съ своими черными глазами, кото-

рые ни на кого не смотрятъ, какъ будто никто не достоинъ твоего взора, съ своею великолѣпною шевелюрою, съ своею гордою поступью, — vraiment vous avez l'air d'une reine. Даже мой угловатый братецъ, Илья Петровичъ, бываетъ при тебѣ не такъ чопоренъ, какъ обыкновенно.

— Полно, Sophie, ты знаешь, что я не люблю, когда ты говоришь съ неуваженіемъ о братѣ.

— Съ неуваженіемъ? Вотъ вздоръ какой! Я его очень уважаю, очень люблю, а все-таки il est si raide.

— Онъ лучшій изъ людей, съ жаромъ перебила Вѣра Павловна.

— Можетъ-быть, mon ange, можетъ-быть! Вѣдь я и не спорю. Посмотри, вонъ онъ ходитъ по двору твой лучшій изъ людей, и, quelle horreur! въ халатѣ.

И рѣзвая Софья, видя, что Вѣра нахмурилась, начала цѣловать ее и болтать всякій вздоръ. Дребезжаніе подъѣхавшаго экипажа прервало ея болтовню или правильнѣе дало ей другое направленіе.

— Кто-то пріѣхалъ, вѣрно Ѳедоръ Семеновичъ; это звонъ его дрожекъ, динь, динь, за десять верстъ узнаю его... Посмотри Вѣра, продолжала она, вскочивъ съ мѣста и подбѣжавъ къ окну, — какая уморительная фигура! А братецъ раскланивается съ нимъ преважно и едва улыбается.

Софья хохотала и, правду сказать, было надъ чѣмъ. На дворѣ стояли дрожки, вѣроятно, пережившія не одно поколѣніе и напоминавшія своею формой первое время изобрѣтенія этого безпокойнаго экипажа; на четырехъ колесахъ кое-какъ утверждена была доска, аршина въ три длиной и въ полтора шириной, покрытая кожаною, мѣстами продыравленою подушкой, съ полукруглыми отгородками въ видѣ сѣдалищъ спереди и сзади; на передней отгородкѣ сидѣлъ молоденькій мальчикъ въ сѣромъ кафтанѣ и ватномъ картузѣ, и правилъ тощею саврасою лошаденкой. Съ этой допотопной колесницы соскочилъ небольшаго роста пузатенькій человѣчекъ, лѣтъ пятидесяти, одѣтый въ синій фракъ съ желтыми пуговицами и въ бѣлыя панталоны; одутловатыя щеки его уходили въ длинные накрахмаленные воротнички, а изъ-подъ желтаго жилета выглядывала боркомъ сложенная манишка. Передняя часть головы Ѳедора Семеновича была совершенно обнажена, но онъ мастерски прикрывалъ ее волосами, росшими на затылкѣ, зачесывая ихъ къ верху; маленькіе, почти заплывшіе жиромъ

глаза довершали фигуру толстенькаго человѣчка, который подбѣжалъ, или, лучше сказать, подкатился къ Ильѣ Петровичу, и приносилъ ему усерднѣйшее поздравленіе со днемъ ангела. Ѳедоръ Семеновичъ былъ ближайшій мелкопомѣстный сосѣдъ Дубровина и исполнитель его порученій, лицо необходимое для уѣзднаго сановника, который не могъ довольствоваться прислугой однихъ крѣпостныхъ людей.

—Скоро двѣнадцать часовъ-съ, Илья Петровичъ, говорилъ онъ, продолжая кланяться,—пора одѣваться-съ; сейчасъ ѣхалъ мимо Поликаровыхъ,—у нихъ ужь лошадей запрягаютъ-съ.

— Въ самомъ дѣлѣ пора, отвѣчалъ Илья Петровичъ,—его превосходительство пожалуетъ не ранѣе четырехъ; ну да другіе-то гости съѣдутся раньше, не сидѣть же имъ однимъ. Сбѣгай, братъ, Ѳедоръ Семеновичъ, къ женѣ, попроси ее въ гостиную, да потомъ посмотри, все ли въ порядкѣ на кухнѣ, на конюшнѣ, и приди сказать мнѣ. А зачѣмъ ты надѣлъ бѣлыя панталоны? какъ разъ запачкаешь, прибавилъ онъ шутливо и благосклонно.

— Помилуйте-съ, оно параднѣе; какъ же-съ, при такихъ лицахъ... Всѣ-съ, всѣ сбираются къ вамъ, Илья Петровичъ: такая тревога въ сосѣдствѣ. Всѣ говорятъ, ужь, молъ, нашъ предводитель охулки на свою руку не положитъ, не ударитъ лицомъ въ грязь, угоститъ на славу его превосходительство, ужь честь нашему уѣзду, цѣлой губерніи, право-съ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ съ самодовольною улыбкой предводитель, слегка приподнимая полы своего халата и медленно взбираясь на парадную лѣстницу.

Пока Ѳедоръ Семеновичъ бѣгаетъ по хозяйству и собираются гости въ Медвѣдково, скажемъ нѣсколько словъ о Дубровиныхъ.

Илья Петровичъ не всегда былъ богатъ; въ юности своей онъ прошелъ тяжелую школу лишеній. Небогатые родители не могли дать ему никакого воспитанія, научили его весьма немногому и записали въ полкъ, какъ дѣлали въ то время всѣ бѣдные дворяне, не имѣвшіе средствъ содержать сыновей своихъ въ гимназіи или не успѣвшіе опредѣлить ихъ въ корпусъ. Служба не повезла Ильѣ Петровичу. Года четыре онъ прослужилъ юнкеромъ, и эта тяжелая пора оставила на немъ слѣды чего-то угловатаго, чего не могли изгладить въ послѣдствіи, ни довольство, ни природный умъ; не рѣдко нуждаясь въ необходимомъ, Дубровинъ принужденъ былъ при-

бѣгать къ великодушію товарищей; это страшно тяготило его, и онъ началъ придумывать, какъ бы выйдти изъ такого непріятнаго положенія. Игра представляла ему самый скорый и надежный способъ къ достиженію цѣли, и онъ не ошибся: всегда ровный и спокойный, онъ не увлекался обманчивымъ призракомъ удачи, и основывалъ свои надежды на неизмѣнномъ разчетѣ; отличаясь въ игрѣ строгою честностью, онъ выжидалъ, когда ему не везло, сидѣлъ спокойно, когда другіе горячились, умѣлъ пользоваться каждою ошибкой, каждымъ увлеченіемъ своихъ противниковъ, и оставался постоянно въ выигрышѣ. Положеніе его значительно улучшилось: съ терпѣніемъ и надеждами онъ дожилъ до тридцати лѣтъ, дослужился до штабсъ-капитана, составилъ себѣ небольшой капиталецъ и получилъ аннинскій крестикъ въ петлицу. Какъ видите, Илья Петровичъ шелъ медленно впередъ, но шелъ твердо и постоянно; ничѣмъ не пренебрегая, никогда не скучая никакимъ порученіемъ, онъ держался правила старинныхъ служакъ: «ни отъ чего не отпрашиваться и ни на что не напрашиваться»; когда товарищи роптали на распоряженія начальства, онъ улыбался, и, не обнаруживая ни малѣйшаго неудовольствія, въ точности исполнялъ всѣ данныя ему порученія. Честолюбіе, которое запылало въ груди его со времени полученія первыхъ знаковъ отличія, научило его умѣнію искать въ людяхъ: со всѣми товарищами онъ былъ одинаково хорошъ, всѣмъ начальникамъ угождалъ по мѣрѣ силъ, и не отличить его было невозможно. Впрочемъ, всѣ несомнѣнныя достоинства Ильи Петровича, все вниманіе начальства едва ли бы выдвинули его изъ тѣснаго круга его служебной дѣятельности, еслибы смерть богатаго дяди не открыла передъ нимъ новаго, блестящаго поприща, и не сдѣлала его полнымъ обладателемъ двухъ тысячъ душъ крестьянъ и отлично устроеннаго имѣнія. Конечно, Илья Петровичъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи: планы честолюбія его приняли новые, болѣе обширные размѣры; сдѣлавшись первымъ помѣщикомъ въ уѣздѣ и однимъ изъ первыхъ въ губерніи, онъ задумалъ о званіи предводителя; смѣлая фантазія повела его еще далѣе и въ неясныхъ образахъ рисовала передъ нимъ возможность называться нѣкогда превосходительствомъ и даже (о верхъ блаженства!) носить звѣзду. Половина его мечтаній осуществилась въ самомъ скоромъ времени; не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ уже избранъ былъ единогласно предводителемъ К. уѣзда, гдѣ обыкно-

венно дворянство раздѣлялось на двѣ-три партіи, старавшіяся уничтожить одна другую; но при имени Дубровина смолкли политическія страсти, и достоинства его признаны были представителями всѣхъ мнѣній. Да и какъ было не признать ихъ? Двѣ тысячи душъ сами по себѣ имѣютъ свойство внушать невольное уваженіе къ ихъ обладателю; къ тому же Илья Петровичъ былъ уменъ, довольно ловокъ, красивъ собою, держался, по военной привычкѣ, всегда очень прямо, одѣвался прилично, носилъ безукоризненную прическу и гладко подстриженные, изящно расположенные бакенбарды; говорилъ онъ протяжно, нѣсколько монотонно, не умно и не глупо, иногда съ претензіей на остроуміе, но никогда не обидно ни для кого; въ обращеніи съ старшими, то-есть съ людьми нужными, онъ обнаруживалъ нѣкоторое подобострастіе, но не униженіе, и всегда удачно умѣлъ польстить имъ. По прошествіи перваго трехлѣтія, Илья Петровичъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника; по прошествіи втораго—чинъ коллежскаго совѣтника и аннинскій крестъ на шею, такъ что къ сорока годамъ онъ сдѣлался уже человѣкомъ чиновнымъ, всѣми уважаемымъ и съ вѣсомъ въ губерніи; губернаторъ крѣпко пожималъ ему руку, при каждомъ случаѣ приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ, на партію въ вистъ, считалъ его лучшимъ предводителемъ и конечно не напрасно: Дубровинъ никогда и ни о чемъ не просилъ его превосходительство ни за себя, ни за другихъ, и всегда готовъ былъ служить чѣмъ могъ; съ дворянами онъ былъ вѣжливъ, принималъ ихъ всегда охотно, давалъ балы, обѣды; хлопотать объ ихъ дѣлахъ онъ и не думалъ, но никогда не оскорблялъ никого отказомъ. Случалось ли помѣщику его уѣзда пріѣхать къ нему съ какою-нибудь просьбой, онъ всегда выслушивалъ его съ участіемъ, бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ, и потомъ... потомъ ровно ничего не дѣлалъ для него; за то каждаго обласкаетъ непремѣнно, накормитъ досыта разъ пять въ годъ; чего же еще требовать отъ хорошаго предводителя? Женился Илья Петровичъ случайно; не знаю, былъ ли какой-нибудь разчетъ въ его женитьбѣ, но думаю, что былъ, потому что онъ не дѣлалъ ничего безъ разчета. Женитьба его удивила многихъ: Вѣра Павловна была бѣдна и не имѣла знатныхъ родственниковъ! Можетъ-быть красота ея и блестящее воспитаніе заставили смѣтливаго Илью Петровича сообразить, что денегъ у него и своихъ достаточно, и что жена, подобная Вѣрѣ Павловнѣ, будетъ хоро-

шимъ дополненіемъ ко всему прочему; сверхъ того, онъ могъ предположить, что, извлекая ее изъ нищеты и доставляя ей видное положеніе въ свѣтѣ, онъ привяжетъ ее къ себѣ чувствомъ благодарности; о чувствѣ другаго рода Илья Петровичъ не заботился и былъ убѣжденъ, что, сдѣлавши Вѣру Павловну своею супругой, онъ уже вполнѣ составилъ ея счастіе. Разчетъ (если таковой былъ дѣйствительно) оказался вѣренъ, какъ всѣ разчеты Дубровина, и супружество водворило окончательный порядокъ въ его хозяйствѣ, нисколько не стѣснивъ ни привычекъ его, ни образа жизни.

Повидимому и Вѣра Павловна должна была благословлять судьбу свою; отецъ ея, владѣтель пятидесяти законныхъ душъ по сосѣдству съ Медвѣдковымъ, умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ и оставилъ послѣ себя вдову и пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ десятилѣтняя Вѣра была старшая; богатая родственница, жившая въ Петербургѣ, взяла къ себѣ Вѣру, полюбила ее, не щадила ничего для ея воспитанія и намѣревалась упрочить ея будущность, но, по обыкновенію всѣхъ старушекъ, не рѣшалась приступить къ завѣщанію, а смерть не думала ожидать ея рѣшенія. По смерти ея, восьмнадцатилѣтняя Вѣра, привыкшая къ роскоши и хорошему обществу, должна была отказаться отъ прежней жизни и переселиться въ деревню; безъ ропота покорилась она своей участи и сдѣлалась дѣятельною помощницей матери въ домашнемъ хозяйствѣ и воспитаніи братьевъ; но переходъ былъ слишкомъ крутъ и, несмотря на всю энергію молодой дѣвушки, положилъ печать задумчивости на ея прекрасное, выразительное лицо. Не прошло года, и судьба исправила ошибку покойной тетки: въ особѣ Ильи Петровича она послала Вѣрѣ такое сокровище, какое рѣдко можно найдти на свѣтѣ,—мужа всегда спокойнаго, всегда ровнаго въ обхожденіи, заклятаго врага семейныхъ бурь, всегда ласковаго съ женой, только бы она не требовала измѣненія его привычекъ и не нарушала заведеннаго порядка его ежедневной жизни. Что̀ же мудренаго, что жизнь Дубровиныхъ потекла спокойно и что въ продолженіи пятилѣтняго супружества ни одно облачко не потемняло ихъ семейнаго согласія? Но отъ чего же Вѣра Павловна, окруженная всѣмъ, что̀, по общимъ понятіямъ, составляетъ условія счастливой жизни, была постоянно задумчива и какъ будто грустила о чемъ-то? Можетъ-быть отъ того, что люди ничѣмъ не бываютъ довольны... Какъ бы ни скучала Вѣра Павловна въ началѣ своего супру-

жества, но въ послѣдствіи двое прекрасныхъ малютокъ внесли въ ея одиночество новыя, невѣдомыя прежде радости. Много развлеченія доставляла ей также молоденькая сестра Дубровина, Софья Петровна, которая могла служить типомъ институтокъ, большею частію милыхъ и наивныхъ; всегда веселая, живая, готовая на всѣ удовольствія, она способна была развеселить кого угодно и нравилась всѣмъ безъ исключенія, тѣмъ болѣе, что и самая наружность ея располагала въ ея пользу: прекрасный цвѣтъ лица, живые голубые глазки, роскошные свѣтлорусые волосы, стройный станъ, прекрасный ротикъ— все это гармонировало одно съ другимъ и дѣлало Софью самымъ симпатичнымъ существомъ; не имѣя ни малѣйшаго сочувствія къ благоразумному братцу, она страстно полюбила Вѣру и веселостью своею умѣла разгонять ея задумчивость.

Но возвратимся къ нашему разказу.

II.

Часа въ два по-полудни, въ село Медвѣдково начали съѣзжаться гости. Прежде всѣхъ явилось, въ огромной линейкѣ, запряженной шестью разношерстными лошадьми, семейство Поликаровыхъ, о которомъ упоминалъ Ѳедоръ Семеновичъ. Семейство это, состоявшее изъ отца, матери, трехъ взрослыхъ дочерей и трехъ малолѣтныхъ, представляло собою образцикъ уѣздныхъ дворянъ, которые всю жизнь свою проводятъ въ деревнѣ и не выѣзжаютъ далѣе уѣзднаго города; самого Ивана Ивановича Поликарова представить себѣ не трудно: онъ ни толстъ, ни тонокъ, ни высокъ, ни малъ; волосы съ просѣдью, усы довольно длинные и черно выкрашенные; коричневый фракъ, пестрый жилетъ, гороховые панталоны, часы съ сердоликовою печатью, разговоръ однообразный о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ, и т. п. Мавра Савишна, супруга его, высокая, сухопарая дама, въ шелковомъ платьѣ gris de lin, въ высокомъ чепцѣ съ малиновыми лентами и въ турецкой шали, спущенной съ одного плеча; желая поддѣлаться подъ тонъ столичныхъ дамъ, она слегка картавила, особенно произносила кстати и не кстати небольшое число французскихъ словъ, вы-

ученныхъ ею когда-то въ граматикѣ Ломонда, поворачивала голову съ боку на бокъ и называла супруга своего *Jeanot*; въ присутствіи постороннихъ она принимала на себя видъ нѣжной супруги и нѣжной матери, что̀ не мѣшало ей держать весь домъ подъ тягостнымъ гнетомъ, отъ котораго страдали всѣ домашніе, не исключая и пятидесятилѣтняго Жано. Три старшія дочери были уже въ зрѣломъ возрастѣ; довольно плохо говорили онѣ по-французски, довольно плохо брянчали на фортепіяно, танцовали подпрыгивая и старались плѣнить каждаго не женатаго мущину, начиная отъ гвардейскаго ремонтера, проживавшаго въ ихъ уѣздѣ, даже до Ѳедора Семеновича, которому особенно нравилась Пульхерія Ивановна, старшая изъ Поликаровыхъ, дѣвица лѣтъ подъ тридцать, такая же высокая и сухопарая, какъ мать. Всѣ сестры одарены были высокимъ ростомъ, темнорусыми волосами и сѣрыми глазами; маленькія (старшей изъ маленькихъ было лѣтъ пятнадцать), обѣщавшія современемъ представить второй экземпляръ старшихъ, ходили въ коротенькихъ платьицахъ и вышитыхъ панталончикахъ, садились, кланялись, и цѣловались по командѣ гувернантки, родомъ Швейцарки, которая безпрестанно повторяла имъ tenez-vous droite, restez tranquille и тому подобныя увѣщанія.

Поликаровыхъ встрѣтилъ въ дверяхъ гостиной самъ хозяинъ, одѣтый въ черный фракъ, такія же панталоны, сшитыя почти по военному и подтянутыя штрипками, бѣлый жилетъ и черный шелковый галстукъ; до половины закрытый алою орденскою лентой. Усадивъ Ивана Ивановича на диванъ, онъ завелъ безконечную рѣчь о достоинствахъ губернатора, слегка коснулся своихъ дружественныхъ отношеній къ его превосходительству, и потомъ перешелъ къ сельскому хозяйству, неистощимому источнику всѣхъ разговоровъ между помѣщиками. Вскорѣ стали съѣзжаться другіе гости; Илья Петровичъ привѣтствовалъ каждаго, каждому пожималъ руку и изъявлялъ благодарность за посѣщеніе; мало-по-малу гостиная наполнилась, и мущины чинно разсѣлись около хозяина, дамы столпились около хозяекъ и мѣнялись поцѣлуями и привѣтствіями; не безъ зависти посматривали дѣвицы на одушевленныя черты Софьи, на ея граціозныя движенія, и думали про себя: «какъ разъ найдетъ жениха!» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но Софья была права отдавая преимущество Вѣрѣ; для знатока и любителя истинной красоты, Вѣра показалась бы несравненно лучше: она была не высока ростомъ, но чрезвычайно стройна, ея темные глубокіе

глаза, полные думы, вспыхивали только при сильномъ душевномъ движеніи, густые черные волосы убраны были очень просто, чему соотвѣтствовалъ и весь костюмъ ея, состоявшій изъ бѣлаго платья безъ всякихъ украшеній; лицо ея было смугло, но тонкая, прозрачная кожа, сквозь которую пробивался легкій, едва замѣтный румянецъ, придавала ему необыкновенную прелесть; постоянная грусть, разлитая по всѣмъ чертамъ ея, и задумчивая улыбка, ей одной свойственная, не могли внушить къ ней симпатію помѣщиковъ и уѣздныхъ дамъ, но тѣмъ не менѣе были удивительно хороши.

Когда собрались всѣ гости, привѣтливый хозяинъ пригласилъ мущинъ въ столовую, расположенную довольно далеко отъ парадныхъ комнатъ, что̀ очень удобно было для посѣтителей, которые любили на свободѣ выпить, закусить и выкурить трубочку. Гости столпились около стола съ закуской, и, по мѣрѣ того какъ графины и блюда пустѣли, между нѣкоторыми изъ пріѣзжихъ стали завязываться разговоры, отчего самое ожиданіе обѣда сдѣлалось менѣе томительнымъ.

Въ числѣ гостей Дубровина были чиновники города К. и всѣ его сосѣди; тутъ былъ и посредникъ, молодой человѣкъ, щегольски одѣтый, напомаженный и надушенный, и судья, старый милиціонный подполковникъ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и съ медалями на груди; нѣсколько засѣдателей, становыхъ и множество неслужащихъ; почтенные, полупочтенные и вовсе не почтенные помѣщики съ женами, дочерьми и сыновьями; два студента, пріѣхавшіе на вакацію къ родителямъ; уланскій поручикъ, немилосердо фабрившій усы, и съ самодовольною улыбкой побѣдителя смотрѣвшій на дѣвицъ, окружавшихъ Софью,—однимъ словомъ, все, что̀ можно встрѣтить въ уѣздномъ обществѣ, куда случайно только, какъ мимолетное видѣнье, появляется гвардейскій офицеръ или камеръ-юнкеръ, и становится тотчасъ же предметомъ общаго вниманія, цѣлію убійственныхъ взглядовъ и очаровательныхъ улыбокъ.

Привѣтливѣе всѣхъ встрѣченъ былъ хозяйками Степанъ Ивановичъ Радомцевъ, молодой помѣщикъ огромнаго роста и колоссальныхъ размѣровъ. Разгульная жизнь первой молодости, въ которую втянули его товарищи, нисколько не испортила доброй, прямой натуры; буйныя удовольствія скоро опротивѣли ему, и онъ, что̀ называется, остепенился. Университетское образованіе и хорошее общество не пропали для него даромъ, а потому онъ рѣзко отличался отъ прочихъ помѣщи-

ковъ. Единственнымъ недостаткомъ его была непомѣрная лѣнь, зависѣвшая можетъ-быть и отъ самаго устройства его тѣла; вышедши въ отставку, онъ предался ей вполнѣ, любилъ покоить мощные члены свои въ мягкихъ подушкахъ, любилъ невозмущаемое спокойствіе сельской жизни и наконецъ любилъ Вѣру и Софью, хотя не очень жаловалъ почтеннаго Илью Петровича. Утомленный зноемъ, фракомъ и толпой гостей, онъ сидѣлъ у окна, надувши губы, и съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣда; только по временамъ привѣтливое слово или шутка Софьи заставляли его улыбнуться. Страшно недовольный тѣмъ, что въ такой жаръ долженъ былъ пріѣхать на именинный обѣдъ, да еще какъ будто на показъ губернатору, Радомцевъ былъ не въ духѣ и мечталъ о тѣнистыхъ аллеяхъ своего Ивановскаго и о миломъ халатѣ; пріѣхалъ онъ потому, что того хотѣли сосѣдки, а отказать имъ онъ не могъ ни въ чемъ. Проживая въ деревнѣ и проповѣдуя свободу дѣйствій, Радомцевъ всегда готовъ былъ оказать услугу не только тѣмъ, кого любилъ, но даже людямъ, совершенно для него чуждымъ и непріятнымъ, если только съ ними связаны были какія-нибудь семейныя воспоминанія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ забавенъ до крайности, готовъ былъ по нѣскольку часовъ сряду занимать скучнѣйшую старуху, если она пользовалась нѣкогда благодѣяніями его матери, готовъ былъ проскакать сотни верстъ, чтобъ увидѣться съ пустѣйшимъ человѣкомъ, если онъ бывалъ въ домѣ у его родителей лѣтъ двадцать назадъ; еще въ университетѣ товарищи прозвали его «l'homme aux affections de famille» и онъ вполнѣ оправдывалъ это названіе. Въ настоящую минуту, какъ мы сказали, Радомцевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣда; нетерпѣніе его раздѣляли многіе изъ гостей; одни, по окончаніи закуски, оставались въ столовой и старались сократить время разговорами, другіе расхаживали по залѣ, гдѣ въ видѣ покоя разставленъ былъ обѣденный столъ; по срединѣ его, во всю длину тянулись вазы съ фруктами, вареньемъ и конфетами, а по краямъ шла аллея бутылокъ разныхъ формъ. Изъ оконъ видна была большая дорога, а вдали на холмикѣ толстенькая фигурка Ѳедора Семеновича, который, съ салфеткой въ рукахъ, готовъ былъ, при первомъ признакѣ, дать знать о приближеніи его превосходительства. Илья Петровичъ не скучалъ нисколько: совершенно довольный своею ролью, онъ сидѣлъ въ столовой и объяснялъ судьѣ достоинства и недостатки малороссійскихъ имѣній, а судья, поглотившій достаточное количество поме-

ранцевой, пускалъ тоненькою струйкой дымъ изъ своей пѣнковой трубки и устремлялъ глаза на Илью Петровича съ видомъ глубочайшаго вниманія.

Вдругъ салфетка въ рукахъ Ѳедора Семеновича пришла въ движеніе, а дворецкій, оставивъ свой наблюдательный постъ въ передней, стремглавъ бросился въ столовую, и, задыхаясь, доложилъ барину: «ѣдутъ-съ». Илья Петровичъ всталъ съ мѣста быстрѣе обыкновеннаго, даже не кончивъ фразы о винокурняхъ, и тотчасъ же вышелъ въ залу; съ холма кубаремъ катился Ѳедоръ Семеновичъ, а за нимъ вдали поднималось облако пыли и слышался звонкій колокольчикъ, который, согласно движенію коренной, то мѣрно звучалъ, то заливался отчаянною трелью; звуки его все слышались ближе, ближе, и наконецъ изъ облака пыли показалась вихремъ летѣвшая тройка казанокъ, украшенныхъ мѣдными бляхами и ременными кисточками, и стала у подъѣзда; съ телѣги соскочилъ исправникъ, въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ; пока его отчищали на крыльцѣ, лошади, покрытыя пѣной, потрясали гривами, скребли ногами и, по приказанію барина, шагомъ отправились къ конному двору, напоминая о существованіи своемъ рѣдкими ударами колокольчика. «Губернаторъ переѣзжаетъ Волгу, губернаторъ сейчасъ будетъ,» пронеслось въ толпѣ гостей, высыпавшихъ въ залу; лицо Ильи Петровича засіяло кроткою важностію; самодовольство, выражавшееся постоянно во всей его фигурѣ, какъ бы удвоилось; разспрашивая исправника о губернаторѣ, онъ очень любезно шутилъ съ нимъ, говорилъ, что скорая ѣзда припудрила ему усы, и предложилъ пройдти въ столовую промочить горлышко.

Тревожное состояніе всего общества было непродолжительно; черезъ нѣсколько минутъ, на пригоркѣ снова появилось густое облако пыли и потомъ показался дормезъ, запряженный четверней ямскихъ лошадей; Илья Петровичъ, въ сопровожденіи исправника и неизбѣжнаго Ѳедора Семеновича, вышелъ на крыльцо. Лихой ямщикъ вскачь подкатилъ карету къ крыльцу и разомъ осадилъ всю четверню: на его лицѣ видна была важность принятой имъ на себя обязанности—везти его превосходительство, что-то очень похожее на выраженіе, господствовавшее въ лицѣ Ильи Петровича; онъ сидѣлъ на самомъ краю козелъ, и поярковая шляпа съ павлиньимъ перомъ какъ-то особенно была надвинута у него на правое ухо. Пока губернаторъ, съ помощію своего камердинера и Ильи Петровича,

привѣтствовавшаго его наклоненіемъ всего корпуса, выходилъ изъ кареты, пока Ѳедоръ Семеновичъ суетился около губернаторскаго секретаря, а ямщикъ, стоя на мѣстѣ, слегка ударялъ кнутомъ правую пристяжную, отчего происходилъ звонъ всѣхъ бубенчиковъ, волненіе въ залѣ достигло высшей степени: всѣ въ судорожномъ нетерпѣніи ожидали появленія высокаго гостя. Илья Петровичъ проводилъ губернатора въ свой кабинетъ, нарочно для него приготовленный, а самъ скорыми шагами, противорѣчившими его обычнымъ мѣрнымъ движеніямъ, вошелъ въ гостиную и что-то передалъ Вѣрѣ Павловнѣ; потомъ разставилъ всѣхъ гостей по чинамъ и снова отправился въ кабинетъ.

Черезъ полчаса изъ кабинета появилось церемоніяльное шествіе; впереди всѣхъ шелъ губернаторъ: простота костюма, непринужденность движеній, вѣжливость обличали въ немъ человѣка, привыкшаго къ хорошему обществу; на лицѣ его выражалось частію чувство собственнаго достоинства, частію скука; рядомъ съ нимъ, но не совсѣмъ рядомъ, шелъ Илья Петровичъ, наклонивъ корпусъ и слегка приподнявъ голову; глаза его, постоянно обращенные къ восходящему свѣтилу, казалось, говорили: «я ничего, ровно ничего, менѣе чѣмъ ничего передъ вашимъ превосходительствомъ»; шелъ онъ въ полоборота, чтобы какъ-нибудь нечаянно не повернуться спиной къ начальнику; за ними слѣдовалъ секретарь, молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся на службу и съ любопытствомъ смотрѣвшій на все общество, а за секретаремъ, явно подражая своему патрону, двигался также въ полоборота Ѳедоръ Семеновичъ; исправникъ замыкалъ шествіе, правою рукой разглаживая усы, а лѣвою безпрестанно подергивая книзу переднюю часть своего мундира. Лица служащихъ и неслужащихъ вытянулись и повторяли ту же фразу, которая изображалась на лицахъ Ильи Петровича и Ѳедора Семеновича; одинъ только Радомцевъ, сидѣвшій рядомъ съ Софьей, преспокойно остался на своемъ мѣстѣ. Губернаторъ подошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, привѣтствовалъ ее чрезвычайно любезно и вѣжливо, сказалъ нѣсколько словъ Софьѣ, потомъ разомъ поклонился всему собранію, которое въ наклоненномъ положеніи ожидало его рѣчи. Такое подобострастіе могло привести въ неловкое положеніе другаго, менѣе опытнаго, но Порфирій Ѳедоровичъ былъ уже нѣсколько лѣтъ губернаторомъ и привыкъ къ стереотипному поклоненію помѣщиковъ и чиновни-

ковъ. Почти вслѣдъ за появленіемъ его, слуги внесли водку, и на приглашеніе Ильи Петровича откушать, губернаторъ подалъ руку хозяйкѣ и отправился въ залу, а за нимъ парами потянулась вся вереница гостей. Губернаторъ помѣстился рядомъ съ Вѣрой Павловной и, казалось, очень доволенъ былъ сосѣдствомъ; по другую сторону его сѣла хорошенькая Софья, далѣе прочія дамы, а мущины размѣстились по концамъ стола; самъ хозяинъ и избранные гости, въ числѣ которыхъ былъ и Радомцевъ, заняли мѣсто противъ губернатора. Сначала обѣдъ представлялъ нѣчто торжественное; все было тихо, только случайный стукъ ложекъ о тарелки нарушалъ общее безмолвіе; потомъ, когда двѣ огромныя кулебяки переселились въ желудки гостей и бутылки вина убавились до половины, начались разговоры, сперва шопотомъ, потомъ въ полголоса и наконецъ довольно громко. При слишкомъ-громкомъ взрывѣ голосовъ, Илья Петровичъ съ негодованіемъ посматривалъ въ ту сторону, откуда долетали до него звуки, неумѣстные въ присутствіи высокаго посѣтителя; но успокоивался, видя, что высокій посѣтитель занятъ разговоромъ съ дамами и повидимому не скучаетъ.

На этомъ обѣдѣ, какъ и на всѣхъ обѣдахъ въ мірѣ, не исключая и дипломатическихъ, наговорено было множество пошлостей. Такъ напримѣръ, посредникъ сообщалъ Радомцеву новости по части туалета и горячился, доказывая, что въ Москвѣ платье шьютъ лучше чѣмъ въ Саратовѣ, хотя горячился совсѣмъ напрасно, потому что Радомцевъ занятъ былъ ѣдой и готовъ былъ согласиться и не съ такою очевидною истиной; судья бесѣдовалъ съ Поликаровымъ объ охотѣ, засѣдатели говорили о дѣлахъ, дамы о дѣтяхъ, дѣвицы о нарядахъ и пр. Передъ окончаніемъ обѣда, когда Илья Петровичъ хотѣлъ торжественно провозгласить тостъ за здоровье губернатора, послѣдній всталъ и, обращаясь къ нему, громко сказалъ: «Здоровье нашего почтеннаго именинника!» Илья Петровичъ покраснѣлъ отъ удовольствія и съ низкимъ поклономъ пожималъ обѣими руками протянутую ему превосходительную руку; громкое ура! было отвѣтомъ на тостъ губернатора, и когда смолкло оно, и когда въ бокалахъ снова заискрилось шампанское, то хозяинъ провозгласилъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ: «Здоровье его превосходительства!» Оглушительное ура! повторилось снова; когда же смолкли клики восторга, и

слуги стали снимать вазы съ десертомъ съ ихъ тоненькихъ пьедесталовъ, губернаторъ обратился къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Позвольте мнѣ спросить васъ, Вѣра Павловна, отъ чего между гостями вашими я не вижу самаго близкаго сосѣда вашего, Тесьминскаго? Неужели онъ до сихъ поръ не воспользовался еще счастливымъ случаемъ и не представилъ вамъ себя? Если я не ошибаюсь, онъ уже мѣсяца два какъ пріѣхалъ къ себѣ въ деревню.

— Я слышала, что онъ живетъ близко, но не встрѣчала его ни разу, отвѣчала хозяйка:—можетъ-быть, онъ боится, что ему будетъ скучно у насъ.

— Г. Тесьминскій повидимому очень занятъ хозяйствомъ, поспѣшилъ прибавить смѣтливый предводитель.

Онъ всегда приходилъ въ страшное негодованіе отъ невѣжливости Тесьминскаго, который болѣе двухъ мѣсяцевъ уже жилъ въ ихъ краю и не сдѣлалъ никому визита; но человѣкъ, интересовавшій губернатора, становился какъ бы священнымъ въ его глазахъ и не могъ подвергнуться, особенно въ настоящую минуту, никакому замѣчанію съ его стороны.

— Должно-быть мы, провинціялы, не достойны знакомства съ г. Тесьминскимъ, замѣтила Мавра Савишна, скрививъ голову,—онъ петербургскій житель...

— Г. Тесьминскій никуда не выѣзжаетъ и, говорятъ, не любитъ людей, прибавила старшая дочь Мавры Савишны.

— Даже при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, онъ не кланяется, продолжала мать, и, какъ по всему видно, не умѣетъ жить въ свѣтѣ; таковъ былъ и отецъ его...

— Странно, сказалъ губернаторъ, какъ бы говоря самъ съ собою,—Тесьминскій нелюдимъ, не умѣетъ жить въ свѣтѣ, даже невѣжливъ...

— До такой степени, ваше превосходительство, что намедни, когда пріѣхалъ къ нему ближайшій сосѣдъ, Ѳедоръ Семеновичъ, онъ ему не предложилъ даже чашки чаю, и ясно выразилъ мнѣніе, что всѣ сосѣди наши не стóятъ того, чтобы знакомиться съ ними, скороговоркой прибавила Мавра Савишна.

— Кто это Ѳедоръ Семеновичъ? спросилъ губернаторъ.

Услышавъ, что его превосходительство назвалъ его по имени, Ѳедоръ Семеновичъ привскочилъ на стулѣ и хотѣлъ подлетѣть къ губернатору, но чрезвычайно выразительный жестъ хозяина заставилъ его остаться на мѣстѣ.

— Помѣщикъ нашъ, отвѣчала Мавра Савишна, — человѣкъ очень почтенный...

Ѳедоръ Семеновичъ, котораго она сама засылала къ Тесьминскому, въ надеждѣ привлечь его къ себѣ въ домъ (что̀ впрочемъ оказалось неудачнымъ), пріосанился, услышавъ похвалы себѣ, и отеръ потъ съ лысины. Въ эту минуту Радомцевъ, прилежно занятый въ продолженіи всего этого разговора уничтоженіемъ мороженаго, вдругъ поднялъ голову и, несмотря ни на кого въ особенности, сказалъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— О Тесьминскомъ судятъ дурно тѣ, которые его не знаютъ; Тесьминскій уменъ, образованъ, вѣжливъ и можетъ быть украшеніемъ всякаго столичнаго общества; а если онъ не выѣзжалъ до сихъ поръ, то вѣроятно имѣлъ на это свои причины. А что̀ касается до Ѳедора Семеновича... Радомцевъ улыбнулся, пожалъ плечами и снова принялся за мороженое.

Губернаторъ съ любопытствомъ и замѣтнымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Радомцева, не обращавшаго, повидимому, вниманія ни на что̀, кромѣ своей тарелки.

— Мнѣ пріятно слышать, сказалъ онъ,—хотя одинъ хорошій отзывъ о Тесьминскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ согласенъ и съ моимъ мнѣніемъ, и что Тесьминскій двоюродный братъ моей жены...

Надо было видѣть, какъ вытянулись лица тѣхъ, которые съ неуваженіемъ отзывались о родственникѣ его превосходительства, и еще въ его присутствіи, и какъ внутренно торжествовалъ Илья Петровичъ, всегда предусмотрительный и осторожный; онъ подошелъ къ губернатору и заговорилъ съ нимъ въ полголоса, предлагая увѣдомить сосѣда о его прибытіи.

— Да, да, почтенный Илья Петровичъ, отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку,—вы меня очень обяжете, если пошлете къ нему отъ моего имени попросить его сюда; я спѣшу, и потому заѣхать къ нему не могу никакъ, а видѣть его очень бы желалъ...

И черезъ четверть часа Ѳедоръ Семеновичъ подпрыгивалъ на бѣговыхъ дрожкахъ по дорогѣ къ Павлову, имѣнію Тесьминскаго.

III.

Алексѣй Николаевичъ Тесьминскій, къ которому отправленъ былъ гонцомъ Ѳедоръ Семеновичъ, былъ молодой человѣкъ двадцати восьми лѣтъ, проживавшій, какъ мы уже слышали, около двухъ мѣсяцевъ въ деревнѣ, по сосѣдству съ Дубровиными. Первую юность свою онъ провелъ дома, потомъ вступилъ въ университетъ, окончилъ тамъ курсъ и опредѣлился въ гражданскую службу; онъ съ жаромъ принялся за нее, но скоро самолюбіе его враждебно столкнулось съ дѣйствительностію: вообразивъ, что природа создала его для обширной, многосторонней дѣятельности, онъ не могъ выдержать кропотливыхъ бюрократическихъ занятій, и прослуживъ лѣтъ шесть, вышелъ въ отставку. Въ двадцать семь служба ему надоѣла; въ ней, какъ говорилъ онъ, не было пищи ни уму его, ни воображенію, хотя весьма вѣроятно, что то самое поприще, которое ему опротивѣло такъ скоро, было истиннымъ его назначеніемъ и ни на что другое онъ не былъ способенъ. Пріятели осуждали его, покровители съ сожалѣніемъ говорили о его выходкѣ, и всѣ единогласно утверждали, что Тесьминскій сдѣлалъ капитальную глупость, потому что ему везло по службѣ, что онъ уже былъ столоначальникомъ въ департаментѣ, въ короткое время успѣлъ получить два чина, и что не въ министры же ему прямо. И едва ли не были правы его пріятели и покровители.

Въ обществѣ, которое сталъ посѣщать Тесьминскій, его приняли привѣтливо, потому что онъ былъ молодъ, хорошъ собой, имѣлъ связи и состояніе, но и тамъ онъ чувствовалъ себя не много лучше чѣмъ въ департаментѣ. Сначала онъ увлекся шумомъ и движеніемъ свѣтской жизни, ему льстили привѣтствія модныхъ дамъ, но потомъ онъ увидѣлъ, что эти привѣтствія одинаково встрѣчаютъ каждаго и возрастаютъ по мѣрѣ вліянія и богатства. Самолюбіе заговорило въ немъ снова: ему казалось, что онъ лучше всѣхъ львовъ на свѣтѣ, что ему не отдаютъ справедливости, что его такъ же дурно цѣнятъ въ обществѣ, какъ дурно цѣнили на службѣ. Друзей найдти ему не посчастливилось, можетъ-быть потому, что самъ онъ не умѣлъ сильно чувствовать дружеской прива-

занности; онъ не понималъ, что можно пріобрѣсти друга, который бы сталъ выше обыкновенныхъ пріятелей, отсутствіе котораго было бы лишеніемъ, потеря невознаградимою утратой. Подобно многимъ, очень многимъ молодымъ и даже не совсѣмъ молодымъ людямъ, онъ сдѣлался членомъ такъ-называемаго дружескаго кружка, гдѣ онъ сходился съ людьми одного съ нимъ возраста, однихъ понятій; нерѣдко въ порывѣ восторга, возбужденнаго виномъ, собесѣдники величали себя друзьями и увѣрены были, что дружба эта сохранится навсегда. Разумѣется, пылъ восторга остывалъ скоро, и друзья расходились въ разныя стороны, не имѣя ни потребности, ни призванія дѣлиться чувствамикакъ скоро находились въ нормальномъ состояніи.

Тесьминскій не нашелъ друга, но ему оставалась любовь... Но и тамъ онъ не былъ счастливѣе: въ натурѣ его было что-то поверхностное, что̀ не допускало его предаться предмету любви и желаній со всѣмъ увлеченіемъ юности, закружиться въ вихрѣ страсти; любовь была для него только развлеченіемъ, занятіемъ отъ *нечего дѣлать*; какъ всѣ подобные ему, онъ любилъ, наслаждался, скучалъ, сердился на женщинъ, обожалъ ихъ. Но отъ всего этого, повторявшагося не разъ, оставалась только скука, и ни одно отрадное воспоминаніе не озаряло его безцвѣтной жизни. Часто думая о своемъ прошедшемъ и приближаясь къ тому возрасту, когда человѣкъ перестаетъ жить надеждами, онъ со страхомъ признавался себѣ (только себѣ и, конечно, скорѣе бы согласился умереть, чѣмъ признаться въ томъ кому бы то ни было), что онъ не можетъ ни посвятить дѣятельности своей на пользу общества, ни полюбить женщину постоянно и глубоко. Семейная жизнь казалась ему такъ же недоступною, какъ и жизнь общественная.

Испытавъ столько мнимыхъ и истинныхъ неудачъ, Тесьминскій рѣшился оставить Петербургъ и переселиться на житье въ деревню, куда онъ и отправился вмѣстѣ съ старушкою матерью, которая страстно любила его и готова была слѣдовать за нимъ повсюду. Сначала онъ сладко задремалъ въ тишинѣ сельскаго уединенія, отдыхая отъ волненій свѣтской жизни, но въ два мѣсяца все успѣло ему прискучить. Прогулки, охота, бесѣды съ доброю матерью и съ Радомцевымъ, товарищемъ его по университету, кое-какъ наполняли дни его; но неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь серіознымъ, и постоянная, ошибочная мысль, что онъ не то, чѣмъ бы могъ

быть при другихъ условіяхъ жизни, при другомъ устройствѣ общества, отравляли его существованіе. Несмотря на различіе понятій, вкусовъ и привычекъ, Радомцевъ любилъ Тесьминскаго, и часто, внутренно довольный своимъ положеніемъ, слушалъ съ сожалѣніемъ слова пріятеля, дышавшія горечью и разочарованіемъ; Тесьминскій, въ свою очередь, съ сожалѣніемъ и нѣсколько свысока смотрѣлъ на Радомцева, который могъ довольствоваться деревенскою жизнью, хозяйствомъ и обществомъ своихъ сосѣдей.

Тесьминскій скучалъ страшно, когда явился къ нему Ѳедоръ Семеновичъ съ приглашеніемъ отъ Дубровина; сначала онъ наотрѣзъ отказался ѣхать къ сосѣду, но мать напомнила ему объ одолженіяхъ Порфирія Ѳедоровича, о близкомъ родствѣ ихъ, о постоянной дружбѣ къ нимъ, и онъ, повинуясь ея желанію, сѣлъ въ коляску съ Ѳедоромъ Семеновичемъ и слушалъ, не отвѣчая, болтовню своего кубическаго собесѣдника, разсыпавшагося въ похвалахъ всему семейству Дубровиныхъ. Онъ подъѣхалъ къ Медвѣдкову въ ту самую минуту, когда

...изъ залы длинной
Фаготъ и флейта раздались,

и когда, подъ звуки польскаго, въ первой парѣ губернаторъ велъ Вѣру Павловну; за нимъ слѣдовалъ самъ Илья Петровичъ съ какою-то почтенною старушкой, потомъ судья съ Маврою Савишной, Радомцевъ съ Софьей и такъ далѣе.

Балъ въ деревнѣ, лѣтомъ, въ залѣ, убранной цвѣтами, при освѣщеніи заходящаго солнца, лучи котораго, проникая въ растворенныя окна, не жгутъ уже, а свѣтятъ отрадно, имѣетъ необыкновенное очарованіе для того, кто въ юности своей проводилъ лѣто въ деревнѣ и кружился до упаду при подобной обстановкѣ; какъ весело, въ промежуткахъ между танцами, пробираться въ садъ за толпой хорошенькихъ дѣвушекъ, слушать ихъ звонкій смѣхъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ и любоваться ихъ милыми личиками, ихъ воздушными формами, одѣтыми въ воздушныя бѣлыя платья, когда на нихъ изъ-за деревьевъ падаетъ серебристый свѣтъ луны, и когда все вокругъ такъ спокойно, свѣжо, молодо!..

Вступивъ въ залу въ то самое время, когда Порфирій Ѳедоровичъ раскланивался съ своею дамой, Тесьминскій остановился у дверей съ выраженіемъ совершеннаго отчаянія, и могло ли быть иначе? Онъ, избѣгавшій провинціяльныхъ зна-

комствъ, вдругъ, совершенно неожиданно, очутился посреди провинціяльнаго бала! Но долго приходить въ отчаяніе не было возможности; Илья Петровичъ тотчасъ же увидѣлъ его, и привѣтливо пожимая ему руку, радовался счастливому случаю, доставившему имъ такое пріятное знакомство, потомъ поспѣшилъ объявить его превосходительству о прибытіи родственника.

— Какъ я радъ, что вижу васъ, любезный Алексѣй! воскликнулъ губернаторъ, обнимая Тесьминскаго.—Мнѣ очень жаль, что не могу заѣхать къ тетушкѣ, но вы знаете, дѣла...

— Благодарю васъ, mon consin, отвѣчалъ въ полголоса Тесьминскій,—но вы оказали мнѣ предурную услугу, пригласивъ меня сюда... а отказать я вамъ не могъ...

— Полно, полно, отвѣчалъ Порфирій Ѳедоровичъ, улыбаясь, —я вамъ за вашу contrainte покажу нѣчто такое, что̀ навѣрно будетъ вамъ по сердцу.—И съ этими словами онъ подвелъ его къ Вѣрѣ Павловнѣ.

При взглядѣ на Вѣру Павловну, у Тесьминскаго что-то стукнуло на сердцѣ и должно-быть выразилось въ глазахъ, потому что на смуглыя щечки прекрасной хозяйки набѣжалъ румянецъ. Не ловко отвѣчая на ея привѣтствіе, всегда ловкій Тесьминскій былъ выведенъ изъ этого затруднительнаго положенія голосомъ Софьи.

— Здравствуйте, monsieur Alexis, какъ я рада, что вижу васъ! Сколько времени...

— Я радъ не менѣе васъ, mademoiselle Sophie, отвѣчалъ съ веселою улыбкой Тесьминскій, пожимая протянутую ему маленькую ручку,—насилу узналъ васъ, и какъ хороши вы въ этомъ костюмѣ, хотя хороши были и въ зеленомъ платьѣ съ бѣлымъ фартучкомъ.

— Вы все такъ же любезны, monsieur Alexis; ахъ, какъ я рада. А что Pauline, здорова ли она?

— Я видѣлъ ее передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга и, конечно, привезъ бы вамъ милліонъ привѣтствій, еслибъ она знала, что я увижу васъ...

— Два мѣсяца здѣсь, и не навѣстили насъ, стыдно...

— Я не зналъ...

— Да объясните мнѣ въ чемъ дѣло? Вы, какъ кажется, давно знакомы? спросилъ губернаторъ; тотъ же самый вопросъ выражался въ черныхъ глазахъ Вѣры и висѣлъ на устахъ Ильи Петровича, который, не измѣняя своей равно-

душной позы, ждалъ, пока его превосходительству угодно будетъ сдѣлать свое *замѣчаніе*.

— Еще бы нѣтъ, скороговоркой отвѣчала Софья,—monsieur Alexis бывалъ у насъ въ институтѣ каждое воскресеніе у Pauline, и у насъ многія его обожали... онъ всегда былъ такой милый, подчивалъ насъ конфетами, разказывалъ такія уморительныя вещи...

— Вотъ вамъ, cher Alexis, и награда за доброе дѣло! сказалъ губернаторъ:—ожидали ли встрѣтить такую милую знакомую? Будьте милостивы къ нему, Вѣра Павловна, продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ,—увѣряю васъ, что онъ вовсе не такой нелюдимъ, какъ о немъ говорятъ. Къ тому же сестрица ваша будетъ за него лучшимъ ходатаемъ.

Но сестрица овладѣла уже Тесьминскимъ, засыпая его вопросами, на которые тотъ отвѣчалъ привѣтливо и съ видимымъ удовольствіемъ; къ нимъ присоединился Радомцевъ, и бесѣда сдѣлалась очень веселою и одушевленною. На приглашеніе танцовать Тесьминскій не могъ отказать Софьѣ, и протанцовалъ цѣлый вечеръ. Иногда онъ подходилъ къ Вѣрѣ, которая не танцовала; нѣсколько мѣткихъ словъ, острыхъ замѣчаній съ ея стороны показали Тесьминскому, что умъ ея соотвѣтствовалъ наружности, и ему стало чрезвычайно весело.

IV.

Великолѣпно всходило солнце надъ крутыми берегами Волги, когда потянулись экипажи отъ дома гостепріимнаго предводителя; тонкій паръ поднимался надъ водой; слегка взмокшая пыль поднималась лѣниво и не обвивалась кругомъ экипажей, но едва достигала колесъ, которыя проводили бѣловатыя полосы на сѣромъ фонѣ проселочной дороги. Полусонные кучера лѣниво погоняли лошадей; полусонные и не совсѣмъ трезвые лакеи качались рядомъ съ возницами; повременамъ раздавались возгласы «правѣй», и экипажи обгоняли другъ друга, пока не разъѣхались въ разныя стороны; мимо допотопной линейки Поликаровыхъ быстро пронеслась щегольская коляска: сидѣвшіе въ ней Тесьминскій и Радомцевъ такъ заняты были разговоромъ, что не замѣтили привѣтливаго поклона Ивана Ива-

новича, за что Иванъ Ивановичъ получилъ строгій выговоръ отъ своей супруги.

— Нужно тебѣ очень кланяться этимъ гордецамъ, сказала она гнѣвно,—ты никогда не умѣешь поддержать себя; я давеча еще не знала куда дѣваться отъ стыда, когда ты подъѣзжалъ къ этому Тесьминскому, заговаривалъ съ нимъ, а онъ тебѣ и головой не хочетъ кивнуть... Что ни говори, а я очень рада, что при его превосходительномъ кузенѣ высказала всю правду.

Мавра Савишна лгала: она разрывалась отъ досады, что скомпрометировала себя при знаменитомъ посѣтителѣ и хотѣла на комъ-нибудь выместить досаду.

— А Илья-то Петровичъ! хорошъ нечего сказать! всегда первый говорилъ о Тесьминскомъ, что онъ и гордецъ и невѣжа, и такой и этакой, а тутъ и руку жметъ обѣими руками и не знаетъ куда посадить. А Вѣра-то Павловна, не то, что съ нами; мы пріѣдемъ, такъ да, да нѣтъ, или поскорѣе въ карты, а тутъ небось разговорилась, да какъ еще: отроду, я думаю въ перпервый разъ...

— Илья Петровичъ человѣкъ умный, скромно замѣтилъ супругъ,—и я право не знаю, что тебѣ показалось...

— Ахъ, замолчи ради Бога! ну, что въ немъ умнаго? Богатъ только, а съ богатствомъ всякій сумѣетъ показаться умнымъ; признаюсь, терпѣть не могу ни его, ни его надутой супруги...

— А замѣтили вы, maman, какъ Софья Дубровина кокетничала съ Тесьминскимъ! сказала старшая дочь, закутывая свои костлявыя плечи въ клѣтчатый бурнусъ.

— Право не знаю, что за счастіе этой дѣвчонкѣ: толстый Радомцевъ то и дѣло подсаживается къ ней, а теперь и этотъ пріѣзжій.

— Лучшіе женихи въ уѣздѣ, со вздохомъ замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А кто виноватъ? съ ожесточеніемъ воскликнула супруга: —не говорила ли я тебѣ сто разъ: ищи въ людяхъ! Вѣдь три дочери невѣсты и еще три на возрастѣ, прибавила она, указывая трагическимъ движеніемъ руки на юныхъ дѣвъ, изъ которыхъ двѣ въ живописныхъ позахъ дремали на плечахъ одна у другой;— а ты думаешь гораздо болѣе о собакахъ чѣмъ о своемъ семействѣ. Вотъ хоть бы Радомцевъ: не умѣлъ ты приласкать, угостить его...

— Да что жь мнѣ съ нимъ дѣлать? Вѣдь ты знаешь, что я

былъ у него, и онъ былъ у насъ; да толку-то не вышло никакого: разъ пріѣхалъ, а потомъ и глазъ не кажетъ. А къ Тесьминскому ты сама посылала Ѳедора Семеновича...

— Вздоръ! никогда не посылала! Ты вѣчно готовъ выдумать что-нибудь на меня. Ѳедоръ Семеновичъ самъ ѣздилъ; стану я посылать къ первому встрѣчному...

— Развѣ Тесьминскій первый встрѣчный? У него пять сотъ душъ незаложенныхъ.

— Велика мнѣ нужда до его душъ... да замолчишь ли ты, сударь? Не я ли все дѣлаю для семейства, не я ли воспитала дочерей и тружусь для нихъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью? Съ тобой онѣ просто бы остались безъ всякаго образованія, а ты еще имѣешь духъ дѣлать мнѣ колкія замѣчанія. Право это невыносимо.

— Да я никакихъ замѣчаній не думалъ дѣлать, тихо проговорилъ оторопѣвшій супругъ, предчувствуя бурю.

— Да и не съ твоимъ умомъ дѣлать ихъ мнѣ.

Итакъ далѣе, все въ томъ же тонѣ продолжался разговоръ, то-есть говорила одна Мавра Савишна, а прочіе протирали глаза и слушали поучительныя рѣчи, во время которыхъ на лицѣ Ивана Ивановича выражалась совершенная покорность судьбѣ и привычка повиноваться. За то и супруга его была въ своей сферѣ: одушевленные жесты, нѣсколько помятый чепецъ, голосъ, дрожащій отъ негодованія,—все это придавало ей видъ какого-то фантастическаго существа, посланнаго рокомъ для угнетенія бѣднаго сѣдовласаго помѣщика и всѣхъ его чадъ и домочадцевъ.

Совсѣмъ другаго рода разговоръ происходилъ въ коляскѣ, проѣхавшей мимо Поликаровыхъ и подавшей поводъ къ описанной нами супружеской сценѣ; тамъ Тесьминскій, полный еще упоеніемъ быстро пролетѣвшей ночи, съ восторгомъ заговорилъ о своихъ новыхъ знакомыхъ, но, слѣдуя обыкновенной тактикѣ влюбленныхъ, разсыпался въ похвалахъ Софьѣ, не упоминая ни слова о Вѣрѣ Павловнѣ, тогда какъ она одна занимала всѣ его мысли.

Ночь, проведенная безъ сна, всегда утомляла Радомцева и отнимала у него всякую способность вести разговоръ; но въ настоящую минуту, предметъ бесѣды такъ живо интересовалъ его, что онъ не поддавался обычной дремотѣ, охотно слушалъ пріятеля и сообщилъ ему всѣ подробности о жизни сосѣдокъ.

— Вѣдь я говорилъ тебѣ нѣсколько разъ: съѣзди къ нимъ, въ потерѣ не будешь! И я очень радъ, что нечаянный случай оправдалъ мои слова; я говорилъ тебѣ прежде и повторяю теперь: чтобы полюбить женщинъ, надо увидѣть Софью Петровну; чтобъ уважать ихъ, надо узнать Вѣру Павловну.

— Но скажи пожалуста, какъ можешь ты выносить эту чопорную фигуру ея супруга, этотъ безконечный, монотонный разговоръ, не глупый правда, но нестерпимо-скучный...

— Нѣтъ розы безъ шиповъ, отвѣчалъ Радомцевъ,—и представителемъ шиповъ въ настоящемъ случаѣ можетъ служить нашъ достойный предводитель; Впрочемъ, въ немъ есть много хорошаго, а такъ какъ въ молодости онъ бывалъ въ домѣ отца и уважалъ его, то мнѣ пріятно иногда послушать его.

— Знаю, знаю, смѣясь перервалъ его Тесьминскій,—но такъ какъ во мнѣ онъ не возбуждаетъ никакихъ родственныхъ воспоминаній, то для меня онъ просто скученъ, и все тутъ. Неужели такая женщина, какъ Вѣра Павловна, можетъ любить его? Или природная холодность дѣлаетъ ее равнодушною ко всему на свѣтѣ?

— Какъ бы сказать тебѣ? Вотъ уже четыре года, ѣзжу я къ нимъ въ домъ, и никакъ не умѣю разобрать ихъ отношеній. Иногда, кажется, что она его любитъ, но любитъ какъ-то странно; иногда кажется, какъ будто вовсе не любитъ именно потому, что хочетъ выказать эту привязанность, и съ жаромъ, не совсѣмъ натуральнымъ, говоритъ о достоинствахъ супруга, дѣйствительныхъ и мнимыхъ; такого рода похвалы мнѣ всегда подозрительны; если любитъ женщина, то она молчитъ о достоинствахъ любимаго человѣка, особенно когда судьба связала ее съ нимъ на всю жизнь, а эти принужденные восторги ровно ничего не доказываютъ.

— Значитъ, она притворяется, а это не говоритъ въ ея пользу...

— Эхъ, какой ты, Тесьминскій! Притворяется! Нѣтъ, вовсе не притворяется, а, какъ я думаю, постаралась себя увѣрить, что любитъ его, а сердца своего не спрашиваетъ, да можетъ быть и боится поглубже заглянуть въ него. Конечно, заговори у нея сердце, Ильѣ Петровичу будетъ плохо. Впрочемъ я того не думаю: какъ бы ни любила Вѣра Павловна, она останется вѣрна ему, ручаюсь головой, а объ остальномъ мужъ ея мало заботится.

— Признаюсь, общество такого эгоиста вовсе мнѣ не по сердцу, и я не скоро отправлюсь къ нимъ опять.

— Эгоизмъ его нисколько не бѣда, у каждаго изъ насъ порядочный запасъ эгоизма, а то бѣда, что онъ скученъ; впрочемъ, и тутъ есть утѣшеніе; онъ рѣдко бываетъ въ обществѣ жены и сестры: по утру занятъ по хозяйству или въ кабинетѣ дѣлами, послѣ обѣда спитъ, а тамъ играетъ въ карты, если есть партія, или толкуетъ съ управляющимъ, да сверхъ того черезъ день или черезъ два ѣздитъ въ городъ, иногда на цѣлыя недѣли отлучается для осмотра имѣній или для поклоненія губернатору. Рѣдко является онъ въ общество жены, посидитъ съ полчаса, скажетъ нѣсколько фразъ и уйдетъ, если же остается надолго, то я предлагаю ему партію въ преферансъ. Оба мы играемъ охотно и вечеръ проходитъ безъ особенной скуки.

Тесьминскій задумался. Ему хотѣлось продолжать начатый разговоръ, но онъ боялся, что Радомцевъ замѣтитъ его волненіе, и боялся напрасно. Добрый Радомцевъ и не подозрѣвалъ, что̀ происходило въ его пріятелѣ, не понималъ любви съ перваго взгляда, съ одного вечера, и вывелъ Тесьминскаго изъ затрудненія.

— Странно, продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—въ присутствіи Ильи Петровича, всегда любезнаго и всегда пребывающаго въ наилучшемъ расположеніи духа, ей какъ будто неловко; при его прозаическихъ разсужденіяхъ, у нея изрѣдка вырывается замѣчаніе не совсѣмъ лестное для супруга, на что впрочемъ тотъ не обращаетъ никакого вниманія; удаляется онъ,—она становится гораздо свободнѣе; принужденная холодность исчезаетъ, и ты видишь въ ней милую, умную женщину, которая возбуждаетъ всю твою симпатію; если онъ уѣзжаетъ даже надолго, она гораздо веселѣе безъ него, а между тѣмъ изъявляетъ великую радость при полученіи его писемъ; если онъ не пріѣдетъ къ назначенному сроку, она выражаетъ безпокойство, говоритъ, что ждетъ его не дождется, хотя ни въ глазахъ ея, иногда такъ выразительныхъ, ни въ движеніяхъ не замѣтно этого ожиданія...

Возгласъ кучера, осадившаго лошадей у крыльца господскаго дома въ селѣ Павловѣ, перервалъ разговоръ, такъ сильно интересовавшій Тесьминскаго. Радомцевъ пожалъ ему руку, пересѣлъ въ свой экипажъ и, приказавъ кучеру ѣхать шагомъ, тотчасъ же заснулъ. Несмотря на ночь, проведенную безъ сна, Тесьминскій не думалъ объ отдыхѣ; онъ вошелъ въ свой ка-

бинетъ, велѣлъ подать чаю и, замѣнивъ бальный костюмъ спокойнымъ шлафрокомъ (чего онъ никогда не забывалъ, несмотря ни на какія душевныя волненія), сѣлъ у открытаго окна, выходившаго въ садъ. Устремивъ взоръ въ темную чащу деревьевъ, освѣщенныхъ утреннимъ солнцемъ, онъ предался мечтамъ, которыя нѣжили и слегка мучили его сердце; прошедшее проходило передъ нимъ какъ въ туманѣ; въ настоящемъ же ясно и отчетливо рисовалась воздушная фигура Вѣры, съ ея чудными глазами, съ ея прекрасною, задумчивою улыбкой. Онъ припоминалъ каждый взглядъ ея, каждое слово и мимолетное замѣчаніе, чувствовалъ, что полюбилъ ее и даже возбудилъ въ ней симпатію къ себѣ; это радовало его и льстило его самолюбію: Вѣра нисколько не похожа была на тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ когда-то. Но мечталъ онъ такъ не впервые, тѣ же самыя грезы, тѣ же не ясныя надежды не разъ волновали его, и не оставили слѣда... Тесьминскій думалъ, думалъ, наконецъ наклонилъ голову на мягкую подушку, заснулъ крѣпко и проспалъ до полудня.

V.

На другой день послѣ бала, когда семейство Дубровиныхъ собралось по обыкновенію въ столовую пить чай, лица всѣхъ членовъ этого семейства выражали пріятное впечатлѣніе прошедшаго вечера. Софья не могла наговориться о томъ удовольствіи, которое доставилъ ей пріѣздъ Тесьминскаго; Вѣра была веселѣе и разговорчивѣе обыкновеннаго; объ Ильѣ Петровичѣ и говорить нечего: драпируясь въ своемъ шелковомъ халатѣ и устремивъ неподвижный взоръ въ потолокъ, онъ могъ бы служить превосходнымъ изображеніемъ самодовольства; онъ былъ доволенъ и обѣдомъ своимъ, и баломъ, а болѣе всего пріятнымъ расположеніемъ знаменитаго гостя, который уѣхалъ изъ Медвѣдкова часу во второмъ, напутствуемый общими привѣтствіями и горячею благодарностью хозяина; въ гостиной его превосходительство пожалъ ему руку, благодаря за угощеніе, въ залѣ онъ еще разъ пожалъ ему руку, приглашая къ себѣ недѣли черезъ двѣ; усаживая гостя въ карету, счастливый Дубровинъ въ третій разъ удостоился милостиваго рукожатія, и ужь разумѣется, что поклонамъ и благодарностямъ съ его стороны не было конца; вообще прощаніе

было самое нѣжное и не могло не возбудить въ душѣ Ильи Петровича чрезвычайно пріятнаго ощущенія въ настоящемъ и свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ. Рой честолюбивыхъ мечтаній носился надъ его головой, когда, по удаленіи губернаторскаго экипажа, онъ вошелъ въ залу и встрѣченъ былъ благоговѣйными взорами всѣхъ присутствующихъ. Это блаженное ощущеніе, озарившее душу Ильи Петровича, продолжалось и на другой день, когда онъ явился пить чай въ столовую. Углубленный въ самого себя, онъ не обращалъ вниманія на окружавшіе его предметы и поэтому, вѣроятно, необыкновенная веселость жены нисколько не удивила его. Софья вывела его изъ задумчивости.

— Ахъ, mon frère, какъ весело было вчера! Какъ милъ и любезенъ Тесьминскій!...

— Да, да, я очень радъ, что онъ пріѣхалъ; повидимому и Порфирій Ѳедоровичъ былъ доволенъ, рѣдко видѣлъ я его въ такомъ пріятномъ расположеніи духа.

— Какъ же, mon frère, онъ нѣсколько разъ говорилъ и Вѣрѣ, и мнѣ, что ему давно не было такъ весело, а все это Тесьминскій... онъ такъ милъ.

— Отчего же нерадушный пріемъ нашъ и неудовольствіе видѣть людей, искренно ему преданныхъ? Мнѣ кажется, что при такомъ множествѣ заботъ и серіозныхъ занятій, ему отрадно встрѣчаться съ тѣми, кто умѣетъ оцѣнить его. Смѣю сказать, что если кого удостоиваетъ здѣсь своею пріязнію Порфирій Ѳедоровичъ, такъ это меня. Еще прощаясь со мною, онъ говорилъ мнѣ съ чувствомъ самаго дружескаго расположенія: «Благодарю васъ, мой добрый и почтенный Илья Петровичъ (онъ сдѣлалъ особенное удареніе на эти слова и посмотрѣлъ на жену съ чувствомъ собственнаго достоинства), за вашъ радушный пріемъ... Знаешь что̀, Вѣра? я думаю, не мѣшало бы мнѣ къ Тесьминскому... Правда вчера пріѣхалъ онъ не къ намъ собственно, а къ Порфирію Ѳедоровичу, да вѣдь человѣкъ онъ очень пріятный...—«и двоюродный братъ губернаторской жены», могъ бы прибавить Илья Петровичъ и не прибавилъ, въ полной увѣренности, что никто не проникнетъ его тайной мысли, тѣмъ болѣе что жена всегда показывала видъ, что принимаетъ всѣ слова его въ томъ смыслѣ, какой онъ желаетъ придать имъ, почитая и это частію своего супружескаго долга; а Софья, почти всегда разгадывая не совсѣмъ хитро сплетенныя рѣчи любезнаго братца, молчала, потому что замѣ-

чанія ея не нравились Вѣрѣ. На этотъ разъ, ей страхъ какъ хотѣлось договорить недоконченную фразу, но она удержалась, потому что желала поскорѣе увидѣть Тесьминскаго, такъ живо напоминавшаго ей институтскую жизнь.

— Ты лучше знаешь ѣхать ли тебѣ, отвѣчала Вѣра Павловна,—что же до меня касается, я очень рада буду видѣть его у насъ въ домѣ.

— А я, mon frère, просто буду въ восторгѣ. Поѣзжаайте, поѣзжайте скорѣе и зовите его къ намъ почаще.

Очень довольный отвѣтами жены и сестры, согласовавшимися съ его собственнымъ желаніемъ, Илья Петровичъ велѣлъ заложить карету, и вскорѣ потомъ отправился къ Тесьминскимъ, куда и прибылъ въ то самое время, когда Алексѣй Николаевичъ, возставъ отъ долгаго сна, лѣниво протиралъ себѣ глаза и припоминалъ впечатлѣнія прошедшей ночи. На докладъ вбѣжавшаго слуги о пріѣздѣ Дубровина, онъ велѣлъ просить гостя и доложить матери, а самъ занялся туалетомъ.

Илья Петровичъ мѣрными шагами, соотвѣтствовавшими его важной наружности, вошелъ въ гостиную, отрекомендовался хозяйкѣ, изъявилъ сожалѣніе, что дѣла препятствовали ему до сихъ поръ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, и потомъ разсыпался въ похвалахъ достоинствамъ Порфирія Ѳедоровича и Алексѣя Николаевича. Старушка, имѣвшая только одну привязанность въ жизни,—любовь къ сыну,—слушала съ большимъ удовольствіемъ безконечную тираду предводителя, слегка кивая головой, потомъ начала разспросы о хозяйствѣ, о женѣ и сестрѣ Ильи Петровича, и они бесѣдовали уже очень дружески, когда Тесьминскій вошелъ въ гостиную.

— Я много виноватъ передъ вами, Илья Петровичъ, сказалъ онъ, привѣтливо пожимая ему руку,—что такъ долго не являлся къ вамъ...

— Помилуйте, перебилъ его предводитель,—я самъ виноватъ передъ вами, но лучше поздно чѣмъ никогда... а потому постараемся вознаградить потерянное время. Вы очаровали все наше общество, и дамы мои просятъ васъ ѣздить къ нимъ какъ можно чаще. О себѣ я и не говорю: это будетъ для меня истиннымъ удовольствіемъ.

При этомъ Илья Петровичъ еще разъ, пріятно улыбаясь, пожалъ руку Тесьминскому, и чтобы понравиться ему (Илья Петровичъ умѣлъ всегда нравиться нужнымъ людямъ) искусно свелъ разговоръ на политику и выказалъ свое знаніе совре-

менныхъ событій. Тесьминскій отвѣчалъ односложно, не отличаясь большою склонностію къ политическимъ разсужденіямъ и не имѣя ни малѣйшаго желанія понравиться гостю.

Илья Петровичъ, откланиваясь Аннѣ Николаевнѣ Тесьминской, просилъ у нея позволенія привезти къ ней жену. Старушка приняла предложеніе его съ благодарностью, думая про себя, что пріятное общество доставитъ развлеченіе ея милому Алексѣю.

— Какой онъ любезный! сказала она сыну, когда гость уѣхалъ:—какой привѣтливый! Право, я до смерти рада, что ты познакомился съ нимъ. Въ деревнѣ всякое развлеченіе пріятно, особенно знакомство съ такимъ почтеннымъ человѣкомъ, а если жена и сестра его такъ же любезны, такъ это просто кладъ; не даромъ Степанъ Ивановичъ то и дѣло ихъ хвалитъ.

— Добрая, милая maman, отвѣталъ Тесьминскій,—какъ вы мало знаете людей! Не ужели вы не догадались отчего Дубровинъ пожаловалъ къ намъ?

— Отчего? Ну, конечно оттого, что ты понравился ему. Да и кому ты не понравишься, если захочешь.

Въ послѣднемъ убѣжденъ былъ самъ Тесьминскій, но на этотъ разъ дѣло было такъ ясно, что и онъ, несмотря на всю увѣренность въ себѣ, нисколько не принималъ посѣщенія Дубровина на свой счетъ, а потому засмѣялся и сказалъ:

— А Порфирій Ѳедоровичъ?

— Что за вздоръ, Алеша, будто за тѣмъ пріѣзжалъ Дубровинъ! Стыдно тебѣ такъ думать о людяхъ.

— Нисколько, maman. Какъ ни старается показать Илья Петровичъ, что всѣ дѣйствія его безкорыстны, а стоило посмотрѣть на него вчера съ нашимъ cousin, чтобъ убѣдиться, что онъ за господинъ. Дамы—другое дѣло: онѣ очень милы.

— Какъ это въ нихъ-то ты не нашелъ ничего дурнаго?

— Пока ничего, но увѣренъ, что и въ нихъ современемъ найдется что-нибудь не совсѣмъ хорошее.

Старушка грустно покачала головой.

— Полноте, maman, сказалъ Тесьминскій, ласково цѣлуя ея руку;—что же мнѣ дѣлать? пожилъ—узналъ людей.

Весь вечеръ и утро слѣдующаго дня Тесьминскій не могъ ничѣмъ заняться, ходилъ по саду, бралъ книгу, разговаривалъ съ матерью; но ни прогулка, ни чтеніе, ни разговоръ не занимали его. Онъ находился въ положеніи человѣка, котораго

преслѣдуетъ какая-нибудь неотвязная мысль; ему и хотѣлось и не хотѣлось отправиться къ сосѣдкамъ, наконецъ, послѣ обѣда, чтобы разсѣять себя, а можетъ-быть чтобы найдти какой-нибудь предлогъ (какъ будто нуженъ былъ предлогъ!) побывать въ Медвѣдковѣ, онъ велѣлъ заложить кабріолетъ и поѣхалъ къ Радомцеву. У подъѣзда Степана Ивановича стояла запряженная коляска.

— Куда ты? спросилъ Тесьминскій, входя въ комнаты и встрѣчая Радомцева не въ халатѣ—вѣрный признакъ, что хозяинъ собирался куда-нибудь.

— Хотѣлъ ѣхать къ Дубровинымъ; но охотно останусь дома, если ты подаришь мнѣ сегоднишній вечеръ.

— Зачѣмъ же? отвѣчалъ Тесьминскій, внутренно радуясь удобному случаю исполнить желаніе, въ которомъ онъ самъ себѣ не признавался:—я не хочу задерживать тебя; пожалуй поѣдемъ вмѣстѣ; оно будетъ и кстати: Дубровинъ былъ у меня вчера и неотступно просилъ пріѣзжать какъ можно чаще.

— Ну такъ поѣдемъ же, весело сказалъ Радомцевъ, и черезъ полчаса друзья мчались уже по дорогѣ въ Медвѣдково.

VI.

Въ продолженіи всей дороги Тесьминскій былъ въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи, и молча слушалъ разказы Радомцева о неудачахъ его на охотѣ; когда же онъ завидѣлъ зеленую кровлю медвѣдковскаго дома, то сердце его сильно забилось; оно забилось еще сильнѣе, когда коляска остановилась у подъѣзда, и Радомцевъ спросилъ встрѣтившаго ихъ слугу: «дома ли господа?»

— Баринъ съ утра изволили уѣхать въ городъ, а барыня изволятъ кушать чай въ бесѣдкѣ, отвѣчалъ слуга.

— Вотъ счастливый вечеръ, сказалъ Радомцевъ товарищу, выходя изъ экипажа, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ направилъ шаги въ знакомую бесѣдку. Проходя по аллеямъ, Радомцевъ со вниманіемъ смотрѣлъ во всѣ стороны и, увидѣвъ мелькнувшее вдали бѣлое платье, оставилъ Тесьминскаго и прибавилъ шагу, что̀ случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Здравствуйте, Степанъ Иванычъ, раздалось съ той стороны, откуда виднѣлось бѣлое платье, и скоро рѣзвая Софья

появилась передъ Радомцевымъ:—какъ я рада, что вы пріѣхали, Вѣра такая скучная... Ахъ, M. Alexis! воскликнула она, увидѣвъ Тесьминскаго,—какъ я радъ вамъ, messieurs, я проведу васъ къ Вѣрѣ въ бесѣдку, то-есть васъ, мсьё Тесьминскій, а Степанъ Иванычъ и самъ хорошо знаетъ дорогу.

Съ этими словами, Софья побѣжала впередъ и за ней послѣдовали молодые люди.

Бесѣдка, устроенная посреди тѣнистыхъ липъ и окруженная множествомъ цвѣтовъ, была любимымъ мѣстомъ Вѣры Павловны, и въ жаркіе дни она проводила тамъ бо́льшую часть времени, читала, работала и занималась съ дѣтьми. Посреди этой бесѣдки разостланъ былъ коверъ; на немъ сидѣла Вѣра Павловна и играла съ дѣтьми въ ту минуту, когда Софья вбѣжала въ бесѣдку.

— Душечка, Вѣра, веду къ тебѣ гостей и самыхъ пріятныхъ, посмотри—Степанъ Ивановичъ и M. Alexis...

Пріятели остановились у входа, любуясь граціозною группой; Вѣра поспѣшно встала, оправляя прическу, нѣсколько пострадавшую отъ дѣтскихъ ласкъ, и привѣтствовала входившихъ гостей; дружески протянула она свою ручку Радомцеву и, слегка покраснѣвъ, поклонилась Тесьминскому.

— Очень рада васъ видѣть, мсьё Тесьминскій; мужъ сказалъ мнѣ о намѣреніи вашемъ навѣщать насъ, но я не ожидала видѣть васъ такъ скоро... вы, говорятъ, любите уединеніе.

— Не упрекъ ли это, Вѣра Павловна, за мою невѣжливость, за мое позднее появленіе у васъ въ домѣ?

— Нисколько, отвѣчала Вѣра ласково,—мы вамъ рады, могу васъ увѣрить; и это не фраза, я фразъ не терплю, въ этомъ поручится за меня вашъ пріятель, нашъ добрый и давнишній знакомый.

Но пріятелю было не до того: маленькій Викторъ, всегда съ восторгомъ встрѣчавшій Радомцева, былъ какъ-то особенно расположенъ къ дружескимъ изліяніямъ; онъ впился въ него, и тотъ, смѣясь и отбиваясь отъ рѣзваго ребенка, потерялъ всю способность заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ; наконецъ избавительницей явилась Вѣра Павловна.

— Шалунъ, шалунъ, сказала она, схватывая малютку и отнимая его отъ Радомцева, побагровѣвшаго отъ неимовѣрныхъ усилій освободиться изъ объятій Виктора.—Сами виноваты, Степанъ Иванычъ, вы его очень балуете, и онъ пользуется вашею добротой; таковы всѣ смертные, помните. Люди любятъ по-

мучить тѣхъ, кого любятъ. Въ награду за страданія, которыя вы потерпѣли отъ сына, мать напоитъ васъ чаемъ; садитесь къ столу.

— Je ne demande pas mieux, отвѣчалъ Радомцевъ, осматривая, надеженъ ли плетеный стулъ, на которомъ онъ намѣревался возсѣсть; убѣдясь наконецъ, что опасности не предстоитъ никакой, онъ пресеріозно подвинулъ его къ чайному столу, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ и разставлены были чашки и всѣ прочія принадлежности; въ ожиданіи чая, Степанъ Ивановичъ принялся систематически помазывать масломъ ломтики хлѣба, но не для другихъ, а собственно для себя, потому что въ этомъ отношеніи онъ былъ эгоистъ, кушалъ всегда много и не заботился о другихъ.

Приготовляя чай, Вѣра продолжала разговоръ на ту же тему: «о любви къ уединенію», что̀ дало Тесьминскому возможность высказать свои идеи о людяхъ, о чувствахъ, о разочарованіи; онъ говорилъ красно и до того умѣлъ входить въ свою роль, что слова его дышали жаромъ убѣжденія: что̀ же удивительнаго, что они были увлекательны для Вѣры, которая вообще мало знала людей и составила о нихъ понятіе, не совсѣмъ вѣрное? Отвѣчая и возражая ему, она одушевилась и была очень хороша. Тесьминскій не могъ отвести отъ нея глазъ и на этотъ разъ рѣшительно влюбился. Радомцевъ кушалъ въ то время, а занимаясь такимъ важнымъ дѣломъ, говорить не любилъ. Софья изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ, принимая сторону то Вѣры, то Тесьминскаго, и веселостію своею еще болѣе оживляла бесѣду. Между тѣмъ, солнце склонилось къ закату и жаркій день уступилъ мѣсто теплому, отрадному вечеру.

— Пойдемте гулять, сказала Софья,—я хочу показать нашъ паркъ и всѣ рѣдкости; ихъ немного, правда, прибавила она, смѣясь,—но надо же вамъ познакомиться съ нашими прогулками.

Она подала руку Тесьминскому и повела его по саду; за ними послѣдовали Радомцевъ и Вѣра.

Рѣдкостей дѣйствительно не было никакихъ; едва вышли они изъ сада, передъ ними раскинулась картина чисто-сельская, пріятная, конечно, но слишкомъ обыкновенная и надоѣвшая до смерти тѣмъ, кто осужденъ вѣчно жить въ деревнѣ. Тамъ жницы собирали снопы, другія накладывали ихъ на телѣги, и телѣги, скрипя и качаясь, направлялись къ тому мѣсту, гдѣ искусные деревенскіе зодчіи воздвигали скирды; съ дру-

гой стороны тянулось стадо и поднимало страшную пыль; мычанье коровъ, блеянье овецъ, перемѣшанныя со звономъ колокольчиковъ,—все это представилось нашимъ гуляющимъ, когда они вышли изъ сада. Подобная картина нравится многимъ своею неизмѣнностію: закатъ солнца, жницы на полѣ, скирды, возвращеніе стада, звонъ колокольчиковъ, располагаютъ васъ какъ-то идилически, и вы, забывая деревенскую скуку, хозяйство, мухъ и комаровъ, готовы повторить съ поэтомъ:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины...

и повторить именно потому, что вы нисколько не рождены для этого, и проводите бо́льшую часть года въ городѣ или любуетесь сельскою природой посреди подчищенныхъ городскихъ дачъ.

Паркъ, въ который отправилось наше общество, былъ хорошъ своею простотой, особенно при слабомъ освѣщеніи заходящаго солнца; извилистыя дорожки его, полузаросшія травой и отчасти покрытыя уже пожелтѣвшими листьями, первыми предвѣстниками осени, хотя и падаютъ они еще только отъ сильныхъ іюльскихъ жаровъ; темная чаща сосноваго лѣса, жалобно звучавшаго при малѣйшемъ вѣтеркѣ, все это вмѣстѣ располагало къ мечтательности; задумалась и рѣзвая Софья, слушая Тесьминскаго, который разказывалъ что-то очень поэтическое, задумался и Радомцевъ, когда всѣ они, обошедши часть парка, сѣли на дерновую скамью. Тесьминскій помѣстился рядомъ съ Вѣрою и всѣми силами старался привлечь ея вниманіе, въ чемъ и успѣлъ совершенно: она съ жадностію слушала его разговоръ, такъ мало похожій на все то, что̀ она слыхала прежде и къ чему привыкла. Наружность Тесьминскаго нисколько не разрушала очарованія: стройный, блѣдный, съ блестящими глазами, онъ въ пылу разговора слегка встряхивалъ головой и волны темнорусыхъ кудрей живописно выбивались изъ-подъ его сѣрой шляпы; самъ онъ казался представителемъ того фантастическаго міра, который «доступенъ душамъ избраннымъ и незнакомъ для презрѣнной черни.» Радомцевъ, равнодушный ко всему и матеріяльный по наружности, понималъ поэзію едва ли не лучше самаго Тесьминскаго, и потому, вмѣшиваясь въ разговоръ, нисколько не нарушалъ гармоніи цѣлаго; напротивъ, не рѣдко одною чертой дополнялъ картину, едва набросанную рукой товарища. Выходя изъ парка, всѣ были настроены очень поэтически.

Мѣстами скатывалась звѣздочка, обозначая на мгновеніе слѣдъ свой золотою полоской на темномъ небѣ, и Радомцевъ, указывая на нее Софьѣ, читалъ изъ Беранже:

C'est l'étoile qui file, qui file et file et disparait...

— Ахъ, какъ хороша эта пѣсенка, воскликнула Софья,— напишите мнѣ ее, мсьё Радомцевъ... Ну, скажите еще что-нибудь, мнѣ такъ пріятно слушать эти прекрасныя вещи, и грустно становится и какъ-то весело!

И Радомцевъ, довольный слушательницей, продекламировалъ еще что-то съ тѣмъ же жаромъ.

Между тѣмъ Тесьминскій говорилъ Вѣрѣ о сочувствіи душъ, о блаженствѣ найдти существо, которое бы могло понять все, что̀ волнуетъ его сердце, говорилъ о томъ еще, что онъ искалъ этого существа, обманывался безпрерывно и наконецъ убѣдился въ невозможности достигнуть своей цѣли; слѣдствіемъ безполезныхъ усилій его, безплодной тягостной борьбы были ненависть и презрѣніе къ человѣчеству... И эта ненависть, и это презрѣніе заставляли его тяжко, невыносимо страдать.

Вѣра слушала его, но не отвѣчала ни слова; она вѣрила всему, что̀ говорилъ ей Тесьминскій и въ сердце ея закралась мысль помирить нелюдима съ человѣчествомъ, сдѣлаться его другомъ, сестрой... инымъ чѣмъ быть для него—ей и въ голову не приходило; вѣдь у нея былъ Илья Петровичъ и дѣти!

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ высокой фигуры, двигавшейся мѣрными шагами по дорогѣ. «Mon frère!» воскликнула Софья. Вѣра какъ бы невольно оставила Тесьминскаго и быстро пошла на встрѣчу къ супругу, который поцѣловалъ у ней руку.

— Вотъ это доброе дѣло, Алексѣй Николаевичъ, спасибо вамъ, что вы пріѣхали, любезный сосѣдъ. Надѣюсь, что это удовольствіе, по добротѣ своей, вы будете доставлять намъ часто. Но на дворѣ становится сыро, пойдемъ въ комнату и побесѣдуемъ тамъ; я сейчасъ изъ города, гдѣ впрочемъ, нѣтъ ничего новаго; «все обстоитъ благополучно», какъ выражается при всякомъ случаѣ нашъ городничій. Кстати, Вѣра, я радъ, что ты весело провела вечеръ.

При этомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и взялъ подъ руку. Тесьминскому было неловко и непріятно, но надо было покориться необходимости и слушать Илью Петровича, который заслонилъ отъ него Вѣру. Самоотверженіе Тесьминскаго дошло до того, что онъ самъ предлагалъ ему во-

просы о предметахъ, очень интересныхъ для Ильи Петровича и нисколько не интересныхъ для него. Начавъ рѣчь еще дорогой, Дубровинъ продолжалъ ее за ужиномъ и старался объяснить Радомцеву, что онъ не умѣетъ, извлечь настоящей выгоды изъ Ивановскаго, на что̀ Радомцевъ отвѣчалъ какъ-то разсѣянно и, набивая ротъ, посматривалъ на Софью, противъ обыкновенія задумчивую; но задумчивость эта какъ-то не шла къ ней, и когда, къ концу ужина, рѣчь коснулась Поликаровыхъ, то она возвратилась къ своей обычной веселости и начала чертить карикатуры сосѣдокъ такъ забавно и мѣтко, что пріѣхавшій съ Дубровинымъ изъ города Ѳедоръ Семеновичъ не могъ вытерпѣть и сказалъ ей вполголоса:

— Ужь очень изволите конфузить ихъ. Право, онѣ предобрыя, особенно Пульхерія Ивановна.

— Заступились, Ѳедоръ Семеновичъ, очень рада, измѣнили своей тайнѣ... Нечего краснѣть: Пульхерія Ивановна—дѣвушка прекрасная и вамъ подъ пару.

При этихъ словахъ Софья расхохоталась, и веселость ея сообщилась всему обществу. Даже Илья Петровичъ, методически рѣзавшій жаркое, не могъ не улыбнуться, и слегка покачалъ головой Софьѣ.

— Что̀ же тутъ дурнаго, mon frère? А позовете вы насъ на свадьбу, Ѳедоръ Семеновичъ?

Ѳедоръ Семеновичъ отиралъ потъ съ лысины, оправлялъ галстукъ, поднималъ упавшую салфетку, словомъ, обнаруживалъ всѣ признаки сильнаго замѣшательства.

— Помилуйте, Софья Петровна, гдѣ намъ-съ? Онѣ такія воспитанныя, образованныя, а мы...

Добрая Софья скоро сжалилась надъ Ѳедоромъ Семеновичемъ и, въ награду за нанесенное ему огорченіе, налила ему полный стаканъ лафиту; этотъ кстати налитый стаканъ тотчасъ же разсѣялъ непріятное впечатлѣніе, произведенное ребяческою насмѣшкой Софьи, и Ѳедоръ Семеновичъ, въ порывѣ благодарности, поцѣловалъ ручку у своей милой сосѣдки.

Послѣ ужина, Илья Петровичъ, закуривъ сигару, продолжалъ еще что-то недоговоренное о сельскомъ хозяйствѣ; наконецъ, воспользовавшись минутой общаго молчанія, Тесьминскій и Радомцевъ откланялись, и повторили обѣщаніе пріѣхать опять въ самомъ скоромъ времени.

Н. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

МЫСЛИ, ВОЗБУЖДЕННЫЯ ЧТЕНІЕМЪ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНІЯ О ЗЕМСКИХЪ КРЕДИТНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ (1).

IV.

Глава III, какъ мы сказали, излагаетъ правила о закладныхъ листахъ. Коммиссія находитъ (ст. 38 и 39 и объясненія къ нимъ), что кредитнымъ обществамъ можетъ быть дозволенъ выпускъ обязательствъ долгосрочныхъ, выкупаемыхъ изъ обращенія посредствомъ постепеннаго погашенія по нарицательной ихъ цѣнѣ въ порядкѣ, однажды навсегда установленномъ и точно обозначенномъ въ уставѣ. Мы согласны съ коммиссіей, что для поземельнаго кредита въ настоящее время необходимы долгосрочныя ссуды (2); при всемъ томъ мы не думаемъ, чтобы въ законѣ о кредитныхъ обществахъ нужно было стѣснять эти общества требованіемъ долгосрочности и постепеннаго погашенія всѣхъ обязательствъ. Почему законъ не могъ бы предоставить банкамъ право дѣлать займы, какъ они найдутъ возможнымъ и болѣе выгоднымъ для себя? Само собою разумѣется, что во избѣжаніе слиш-

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 6, 7 и 8.

(2) Редакція *Русскаго Вѣстника* не согласна съ этою мыслію и полагаетъ что въ настоящее время помѣщикамъ скорѣе нуженъ краткосрочный кредитъ. Предполагая по окончаніи печатанія настоящей статьи поговорить подробно о всѣхъ возраженіяхъ и замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ редакціею на наши мысли, мы скажемъ теперь только, что несмотря на необходимость ссудъ на короткіе сроки мы твердо убѣждены, что безъ капитала, который можетъ быть затраченъ на продолжительное время, помѣщику невозможно устроить хозяйство на началахъ свободнаго труда. (Мы отнюдь не отрицаемъ необходимости и пользы долгосрочнаго кредита и никогда не выражали несогласія съ мыслію, что «для поземельнаго кредита въ настоящее время необходимы долгосрочныя ссуды.» Мы только сочли нужнымъ высказать, что однѣ долгосрочныя ссуды не могутъ удовлетворить *всѣмъ* современнымъ потребностямъ сельскаго хозяйства, и что столько же, а можетъ-быть даже еще болѣе необходимы краткосрочныя ссуды. *Ред.*)

комъ большаго риска въ новомъ дѣлѣ слѣдуетъ при составленіи отдѣльныхъ уставовъ включать правила, чтобы капиталъ, представляемый суммой всѣхъ выпущенныхъ билетовъ, уплачиваемыхъ по предъявленію, былъ постоянно обезпеченъ извѣстною частью наличныхъ денегъ, и чтобы только часть этого капитала могла помѣщаться въ долгосрочныхъ ссудахъ; остальная же сумма должна быть выдаваема на короткіе сроки. Но намъ кажется, что спеціализировать какъ роды ссудъ, такъ и роды займовъ должны сами кредитныя общества въ ихъ уставахъ; законъ же, если желаетъ скораго возникновенія частныхъ банковъ, долженъ ограничиться лишь общими чертами и дозволить подъ извѣстными условіями всѣ роды займовъ, какіе въ извѣстное время и въ извѣстной мѣстности будутъ возможны. Намъ также показалось страннымъ, почему необходимо производить выкупъ закладныхъ листовъ въ порядкѣ, однажды навсегда установленномъ и въ уставѣ означенномъ? Возможность и условія пріобрѣтенія капиталовъ земскими банками зависятъ отъ состоянія денежнаго рынка — состоянія, которое не всегда одинаково. Какимъ же образомъ учредители могутъ принять на себя право рѣшить вопросъ этотъ разъ и навсегда безошибочно? и почему при различныхъ выпускахъ закладныхъ листовъ не могутъ быть допущены различныя правила ихъ погашенія? Допущеніе такой свободы тѣмъ болѣе необходимо, что коммиссія въ статьѣ 30-й допускаетъ возможность, по желанію заемщиковъ, измѣненія величины взносовъ на погашеніе, лишь бы они были не менѣе $^1/_2$ % съ капитала. Если вышеприведенныя слова относятся къ этому количеству погашенія, тогда необходимо было выразить это яснѣе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порядокъ погашенія необходимо долженъ быть опредѣляемъ общими собраніями членовъ при каждомъ выпускѣ закладныхъ листовъ; законъ же долженъ постановить такія условія, которыя бы обезпечивали кредиторовъ банка и не подвергали опасности успѣхъ банковыхъ операцій. Хотя существенное назначеніе земскихъ банковъ есть поземельный кредитъ и, по нашему мнѣнію, учредители банковъ поступятъ чрезвычайно благоразумно, если на первое время ограничатся лишь одними этими операціями, но это наше частное мнѣніе, и мы бы не желали, чтобы законъ стѣснялъ въ этомъ отношеніи будущія кредитныя общества, а напротивъ полагаемъ необходимымъ, чтобы частнымъ обществамъ предоставлена была полная свобода, и чтобъ они въ этомъ случаѣ не были стѣснены даже своими уставами. Это необходимо какъ по новизнѣ этого дѣла въ нашемъ отечествѣ, такъ и потому, что наша публика привыкла къ праву распоряжаться своимъ капиталомъ. Между тѣмъ учетъ долгосрочныхъ облигацій вслѣдствіе неразвитости кредита будетъ чрезвычайно затруднителенъ, въ осо-

бенности въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ торговаго движенія. Подтвержденіе этой мысли мы видимъ даже даже на нашихъ билетахъ государственнаго казначейства, которые трудно размѣнивать въ губернскихъ городахъ по курсу, существующему въ столицахъ. Мы считаемъ совершенно естественнымъ стремленіе нашего общества сохранить право распоряжаться капиталомъ во всякое время и опасеніе долгосрочныхъ вкладовъ, и объясняемъ его себѣ не установившимся или переходнымъ состояніемъ нашей промышленности вообще и земледѣльческой въ особенности. Въ виду такого положенія дѣлъ, всякій старается быть готовымъ на всякую случайность, чтобъ употребить свой капиталъ какъ будетъ выгоднѣе. Вотъ еще доказательство въ подтвержденіе высказанной нами мысли, что, имѣя въ виду долгосрочныя ссуды, невозможно разчитывать на внутренніе капиталы, а надобно преимущественно имѣть въ виду заграничные. Сюда также надо прибавить и то обстоятельство, что мы не можемъ ожидать устройства нѣсколькихъ кредитныхъ учрежденій съ различными цѣлями въ каждой мѣстности, а потому намъ кажется, что банки должны имѣть право заниматься такими оборотами, которыхъ требуютъ условія мѣстнаго хозяйства.

Статья 42 проекта, опредѣляющая отвѣтственность общества въ случаѣ неисправности члена, встрѣтитъ на практикѣ огромныя затрудненія, вслѣдствіе слабости мѣръ взысканія, опредѣленныхъ въ нашемъ законодательствѣ въ отношеніи неисправныхъ должниковъ. Мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ, говоря о круговой отвѣтственности.

Разсматривая преимущества закладныхъ листовъ, предоставленныя имъ въ статьѣ 53-й, мы не можемъ согласиться только съ тѣмъ, что капиталы эти освобождаются отъ запрещенія, налагаемаго на все имѣніе владѣльца ихъ. Привилегія эта, хотя и существуетъ у насъ въ пользу билетовъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, но мы считаемъ ее вредною для развитія частнаго кредита вообще. Этимъ правиломъ затрудняются мѣры взысканія въ тѣхъ случаяхъ, когда положительно извѣстно, что такіе-то закладные листы находятся тамъ-то и принадлежатъ дѣйствительно лицу, подвергшемуся взысканію. Почему бы въ этомъ случаѣ не облегчить для кредитора возможность взысканія, предоставивъ ему право просить о наложеніи ареста и на капиталы, помѣщенные въ закладныхъ листахъ? Какъ-то странно видѣть въ уставѣ *частныхъ* кредитныхъ обществъ правило, которое можетъ быть вредно для развитія *частнаго* кредита.

V.

Внутреннее управленіе дѣлами земскихъ банковъ, какъ говоритъ проектъ положенія, принадлежитъ самимъ обществамъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства (ст. 55). Трудно согласить это правило съ правилами, изложенными въ статьяхъ 9, 12, 13, 14, 19 и 28-й, на которыя мы указали въ предыдущихъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника*. Мысли, изложенныя нами, кажется, вполнѣ объясняютъ, что самостоятельность обществъ, при существованіи этихъ правилъ, весьма ограничена, а потому статья эта намъ показалась совершенно несогласною съ вышеупомянутыми статьями.

Надзоръ правительства, предполагаемый статьей 56, долженъ, по мнѣнію нашему, ограничиться обезпеченіемъ интересовъ закладныхъ листовъ. Коммиссія предположила для этого обезпеченія непремѣннымъ условіемъ существованіе комитета и общаго собранія владѣльцевъ закладныхъ листовъ (ст. 57). Послѣдовательность требовала бы, чтобы правительственная опека ограничилась въ такомъ случаѣ судебнымъ разбирательствомъ претензій на правленіе банка какъ со стороны членовъ общества, такъ и со стороны его кредиторовъ. Все остальное должно принадлежать при этомъ условіи самимъ обществамъ и ихъ соглашенію съ своими кредиторами. Правительство могло бы безъ всякаго опасенія при такомъ условіи освободить себя отъ излишнихъ хлопотъ, не приносящихъ никакой пользы.

Намъ однакоже кажется, что учрежденіе комитета и общаго собранія владѣльцевъ закладныхъ листовъ чрезвычайно затруднительно. Выше мы видѣли, что земскія кредитныя общества могутъ только разчитывать на заграничные кипиталы, а поэтому думаемъ, что въ нашемъ отечествѣ владѣльцевъ закладныхъ листовъ будетъ слишкомъ ограниченное число. Кто изъ нихъ приметъ на себя иниціативу учрежденія общихъ собраній? При ограниченномъ числѣ ихъ будутъ ли возможны эти общія собранія? Поэтому мы думаемъ, что банки должны имѣть право, если того пожелаютъ, подвергать надзору правительства всѣ свои дѣйствія, касающіяся интересовъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ. Коммиссія предполагаетъ существованіе комитета и собранія владѣльцевъ закладныхъ листовъ необходимымъ условіемъ; между тѣмъ въ ст. 84-й сказано, что владѣльцы закладныхъ листовъ имѣютъ право собираться и имѣть комитетъ для наблю-

денія за своими интересами, объясненіе же къ этой статьѣ говоритъ, что *это не обязательно*. Зачѣмъ же въ 57-й статьѣ, а равно и въ примѣчаніи къ ней называть собраніе и комитетъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ *необходимыми частями управленія каждаго земскаго кредитнаго общества*? Неужели это неосмотрительность редакціи?

Въ примѣчаніи къ статьѣ 58-й коммиссія говоритъ о планѣ дѣйствій. Желательно было бы, чтобъ этотъ планъ дѣйствій былъ главнымъ руководствомъ для директоровъ при исполненіи ими своихъ обязанностей по управленію дѣлами обществъ, и чтобъ уставъ общества ограничивался лишь главными основаніями. Тогда развитіе кредита пошло бы своимъ естественнымъ ходомъ, и дѣятельность обществъ могла бы соображаться постоянно съ состояніемъ денежнаго рынка и мѣстными потребностями общества.

Не можемъ не обратить вниманія на статью 60-ю, по которой одинъ изъ директоровъ долженъ быть главнымъ или предсѣдателемъ. Спрашивается, къ чему это въ частномъ обществѣ? Почему не можетъ быть допущено правило, чтобы лица, управляющія дѣломъ, находились въ одинаковыхъ условіяхъ? Въ объясненіи къ статьѣ 64-й, коммиссія желаетъ сохранить коллегіальное начало въ правленіи банка; но неужели гг. члены коммиссіи не замѣчаютъ, что, допуская первенство одного изъ директоровъ, они тѣмъ самымъ ослабляютъ это начало? Сущность его состоитъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ всѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса. Намъ возразятъ, быть-можетъ, что голоса ихъ равны, и что такимъ образомъ начало это сохраняется. Въ теоріи, пожалуй, это и справедливо, но на практикѣ является совершенно другое. На практикѣ первенствующее лицо всегда пріобрѣтаетъ себѣ положеніе начальника, и это бюрократическое начало почти всегда совершенно уничтожаетъ коллегіяльность. Уже таково особенное свойство бюрократическаго начала, и вотъ почему мы сочли необходимымъ указать на это обстоятельство, между тѣмъ какъ многимъ оно можетъ показаться совершенно незначительнымъ. Намъ кажется, бюрократическое начало до того присуще нашему обществу, что проявленіе его мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Намъ случалось слышать напримѣръ, что предводитель есть начальникъ дворянства; будучи акціонерами, мы считаемъ директоровъ и учредителей нашимъ начальствомъ. Поэтому, если желать развитія самостоятельности въ нашемъ обществѣ, необходимо избѣгать во всѣхъ возможныхъ видахъ это начало, мертвящее всякую жизнь и уничтожающее уваженіе къ законности и правамъ. Мы останавливаемъ вниманіе нашихъ читателей повидимому на незначительномъ обстоятельствѣ, но это

потому только, что убѣждены въ томъ вредѣ, который вносятъ съ собою въ промышленныя предпріятія бюрократическія формы, и потому, что они получаютъ все большее и большее значеніе въ нашемъ обществѣ. Къ числу такихъ явленій можно отнести введеніе чиновъ между служащими въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ. Видя на дѣлѣ *успѣшный ходъ этого предпріятія*, какъ не бояться подобнаго порядка вещей, какъ не протестовать противъ всякаго слѣда этого порядка въ нашихъ будущихъ кредитныхъ обществахъ?

На томъ же основаніи мы желали бы при редакціи 67-й статьи замѣны словъ *преданіе директоровъ суду* словами: *жалоба на директоровъ суду*. Преданіе суду предполагаетъ съ одной стороны начальство, съ другой подчиненіе, что̀ можетъ быть только въ государственной службѣ; между тѣмъ какъ директоры относятся къ членамъ общества, какъ довѣренные къ довѣрителямъ. По общимъ же государственнымъ законамъ, довѣритель не можетъ предавать суду своего довѣреннаго, а имѣетъ только право подать на него жалобу. Къ тому же намъ кажется, что не сообразно съ достоинствомъ судебной власти предоставлять частному лицу *передавать* на разсмотрѣніе суда дѣйствія своихъ агентовъ и дѣлать такимъ образомъ судъ исполнителемъ распоряженій частнаго промышленнаго общества. Частное общество можетъ относиться въ судъ только какъ проситель.

Въ статьѣ 69-й мы желали бы видѣть дополненіе, что наложеніе взысканій на должностныхъ лицъ общества можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по опредѣленію суда.

Статья 71-я опредѣляетъ, что земскія кредитныя общества сносятся съ кѣмъ бы то ни было не иначе, какъ посредствомъ правленія. Намъ бы казалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ общее собраніе, такъ и комитетъ членовъ должны имѣть право непосредственныхъ сношеній черезъ своихъ президентовъ или довѣренныхъ лицъ. Въ противномъ случаѣ, если правленіе не захочетъ исполнить опредѣленіе комитета или общаго собранія, эти контролирующія собранія не будутъ имѣть никакихъ средствъ принудить къ тому правленіе, и такимъ образомъ вся власть, предоставленная имъ по уставу, останется мертвою буквой, а правленіе будетъ въ состояніи продолжать свои злоупотребленія безъ всякой отвѣтственности.

Мы не можемъ такъ же согласиться, чтобы правленіе могло налагать собственною властію на членовъ взысканія, опредѣленныя въ частныхъ уставахъ (ст. 72). Подобный порядокъ можетъ повести къ разнымъ злоупотребленіямъ. Если члены будутъ имѣть право подвергать отвѣтственности директоровъ, а директоры членовъ, то вѣрнѣе, что между ними произойдетъ согла-

шеніе, вслѣдствіе котораго явится обоюдное потворство; а между тѣмъ интересы кредиторовъ и самое дѣло кредита будутъ страдать. Сверхъ того правило это похоже на крѣпостное право, гдѣ взысканія налагаются безъ судебнаго приговора. Мы не имѣемъ въ виду здѣсь штрафа, опредѣляемаго иногда за просрочку взносовъ. Этотъ штрафъ взимается на основаніи устава безъ особаго распоряженія правленія, и скорѣе есть право должника на внесеніе процентовъ послѣ надлежащаго срока и на удержаніе заложеннаго имѣнія отъ продажи.

Статья 76 опредѣляетъ, что одинъ членъ соразмѣрно полученной имъ ссуды можетъ имѣть нѣсколько голосовъ. Хотя это правило допущено во многихъ акціонерныхъ обществахъ, но мы не можемъ ему сочувствовать. По нашему мнѣнію, это значитъ приносить интересы мелкихъ капиталистовъ въ жертву интересамъ богатыхъ людей. Намъ возразятъ, что ихъ интересы одинаковы, но что значительный капиталистъ всегда имѣетъ бо́льшую возможность правильно судить о выгодахъ предпріятія, нежели мелкій. Мы, вопервыхъ, не согласны съ этимъ положеніемъ и думаемъ, что дѣйствительное пониманіе вещей принадлежитъ вовсе не богатымъ, а скорѣе среднимъ классамъ общества, къ которымъ принадлежитъ всегда большинство акціонеровъ; вовторыхъ, значительные капиталисты часто вступаютъ въ акціонерныя общества для спекуляцій на акціи, что̀ рѣже случается съ акціонерами, не имѣющими большихъ средствъ; слѣдовательно первыхъ интересуетъ не самое дѣло, а только премія на акціи, и, какъ скоро она есть, то такой акціонеръ сбываетъ свои акціи для новаго предпріятія; между тѣмъ, какъ мелкій акціонеръ по незначительности своего капитала не можетъ разчитывать на ажіотажъ, а скорѣе интересуется самымъ дѣломъ. Это замѣчаніе собственно относится до акціонерныхъ предпріятій; что же касается кредитныхъ обществъ заемщиковъ, то здѣсь такое правило еще опаснѣе; здѣсь число лицъ, составляющихъ общество, ограничивается географическимъ положеніемъ, и такимъ образомъ все дѣло можетъ попасть въ руки нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, которые будутъ вести его исключительно въ свою пользу и во вредъ какъ остальнымъ членамъ, такъ и цѣлому краю. Въ особенности такое положеніе вещей можетъ быть вредно въ тѣхъ случаяхъ, когда банки будутъ заниматься не только долговременными, но и краткосрочными ссудами, подъ залогъ движимыхъ имуществъ и бумажныхъ цѣнностей, обращающихся въ обществѣ. Между тѣмъ запретить такіе обороты земскимъ банкамъ мы считаемъ совершенно не раціональнымъ: это значитъ, парализировать хозяйственную дѣятельность общества. Повторяемъ, въ нашемъ обществѣ нельзя ожидать, чтобы для каждаго рода кредитныхъ оборотовъ образовались особыя общества.

Примѣчаніе къ статьѣ 79-й возлагаетъ на правленіе обязанность публиковать о созваніи чрезвычайнаго собранія въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное число членовъ или владѣльцевъ закладныхъ листовъ, опредѣленное уставомъ, будетъ того требовать, но исполненіе такого требованія въ проектѣ не гарантировано ни чѣмъ. Представимъ же себѣ, что директоры не пожелаютъ исполнить это требованіе. Что должны тогда предпринять члены общества? Намъ казалось бы необходимымъ опредѣлить, что неисполненіе такого требованія, въ случаѣ жалобы судебному мѣсту, подвергаетъ виновныхъ опредѣленному въ уставѣ взысканію.

Между предметами вѣдомства общаго собранія, исчисленными въ 82-й статьѣ, помѣщено: разсмотрѣніе жалобъ на правленіе и директоровъ. Мы думаемъ, что жалобы на правленіе, въ случаѣ уклоненія отъ законнаго порядка, должны быть подаваемы прямо въ судъ отъ всѣхъ лицъ, интересы которыхъ нарушены распоряженіями правленія. Постороннія лица не должны ожидать распоряженій общихъ собраній по своимъ претензіямъ на правленіе. Это есть чисто новый порядокъ *чиноначалія* въ промышленномъ мірѣ, котораго не существовало до сихъ поръ по нашему законодательству, и которое поведетъ лишь къ излишнимъ проволочкамъ и тратѣ времени, если и не поведетъ еще къ болѣе печальнымъ результатамъ. Да и къ чему это введеніе іерархическаго порядка въ дѣла частной компаніи, когда правленіе относится къ общему собранію, какъ довѣренное лицо къ довѣрителю? Зачѣмъ затруднять частнымъ лицамъ доступъ къ судебной власти, служащей огражденіемъ всѣхъ правъ и наблюдающей за исполненіемъ законовъ? Подобный порядокъ можетъ поселять въ обществѣ неуваженіе къ принципу судебной власти, поддержаніе которой должно быть прямою цѣлію всякаго законодательства. Быть-можетъ, коммиссія имѣла въ виду жалобы членовъ, возникающія въ самомъ собраніи, вслѣдствіе разсмотрѣнія дѣйствій правленія; но тогда не худо было бы выразить это болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Примѣчаніе къ этой статьѣ говоритъ, что каждое дѣло, до обсужденія его въ общемъ собраніи, должно быть разсмотрѣно въ комитетѣ или въ особой коммиссіи. Намъ кажется, что не слѣдовало бы ставить это непремѣннымъ требованіемъ закона. Нельзя отвергать пользу разсмотрѣнія сложныхъ вопросовъ предварительно небольшимъ числомъ членовъ, но могутъ возникать вопросы не сложные, разсмотрѣніе которыхъ безъ отлагательства необходимо и нисколько не затруднительно. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что мнѣнія, возникшія въ собраніи въ опроверженіе сдѣланныхъ предложеній, если они не нравятся почему бы то ни было ди-

ректорамъ или учредителямъ, отвергаются на томъ основаніи, что лишены формальностей, требуемыхъ уставомъ, такъ напримѣръ, что они не представлены заранѣе; какъ будто возраженіе можетъ быть сдѣлано прежде нежели извѣстно самое предложеніе. Такимъ образомъ, правленія отвлекаютъ собранія отъ сужденій по дѣлу, и тѣмъ уничтожаютъ всякую самостоятельность собраній. По нашему мнѣнію, должно быть предоставлено на волю собранія разрѣшеніе вопроса: передавать ли дѣло въ коммиссію или нѣтъ. Такое правило тѣмъ болѣе необходимо, что при отсутствіи его собраніе будетъ иногда въ невозможности прекратить немедленно безпорядокъ, или злоупотребленіе со стороны правленія.

Статья 83 исчисляетъ тѣ предметы, при разсмотрѣніи которыхъ комитетъ членовъ не можетъ замѣнять собою общаго собранія. Мы находимъ, что къ числу этихъ предметовъ необходимо отнести избраніе директоровъ или членовъ правленія, и удаленіе ихъ отъ дѣлъ. Мы смотримъ на членовъ правленія, какъ на довѣренныхъ лицъ, а по всѣмъ законодательствамъ довѣренность можетъ быть уничтожена только лицомъ, давшимъ эту довѣренность. Поэтому, если выборъ директоровъ произведенъ общимъ собраніемъ, то какимъ образомъ можетъ быть предоставлено комитету право удалять ихъ отъ дѣлъ? Мы думаемъ, что если комитетъ находитъ это необходимымъ, тогда онъ обязанъ созвать общее собраніе, и предложить объ этомъ на его рѣшеніе.

Въ пунктѣ 4-мъ статьи 86 сказано: «собраніе и комитетъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ могутъ приносить жалобы правленію банка, собраніямъ членовъ общества и правительству». Опять введеніе въ промышленное предпріятіе іерархическаго начала бюрократіи, котораго не было до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ, и противъ котораго мы считаемъ необходимымъ протестовать. Почему бы не сказать просто: *жалобу суду?*—и короче и раціональнѣе. Сверхъ того, подъ именемъ правительства мы привыкли понимать высшія административныя власти. Но по всѣмъ понятіямъ о существѣ и раздѣленіи властей, возстановленіе нарушеннаго права принадлежитъ судебной власти. Поэтому жалоба отъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ должна по необходимости быть передана на усмотрѣніе суда, и слѣдовательно обращеніе ихъ жалобы къ властямъ административнымъ поведетъ только къ тратѣ времени и проволочкамъ.

Мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на широкіе размѣры гласности, предположенной въ проектѣ для будущихъ дѣйствій кредитныхъ обществъ. Подобныя мѣры имѣютъ полное право на сочувствіе всѣхъ мыслящихъ людей. Только та-

кимъ путемъ и можетъ достигать успѣха дѣло всякаго кредита, Кредитное учрежденіе, несмотря на всю раціональность системы, безъ полной и совершенной гласности никогда не въ состояніи заслужить довѣріе въ публикѣ, а слѣдовательно и пріобрѣсти необходимые для оборотовъ капиталы.

VI.

Для огражденія благонадежности залоговъ земскимъ кредитнымъ обществамъ, статья 99 предоставляетъ право надзора за оными и предполагаетъ съ точностію опредѣлять въ уставѣ порядокъ этого надзора. Намъ кажется, что надзоръ можетъ быть учреждаемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ оказывается несостоятельнымъ. Въ противномъ же случаѣ вмѣшательство банка въ хозяйственныя распоряженія владѣльца чрезвычайно вредно для развитія хозяйства. Для устраненія возможности недоимокъ, мы находимъ вполнѣ удовлетворительнымъ правило 100 статьи, по которой общество можетъ требовать возврата капитальной суммы при неисправности заемщика. Это лучшая гарантія въ исправномъ поступленіи взносовъ.

Статья 110, пунктъ первый, опредѣляетъ, что никакая претензія частнаго лица и даже никакое опредѣленіе присутственнаго или судебнаго мѣста не можетъ остановить взысканія, производящагося по распоряженію банка. Сравнивая это правило съ правиломъ, изложеннымъ въ 105 статьѣ, по которому взысканіе сперва обращается на движимость, мы находимъ, что оно можетъ повести къ послѣдствіямъ вовсе несправедливымъ и притомъ породить много недоразумѣній. Такъ, при открытіи взысканій, въ имѣніи владѣльца могутъ находиться разные продукты сельскаго хозяйства, уже проданные постороннимъ лицамъ и оплаченные ими, но еще не доставленные покупателю. При существованіи подобнаго правила неужели и такая претензія не можетъ остановить взысканіе, обращенное на запасы, состоящіе въ имѣніи? Такое правило можетъ совершенно стѣснить покупателей и уничтожить возможность продажи произведеній на мѣстѣ. Что же касается до того обстоятельства, что распоряженіе банка въ этомъ случаѣ не можетъ быть отмѣнено никакимъ присутственнымъ или судебнымъ мѣстомъ, то, признаемся, мы, прочитавъ положеніе это, пришли въ совершенное недоумѣніе. Намъ никогда не приходило въ голову, чтобы распоряженіе частнаго общества могло когда-нибудь стать выше распоряженій присутственныхъ мѣстъ и судебныхъ опредѣленій, дѣйствующихъ на основаніи за-

коновъ. Вѣдь это значитъ волю частныхъ обществъ ставить выше законовъ и уничтожать силу законовъ и значеніе ихъ въ государствѣ. Ну что, если правленіе банка вздумаетъ производить взысканіе безъ всякаго повода и пожелаетъ продать имѣніе совершенно исправнаго должника? неужели и тогда нѣтъ никакихъ средствъ остановить продажу? Если члены коммиссіи, вводя это правило, имѣли въ виду неудовлетворительное состояніе нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и считали на этомъ основаніи невозможнымъ предоставить имъ право пріостанавливать взысканія, то мы просимъ каждаго благомыслящаго человѣка обсудить ту трудность, съ которою сопряжено учрежденіе кредитныхъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, если введеніе такого правила необходимо.

Правило, изложенное во второмъ пунктѣ этой статьи, что мѣстное управленіе обязано немедленно удовлетворять требованіе банковъ, останется мертвою буквой, если банкамъ не предоставлено будетъ право, въ случаѣ уклоненія отъ закона, обращаться съ жалобами прямо въ судебное мѣсто съ требованіемъ взысканія убытковъ съ виновныхъ.

Право земскихъ банковъ не требовать особой описи для продажи просроченныхъ залоговъ (ст. 111) есть прекрасная мѣра, которая устранитъ множество проволочекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечитъ исправность взносовъ. Сколько бы переписки уничтожилось въ мѣстномъ управленіи, еслибы наши кредитныя учрежденія ввели у себя это правило, тѣмъ болѣе что составленіе новой описи есть только пустая формальность, которая не даетъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній объ имѣніи, сверхъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ свидѣтельствѣ! Намъ кажется только, что шестимѣсячный срокъ со дня публикаціи до продажи имѣнія слишкомъ продолжителенъ и будетъ затягивать время совершенно напрасно.

Противъ статьи 114 мы должны повторить то же, что мы имѣли случай замѣтить выше. Нельзя заставлять частное лицо обращаться съ жалобами въ комитетъ и общее собраніе членовъ и тратить время на отысканіе своего права по инстанціямъ, учреждаемымъ частнымъ обществомъ. Частный человѣкъ долженъ имѣть право приносить жалобу прямо судебной власти, какъ органу правительства, въ отношеніи котораго какъ должникъ, такъ и общество должны находиться въ одинаковыхъ условіяхъ частныхъ лицъ. Въ противномъ случаѣ здѣсь является зависимость и подчиненіе одного частнаго лица другому и установляются по спорамъ между заемщиками и банкомъ двѣ новыя судебныя инстанціи, кромѣ трехъ существующихъ для всѣхъ дѣлъ вообще. Если при томъ мы примемъ въ соображеніе, что эти двѣ инстанціи не правитель-

ственныя, а вполнѣ частныя учрежденія, то нераціональность подобнаго порядка очевидна.

По отношенію къ этой главѣ, мы должны замѣтить, что считаемъ администрацію имѣній самыми банками мѣрой совершенно для банковъ невозможною, какъ вслѣдствіе огромныхъ пространствъ, на которыхъ раскиданы имѣнія, могущія быть въ залогѣ, такъ и по недостатку благонадежныхъ лицъ, могущихъ принять на себя званіе администраторовъ. Бо́льшая часть нашихъ землевладѣльцевъ не живетъ въ своихъ имѣніяхъ. Кромѣ того администрація имѣній вовлечетъ банки въ такія издержки, которыя будутъ обременительны, и для самыхъ банковъ, и для владѣльцевъ имѣній. Единственная гарантія, по нашему мнѣнію, исправности взносовъ, какъ мы замѣтили выше, есть право банка требовать съ неисправнаго должника возврата капитальной суммы, ранѣе опредѣленнаго срока, изъ числа же мѣръ взысканія безъ отчужденія всего имѣнія — продажа движимости. Эта продажа, по нашему мнѣнію, должна производиться при содѣйствіи земской полиціи и постороннихъ свидѣтелей какимъ-либо агентомъ банка, отвѣчающимъ за правильность своихъ дѣйствій передъ мѣстною судебною властію по жалобѣ владѣльца имѣнія. При неуспѣхѣ этой мѣры остается одно: продажа заложеннаго имущества во всей цѣлости или по частямъ, согласно желанію неисправнаго владѣльца, а если этого желанія не имѣется въ виду, то согласно распоряженію банка.

VII.

Переходя къ сужденіямъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, мы должны обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что въ дѣлѣ поземельнаго кредита вопросъ этотъ есть самый трудный, потому что какъ излишнее расширеніе, такъ и стѣсненіе кредита положительно вредно. Цѣна недвижимыхъ имуществъ въ нашемъ отечествѣ обусловливается многими обстоятельствами, неизвѣстными на Западѣ. У насъ играютъ значительную роль не только качество почвы, удобства сбыта произведеній и густота населенія, но также направленіе промышленности, привычки мѣстнаго населенія и тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ находится мѣстное дворянство: до сихъ поръ дворянство было единственнымъ сословіемъ, для котораго возможна была покупка неселенныхъ недвижимыхъ имуществъ. Этотъ ограниченный кругъ покупателей не могъ установить правильныхъ и постоянныхъ цѣнъ. Все это вмѣстѣ производило

такія послѣдствія, что имѣнія, повидимому, на близкомъ разстояніи и почти въ одинаковыхъ условіяхъ, продавались совершенно по разнымъ цѣнамъ. Разность эта доходила иногда до 50 процентовъ. При такомъ непостоянствѣ цѣнъ трудно, скажемъ болѣе, невозможно принять какія-либо правила для оцѣнокъ, приближающихся къ постояннымъ цѣнамъ, на которыя можно разчитывать при аукціонной продажѣ имѣній. Съ введеніемъ вольнонаемнаго труда, условія хозяйства должны измѣниться, а вмѣстѣ съ ними должна измѣниться и цѣна на землю. Въ одномъ мѣстѣ она упадетъ, въ другомъ возвысится, сообразно новымъ условіямъ хозяйства. Къ этому надо прабавить колебаніе нашей монетной единицы и расширеніе круга покупателей. Въ виду такихъ обстоятельствъ даже правила, задуманныя раціонально, на основаніи нынѣшнихъ данныхъ, могутъ оказаться совершенно несостоятельными. Вопросъ объ оцѣнкахъ подвергался, какъ намъ извѣстно, всестороннему разсмотрѣнію во многихъ губернскихъ комитетахъ, и всѣ пришли къ одному заключенію, что въ настоящее время нѣтъ возможности составить раціональныя правила для оцѣнки имѣній, и что, по необходимости, должно довольствоваться общими нормальными цѣнами, опредѣленными на основаніи практическихъ свѣдѣній членовъ. Ясно, что только съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, время и опытъ могутъ дать необходимыя данныя для рѣшенія этого вопроса. Коммиссія вполнѣ оцѣнила трудность этой задачи, и въ проектѣ нѣтъ ничего обязательнаго въ этой главѣ. Подобная осторожность заслуживаетъ полное сочувствіе. Что касается до насъ, то мы воздержимся въ этомъ отношеніи отъ всякихъ сужденій. Много думавъ объ этомъ вопросѣ, мы могли придти только къ одному заключенію, что въ частныхъ уставахъ земскихъ банковъ должны быть опредѣлены наибольшія цифры ссудъ на десятину. Само собою разумѣется, что если пространство дѣйствій банка обнимаетъ разнородныя мѣстности, то могутъ быть назначены нѣсколько цифръ наибольшей ссуды. При этомъ мы желали бы видѣть въ уставахъ правило, что землевладѣлецъ, находящій, что имѣніе его можетъ служить вѣрнымъ залогомъ въ высшей суммѣ, имѣетъ право представить убѣдительныя о томъ доказательства. Правленіе банка, по разсмотрѣніи этихъ доказательствъ, убѣдясь, что оцѣнка имѣнія правильна, можетъ, подъ своею отвѣтственостію, расширить ссуду до половины оцѣночной суммы. Еслибы учредители не желали предоставить такой свободы правленію, то всѣ подобныя обстоятельства могли бы быть представляемы на разсмотрѣніе комитета членовъ или общаго собранія. При такомъ положеніи вещей самая жизнь дастъ правила оцѣнокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ дѣйствительную потребность

кредита, въ которомъ нуждается наша земледѣльческая промышленность.

По отношенію къ приложеніямъ, изданнымъ при трудахъ коммиссіи, мы можемъ выразить сожалѣніе, что въ нихъ нѣтъ вѣдомости, по крайней мѣрѣ за послѣднее время, о количествѣ проданныхъ кредитными установленіями имѣній, съ показаніемъ, какое количество капитала и недоимки состояло на означенныхъ имѣніяхъ по день продажи. Подобная вѣдомость могла бы съ пользой служить учредителямъ будущихъ кредитныхъ обществъ, при ихъ соображеніяхъ о вѣроятномъ числѣ несостоятельныхъ должниковъ. Будущимъ учредителямъ земскихъ банковъ рѣшительно необходимо это свѣдѣніе, и въ особенности необходимо оно обществамъ заемщиковъ, чтобъ имѣть понятіе о послѣдствіяхъ круговой поруки. Изъ приложенной къ проекту вѣдомости о состояніи долговъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ видно, что по сохраннымъ казнамъ и государственному заемному банку недоимки равняются почти 3,8 процента на остающійся капитальный долгъ. Конечно, эта цифра не утѣшительна, однакожь вѣрнаго заключенія о ней мы сдѣлать не можемъ, потому что въ вѣдомости не показана сумма годичныхъ платежей, слѣдовавшихъ банкамъ, и недоимка не раздѣлена по годамъ, а показана вся вполнѣ. Чтобы сказать, много или мало остается въ недоимкѣ, необходимо знать отношеніе ежегодной недоимки къ количеству ежегодныхъ взносовъ. Также мы нашли бы чрезвычайно полезнымъ, еслибы были сообщены свѣдѣнія о количествѣ взнесенныхъ платежей въ первые три мѣсяца и въ первое полугодіе со дня сроковъ. Имѣя такую вѣдомость, банки могли бы довольно близко опредѣлить сумму, которую они должны имѣть непремѣнно въ наличныхъ деньгахъ, для того чтобы быть исправными въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ, и не прибѣгать къ гадательнымъ цифрамъ. Это избавило бы ихъ отъ необходимости имѣть лишнія суммы въ кассахъ и слѣдовательно отъ нѣкоторыхъ потерь, а потерь и безъ того будетъ довольно при устройствѣ совершенно новаго дѣла.

Сверхъ этого мы видимъ, что средняя цифра долга, причитающагося на каждое имѣніе, равняется почти 10.000 руб. Разумѣется, что цифра эта ниже средней цифры обезпеченія, представляемаго каждымъ имѣніемъ; но на основаніи помѣщенныхъ въ таблицѣ данныхъ, мы можемъ довольно приблизительно получить и среднюю цифру обезпеченія. Таблица показываетъ, что всѣхъ заложенныхъ имѣній въ сохранныхъ казнахъ и государственномъ заемномъ банкѣ 29.489, въ которыхъ числится 6.168.188 душъ. Если мы предположимъ среднюю цифру ссуды 70 руб. на душу, то конечно полученная нами цифра будетъ довольно близкая,

и скорѣе выше нежели ниже дѣйствительной. Вычисливъ эту среднюю цифру, получаемъ 14.302 рубли съ копѣйками. Насъ удивляетъ, что коммиссія не обратила вниманія на эти цифры при опредѣленіи средней цифры займа, которую она предположила въ 40.000 рублей. Ст. 18-я пунктъ 2-й требуетъ, чтобы проектъ устава былъ подписанъ пятидесятью заемщиками, и общая сумма ихъ залоговъ равнялась бы двумъ милліонамъ рублей. Не говоря уже о громадности этой послѣдней цифры, которая сама по себѣ можетъ быть препятствіемъ къ учрежденію частныхъ банковъ, въ особенности въ первое время, мы видимъ, что средняя цѣна залоговъ не соображена съ существующимъ фактомъ, бывшимъ на виду. Если принять въ соображеніе, что частныя общества имѣютъ возможность выдавать ссуды въ бо́льшихъ размѣрахъ, нежели наши кредитныя учрежденія; то все-таки эта разница не такъ велика, чтобы превышать почти втрое дѣйствительную среднюю цѣну залоговъ. Намъ кажется, что если цѣна залоговъ и можетъ быть возвышена, то развѣ на одну треть, но никакъ не болѣе.

Намъ предстоитъ, въ заключеніе нашей статьи, представить читателямъ окончательный выводъ о кажущихся намъ достоинствахъ и недостаткахъ трудовъ коммиссіи. Къ числу первыхъ мы относимъ:

1) *Систему частнаго кредита, принятую коммиссіей.* Кредитъ только тогда можетъ принести дѣйствительную пользу, когда онъ удовлетворяетъ дѣйствительнымъ потребностямъ промышленности. Чтобъ исполнить это назначеніе, необходимо слѣдить постоянно за развитіемъ промышленности и имѣть извѣстную долю свободы въ управленіи дѣломъ. Но возможно ли такое положеніе для правительственныхъ агентовъ? Они должны дѣйствовать на основаніи подробныхъ правилъ, потому что не могутъ имѣть надъ собою такого контроля, какой могутъ учредить частныя общества. Сверхъ того, агенты правительственныхъ банковъ не заинтересованы въ дѣлѣ; а безъ участія къ дѣлу, оно не можетъ быть ведено съ успѣхомъ.

2) *Отсутствіе въ проектѣ всѣхъ монополій и привилегій въ пользу земскихъ банковъ.* Монополіи и привилегіи, если они и ускоряютъ первые опыты какого-нибудь дѣла, то въ послѣдствіи всегда приносятъ вредъ, стѣсняя свободу дѣятельности другихъ лицъ. Предпріятія, дѣйствующія на основаніи привилегій и монополій, похожи на тепличныя растенія, которыя не имѣютъ никакихъ естественныхъ причинъ бытія и обращаются въ одну роскошь и ничего болѣе. Даже гарантія обязательствъ банка правительствомъ не можетъ быть полезна. При успѣхѣ дѣла въ ней нѣтъ никакой нужды, при неудачѣ она не спасетъ курса закладныхъ листовъ. Намъ кажется, напротивъ, что еслибы гарантія правительства была предоставлена банкамъ, то это можетъ по-

родить одну неосторожность со стороны учредителей. Обезпеченные гарантіею правительства, они безъ особенныхъ трудностей могутъ найдти капиталы и взяться за дѣло, не отыскивая для успѣха его естественныхъ и слѣдовательно болѣе дѣйствительныхъ гарантій. Такимъ образомъ предпріятіе можетъ получить довольно шаткія основанія. При такихъ обстоятельствахъ правительство, принявъ на себя гарантію обязательствъ всѣхъ вообще банковъ, могущихъ учредиться въ Россіи, рискуетъ поставить себя въ затруднительное положеніе; ограничиться же гарантіей только для нѣсколькихъ, значитъ дать начало монополіи въ дѣлѣ частнаго кредита, душа котораго есть свобода.

3) *Широкіе размѣры гласности*, отчасти уже выполненные коммиссіей опубликованіемъ своихъ трудовъ, отчасти предполагаемые для будущихъ операцій земскихъ банковъ. Эта сторона вопроса заслуживаетъ особенной благодарности соотечественниковъ. Принявши это начало, коммиссія не можетъ не достигнуть цѣли, ею предположенной. Дѣло поземельнаго кредита есть дѣло совершенно для насъ новое; понятно, что, обдумывая этотъ вопросъ въ кабинетѣ, можно увлечься ошибочнымъ или одностороннимъ взглядомъ, и ошибка эта можетъ быть не замѣчена ограниченнымъ числомъ лицъ, занятыхъ вопросомъ; но, призвавши на помощь литературу, коммиссія тѣмъ самымъ восполнила этотъ недостатокъ, сдѣлала участниками въ рѣшеніи вопроса всѣхъ мыслящихъ людей Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжала неудобствъ многолюдныхъ собраній.

Недостатки, встрѣченные нами въ трудахъ коммиссіи, какъ намъ кажется, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) По справедливому замѣчанію редакціи *Русскаго Вѣстника*, *соединеніе законоположенія о земскихъ банкахъ съ примѣрнымъ уставомъ*, между тѣмъ какъ это двѣ вещи совершенно разныя. Законъ долженъ обнимать всѣ формы кредита, уставъ же можетъ ограничиться какою-либо одною.

2) *Предпочтеніе, оказываемое коммиссіею землевладѣльческимъ банкамъ передъ акціонерными.* Въ этомъ предпочтеніи мы видимъ несовершенное знакомство гг. членовъ съ состояніемъ нашей промышленности вообще, и съ земледѣльческою, въ особенности. Намъ кажется, что предрѣшеніе вопроса о формѣ кредита всегда можетъ быть вредно. Кредитъ создается потребностями общества, и потому слѣдуетъ предоставить самой жизни выработать для него такую форму, которая болѣе пригодна дѣйствительному положенію общества.

3) *Ограниченіе своей задачи исключительно обработкой устава землевладѣльческихъ банковъ*, тогда какъ назначеніе коммиссіи состояло, по собственнымъ ея словамъ, въ замѣнѣ казенныхъ банковъ частными. Но для того, чтобы произвести такую замѣну, слѣ-

довало бы заняться разрѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые служатъ къ устраненію препятствій для развитія кредита. Сюда относятся вопросы о мѣрахъ взысканій по безспорнымъ обязательствамъ, о судебныхъ реформахъ, объ отвѣтственности лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, и т. д. Вотъ дѣйствительныя средства замѣнить казенныя банки частными.

4) *Оставленіе въ сторонѣ вопроса о невыгодномъ положеніи нашего денежнаго рынка, о неблагопріятномъ состояніи вексельнаго курса и колебаніи нашей монетной единицы.* Обстоятельства эти имѣютъ огромное значеніе, и мы смѣло можемъ сказать, что если противъ нихъ не принять никакихъ мѣръ, то кредитныя операціи будутъ рѣшительно не возможны, и такимъ образомъ всякое положеніе о банкахъ останется одною писаною бумагой.

5) *Нѣкоторое недовѣріе къ обществу и желаніе руководить его посредствомъ администраціи*: съ этою цѣлію мы могли замѣтить введеніе нѣкоторыхъ статей, по которымъ образъ дѣйствій банковъ подчиненъ личнымъ соображеніямъ административныхъ лицъ безъ установленія правилъ, на которыхъ эти лица будутъ основываться въ своихъ соображеніяхъ, то-есть подчиненіе операцій банковъ произволу администраціи.

6) *Введеніе въ проектъ устава нѣкоторыхъ бюрократическихъ формъ*, на которыя мы имѣли случай указать выше и къ числу которыхъ мы должны отнести еще разрѣшеніе банкамъ ходатайствовать о предоставленіи нѣкоторымъ лицамъ, управляющимъ ихъ дѣлами, права государственной службы. Такимъ положеніямъ мы сочувствовать не можемъ: одни изъ нихъ ведутъ къ проволочкамъ, другія къ безотвѣтственности лицъ, окредитованныхъ обществомъ.

7) *Незначительное содѣйствіе правительства при переходныхъ мѣрахъ отъ стараго порядка къ новому.* Мы думаемъ, что это важный недостатокъ трудовъ коммиссіи, потому что при продолжительномъ существованіи монопольной правительственной системы кредитныхъ установленій и при той разрозненности, въ которой находится наше общество, трудно частнымъ лицамъ достигнуть хорошаго результата безъ содѣйствія правительства. Поэтому, не желая нисколько привилегій, мы желали бы отъ правительства денежныхъ ссудъ банкамъ въ бо́льшихъ размѣрахъ нежели то предположила коммиссія. Обыкновенно возражаютъ, что правительство не имѣетъ средствъ, но мы уже имѣли случай отвѣчать на это.

8) *Нѣкоторыя противорѣчія и неясности*, на которыя мы указывали въ продолженіи нашего разбора, и о которыхъ говорить считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе что сама коммиссія, конечно уже замѣтила ихъ.

А. Головачовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Библіотека иностранной поэзіи. Выпускъ первый. *Переводы и подражанія Н. В. Берга* Изданіе Н. В. Гербеля. С.-Петербургъ, въ типографіи П. А. Кулиша, 1860, in 8°, стр. VI и 271. Цѣна 1 р. 25 к. сер.

Трудолюбивый издатель сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, Н. В. Гербель, приступилъ къ новому литературному предпріятію, именно къ выпуску отъ времени до времени въ свѣтъ собраній стихотворныхъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ, которыхъ творенія передаются по-русски извѣстными нашими писателями. Мысль г. Гербеля очень хороша и вѣроятно найдетъ поддержку читателей, которымъ крайне затруднительно отыскивать разбросанные по журналамъ стихотворные переводы нашихъ поэтовъ, нерѣдко такъ удачно исполняющихъ свое дѣло.

Русская поговорка говоритъ: «Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть» и считаетъ это вѣрнымъ признакомъ удачи. Поговорку эту можно примѣнить къ предпріятію г. Гербеля. Первый выпускъ его *Библіотеки иностранной поэзіи* заключаетъ въ себѣ столько прекраснаго, что его можно причислить къ самымъ пріятнымъ явленіямъ нашей стихотворной литературы.

Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ переводы, сдѣланные г. Бергомъ, преимущественно въ теченіи послѣднихъ пяти или шести лѣтъ. Публикѣ давно извѣстны какъ искусство переводить, такъ и собственное поэтическое дарованіе г. Берга, первые юношескіе опыты котораго стали появляться въ печати тому назадъ уже около двадцати лѣтъ. Въ 1854 году онъ издалъ сборникъ своихъ переводовъ подъ заглавіемъ: *Пѣсни разныхъ народовъ.* Книга эта заключала въ себѣ переводы съ двадцати шести языковъ; оригиналъ каждой піесы былъ напечатанъ въ ней *texte en regard* съ русскимъ переводомъ, и любопытно между прочимъ, что при этомъ небываломъ у насъ смѣшеніи языковъ и шрифтовъ, на шестистахъ ея страницахъ, въ большую осьмушку, проскользнуло едва двадцать опечатокъ.

Заглавіе названной нами книги, изъ которой многія піесы были истинно прекрасны и нѣкоторыя сдѣлались даже, можно сказать, популярными, показываетъ уже, что въ ней были собраны только произведенія чисто-народной поэзіи разныхъ странъ. Рядомъ съ этими трудами, г. Бергъ не пренебрегалъ и дѣятельностію дру-

гаго рода и печаталъ иногда въ повременныхъ изданіяхъ переводы изъ разныхъ извѣстныхъ поэтовъ, особенно изъ Мицкевича, а также нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія. Въ нихъ онъ высказывался какъ даровитый поэтъ и мастеръ русскаго стиха. Въ натурѣ таланта г. Берга лежитъ что-то необыкновенно-симпатическое и мягкое, слышится звукъ струны, принадлежащій собственно ему и явственно отзывающійся даже въ аккордахъ, которые онъ импровизируетъ на мотивъ, взятый у другаго поэта. Эту задушевность и теплоту, привлекающую къ себѣ невольно, найдете вы во всемъ, что̀ пишетъ г. Бергъ, у котораго она соединяется съ необыкновенною простотой и истиной описаній, дѣлающими читателя какъ бы свидѣтелемъ того, что̀ разказываетъ авторъ. Всѣ эти достоинства обратили на себя общее вниманіе въ его письмахъ изъ Севастополя и изъ Италіи, и появленіе ихъ въ журналахъ всегда было встрѣчаемо особымъ любопытствомъ и сочувствіемъ публики.

Сказанное нами можетъ вполнѣ быть примѣнено и къ вышедшей теперь книгѣ стихотвореній г. Берга. Первый отдѣлъ ея состоитъ опять-таки изъ народныхъ пѣсенъ; въ немъ находятся: полный переводъ Краледворской рукописи, отрывокъ изъ *Слова о полку Игоря*, 17 сербскихъ, 3 новогреческія, 1 испанская и 1 украинская пѣсни. Второй отдѣлъ составляютъ переводы съ санскритскаго, древне-арабскаго, древне-греческаго, латинскаго, италіянскаго, нѣмецкаго, шведскаго, англійскаго, чешскаго и польскаго языковъ. Всѣхъ этихъ піесъ числомъ 55. Собраніе піесъ, подобныхъ помѣщеннымъ во второмъ отдѣлѣ, еще никогда не было издаваемо г. Бергомъ. Впрочемъ, замѣтимъ, что вообще ни одно изъ вышедшихъ теперь стихотвореній не вошло въ изданіе сборника 1854 года, которому нынѣ напечатанная книга служитъ какъ бы дополненіемъ.

Предоставляя спеціялистамъ оцѣнить труды г. Берга, напечатанные въ первомъ отдѣлѣ, мы желали бы особенно обратить вниманіе читателей на второй, который въ совокупности своей представляетъ еще новое явленіе въ литературной карьерѣ г. Берга. Обѣщаемъ читателямъ истинное наслажденіе отъ заключающихся въ немъ піесъ, проникнутыхъ прелестію самой благоуханной и граціозной поэзіи.

Г. Бергъ особенно любитъ переводить Мицкевича. Изъ него помѣщено въ новой книгѣ пять отрывковъ изъ *Пана Тадеуша*, отрывокъ изъ *Конрада Валленрода*, 13 крымскихъ сонетовъ, изъ коихъ нѣкоторые такъ радушно были привѣтствованы публикой въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности, и 12 разныхъ стихотвореній. Не можемъ отказать себѣ въ удо-

вольствіи выписать, хоть на удачу, напримѣръ, піесу *Прежніе годы*. (Стр. 256.)

Ты помнишь ли, мой другъ, минувшіе года,
Колодецъ, молодымъ увѣнчанный ясминомъ,
И лоно темное широкаго пруда,
И мельницу, и лѣсъ, и обнесенный тыномъ

Душистый вишенникъ, гумно, и надъ овиномъ
Віющійся дымокъ... Въ село бѣгутъ стада,
Послѣдній лучъ зари играетъ по долинамъ
И всходитъ на небо вечерняя звѣзда...

Мы въ садъ бѣжимъ съ тобой, а мѣсяцъ изъ-за тучи
Взглянувши на тебя, льетъ золото лучей,
Невыразимый блескъ придавъ красѣ твоей...
Ты помнишь ли какъ ласки были жгучи,

Какъ рѣчь была жива! Единый вѣдалъ Богъ,
Что̀ чувствовали мы, и что̀ творилось съ нами,
Когда кипѣлъ въ душѣ за вздохомъ тайный вздохъ,
И слезы тихія мѣшались со слезами...

Нѣкоторые строгіе цѣнители и судьи упрекаютъ г. Берга въ томъ, что онъ не очень точно переводитъ Мицкевича. Имъ и книги въ руки; мы же, не наводя дальнихъ справокъ, будемъ все-таки наслаждаться его поэтическими преложеніями, хотя бы въ нихъ высказывался подчасъ г. Бергъ, а не Мицкевичъ. Не дѣлая никакихъ сравненій, не можемъ не привести слѣдующаго простаго сближенія. Когда Листъ игралъ, бывало, свои такъ-называемыя «транскрипціи» изъ оперъ Россини или Беллини, намъ было не до того, чтобы думать о томъ, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ онъ отступилъ отъ партитуры маэстро и выразилъ собственное свое вдохновеніе. Г. Бергъ впрочемъ и самъ выставилъ къ своей книгѣ эпиграфомъ, какъ бы въ оправданіе, слова Гоголя: «Въ переводѣ всего болѣе нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны.» Пусть только поэтъ даритъ насъ такими же произведеніями, какъ до сихъ поръ, и затѣмъ удѣлъ его останется почетнымъ и завиднымъ.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.
18 мая 1860.

ЕЩЕ О КНЯЖНИНѢ И ЕГО ТРАГЕДІИ *ВАДИМЪ*.

Во второй февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ г. Лонгинова, «Я. Б. Княжнинъ и трагедія его *Вадимъ*», встрѣчается нѣсколько ссылокъ на мою статью, напечатанную въ № 12 *Сына Отечества* 1852 г. По этому поводу я считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько добавленій и поясненій, имѣющихъ также нѣкоторый интересъ въ извѣстномъ дѣлѣ о трагедіи Княжнина. Еще въ 1850 году я напечаталъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* біографію Княжнина—трудъ еще студенческій, въ которомъ по юношеской неопытности и торопливости, я не избѣжалъ нѣсколькихъ промаховъ, и которому теперь не даю особенной цѣны, хотя въ то время и съ большою любовью занимался имъ. О немъ я и не заговорилъ бы, еслибъ онъ не доставилъ мнѣ нѣсколько подробностей объ упомянутомъ дѣлѣ. Генералъ Б. Я. Княжнинъ (нынѣ уже покойный), сынъ писателя, прочитавъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* біографію своего отца, нашелъ тамъ нѣсколько фактовъ, не точно или не вѣрно разказанныхъ, и обратился ко мнѣ съ нѣкоторыми поясненіями, прося въ то же время опровергнуть ложныя извѣстія о смерти его отца и о послѣдней его трагедіи, напечатанныя Бантышъ-Каменскимъ въ его *Словарѣ*, и потомъ повторенныя другими писателями. Для этого, за словесными объясненіями, онъ сообщилъ мнѣ также подробныя записки о ходѣ дѣла, по которымъ я и составилъ упомянутую статью для *Сына Отечества*. Но пока она проходила черезъ типографскій станокъ, изъ нея такъ много испарилось и улетучилось, что въ журналѣ оказалась только небольшая часть, мною написаннаго (1). Въ надеждѣ, что книгопечатное дѣло теперь совершается у насъ подъ менѣе горячею температурой, я рѣшаюсь повторить подробности, сообщенныя мнѣ генераломъ Княжнинымъ.

Представляю собственныя его слова изъ его записокъ: «Въ *Словарѣ достопамятныхъ Людей Русской земли*, въ 3-й части, на страницѣ 78 напечатано, что трагедія Княжнина въ пяти дѣйствіяхъ, *Вадимъ Новгородскій*, болѣе всѣхъ произвела шума: Княжнинъ, какъ увѣряютъ современники, былъ допрашиваемъ Шешковскимъ, въ исходѣ 1790 года, вслѣдствіе чего впалъ въ

(1) Этотъ № журнала значительно запоздалъ въ своемъ выходѣ. Онъ подписанъ ценсоромъ Елагинымъ 21 марта 1853 года.

жестокую болѣзнь и скончался 14 января 1791 года. Что отецъ мой будто бы видѣлся въ 1790 году съ Шешковскимъ—это совершенная ложь со стороны тѣхъ современниковъ, которые могли передать такое извѣстіе сочинителю *Словаря*. Все дѣло по сей трагедіи происходило такимъ образомъ: Она была написана моимъ отцомъ еще до французской революціи, и до сего времени Екатерина II была снисходительна къ подобнымъ произведеніямъ. Трагедія даже была отдана для представленія на театръ, директоромъ котораго тогда былъ Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ. Роли были предназначены, сколько я могу припомнить, Плавильщикову—Вадима, Шушерину—Рюрика, Барановой—Ромиды. Но вслѣдъ за тѣмъ открылась французская революція, и отецъ мой самъ увидѣлъ, что сюжетъ его трагедіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ по необходимости и многія выраженія не сообразны съ обстоятельствами того времени. Онъ взялъ назадъ трагедію, которая и пролежала у него въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, до самой его смерти, даже безъ всякаго особеннаго вниманія. Въ началѣ 1791 года отецъ мой жестоко простудился, слегъ тотчасъ въ постель и кончилъ жизнь 14 января. Имѣніе его, по молодости оставшихся послѣ него пятерыхъ сыновей, поступило подъ опеку псковскаго помѣщика П. Я. Чихачева, мужа старшей моей сестры. Онъ пріѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ, и, дѣлая опись движимому имуществу, нашелъ манускрипты отца моего, какъ-то: трагедію *Вадимъ*, комедіи: *Чудаки*, *Траурь, или утѣшенная вдова;* оперу *Мужья-женихи своихъ женъ;* поэму *Попугай*, и другія мелкія сочиненія, которыя въ послѣдствіи составили пятый томъ. Чихачевъ, какъ человѣкъ совершенно не свѣдущій въ литературѣ, обратился къ книгопродавцу Глазунову, едвали тогда не единственному въ Петербургѣ. Глазуновъ, хотя и торговалъ книгами, и черезъ то пріобрѣлъ большой капиталъ, но зналъ толкъ въ сочиненіяхъ не многимъ болѣе Чихачева. Я присутствовалъ при ихъ разговорѣ. Опекунъ показалъ книгопродавцу сочиненія моего отца и спросилъ, что онъ дастъ за нихъ. Глазуновъ ощупалъ ихъ толщину и предложилъ за все 200 рублей асс. Чихачевъ удивился и обрадовался, что можно получить такую сумму за бумагу, по его понятіямъ, просто на черно исписанную, и торгъ былъ сдѣланъ.»

Далѣе авторъ записокъ разказываетъ, что президентъ россійской академіи, княгиня Е. Р. Дашкова, еще прежде поручила Глазунову увѣдомлять ее о всѣхъ сочиненіяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, которыя ему удастся пріобрѣсть для изданія. Такъ какъ она всегда уважала покойнаго писателя, и, въ былое время, любила съ нимъ бесѣдовать, то узнавъ, что въ рукахъ у

Глазунова есть еще не изданныя его сочиненія, приказала книгопродавцу принести ихъ къ себѣ. Разсмотрѣвъ всѣ представленныя ей рукописи, она удержала у себя трагедію *Вадимъ*, а прочія возвратила по принадлежности для представленія обыкновеннымъ путемъ въ цензуру; трагедію же немедленно передала въ типографію Россійской академіи, которая имѣла право печатать безъ цензуры. Въ то время, замѣчаетъ авторъ записокъ, княгиня Дашкова была чѣмъ-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобнымъ исполнять ея требованія. Не подумавъ, что можетъ причинить неудовольствіе императрицѣ, она передала отпечатанную трагедію въ продажу, и въ то же время помѣстила ее въ 39-й части *Россійскаго Театра*, который издавался отъ Россійской академіи. Трагедія въ первые десять дней раскупалась медленно. Вдругъ за тѣмъ, въ два или три дня, раскуплено нѣсколько сотенъ экземпляровъ: узнали, что графъ И. П. Салтыковъ нашелъ въ ней что-то предосудительное и представилъ ее императрицѣ. Слухи были справедливые; но надо полагать, замѣчаетъ Княжнинъ, что Салтыковъ не самъ сдѣлалъ такое открытіе, а руководствовался указаніемъ кого-либо другаго: онъ только поспѣшилъ отличиться передъ государыней. Екатерина, какъ было извѣстно по слухамъ, сама прочла всю трагедію и, безъ того уже встревоженная французскою революціей, обратила болѣе вниманія на выраженія Вадима и его двухъ сотоварищей чѣмъ на слова разсудительнаго и благотворительнаго Рюрика. Она приняла горячо это дѣло, приказала конфисковать трагедію, отобрать раскупленные экземпляры, у кого они окажутся, и все сжечь. «Не доказываетъ ли это, замѣчаетъ авторъ записокъ, что Екатеринѣ прежде того не была извѣстна трагедія, и что моего отца по сему случаю не могъ призывать Шешковскій въ 1790 году? Вслѣдъ за тѣмъ, продолжаетъ онъ, былъ изданъ указъ, который совершенно не соотвѣтствуетъ перу, начертавшему наказъ коммиссіи составленія законовъ.»

Но этимъ дѣло совершенно не кончилось. Вотъ какъ разказываетъ о дальнѣйшемъ его ходѣ сынъ осужденнаго писателя: «Императрицѣ угодно было узнать черезъ старшаго моего брата Александра и черезъ меня, дѣйствительно ли *Вадимъ* писанъ отцомъ нашимъ, и не былъ ли оный сочиненъ кѣмъ-нибудь другимъ послѣ его смерти, и выданъ въ публику подъ его именемъ; а потому я съ братомъ, служа въ то время гвардіи въ Измайловскомъ полку сержантами, черезъ полковое начальство были вытребованы къ тогдашнему генералъ-прокурору, графу А. Н. Самойлову, и были представлены къ нему полковымъ адъютантомъ Измайловскаго полка, А. Я. Сукинымъ. Какъ теперь помню: мы пріѣхали къ Самойлову въ то время, какъ онъ былъ за обѣден-

нымъ столомъ. Онъ тотчасъ всталъ, и, съ лаской коснувшись нашихъ плечъ, объявилъ, что императрица приказала намъ не тревожиться, а что ей только нужно отъ насъ отобрать нѣкоторыя свѣдѣнія. Затѣмъ онъ поручилъ своему чиновнику препроводить насъ къ своему кабинету, гдѣ мы и ожидали его между просителями. Они, слыша тутъ же отъ чиновниковъ, что за нами было послано отъ графа и не зная настоящей причины, смотрѣли на насъ съ большимъ уваженіемъ, отъ котораго мы, какъ можно скорѣе, желали избавиться, тѣмъ болѣе что оставили свою мать въ ужасномъ душевномъ безпокойствѣ. Черезъ нѣсколько времени Самойловъ прошелъ мимо всѣхъ насъ въ кабинетъ, и потомъ выйдя изъ него, далъ намъ знакъ, чтобы мы вошли къ нему. Повторивъ опять, чтобы мы были спокойны, онъ спросилъ: что̀ вздумалось написать такую богоотступную трагедію вашему батюшкѣ? и сильно осуждалъ ее. Остерегаясь такого строгаго censora, мы не смѣли опровергать сужденія его на счетъ трагедіи; но удостовѣряли его, что отецъ нашъ никогда не имѣлъ въ помышленіи сею трагедіей навлечь неудовольствіе правительству, и пересказали ему весь ходъ дѣла. Тогда онъ заключилъ, что трагедія дѣйствительно писана нашимъ отцомъ. Удостовѣрясь въ этомъ, онъ спросилъ: не извѣстно ли намъ, кому онъ при жизни читывалъ трагедію? Мы отвѣчали, что какъ до отданія сей трагедіи на театръ, отецъ нашъ считалъ ее обыкновеннымъ произведеніемъ, то читалъ ее нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, между которыми, сколько мы можемъ упомнить, былъ Н. Ф. Эминъ, дѣлавшій на манускриптѣ свои замѣчанія, и еще В. В. Ханиковъ (бывшій въ послѣдствіи посланникомъ въ Дрезденѣ). Потомъ мы узнали, что ни того ни другаго объ этомъ не спрашивали. Удовлетворясь нашимъ объясненіемъ, графъ Самойловъ отпустилъ насъ съ видомъ ласковымъ и учтивымъ. Тревожась не столько за себя, сколько за свою мать, мы опрометью поскакали успокоить ее.»

По свидѣтельству также автора записокъ, и Глазуновъ былъ взятъ подъ стражу въ полицію, но признанный невиннымъ, скоро былъ освобожденъ. Равнымъ образомъ и Чихачева не оставили въ покоѣ: по волѣ Екатерины онъ былъ вытребованъ изъ своей псковской деревни въ Смоленскъ къ тогдашнему генералъ-губернатору Псковской и Смоленской губерній Осипову, которому поручено было допытать его, не было ли съ его стороны вреднаго намѣренія при продажѣ трагедіи Глазунову. Но послѣ самаго краткаго разговора Осипову легко было убѣдиться, что Чихачевъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно безгрѣшенъ. Онъ былъ отпущенъ обратно, а издержки на путешествіе пали на счетъ опекаемыхъ.

Въ это же самое время была запрещена для представленія и трагедія Николева *Сорена и Замиръ*, игранная до того нѣсколько разъ на русской сценѣ.

Кстати присоединяю сюда еще нѣсколько фактовъ, относящихся къ біографіи Я. Б. Княжнина и неизвѣстныхъ прежнимъ его біографамъ.

Мать его, Акулина Осиповна, была урожденная Нелединская, дочь помѣщика Псковской губерніи. Хотя она и не имѣла никакого образованія, замѣчаетъ внукъ ея, но отъ природы была одарена умомъ. Овдовѣвъ, она постоянно, до самой смерти, жила въ своей псковской деревнѣ, гдѣ нашъ писатель и провелъ свое дѣтство. Она была чрезвычайно бережлива, и за кротость нрава и ласковое со всѣми обхожденіе, пользовалась общею любовью и уваженіемъ. При жизни мужа, она своими совѣтами много способствовала ему дать дѣтямъ образованіе, приличное для того времени.

Я. Б. Княжнинъ между прочимъ учился музыкѣ и игралъ на скрипкѣ, хотя никогда не имѣлъ къ ней особеннаго расположенія, тогда какъ младшій братъ его Ѳедоръ страстно любилъ играть на флейтѣ, что̀ увеличило расположеніе его къ чахоткѣ, отъ которой онъ и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Сестра ихъ, Анна Борисовна, была воспитана дома при матери, и въ послѣдствіи отличалась въ обществѣ красотой и образованіемъ. Она была въ замужствѣ за псковскимъ помѣщикомъ, надворнымъ совѣтникомъ Александромъ Семеновичемъ Карауловымъ, и хотя вышла за него по любви, но не была съ нимъ счастлива: онъ оказался грубымъ мужемъ.

Бывшій въ особой милости у Екатерины II, Александръ Петровичъ Ермоловъ, любилъ русскую литературу и особенно драматическія произведенія. Онъ покровительствовалъ и Княжнину, и даже напечаталъ на свой счетъ его комедію *Хвастунъ*, которую и поднесъ императрицѣ; а она подарила автору золотую табатерку, покрытую эмалью съ живописнымъ медальйономъ. Княжнинъ, уважая расположеніе къ себѣ Ермолова, посвятилъ ему свою трагедію *Владисанъ*. По его же ходатайству, Екатерина позволила Княжнину издать его сочиненія на счетъ казны въ его же пользу. Но скоро обстоятельства Ермолова перемѣнились: онъ уѣхалъ въ Москву, и Княжнинъ уже черезъ графа Мамонова представилъ императрицѣ экземпляръ отпечатанныхъ своихъ сочиненій, приложивъ къ первому тому стихи, посвященные ея имени. Она вновь подарила автору золотую табатерку съ медальйономъ, осыпаннымъ брилліантами. Княжнинъ, любя гостепріимство и открытую жизнь, всегда нуждался въ деньгахъ, и потому тотчасъ же продалъ книгопродавцу Глазунову подарен-

ные ему казной экземпляры его сочиненій, въ числѣ 4.000 книгъ за 1.000 руб. асс.

Княжнинъ погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ 1832 году, сынъ его поставилъ на его могилѣ новый памятникъ, на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

«Творенья Княжнина Россія не забудетъ,
Онъ былъ и нѣтъ его! Онъ есть и вѣчно будетъ.»

Это двустишіе было составлено сыномъ покойнаго писателя; къ нему, извѣстный своею стихотворною чепухой, графъ Хвостовъ, прибавилъ въ началѣ еще два стиха:

«Увялъ Парнаса Росовъ кринъ!
Подъ камнемъ симъ сокрытъ Княжнинъ!

и съ согласія автора двухъ выше приведенныхъ стиховъ напечаталъ все четырехстишіе подъ своимъ именемъ въ одномъ изъ журналовъ съ надписью: «Къ памятнику Княжнина.»

В. Стоюнинъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

СИЦИЛІЙСКОЕ ВОЗСТАНІЕ И ВОСТОЧНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ.

Вниманіе Европы раздѣлено теперь между Сициліей и затрудненіями, возникающими на Востокѣ.

Таинственный мракъ, скрывавшій сицилійскія событія, наконецъ разсѣялся. Офиціяльныя неаполитанскія телеграммы оказались, какъ и ожидала публика, баснями, которыя лучше всего изобличаютъ духъ этой умирающей системы, безсильной и исполненной неправды. Тономъ рѣшительнымъ, въ выраженіяхъ краткихъ, но сильныхъ, неаполитанскія реляціи успокоивали Европу относительно хода возстанія: мятежники разбиты на всѣхъ пунктахъ, ихъ шайки упали духомъ, перессорились между собою,

еще одинъ ударъ и бунтъ раздавленъ, неаполитанское владычество возстановлено. Трудно понять, зачѣмъ понадобилось вводить такимъ образомъ цѣлый міръ въ заблужденіе, когда черезъ нѣсколько дней должна же была обнаружиться истина и изобличиться обманъ. Могло ли это содѣйствовать успѣху неаполитанскаго оружія? Могло ли это въ чемъ-нибудь пособить дѣлу? Наконецъ, могло ли неаполитанское правительство пріобрѣсти этимъ, сочувствіе Европы, и безъ того мало расположенной сочувствовать ему? Все это были ложныя извѣстія и притомъ безкорыстныя, совершенно не нужныя. А какъ же за ложныя извѣстія французское императорское правительство дѣлаетъ роковыя предостереженія журналамъ, преслѣдуетъ и запрещаетъ ихъ? Журналы могутъ часто ошибаться самымъ добросовѣстнымъ образомъ и распространять ложныя извѣстія, сами того не зная. Но какъ правительству сочинять извѣстія, и даже не для своихъ подданныхъ, а для другихъ правительствъ и народовъ, которыхъ обмануть нельзя и передъ которыми этимъ можно только окончательно уронить свое достоинство?

Но мракъ разсѣялся. Гарибальди дѣйствительно оказался въ Сициліи, возстаніе приняло грозные размѣры, королевскія войска вездѣ разбиты и упали духомъ цѣлые полки перешли на сторону инсургентовъ, Палермо уже въ ихъ рукахъ, король неаполитанскій подписалъ капитуляцію, и Гарибальди, провозгласивъ на островѣ власть короля Виктора-Эммануила, принялъ въ свои руки управленіе островомъ, какъ его намѣстникъ. Прямаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ это дѣло не было, хотя неаполитанское правительство само обращалось, какъ значится изъ послѣднихъ телеграммъ, къ великимъ державамъ, прося ихъ о посредничествѣ между имъ и *флибустьеромъ* Гарибальди; великія державы отказались отъ этой роли, хотя, можетъ-быть вслѣдствіе такого ходатайства со стороны неаполитанскаго правительства, представители Франціи и Англіи убѣдили, какъ сообщаютъ, вождя сицилійскаго возстанія нѣсколько смягчить предъявленныя имъ условія капитуляціи. Гарибальди хотѣлъ, чтобы королевскія войска положили оружіе и чтобы палермскія власти возвратили сицилійской казнѣ взятую ими значительную сумму; но потомъ онъ согласился отпустить войска съ оружіемъ, и они очистили цитадель, поручивъ ее англійскому командиру, чтобы въ безопасности совершить свое отступленіе и сѣсть на корабли, которые должны отвезти ихъ къ неаполитанскимъ берегамъ.

Но если не было прямаго вмѣшательства иностранныхъ правительствъ въ это дѣло, то можно ли утверждать, чтобы сицилійское возстаніе и смѣлое предпріятіе Гарибальди совершилось такъ успѣшно безъ всякаго сочувствія со стороны, безъ под-

держки, покрайней мѣрѣ нравственной, европейскихъ державъ и даже безъ матеріяльныхъ значительныхъ пособій, которыя лились, особенно изъ Англіи, на помощь итальянскому народному движенію? Англійское правительство, очень откровенно передъ цѣлой Европой, высказываетъ свое сочувствіе этому движенію и желаетъ ему полнаго успѣха; оно не мѣшаетъ общественной подпискѣ въ пользу возстанія; англійскія военныя суда, не принимая прямаго участія въ дѣлѣ и соблюдая повидимому нейтралитетъ, тѣмъ не менѣе однимъ своимъ присутствіемъ тѣснятъ и смущаютъ неаполитанскія силы и внушаютъ бодрость инсургентамъ. Правда, присутствіе ихъ, какъ видимъ, оказалось полезнымъ и для неаполитанскаго правительства: благодаря имъ, королевскія войска могли отступить и отплыть безопасно; но если ихъ присутствіе пригодилось этой сторонѣ для смягченія условій капитуляціи, для обезпеченія отступленія, то противной сторонѣ пригодилось оно для успѣха.

Политика Англіи въ отношеніи къ Италіи тѣмъ рѣшительнѣе, что не всѣ европейскія державы смотрятъ на это дѣло одинаково. Франція уже давно остановилась въ своемъ содѣйствіи итальянскому національному движенію. За свою услугу Піемонту она получила вознагражденіе; Савоія и Ницца, по исполненіи всѣхъ формальностей, изъ которыхъ послѣднею были пренія туринскаго парламента, окончившіяся благополучно, предоставлены Франціи. Собственно, не итальянское дѣло вызвало вооруженное вмѣшательство Франціи, а ея антагонизмъ съ Австріей. Какъ скоро побѣжденная и униженная Австрія смирилась, Франція отняла свою руку отъ итальянскаго дѣла, и оставила Италію въ прежнемъ раздробленіи, при прежнихъ и еще бо́льшихъ трудностяхъ. Все послѣдующее произошло помимо Франціи и даже вопреки ей. Она требовала особаго положенія для Тосканы, какъ бы имѣя относительно ея свои собственные виды. Она не благопріятствовала присоединенію Эмиліи, ей вообще не нравилось увеличеніе Піемонта, какъ не нравится всякая возможность дальнѣйшихъ присоединеній. Ей неудобна могущественная Италія, ей не выгодно сильное политическое единство тамъ, гдѣ до сихъ поръ было только поприще для иностранныхъ преобладаній; ей не выгодно получить самостоятельнаго сосѣда, который будетъ жить и дѣйствовать, какъ ему разблагоразсудится. На этомъ самомъ основаніи Франція и поспѣшила заявить права свои на Савоію и Ниццу. Все это очень естественно, всегда такъ велось и всегда такъ будетъ. Каждое государство прежде всего заботится о томъ, чтобы не было ему какого-нибудь ущерба, неудобства или невыгоды; къ этому оно обязано фактомъ своего существованія, и въ этомъ ограничивается только фактомъ существованія другихъ го-

сударствъ, которыя также не хотятъ себѣ никакого ущерба, и не могутъ допустить того, чтобъ одно изъ ихъ среды стремилось къ *преобладанію* и видѣло въ немъ свое законное призваніе. Одинъ изъ услужливыхъ хотя и не прямо офиціяльныхъ органовъ французскаго правительства, *Constitutionnel*, говоря о нынѣшней политикѣ Франціи, проронилъ неосторожное слово, сказавъ, что она достигаетъ теперь своего *законнаго преобладанія (prépondérance legitime;)* на это со стороны Пруссіи въ *Preussiche Zeitung* справедливо замѣчено, что преобладаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано законнымъ, потому что оно нарушило бы европейское равновѣсіе. Впрочемъ, развитіе общественныхъ идей съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаетъ умы, что для каждой страны по истинѣ полезно и выгодно лишь то, что̀ полезно и выгодно для всѣхъ, и что всякое исключительное преобладаніе непремѣнно влечетъ за собою нарушеніе самыхъ существенныхъ интересовъ народной жизни, ея благосостоянія и свободы. Есть обстоятельства, которыя иногда заставляютъ желать преобладанія той или другой державы, въ томъ или другомъ вопросѣ, въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, но это бываетъ лишь въ томъ случаѣ когда интересы или начала, представляемыя преобладающею державой совпадаютъ болѣе или менѣе съ общими интересами народовъ, съ началами историческаго прогресса, или въ томъ случаѣ, когда устраненіе преобладающаго вліянія одной державы необходимо должно смѣниться преобладающимъ вліяніемъ другой, которая возбуждаетъ еще большія опасенія. Съ тѣмъ, что̀ само по себѣ худо, люди всего скорѣе примиряются подъ опасеніемъ еще худшаго.

Какъ бы то ни было, Франція не благопріятно смотритъ на италіянское движеніе; но многое препятствуетъ ей прямо протестовать противъ него. Она молчитъ или высказывается нерѣшительно, и можетъ-быть выжидаетъ только случая, чтобы подѣйствовать, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ, на совершающіяся и готовящіяся въ Италіи событія. Отношенія Австріи къ италіянскому дѣлу достаточно ясны. Россія, не находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ интересами, поднятыми въ Италіи, съ точки зрѣнія болѣе общей не можетъ благопріятно смотрѣть на пристрастныя и худо прикрытыя отношенія Піемонта къ неаполитанскимъ дѣламъ. Мы видимъ, стало-быть, что сочувствіе Англіи италіянскому движенію, ея нравственная, а до нѣкоторой степени и матеріяльная поддержка не только не подкрѣпляется сочувствіемъ другихъ великихъ европейскихъ державъ, но напротивъ встрѣчаетъ въ нихъ болѣе или менѣе неблагопріятное расположеніе. Англіи выгодно, чтобъ Италія была едина и сильна, и она не скрываетъ своей политики, и въ этомъ случаѣ поли-

тика ея совпадаетъ съ желаніями и требованіями общественнаго мнѣнія Европы, даже въ тѣхъ странахъ, политика которыхъ, по ихъ положенію, настроена болѣе или менѣе иначе. Удивительная сила заключается въ этой поддержкѣ общественнаго мнѣнія! Благодаря ей, всякое дѣло пріобрѣтаетъ необыкновенную энергію и рѣшительность. Англійское правительство не обинуясь высказывало свое мнѣніе о злоупотребленіяхъ правительственныхъ системъ, угнетавшихъ Италію, и сильное собственнымъ положеніемъ въ странѣ, оно требовало, чтобы силѣ національнаго движенія было предоставлено устройство лучшаго порядка, болѣе обезпечивающаго общественную свободу, это главное движущее начало человѣческаго прогресса. Повторимъ, это было возможно ему, благодаря его собственному положенію въ своей странѣ, и это было выгодно ему, потому что свободная и сильная Италія никогда не можетъ вредить британскому могуществу, а можетъ, напротивъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ и въ извѣстной степени обеспечивать его, стѣсняя собою могущество другихъ державъ, стремящихся къ преобладанію. Англійское правительство не принимаетъ на себя инціативы въ изобличеніи дурнаго порядка, господствующаго въ другихъ странахъ, потому что тамъ не побуждаютъ его къ тому интересы собственной его страны, или потому что движенія, которыя могли бы тамъ возникнуть были бы опасны для этихъ интересовъ. Относительно Италіи бощеевропейскій интересъ, интересъ италіянскій и интересъ англійскій въ настоящее время совпадаютъ, и они дѣйствуютъ согласно, помогая другъ другу. Но относительно Востока, относительно Турціи, господствуетъ большая запутанность и неясность; интересы самые родственные сталкиваются и самые враждебные дѣйствуютъ за одно. Европейская Турція населена племенами христіянскими и по преимуществу славянскаго происхожденія. Турецкое правительство, несмотря на внѣшній лоскъ цивилизаціи въ своихъ высшихъ сферахъ, остается въ сущности правительствомъ варварскимъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отсутствіе крѣпкой и послѣдовательной правительственной системы иногда менѣе бываетъ непріятно для жизни чѣмъ крѣпкая и послѣдовательная, но неправильная въ своихъ основаніяхъ и стѣснительная въ своемъ примѣненіи система. Тѣмъ на менѣе, въ государствахъ, подобныхъ Турецкому, положеніе народонаселенія есть рѣшительное зло, даже тамъ, гдѣ они повидимому пользуются нѣкоторою льготностію, благодаря самой грубости и варварству правительственной системы. Чувство необезпеченности, чувство ничѣмъ не сдержанной возможности всякаго рода злоупотребленій и насилій не можетъ не отзываться

болѣзненно и мучительно въ этихъ бѣдныхъ общинахъ, въ этихъ подавленныхъ народонаселеніяхъ, живущихъ со дня на день, отрѣзанныхъ отъ великаго христіянскаго міра, съ его задачами и стремленіями, съ его движеніями и борьбами. Христіянскій духъ теплится въ этихъ народонаселеніяхъ, они не забыли своего обычая, не утратили своего языка, не лишились чувства своей народности; они прозябаютъ въ скудной долѣ; но несмотря на давній гнетъ, несмотря на недостатокъ образованія и гражданственности, несмотря даже на апатію, которая овладѣла значительною частію этихъ племенъ, они готовы еще воспрянуть; въ нихъ есть и инстинктивное чувство, и дѣйствительные задатки будущности. Нѣтъ средоточій, около которыхъ могли бы собраться ихъ силы, они слишкомъ оставлены, слишкомъ забыты, ни откуда не слышится имъ призывный голосъ, нигдѣ не встрѣчаютъ они той нравственной поддержки, которая дѣйствуетъ несравненно могущественнѣе для оживленія заглохшихъ народностей, нежели вооруженное вмѣшательство сильныхъ державъ. Освободить народность и поставить ее на ноги внѣшнимъ образомъ невозможно; надобно пробудить въ ней внутреннюю силу, надобно, чтобъ она сама могла подняться и стать.

Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только русскій народъ образовалъ могущественное государство, и только Россія по своему географическому положенію, по соплеменности и наконецъ по единовѣрію, могла принимать участіе въ христіанскихъ народонаселеніяхъ Турецкой имперіи. Она и заявляла это участіе, но заявляла офиціяльнымъ образомъ, какъ государство, а не какъ общество, какъ держава, а не какъ народъ. Россія вела за нихъ войны и заключала въ ихъ пользу мирные трактаты, но они сами въ своемъ собственномъ дѣлѣ оставались въ сторонѣ; надъ ними совершались битвы и сдѣлки силъ дружелюбныхъ и враждебныхъ имъ, а они лежали ницъ, иногда не зная и не понимая сами о чемъ идетъ дѣло и что за громы раздаются въ вышинѣ. Начала, которыя могли бы пробудить въ нихъ движеніе жизни, не затрогивались въ нихъ, и они отъ безплодныхъ раздраженій и разочарованій лишь только тупѣли въ чувствѣ своей народности, и глубже погружались въ свою апатію. Имъ никто не указывалъ на возможность лучшаго устройства, имъ никто не говорилъ о началахъ жизни и развитія, таящихся въ ихъ народности, о судьбахъ ожидающихъ ее впереди. Офиціяльнымъ образомъ говорить обо всемъ этомъ невозможно, а наше общество наша собственная народная жизнь такъ еще мало владѣла собою, такъ еще мало ощущала себя, что не имѣла ни средствъ, ни возможности призывать другихъ къ жизни. Когда въ этихъ

племенахъ, вслѣдствіе усиленныхъ злоупотребленій и насилій, скоплялась наконецъ энергія, и они ожесточались, и вспыхивала въ нихъ жизнь, и они готовы были подняться массами, чтобы низвергнуть варварскій порядокъ, подавлявшій ихъ, они не встрѣчали этихъ кликовъ одобренія, этихъ изъявленій сочувствія, этой поддержки общественнаго мнѣнія, какъ теперь Итальянцы. Никто даже не говорилъ: предоставимъ ихъ собственнымъ силамъ, постараемся только удалить всякое постороннее вооруженное вмѣшательство, и пусть они устроятся сами какъ могутъ, или какъ посудитъ Богъ. Никто не говорилъ имъ: правительство ваше есть правительство варварское и дурное, а если и было говорено что-либо подобное, то развѣ гдѣ-нибудь далеко, и не достигало ихъ ушей. Когда переполнялась чаша ихъ терпѣнія, они не могли ожидать не только вмѣшательства въ ихъ пользу, не только сочувствія, но и холоднаго безпристрастія; отсюду ихъ запугивали и застращивали. Только одна Россія была имъ близка и относилась къ нимъ дружелюбно, но она могла только убѣждать ихъ терпѣливо нести ихъ участь. Она возвышала за нихъ свой голосъ въ дипломатическихъ совѣтахъ Европы и не жалѣла для нихъ своей крови; но положеніе ихъ не улучшалось, и внѣшняя помощь не приносила имъ пользы.

Вотъ и теперь Россія, одна изъ всѣхъ европейскихъ державъ, поднимаетъ снова вопросъ объ этихъ несчастныхъ, единовѣрныхъ и родныхъ намъ племенахъ. Въ виду событій, происходящихъ на Западѣ, наше правительство считало себя въ полномъ правѣ напомнить Европѣ о положеніи дѣлъ на Востокѣ, желая чтобъ и къ нимъ приложены были тѣ же начала, которыя признаны всѣми за справедливыя и законныя. Объясненіе съ турецкимъ посланникомъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Турціи и объ опасности, угрожавшей этой имперіи, и сносился объ этомъ же предметѣ съ французскимъ кабинетомъ. Въ началѣ мая онъ пригласилъ къ себѣ представителей великихъ европейскихъ державъ въ С.-Петербургѣ, и изложилъ имъ теперешнее положеніе христіянъ на Востокѣ по донесеніямъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ. Россія не ищетъ исключительнаго вмѣшательства въ эти дѣла, но приглашаетъ великія державы постановить что-нибудь сообща для облегченія участи христіянскихъ народонаселеній въ Турціи. Французскій посланникъ, герцогъ де-Монтебелло, сформулировалъ въ этомъ донесеніи слѣдующую программу, состоящую изъ трехъ пунктовъ: 1) положеніе христіянскихъ областей Турціи возбуждаетъ въ настоящее время опасенія, 2) необходимо произвести въ этихъ областяхъ слѣдствіе, и коммиссія, которой поручено будетъ это слѣдствіе, должна состоять частію

изъ турецкихъ уполномоченныхъ, частію изъ консуловъ христіянскихъ державъ, которые находятся въ тѣхъ мѣстахъ. 3) Вслѣдствіе доклада этой коммиссіи, и убѣдившись, что гатти-гумаюнъ не обезпечиваетъ положеніе христіянскихъ подданныхъ Турціи, великія державы должны принять какія-либо мѣры для новой организаціи христіянскихъ провинцій. Представители прочихъ державъ: Пруссіи, Англіи, Австріи, взялись передать эти предложенія своимъ кабинетамъ.

Англійское правительство обратилось къ французскому съ запросомъ, былъ ли французскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ уполномоченъ представить такую програму. Г. Тувенель объяснилъ лорду Коулею, что герцогъ Монтебелло дѣйствовалъ безъ всякаго полномочія и инструкцій, что онъ высказалъ только свое частное мнѣніе, и что французскій кабинетъ предписалъ ему удержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій по этому дѣлу, находя, что если понадобится сдѣлать какое-нибудь предложеніе въ Константинополь, то относительно его прежде должны согласиться всѣ великія европейскія державы обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ. Г. Тувенель служилъ самъ посланникомъ въ Константинополѣ, и очень хорошо знаетъ злоупотребленія и неурядицу оттоманскаго правительства; онъ изъявилъ убѣжденія въ необходимости какихъ-либо дѣйствительныхъ средствъ для обезпеченія христіянскихъ подданныхъ султана и для сообщенія самому турецкому правительству большей силы и прочности; но тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что изслѣдованіе должно быть произведено со всѣми предосторожностями, чтобы какъ-нибудь не пошатнуть власти султана и уваженія его подданныхъ. Лордъ Коулей согласился съ этимъ, и далъ тогда же, отъ имени своего правительства, объясненіе, что оно признаетъ надобность слѣдствія, только находитъ, что лишь по совѣщаніи съ Портой можно опредѣлить способъ, какимъ должно быть произведено это слѣдствіе, и что при этомъ должна быть вполнѣ соблюдена статья 9-я Парижскаго мира. Въ этой статьѣ выражено желаніе державъ, чтобы султанскій гатти-гумаюнъ получилъ дальнѣйшее развитіе, и чтобы приняты были мѣры къ улучшенію положенія христіянскихъ обитателей Турціи; но во второй половинѣ этой статьи прибавлено, что никакой изъ европейскихъ державъ не предоставляется право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи.

Вѣсть объ этой дипломатической конференціи отозвалась повсюду въ Европѣ, а особенно въ Германіи и Австріи. Всѣмъ почудилось возобновленіе восточнаго вопроса, а въ австрійскихъ газетахъ чуть не серіозно заговорили о новомъ посольствѣ князя Меншикова въ Константинополь. Тамъ особенно опасаются сбли-

женія Россіи съ Франціей, хотя толки объ этомъ сближеніи начались уже давно и получили теперь только новую пищу. Между тѣмъ, для успокоенія умовъ и для устраненія всякихъ ложныхъ толкованій, князь Горчаковъ обнародовалъ циркулярную депешу отъ 20 мая, разосланную къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Въ этой депешѣ изложено все то, что составляло предметъ дипломатической конференціи, и объяснено, почему Россія сочла необходимымъ поднять въ настоящее время свой голосъ въ пользу христіанскихъ обитателей Турціи, именно Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, то-есть областяхъ, населенныхъ славянскими племенами. Наше правительство основывалось на оффиціальныхъ донесеніяхъ своихъ агентовъ въ Турціи, свидѣтельствующихъ, что положеніе этихъ странъ не только не улучшилось въ послѣднее время, какъ можно было ожидать, а напротивъ стало еще хуже. Положительныя обѣщанія реформъ, сдѣланныя турецкимъ правительствомъ передъ лицомъ всей Европы и заявленныя торжественными актами передъ его подданными, остаются безъ исполненія.

«Страсти и ненависти, сказано въ циркулярѣ, не только не утихли, но еще болѣе озлобились; дѣла насилія, страданія народонаселеній и наконецъ *событія, совершающіяся на Западѣ Европы и отозвавшіяся на цѣломъ Востокѣ ободреніемъ и надеждой*, довершили дѣйствіе причинъ, возбуждающихъ тамъ волненіе. Очевидно, что подобное положеніе дѣлъ не можетъ продлиться безъ опасности для Оттоманской имперіи и общаго мира. Въ этомъ убѣжденіи, тщетно старавшись съ одной стороны разъяснить турецкому правительству важность этого положенія дѣлъ, послѣдовательнымъ сообщеніемъ ему всѣхъ получаемыхъ нами свѣдѣній о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей; потощивъ, съ другой стороны, передъ христіанскими народонаселеніями, всѣ средства убѣжденія, какими могли мы располагать, чтобы внушить имъ терпѣніе, мы искренно и прямодушно открылись кабинетамъ великихъ европейскихъ державъ. Мы изложили имъ дѣло такъ, какъ оно явствуетъ изъ донесеній нашихъ агентовъ, неизбѣжность кризиса, наше убѣжденіе, что отдѣльныя представленія, безплодныя обѣщанія и палліативы не будутъ уже достаточны для его предотвращенія, и наконецъ необходимость соглашенія великихъ державъ между собою и съ Портою, чтобы совокупно найдти средства для прекращенія такого опаснаго положенія дѣлъ.»

Наше правительство не дѣлало никакихъ абсолютныхъ предложеній. Оно только заявило настоятельность вопроса и цѣль, къ которой оно различаетъ двѣ стороны: вопервыхъ, немедленное мѣстное изслѣдованіе съ участіемъ европейскихъ делегатовъ для

удостовѣренія въ дѣйствительности фактовъ; вовторыхъ, соглашеніе великихъ державъ между собою и съ Портою, съ цѣлію побудить ее къ принятію органическихъ мѣръ, необходимыхъ для дѣйствительнаго и прочнаго улучшенія ея отношеній къ христіянскимъ обитателямъ. «Содѣйствіе Европы, продолжаетъ циркуляръ, можетъ только быть полезно для Порты, какъ для разъясненія ея взглядовъ, такъ и для укрѣпленія ея дѣйствій. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи ея правъ, ни о томъ чтобы поставить ее въ какія-либо затрудненія, которыя, напротивъ, мы желаемъ предотвратить. Соглашеніе, котораго мы желаемъ, между европейскими и турецкимъ правительствомъ, должно послужить для христіянъ доказательствомъ, что на ихъ участь обращено вниманіе, и что улучшеніе ея составляетъ предметъ серіозныхъ заботъ. Въ то же время оно должно послужить для Порты вѣрнымъ залогомъ касательно доброжелательныхъ намѣреній державъ, поставившихъ сохраненіе Оттоманской имперіи въ числѣ существенныхъ условій европейскаго равновѣсія.» Въ циркулярѣ обращено также вниманіе на то значеніе, какое подобное соглашеніе державъ имѣло бы для цѣлой Европы. «Съ своей стороны, сказано въ немъ, Европа, уже наученная опытомъ, не можетъ, по нашему мнѣнію, ни въ чемъ, кромѣ этого нравственнаго дѣйствія, найдти обезпеченія, требуемыя первостепеннымъ вопросомъ, съ которымъ неразрывно связано ея спокойствіе, и въ которомъ интересы человѣчества соединяются съ интересами политическими. Нашъ Августѣйшій Государь никогда не скрывалъ живаго сочувствія, внушаемаго ему интересами перваго рода. Его Величество не хочетъ принять на свою совѣсть упрекъ въ молчаніи при видѣ такихъ страданій, между тѣмъ какъ столько голосовъ возвышались въ другихъ мѣстахъ при обстоятельствахъ, гораздо менѣе вынудительныхъ.»

Эти прекрасныя слова не могутъ не отозваться полнымъ сочувствіемъ въ нашемъ отечествѣ. Правительство наше желаетъ, чтобы тѣ *интересы человѣчества*, которые признаны и провозглашены въ Европѣ, были также признаны и для обитателей ея восточныхъ странъ. Оно находитъ, что и эти народы имѣютъ право желать свободы вѣры и совѣсти, желать твердаго закона и правосудія, хорошей администраціи, обезпеченія отъ насилій и злоупотребленій. Дай Богъ, чтобы поднятый императорскимъ кабинетомъ вопросъ имѣлъ благопріятный исходъ! Впрочемъ едва ли турецкія дѣла могутъ окончательно устроиться безъ какого-нибудь кризиса. Соглашеніе европейскихъ державъ либо будетъ безполезною палліативой, либо само должно послужить такимъ кризисомъ для Оттоманской имперіи. Во всякомъ случаѣ, наше правительство устраняется отъ исключительнаго вмѣшательства въ дѣла

независимой державы. Оно желаетъ общаго дѣйствія великихъ державъ въ согласіи съ Портой, и, съ другой стороны, убѣждаетъ недовольныя народонаселенія терпѣливо нести ихъ участь въ ожиданіи результатовъ европейскаго соглашенія.

Что касается до интересовъ человѣчества, заявляемыхъ въ циркулярѣ нашего министра, то правительство наше не менѣе всякаго другаго можетъ съ полною искренностію говорить о нихъ и требовать ихъ признанія. Оно само вступило на путь великихъ реформъ въ виду этихъ интересовъ, и никогда въ русской землѣ не возбуждалось столько благихъ ожиданій, какъ въ настоящее время. Правда, впереди у насъ больше чѣмъ назадъ, но избранный путь ведетъ насъ прямо впередъ. Чѣмъ глубже и обширнѣе будутъ осуществляться у насъ интересы человѣчества, тѣмъ могущественнѣе, неотразимѣе и плодотворнѣе будетъ наше дѣйствіе по сторонамъ. Дай Богъ, чтобы наша собственная народность, наша мысль и наше слово достигли полнаго признанія и отпраздновали наконецъ свое совершеннолѣтіе, и чтобъ Европа перестала наконецъ смотрѣть на насъ какъ на дѣтей или какъ на варваровъ! Когда образуется у насъ самостоятельное общество, съ независимымъ мнѣніемъ, когда разовьется личная энергія и частная предпріимчивость, живое сознаніе общаго дѣла и общаго долга, когда все болѣе и болѣе будутъ раскрываться дары нашей природы, тогда Россіи будетъ легко возбуждать къ жизни сочувственныя и родственныя ей стихіи, тогда наше слово, наше мнѣніе, и заявляемые нами интересы будутъ уважаемы Европой, не нуждаясь въ подкрѣпленіи оружія, и займутъ принадлежащее имъ почетное мѣсто среди всемірныхъ интересовъ.

Трудно брать на себя отвѣтственность за непосредственное возбужденіе угнетенныхъ народностей къ возстаніямъ и кровавымъ расправамъ, даже въ государствахъ варварскихъ, какова Турція; но живое, чуткое, просвѣщенное и свободное общество можетъ своимъ вліяніемъ вызывать и пробуждать заглохшія внутреннія силы родственныхъ племенъ и, такимъ образомъ, сообщать имъ несомнѣнныя права на историческую жизнь и развитіе. Коль скоро гдѣ-либо заговорятъ внятно эти внутреннія силы, побѣда ихъ несомнѣнна; всякое варварство или отступитъ, или падетъ передъ ними. Въ бѣдныхъ, согбенныхъ племенахъ найдутся люди, которые откроютъ пути и средства для усиленнаго и плодотворнаго дѣйствія.

Въ слѣдъ за дипломатическою конференціей въ С.-Петербургѣ, Порта поспѣшила протестовать противъ иностраннаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла. Она вызвалась сама произвести слѣдствіе касательно тѣхъ злоупотребленій, какимъ подверга-

ются христіяне. Въ эту коммиссію султанъ назначилъ лучшихъ своихъ сановниковъ, а общій надзоръ за ходомъ слѣдствія поручилъ великому визирю, недавно возвратившемуся на этотъ постъ, Реджидъ-пашѣ.

На этомъ пока остановилось дѣло. Нашъ посланникъ въ Константинополѣ, равно какъ и посланникъ англійскій, удовольствовались предложеніемъ султана. А между тѣмъ въ англійскомъ парламентѣ 2 іюня сдѣланы были министерству запросы, вызвавшіе довольно подробный отвѣтъ отъ лорда Джона-Росселя. Онъ утверждаетъ, вопреки показаніямъ нашего кабинета, что положеніе христіянскихъ обитателей Турціи не сдѣлалось хуже, а напротивъ представляетъ нѣкоторые признаки улучшенія въ сравненіи съ прежнимъ. Онъ ссылается на подробныя донесенія англійскихъ агентовъ, которые единогласно свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время противъ христіянъ нѣтъ никакихъ гоненій со стороны турецкаго фанатизма, и что христіяне, какъ христіяне, не подвергаются ни какимъ особеннымъ стѣсненіямъ; но всѣ эти агенты равно свидѣтельствуютъ, что турецкое правительство есть очень дурное правительство. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ лордъ Джонъ-Россель, едва ли оно многимъ лучше неаполитанскаго правительства.»

Намъ кажется, что между показаніями обоихъ кабинетовъ нѣтъ существеннаго разнорѣчія. Сказанное лордомъ Джономъ-Росселемъ въ сущности согласно съ тѣмъ, что̀ было высказано княземъ Горчаковымъ. Положимъ, что въ настоящее время мусульманское изувѣрство уже не разыгрывается какъ прежде. Но при варварскомъ устройствѣ, при отсутствіи всякаго другаго закона кромѣ Алкорана, при отсутствіи всякихъ гарантій, при совершенной безправности, положеніе христіянскихъ обитателей, преимущественно Босніи и Герцеговины, не можетъ не быть опасно. Безправное, совершенно зависимое положеніе райевъ Босніи было бы невыносимо и тогда, когда бы сидящіе на нихъ и угнетающіе ихъ аги были одной съ ними вѣры,—но каково должно быть отношеніе ихъ къ этимъ землевладѣльцамъ, исполненнымъ мусульманскаго духа и тѣмъ болѣе нетерпимымъ и жестокимъ, что они отродье той же крови и отщепенцы христіянства!

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ АВСТРІЙСКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

«Суровая богиня Необходимость сгибаетъ людей подъ свое иго уже много тысячелѣтій, но никогда еще не одерживала она такого тріумфа, какъ въ побѣдѣ надъ упрямствомъ австрійскаго правительства.» Такъ говоритъ англійская газета *Times* по поводу новѣйшихъ уступокъ австрійской внутренней политики, и говоритъ безъ преувеличенія, потому что австрійское упрямство доходило дѣйствительно до крайнихъ размѣровъ. Побѣда надъ нимъ есть тріумфъ, который можетъ праздновать вся Европа. Австрія была въ Европѣ центральнымъ мѣстомъ господства началъ враждебныхъ всякому успѣху и всякой жизни, началъ, которыя, благодаря Австріи, такъ долго держались въ сердцѣ Европы и теперь, благодаря австрійскимъ уступкамъ, выбиты изъ своего центра. Сломить австрійское упрямство, значитъ довести эти начала до изнеможенія, значитъ освободить всю Европу отъ гнетущаго вліянія ихъ мрачной нетерпимости. «Такъ оканчивается политика, не хотящая ничего знать о сдѣлкахъ, thus ends the policy of Thorough!» восклицаетъ тотъ же англійскій журналъ, и мы можемъ прибавить: такъ оканчивается эта политика не только для Австріи, но и вообще для Европы. Австрія была учителемъ Европы въ дѣлѣ всяческаго гнета, всяческой исключительности; она была метрополіей вражды съ жизнію и ея естественнымъ прогрессомъ. Теперь, когда метрополія сдается на капитуляцію, колоніи уже не смогутъ выдерживать неравную борьбу съ тѣмъ, чему всѣ законы, и божескіе, и человѣческіе, обѣщаютъ побѣду. Девизъ грубаго насилія: «ничего знать не хочу», долженъ будетъ исчезнуть въ политическомъ бытѣ Европы.

Австрійскія уступки свидѣтельствуютъ впрочемъ не только о могуществѣ богини Необходимости, но и о ея суровой жестокости. Какъ человѣку вмѣняются въ добро только свободныя дѣла его, такъ точно и государствамъ и правительствамъ. Уступка, вынужденная внѣшнею необходимостію, не считается ни во что уступающему и не поправляетъ дѣлъ его; плодами уступки пользуются другіе, а самъ уступающій получаетъ только урокъ, что уступать съ честію и пользой для себя можно только въ то время, когда еще есть внѣшняя возможность не уступать, и когда слѣдовательно уступка является какъ свободное дѣло. Австрійское правительство пропустило эту пору, и мы видимъ,

что уступки, которыя оно теперь вынуждено дѣлать, не усиливаютъ, а ослабляютъ его. Весь ходъ событій ясно показываетъ, что судьба австрійскаго правительства уже не въ рукахъ его. Что̀ годъ тому назадъ было бы принято съ благодарностію и даже съ восторгомъ и увеличило бы нравственную силу правительства, потому что было бы принято какъ доказательство его благонамѣренности, то встрѣчаетъ теперь или недовѣрчивую холодность или прямую оппозицію, и только ободряетъ и возвышаетъ дальнѣйшія требованія. Недобровольныя уступки, какъ всегда бываетъ, унижаютъ уступающаго въ общемъ мнѣніи и побуждаютъ всѣхъ требовать отъ него другихъ недобровольныхъ уступокъ, и вступать за эти требованія въ борьбу съ нимъ.

Мы сообщали нашимъ читателямъ извѣстія о министерствѣ 22 августа прошлаго года, о всеобщей радости, съ которою оно было принято, и о томъ, какъ быстролетна была эта радость, какъ скоро прошли для Австріи ея августовскіе «лучшіе дни». Почти на другой же день по своемъ образованіи, министерство начало колебаться, исполнять ли ему свою программу во всемъ ея объемѣ; старые инстинкты опять всплыли наружу, и одна рука начала отбирать то, что̀ давала другая. Между тѣмъ несостоятельность стараго порядка сдѣлалось очевидна послѣ событій прошлаго лѣта. Не было человѣка, который бы не видѣлъ неудовлетворительности австрійскаго правительства. Всѣ признаки того, что причиной національныхъ бѣдствій было правительство и его система, были на лицо: рядъ пораженій, несмотря на неоспоримую храбрость солдатъ и готовность націи нести жертвы, потеря богатой провинціи, принятая почти какъ благодѣяніе, совершенное разстройство финансовъ и упадокъ курса ассигнацій, тайный выпускъ 111 милліоновъ лишнихъ облигацій національнаго займа, оказавшійся дѣломъ правительства, и процессы противъ высшихъ сановниковъ, открывшіе цѣлый рядъ колоссальныхъ злоупотребленій по заготовленію продовольствія для войскъ,—словомъ, все, что̀ только можетъ характеризовать распадающуюся администрацію, все это убѣждало въ необходимости начать реформы съ реформы правительства, оказавшагося самою слабою частію въ государственномъ организмѣ. Министерство 22 августа было обязано своимъ происхожденіемъ сознанію этой необходимости, а потому безконечныя колебанія его при исполненіи его программы должны были распространить сомнѣнія насчетъ того, будетъ ли приступлено къ лѣченію главной раны государства, обнажившейся вслѣдствіе италіянской войны. Эти сомнѣнія не могли не вести къ волненіямъ, и въ продолженіи зимы дѣло дошло наконецъ до такихъ размѣровъ, что нельзя

было не опасаться за мартъ мѣсяцъ, въ который приходились воспоминанія о переворотѣ 1848 года.

Несмотря на то, правительство медлило, и только 5-го марта, за десять дней до годовщины переворота, появился императорскій патентъ, возвѣщавшій реформу государственнаго совѣта. Патентъ этотъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнно много хорошаго; онъ установляетъ реформу, въ которой особенно нуждалась Австрія. Государственному совѣту, который былъ поприщемъ для борьбы честолюбія и интриги, этотъ патентъ даетъ новое устройства, принимая въ среду этого учрежденія значительное число чрезвычайныхъ членовъ, которые должны быть періодически созываемы. Прежній совѣтъ остается въ силѣ подъ именемъ *постояннаго государственнаго совѣта;* какъ прежде, такъ и теперь, онъ будетъ засѣдать круглый годъ; какъ прежде, онъ будетъ составлять необходимое звено въ ряду правительственныхъ учрежденій. Но для дѣлъ болѣе важныхъ и трудныхъ онъ будетъ увеличенъ черезвычайными членами, отчасти пожизненными, отчасти избираемыми насрокъ; въ этомъ своемъ распространенномъ составѣ онъ будетъ называться *усиленнымъ государственнымъ совѣтомъ* и будетъ собираться періодически по назначенію императора. «По совѣщаніи съ нашими министрами и внявъ мнѣнію нашего государственнаго совѣта, говоритъ императоръ, постановляемъ: § 1. Чрезвычайными членами государственнаго совѣта, которые должны будутъ присутствовать въ періодическихъ совѣщаніяхъ его, мы назначаемъ: 1) эрцгерцоговъ нашего императорскаго дома; 2) нѣсколько лицъ, облеченныхъ въ высшіе церковные саны; 3) нѣсколько лицъ, отличившихся въ нашей гражданской и военной службѣ и на другихъ поприщахъ; 4) тридцать восемь членовъ провинціяльныхъ сеймовъ, а именно: изъ королевства Венгріи—6, изъ королевства Богеміи—3, изъ Ломбардо-Венеціянскаго королевства—2, изъ королевства Далмаціи—1, изъ королевства Кроатіи и Славоніи—2, изъ королевства Галиціи, Лодомиріи и великаго герцогства Краковскаго—3, изъ эрцгерцогства Нижней Австріи—2, изъ эрцгерцогства Верхней Австріи—1, изъ герцогства Зальцбургскаго—1, изъ герцогства Штиріи—1, изъ герцогства Каринтіи—1, изъ герцогства Краинскаго—1, изъ герцогства Буковины—1, изъ великаго княжества Седмиградскаго—3, изъ маркграфства Моравіи—2, изъ герцогства Силезіи—1, изъ окняженнаго графства Тироля—2, изъ Форарльберга—1, изъ маркграфства Истріи съ окняженными графствами Герцъ и Градиски—1, изъ имперскаго города Тріеста съ округомъ—1, изъ Воеводины и Баната—2.» Чрезвычайные члены государственнаго совѣта, означенные въ пунктахъ 1, 2 и 3, назначаются пожизненно; означенные въ пунктѣ 4, выбираются на

шесть лѣтъ и выступаютъ изъ государственнаго совѣта по истеченіи этого срока, но могутъ быть опять выбраны; о порядкѣ избранія патентъ обѣщаетъ особыя постановленія, но уже теперь опредѣляетъ, что провинціяльные сеймы должны будутъ представлять на каждое изъ предоставленныхъ имъ мѣстъ въ государственномъ совѣтѣ по три кандидата, изъ которыхъ императоръ выбираетъ одного.

Таковъ личный составъ новоорганизованнаго государственнаго учрежденія, имѣющаго цѣлію расширить кругъ людей, которыхъ совѣтомъ корона можетъ пользоваться, и облегчить этимъ людямъ возлагаемую на нихъ обязанность подавать коронѣ правдивые совѣты. Событія показали, что прежній кругъ совѣтниковъ императора не удовлетворялъ потребностямъ государственнаго управленія. Императоръ не получалъ полезныхъ совѣтовъ вовремя; отъ него утаивали истину; неудобоисполнимое представляли ему удобоисполнимымъ, ненужное нужнымъ, а на томъ, что̀ было дѣйствительно нужно, не смѣли или не хотѣли настаивать. Доступъ къ императору имѣли почти только одни придворные, министры и военные генералы; эти люди, вслѣдствіе вліянія своего на императора, имѣли всю власть въ своихъ рукахъ и бо́льшую часть своего времени и своихъ дарованій употребляли на то, чтобъ упрочивать эту власть за собой и удерживать свою позицію въ борьбѣ съ своими соперниками. Общій интересъ всѣхъ этихъ лицъ, какія бы интриги ни происходили между ними, состоялъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать сближенію короны съ націей и сохранять за собой привилегію подавать императору совѣты. Напротивъ того, интересъ короны требовалъ совершенно другаго. Когда италіянская война показала, какъ не удовлетворительны были совѣты, шедшіе отъ этихъ лицъ, корона должна была живо почувствовать потребность стать въ болѣе свободное положеніе относительно этихъ привилегированныхъ и ревнивыхъ совѣтниковъ своихъ, открыть правильные пути для сообщеній съ лицами, не имѣющими интереса скрывать отъ короны истину, и вообще поставить совѣтниковъ своихъ такъ, чтобъ они имѣли возможность подавать откровенные совѣты. Служащіе сановники, гражданскіе и военные, отвѣчаютъ передъ верховною властію за благоустройство своихъ частей, и потому всегда наклонны изображать ввѣренныя имъ части въ наилучшемъ видѣ; желая сохранить свое положеніе, они естественно приходятъ къ правилу какъ можно рѣже прекословить кому бы то ни было, а тѣмъ паче верховной власти, даже въ предугадываемыхъ ими намѣреніяхъ ея; совершенно завися отъ монаршей милости и заимствуя отъ короны все свое величіе и всю свою власть, они не могутъ служить коронѣ твердою опорой, потому что сами опираются на могущество короны.

Понятно поэтому, что, нуждаясь въ правдивыхъ совѣтникахъ и въ надежной опорѣ, австрійскій императоръ долженъ былъ придти къ мысли о необходимости, вопервыхъ, дать независимое положеніе тѣмъ сановникамъ, которыхъ онъ намѣревался избрать въ число членовъ своего новаго государственнаго совѣта изъ людей, лично ему извѣстныхъ, и вовторыхъ, расширить государственный совѣтъ призваніемъ въ него людей, избранныхъ помимо вліянія двора и администраціи. Этихъ двухъ цѣлей патентъ достигаетъ дарованіемъ пожизненной безсмѣнности тѣмъ членамъ государственнаго совѣта, которые должны быть назначены императоромъ, и предоставленіемъ 38 мѣстъ выбору провинціяльныхъ сеймовъ. Послѣдняя изъ этихъ двухъ мѣръ улучшаетъ положеніе короны еще въ томъ отношеніи, что освобождаетъ ее, при выборѣ лицъ для занятія высшихъ государственныхъ должностей, изъ-подъ вліянія придворныхъ круговъ. Опытъ показалъ, что выборъ людей не всегда удавался императору; къ ущербу службы, должности замѣщались по большей части людьми случайными, и нерѣдко эти случайные люди на дѣлѣ показывали мало способностей. Государственная служба страдала отъ недостатка въ людяхъ; хотя способныхъ людей было на дѣлѣ очень много, но они не имѣли ни возможности, ни охоты идти тѣми путями, которые вели къ почестямъ; чтобы сдѣлаться извѣстнымъ императору, надобно было или долго служить и снискать себѣ расположеніе своего начальства, или пріобрѣсти знакомство приближенныхъ и заручиться имъ; высшія мѣста раздавались какъ награда или какъ милость, не столько на основаніи способности опредѣляемаго, сколько потому, что онъ заслужилъ чѣмъ-либо награду или милость; на всякую высшую должность смотрѣли какъ на право, а не какъ на обязанность, и когда крайняя государственная нужда требовала, чтобы то или другое мѣсто было отдано не людямъ, «имѣющимъ право», а людямъ наиболѣе способнымъ, то всегда почти оказывалось, что способныхъ людей не было въ виду, и обычные кандидаты занимали такія должности, которыхъ не могли исправлять безъ ущерба для государства. Призваніе 38 выборныхъ членовъ въ государственный совѣтъ откроетъ замѣчательнымъ людямъ возможность заявлять свои способности путями, болѣе согласными съ чувствомъ человѣческаго достоинства. Императоръ будетъ узнавать ихъ непосредственно, изъ преній государственнаго совѣта, а не изъ представленій сановниковъ. Истинное превосходство будетъ выказываться само собой, безъ искательства и протекцій; посредственность не будетъ имѣть возможности искусственно составлять себѣ салонную репутацію государственной мудрости.

Давая больше свободы коронѣ, новое устройство австрійскаго

государственнаго совѣта дастъ и министрамъ, по крайней мѣрѣ благонамѣреннымъ изъ министровъ, болѣе самостоятельности. Всѣ извѣстія согласны въ томъ, что положеніе австрійскаго министра было до сихъ поръ очень затруднительно. Чтобы держаться, министры должны были угождать вліятельнымъ людямъ; особенно трудно было въ этомъ отношеніи министру финансовъ, изнемогавшему подъ бременемъ самыхъ противозаконныхъ притязаній, но и другіе министры постоянно пользовались своимъ правомъ раздавать мѣста, чтобы поддерживать дружбу съ кругами, близкими ко двору. Кто не захотѣлъ бы подчиняться этимъ обычаямъ, тотъ навлекъ бы на себя ненависть, и интрига неминуемо погубила бы его. Принужденные такимъ образомъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не убѣжденіями о государственной пользѣ, а необходимостію угождать разнымъ кругамъ, австрійскіе министры съ другой стороны принуждены были тратить много силъ и времени на безплодную борьбу,—на борьбу тоже не за убѣжденія, а за бо́льшую или меньшую неограниченность своего произвола. Дѣло общеизвѣстное, и много разъ печатно заявленное, особенно по поводу патента 5-го марта, что въ Австріи въ послѣднія десять лѣтъ шла постоянная война съ одной стороны между министерствомъ и государственнымъ совѣтомъ, съ другой—между высшими гражданскими и высшими военными сановниками. Политическое направленіе было очень рѣдко девизомъ сражавшихся, но и то болѣе для вида; въ сущности это была борьба за мѣста и за вліяніе на императора, борьба, истощавшая государственныхъ людей безъ всякой пользы для короны и государства. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованный государственный совѣтъ можетъ дать болѣе твердую опору министрамъ, желающимъ служить императору и странѣ; они будутъ находить поддержку въ его независимомъ голосѣ, и получатъ возможность заниматься болѣе дѣлами своего департамента, нежели мелкою войной съ своими личными соперниками, и остерегаться болѣе ошибокъ и упущеній нежели сплетень и интригъ. Всего болѣе новый государственный совѣтъ поможетъ министру финансовъ, отъ котораго будетъ отнынѣ спрашиваться уже не услужливость капризамъ другихъ департаментовъ, а точное выполненіе того, что̀ требуется состояніемъ финансовъ. На первомъ мѣстѣ между занятіями новаго государственнаго совѣта, патентъ 5-го марта называетъ: составленіе государственнаго бюджета, повѣрку государственной финансовой отчетности, разсмотрѣніе представленій коммиссіи о государственныхъ долгахъ. Опытъ показалъ, что публикація бюджета и состоянія долговъ не обезпечивала государства отъ произвольныхъ дѣйствій правительства и его органовъ. Чрезмѣрная самостоятельность отдѣль-

ныхъ вѣдомствъ, легкая возможность выхлопатывать себѣ разрѣшенія императора на увеличеніе числа чиновниковъ и вообще на новые расходы, вели къ тому, что бюджетъ издержекъ возросталъ безъ всякой соразмѣрности съ бюджетомъ доходовъ; дефицитъ сдѣлался хроническою болѣзнію Австріи, и никто не былъ въ силахъ остановить это неуклонное движеніе: ни прежній государственный совѣтъ, ни кабинетъ, ни самъ императоръ. Нужно было учредить мѣсто, на столько самостоятельное, чтобъ оно могло противиться притязаніямъ вѣдомствъ и имѣло даже смѣлость представить самому императору о невозможности какого-нибудь расхода. Такого мѣста въ Австріи не было; патентъ 5-го марта создаетъ какое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Еще болѣе чувствовалась потребность въ учрежденіи, повѣряющемъ отчеты отдѣльныхъ вѣдомствъ, не съ формальной только точки зрѣнія государственной бухгалтеріи (такъ называется въ Австріи государственный контроль), а съ правомъ входить въ сущность дѣлъ, разсматривать свойства и результаты издержекъ и подвергать министерства отвѣтственности за произвольныя употребленія суммъ. Но самая настоятельная потребность заключалась въ томъ, чтобы государственный долгъ находился подъ наблюденіемъ лицъ, пользующихся довѣріемъ и поставленныхъ такъ, чтобы наблюденіе ихъ было дѣйствительностію, а не оставалось только на бумагѣ. Послѣ исторіи съ 111 милліонами національнаго займа, это условіе сдѣлалось *conditio sine qua non* государственнаго кредита.

Этимъ требованіямъ новый государственный совѣтъ можетъ отчасти удовлетворить; но для этого прежде всего необходимо, чтобы засѣданіямъ его была предоставлена гласность. Между тѣмъ въ патентѣ 5-го марта ничего не сказано объ этомъ важномъ пунктѣ; правительственная газета *Wiener Zeitung*, восхваляя патентъ въ очень приторномъ казенномъ тонѣ, также молчала на этотъ счетъ, а другія газеты утѣшали себя вѣрой въ правило, что молчаніе есть знакъ согласія, и радовались тому, что патентъ по крайней мѣрѣ не исключаетъ публичности засѣданій государственнаго совѣта. Нельзя не пожалѣть объ этомъ систематическомъ молчаніи австрійскаго правительства, тѣмъ болѣе что, зная его прежній образъ дѣйствій, трудно было удержаться отъ подозрѣнія, что такое систематическое молчаніе не случайно. Канцелярская привычка оставлять въ законахъ неясные и неопредѣленные пункты, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать по произволу, была постоянною привычкой австрійскаго законодательства: когда только доходило дѣло до установленія какого-нибудь твердаго закона, тотчасъ же становилось жаль прежняго простора, и въ законъ ввертывались разные крючки, которые парализировали его дѣйствіе

и, уничтоживъ всю его пользу, дѣлали его только новымъ орудіемъ чиновничьяго произвола. Со скаредностію скупца, законодательство отравляло каждый свой даръ и такимъ образомъ достигало цѣлей совершенно противныхъ тѣмъ, которыя оно само имѣло въ виду,—трудилось повидимому надъ водвореніемъ законности, а на дѣлѣ все болѣе и болѣе вытѣсняло ее, и все болѣе и болѣе давало мѣста произволуеи фальши. Исключеніе составляютъ въ послѣднія десять лѣтъ очень не многіе законы, особенно нѣкоторые изъ законовъ, изготовленныхъ покойнымъ министромъ Брукомъ, — въ примѣръ можно привести законъ о свободѣ ремеслъ, встрѣченный единогласнымъ одобреніемъ той части публики, которая не заинтересована противъ самаго дѣла ремесленной свободы,—но общее правило состоитъ въ томъ, что австрійское законодательство этого времени не имѣло рѣшимости издавать законы такъ, чтобы въ нихъ не было оставляемо лазеекъ, которыя могли бъ оправдать нарушеніе этихъ самыхъ законовъ со стороны администраціи; по большей части, законы издавались съ потаенною цѣлію нарушить ихъ въ случаѣ надобности, и притомъ нарушить ихъ тайкомъ, не прибѣгая къ открытой отмѣнѣ ихъ. Можно ли удивляться, что, зная этотъ обычай, общественное мнѣніе смотрѣло съ подозрительностію на молчаніе патента 5-го марта о гласности засѣданій государственнаго совѣта? А какъ скоро такое подозрѣніе вкралось въ умы, то естественно явилось сомнѣніе и въ серіозности всего патента. Въ самомъ дѣлѣ, патентъ 5-го марта имѣлъ очевидною цѣлію поставить вблизи короны и правительства учрежденіе, которое было бы выше мелкихъ интересовъ, опутывавшихъ доселѣ корону и правительство своими сѣтями, учрежденіе независимое отъ придворныхъ и бюрократическихъ кружковъ, имѣющее возможность подавать голосъ въ чистомъ интересѣ династіи и страны. Для этого необходимо требовалось, чтобъ это учрежденіе было по возможности освобождено отъ вліянія потаенныхъ интригъ и частныхъ корыстныхъ видовъ, чтобъ оно дѣйствовало при свѣтѣ дня, въ виду всей націи, подъ нравственнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія, передъ которымъ исчезаютъ какъ дымъ всѣ тайные происки льстивой угодливости и коварной интриги. Польза этого учрежденія заключалась бы, какъ мы уже упомянули, также въ томъ, что оно выдвигало бы способныхъ людей впередъ и отодвигало бы назадъ искательную посредственность. Но возможно ли достигнуть этой цѣли безъ гласности засѣданій, которая одна способна поставить каждаго изъ членовъ на мѣсто, принадлежащее ему по достоинству? Наконецъ финансовое значеніе новаго государственнаго совѣта вовсе не мыслимо безъ гласности засѣданій. Почему же патентъ

5-го марта умалчивалъ объ этомъ существенномъ пунктѣ? Не показало ли этимъ правительство, что ему не хочется серіозно озаботиться объ улучшеніи своего собственнаго положенія, что оно боится нравственной силы учрежденія, которое оно само признало нужнымъ создать? Мѣсяцемъ позже, въ переговорахъ своихъ съ венгерскими магнатами, правительство объявило, что оно имѣетъ намѣреніе допустить публикованіе протоколовъ засѣданій государственнаго совѣта, и что съ этою цѣлію оно уже озаботилось прикомандировкой присяжныхъ стенографовъ къ государственному совѣту; но если таково было намѣреніе правительства уже при обсужденіи патента, то было бы естественно объявить о томъ своевременно, не подавая повода обвинять себя въ антипатіи къ публичности и въ страхѣ передъ нравственною силой общественнаго мнѣнія. При всемъ желаніи объяснять дѣйствія австрійскаго правительства въ хорошую сторону, въ молчаніи патента о гласности засѣданій нельзя не видѣть нерѣшимости, а такъ какъ безъ гласности засѣданій новый государственный совѣтъ никакъ не могъ бы достигнуть той цѣли, для которой онъ учрежденъ, то въ этой нерѣшимости несомнѣнно должна была крыться задняя мысль, враждебная самому учрежденію. Нужно ли говорить, въ какомъ свѣтѣ представляетъ австрійскую политику выводъ изъ этого силлогизма?

Послѣдствія показали, что правительство не прочь было по возможности ограничить гласность засѣданій государственнаго совѣта. Стенографы были дѣйствительно назначены, но это были стенографы казенные и стенографировать они должны были для правительства, а публика должна была узнавать о засѣданіяхъ только то, что̀ президентъ совѣта счелъ бы за полезное сообщить во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы поставить гласность засѣданій въ полнѣйшую зависимость отъ правительства, былъ даже придуманъ и помѣщенъ въ регламентѣ государственнаго совѣта очень оригинальный параграфъ, требовавшій отъ членовъ совѣта присяги въ томъ, что они не будутъ никому ничего сообщать о ходѣ совѣщаній. Такимъ образомъ непроницаемый покровъ былъ бы простертъ надъ дѣйствительными засѣданіями совѣта, и протоколы, назначаемые для обнародыванія, могли бы очень мало походить на подлинные протоколы. Новый государственный совѣтъ неминуемо превратился бы въ такое же казенное учрежденіе, какимъ былъ прежній государственный совѣтъ; апатія къ общей государственной пользѣ, мелкія интриги, лицемѣріе и всякая фальшь могли бы воцариться въ собраніи, которое повидимому было призвано къ тому, чтобы поуменьшить этого добра въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Можно было бы заранѣе разепроститься съ преобразованнымъ государственнымъ совѣтомъ,

еслибъ остался въ полной силѣ сочиненный для него регламентъ. Но, по счастію для Австріи, въ числѣ наслѣдственныхъ земель австрійской короны есть страна, издавна привыкшая къ политическимъ правамъ и имѣющая во главѣ своей историческую аристократію, способную сказать, когда нужно, независимое слово. Когда регламентъ, о которомъ мы говоримъ, былъ сообщенъ новоназначеннымъ членамъ государственнаго совѣта, всѣ члены, принадлежащіе Венгріи, единогласно объявили, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ засѣдать въ совѣтѣ, если отъ нихъ будутъ требовать упомянутой выше присяги. Графъ Аппони, знаменитый венгерскій магнатъ, назначенный императоромъ въ пожизненные чрезвычайные члены совѣта, откровенно доложилъ ему, что всѣ венгерскіе члены считаютъ своею обязанностію сообщать своимъ соотечественникамъ о ходѣ занятій государственнаго совѣта, въ которыхъ они будутъ принимать участіе. Такая рѣшительность принудила австрійское правительство къ уступкѣ, и оно отказалось требовать отъ членовъ государственнаго совѣта присяги въ соблюденіи канцелярской тайны.

Нерѣшимость проглядываетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ чертахъ патента 5-го марта. Мы упомянули, что онъ возлагаетъ на провинціяльные сеймы обязанность выбирать на каждое изъ мѣстъ, предоставленныхъ ихъ выбору въ государственномъ совѣтѣ, по три кандидата, изъ которыхъ императоръ присвоиваетъ себѣ право утвердить одного по своему усмотрѣнію. Какую цѣль можетъ имѣть это постановленіе? Если императоръ прибѣгаетъ къ пособію сеймовъ при выборѣ членовъ государственнаго совѣта, то это значитъ, что онъ хочетъ въ этомъ случаѣ обойдтись безъ пособія своихъ обыкновенныхъ совѣтниковъ, а самъ, безъ всякаго посторонняго содѣйствія и совѣта, не находитъ возможнымъ выбрать столько людей и такого качества какъ ему нужно для своей и государственной пользы. Еслибъ императоръ былъ въ состояніи выбирать самъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, то совершенно излишне было бы ему обращаться къ сеймамъ, и наоборотъ, обращаясь къ сеймамъ, онъ тѣмъ самымъ показываетъ, что затрудняется самостоятельнымъ выборомъ членовъ совѣта, не считаетъ удобнымъ взять на себя эту обязанность и потому возлагаетъ ее на сеймы. Равнымъ образомъ, еслибы министерство или прежній государственный совѣтъ пользовались исключительно довѣріемъ императора, то онъ могъ бы назначить новыхъ членовъ совѣта по представленію этихъ властей и не имѣлъ бы надобности обращаться къ провинціяльнымъ сеймамъ; императоръ потому именно и обращается къ сеймамъ, что хочетъ раздѣлить свое довѣріе между ними и центральною администраціей. Итакъ, императоръ нуждается въ пособіи сеймовъ,

но въ такомъ случаѣ что же значитъ ограниченіе права выбора? Къ чему можетъ служить предписаніе непремѣнно выбирать по три кандидата на каждое мѣсто, предписаніе, которое можетъ поставить сеймы въ необходимость выбрать менѣе достойныхъ наряду съ достойными? Далѣе, кто будетъ производить выборъ между тремя кандидатами? Если самъ императоръ, то, значитъ, онъ имѣетъ данныя для выбора, а въ такомъ случаѣ зачѣмъ ему вообще прибѣгать къ содѣйствію сеймовъ? Если при выборѣ одного изъ трехъ кандидатовъ, императоръ намѣренъ руководствоваться совѣтами министровъ и приближенныхъ, то не лучше ли было бы прямо предоставить имъ выборъ, не заставляя сеймы выбирать кандидатовъ, и не подвергая себя опасности раздражить общественное мнѣніе утвержденіемъ лица, получившаго на сеймѣ менѣе голосовъ нежели лицо, не удостоившееся утвержденія? Еще можно было бы понять такую осторожную недовѣрчивость къ сеймамъ, — которымъ оказывается однакоже довѣріе, — еслибы дѣло шло о назначеніи депутатовъ въ законодательное собраніе, имѣющее право рѣшающаго голоса. Но новоучреждаемый государственный совѣтъ предполагается сдѣлать собраніемъ чисто-совѣщательнымъ; постановленія его не будутъ имѣть обязательной силы; они будутъ имѣть только нравственный авторитетъ. Показывать наклонность къ исключительности при составленіи такого собранія, не значитъ ли показывать нерасположеніе къ нравственной силѣ доводовъ, не значитъ ли предоставлять себѣ возможность заглушать по временамъ голосъ правды и заставлять совѣтниковъ своихъ говорить не то, что полезно, а то, что намъ нравится? Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ совѣтоваться? не затѣмъ ли, чтобы поступать по своему произволу, въ противность общей пользѣ, и только показывать видъ, что поступаемъ на основаніи совѣтовъ?

Другая черта патента 5-го марта, сюда же относящаяся, состоитъ въ ограниченіи совѣщаній государственнаго совѣта тѣми предметами, которыя правительство заблагоразсудитъ подвергнуть его обсужденію. Параграфъ 4-й патента постановляетъ слѣдующее: «Усиленному государственному совѣту не предоставляется право иниціативы для предложенія проектовъ законовъ и распоряженій. Если же, при обсужденіи предложеннаго ему проекта, онъ замѣтитъ пробѣлы, недостатки или потребности въ законодательствѣ, относящемся къ проекту, то онъ имѣетъ право довести о томъ до нашего свѣдѣнія вмѣстѣ съ представленіемъ своего мнѣнія о предложенномъ ему проектѣ.» Такимъ образомъ, это совѣщательное собраніе, котораго составъ приведенъ въ такую зависимость отъ воли правительства, будетъ совѣщаться

только о тѣхъ законодательныхъ вопросахъ, которые будутъ ему предложены, а само не будетъ имѣть права не только возбуждать новые вопросы, но даже и обращаться къ престолу съ изложеніемъ нуждъ и желаній страны. Посмотримъ, что̀ могло побудить къ такому постановленію. Нельзя было и думать объ опасеніи, что австрійскій государственный совѣтъ увлечется страстію и подниметъ вопросы, могущіе потрясти государство. Совѣтъ, состоящій изъ эрцгерцоговъ и высокихъ сановниковъ имперіи на ряду съ лицами, избранными отъ сеймовъ, совѣтъ, который можетъ быть увеличенъ неопредѣленнымъ числомъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію верховной власти, не можетъ сдѣлаться революціоннымъ собраніемъ. Еслибы даже онъ пріобрѣлъ себѣ право рѣшающаго голоса, отъ воли правительства всегда зависѣло бы устроить въ немъ большинство, по своему вкусу: стоило бы назначить нѣсколько новыхъ членовъ, и партія правительства была бы подкрѣплена. Но ничего этого не можетъ быть въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ, собраніи чисто-совѣщательномъ. Въ такомъ собраніи большинство не можетъ имѣть значенія власти; за императоромъ остается право утвердить мнѣніе меньшинства и даже право принять мѣру, несогласную ни съ мнѣніемъ большинства, ни съ мнѣніемъ меньшинства. Мнѣнія государственнаго совѣта могутъ имѣть только нравственную, идеальную силу, и ограничивать такое собраніе въ его правѣ, подавать совѣты есть не что иное какъ показывать неуваженіе къ идеальной силѣ, готовность, въ случаѣ нужды, подавить идеальную силу разума матеріяльною силой мышцъ и разныхъ снарядовъ. Положеніе австрійской короны, при государственномъ совѣтѣ, устроенномъ съ бо́льшимъ уваженіемъ къ силѣ нравственнаго вліянія, было бы очень выгодное: не стѣсняя своей свободы зависимостію отъ парламента, верховная власть могла бы имѣть полныя свѣдѣнія о нуждахъ и желаніяхъ націи и пользоваться совѣтами наиболѣе замѣчательныхъ людей имперіи; не подчиняясь заранѣе приговору своихъ совѣтниковъ, она могла бы требовать отъ нихъ, чтобъ они убѣдили ее въ необходимости и пользѣ предполагаемыхъ ими мѣръ, могла бы дѣйствовать совершенно свободно, на основаніи своего убѣжденія объ общемъ благѣ; не признавая ни надъ собою, ни рядомъ съ собою никакой власти, то-есть никакой внѣшней силы въ государствѣ, корона могла бы преклоняться только передъ внутреннею силой разумныхъ убѣжденій, то-есть передъ тою силой, которой не уважать считается дѣломъ безнравственнымъ и недостойнымъ человѣка. Къ сожалѣнію, патентъ 5-го марта не ставитъ короны въ столь выгодное положеніе. Возбуждая сомнѣнія въ своемъ желаніи допускать нравственное вліяніе на рѣшенія правительства,

онъ наводитъ самаго безпристрастнаго наблюдателя на мысль, что австрійское правительство ставитъ матеріяльную силу выше нравственной. А кто не знаетъ, къ какому образу дѣйствія ведетъ такая мысль? кто не знаетъ, что на кого резоны не дѣйствуютъ, на того по необходимости надобно дѣйствовать страхомъ матеріяльной силы?

Одновременно съ патентомъ 5-го марта было издано императорское повелѣніе, которымъ предписывалось произвести выборы въ усиленный государственный совѣтъ *тотчасъ по вступленіи провинціяльныхъ сеймовъ въ дѣйствіе* (sogleich nach Activirung der Landesvertretungen) и дополнялось, что до призванія въ государственный совѣтъ членовъ, имѣющихъ быть избранными отъ провинціяльныхъ сеймовъ, будутъ провизорно приглашены способные люди изъ отдѣльныхъ провинцій для участія въ совѣщаніяхъ усиленнаго государственнаго совѣта, и что совѣтъ, въ этомъ провизорномъ составѣ своемъ, долженъ быть собранъ въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года для разсмотрѣнія бюджета на 1861 административный годъ. Это дополнительное распоряженіе показало съ одной стороны, что правительство намѣрено ускорить образованіе усиленнаго государственнаго совѣта въ его новомъ составѣ, и потому должно было произвести благопріятное впечатлѣніе; но, съ другой стороны, неопредѣленная редакція фразы, которую мы напечатали курсивомъ, вселяла сомнѣніе, что правительство не торопится окончательнымъ образованіемъ государственнаго совѣта, и что провизорное состояніе можетъ быть очень продолжительно. Серіозное желаніе устроить государственный совѣтъ на новыхъ началахъ, то-есть ввести въ него членовъ, назначаемыхъ по выбору сеймовъ, повело бы къ опредѣленію срока, въ продолженіе котораго провинціяльные сеймы должны быть открыты. Между тѣмъ правительство ограничилось объявленіемъ, что къ выборамъ чрезвычайныхъ членовъ государственнаго совѣта должно быть приступлено *тотчасъ* по вступленіи провинціяльныхъ сеймовъ въ дѣйствіе, и не сочло нужнымъ объявить, когда предполагается дозволить имъ вступить въ дѣйствіе, а безъ этого объявленія торопливое словечко *тотчасъ* стало чѣмъ-то въ родѣ насмѣшки.

Патентъ 5-го мая не имѣлъ никакого дѣйствія ни на биржу, ни на общественное мнѣніе. Журналы упорно молчали о немъ, къ крайнему удивленію и огорченію приверженцевъ австрійскаго правительства. Публика была холодна и равнодушна, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ *Allgemeine Zeitung*, а отъ людей, занимающихся политикой, слышно было больше порицанія нежели похвалы. Откуда этотъ индифферентизмъ? спрашиваетъ онъ себя. «Десять лѣтъ видимъ мы безплодную борьбу министерства и по-

стояннаго государственнаго совѣта, которые поставлены въ фальшивое положеніе антагонизма. Десять лѣтъ стремилась къ преобладанію съ одной стороны гражданская администрація, съ другой стороны военная администрація, и когда удавалось которой-либо изъ нихъ достигнуть преобладанія, то они бились изъ-за того, чтобъ удержать его за собой, какъ будто такое положеніе дѣлъ могло долго оставаться въ силѣ, не приводя на край гибели. Всѣ чувствовали, что такъ не могутъ идти дѣла, что такъ попадемъ мы въ безвыходный лабиринтъ. Всѣ чувствовали, что въ центрѣ необходимо собраніе, которое соединило бы постоянный государственный совѣтъ, министерство, высшихъ военныхъ и другихъ сановниковъ, и положило бы конецъ изнурительному антагонизму между ними,—собраніе, о которое разбивались бы всѣ попытки отдѣльныхъ вѣдомствъ къ произволу и самоуправству, которое, окружая императора, и заключая въ себѣ принцевъ крови, олицетворяло бы твердыя основы общей политики, обязательной для каждаго изъ отдѣльныхъ сановниковъ. И что̀ же? Вотъ учреждается такой государственный совѣтъ, собраніе, вполнѣ достойное своего имени, составленное на очень широкой основѣ, — и его привѣтствуютъ молчаніемъ; послѣ долгаго блужданія по безбрежному морю, показывается твердая земля,—и мы не узнаемъ ея. Это обнаруживаетъ совершенный недостатокъ политическаго разумѣнія, это можетъ быть слѣдствіемъ только притупленія и одичалости политическаго смысла (politische Verwahrlosung).» Корреспондентъ *Аугсбургской газеты* приписываетъ такое состояніе общественнаго мнѣнія отсутствію политической трибуны, съ которой раздавались бы голоса настоящихъ политическихъ людей; до сихъ поръ, говоритъ онъ, вслѣдствіе системы молчанія, наложеннаго на сановниковъ, руководителями общественнаго мнѣнія были дилетанты, которые сами не всегда знаютъ, что̀ проповѣдуютъ. Ближайшее объясненіе равнодушія, съ которымъ былъ встрѣченъ патентъ 5-го марта, корреспондентъ находитъ въ неудачной статьѣ, которая, въ неофиціяльной части *Wiener Zeitung*, сопровождала патентъ, напечатанный въ офиціяльной части газеты. Мы уже упоминали объ этой статьѣ *Wiener Zeitung*; она дѣйствительно написана антипатическимъ тономъ офиціяльнаго самовосхваленія и наполнена казенными фразами, въ родѣ слѣдующихъ: «Такимъ образомъ удовлетворяются всѣ справедливыя ожиданія, всѣмъ дѣйствительнымъ интересамъ предоставляется свобода развитія, всѣмъ законнымъ факторамъ государственной жизни дается просторъ для заявленія себя. Духовной и матеріяльной силѣ всякаго рода открывается, внутри этихъ предѣловъ, возможность дѣйствовать, всякому законному плодотворному стремленію предоставляется мѣсто, всякому сво-

бодному движенію открывается путь.» Но между этими и подобными этимъ пустозвонными фразами, въ статьѣ офиціяльнаго вѣнскаго журнала, замѣшались фразы съ серіозными намеками, обратившими на себя вниманіе. «Этотъ законодательный актъ указываетъ на *заключительное звено* организаціи, которой началомъ было обсужденіе общиннаго устава. Теперь можно обозрѣть *во всемъ его протяженіи* тотъ путь, который предначертало себѣ правительство. Народы Австріи поставлены теперь въ возможность уразумѣть *то начало*, которое должно опредѣлять собою государственный организмъ.» Очевидно, публицисты *Wiener Zeitung* писали эти фразы неспроста; очевидно, они хотѣли приподнять край завѣсы, скрывающей виды правительства, чтобы развѣдать общественное мнѣніе и въ то же время охладить надежды на исполненіе обѣщаній, данныхъ десять лѣтъ тому назадъ. Въ такомъ смыслѣ эти фразы и были поняты публикой, и она сочла долгомъ своимъ показать, что не удовлетворяется возможностію уразумѣть начало, полагаемое нынѣ въ основу государственнаго организма—начало, значительно отличное отъ того начала, которое, по крайней мѣрѣ какъ начало, признавалось доселѣ самимъ правительствомъ, и которое, по мнѣнію австрійской публики, должно быть прежде осуществлено, чтобы была возможность говорить о *заключительномъ звенѣ* государственной организаціи.

Весь ходъ австрійскихъ дѣлъ ясно показываетъ, что правительство не пользуется уже довѣріемъ своихъ народовъ, что всеобщее недовольство можетъ быть успокоено лишь серіозными гарантіями законности. Заявленію *желанія*, что законность будетъ соблюдаема, теперь уже не вѣрятъ; теперь хотятъ, чтобы не было *возможности* произвольныхъ дѣйствій, и требуютъ мѣръ, которыя *принуждали* бы оставаться вѣрными однажды данному слову. Патентъ 5-го марта возвѣщалъ, что усиленный государственный совѣтъ долженъ собраться въ маѣ мѣсяцѣ для разсмотрѣнія гесударственнаго бюджета, но весь май мѣсяцъ прошелъ въ переговорахъ съ будущими членами совѣта, и до самаго послѣдняго числа мая государственный совѣтъ не былъ созванъ,—не былъ созванъ уже не по нежеланію правительства, а потому, что многіе изъ замѣчательнѣйшихъ людей, приглашенныхъ въ него, отказывались отъ чести присутствовать въ немъ. Теперь роли, очевидно, перемѣняются. Въ продолженіи десяти лѣтъ правительство императора Франца-Іосифа не хотѣло слышать объ уступкахъ; теперь оно готово на уступки, но уступокъ его не цѣнятъ. Какъ бы въ отвѣтъ на патентъ 5-го марта, въ разныхъ частяхъ имперіи праздновали день 15-го марта, годовщину переворота 1848 года. Каждый самомалѣйшій поводъ возбуждалъ и

послѣ того народное движеніе, каждая полицейская мѣра, клонившаяся къ тому, чтобы предупредить какую-нибудь демонстрацію, еще болѣе увеличивала волненіе и производила дѣйствіе, противоположное видамъ полиціи. Австрійская полиція запирала двери публичныхъ зданій, гдѣ предполагалось давать балы, являлась въ частные дома, гдѣ были гости, и переписывала имена присутствовавшихъ. Австрійскія войска разгоняли народъ на площадяхъ и кладбищахъ и стрѣляли по совершавшимъ заупокойныя молитвы объ умершихъ или убіенныхъ. Обыски и аресты дѣятельно производились на всемъ пространствѣ Имперіи отъ южнаго Тироля до Богеміи; отъ обысковъ не спасся даже домъ умалишенныхъ въ Деблингѣ близъ Вѣны, гдѣ жилъ графъ Стефанъ Сечени, вскорѣ послѣ обыска застрѣлившійся въ припадкѣ сумашествія. Но ни аресты, ни обыски, ни мелкія полицейскія хитрости не усмиряли волненія, которое объяло собой всѣ классы общества, и которому явно показывали сочувствіе люди высокаго образованія и умѣренныхъ политическихъ убѣжденій. Волненіе, какъ и надобно было ожидать, было особенно сильно въ Венгріи, гдѣ всѣ партіи, такъ долго раздѣлявшія эту страну на враждебные лагери, стали заодно. Тогда правительство увидѣло наконецъ, что нельзя обойдтись безъ болѣе серіозной уступки. Замѣняя эрцгерцога Альбрехта фельдмаршалъ-лейтенантомъ Бенедекомъ въ должности военнаго и гражданскаго губернатора Венгріи, императоръ объявилъ въ рескриптѣ, данномъ на имя послѣдняго 19-го апрѣля, что какъ въ Венгріи, такъ и во всѣхъ областяхъ имперіи будетъ немедленно введено въ силу начало самоуправленія посредствомъ мѣстныхъ, окружныхъ и комитатскихъ общинъ, и посредствомъ сеймовъ и сеймовыхъ комитетовъ. Венгрія, раздробленная на четыре *намѣстническія отдѣленія*, соединена въ одно намѣстничество; прежнія комитатскія конгрегаціи и комитеты предписано возстановить. Протестантамъ, которые были недовольны патентомъ 1-го сентября 1859 года, дана полная свобода устроить свои церковныя дѣла по собственному усмотрѣнію. Правительство, очевидно, хотѣло удивить своихъ подданныхъ полнотой этихъ уступокъ, которыхъ такъ долго они ожидали, о которыхъ такъ усердно они просили. Оно было увѣрено, что примиритъ съ собой по крайней мѣрѣ всѣхъ умѣренныхъ людей, что убѣдитъ ихъ въ откровенности своихъ либеральныхъ намѣреній. Но и тутъ оказалось, что слишкомъ позднія уступки не имѣютъ цѣны, потому что не вселяютъ довѣрія, и правительство, надѣявшееся удивить Венгрію, было само удивлено совершеннѣйшимъ неуспѣхомъ своего великодушнаго акта. Самъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Венедекъ, суровый воинъ, всю жизнь свою остававшійся равнодуш-

нымъ къ политическимъ интересамъ, непоколебимо вѣрный императору и сражавшійся противъ Венгріи въ 1849 году, хотя Венгрія—его отечество, горячо имъ любимое, самъ Бенедекъ принужденъ былъ отправиться въ Вѣну, чтобы почтительно доложить императору о затруднительномъ положеніи Венгріи и о необходимости скорыхъ мѣръ примиренія. Тогда австрійское правительство вступило въ дѣятельныя сношенія съ предводителями венгерской оппозиціи. Передовые люди Венгріи безпрестанно ѣздили изъ Песта въ Вѣну и изъ Вѣны въ Пестъ. Аудіенціи слѣдовали за аудіенціями. Люди, постоянно стоявшіе въ оппозиціи, были принимаемы и выслушиваемы съ непривычною любезностію. Но даже и эта великодушная любезность нисколько не подѣйствовала, и, несмотря на всѣ переговоры, новый австрійскій государственный совѣтъ, какъ мы уже сказали, до послѣднихъ чиселъ мая мѣсяца не могъ собраться по нежеланію многихъ замѣчательныхъ людей засѣдать въ немъ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что выборъ чрезвычайныхъ членовъ государственнаго совѣта былъ вообще очень либераленъ; во многихъ частяхъ имперіи, по общему голосу, другаго выбора не сдѣлали бы сами сеймы. Такъ напримѣръ для Венгріи, кромѣ пожизненныхъ членовъ, были назначены: бароны Этвешъ, Вай, гг. Шомшичъ, Топерцеръ, Георгъ Майлатъ и графъ Баркоцъ. Всѣ эти лица болѣе или менѣе замѣчательны, а нѣкоторыя изъ нихъ считаются предводителями либеральной партіи въ Венгріи. Считаемъ не лишнимъ сказать о каждомъ изъ нихъ по нѣскольку словъ, тѣмъ болѣе что, по всему вѣроятію, имена ихъ часто будутъ упоминаемы въ ближайшемъ времени.

Баронъ Іосифъ Этвешъ—необыкновенно даровитый человѣкъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ Европы, онъ въ то же время одинъ изъ первыхъ поэтовъ и романистовъ Венгріи. Политическое направленіе его можетъ быть названо либеральнымъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ; натура его симпатическая, исполненная энтузіазма; характеръ отличается энергіей. Въ молодости своей онъ разошелся съ своими родственниками за различіе въ убѣжденіяхъ, и твердо перенесъ этотъ разрывъ; составляя оппозицію правительству, онъ былъ однакоже рѣшительнымъ противникомъ Кошута и всегда желалъ примиренія съ династіею. Въ венгерскомъ министерствѣ Батьяни (1848) онъ былъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; послѣ того онъ занималъ одно изъ президентскихъ мѣстъ въ венгерской академіи наукъ, основанной графомъ Стефаномъ Сечени. Онъ человѣкъ высокаго классическаго образованія и считается однимъ изъ предводителей венгерской либеральной партій. Основныя понятія его о государствѣ изложены въ обширномъ сочиненіи: «О вліяніи господствующихъ идей XIX столѣтія на государство»; его взгляды на

ближайшія потребности времени высказаны въ недавно вышедшей (у Брокгауза въ Лейпцигѣ) брошюрѣ: «Гарантіи могущества и единства Австріи».

Баронъ Вай считается однимъ изъ первыхъ ораторовъ Венгріи. Основательно образованный и необыкновенно остроумный, въ высшей степени привлекательный въ своемъ утонченномъ обращеніи, вселяющій довѣріе къ себѣ своею правдивостію и въ то же время умѣющій ловко и даже хитро пользоваться обстоятельствами, онъ особенно способенъ къ практической дѣятельности. Его направленіе, умѣренно-либеральное, не совсѣмъ однакоже свободно отъ венгерскаго исключительнаго патріотизма.

Г. Шомшича можно еще болѣе назвать истымъ мадьяромъ. Онъ высказывался противъ теперешняго порядка съ прямотой и даже рѣзкостію. Онъ также извѣстенъ какъ политическій писатель. Его брошюра: «Законное право Венгріи» (вышедшая въ Вѣнѣ) излагаетъ его желанія и взгляды.

Г. Топерцеръ былъ депутатомъ на сеймѣ во время венгерской революціи и находился потомъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи; не далѣе какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, противъ него былъ начатъ процессъ за нарушеніе общественнаго спокойствія. Тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ людямъ очень умѣренныхъ политическихъ убѣжденій. Онъ пользуется извѣстностію хорошаго публициста и человѣка научно образованнаго.

Г. Майлатъ—человѣкъ радикальной партіи, хотя и не принималъ участія въ противо-династическихъ дѣйствіяхъ 15 апрѣля 1848 года въ Дебречинѣ. Онъ началъ свое поприще комитатскою службой и приготовился къ политической дѣятельности практикой мѣстнаго самоуправленія. Несмотря на различіе убѣжденій, онъ пользуется довѣріемъ старой консервативной партіи. Онъ человѣкъ очень даровитый и хорошо образованный.

Графъ Баркоцъ замѣчателенъ менѣе другихъ своихъ сочленовъ. Онъ служитъ совѣтникомъ въ кредитномъ установленіи, основанномъ по мысли Брука, очень богатъ и преданъ консервативнымъ убѣжденіямъ и династіи.

За исключеніемъ развѣ графа Баркоца, всѣ остальные изъ упомянутыхъ нами лицъ затруднялись вступленіемъ въ члены государственнаго совѣта. О ихъ переговорахъ съ правительствомъ газеты не могли сообщить точныхъ свѣдѣній; сколько извѣстно, трудности, которыя они дѣлали, основывались отчасти на неопредѣленности правъ и обязанностей новоучреждаемаго совѣта, отчасти на особенностяхъ положенія Венгріи, отчасти наконецъ на неполномъ довѣріи къ намѣреніямъ правительства. Нѣкоторые члены изъ другихъ провинцій дѣйствовали заодно или по крайней мѣрѣ въ одномъ духѣ съ Венгерцами, и переговоры эти

не могли остаться безъ вліянія на австрійское правительство. Мы считаемъ поэтому не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о главнѣйшихъ пунктахъ разногласія.

О неопредѣленности правъ и обязанностей новаго государственнаго совѣта мы уже говорили. Всего болѣе возраженій вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, пунктъ патента, отнимавшій у совѣта право иниціативы. Венгерскіе члены, говорятъ, особенно настаивали на этомъ правѣ, и можно полагать, что правительство нѣсколько уступило имъ въ этомъ отношеніи такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ заключать высказанная эрцгерцогомъ Райнеромъ, при открытіи совѣта, надежда, что члены совѣта будутъ доводить до свѣдѣнія императора о потребностяхъ и интересахъ всѣхъ классовъ народонаселенія. Не менѣе важно затрудненіе, возникавшее вслѣдствіе особенностей положенія Венгріи; оно тѣмъ важнѣе, что хотя несомнѣнно относится и къ другимъ провинціямъ Австріи, но не въ такой степени, какъ къ Венгріи. Расширеніе государственнаго совѣта было вызвано, между прочимъ, потребностію усилить центральную власть имперіи тою поддержкой, которую можетъ оказать правительству содѣйствіе людей, принадлежащихъ разнымъ областямъ имперіи и соединенныхъ въ Вѣнѣ въ совѣщательное собраніе. Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшился пригласить въ государственный совѣтъ людей либеральной партіи особенно потому, что нуждался въ поддержкѣ лицъ, пользующихся довѣріемъ провинцій, для сближенія провинцій и примиренія ихъ съ центральнымъ правительствомъ. Но именно этого примиренія многіе опасаются въ Австріи, потому что находятъ чрезмѣрными стремленія теперешняго правительства къ централизаціи и готовы всѣми силами противодѣйствовать его попыткамъ подвести всѣ провинціи подъ одинъ уровень, наперекоръ ихъ различной исторіи и ихъ національнымъ особенностямъ. На новоучрежденный государственный совѣтъ смотрѣли неловѣрчиво всѣ люди, желающіе, чтобъ Австрія оставалась федеративнымъ государствомъ, согласно указаніямъ своей исторіи и своихъ географическихъ и этнографическихъ особенностей. Какъ глубоко чувствуется потребность въ децентрализаціи австрійскихъ провинцій, въ предоставленіи имъ возможно-большей самостоятельности, видно изъ того, что даже такой человѣкъ, какъ покойный министръ финансовъ, Прусакъ по происхожденію и слѣдовательно совершенно свободный отъ сепаратистическихъ и національныхъ предразсудковъ коренныхъ жителей австрійскихъ земель, считалъ федеративное начало необходимымъ элементомъ въ австрійскомъ государствѣ. «Свобода во внутреннемъ устройствѣ, дѣйствительное федеративное единство во внѣшнемъ взаимномъ отношеніи областей,» — вотъ въ чемъ

заключается, по мнѣнію барона Брука, условіе благоденствія и могущества Австріи. Рѣчь императора, сказанная имъ государственному совѣту 1-го іюня и приводимая нами ниже, служитъ отчасти отвѣтомъ на эти запросы провинцій; она настаиваетъ на единствѣ имперіи, но въ то же время обѣщаетъ *равную защиту и равныя права всѣмъ племенамъ и областямъ имперіи*, а это должно непремѣнно вести къ ослабленію централизаціи, дававшей доселѣ рѣшительное преобладаніе нѣмецкому элементу. Эти слова, сказанныя послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переговоровъ, а равно и позволеніе, данное графу Аппони, заявить въ первомъ же засѣданіи совѣта особенность положенія венгерскихъ членовъ, ясно показываютъ уступку и свидѣтельствуютъ объ измѣненіи въ австрійской политикѣ,—объ измѣненіи, которое заслужило бы всеобщее сочувствіе, еслибы сопровождалось довѣріемъ къ правительству.

Но мы уже сказали, что довѣріе къ австрійскому правительству совершенно потрясено, и что даже самыя уступки его не но охотно принимаются тѣми, въ чью пользу онѣ дѣлаются. Трудно смотрѣть безъ сожалѣнія на такое положеніе дѣлъ, вызванное продолжительными, упрямыми и такъ-сказать систематическими заблужденіями австрійскаго правительства насчетъ своихъ истинныхъ интересовъ. Нѣтъ числа недоразумѣніямъ послѣднихъ десяти лѣтъ, и мы не думаемъ, разумѣется, считать ихъ теперь. Но нельзя не указать на коренное недоразумѣніе, обнаружившееся даже по случаю преобразованія государственнаго совѣта и состоящее въ томъ, что, дѣлая уступки, правительство даетъ безпрерывные поводы сомнѣваться въ добровольности этихъ уступокъ. Даже сторонніе наблюдатели невольно приписываютъ всѣ эти уступки слабости правительства: такъ нерѣшительно оно дѣйствуетъ, такъ неохотно разстается оно съ тѣмъ, отъ чего отказывается, такъ цѣпко держится за то, что̀ повидимому считаетъ несовременнымъ и вреднымъ. Уступка, достойная хорошаго правительства, должна быть не чѣмъ инымъ какъ исправленіемъ усмотрѣнной ошибки; только то правительство достойно уваженія, которое искренно отказывается отъ того, что̀ оно само признало за заблужденіе, за дѣло безполезное или вредное. Но въ такомъ случаѣ невозможны эти колебанія, эти попытки спасти хотя небольшую частицу уступаемаго,—невозможны потому, что могутъ корениться лишь въ убѣжденіи, что уступаемое само по себѣ желательно. Уступать или, лучше, отбрасывать то, что̀ признается за зло, можетъ и долженъ всякій, но уступать то, что̀ признается за добро и къ чему лежитъ сердце, можно только по внѣшней необходимости, и такая уступка унижаетъ уступающаго.

Въ преобразованіяхъ, предпринимаемыхъ австрійскимъ прави-

тельствомъ, всегда замѣтно, что оно смотритъ на нихъ не какъ на улучшенія, равно полезныя и для него, и для страны, а какъ на уступки, вынужденныя обстоятельствами и вызывающія сожалѣніе объ утрачиваемомъ. Въ этомъ заключается главная причина неуспѣха всѣхъ этихъ уступокъ, недовѣрія, съ которымъ онѣ принимаются. Объ этомъ недовѣріи можно сожалѣть, но никакъ нельзя удивляться ему, и потому очень понятно, что многіе изъ лицъ, предназначавшихся въ члены государственнаго совѣта, не согласились принять это почетное званіе изъ опасенія компрометтировать свое политическое положеніе. Изъ шести венгерскихъ членовъ, трое рѣшительно отказались отъ предложенной имъ чести, именно гг. Этвешъ, Вай и Шимшичъ. Нѣсколько членовъ изъ другихъ провинцій послѣдовали ихъ примѣру. Отказавшихся надобно было замѣнить другими, и это произвело проволочку въ открытій засѣданіи усиленнаго государственнаго совѣта.

Когда всѣ эти затрудненія были улажены, явился регламентъ, которымъ опредѣлялся порядокъ засѣданій усиленнаго государственнтго совѣта. Этотъ регламентъ также подалъ поводъ къ переговорамъ, и открытіе засѣданій, назначенное было на 29-е мая, пришлось отсрочить еще на два дня, то-есть отложить до послѣдняго дня того мѣсяца, который былъ объявленъ въ дополнительномъ патентѣ 5-го мая, какъ время первой сессіи усиленнаго государственнаго совѣта. Наконецъ была сдѣлана упомянутая нами выше уступка насчетъ гласности; правительство отказалось требовать присяги въ сохраненіи тайны, и открытіе засѣданій произошло 31-го мая. Императоръ не присутствовалъ при церемоніи открытія; его заступалъ эрцгерцогъ Райперъ, назначенный предсѣдателемъ усиленнаго государственнаго совѣта. Рѣчь эрцгерцога Райнера не имѣла особаго политическаго значенія; эрцгерцогъ обѣщалъ исполнять обязанность призидента съ совершеннымъ безпристрастіемъ и выразилъ увѣренность, что члены совѣта оправдаютъ ожиданія императора. Онъ говорилъ отъ своего имени, какъ предсѣдатель, и уже это освобождаетъ насъ отъ обязанности представить его рѣчь вполнѣ. Мы упомянемъ только о замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ ея.

Указавъ на манифестъ 15 іюля 1859 года, которымъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о виллафранкскомъ мирѣ, возвѣщалось введеніе сообразныхъ времени улучшеній въ законодательство и администрацію, эрцгерцогъ Райнеръ продолжалъ: «Неутомимо дѣйствуя въ этомъ направленіи, его величество уразумѣлъ потребность получить отъ непосредственно-заинтересованныхъ извѣщенія и предложенія относительно интересовъ и желаній народонаселенія всѣхъ частей обширной имперіи. Представленіе этихъ сообщеній бу-

детъ важнѣйшею задачей провинціяльныхъ сеймовъ, которые будутъ созваны во всѣхъ областяхъ имперіи. Но и въ средоточіи государства его величество желаетъ пользоваться совѣтомъ преданныхъ, опытныхъ и независимыхъ людей, которыхъ обширныя свѣдѣнія и испытанная преданность высочайшему престолу и великому австрійскому общему отечеству будутъ приносить тѣмъ болѣе драгоцѣнные плоды, чѣмъ труднѣе задача, требующая разрѣшенія. Исполненіе этой обязанности его величество соизволилъ довѣрить государственному совѣту, который долженъ быть сохраненъ въ его прежнемъ устройствѣ, и для этой цѣли расширить его.» Сказавъ еще нѣсколько словъ о значеніи государственнаго совѣта, какъ «верховнаго совѣта императора и короны», и выразивъ надежду, что члены совѣта будутъ доводить до свѣдѣнія императора съ полною откровенностію потребности и интересы всѣхъ классовъ народонаселенія и имѣть притомъ въ виду, что «благосостояніе всѣхъ основано на укрѣпленіи правъ престола и поддержаніи единства имперіи», эрцгерцогъ пригласилъ членовъ къ принесенію присяги, предписанной регламентомъ. Въ этой присягѣ было пропущено мѣсто, которое относилось къ соблюденію регламента, то-есть къ храненію въ тайнѣ содержанія преній, и подало поводъ къ протестамъ со стороны многихъ членовъ. Затѣмъ эрцгерцогъ-президентъ указалъ на предстоящія занятія совѣта и заключилъ слѣдующимъ воззваніемъ: «Господа! Серіозно положеніе отечества въ минуту, когда въ первый разъ собирается усиленный государственный совѣтъ, но лучшее время предстоитъ намъ, и я поздравляю васъ, господа, что на вашу долю выпало прекрасное призваніе содѣйствовать на столь-возвышенномъ мѣстѣ наступленію этого лучшаго времени. Будемъ всегда помнить девизъ нашего императора: «Соединенными силами», и дѣйствовать согласно этому девизу!»

Послѣ того, съ позволенія эрцгерцога, пожизненный чрезвычайный членъ, графъ Аппони (Венгерецъ) сказалъ слѣдующее:

«Ваше высочество эрцгерцогъ, почтенные господа члены государственнаго совѣта! Я нахожусь здѣсь не по порученію избирателей и потому представляю въ этомъ высокомъ собраніи только мое личное убѣжденіе, изъ котораго не можетъ быть выведено законнаго заключенія относительно страны, которой я принадлежу. Тѣмъ не менѣе я считаю себя обязаннымъ, при выраженіи моего личнаго мнѣнія, держаться той точки зрѣнія, которую предписало бы мнѣ порученіе избирателей. Итакъ, когда я взираю на высокое значеніе усиленнаго государственнаго совѣта, который, при серіозномъ характерѣ настоящаго времени, имѣетъ совершить великую и весьма трудную задачу, когда я помышляю о великомъ вліяніи, которое можетъ имѣть дѣятельность государственнаго совѣта на земли, принадлежащія венгерской

коронѣ, то я считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ, дабы точнѣе опредѣлить положеніе, которое я призванъ занимать въ этомъ высокомъ собраніи по отношенію къ особенностямъ Венгріи. Не тайна,— и въ этомъ высокомъ собраніи не должно быть это тайной,—что учрежденіе усиленнаго государственнаго совѣта возбудило сомнѣнія въ Венгріи. Понятно, что въ народѣ, такъ сильно привязанномъ къ своимъ прежнимъ законнымъ отношеніямъ къ совокупной имперіи, къ своимъ историческимъ правамъ и учрежденіямъ, существенное измѣненіе этихъ отношеній должно было глубоко озаботить. Учрежденіе усиленнаго государственнаго совѣта, въ которомъ будущіе представители Венгріи и лица, призванныя теперь высочайшимъ довѣріемъ, впервые вступаютъ въ непосредственное сношеніе съ людьми изъ другихъ наслѣдственныхъ земель имперіи, и сходятся съ ними въ одномъ общемъ представительномъ собраніи, есть столь существенное нововведеніе, что оно, не говоря о пользѣ или необходимости такого установленія, уже въ формальномъ отношеніи несомнѣнно подавало поводъ къ сомнѣніямъ. Чѣмъ болѣе распространены эти сомнѣнія, и чѣмъ болѣе я былъ обязанъ обратить на нихъ вниманіе, тѣмъ важнѣе должны быть соображенія, которыя побудили меня и тѣхъ моихъ земляковъ, съ которыми я раздѣляю честь моего теперешняго положенія, послѣдовать высочайшему призыву его величества и вступить на путь, который повидимому отдѣляетъ насъ въ столь важномъ дѣлѣ отъ многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, отъ многихъ изъ нашихъ политическихъ единомышленниковъ, которыхъ основные взгляды на право, которыя законныя убѣжденія и законныя желанія мы признали за наши собственныя. Дѣйствительно, если мы находимся здѣсь, то это представляетъ очевидное доказательство того довѣрія, которое мы имѣемъ къ благородству нашего высокаго монарха, именно нашей увѣренности въ томъ, что, согласно акту 19 апрѣля, возстановленіе существенныхъ факторовъ нашего политическаго быта несомнѣнно дастъ намъ возможность высказываться въ этомъ досточтимомъ собраніи согласно нашимъ принципамъ относительно права, и выражать мнѣнія, исповѣдуемыя нами, въ силу нашихъ историческихъ правъ, ко благу короны и совокупнаго государства. Наше присутствіе здѣсь доказываетъ, далѣе, какія надежды возлагаемъ мы на этотъ открываемый намъ путь взаимнаго сближенія и соглашенія, и какую высокую цѣну придаемъ мы совѣщанію, могущему облегчить намъ борьбу съ предразсудками и недоразумѣніями, которые все болѣе и болѣе отдаляютъ сочленовъ одной монархіи другъ отъ друга, которые были питаемы въ ущербъ столь вожделѣннаго единодушія австрійскихъ земель и дѣлали невозможнымъ то добро, которое было такъ близко. Я полагалъ и полагаю съ твердою увѣренностію, что усиленный государственный совѣтъ есть средство выйдти изъ затрудненій, предлагамое намъ мудростію высокаго монарха, — средство, которымъ, при теперешнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, мы тѣмъ безопаснѣе можемъ и должны воспользоваться, что оно представляется единственнымъ возможнымъ для успѣшнаго обсужденія всѣхъ недоразумѣній, всѣхъ горячихъ вопросовъ, а слѣдовательно и положенія Венгріи, и желаній притязаній этихъ земель,—для обсужденія, которое покажетъ, что законныя тре-

бованія Венгріи не имѣютъ въ виду ничего такого, что̀ могло бы какимъ бы то ни было образомъ угрожать благоденствію имперіи, или состоянію отдѣльныхъ земель, что они ничего не хотятъ въ ущербъ другихъ наслѣдственныхъ земель, но по существу своему могутъ только принести благо и счастіе всѣмъ частямъ монархіи, и вмѣстѣ съ примиреніемъ частей должны обезпечить органическій союзъ и крѣпость имперіи. Въ этомъ предположеніи я съ довѣренностію вступилъ на путь, на которомъ обязанъ, не отказываясь ни отъ одного изъ принциповъ, твердо держаться историческихъ правъ. По этому самому уже само собой разумѣется, что я не отказываюсь отъ правъ, принадлежащихъ мнѣ при будущемъ венгерскомъ законодательствѣ, и что должность пожизненнаго члена государственнаго совѣта, порученную мнѣ высокимъ довѣріемъ его величества, я принялъ, полагаясь на возвышенныя чувства его величества, и понимаю ее такъ, что она не можетъ стѣснять мои права при будущемъ венгерскомъ законодательствѣ. Я оканчиваю выраженіемъ почтительной благодарности его императорскому высочеству за милость, съ которою онъ позволилъ мнѣ дать объясненіе для точнѣйшаго опредѣленія моего положенія, и прошу, чтобъ это объясненіе было помѣщено въ протоколѣ.»

Вслѣдъ за графомъ Аппони сказалъ нѣсколько словъ въ томъ же смыслѣ графъ Андрашь, временный чрезвычайный членъ государственнаго совѣта за Венгрію. Какъ членъ, назначенный правительствомъ впредь до выборовъ на сеймѣ, онъ особенно старался заявить, что въ теперешнемъ своемъ положеніи онъ отвѣтственъ только передъ собой, и что на него не слѣдуетъ смотрѣть какъ на законнаго представителя Венгріи. Онъ присоединилъ, что уполномоченъ объявить то же самое и отъ лица остальныхъ членовъ государственнаго совѣта за Венгрію.

Между тѣмъ какъ члены за Венгрію считали нужнымъ оговориться по вопросу о правахъ своего королевства, три члена за Галицію представили адресъ, покрытый подписями духовенства, дворянства и горожанъ, и просящій, въ выраженіяхъ благоразумныхъ и умѣренныхъ, объ уваженіи польской народности, «гарантированной самыми торжественными *международными* обязательствами». Адресъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы польскій языкъ былъ возстановленъ въ училищахъ, университетахъ, судахъ и администраціи, а равно чтобъ онъ былъ признанъ офиціяльнымъ языкомъ и на предстоящемъ провинціяльномъ сеймѣ королевства Галиціи. Если этотъ адресъ будетъ имѣть послѣдствія, то это будетъ первымъ случаемъ собственной иниціативы со стороны членовъ совѣта.

На другой день, по открытіи первой сессіи австрійскаго государственнаго совѣта, императоръ принималъ эту корпорацію въ тронной залѣ большаго дворца. Ни одного изъ министровъ не было при томъ. Францъ-Іосифъ стоялъ на тронѣ, окруженный

своею свитой, и прочиталъ громкимъ и звучнымъ, по свидѣтельству корреспондента аугсбургской газеты, голосомъ слѣдующую рѣчь:

«Господа члены государственнаго совѣта! Сердечно радъ видѣть васъ! Я призвалъ васъ, потому что твердо надѣюсь найдти въ васъ людей, которые честно и вѣрно будутъ помогать мнѣ въ моихъ стараніяхъ равномѣрно содѣйствовать благу всѣхъ народовъ Австріи. Важные вопросы общаго законодательства и устройство государственнаго хозяйства будутъ предложены на ваше обсужденіе. При совѣщаніяхъ вашихъ благоволите всегда имѣть въ виду, что судьбы отдѣльныхъ частей имперіи самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собой; что общность и взаимнодѣйствіе истинныхъ интересовъ отдѣльныхъ земель суть фактическія связи, тысячами нитей обвивающія совокупность монархіи; что каждая попытка ослабить эти связи должна вести только ко вреду какъ цѣлаго, такъ и частей его, и задерживать успѣшный прогрессивный ходъ развитія въ духовномъ и матеріяльномъ отношеніи, и слѣдовательно не можетъ быть терпима безъ нарушенія священнѣйшихъ обязанностей, лежащихъ на мнѣ передъ моими народами. Равная защита да будетъ даруема всѣмъ племенамъ и землямъ моей монархіи на равныхъ правахъ и равныхъ обязанностяхъ да соединятся они съ братскимъ единодушіемъ въ могущественное цѣлое. При разсужденіи о государственныхъ финансахъ, взвѣсьте потребности могущества имперіи и старайтесь въ то же время о возможной внимательности къ интересамъ платящихъ подати; вы убѣдитесь, что уже теперь, хотя экономія въ государственномъ хозяйствѣ не можетъ сейчасъ же оказать полное дѣйствіе, во всѣхъ вѣтвяхъ администраціи произведены не малозначительныя сбереженія, между тѣмъ какъ одновременно съ этимъ доходы, вообще говоря, возвысились (1); если мы будемъ идти впередъ по этому пути съ энергіей и постоянствомъ, и успѣшно совершимъ предпринятыя мною реформы во внутреннемъ управленіи, и если какія-нибудь чрезвычайныя событія не явятся препятствіемъ, то я твердо надѣюсь на возстановленіе равновѣсія между потребностями и средствами ихъ покрытія. Счастіе моихъ народовъ есть цѣль, къ которой я постоянно стремлюсь; развитіе внутренняго благосостоянія и внѣшняго могущества есть задача, которой рѣшенію я посвящаю мою неусыпную заботу. Въ этихъ стремленіяхъ вы и всѣ мои вѣрные подданные соединены со мной. Да даруетъ благословеніе Всемогущаго счастливый исходъ этому нашему соединенному дѣлу!»

---

(1) Это обстоятельство нельзя, впрочемъ, считать особенно радостнымъ: возвышеніе государственныхъ доходовъ произошло отъ косвенныхъ податей, а эти подати увеличились отъ искусственнаго усиленія потребленія, вслѣдствіе избытка бумажныхъ денегъ. Возрастаніе косвенныхъ податей не можетъ поэтому считаться хорошимъ признакомъ и скорѣе должно вести къ заключенію, что народный капиталъ быстро потребляется.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ Русскаго Вѣстника*, и помѣщена, какъ замѣчено редакціей газеты, въ интересѣ гласности. Побужденіе весьма естественное и весьма похвальное въ редакторѣ газеты, хотя бы и казенной. Гласность есть, безъ сомнѣнія, дѣло полезное. Она выводитъ на свѣтъ клеветы и сплетни, которыя плодятся во всякой общественной средѣ, и даетъ такимъ образомъ возможность изобличать и опровергать ихъ. *Московскія Вѣдомости* могли бы сказать въ своемъ примѣчаніи, что помѣщеніемъ этой статьи онѣ имѣли въ виду оказать услугу *Русскому Вѣстнику*, и мы бы очень охотно повѣрили имъ, по крайней мѣрѣ вполнѣ согласились бы съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего на свѣтѣ, сколько-нибудь обращающаго на себя вниманіе, что̀ не возбуждало бы неблагопріятныхъ слуховъ, выдумокъ и клеветъ. Пока слухи остаются слухами и переходятъ изъ дома въ домъ, изъ устъ въ уста, нѣтъ предѣла ихъ развитію. Печать, напротивъ, все отрезвляетъ, все приводитъ въ должные размѣры, и нелѣпая клевета, вздорная выдумка, иногда не требуетъ никакихъ опроверженій и изобличается сама собою, появляясь въ печати, если только публика привыкла къ гласности, не пугается печатныхъ объясненій какъ скандаловъ, и не предпочитаетъ имъ тихихъ разговоровъ, какъ бы ни были они дѣйствительно скандалезны. Вотъ почему мы думаемъ, что редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* оказалъ намъ услугу, напечатавъ сказаніе о *нашихъ дѣяніяхъ*: всѣ обвиненія, высказанныя въ печатной статьѣ, непремѣнно ходили бы въ обществѣ, въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ слуховъ, съ разными дополненіями и украшеніями,—говоримъ непремѣнно, потому что, какъ оказалось, есть люди очень заинтересованные нами и нашими дѣяніями. Теперь эти обвиненія собраны, тщательно сгруппированы, весьма игриво изложены, и сами подлежатъ суду какъ публики, такъ и обвиняемыхъ лицъ. То, что̀ было бы для редакціи *Русскаго Вѣстника* таинственнымъ иксомъ, становится теперь величиной опредѣленной, которую можно и взвѣсить, и разложить на составные элементы.

Впрочемъ, главная мысль обвинительной статьи, общій фактъ, господствующій въ ней надъ всѣми частностями, такъ поразите-

ленъ, такъ чудовищенъ, такъ невозможенъ, что едвали бы могъ ожидать себѣ успѣха даже на путяхъ непечатной гласности.

Вотъ этотъ фактъ, обнародованный *Московскими Вѣдомостями* въ интересѣ гласности: редакторъ журнала, именно *Русскаго Вѣстника*, обращается съ лицами, помѣщающими статьи свои въ этомъ журналѣ, какъ начальникъ съ подчиненными, какъ правитель канцеляріи съ писцами, какъ азіятскій деспотъ съ своими подданными. Тутъ начало и тутъ заключеніе. Въ этомъ главная идея, которая доказывается и развивается въ статьѣ.

Русскій Вѣстникъ издается уже не первый годъ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* участвовали и участвуютъ своими трудами лица, принадлежащія къ числу лучшихъ дѣятелей нашей литературы, и не одни литераторы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, но и лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ сферамъ, отличающіяся и дарованіями, и самостоятельнымъ образомъ мыслей, и нравственнымъ достоинствомъ. Спрашивается, вѣроятно ли, чтобъ эти лица не только согласились выносить подобныя отношенія къ какой бы то ни было редакціи въ продолженіи многихъ лѣтъ или даже одного года и одного мѣсяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобныхъ отношеній? Нашъ обвинитель изображаетъ насъ надменными, не заслуживающими довѣрія всезнайками, и съ другой стороны указываетъ на сотрудниковъ, которые, все это видя и зная, все это претерпѣвая на себѣ, несутъ однако терпѣливо ненавистное иго и съ благочестивымъ смиреніемъ *кормятъ* (sic) трудами своими нашъ журналъ. Авторъ статьи доказываетъ слишкомъ много, и доказательство его никуда не годится. Фантазія его такъ ни съ чѣмъ не сообразна, такъ противорѣчитъ здравому смыслу, что разрушается сама собою и не годилась бы даже для сплетни, не только для печатной гласности. Чтобы дать этой фантазіи какой-нибудь смыслъ, надобно ограничить ея размѣры, надобно допустить, что не всѣ, а лишь нѣкоторые сотрудники *Русскаго Вѣстника* находятся въ томъ жалкомъ положеніи, какое изображаетъ широкая кисть автора статьи. Если бы нашлись такіе люди, то они дѣйствительно заслуживали бы сожалѣніе, или лучше сказать, они заслуживали бы такое жалкое положеніе. Всѣ выходки, всѣ обвиненія противъ редакціи, собранныя авторомъ статьи, падали бы собственно на этихъ несчастныхъ. Чѣмъ хуже деспотъ, тѣмъ презрѣннѣе подданные, которые несутъ его иго. Несмотря на тонъ нѣкотораго забіячества и развязности, многимъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно показалось въ этой статьѣ какое-то непріятное раболѣпство, послышались какіе-то отголоски ропота, неприличнаго свободному человѣку.

Мы не судьи собственной нашей личности. Но допустимъ, что мы, дѣйствительно, одержимы бѣсомъ властолюбія и испол-

нены самыхъ дурныхъ наклонностей: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто, сознавая это, негодуя и ропща противъ насъ въ душѣ своей, поддерживалъ съ нами сношенія и оставался нашимъ сотрудникомъ. Чѣмъ могли мы прикрѣплять къ себѣ свободныхъ людей, чѣмъ могли дѣйствовать на нихъ и порабощать ихъ нашему властолюбію и самоуправству? Какъ могли бы мы проявить наши деспотическія наклонности на людяхъ, которые намъ не подвластны? Редакція журнала не есть населенное имѣніе, не есть даже канцелярія. Здѣсь отношенія совершенно свободны, никто ни отъ кого не зависитъ, и люди, которые не могутъ сойдтись между собою, могутъ разойдтись безъ всякаго препятствія и затрудненія. Если свободный ведетъ и держитъ себя по обычаю невольника, то въ этомъ виновата его собственная добрая воля или его природа.

Но редакція *Русскаго Вѣстника* ни въ комъ изъ числа лицъ, посѣщавшихъ ее и предлагавшихъ ей свои труды, не подозрѣвала и не могла подозрѣвать ничего подобнаго. Она не имѣла сотрудниковъ обязательныхъ. Къ тому же, кромѣ *Русскаго Вѣстника*, на Руси, слава Богу, есть много другихъ журналовъ. *Русскій Вѣстникъ* не принадлежитъ даже къ числу привилегированныхъ изданій, пользующихся монополіей. Отношенія его редакціи къ своимъ сотрудникамъ могутъ быть основаны лишь на взаимномъ довѣріи и уваженіи; коль скоро то и другое исчезаетъ съ какой бы то ни было стороны, отношенія прерываются сами собою.

Между лицами, содѣйствующими намъ въ трудѣ, есть многія, съ которыми мы соединены давнею личною пріязнію или сходствомъ образа мыслей, если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ,—лица, которыхъ содѣйствіемъ и дружбой мы дорожимъ, и которыя сами могутъ судить, въ какой мѣрѣ редакція заслуживаетъ ихъ уваженія и довѣріе. Она обращаетсе къ нимъ за указаніями и совѣтами, а равно и они не отказываются принимать ея совѣты. Безъ такого взаимнодѣйствія и обоюднаго довѣрія, не возможна никакая общественная дѣятельность.

Редакція *Русскаго Вѣстника* выше всего ставила свободу своего изданія. Она никогда не желала дѣлать его исключительнымъ органомъ какого-нибудь кружка. По возможности, она давала на своихъ страницахъ просторъ разнымъ мнѣніямъ, иногда болѣе или менѣе одностороннимъ, стараясь, сколько дозволяли ей силы и пособіе ближайшихъ сотрудниковъ, уравновѣшивать односторонности и возстановлять въ теченіи времени воззрѣнія болѣе цѣльныя. По вопросамъ, имѣвшимъ особенную важность, когда дозволялось публичное обсужденіе ихъ, она въ интересѣ

дѣла принимала статьи самыя разнородныя, отвергая только явно нелѣпое. Иногда редакція можетъ печатать даже и то, что радикально противорѣчитъ ея собственнымъ воззрѣніямъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы воззрѣнія, противоположныя основнымъ началамъ журнала, были развиты обстоятельно, съ представленіемъ доказательствъ и доводовъ, допускающихъ прямой и открытый споръ. Редакція *Русскаго Вѣстника* не затруднится напечатать дѣльное возраженіе на свои мнѣнія, если, разумѣется, не будетъ предвидѣть, что внѣшнія обстоятельства воспрепятствуютъ ей опровергать это возраженіе, но она имѣетъ право требовать, чтобы возраженіе было сдѣлано прямо, а не состояло въ косвенныхъ и замаскированныхъ протестахъ, высказываемыхъ мимоходомъ и голословно. Такихъ косвенныхъ заявленій разномыслія редакція не можетъ оставить безъ немедленной оговорки.

Журналъ не сборникъ; главное достоинство журнала заключается въ единствѣ направленія; обязанность редакціи состоитъ въ томъ, чтобы присутствіе ея было видно повсюду въ ея изданіи. Редакція *Русскаго Вѣстника* постоянно имѣла въ виду эту обязанность и всегда будетъ исполнять ее, на сколько станетъ силъ. Вполнѣ сознавая свои обязанности относительно нашихъ сотрудниковъ, мы никогда не позволимъ себѣ пренебрегать нашими обязанностями относительно самаго дѣла и относительно публики. Намъ указываютъ на обычаи западныхъ журналовъ. Но въ Англіи вошло въ обычай не подписывать именъ авторовъ подъ журнальными статьями, и потому тамъ совершенно сливаются авторы статей съ редакціей періодическаго изданія. Во Франціи одинъ журналъ, *Revue des Deux Mondes*, особенно отличается единствомъ направленія и извѣстною высотой уровня всѣхъ статей, въ немъ помѣщаемыхъ; но намъ также очень хорошо извѣстно, какихъ тяжкихъ трудовъ стóитъ это редакціи. Трудъ редакціи журнала, издаваемаго въ Россіи, безъ сомнѣнія, еще тяжелѣе, если редакція хочетъ вести дѣло съ яснымъ сознаніемъ своего долга.

Нерѣдко редакція *Русскаго Вѣстника*, какъ и всякаго журнала у насъ, дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія въ статьяхъ сотрудниковъ; къ этому бываетъ она вынуждаема обстоятельствами, которымъ вообще подчинена у насъ литература, или же поступаетъ такимъ образомъ въ интересѣ дѣла, за которое несетъ отвѣтственность передъ публикой, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, основываясь на предполагаемомъ или прямо изъявленномъ согласіи автора. Если согласія не было, или если редакція ошиблась въ своемъ предположеніи, или не оправдала довѣрія автора, — тогда несетъ она отвѣтственность передъ авторомъ, но только передъ нимъ, и не передъ кѣмъ болѣе.

Всегда и вездѣ между людьми возможны недоразумѣнія, ошибки и споры. Редакція журнала не избавлена отъ этой общей участи. Въ ней, какъ и вездѣ, возможны всякаго рода недоразумѣнія, но пока эти недоразумѣнія остаются дѣломъ личнымъ, никто изъ постороннихъ, не призванный самими партіями, не можетъ въ нихъ вмѣшиваться и быть ихъ судьею.

Редакція *Русскаго Вѣстника* однажды навлекла на себя печатный протестъ со стороны одного изъ своихъ сотрудниковъ. Случай этотъ былъ намъ тѣмъ прискорбнѣе, что протестъ былъ сдѣланъ лицомъ, съ которымъ издавна находились мы въ самой искренней пріязни и къ которому доселѣ сохраняемъ полное уваженіе, несмотря на его выходку, поразившую насъ своею неожиданностію. Мы говоримъ о протестѣ г. Благовѣщенскаго. Во всемъ сказаніи о нашихъ дѣяніяхъ, помѣщенномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, это единственный пунктъ, необходимо требующій отъ насъ серіознаго объясненія. Но *Московскія Вѣдомости*, при всемъ желаніи ихъ быть органомъ гласности относительно *Русскаго Вѣстника*, опоздали заявленіемъ этого случая. Г. Благовѣщенскій протестовалъ въ *Сборникѣ с.-петербургскихъ студентовъ*, вышедшемъ въ декабрѣ прошлаго года. Рѣчь идетъ о статьѣ его, помѣщенной у насъ подъ заглавіемъ *Ювеналъ*, и перепечатанной въ упомянутомъ сборникѣ, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Лекціи о Ювеналѣ уже были помѣщены въ № 19 *Русскаго Вѣстника* (1859 г.), но съ пропусками, на которые авторъ, однако, не уполномочилъ редакцію означеннаго журнала. Пользуясь выходомъ въ свѣтъ втораго выпуска *Сборника*, издаваемаго студентами с.-петербургскаго университета, авторъ счелъ не лишнимъ снова напечатать свой трудъ въ первоначальномъ его видѣ».

Итакъ протестъ г. Благовѣщенскаго былъ уже предметомъ гласности, и *Московскимъ Вѣдомостямъ* оставалось въ этомъ случаѣ дѣйствовать только въ интересѣ суда и оцѣнки. Онѣ исполнили это краснорѣчивымъ развитіемъ лаконическаго примѣчанія, сдѣланнаго самимъ г. Благовѣщенскимъ. Онѣ приличнымъ образомъ дополнили и украсили смыслъ этого примѣчанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился протестъ г. Благовѣщенскаго, прошло около полугода, и несмотря на сознаніе своей правоты, которая давала намъ возможность отвѣчать на этотъ протестъ удовлетворительнымъ образомъ, мы сочли однако за лучшее не поднимать публичнаго объясненія и дождаться случая лично объясниться съ г. Благовѣщенскимъ, чтобъ устранить возникшее между нами недоразумѣніе. Мы предпочли лучше остаться безъ оправданія нежели публично укорять человѣка, пріязнію котораго мы всегда особенно дорожили. Но теперь,

когда явились люди, взявшіе на себя обязанность повторить въ усиленномъ видѣ этотъ протестъ, и выставить его въ примѣръ нашего образа дѣйствій вообще, мы считаемъ долгомъ своимъ объяснить дѣло во всей подробности.

Наши отношенія къ г. Благовѣщенскому всегда были таковы, что какъ мы могли съ полнымъ довѣріемъ отдавать на его просмотръ наши труды, такъ и онъ могъ это дѣлать и дѣлалъ. Г. Благовѣщенскій всегда изъявлялъ намъ изустно и письменно самое полное довѣріе, и видѣлъ въ насъ не просто посредниковъ между авторомъ и типографіей, но посредниковъ между имъ и публикой, людей расположенныхъ и способныхъ вникнуть въ сущность дѣла и подать добрый совѣтъ. Еслибъ онъ даже не сопровождалъ свою послѣднюю статью, подавшую поводъ къ протесту, никакимъ новымъ изъявленіемъ своего довѣрія, еслибъ онъ прислалъ ее безъ всякаго письма, или съ простымъ желаніемъ, чтобъ она была напечатана въ нашемъ журналѣ, то и тогда мы имѣли бы право, основываясь на свойствѣ нашихъ постоянныхъ отношеній, сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, какія показались бы намъ нужными въ интересѣ самой статьи. Разумѣется, статьи ученаго, какъ г. Благовѣщенскій, не могутъ требовать какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Все, что дружеская и внимательная рука можетъ измѣнить въ нихъ, ограничивается лишь какими-нибудь внѣшностями редакціи, или какими-нибудь тонкостями, мало интересными для неспеціалистовъ, наконецъ нѣкоторыми случайностями, часто болѣе замѣтными для посторонняго глаза чѣмъ для самого автора. Только такого рода посредничество и возможно въ статьяхъ г. Благовѣщенскаго; только такого рода посредничество мы и позволили себѣ, при напечатаніи статьи его о Ювеналѣ, основываясь, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не только на свойствѣ нашихъ постоянныхъ отношеній къ автору, но и на прямомъ приглашеніи его. Мы не считаемъ себя въ правѣ приводить здѣсь мѣста изъ его писемъ къ намъ, сопровождавшихъ статью о *Ювеналѣ*. Частное письмо есть дѣло святое передъ какимъ бы то ни было интересомъ, даже передъ интересомъ гласности. Но мы имѣемъ полное право сослаться на письма, когда само лицо, писавшее ихъ, дало поводъ заподозрить насъ въ нарушеніи его довѣрія. А потому, не цитуя ничего изъ писемъ, мы можемъ сказать только, что ими вполнѣ подтверждалось всегдашнее довѣріе г. Благовѣщенскаго къ намъ, что онъ поручалъ нашему вниманію тѣ мѣста въ своей статьѣ, которыми особенно дорожилъ, и даже предоставлялъ намъ окончательную редакцію ихъ. Г. Благовѣщенскій говоритъ, впрочемъ, не объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ редакціей, а о пропускахъ, на которые она не была уполномоче-

на. Но пропуски, которые были нами сдѣланы, вызваны были общими правилами, которымъ слѣдуетъ редакція. Эти пропуски не заключали въ себѣ ничего существеннаго. Самый большой пропускъ, самое значительное изъ пропущенныхъ мѣстъ, есть вступленіе; но г. Благовѣщенскій, въ письмѣ своемъ, давалъ намъ полное право печатать или не печатать его по нашему усмотрѣнію. Статья его состояла изъ двухъ лекцій, читанныхъ имъ публично. Онъ доставилъ ихъ намъ какъ статью, и ни разу не изъявлялъ желанія, чтобъ онѣ были напечатаны въ формѣ лекцій; напротивъ, посвященіе памяти Д. И. Мейера, надписанное имъ самимъ на рукописи, показывало, что онъ самъ смотрѣлъ на нее болѣе какъ на статью, чѣмъ какъ на лекціи. Вступленіе заключало въ себѣ обращеніе къ аудиторіи, и устранивъ его, мы сочли гораздо болѣе приличнымъ для журнала и лучшимъ для самой статьи напечатать ее именно какъ статью, а не какъ лекціи. Мы должны были сдѣлать это тѣмъ болѣе, что не желали раздѣлять статью на двѣ книжки. Вторая лекція заключала въ себѣ припоминанія и указанія на предметъ первой лекціи съ нѣкоторыми дополненіями. Въ лекціяхъ, произнесенныхъ порознь, это было у мѣста, равно какъ были у мѣста переходы отъ одной матеріи къ другой въ формѣ личныхъ обращеній; но при соединеніи лекцій въ одну книжку и въ одну статью, это прежде всего повредило бы самой статьѣ, и мы сочли нужнымъ одни изъ этихъ мѣстъ выпустить, другія слегка измѣнить. Что мы поступали при этомъ очень осмотрительно, доказывается вторымъ изданіемъ лекцій г. Благовѣщенскаго: несмотря на то, что онъ печаталъ ихъ уже не въ формѣ статьи, а въ формѣ лекцій, онъ удержалъ многія изъ сдѣланныхъ нами измѣненій, а мѣста, выпущенныя нами, по большей части, нашелъ нужнымъ переработать; онъ самъ замѣтилъ, что сказанное изустно требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій, когда имѣются въ виду не слушатели, а читатели. Мы позволили себѣ, кромѣ того, для облегченія читателей, раздѣлить статью римскими цыфрами на три главы. Спрашивается, подавало ли все это поводъ къ протесту? Вызванные на публичную защиту нашихъ дѣйствій, мы не можемъ не замѣтить, что если г. Благовѣщенскій забылъ о томъ довѣріи, которое изъявлялъ онъ намъ въ своихъ письмахъ, если онъ счелъ рѣшительно необходимымъ протестовать противъ насъ публично, то ему по крайней мѣрѣ слѣдовало дѣйствительно возстановить статью въ первоначальномъ видѣ и отказаться отъ всего того, что внесла въ нее редакція *Русскаго Вѣстника*. Онъ потребовалъ отъ насъ свою рукопись, по которой, вѣроятно, и сдѣлано было второе изданіе статьи въ *Сборникѣ*. Зачѣмъ же въ этомъ второмъ изданіи, представляющемъ статью, какъ сказано въ примѣчаніи автора, *въ пер-*

воначальномъ видѣ, снова появились многіе слѣды нашей редакціи, что̀ легко могли бы мы доказать, еслибы то потребовалось?

Мы не хотимъ упрекать г. Благовѣщенскаго. Мы приписываемъ его протестъ какому-нибудь случайному увлеченію. Статья *Московскихъ Вѣдомостей* заявила весьма интересный фактъ (едва ли не единственный въ этой статьѣ, имѣющій значеніе въ интересѣ гласности), именно то, что и въ литературныхъ кругахъ есть люди, занимающіеся всякаго рода сплетнями, или дѣлающіе *изслѣдованія*, какъ выражается авторъ этой статьи, говоря о своихъ пригоговленіяхъ къ ней. Мудрено ли, что люди подобнаго разбора, вездѣ неизбѣжные, замѣшались и въ этомъ случаѣ, чтобъ испортить отношенія совершенно чистыя и ясныя?

Перейдемъ къ другому. Намъ приводятъ въ укоръ замѣчанія, сдѣланныя нами на статью г. Утина: *Очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ въ Англіи*, напечатанную въ №№ 5 и 6 *Русскаго Вѣстника*. Намъ кажется, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, имѣемъ ли мы право заявлять наше мнѣніе въ случаѣ несогласія съ кѣмъ-либо изъ авторовъ или отклонять отъ себя отвѣтственность за показанія, дѣлаемыя въ нашемъ журналѣ, которыя считаемъ ошибочными. Мы имѣемъ право на это, какъ имѣемъ право допустить на страницахъ своего журнала изложеніе мнѣній, несогласныхъ съ нашими. Въ пользованіи этимъ правомъ мы не обязаны отдавать отчета; авторъ можетъ быть недоволенъ этимъ, но не можетъ отнять у редакціи этого права. Г. Утинъ и не протестовалъ противъ нашихъ замѣчаній. Онъ помѣстилъ въ другомъ журналѣ статью по ихъ поводу, въ которой развиваетъ свои мысли относительно одного изъ спорныхъ вопросовъ.

Мы напечатали статью г. Утина съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ условій, на которыхъ онъ намъ передалъ ее. Мы не имѣли права исключать что-либо изъ текста его статьи; намъ оставалось только, въ исполненіе нашей обязанности передъ публикой, отклонить отъ себя, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, отвѣтственность за тѣ мѣста, которыя казались намъ неточными въ фактическомъ отношеніи или несогласными съ основаніями нашего журнала. Эти мѣста касались, впрочемъ, предметовъ постороннихъ для главной темы статьи, менѣе чѣмъ второстепенныхъ въ ней, но существенныхъ для нашего журнала, и состоятъ изъ весьма немногихъ строкъ. Намъ было очень пріятно передать публикѣ статью основательную и дѣльную, намъ было также пріятно послужить органомъ того направленія, которое вообще высказывается въ этой статьѣ, но тѣмъ непріятнѣе было намъ разногласіе съ авторомъ по другому пункту, именно по вопросу о мировыхъ судьяхъ, о которомъ вовсе могло не быть рѣчи въ этой

статьѣ, безъ всякаго для нея ущерба. Если бы кто-нибудь доставилъ намъ статью о мировыхъ судьяхъ въ Англіи, написанную отъ начала до конца съ точки зрѣнія, совершенно противорѣчащей всему тому, что̀ было высказано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* объ этомъ важномъ въ настоящее время предметѣ, и еслибъ эта статья, при всей ея односторонности, была написана обстоятельно, съ полнымъ развитіемъ вопроса и съ доказательствами, то мы, въ интересѣ всесторонняго разъясненія дѣла, могли бы напечатать ее у себя, не сопровождая ея съ нашей стороны никакими подстрочными примѣчаніями, кромѣ простаго заявленія, что мы несогласны съ ея основаніями; но мы были бы тогда обязаны отвѣчать на статью статьей, чтобы возстановить въ нашей публикѣ тотъ взглядъ на дѣло, который считаемъ правильнымъ. Въ статьѣ же г. Утина мѣста, противорѣчащія направленію нашего журнала, являются какъ бы прибавками, замѣчаніями, высказанными мимоходомъ, безъ доказательствъ и развитія, основанными только на его личномъ авторитетѣ. Читатели могли принять эти мѣста за какой-то протестъ противъ направленія журнала, проскользнувшій на его же страницахъ по небрежности или безхарактерности редакціи. Авторъ не далъ намъ права исключить эти немногія строки, и мы не могли оставить ихъ безъ немедленнаго возраженія.

Мы никогда не утверждали, чтобы мировая юстиція была институтомъ, не подлежащимъ развитію и усовершенствованію. Утверждать это было бы нелѣпостію. Въ мірѣ то только и хорошо, что̀ подлежитъ развитію и совершенствованію. Полнаго совершенства нѣтъ нигдѣ. Различіе состоитъ только въ томъ, что одно можетъ совершенствоваться, можетъ идти впередъ и улучшаться, другое не можетъ. Система самоуправленія, какъ она выражается въ институтѣ мировыхъ судей, можетъ подлежать разнымъ реформамъ и улучшаться, приходя въ большее соотвѣтствіе съ своимъ собственнымъ назначеніемъ, а система противоположная, система бюрократизма, можетъ улучшаться только снаружи, и не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ внутренняго развитія. Съ этой точки зрѣнія мы всегда смотрѣли на мировую юстицію въ Англіи. Мы не можемъ понять, чтобы въ Англіи когда-нибудь было возможно министерство юстиціи, какъ административная власть, надзирающая за отправленіемъ правосудія и контролирующая судей въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ статьѣ г. Утина была въ этомъ отношеніи неясность, которая легко могла бы быть устранена, еслибы мы имѣли на то право отъ автора. Онъ говоритъ, что въ прошедшемъ году былъ внесенъ билль объ образованіи такого министерства. Мы знаемъ, что этого не было, а была и теперь есть рѣчь объ учрежденіи особаго департамента юстиціи для болѣе дѣятель-

ной и успѣшной кодификаціи статутовъ, при чемъ имѣется въ виду что особенный правительственный департаментъ гораздо болѣе можетъ удовлетворять этой цѣли и подлежать гораздо большей отвѣтственности передъ парламентомъ нежели простая королевская коммиссія для пересмотра и соглашенія этихъ статутовъ. Мы не могли также согласиться, чтобы при отсутствіи сословныхъ различій можно было допускать антагонизмъ между владѣющими и невладѣющими классами. Есть, безъ сомнѣнія, въ институтѣ мировой юстиціи нѣкоторые пункты, требующіе улучшенія и реформъ, желательно, чтобы сфера суммарной процедуры, впрочемъ расширяемая парламентомъ не въ интересѣ судей, а въ интересѣ публики, ограничивалась дѣлами, которыя не требуютъ гарантій формальнаго производства; желательно, наконецъ, чтобы рабочіе классы пріобрѣтали и бо́льшій досугъ, и бо́льшую способность контролировать дѣйствія мировыхъ судей и принимать участіе въ общественномъ мнѣніи.

Телеграфическая депеша извѣщаетъ, что билль парламентской реформы взятъ назадъ министерствомъ, чего впрочемъ можно было ожидать, судя по недостаткамъ этого билля и по равнодушію, съ какимъ онъ былъ встрѣченъ страной; но реформа стоитъ на очереди, и рано или поздно должна будетъ совершиться. Тогда значительнѣйшая часть рабочихъ классовъ пріобрѣтетъ политическія права, участіе въ управленіи страной, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанность служить присяжными, обязанность, которая выше всякаго права. Положеніе не владѣющихъ классовъ станетъ при этомъ еще обезпеченнѣе относительно администраціи. Общественное мнѣніе цѣлой страны, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ слѣдить за мелкими и безчисленными случаями въ практикѣ мировой юстиціи; но за ними слѣдитъ контроль мѣстнаго народонаселенія, который будетъ и дѣйствительнѣе и зорче при расширеніи политической льготы. Мы знаемъ, что въ Англіи сословіе юристовъ не прочь забрать въ свои руки мировую юстицію. Они осуждаютъ ее съ своей точки зрѣнія и пользуются для этой цѣли всѣми ея недостатками, выставляя ихъ на видъ, и намекая на то, что формальные юристы могутъ лучше отправлять это дѣло нежели люди, спеціяльно не приготовленные къ нему. Впрочемъ, юристы, въ своей полемикѣ, сколько намъ извѣстно, не указываютъ въ этомъ отношеніи на антагонизмъ между владѣющими и не владѣющими классами а требуютъ лишь того, чтобы мировыми судьями были преимущественно люди, получившіе спеціяльно-юридическое образованіе, и подвергались предварительному испытанію. Вотъ крайняя точка, до которой въ Англіи доходятъ парціяльные противники этого института; они желаютъ только, чтобъ онъ принялъ въ себя въ большей степени юридическій элементъ. Это отчасти и происходитъ. На фиг-

ter sessions почти вездѣ засѣдаетъ спеціальный юристъ, служащій на жалованьи отъ мировыхъ судей. Съ упрощеніемъ и соглашеніемъ статутовъ, юридическая обязанность мировыхъ судей будетъ становиться легче и опредѣленнѣе. А ихъ административныя обязанности будутъ все болѣе и болѣе ограничиваться въ своемъ объемѣ по мѣрѣ развитія экономической свободы. Вотъ уже и теперь, благодаря бюджету г. Гледстона, они лишились права давать разрѣшенія (licenses) на продажу крѣпкихъ напитковъ. Право это упразднено тѣмъ, что отнынѣ не будетъ надобности просить на это особаго разрѣшенія, а всякій можетъ заниматься этою торговлей по уплатѣ установленной пошлины. Дѣло въ началахъ и духѣ политическихъ учрежденій, а не въ случайныхъ и временныхъ недостаткахъ, которые уничтожаются дальнѣйшимъ развитіемъ.

Мы очень уважаемъ г. Утина какъ основательнаго ученаго, отъ котораго наша наука можетъ ожидать много истинной пользы. Наше уваженіе не уменьшится, если онъ перенесетъ свою дѣятельность въ другой журналъ; равно какъ и онъ, на вѣрное, не захотѣлъ бы посягнуть на независимость нашего мнѣнія, въ случаѣ, еслибы продолжалъ ее въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Но гг. Благовѣщенскій и Утинъ не составляютъ главнаго предмета изобличительной статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Не они послужили поводомъ къ этой статьѣ: г. Благовѣщенскій сдѣлалъ свой протестъ, какъ мы сказали, назадъ тому болѣе четырехъ мѣсяцевъ и не вызвалъ тогда со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* никакого пояснительнаго слова въ интересѣ гласности, а г. Утинъ не дѣлалъ никакого протеста. Вся статья, какъ очевидно для публики, написана лишь по поводу объясненій, происходившихъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* между г-жою Евгенію Туръ и редакціей. Апологія г-жи Евгеніи Туръ есть единственный предметъ и единственный поводъ къ горячей атакѣ противъ *Русскаго Вѣстника*. Прочее понадобилось только для эффекта. Но авторъ желаетъ скрыть это. Онъ не хочетъ, чтобы видѣли въ немъ защитника г-жи Евгеніи Туръ. Онъ говоритъ очень игриво: «Мы вовсе не думаемъ защищать здѣсь г-жу Евгенію Туръ. Мы никакъ не желаемъ выступать въ роли средневѣковаго рыцаря, и ломать копье съ редакціей *Русскаго Вѣстника* за оскорбленную и угнетенную даму. Мы не чувствуемъ къ этому никакого призванія. Мы не получали отъ г-жи Туръ ни голубой, ни зеленой, ни розовой ленты.» Къ чему эти цвѣтистыя и настойчивыя увѣренія? Зачѣмъ эти розовыя и зеленыя ленты? Почему автору отказываться отъ этого призванія, когда вся статья, всѣми своими подробностями, направлена лишь къ этой цѣли? Вообще въ немъ замѣтна нѣкоторая юношеская неопыт-

ность. Онъ развертываетъ фаланги своихъ троповъ и фигуръ, и такъ увлекается ими, что забываетъ планъ кампаніи и не помнитъ, что оставилъ за собой, и чего хочетъ впереди. Для возвышенія эффекта онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ, дѣлающимъ честь его остроумію, и къ разнымъ гиперболамъ, свидѣтельствующимъ о пылкости его фантазіи. Но и въ гиперболѣ долженъ быть складъ и ладъ, и фантазія не должна противорѣчить здравому смыслу. Въ серединѣ статьи онъ утверждаетъ, что совершенно равнодушенъ къ дѣлу г-жи Евгеніи Туръ, онъ посторонній зритель, онъ безпристрастный судья; онъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ лишь въ интересѣ гласности. Но увлекшись своимъ многословіемъ, онъ забылъ, начало своего эпическаго сказанія, свой приступъ, изъ котораго выходитъ противное. Вотъ этотъ великолѣпный приступъ:

«... 4 мая нынѣшняго года, говоритъ онъ, на поляхъ Современной Лѣтописи *Русскаго Вѣстника* произошла кровавая битва. Кичливый подданный дерзнулъ поднять противъ своего властителя знамя возстанія. Могучій властитель запылалъ гнѣвомъ и вывелъ противъ мятежника свои военныя силы, закаленныя во многихъ сраженіяхъ подобнаго рода. Офиціальныя извѣстія говорятъ о блистательной побѣдѣ. Гонцы счастливаго властелина разносятъ на всѣ стороны молву о новомъ громоносномъ его подвигѣ. Полуофиціальные сателиты его увѣряютъ, что строптивый мятежникъ совершенно *уничтоженъ*. Толпа, любящая всегда сильные удары, рукоплещетъ и ликуетъ о побѣдѣ. Посреди этихъ всеобщихъ ликованій, посреди поздравительныхъ адресовъ отъ разныхъ классовъ, побѣдитель покоится на лаврахъ и вкушаетъ сладкій нектаръ торжества. Онъ смотритъ съ гордостію на свое дѣло, увѣренный, что такое жестокое наказаніе упрочитъ навсегда его власть, послужитъ спасительнымъ примѣромъ для другихъ непокорныхъ подданныхъ, и что съ этихъ поръ въ государствѣ *Русскаго Вѣстника* царствовать будетъ тишина и порядокъ. Мы были далеко, когда дошли до насъ первые слухи объ этихъ важныхъ событіяхъ. Опытъ послѣднихъ годовъ, частое появленіе политическихъ и военныхъ *утокъ*, пріучило насъ къ нѣкоторой недовѣрчивости насчетъ извѣстій о современныхъ событіяхъ, особенно насчетъ извѣстій о разныхъ побѣдахъ. Невольно пришло намъ въ голову подозрѣніе: не распустилъ ли этихъ слуховъ тотъ самый Татаринъ, который извѣстилъ Европу о взятіи Севастополя? Желая имѣть болѣе точныя свѣдѣнія, *мы поспѣшили на театръ войны*. Сейчасъ мы были *засыпаны градомъ офиціяльныхъ и полуофиціяльныхъ отчетовъ* о происшедшемъ. Къ несчастію, тотъ же опытъ послѣднихъ годовъ, постоянный и разочаровывающій всякаго оптимизмъ офиціяльныхъ и полуофиціяльныхъ органовъ на За-

надѣ сильно поколебалъ въ насъ вѣру въ этотъ источникъ современной исторіи. Мы рѣшились *сдѣлать собственныя изслѣдованія* и лично удостовѣриться въ исторической истинѣ фактовъ. Мы обозрѣли поле сраженія. Мы *навели справки* о силахъ и средствахъ воевавшихъ сторонъ. Мы *освѣдомились* о дальнѣйшей судьбѣ инсургента, и результатъ нашихъ *изслѣдованій* ставитъ насъ въ горькую необходимость потревожить торжествующее спокойствіе побѣдителя и разсѣять до нѣкоторой степени обольщеніе, которому онъ предается, и которое раздѣляютъ съ нимъ любители офиціяльныхъ извѣстій.»

Приведенныя выписки характеризуютъ весь тонъ статьи. Какая размашистая и вмѣстѣ съ тѣмъ неопытная фантазія! Авторъ статьи не защитникъ, не участникъ, онъ не хочетъ ломать копій. Онъ— безпристрастный судья, онъ — публика, и въ то же время онъ скачетъ издалека при первыхъ слухахъ о дѣлѣ, которое происходило не въ четырехъ стѣнахъ, а въ печати, «на поляхъ Современной Лѣтописи *Русскаго Вѣстника*», которое во всѣхъ своихъ подробностяхъ совершалось въ сферѣ гласности и находится столько же передъ публикой казанской, петербургской и одесской, сколько передъ московской; онъ скачетъ въ Москву для того, чтобы принять какія-то офиціяльныя и полуофиціяльныя донесенія, навести справки, освѣдомиться, произвести слѣдствіе.

Но, во всякомъ случаѣ, зачѣмъ же этотъ странствующій судья, этотъ новаго рода сыщикъ, не пожаловалъ къ намъ, чтобы потребовать и нашихъ показаній, по юридическому правилу: *audiatur et altera pars?*

О книгѣ *Madame Swetchine* и о статьѣ г-жи Евгеніи Туръ, по поводу этой книги, было уже слишкомъ много говорено въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Мы считаемъ излишнимъ возобновлять споръ объ этомъ предметѣ. Тотъ, кто пожелаетъ составить какое-нибудь сужденіе объ этомъ дѣлѣ, имѣетъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* всѣ относящіеся къ нему документы: и самую статью г-жи Евгеніи Туръ, и наше примѣчаніе къ ней, и послѣдовавшее затѣмъ объясненіе между ею и нами. Мы не подводили итоговъ, не выставляли себя ни побѣдителями, ни тріумфаторами, какъ фантазируетъ нашъ изобличитель. Мы вообще не придавали этому дѣлу ни малѣйшей важности и предоставили самой публикѣ судить о немъ по даннымъ, которыя у ней передъ глазами. Намъ, напротивъ, была крайне непріятна эта полемика, кто бы ни оказался въ ней правымъ, г-жа Евгенія Туръ или мы.

Московскія Вѣдомости, безъ всякаго сомнѣнія, какъ и всякое другое изданіе, властны дѣлать объ этой полемикѣ какія угодно заключенія. Мы могли бы обратить и не обратить на нихъ вниманіе, смотря по ихъ значенію. Мы не стали бы спорить съ

критикомъ, еслибъ онъ ограничился своими впечатлѣніями и сужденіями; но онъ этимъ не довольствуется: онъ искажаетъ данныя и, въ интересѣ гласности, старается представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Черпая матеріялъ изъ какихъ-то офиціяльныхъ и полуофиціяльныхъ отчетовъ и личныхъ изслѣдованій, изъ какихъ-то таинственныхъ освѣдомленій, онъ сплелъ цѣлую исторію, въ которой все своимъ происхожденіемъ обязано его плодовитой фантазіи, тому пылу, съ какимъ спѣшилъ онъ на мѣсто событій, по желѣзной дорогѣ или на почтовыхъ. Методъ его состоитъ въ томъ, чтобы множествомъ словъ, повтореніемъ въ разныхъ видахъ одной и той же мысли, всѣми тропами и фигурами, раздувать разныя подробности выше всякой мѣры, и придавать какое-то торжественное значеніе тому, что не имѣетъ никакого. Онъ начинаетъ съ примѣчанія, сдѣланнаго редакціей къ статьѣ г-жи Евгеніи Туръ, и прежде всего съ большою силой и съ возрастающимъ паѳосомъ осуждаетъ редакцію за то, что она помѣстила это примѣчаніе не въ началѣ, не въ серединѣ статьи, а въ концѣ. Въ этомъ видитъ онъ что-то мрачное, какую-то таинственную злобу. Онъ впрочемъ дозволяетъ редакціи дѣлать примѣчанія къ печатаемымъ ею статьямъ; онъ даже распространяется объ этомъ, и вообще даетъ редакціямъ журналовъ самыя значительныя льготы, забывъ, что за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ осуждалъ редакцію *Русскаго Вѣстника* за то, что она сдѣлала примѣчанія къ статьѣ г. Утина. Вотъ что говоритъ нашъ критикъ относительно примѣчаній: «Мы не отрицаемъ, что всякая редакція имѣетъ право оговариваться, если она не вполнѣ согласна съ какою-нибудь частностью помѣщаемой статьи, или, пожалуй, даже съ общимъ ея тономъ или направленіемъ. Она можетъ тогда заявить свое несогласіе въ особенномъ подстрочномъ примѣчаніи, *въ срединѣ статьи*, когда дѣло идетъ о частностяхъ, или въ *началѣ ея*, подъ заглавіемъ, когда дѣло идетъ объ общемъ тонѣ (1). Притомъ, въ избѣжаніе всѣхъ непріятностей, необходимо, чтобы редакція заявила свое разногласіе въ умѣренныхъ выраженіяхъ, не скорбительныхъ для автора. Такъ дѣлается обыкновенно въ журналахъ на Западѣ. Всякій видѣлъ тому примѣры. Если же между статьей, присланною въ журналъ, и направленіемъ его окажется слишкомъ большое разногласіе, то лучше не помѣщать ея вовсе. Это считается правиломъ въ цѣломъ мірѣ.»

Всякій, кто прочиталъ наше примѣчаніе, согласится, что оно совершенно согласуется съ этою теоріей примѣчаній, изложенною

---

(1) Для полноты слѣдовало бы ужь еще прибавить: въ самомъ текстѣ статьи и въ скобкахъ, какъ поступаютъ редакціи нѣмецкихъ журналовъ, напр. *Göttingische gelehrte Anzeigen*.

нашимъ обвинителемъ, за исключеніемъ только того, что оно попало не въ начало, не въ середину, а въ конецъ статьи. Нашъ судья не находитъ словъ для обозначенія этого дурнаго и злобнаго поступка. «Это, говоритъ онъ, имѣетъ видъ какого-то guet-apens, какого-то капкана, какой-то западни, и для автора, и даже для читателя.» Спрашиваемъ, можно ли въ спокойномъ духѣ не только напечатать, но даже сказать подобную несообразность? Можно ли основать хоть какое-нибудь обвиненіе на этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ? Въ немъ можно видѣть неловкость, неудобство,—неудобство больше для редакціи, принужденной сдѣлать въ концѣ, чего не успѣла сдѣлать въ началѣ, нежели для читателей и для автора; но есть ли смыслъ придавать ему хоть какое-нибудь значеніе, и ставить на него, какъ на твердое основаніе, обвиненіе въ какой-то утонченной злобѣ? Можно ли серіозно утверждать, что какая бы то ни было замѣтка можетъ повредить статьѣ, смотря потому, гдѣ она напечатана, на первой или на послѣдней страницѣ? Впрочемъ, нашъ судья не ограничивается этимъ обстоятельствомъ. Онъ находитъ, что замѣтка редакціи и своимъ содержаніемъ, и своими выраженіями нарушаетъ всѣ правила, соблюдаемыя въ подобныхъ случаяхъ. Не приводя собственныхъ выраженій замѣтки, онъ суммарно и отъ самого себя передаетъ ея смыслъ и силу. При этомъ онъ, конечно, мѣтитъ на ту часть публики, которая не имѣла случая прочесть все это дѣло въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Онъ говоритъ, что въ этой замѣткѣ редакція будто бы «*упрекаетъ* автора *въ недобросовѣстности*, показываетъ, что *статья его никуда не годится*, изъявляетъ разныя свои сожалѣнія, говоритъ разныя назидательныя вещи объ обязанностяхъ критика и *оканчиваетъ ядовитымъ, но до сихъ поръ еще не употребительнымъ въ литературѣ намекомъ на религіозный индифферентизмъ автора, на равнодушіе его къ религіознымъ интересамъ.*»

Читатели наши могли бы заглянуть въ ту книжку, гдѣ напечатана эта замѣтка. Но мы позволимъ себѣ облегчить имъ этотъ трудъ, и привести ее здѣсь отъ слова до слова. Вотъ она:

Печатая эту интересную статью, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что не раздѣляемъ всѣхъ сужденій ея даровитаго автора. Намъ кажутся они нѣсколько односторонними и не совсѣмъ справедливыми. Можетъ-быть они вызваны, какъ реакція, чрезмѣрными восторгами поклонниковъ г-жи Свѣчиной; но если не справедлива одна крайность, то также несправедлива и другая. Статья г-жи Туръ очень интересна, но едва ли даетъ совершенно вѣрное понятіе о предметѣ, ее вызвавшемъ. Жаль, что вмѣсто мелкихъ афоризмовъ, взятыхъ изъ *Airelles*, и писанныхъ Свѣчиною еще въ 1811 году, на первой порѣ ея жизни, критикъ не выбралъ многихъ мѣстъ, напримѣръ изъ ея разсужденія: *Le progrès, la civilisation et le christianisme*. Вообще жаль, что критикъ выбралъ изъ сочиненій автора только то, что казалось ему слабымъ и могло бросить тѣнь на автора, не касаясь другихъ сторонъ, ко-

торыя могли представить его въ лучшемъ свѣтѣ или по крайней мѣрѣ дать поводъ къ серіозному обсужденію. Религіозный интересъ, если онъ искрененъ и не соединяется съ фанатизмомъ, заслуживаетъ уваженія не только во мнѣніи людей религіозныхъ, хотя бы и другихъ вѣроисповѣданій, но и во мнѣніи тѣхъ, кто къ этому интересу равнодушенъ.

Спрашивается, есть ли что-нибудь общее между нашими словами и передачей ихъ смысла въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*? Признавая общій интересъ статьи, мы замѣтили только, что въ ней есть сужденія, которыя показались намъ нѣсколько односторонними и не совсѣмъ справедливыми, и прибавили для бо́льшаго смягченія, что это произошло вслѣдствіе весьма естественной реакціи, вызванной преувеличенными восторгами поклонниковъ Свѣчиной. Мы пожалѣли только о томъ, что въ книгѣ есть кое-что, чѣмъ могъ бы воспользоваться критикъ для того, чтобы представить Свѣчину въ лучшемъ свѣтѣ. Преобладающій интересъ ея жизни и писаній есть интересъ религіозный,—и мы замѣтили, что интересъ этотъ заслуживаетъ уваженія не только во мнѣніи людей, принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ (какъ критикъ), но даже и тѣхъ, кто къ этому интересу равнодушенъ.

Почему г-жа Евгенія Туръ должна быть относима ко второму члену дилеммы, къ разряду равнодушныхъ? Мы этого не говорили и не могли сказать, потому что статья г-жи Евгеніи Туръ не подаетъ ни малѣйшаго повода къ подобному заключенію. Мы не знаемъ этой части ея убѣжденій, и еще менѣе знаемъ, что было у ней на умѣ, когда она писала свою статью. Мы знаемъ только статью, и только эту статью имѣли въ виду; впечатлѣніе же, производимое статьею, свидѣтельствуетъ не о равнодушіи, а скорѣе о нѣкоторой нетерпимости, изъ какого бы источника она ни происходила. Всякій, кто читалъ статью, согласится съ нами, что въ ней именно слышится чувство, весьма впрочемъ понятнаго неудовольствія на лицо, отказавшееся отъ своего народа и своей вѣры. Это чувство высказывается вездѣ, и оно составляло бы не порокъ, а достоинство статьи еслибы въ приложеніи своемъ оказалось справедливымъ. Это самое было развито нами и въ отвѣтѣ нашемъ на письмо г-жи Евгеніи Туръ: мы упрекали ее не въ равнодушіи, а въ излишней нетерпимости. Защитникъ, приписавъ намъ, по своему благоусмотрѣнію, ядовитый намекъ на религіозное равнодушіе, еще съ бо́льшимъ негодованіемъ, говоря о нашемъ отвѣтѣ на письмо г-жи Евгеніи Туръ, упрекаетъ насъ за то, что мы объяснили ея увлеченіе излишнею нетерпимостію. И то не хорошо, и это не хорошо; и тамъ ядъ, и здѣсь ядъ. Онъ говоритъ: «Теперь она (то-есть редакція) перемѣняетъ тактику, и упрекаетъ ее (то-есть г-жу Евгенію Туръ) въ совершенно противоположномъ—именно

въ религіозной нетерпимости, исключительности, фанатизмѣ. Редакція нашла, что эта новая тактика гораздо для нея выгоднѣе, что этотъ аргументъ гораздо удобнѣе, потому что ей можно пользоваться имъ совершенно безнаказанно, замкнуть ротъ противнику и осудить его на молчаніе. Аргументъ весьма силенъ, но тутъ между словомъ и поступкомъ редакціи такое разстояніе, какъ между небомъ и землею.»

Какая реторика и какое отсутствіе смысла! Что̀ хотѣлъ сказать онъ, говоря объ аргументѣ, которымъ можно замкнуть ротъ противнику? что̀ значитъ безнаказанно замкнуть ротъ противнику? Повторимъ, мы не сходили во глубину души г-жи Евгеніи Туръ, мы не заглядывали въ ея совѣсть, мы судили объ ея статьѣ по тѣмъ даннымъ, которыя представлялись въ ней. Можетъ-быть эти данныя не соотвѣтствуютъ внутреннему настроенію автора, можетъ-быть мы ошиблись въ нашемъ заключеніи, — пусть такъ,—но почему упрекъ за религіозную нетерпимость можетъ зажать ротъ тому, къ кому онъ относится? Кто запретитъ противнику сказать, что онъ не заслуживаетъ этого упрека, что онъ свободенъ отъ религіозной нетерпимости? Онъ можетъ доказывать это сколько угодно, и чѣмъ успѣшнѣе будетъ доказывать, тѣмъ лучше будетъ для него. Гдѣ тутъ ядъ, и гдѣ тутъ зажатіе рта, и къ чему это мрачное провозглашеніе *слова и дѣла?* И какое значеніе имѣетъ здѣсь эта надутая фраза о *различіи между поступкомъ и словомъ?*

Защитникъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить позоромъ нашъ отвѣтъ на письмо г-жи Евгеніи Туръ. Онъ истощаетъ здѣсь всю свою реторику: мы и *кусаемъ*, мы и *царапаемъ* нашу несчастную жертву. Но мы не считаемъ нужнымъ входить въ оцѣнку его впечатлѣній, опровергать его сужденія, или защищаться отъ его выходокъ. Мы обратимъ вниманіе только на то, что̀ можетъ подать какой-нибудь поводъ къ недоразумѣніямъ со стороны публики.

Вообще, наша статейка по поводу письма г-жи Евгеніи Туръ была дѣломъ вынужденнымъ. Это не было дѣйствіе наступательное, это было дѣйствіе чисто-оборонительное. Наша оговорка, подавшая поводъ къ протесту г-жи Евгеніи Туръ, не компрометтировала ея авторскаго достоинства, не поднимала вопроса о ея убѣжденіяхъ; наша оговорка касалась, и то весьма умѣренно, сужденій автора о лицѣ, о которомъ можно имѣть противоположное мнѣніе, не оскорбляя ни авторскаго самолюбія, ни убѣжденій. Если же статья о Свѣчиной стала предметомъ подробнаго разбора, то виной того было собственное письмо г-жи Евгеніи Туръ, которое, еще гораздо болѣе чѣмъ статья, обнаружило односторонность и несостоятельность ея взгляда. Въ этомъ письмѣ г-жа Ев-

генія Туръ взвела на насъ тяжкое обвиненіе. Наша невинная замѣтка, состоящая изъ нѣсколькихъ строчекъ, дала ей поводъ упрекать насъ въ измѣнѣ нашимъ убѣжденіямъ, въ пристрастіи къ мрачнымъ ученіямъ, въ ультрамонтанствѣ. Она поставила насъ въ грозную дилемму. За то, что мы сдѣлали оговорку при ея статьѣ, она принуждала насъ либо сознаться въ ультрамонтанствѣ, либо въ непростительномъ легкомысліи и легковѣріи. Нужно было по неволѣ высказаться подробнѣе о самой статьѣ; но собственно наша статейка имѣла своимъ предметомъ лишь письмо,—письмо, въ которомъ, къ сожалѣнію, г-жа Евгенія Туръ представила слишкомъ явныя доказательства того, что читала безъ вниманія автора, о которомъ произносила рѣшительный приговоръ. Мы не отрицаемъ, что въ отвѣтѣ нашемъ есть много рѣзкаго, но эта рѣзкость заключается гораздо болѣе въ фактахъ, представленныхъ на видъ, нежели въ выраженіяхъ. Чего сильнѣе и рѣзче какъ представить на видъ тѣ мѣста изъ книги, которыя въ укоръ намъ цитовала г-жа Евгенія Туръ? Что̀ могло быть рѣзче доказательствъ того, что критикъ не понималъ или не хотѣлъ понимать дѣла, о которомъ взялся судить? Что̀ можетъ быть рѣзче улики въ умышленныхъ или неумышленныхъ искаженіяхъ? Все это было очень рѣзко, но все это вызывалось собственнымъ письмомъ г-жи Евгеніи Туръ. Вся эта рѣзкость осталась бы въ неменьшей степени и тогда, еслибы наша статейка была написана въ выраженіяхъ изысканно мягкихъ. Выраженія à l'eau de rose не смягчили бы этой рѣзкости; напротивъ, намъ кажется, они могли бы еще болѣе усилить впечатлѣніе, и какъ все искусственное и фальшивое, должны были бы самымъ непріятнымъ чувствомъ отозваться въ читателяхъ.

Къ двумъ, приведеннымъ выше, мрачнымъ обвиненіямъ, эпическій повѣствователь нашихъ дѣяній присоединяетъ еще третье. Отвѣчая на письмо г-жи Евгеніи Туръ, мы сказали, что она поставила себѣ цѣлію ратоборствовать противъ мрака и зла, и что она хочетъ всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство. Нашъ изобличитель приходитъ отъ этого въ ужасъ. Онъ требуетъ у насъ отчета, откуда мы почерпнули извѣстіе о такой *Ганнибаловской клятвѣ*, будто бы произнесенной г-жою Евгеніею Туръ. Увлеченный своею реторикой, онъ вдругъ спрашиваетъ насъ, откуда мы это цитуемъ? И тотчасъ взводитъ на насъ обвиненіе, будто мы дѣлали таинственные намеки на какія-то бесѣды и на какія-то письма. Все это выходитъ изъ предѣловъ дозволительнаго, и было бы очень дурно, еслибы не было только безсмысленно. Развѣ мы цитовали слова г-жи Евгеніи Туръ, развѣ приводили ея выраженія? Мы говорили и имѣли право говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвела на насъ ея статья и письмо къ редактору.

Намъ казались странными и, признаемся, нѣсколько забавными ея горячія выходки противъ мрачныхъ ученій и ультрамонтанства, въ которыхъ готова она была обвинить и насъ за нѣсколько словъ, сказанныхъ въ пользу Свѣчиной. Если наше впечатлѣніе было ошибочно и преувеличено, то оно и выдавалось нами только какъ наше впечатлѣніе. Какое право имѣетъ защитникъ г-жи Евгеніи Туръ намекать на разговоры или на частныя письма? Не считаетъ ли онъ полезнымъ, въ интересѣ гласности, подслушивать у дверей, или заглядывать въ чужія письма, и можетъ ли это принести какую-нибудь пользу защищаемой особѣ? Писала ли намъ что-нибудь подобное г-жа Евгенія Туръ, или не писала, какое ему до этого дѣло, и откуда можетъ онъ знать это, и какъ можетъ онъ дѣлать это заключеніе изъ нашихъ словъ, которыми мы ничего не цитуемъ, а только передаемъ наше собственное впечатлѣніе?

Особенно интересенъ тотъ добродѣтельный жаръ, съ какимъ защитникъ говоритъ о нашемъ замѣчаніи по поводу Жозефа де-Местра. Намъ показалось странными, что г-жа Евгенія Туръ, столь несправедливая къ Свѣчиной единственно за ея ревностную приверженность къ католической церкви, была въ то же время къ Жозефу де-Местру не только безпристрастна, но даже пристрастна. Посреди статьи, гдѣ то-и дѣло поражалось ультрамонтство, вдругъ оказывается довольно обширный оазисъ, на которомъ пріютилось самое нѣжное и восторженное чувство къ герою ультрамонтанства, Жозефу де-Местру. «Рыцарская доблесть, говоритъ г-жа Евгенія Туръ, безграничная преданность долгу, неуклонное служеніе чести составляютъ отличительное свойство характера графа де-Местра. Рѣдко можно встрѣтить лицо болѣе благородное.» Она говоритъ, что обращеніе въ католицизмъ было въ Петербургѣ модой, повѣтріемъ, и замѣчаетъ, что все это свидѣтельствуетъ о шаткости понятій въ младенческомъ обществѣ; «это, говоритъ она, какая-то tabula rasa, на которой пиши что угодно первый и ловкій пришелецъ», и испугавшись своихъ словъ, тотчасъ же прибавляетъ: «мы не относимъ этихъ словъ къ графу де-Местру, котораго нельзя не уважать за его нравственныя достоинства...» «Онъ покидалъ Петербургъ, восклицаетъ она, какъ свое второе отечество; много было у него тамъ друзей, долго надѣялся онъ осуществить тамъ всѣ свои дорогіе планы, всѣ свои задушевныя надежды!» А эти надежды, какъ извѣстно, и какъ высказывалъ самъ де-Местръ, состояли въ томъ, чтобы покорить наше отечество Риму. Что же касается до Свѣчиной, то г-жа Евгенія Туръ неумолимо осуждаетъ ее за то только, что она «усиливалась удерживать нѣкоторыхъ лицъ отъ подражанія Ламенне», который отпалъ отъ католической церкви.

Въ ней она видитъ католическій духъ чуть ли еще не съ колыбели и преслѣдуетъ ее за это. Маленькая Софія Соймонова захотѣла имѣть часы, а потомъ захотѣла пересилить себя и отказалась отъ нихъ. Критикъ замѣчаетъ при этомъ: «Уже и въ этомъ раннемъ проявленіи воли мы усматриваемъ въ маленькой Софьѣ развитіе неправильное, которое могло привести ее къ католицизму и сдѣлать изъ нея рьяную ультрамонтанку. Исторія съ часами носитъ на себѣ печать католическаго духа; тутъ ясно видны гордость, требовательность, если еще не въ отношеніи къ другимъ, то къ себѣ.» Въ Жозефѣ де-Местрѣ оправдывается все, и даже этотъ, ненавистный г-жѣ Евгеніи Туръ, католическій духъ, который господствовалъ въ немъ сильнѣе чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ; между тѣмъ какъ въ Свѣчиной все осуждается за католическій духъ, даже исторія съ часами. Это странное противорѣчіе не могло не броситься въ глаза, и мы не могли не указать на него. Нельзя было не замѣтить, что эпизодъ о де-Местрѣ есть чужая стихія въ этой статьѣ, не имѣющая никакого отношенія къ основной мысли автора, и нельзя было также не замѣтить, что эта основная мысль сама есть не болѣе какъ случайное увлеченіе. Мысль эта не могла имѣть болѣе глубокихъ основаній, иначе она переработала бы и усвоила бы себѣ то, что̀ приняла со стороны. «Если, говоритъ Евгенія Туръ, въ заключеніе своего письма къ редактору, такіе люди какъ Ламенне, искренніе католики, отступались съ ужасомъ отъ темнаго ученія, которымъ проникнута г-жа Свѣчина, то вы можете съ спокойною совѣстію не принимать на себя защиты ея памяти отъ совершенно справедливыхъ нареканій.» Эти строки были написаны тѣмъ же перомъ, которое за нѣсколько дней передъ тѣмъ составляло блистательный панегирикъ Жозефа де-Местра, du grand semeur, привлекшаго и Свѣчину въ лоно католической церкви. Тонъ, какимъ г-жа Свѣчина говоритъ о де-Местрѣ, совершенно согласуется со всѣмъ, что̀ графъ де-Фаллу говоритъ объ этомъ лицѣ. Мы сказали, что она заимствовала элементы этого панегирика изъ книги г. де-Фаллу. Защитникъ г-жи Евгеніи Туръ, которому, конечно, лучше долженъ быть извѣстенъ процессъ составленія ея статьи, объявляетъ, что г-жа Евгенія Туръ заимствовала всѣ подробности и анекдоты о Жозефѣ де-Местрѣ изъ статьи *Историческаго Журнала* Зибеля. Тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Все равно: откуда бы ни заимствовала г-жа Евгенія Туръ подробности о де-Местрѣ, тонъ, съ какимъ она изложила ихъ, могъ бы сдѣлать честь всякому почитателю графа де-Местра и свидѣтельствовалъ бы объ ея безпристрастіи относительно католицизма, еслибы тонъ этотъ не находился въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ остальнымъ. Вся сила заключается въ этомъ, а не въ томъ, от-

куда заимствовала г-жа Евгенія Туръ подробности о де-Местрѣ. За указаніе источниковъ, послужившихъ для статьи г-жи Евгеніи Туръ, будущій историкъ русской литературы изъявитъ ему признательность. Только напрасно онъ утверждаетъ, что въ книгѣ г. де-Фаллу нѣтъ ничего о де-Местрѣ. Де-Местръ занимаетъ въ этой книгѣ весьма значительное мѣсто, и если г-жа Евгенія Туръ заимствовала факты изъ Зибеля, чему мы очень рады, то впечатлѣніе его нравственныхъ достоинствъ и благородства его характера она очень могла бы вынести и изъ книги де-Фаллу, за что мы впрочемъ нисколько не винимъ ея. Защитникъ ея постарался воспользоваться своимъ знаніемъ источниковъ, изъ которыхъ выработана статья, чтобъ отвлечь вниманіе отъ сущности дѣла и забросать насъ цвѣтами своего остроумія.

Кстати, мы сейчасъ привели слова г-жи Евгеніи Туръ, которыми заключаетъ она свое письмо къ редактору. Она говоритъ, что мы можемъ съ спокойною совѣстію не защищать памяти Свѣчиной отъ заслуженныхъ нареканій. Если бы мы также были счастливы какъ г-жа Евгенія Туръ, и нашли бы себѣ такого же защитника, какъ она, то защитникъ нашъ могъ бы спросить, откуда она взяла, что мы хотимъ защищать память Свѣчиной отъ нареканій? Въ краткой замѣткѣ редакціи, вызвавшей протестацію, ничего не говорится о защитѣ памяти Свѣчиной отъ нареканій. Ужъ нѣтъ ли тутъ чего-нибудь третьяго, воскликнулъ бы можетъ-быть нашъ защитникъ, тономъ торжественно-мрачнымъ, не отголосокъ ли это какого-нибудь письма или какой-нибудь частной бесѣды? А дѣйствительно нѣчто подобное намъ случилось сказать частнымъ образомъ, но г-жа Евгенія Туръ, которая не цитовала нашихъ словъ, а говорила отъ себя, имѣла бы полное право посмѣяться надъ нашимъ бѣднымъ защитникомъ, а за нею и публика.

Этотъ господинъ, приступившій къ намъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ говорится, съ ножомъ къ горлу, укоряетъ насъ еще за то, что будто бы мы постоянно въ нашей статейкѣ называемъ г-жу Евгенію Туръ *энергическою* писательницей. Только разъ въ цѣлой статьѣ употребленъ этотъ эпитетъ, а постоянный, который мы употребляли, говоря о ней, есть *даровитая* писательница. Этотъ эпитетъ кажется намъ рѣшительно лучше чѣмъ *плодовитая*, употребляемый ея защитникомъ. *Плодовитая* рѣшительно хуже чѣмъ *даровитая*. *Плодовитая* было бы даже не совсѣмъ лестно, еслибы въ настоящемъ случаѣ не отзывалось только похвальною скромностію.

Наконецъ, защитникъ заноситъ на насъ самый тяжкій ударъ. По счастію, онъ не довершаетъ этого удара, и самъ готовъ оправдать насъ. Онъ говоритъ о какомъ-то мѣстѣ въ нашемъ от-

вѣтѣ, которое будто бы приведо въ недоумѣніе самыхъ жаркихъ поклонниковъ *Русскаго Вѣстника*. Онъ говоритъ о какомъ-то неосторожномъ словѣ, которое могло быть принято за намекъ, «годный только для составителей грязныхъ памфлетовъ.» Мы благодаримъ его за то, что онъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, не приписалъ намъ никакого дурнаго умысла. Благодаримъ его также за совѣтъ быть осторожными, несмотря на то что этотъ совѣтъ слишкомъ не опредѣленъ и также не совсѣмъ остороженъ. Никакая осторожность не поможетъ, если вы расположены къ подозрѣнію и склонны видѣть во всемъ намекъ. Впечатлѣніе, производимое словомъ, зависитъ не отъ одного говорящаго, а также и отъ того, что на умѣ у слушающаго. Въ объясненіяхъ нашихъ съ г-жою Евгеніею Туръ мы ни о чемъ не говорили кромѣ только того, что заключалось въ спорномъ предметѣ, и могли имѣть въ виду лишь воззрѣнія этой писательницы, которыя она сама высказываетъ, которыя отчасти проглядываютъ даже въ статьяхъ, напечатанныхъ у насъ, и съ которыми однако мы не можемъ согласиться. Вотъ почему мы и поспѣшили отказаться отъ солидарности убѣжденій, на которую настаивала г-жа Евгенія Туръ. Говорить о мнѣніяхъ и взглядахъ писателей, оспаривать или даже осмѣивать ихъ можно и даже должно, если мы считаемъ ихъ ошибочными. Но мы считаемъ непозволительнымъ и безчестнымъ всякій намекъ, годный для грязнаго пасквиля. Мы еще понимаемъ возможность полнаго и точнаго заявленія факта, который можетъ быть опровергаемъ, но намекъ въ этомъ случаѣ есть дѣло недостойное, болѣе позорящее того, кто употребляетъ его, нежели тѣхъ, противъ кого направленъ. Каковы бы ни были наши недостатки и слабости, мы можемъ однако сказать, безъ опасенія, чтобы кто-нибудь могъ уличить насъ въ противномъ, что мы не способны къ чему-нибудь подобному, и объ этомъ свидѣтельствуетъ все наше прошедшее. Мы считали бы такой поступокъ недозволительнымъ и недостойнымъ даже относительно такихъ лицъ, которыя чѣмъ-нибудь дѣйствительно подавали бы поводъ къ намекамъ, годнымъ для пасквилей, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда не было и не могло быть никакого повода къ чему-либо подобному.

На этомъ остановимся. О разныхъ мелкихъ выходкахъ противъ насъ, которыми преизобилуетъ статья, напечатанная въ *Московскихъ вѣдомостяхъ*, мы распространяться не будемъ. Говорить о себѣ очень трудно, даже въ интересѣ гласности. Мы не можемъ не считать всего этого мелочами, не заслуживающими вниманія публики. Но если редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, движимый столь дорогимъ для него интересомъ гласности, захочетъ ближе ознакомиться съ бытомъ редакціи *Русскаго Вѣстника*, то мы покорнѣйше просимъ его пожаловать къ намъ, осмотрѣть нашъ каби-

нетъ, наши книги, навести справки о нашихъ занятіяхъ редакціонныхъ и частныхъ, изслѣдовать наши познанія въ наукахъ. Такимъ образомъ онъ удовлетворитъ своей любознательности гораздо вѣрнѣе и проще, и извлечетъ для себя что нужно въ интересѣ гласности, не прибѣгая къ разнаго рода таинственнымъ сыщикамъ. Втораго тома книги Гнейста онъ не найдетъ теперь въ нашемъ кабинетѣ. Кто-то выпросилъ его у насъ... Кстати о книгахъ. Не можетъ ли редакція *Московскихъ Вѣдомостей*, черезъ этого господина, любителя освѣдомленій и розысковъ, отыскать, гдѣ теперь находится кѣмъ-то у насъ взятая книга Венгерца Этвеша, о которой говорили мы выше въ статьѣ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ? Она крайне нужна намъ въ настоящую минуту для нѣкоторыхъ справокъ, а другаго экземпляра достать въ Москвѣ нѣтъ возможности.

Извѣстіе о предварительныхъ трудахъ по вопросу объ ипотечной системѣ, приготовляемыхъ коммиссіей о земскихъ банкахъ.

Въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* мы сообщали читателямъ о новомъ назначеніи коммиссіи о земскихъ банкахъ, состоящемъ въ пересмотрѣ проекта ипотечнаго закона, изготовленнаго во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Мы получили теперь копію съ журнала засѣданія коммиссіи 13-го мая, и считаемъ не лишнимъ извлечь изъ нея свѣдѣнія о трудахъ, которые коммиссія предполагаетъ предпринять для заготовленія матеріяловъ, признаваемыхъ ею нужными, чтобъ, имѣя ихъ въ виду, можно было приступить къ разсмотрѣнію и переработкѣ проекта ипотечнаго устава.

Вслѣдствіе выраженнаго коммиссіей мнѣнія о необходимости участія въ ея трудахъ, по составленію проекта ипотечнаго закона, лицъ спеціяльно знакомыхъ съ юридическою стороной этого дѣла, въ составъ коммиссіи приглашены были г. министромъ финансовъ Е. И. Бреверн (состоящій при II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), Д. Д. Мертваго (бывшій предсѣдатель московской гражданской палаты, нынѣ исправляющій должность оберъ-прокурора въ правительствующемъ сенатѣ) и В. В. Фришъ (предсѣдатель с.-петербургской гражданской палаты). Эти лица, въ соединеніи съ четырьмя членами коммиссіи для устройства земскихъ банковъ (Ю. А. Гагемейстеромъ, М. Х. Рейтерномъ, княземъ В. А. Черкасскимъ и В. П. Безобразовомъ), составили особую коммиссію для составленія проекта ипотечнаго закона, имѣвшую 13-го мая свое первое собраніе. Сужденія, происходившія въ этомъ собраніи, имѣли цѣлію соглашеніе относительно плана и порядка предстоящихъ работъ.

Матеріялы, признанные этою особою коммиссіей необходимыми, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Сводъ всѣхъ дѣйствующихъ въ имперіи узаконеній по залогу недвижимыхъ имуществъ; описаніе порядка залога, и правъ и обязанностей, возникающихъ для кредитора, должника, третьихъ лицъ и казны, изъ контракта по залогу недвижимаго имущества, согласно дѣйствующимъ узаконеніямъ; описаніе всѣхъ, относящихся къ этому предмету обрядовъ, также какъ и порядка взысканія долговъ по закладнымъ; подробное и самое откровенное описаніе порядка, залога и взысканія долговъ, установившагося въ практикѣ, независимо отъ офиціяльнаго порядка; при этомъ перечень приблизительныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ дѣлами этого рода, для кредиторовъ и заемщиковъ; указаніе недостатковъ существующаго порядка.

Трудъ этотъ взяли на себя члены: Д. Д. Мертваго и В. В. Фришъ; распредѣленіе между ними занятій будетъ зависѣть отъ ихъ взаимнаго соглашенія.

2) Къ матеріяламъ, указаннымъ въ первомъ пунктѣ, полезно было бы присоединить краткій историческій очеркъ развитія контракта по залогу недвижимыхъ имуществъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. Такой историческій очеркъ, не составляющій совершенно необходимаго для коммиссіи матеріяла, будетъ, если позволятъ время и другія болѣе важныя работы, составленъ В. В. Фришемъ.

3) Обзоръ всѣхъ существующихъ въ нашихъ дѣйствующихъ узаконеніяхъ способовъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, съ указаніемъ, по возможности, иностранныхъ узаконеній по этой части.

Этотъ трудъ будетъ порученъ лицу, спеціяльно-занимающемуся юридическими вопросами и приглашаемому, по предложенію коммиссіи, къ участію въ ея занятіяхъ.

4) Подробное изложеніе ипотечнаго порядка въ остзейскомъ краѣ, съ описаніемъ всѣхъ формъ и обрядовъ (копіи съ книгъ, выписей и пр.).

Эту работу взялъ на себя Е. И. Бревернъ.

5) Краткій очеркъ ипотечнаго законодательства и главнѣйшихъ вопросовъ, возникавшихъ при введеніи ипотечнаго порядка въ важнѣйшихъ государствахъ западной Европы; указаніе вопросовъ, связывающихъ ипотечный порядокъ съ поземельнымъ кредитомъ.

Эту работу взялъ на себя В. П. Безобразовъ.

6) Подробное изложеніе ипотечнаго порядка въ царствѣ Польскомъ, и историческій очеркъ введенія нынѣ существующей тамъ системы.

Эта работа будетъ поручена юристу, который какъ сказано выше, будетъ приглашенъ въ коммисію, и который долженъ быть коротко знакомъ съ польскою ипотечною системою.

Всѣ означенные здѣсь матеріялы предполагается изготовить къ 1 сентября и потомъ напечатать и раздать въ экземплярахъ всѣмъ членамъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи и изученіи всѣхъ

собранныхъ матеріяловъ, каждый членъ представитъ письменно свои замѣчанія на составленный уже во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи проектъ, а равно и свои мысли относительно устройства ипотечнаго дѣла въ имперіи. Управляющій дѣлами составитъ списокъ главнѣйшихъ общихъ вопросовъ, требующихъ обсужденія и соглашенія въ собраніи членовъ. Послѣ разрѣшенія этихъ вопросовъ, будетъ составляться и вноситься на обсужденіе членовъ самый проектъ закона, по параграфамъ.

Этотъ послѣдній трудъ коммиссія имѣетъ въ виду возложить на юриста, который будетъ приглашенъ въ нее, и который бы могъ заниматься сообща съ управляющимъ дѣлами.

По составленіи проекта закона, будетъ составлена объяснительная записка.

Наконецъ, проектъ съ запиской будетъ напечатанъ и разосланъ ко всѣмъ членамъ общаго собранія коммиссіи и къ разнымъ лицамъ, спеціяльно знакомымъ съ ипотечными вопросами. При окончательномъ обсужденіи дѣла въ общемъ собраніи коммисіи, въ засѣданія будутъ приглашены многія лица, какъ юристы, такъ и люди практически заинтересованные дѣломъ.

Не можемъ не желать самаго полнаго успѣха этому дѣлу, такъ заботливо задуманному. Говоря о земскомъ кредитѣ, мы уже нѣсколько разъ указывали на необходимость законодательныхъ мѣръ, безъ которыхъ земскій кредитъ невозможенъ. Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ мѣръ несомнѣнно относится ипотечный уставъ, могущій облегчить и обезпечить взысканіе долговъ по вещественному кредиту и улучшить положеніе вещественной собственности, служащей основаніемъ ему. Если успѣхъ кредитныхъ операцій не зависитъ отъ законодательныхъ мѣръ и скорѣе затрудняется нежели обезпечивается регламентами, то въ дѣлѣ ипотечнаго устройства, какъ дѣлѣ совершенно правительственномъ, все зависитъ отъ хорошаго направленія законодательства, и съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что хорошее ипотечное законодательство есть необходимое условіе возможности земскаго кредита въ нашей странѣ. Если устройство земскаго кредита, по самому существу дѣла, не находится во власти законодательства, то безспорно въ его власти—принять зависящія отъ него мѣры, необходимыя для того, чтобы земскій кредитъ былъ возможенъ. Эти мѣры состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ удовлетворительномъ устройствѣ суда и улучшеніи гражданскаго права, то-есть въ реформахъ юридическихъ, а изъ этихъ реформъ самая близкая къ вопросу о земскомъ кредитѣ есть реформа закладнаго права.

Только что получили мы вышедшій теперь въ свѣтъ X-й томъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, соч. С. М. Соловьева (Спб. 1860) и спѣшимъ сообщить объ этомъ нашимъ читателямъ. Десятый томъ содержитъ въ себѣ исторію царствованія Алексѣя Михайловича до смерти Хмельницкаго, а первая обширная глава представляетъ характе-

ристику общаго состоянія Россіи въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія. Вотъ краткій обзоръ содержанія этой интересной главы: Значеніе религіозной борьбы въ восточной Европѣ. Мысль объ уніи. Іезуиты: Скарга и Поссевинъ. Западно-Русскіе архіереи, аристократія, братства. Поведеніе архіереевъ во Владимірѣ, Луцкѣ, Львовѣ. Братство Львовское. Пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи въ западную Россію. Кіевскій митрополитъ Онисифоръ; его свержение и поставленіе Михаила Рагозы. Экзархъ Терлецкій. Смуты вслѣдствіе распоряженій Іереміи. Брестскій соборъ 1590 года. Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ; печальное его положеніе. Терлецкій начинаетъ дѣло объ уніи. Переписка Львовскаго братства съ константинопольскимъ патріархомъ. Ипатій Потѣй, епископъ владимірскій; письмо къ нему князя Острожскаго объ уніи. Терлецкій и Потѣй дѣйствуютъ заодно въ пользу уніи. Брестскій соборъ 1594 года. Поведеніе Рагозы относительно уніи; переписка его съ Скуминымъ. Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ. Окружное посланіе князя Острожскаго противъ епископовъ. Львовскій епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства западно-русскаго признаютъ папу главой церкви. Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси. Брестскій соборъ 1596 года. Раздѣленіе западно-русской церкви на православную и уніатскую и борьба между ними. Посланіе Іоанна Вишенскаго. Стефанъ Зизаній и сочиненія, противъ него направленныя. Полемика по поводу Брестскаго собора. Апокризисъ и его основныя положенія; Перестрога. Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскій соборъ. Движеніе козаковъ; Косинскій и Наливайко. Дѣло патріаршаго экзарха Никифора. Переписка князя Острожскаго съ папою. Православные требуютъ къ суду епископовъ-уніатовъ. Попытки православныхъ соединиться съ протестантами, чтобы вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ. Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность уніи. Мелетій Смотрицкій и его сочиненія. Рѣчь депутата Древинскаго на сеймѣ. Поставленіе православныхъ архіереевъ и совѣтованіе о благочестіи. Усиленіе борьбы вслѣдствіе поставленія православныхъ архіереевъ. Іосафатъ Кунцевичъ и письмо къ нему Льва Сапѣги. Убіеніе Кунцевича. Посланіе папы противъ православныхъ. Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича. Козаки. Гетманъ Сагайдачный. Сочиненіе Пальчовскаго о козакахъ. Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ козаковъ въ защиту православія. Обращеніе Іова къ Москвѣ. Торжество Поляковъ надъ козаками и коммиссія на Медвѣжьихъ Лозахъ. Похожденія искателя турецкаго престола Александра Ахіи. Возстаніе козаковъ подъ начальствомъ Тараса. Кисель и его отношенія къ козакамъ. Возстаніе Павлика и Скидана. Возстаніе Остранина и Гуни. Кіевская школа. Луцкое братство и школа. Петръ Могила. Отступленіе Смотрицкаго отъ православія. Смерть Сигизмунда III. Требованія козаковъ. Королевичъ Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами. Продолженіе полемики между ними. Петръ Могила и его поведеніе. Продолженіе гоненія на православныхъ. Переселеніе въ Московское государство.

КРОВЬ СОНДОНОВЪ

(Изъ Диккенсова журнала)

I.

Въ одинъ темный, декабрьскій вечеръ, сидя въ Гольмъ-Голлисѣ, въ комнатѣ, извѣстной подъ прозваніемъ *янтарной*, окруженный родословными таблицами, гербами, грамотами (въ которыхъ ясно обозначалась каждая ступень золотой лѣстницы, доводящей меня до самаго Вильгельма Завоевателя), я замечтался о славѣ и величіи дома Сондоновъ, коего я, Пирсъ, былъ послѣдній потомокъ. Да, я былъ послѣдній изъ длиннаго ряда благородныхъ джентльменовъ и безподобныхъ леди; портреты ихъ висѣли внизу, въ старинной столовой, а помѣстья, завоеванныя ихъ доблестнымъ мечомъ или ихъ плѣнительною улыбкой, далеко разстилались подъ окнами янтарной комнаты. На полкахъ были мемуары, съ великолѣпными гравюрами Стренджа и Голлера, представляющими всѣ знаменитости Сондонскаго рода: людей, отличившихся и въ государственныхъ дѣлахъ, и въ арміи, и на морѣ, и никогда не запятнавшихъ своей крови какимъ-нибудь неравнымъ бракомъ. «Самая чистая кровь во всей Англіи!» часто твердилъ мой отецъ; но никогда не повторялъ онъ этихъ словъ съ такимъ гордымъ удовольствіемъ, какъ отказываясь отъ богатѣйшей партіи, отъ дочери какого-то фабриканта съ нѣсколькими сотнями тысячъ фунтовъ приданаго. Однако, эти деньги

пришлись бы намъ кстати; голодный волкъ, *нужда*, не разъ являлся передъ нашею дверью. Но отецъ съ непоколебимою рѣшимостью отвернулся отъ плебейской Далилы.

Былъ когда-то какой-то баронъ Сондонъ изъ Гольмъ-Голлиса въ Дорсетширѣ, но, по какой-то непостижимой геральдической несправедливости, баронскій титулъ ускользнулъ отъ насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ напрасныхъ стараніяхъ воротить его, ушло изъ нашихъ рукъ не одно богатое поле, срублено не одно прекрасное дерево, а незваный гость, нужда, все подвигался ближе. Наконецъ, благодаря всѣмъ этимъ тщетнымъ попыткамъ, я сидѣлъ въ янтарной комнатѣ почти совершенно бѣднымъ человѣкомъ; все мое богатство состояло въ одной надеждѣ, обманчивой и невѣрной, какъ блудящій огонекъ. Для поддержанія этого огонька требовались еще поля, еще рощи... Польексъ, знатокъ въ геральдикѣ, занимался моимъ дѣломъ, и болѣе чѣмъ когда-нибудь обнадеживалъ меня. Еслибы только я могъ ему содѣйствовать, поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ сильныхъ міра сего!... Да, еслибъ я могъ! Но дѣло въ томъ, что сильные міра сего не были моими друзьями. Я былъ слишкомъ высокая особа, въ моихъ жилахъ текла слишкомъ чистая кровь,—какъ бы сталъ я добиваться ихъ милости? Нѣтъ, думалъ я, пусть Польексъ самъ все устроитъ. Я не зналъ никого, ни съ кѣмъ не видался. Я довольствовался обществомъ древнихъ фамильныхъ портретовъ. Хорошо мнѣ было извѣстно, что̀ про меня говорилось въ околоткѣ. Дерзкій, напыщенный гордецъ, вздумавшій важничать передъ сосѣдями! Должно-быть они недостойны съ нимъ знаться! Да, конечно, недостойны. Еслибъ они пріѣхали ко мнѣ обѣдать, я бы ихъ всѣхъ посадилъ *пониже соли*. Впрочемъ, нѣтъ; одного изъ нихъ нельзя было посадить за нижній конецъ стола. То былъ сэръ-Томасъ Гекльтонъ, бывшій негоціантъ, недавно произведенный въ баронеты. Недавно также (не могу того скрыть) онъ пересталъ торговать кожами. Но, несмотря на ихъ низкое происхожденіе, ни его, ни его маленькую дочь, нельзя было посадить *ниже соли*.

II.

По слѣдующей простой причинѣ: онъ купилъ и дорого купилъ себѣ почетное мѣсто, и слѣдовательно могъ сидѣть, гдѣ ему угодно. Онъ могъ придти, когда ему вздумается, и расхаживать по моимъ комнатамъ, закинувъ свои вульгарныя руки за свою вульгарную особу, и мысленно оцѣнять старинныя картины, висящія по стѣнамъ, старинную мебель, старинное серебро въ

шкапахъ. То-есть, онъ имѣлъ на это полное и законное право; онъ далъ намъ взаймы денегъ, чтобъ удовлетворить ожесточенныхъ кредиторовъ, которые бы схватили все, опустошили бы старый домъ, обнажили бы его стѣны, растащили бы старинное, наслѣдственное серебро. Еслибы не онъ, вся прекрасная мебель была бы продана съ аукціона; все бы исчезло, все: и древняя утварь такого изящнаго рисунка, и великолѣпныя коллекціи художественныхъ рѣдкостей (за красоту которыхъ ручается всѣмъ извѣстный тонкій вкусъ ихъ владѣльца, и т. д.), и прекрасные шкапы, и великолѣпный фарфоръ, все бы появилось въ спискѣ продажныхъ вещей, съ обычными громкими фразами и совѣтами публикѣ воспользоваться такимъ рѣдкимъ, исключительнымъ случаемъ для пріобрѣтенія самыхъ великолѣпныхъ *objets d'art.* И все это висѣло на волоскѣ, чуть-было все сосѣдняя аристократія дѣйствительно не собралась на публичный аукціонъ къ воротамъ Гольмъ-Голлиса.

Уже появился безобразный волкъ, подъ видомъ жида, закутаннаго въ красный шарфъ, съ толстою палкой подъ мышкой; онъ, съ перомъ въ рукахъ, составлялъ реестръ и клалъ клеймо на каждую вещь; злодѣйскій Израильтянинъ все въ домѣ хотѣлъ пожрать, и никто не могъ удалить его.

Я ходилъ по дому совершенно растерянный; я былъ еще молодъ лѣтами, только что возвратился изъ школы. Я рѣшительно не зналъ, что дѣлать, куда обратиться. Отецъ лежалъ въ своей комнатѣ, больной, при смерти. Еврей все продолжалъ свое дѣло, уже онъ исписалъ цѣлую чернилицу; вдругъ дверь тихо растворилась, и спокойно вошелъ новопроизведенный баронетъ. Онъ отвелъ въ сторону жида и сказалъ ему нѣсколько словъ. Онъ не навязывалъ мнѣ нахально своихъ денегъ, не вручалъ мнѣ хвастливо своего кошелька. Все дѣло было ведено такъ просто и порядочно, какъ будто бы тутъ дѣйствовалъ джентльменъ.

Еврей, получивъ должное, удалился; но мы промѣняли одно рабство на другое. На мѣсто жаднаго Израильтянина, мы попали въ зависимость къ вѣжливому выскочкѣ: какъ видите, штука обыкновенная. Всѣ эти грибы, выросшіе за прошлую ночь, хорошо знаютъ, что, еслибы можно, мы бы не подпускали ихъ къ себѣ на разстояніе десяти саженей; такъ они, по подлости своей, и стараются насъ одолжить, чтобы черезъ это втереться въ общество джентльменовъ.

Пока жилъ мой отецъ, его отношенія съ баронетомъ были холодны до нельзя, между ними царствовала какая-то непонятная принужденность, какъ будто бы раздѣляла ихъ какая-нибудь древняя, неизгладимая вражда.

Отецъ, читая провинціяльныя газеты, часто бормоталъ про

себя язвительныя замѣчанія насчетъ выскочекъ, вытѣсняющихъ вездѣ древніе славные роды, не поддерживаемые богатствомъ. Все это для насъ было тѣмъ тяжелѣе, что мы не имѣли никакихъ средствъ отдѣлаться отъ унизительной зависимости. Правда, намъ однажды удалось собрать около половины всего долга, но тутъ нашъ банкиръ оказался несостоятельнымъ. Отецъ сказалъ только, въ отвѣтъ на мои жалобы: «Такъ пусть же онъ подождетъ вмѣстѣ съ другими торгашами!» А между тѣмъ, мы были принуждены радушно принимать его, съ улыбкой жать его плебейскую руку. Тутъ, конечно, я долженъ признаться, по чести, этотъ человѣкъ не показывалъ своей власти надъ нами, не оскорблялъ насъ своею фамильярностью или вмѣшательствомъ въ наши дѣла, никогда не напоминалъ о нашемъ долгѣ иначе, какъ косвеннымъ образомъ, приходя навѣщать своихъ должниковъ. Отецъ мой стискивалъ зубы отъ бѣшенства, завидя его въ концѣ нашей аллеи. Я думаю, что самою пріятною минутой въ жизни отца было маленькое торжество, одержанное имъ передъ самою смертію надъ этимъ *кожанымъ баронетамъ*.

Составилась подписка въ пользу бѣдныхъ работниковъ, не имѣющихъ дѣла, и говорили, что сэръ Томасъ Гекльтонъ пожертвуетъ сто фунтовъ стерлинговъ. Еще бы, для него это значило не болѣе ста пенсовъ!

Въ это время мы получили нѣсколько докучливыхъ писемъ отъ каретниковъ, сдѣлавшихъ намъ, года два тому назадъ, парадную карету, украшенную гербами, приличную людямъ нашего сана. Мы заказали ее въ сосѣднемъ городкѣ, чтобъ оказать протекцію тамошней промышленности; теперь же, эти каретники писали, что имъ придется по міру пойдти, если мы имъ не пошлемъ денегъ, прибавляя, что имъ, конечно, совѣстно безпокоить такое благородное семейство какъ наше. Намъ удалось собрать (одинъ Господь знаетъ, съ какимъ трудомъ) около двухъ сотъ фунтовъ, которые мы и хотѣли послать докучливымъ кредиторамъ. Но тутъ пришла вѣсть объ этой подпискѣ въ пользу несчастныхъ работниковъ безъ дѣла и о пожертвованіи сэръ Томаса, кожанаго баронета! Отецъ въ это время лежалъ больной и чуть не умеръ съ досады, услышавъ про это; но вдругъ ему пришла блистательная мысль, употребить деньги, назначенныя для каретниковъ, на то, чтобы заткнуть за поясъ кожанаго баронета! Такъ онъ и сдѣлалъ: каретники дѣйствительно пошли по міру, но родъ Сондоновъ былъ прославляемъ по всему околотку. Во всѣхъ газетахъ можно было прочесть, во главѣ подписчиковъ, имя Пирса Сондона, пожертвовавшаго двѣсти фунтовъ стерлинговъ, и отецъ умеръ совершенно веселый и довольный.

III.

Дочь торгаша звали Алисой: стройная, златовласая дѣвушка, съ темносиними глазами и какимъ-то страннымъ, почти неземнымъ выраженіемъ лица, съ такими нѣжными, тонкими чертами, что трудно было повѣрить въ ея низкое происхожденіе. Напоминала она тѣ лица, которыя такъ хорошо умѣетъ изображать знаменитый французскій художникъ (по имени Ари Шефферъ), написавшій Данта и Беатриче.

Она была тиха и кротка, довѣрчива и спокойна. Словомъ, я въ нее влюбился съ перваго же раза, какъ увидалъ ее.

Случилось это задолго до смерти отца, и жестоко боролись во мнѣ два совершенно противоположныя чувства, страшно сталкивались они въ моей душѣ. Я наслѣдовалъ отцовское отвращеніе отъ подлой денежной аристократіи, но къ самому человѣку я не питалъ ненависти,—а тутъ еще его дочь, прелестный цвѣтокъ, выросшій подлѣ него и проливающій свой ароматъ на всю эту низкую обстановку. Она всегда какъ будто становилась между имъ и мною, такъ что я мало-по-малу сталъ сносить его общество или, лучше сказать, его среду, потому что онъ рѣдко навязывался мнѣ: онъ вообще не любилъ много разговаривать и былъ очень занятъ своими помѣстьями и разными улучшеніями, которыя онъ тамъ дѣлалъ. Прекрасный человѣкъ, говорили всѣ сосѣди, замѣчательныя способности и отличная голова! — всѣ, за исключеніемъ однако лорда Виллоби, который постоянно смѣялся надъ нимъ, то-есть, когда онъ на нѣсколько мѣсяцевъ возвращался изъ своихъ безпрестанныхъ путешествій по чужимъ краямъ. Онъ любитъ остриться надъ домомъ кожанаго баронета и надъ его вкусомъ вообще. «Великолѣпно расписано, сэръ», говаривалъ онъ, «въ родѣ красныхъ домиковъ, изъ которыхъ выскакиваютъ маріонетки. Мы съ вами, у кого чистая кровь, не могли бы придумать такой уродливости. Вотъ чѣмъ сказывается плебейская порода!» А потомъ, онъ опять уѣзжалъ въ чужіе краи (у него была вилла гдѣ-то въ Италіи, на берегу какой-то рѣки) и возвращался черезъ два-три года на самое короткое время.

Гекльтоны жили въ своемъ помѣстьи, въ новехонькомъ домѣ, выкрашенномъ ярко-пунцовою краской, точь-въ-точь миніатюрная фабрика. Зеркальныя стекла оконъ такъ и блестѣли, бѣлыя лѣпныя украшенія такъ и пестрѣли на красномъ фонѣ. Домъ прозывался *Вилла-Реале*. Сэръ-Томасъ Гекльтонъ схватилъ это

имя гдѣ-то въ своихъ путешествіяхъ; вездѣ проглядывали плебейскія замашки. Но для меня его Вилла-Реале всегда осталась *Красною Фабрикой* и ничѣмъ больше.

Однако, видя его спокойныя, скромныя манеры, его незаносчивость, я почувствовалъ, послѣ погребенія моего бѣднаго отца, что не будетъ унизительнымъ для моего знатнаго рода, если я соглашусь на его убѣдительное приглашеніе прогостить у него съ недѣлю.

Я былъ радъ оставить на время мрачный, печальный нашъ домъ, радъ также спастись отъ счетовъ, сыпавшихся на меня со всѣхъ сторонъ. Толпа людей обступила нашъ домъ, съ суровыми лицами, съ громкимъ, недовольнымъ голосомъ, не говоря уже про ежедневныя письма, осаждавшія меня. Мнѣ было такъ грустно, такъ тяжело на душѣ, что я нуждался въ перемѣнѣ. Кромѣ того, онъ скромно намекнулъ, что можетъ-быть мнѣ будетъ пріятно поговорить съ нимъ о моихъ дѣлахъ, которыя находились въ довольно-грустномъ положеніи: не могъ ли онъ мнѣ сколько-нибудь помочь своими совѣтами и опытностію? Онъ все это высказалъ запинаясь; правду сказать, я все не рѣшался прямо и смѣло взглянуть на свои дѣла, а это теперь сдѣлалось необходимостью. Итакъ, я радушно пожалъ ему руку и сказалъ, что пріѣду къ нему на недѣлю.

Красная Фабрика была вся вызолочена внутри, гдѣ только возможно было помѣстить позолоту: карнизы, окна, двери, перила лѣстницъ, фризы, все такъ и горѣло на солнцѣ, столы и стулья на золотыхъ ножкахъ, зеркала въ золотыхъ рамкахъ. Удивительный садъ, удивительныхъ размѣровъ теплицы, педантическій садовникъ, Шотландецъ, со множествомъ помощниковъ. Всѣ эти великолѣпія мнѣ показала златовласая Алиса, съ обычнымъ кроткимъ спокойствіемъ; купеческій баронетъ почти вовсе не являлся. Странное дѣйствіе производили на меня эти золотистыя кудри; странно приковывали меня ея медленныя движенія. Синіе глаза все свѣтились тѣмъ же самымъ неземнымъ выраженіемъ, и цѣлый день я слѣдовалъ за ней какъ очарованный, изъ комнаты въ комнату, отъ картины къ картинѣ. То былъ отрывокъ изъ старинной повѣсти, такой же древней, какъ міръ; *она* въ самомъ дѣлѣ была удивительна для дочери купца.

IV.

На слѣдующій день я предложилъ заняться дѣлами. Принесли жестяные ящики съ именемъ и гербомъ нашего рода; изъ нихъ

посыпались цѣлыя кипы дѣловыхъ бумагъ, обязательствъ между нами и Евреемъ Леви, заемныхъ писемъ и т. д.

Смиренный плебей надѣлъ очки, и цѣлыхъ три часа трудился надъ разборомъ бумагъ; я же тревожно расхаживалъ по дому, переходя безпрестанно отъ жестяныхъ ящиковъ къ златовласой дѣвѣ. Наконецъ онъ объявилъ, что онъ не въ состояніи еще хорошенько вникнуть въ дѣла, но что, сколько онъ можетъ судить, они точно въ печальномъ, очень печальномъ, положеніи.

Къ обѣду явился гость,—высокій мущина, съ орлинымъ носомъ и гладкими, прилизанными волосами, удивительно похожій на самого купца. При входѣ его, я не могъ подавить своей досады. Въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли, что я снизошелъ до того, чтобы посѣтить ихъ домъ, неужели имъ еще созывать гостей, чтобъ они на меня глазѣли и удивлялись моему присутствію здѣсь? Впрочемъ, оказалось, что это былъ родной его братъ — дѣльная голова, какъ говорилось въ околоткѣ. Онъ былъ стряпчій, и откровенно говорилъ про свое ремесло. Мнѣ тягостно было видѣть себя въ такомъ обществѣ. Вотъ до чего я упалъ!

— Кстати, сказалъ баронетъ, послѣ обѣда, самымъ непринужденнымъ образомъ, — вотъ мой братъ, юристъ, можетъ вамъ подать совѣтъ насчетъ этихъ бумагъ. Онъ очень опытный человѣкъ; онъ завѣдываетъ дѣлами лорда Виллоби.

Отецъ пріучилъ меня съ дѣтства преклоняться передъ лордомъ Виллоби. Я сталъ съ нѣкоторымъ участіемъ смотрѣть на горбоносаго.

Тотъ сказалъ, что готовъ служить мнѣ своими совѣтами и опытностію, какъ пріятелю его брата, конечно, совершенно частнымъ образомъ... Я взглянулъ на него съ гордымъ презрѣніемъ. Онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить меня, надѣялся, что тутъ нѣтъ ничего обиднаго, онъ думалъ только, что дружба моя съ его братомъ даетъ ему право стать со мной въ менѣе-офиціяльныя отношенія, то-есть...

Кровь прихлынула мнѣ въ голову, я весь вспыхнулъ. Итакъ, этотъ человѣкъ также зналъ про мои долги? Вотъ что значило ввѣрить свою тайну такому низкому плебею!

— Братецъ, проговорилъ сэръ-Томасъ, съ другаго конца стола, —вы ошибаетесь.—Правда, я уже нѣсколько лѣтъ знакомъ съ мистеромъ Сондономъ и съ отцомъ мистера Сондона. Но я не имѣю еще никакихъ правъ на то, что вы называете дружбой, со стороны мистера Сондона, или отца мистера Сондона. Прошу васъ заняться этими дѣлами на обыкновенныхъ условіяхъ.

Я вздохнулъ свободнѣе. Въ тотъ вечеръ, жестяные ящики были опять выпорожнены, и стряпчій принялся разсматривать бумаги.

Онъ просидѣлъ за ними цѣлый вечеръ, и наконецъ объявилъ, что скажетъ свое мнѣніе на слѣдующій день.

Вотъ сущность этого мнѣнія: когда всѣ векселя, заемныя письма, закладныя, и т. д., были разсмотрѣны и приведены въ надлежащій порядокъ, оказалось долгу около ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, не говоря про другіе мелкіе должки, уплату которыхъ можно было отсрочить. Сумма эта равнялась приблизительно цѣнности всего имѣнія, если его продать.—А продать его придется, сказалъ горбоносый спокойно, — продать безъ замедленія.

V.

Я не ждалъ такого удара, даже въ самыя горькія минуты унынія.

Итакъ, я былъ разоренъ, доведенъ до нищеты; осталось мнѣ одно знатное имя. Скоро на меня налетитъ голодная стая кредиторовъ. Одно скверное взысканіе уже было утверждено въ канцлерскомъ судѣ.

Еврею Леви стóитъ только тронуть волосокъ, и Дамокловъ мечъ опустится на мою голову. Я самъ чуть не упалъ на богатые ковры баронета. Я остался нищимъ, нищимъ, хоть сейчасъ идти въ богадѣльню! А титулъ барона, котораго мы такъ долго добивались! Въ эту самую минуту у меня лежало въ карманѣ письмо отъ Польекса, письмо, полное блистательныхъ надеждъ, но требовавшее немедленной присылки денегъ. «Если его тотчасъ же не снабдятъ средствами, писалъ онъ, дѣло пропало навсегда.» А гдѣ теперь и думать о средствахъ!

Въ этотъ самый вечеръ, отъ душевной тревоги и мучительнаго безпокойства, я заболѣлъ легкою горячкой; я пролежалъ нѣсколько дней, все толкуя въ бреду про нищихъ, про пріюты и богадѣльни... Въ болѣе спокойныя минуты, я, какъ бы сквозь сонъ, видѣлъ подлѣ себя златовласую дѣву, подающую мнѣ питье, ухаживающую за мной, какъ ангелъ хранитель... Впрочемъ, болѣзнь была не серіозная. Я оправился черезъ пять шесть дней. Между тѣмъ, пришла цѣлая куча писемъ отъ Евреевъ; одно противное посланіе отъ Бенъ-Леви извѣщало меня, что приказъ о немедленномъ взысканіи уже былъ отправленъ. Остановить его я могъ не иначе, какъ заплативъ всѣ деньги сполна, но какимъ же образомъ?

Горбоносый случился тутъ, какъ будто нечаянно, и я опять обратился къ нему. Баронета не было въ комнатѣ. Горбоносый сказалъ, что опять пересматривалъ бумаги, и убѣдился, что дѣло точно плохо, очень плохо. Врядъ ли можно будетъ выручить изъ продажи помѣстья что-нибудь сверхъ суммы на уплату долговъ.

— Но что же мнѣ остается дѣлать? что же вы мнѣ посовѣтуете? прервалъ я.

— Погодите, сказалъ мистеръ Гекльтонъ,—я еще не кончилъ. У васъ прекрасное имя, въ вашихъ жилахъ течетъ прекрасная кровь: отправляйтесь въ Сити, и за эти преимущества вы получите деньги...

— Да, и на вѣки запятнаю эту кровь! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ горбоносый съ разстановкой,—я думаю напротивъ. Серіозно говоря, сэръ, вы могли бы облагородить ее. Родъ человѣческій подчиненъ почти тѣмъ же законамъ, какъ остальныя животныя. Благоразумно смѣшивая породы, можно ихъ улучшить. Можетъ-быть, англійская аристократія обязана своею цвѣтущею силой частымъ союзамъ съ низшимъ сословіемъ. Взгляните на старинную французскую аристократію! Они женились и выходили замужъ, не иначе какъ въ своей же кастѣ, и наконецъ явились цѣлыя поколѣнія слабыя, безсильныя, болѣе похожія на пауковъ чѣмъ на людей. Вы дивитесь такой плебейской теоріи?

Странно мнѣ было выслушивать такія рѣчи. Этотъ человѣкъ забывался, но я нуждался въ немъ.

— Облагороженіе черезъ порчу! сказалъ я, съ презрительною усмѣшкой.—Невѣроятный химическій процессъ!

— Совершенная правда, мистеръ Сондонъ, возразилъ онъ,—но эта химія, химія крови, имѣетъ свои странные и непонятные законы. Представьте себѣ! Я крѣпко подозрѣваю, что мы, съ братомъ, происходимъ прямою линіей отъ негодяевъ, собранныхъ Ромуломъ для основанія Рима; намъ, казалось бы, смѣшно и думать о родословной, о знатности происхожденія и прочемъ. Однако, мнѣ часто приходятъ такія мысли, въ то время какъ я сижу за работой, за какимъ-нибудь счетомъ судебныхъ расходовъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось знать, смѣялся ли этотъ человѣкъ надо мною или говорилъ серіозно? Счетъ расходовъ! истинно плебейскій примѣръ!

— Однако, продолжалъ онъ, кладя локти на столъ, и поддерживая подбородокъ обѣими руками,—однако, еслибъ я могъ предъявить родословную таблицу, вплоть до самыхъ этихъ негодяевъ, не былъ ли бы я истиннымъ аристократомъ? Не могъ ли бы я гордиться своею знатною кровью? Не такъ ли?

Что это за странныя разсужденія о негодяяхъ и родословной? Куда онъ ведетъ рѣчь?

— По моему уразумѣнію, продолжалъ горбоносый,—все дѣло въ *извѣстности*. Стоитъ только прослѣдить свою родословную и показать ее всѣмъ, чтобы сдѣлать ее славною и знатною. А

если наконецъ ее прослѣдить (положимъ, родословную лорда Виллоби) до разбойника, болтающагося на висѣлицѣ? Можетъ-быть, у Салли, кухарки, такая же славная родословная, какъ у этого благороднаго лорда; но только она, бѣдняжка, не имѣетъ средствъ ее прослѣдить!

Губы у меня опять дрогнули отъ презрѣнія. Какія низкіе, вульгарные пріемы у этого человѣка! . .

— Возвратимся къ дѣламъ, сказалъ я, — мы говорили о деньгахъ.

— О, конечно, отвѣчалъ онъ, съ удивительнымъ смиреніемъ,— конечно, конечно! Куда намъ, дуракамъ, затрогивать такіе высокіе предметы разговора! Мы люди простые, родились за прилавкомъ. Итакъ, возвратимся къ дѣламъ. Вотъ ваше баронство, или лучше сказать надежда на баронство, и это дѣло вамъ бы обдѣлали въ Сити.

— На это нужно деньги, сказалъ я.

— Вспомните мои слова, сказалъ горбоносый,—и будьте увѣрены, что это для васъ послѣдняя возможность спасенія.

Гекльтонъ больше ничего не сказалъ; но его рѣчи запали мнѣ въ душу.

Зачѣмъ мнѣ искать такъ далеко, въ Сити? зачѣмъ мнѣ не посмотрѣть поближе, вокругъ себя? думалъ я, опускаясь въ кресла. Ухватись за послѣднюю возможность спасенія, ухватись за нее, тебѣ ее предлагаетъ златовласая фея, которая теперь промелькнула передъ окномъ!

Въ это же утро, слуга мнѣ разказалъ, какъ заботливо она ухаживала за мною во время моей трехдневной болѣзни; какъ часто у нея навертывались слезы, какъ грустно она смотрѣла на меня. О, еслибъ я могъ, сквозь болѣзненный бредъ, уловить этотъ взглядъ!

Ухватись за послѣднюю надежду, сказалъ горбоносый. Ухватись за нее! говорилъ мнѣ также грозный призракъ взысканія.

Взысканіе могло явиться каждую минуту, можетъ-быть уже теперь схватило оно все мое имущество. Я вздрагивалъ при одной этой мысли. А между тѣмъ, тамъ въ саду, среди цвѣтовъ, можно было найти исцѣленіе отъ всѣхъ горестей, спасеніе, помощь, успокоеніе! Что, если странныя, смѣшныя рѣчи горбоносаго содержатъ въ себѣ хотя каплю истины? Ухватись за послѣднюю возможность спасенія! воскликнулъ я внутренно, и не твердымъ шагомъ направился въ садъ.

Она выслушала меня въ нѣмомъ изумленіи, дрожа всѣмъ тѣломъ; она даже вскрикнула слегка. Я говорилъ съ жаромъ, отъ души.

— Подумали ли вы объ этомъ серіозно? сказала она.—О, скажите, подумали ль вы серіозно?

Она была поражена, перепугана.

— Не можетъ быть! воскликнула она, и хотѣла убѣжать.

Я зналъ, какимъ порядкомъ идутъ обыкновенно подобные разговоры, и остановилъ ее.

— Вы любите другаго, сказалъ я, припоминая обычную формулу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то, увѣряла она, все еще готовая упасть. Никогда она такъ не была похожа на созданія безсмертнаго живописца.—Лучше и не говорить про это отцу, сказала она.— Лучше забудемъ все это. Вашъ знатный родъ, ваши великіе предки...

Ахъ, да! Я чуть было совершенно про нихъ не забылъ. Дѣвушка-плебейка совсѣмъ вытѣснила ихъ изъ моей памяти.

Признаться ли мнѣ, что въ эту минуту передо мною вдругъ явилось грозное взысканіе! Я замеръ отъ страха, видя, что изъ моихъ рукъ ускользаетъ послѣдняя надежда.

Просто непостижимо! Такая сцена любви, въ саду, еще нигдѣ не была описана. Тутъ очень не кстати былъ прерванъ нашъ разговоръ.

Слуга принесъ письмо: кто-то спрашивалъ меня въ Гольмъ-Голлисѣ. Меня обдало холодомъ. Неужели взысканіе?... Я поспѣшно простился, обѣщая пріѣхать на другое же утро. Разговоръ въ саду остался не разрѣшенною загадкой.

Въ Гольмъ-Голлисѣ, я не нашелъ никого. Какіе-то незнакомые люди спрашивали меня, и, не заставъ меня дома, отправились за мною къ баронету.

VI.

Янтарная комната была осьміугольная; стѣны обтянуты большими квадратами полинялой шелковой матеріи, когда-то ярко золотистаго цвѣта окаймленными темнымъ дубовымъ деревомъ. Богатая рѣзьба тамъ и сямъ раскидывалась листьями и сучьями, и сходилась богатою арабеской на верху, къ центру свода.

Тутъ стояли старинныя дубовыя кресла и старинный письменный столъ, у котораго я сидѣлъ и писалъ; тутъ сидѣлъ и писалъ мой отецъ, а передъ нимъ всѣ его предшественники. Вокругъ стояли полки, заставленныя родословными книгами, шкапы полу-открытые, наполненные документами, грамотами, патентами.

Надъ письменнымъ моимъ столомъ висѣлъ портретъ послѣдняго барона Сондона изъ Гольмъ-Голлиса: благородный джентльменъ въ огромномъ парикѣ, бархатномъ кафтанѣ со звѣздой на

груди, столпъ и слава нашего рода, великій государственный дѣятель, свѣтило всего графства, съ величаво-небрежною улыбкой и полными, гладкими щеками, казавшимися еще полнѣе отъ парика, съ блѣдными, аристократическими пальцами, на которые на двигались кружевныя манжеты. Эти блѣдные пальцы выглядывали изъ-подъ богатыхъ кружевныхъ манжетъ только для того, чтобы пожать руку истиннымъ аристократамъ; онъ сознавалъ всю неисповѣдимую чистоту нашей крови, и скорѣе далъ бы себя разорвать на части чѣмъ запятнать свою руку прикосновеніемъ плебея.

И вотъ, въ продолженіи полутора столѣтія, онъ смотрѣлъ, съ туманно-загрунтованнаго полотна, на всѣхъ кто сидѣлъ и писалъ у дубоваго стола. Можетъ-быть, онъ стоялъ здѣсь неутомимымъ сторожемъ, чтобы никто изъ его потомковъ не сбился съ истиннаго пути, не запятналъ славнаго рода, которымъ онъ такъ гордился.

Уже было поздно; я просидѣлъ въ потьмахъ, въ этой янтарной комнатѣ, почти до самой полночи. Не трудно отгадать чѣмъ было занято мое воображеніе въ эти долгіе вечерніе часы: тревожныя мысли, мрачныя предчувствія, грустныя размышленія о томъ, что я измѣняю своему благородному происхожденію, почти отрекаюсь отъ него, продавая его за деньги.

Такъ я сидѣлъ въ темнотѣ, пока стѣнные часы, въ сосѣдней комнатѣ, глухо загудѣли передъ тѣмъ, какъ пробить полночь, и раздались двѣнадцать медленныхъ ударовъ.

Я пошелъ засвѣтить лампу, принесъ ее, и опять сѣлъ за письменный столъ, противъ послѣдняго барона Сондона, въ его бархатномъ кафтанѣ и кружевахъ. Невѣрный свѣтъ лампы игралъ на его полныхъ, гладкихъ щекахъ; онъ все такъ же спокойно смотрѣлъ на своего недостойнаго потомка. Тогда мнѣ пришла мысль: что̀ еслибъ я былъ его сынъ, или, еслибъ онъ дожилъ до нынѣшняго дня, и мнѣ бы приходилось ему объявить о моемъ унизительномъ намѣреніи, о пятнѣ, которымъ я готовился заклеймить его великій родъ? Я сталъ представлять себѣ, какъ гладкія щеки послѣдняго барона Сондона искривились бы гнѣвомъ, какъ кровь прихлынула бы ему въ лицо, какъ онъ бы разорвалъ свои тонкія, безукоризненно-бѣлыя манжеты, какъ онъ проклялъ бы меня и выгналъ бы изъ дому, какъ бы онъ, по всей вѣроятности, не пережилъ такого позора. Вотъ и мой бѣдный отецъ теперь уже въ семейномъ склепѣ; я хорошо зналъ, какъ онъ огорчился бы этимъ дѣломъ, онъ сошелъ бы прежде времени въ гробъ. Мнѣ казалось, что старинный лордъ Сондонъ нахмурясь взглянулъ на меня, когда часы пробили половину перваго.

VII.

Сондонская церковь была наполнена Сондонами. Стоило пріѣхать посмотрѣть на нее. Она представляла совершенную геральдическую панораму: всякій придѣлъ, всякій уголъ, были заставлены изображеніями покойныхъ Сондоновъ. Тутъ были Сондоны въ латахъ, Сондоны въ парикахъ, лежащіе неподвижно на своихъ гробницахъ, съ руками скрещенными на груди; другіе стояли на колѣняхъ, по двое рядомъ на каменныхъ подушкахъ, и богатый узоръ ихъ фрезъ и манжетъ былъ отчетливо высѣченъ изъ бѣлаго мрамора.

Вся эта знатная компанія лежитъ подъ скромною кровлей деревенской церкви; низенькая колокольня вся обросла плющомъ, а наружныя стѣны расползлись во всѣ стороны, такъ что издали казалось, что длинная крыша церкви опускалась до самой земли; ветхія, покатыя стѣны возвышались только тамъ, гдѣ онѣ образовали большія окна, съ поблекшими цвѣтными стеклами, нѣкогда зелеными съ желтымъ, также почти совершенно завѣшенныя плющомъ. Я бы не посовѣтовалъ никому, особливо потомку Сондоновъ, бродить здѣсь ночью, когда мѣсяцъ проливаетъ зеленовато-желтый, фосфорическій свѣтъ, сквозь расцвѣченныя окна, рисуя на полу странные узоры, среди которыхъ высятся эти бѣлыя, холодныя, недвижныя фигуры.

Въ церкви старинный органъ,—одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ органовъ, вывезенныхъ изъ Голландіи лѣтъ двѣсти тому назадъ; изъ него такъ и льются мягкіе, густые звуки. И вотъ эти звуки тихо полились подъ темными сводами, надъ каменными молящимися статуями, до самаго входа, у котораго я стою, съ трудомъ сдерживая трепетныя біенія своего сердца. А звуки все льются, и мѣсяцъ свѣтитъ сквозь алмазныя окна, бросая золотистый отливъ на каменныя плиты, и при невѣрномъ его блескѣ передо мной является хорошо знакомая фигура.

Фигура въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ, развѣвающемся парикѣ, съ блѣдными пальцами, которые почти скрыты кружевными манжетами, и съ гладкими, полными щеками. Онъ спокойно оперся на какую-то гробницу; лучъ мѣсяца, пробиваясь сквозь алмазныя окна, завѣшенныя плющомъ, прямо падаетъ на звѣзду, украшающую его грудь. А тихіе звуки органа все не умолкаютъ. Вотъ онъ всталъ, и обходитъ всѣ гробницы, задумчиво останавливаясь передъ каждою изъ нихъ.

Передъ молящимися рыцарями, передъ рыцарями и дамами, стоящими на колѣняхъ въ массивныхъ, мраморныхъ фрезахъ, передъ великими сановниками въ величавыхъ парикахъ, передъ епископами, канцлерами, полководцами, прославившими родъ Сондоновъ, передъ благородными дамами, промѣнявшими свое имя на другое, такое же знатное, въ память которыхъ, прибиты къ сѣрымъ стѣнамъ металлическія плиты, вездѣ онъ останавливается, читаетъ надписи, и спокойная, довольная улыбка скользитъ по его гладкимъ щекамъ: всѣ потомки были достойны перваго барона Сондона. Итакъ, онъ идетъ отъ одной гробницы къ другой, а органъ все продолжаетъ тихо играть. Наконецъ онъ останавливается въ двухъ шагахъ отъ меня, и читаетъ надписи на новомъ памятникѣ, украшенномъ двумя бюстами. Но вотъ глаза его засверкали, его гладкія щеки покривились, его зубы стиснулись; я, изъ чистаго любопытства, подхожу къ нему и читаю черезъ его плечо надпись на новомъ памятникѣ.

Она гласила (я легко могъ прочесть при палевомъ свѣтѣ луны), что здѣсь лежитъ тѣло какого-то Пирса Сондона эсквайра, со всѣми его титулами, почестями, добродѣтелями, и жены его Алисы, у которой не было никакихъ титуловъ, никакихъ почестей, никакихъ добродѣтелей, не было фамиліи, ни роду, не было родословной. О, теперь я понимаю, наконецъ, что̀ такъ взволновало величаваго пращура въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ! Теперь я вижу, на что̀ указываетъ мнѣ его блѣдный, дрожащій палецъ, высунувшійся изъ-подъ кружевъ манжеты! Я понимаю, почему онъ обернулся, услыша мой отчаянный крикъ, и все указывая мнѣ на пятно, обезчестившее его имя, вперилъ въ меня взглядъ, полный гнѣва и негодованія!

Но съ этимъ крикомъ всѣ предметы потемнѣли вокругъ меня; сѣрая церковь, палевый свѣтъ луны, бѣлыя статуи, спящія на гробахъ, старинныя окна съ алмазными стеклами, тихая музыка стариннаго органа, все исчезло, за исключеніемъ стараго барона Сондона, въ бархатномъ кафтанѣ, со звѣздой на груди.

VIII.

Я уже сказалъ, что лордъ Виллоби большею частію жилъ въ чужихъ краяхъ, и пріѣзжалъ на родину только изрѣдка, на короткое время. Въ Италіи славныя имена попадаются цѣлыми сотнями. Итакъ, онъ придерживался своей виллы на берегахъ Арно, и пользовался большимъ почетомъ между италіянскими князьями. Всѣ убѣжденія, всѣ вѣрованія лорда Виллоби сосредоточива-

лись на одномъ словѣ: *кровь*. «Мы съ вами, говаривалъ онъ мнѣ, одни порядочные люди въ цѣломъ графствѣ; остальное все сволочь, начиная съ этого Гекльтона!»

Этого Гекльтона онъ ненавидѣлъ всею душою. Теперь онъ опять пріѣхалъ въ свои помѣстья; говорили, что надолго, потому что онъ привезъ съ собою дочь и многочисленную прислугу.

Милордъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Гольмъ-Голлисъ на другое же утро; изъявилъ свое удовольствіе, что засталъ меня въ добромъ здравіи, а потомъ сталъ толковать про князей и маркизовъ и другіе высокіе предметы, и про свою виллу на берегахъ Арно.

Все это было достаточно пріятно послѣ долгаго пребыванія въ Красной Фабрикѣ. Утѣшительно было чувствовать себя въ обществѣ аристократа, и какого аристократа! Потомъ, повернувъ разговоръ на сосѣдей:

— Кстати, сказалъ онъ,—я видѣлъ Гекльтона, этого принца сволочи, какъ я называю его. Я хотѣлъ съ вами о немъ поговорить. Выслушайте меня, и не тревожьтесь.

Что̀ онъ хотѣлъ сказать?

— Вы знаете, продолжалъ лордъ,—что я всегда терпѣть не могъ этого выскочки. Я всегда говорилъ, что онъ сволочь, и всегда способенъ на всякую подлость. Такъ послушайте же: знаете ли, что̀ сдѣлалъ этотъ благородный негоціантъ, этотъ почтенный баронетъ, въ то время какъ вы у него гостили? Не тревожьтесь, я почелъ долгомъ вамъ сказать...

— Что̀? воскликнулъ я въ смущеніи.

— Онъ скупилъ всѣ ваши векселя, занялъ мѣсто вашихъ кредиторовъ. Я знаю, что онъ имѣетъ виды на ваше имѣніе. Не правда ли, благородный поступокъ?

Я стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— Да увѣрены ли вы? проговорилъ я.—Неужели это правда?

— Послушайте! сказалъ лордъ,—у него дочь, не правда ли, прелестное, привлекательное созданіе... отличная приманка? Понимаете ли вы теперь весь его планъ? Съ одной стороны векселя, взысканія; съ другой—прелестная очаровательница. Выбирайте! Вотъ въ чемъ штука!

Да, точно, вотъ въ чемъ штука! Я былъ слѣпъ, что давно не догадался обо всемъ. Такъ вотъ чѣмъ объяснялась эта нѣжная заботливость о моихъ дѣлахъ, этотъ тщательный разборъ бумагъ и документовъ, который я имѣлъ глупость дозволить! Вотъ для чего сговорились оба брата, вотъ для чего ко мнѣ былъ подосланъ горбоносый, съ его наглыми намеками! Какая пошлая, подлая уловка!

— Мы съ вами, продолжалъ лордъ,—одни чистой крови въ цѣломъ графствѣ; мы должны другъ за друга стоять. Если даже

онъ предъявитъ свои векселя, вы не бойтесь; есть кому за васъ заступиться. Эта милая дѣвушка васъ не ловила? Вы не попались въ ея сѣти? Ради Бога, не говорите мнѣ этого!

Я вспыхнулъ невольно; лордъ Виллоби какъ-то странно на меня посмотрѣлъ.

IX.

Вотъ что я напрямикъ сказалъ купеческому баронету (я его засталъ въ кабинетѣ вмѣстѣ съ торбоносымъ братомъ):

— Сэръ, вы поступили самымъ недостойнымъ образомъ, недостойнымъ титула, который вы носите. Но ваша хитрость не удалась. Дѣлайте что хотите. Вы можете разорить меня; но вы не можете заставить меня унизиться до такого брака.

Его блѣдное лицо вспыхнуло вдругъ, его пальцы задрожали. Горбоносый улыбался.

— Вашъ посланный, продолжалъ я, задыхаясь отъ гнѣва,— отлично исполнилъ ваше порученіе, стараясь сегодня утромъ пошатнуть мою бѣдную вѣру въ благородство крови—единственное достояніе, которое уцѣлѣло у меня. Но, благодаря Бога, это ему не удалось!

Волненіе душило меня. Горбоносый опять улыбнулся.

Баронетъ еще болѣе поблѣднѣлъ. Онъ не ожидалъ, проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ; онъ не могъ ожидать такого упрека. Но онъ понималъ въ чемъ дѣло. Ему нечего теперь оправдываться; хотя онъ не изъ знатнаго рода, но у него есть свои гордость, свое чувство человѣческаго достоинства. Время все покажетъ!

Говоря это, онъ всталъ и началъ разбирать бумаги на столѣ.

Мнѣ стало совѣстно; я не совсѣмъ великодушно поступилъ съ нимъ.

— Отдайте эти бумаги мистеру Сондону, сказалъ онъ. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, онъ повторилъ:—Сэръ, время покажетъ вамъ, что вы были ко мнѣ не справедливы!—И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ векселя, которые мнѣ поручено вамъ отдать, сказалъ горбоносый.

— Я знаю, какая имъ полагается цѣна! отвѣчалъ я презрительно и удалился.

X.

Такимъ способомъ, я разомъ пересѣкъ всѣ узы, соединявшія меня съ баронетомъ; я гордо отвернулся отъ него и отъ златовласой дѣвушки. Благородная кровь восторжествовала, она жестоко отомстила за оскорбленіе, которымъ ей угрожали. Дерзкій плебей былъ затоптанъ въ грязь. А между тѣмъ, у меня на душѣ залегъ какой-то тяжелый камень, не дававшій мнѣ вздохнуть свободно ни днемъ, ни ночью; часто, даже во снѣ, мнѣ мерещились знакомыя золотистыя кудри, или блѣдное лицо и дрожащіе пальцы плебея, и мнѣ невольно приходило на умъ, что мой величавый аристократизмъ выказалъ себя черезчуръ жестокимъ и безпощаднымъ образомъ.

На слѣдующей недѣлѣ, въ то время какъ я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, стараясь сколько-нибудь привести въ порядокъ дѣла, мнѣ доложили о пріѣздѣ лорда Виллоби. Благородный лордъ былъ у меня наканунѣ и почти всѣ предыдущіе дни, и всячески старался со мною сблизиться, вѣроятно изъ уваженія къ неоспоримой чистотѣ моей крови. Однако, съ его стороны такая предупредительность все-таки удивляла меня: лордъ Виллоби вообще держалъ себя необыкновенно гордо и неприступно.

Онъ очень ласково пожалъ мнѣ руку, сказавъ, что весьма радъ меня видѣть и надѣется покороче со мною познакомиться. Кстати, онъ имѣетъ кой-что сообщить мнѣ, и, съ этими словами, онъ вынулъ письмо.

— Вотъ что̀ мнѣ пишетъ, сказалъ лордъ,—одинъ мой родственникъ, членъ верхней палаты. Онъ говоритъ, что дѣло о вашемъ баронствѣ почти выиграно; стоитъ только немного похлопотать человѣку съ вѣсомъ...

У меня прервалось дыханіе.

— Вы хотите сказать... проговорилъ я.

— Я хочу сказать, отвѣчалъ лордъ шутливымъ тономъ,—что при небольшой протекціи все можно уладить. Пріѣзжайте завтра ко мнѣ отобѣдать, и мы объ этомъ потолкуемъ. Кстати, вы не видали еще моей дочери, Констансы.

Баронство почти въ моихъ рукахъ! Возможно ли? Что̀ это значило? Не смѣшно ли подумать, что титулъ достанется разоренному, бездомному бѣдняку, которому одно убѣжище—приходскій рабочій домъ!

— Полно, полно! говорилъ лордъ Виллоби, на другой день, въ то время какъ мы дожидались обѣда у него въ гостиной.— Что̀ значатъ какіе-нибудь должки? Можно васъ выручить изъ бѣды. Мало ли найдется людей, которые не пожалѣютъ нѣсколькихъ тысячъ, чтобы помочь молодому человѣку, только что вступающему въ жизнь!

Тутъ вошла дочь, Констанса, блѣдная, бѣлая, но съ истинно-аристократическою осанкой, величавая, какъ королева. Кровь всегда даетъ себя знать.

Бѣдная златовласая Алиса всегда входила робко, нерѣшительно, какъ бы не зная, какъ ее примутъ. Но, глядя на Констансу, по одному гордому изгибу ея шеи, видно было, что она рождена повелѣвать. Не хочу пересказывать, какъ мила и предупредительна она была со мною весь этотъ вечеръ, какъ любезенъ былъ благородный лордъ. Опять зашла рѣчь о баронствѣ: лорду Виллоби стоило только шевельнуть пальцами, чтобы покончить все дѣло.

Польексъ—дуракъ. Гораздо лучше предоставить все ему, лорду Виллоби. Но онъ позволилъ себѣ сдѣлать мнѣ одно замѣчаніе: молодому человѣку, изъ знатнаго рода, желающему составить карьеру, слѣдовало бы остепениться, начать серіозную жизнь. Онъ все яснѣе и яснѣе намекалъ на свою собственную блѣдную, величавую дочь. Что̀ же касается до моихъ денежныхъ затрудненій, кто не почтетъ за удовольствіе выручить благороднаго молодаго человѣка, запутаннаго въ долги совершенно не по своей винѣ?

ГЛАВА XI.

Я сталъ ухаживать за блѣднолицею Констансою, искать ея любви—все въ виду той же цѣли, указанной мнѣ лордомъ Виллоби. Казалось, она на меня смотрѣла благосклонно, но какъ холодно и безжизненно было это ухаживаніе! Всѣ милостивые взгляды, милостивыя улыбки знатной дѣвушки не могли согрѣть моего сердца. Я сказалъ, что разомъ разорвалъ всѣ узы, соединявшія меня съ семьей баронета.

Всѣ ли? Я боюсь, что эти тонкія, золотистыя нити вѣчно будутъ меня тянуть назадъ. Эти свѣтлыя кудри опутали мое сердце непроницаемою сѣтью. Грустно мнѣ, тяжело на душѣ. О эта благородная кровь!

ГЛАВА XII.

Но что же сталось между тѣмъ съ векселями, взысканіемъ, съ Евреемъ Леви, съ незнакомыми людьми, приходившими за мною и не возвращавшимися съ тѣхъ поръ? Лордъ Виллоби какъ-то странно улыбался, когда я заводилъ рѣчь о нихъ; заминалъ разговоръ, но прямо не отрицалъ своего соучастія. Зачѣмъ же эти люди отправились потомъ въ Красную Фабрику? Какой-то таинственный голосъ постоянно нашептывалъ мнѣ, что была какая-то связь между семействомъ баронета и временнымъ отдыхомъ, которымъ я пользовался теперь.

Но лордъ Виллоби опять лукаво подмигивалъ и улыбался, и ничего не хотѣлъ говорить, ничего, ни единаго слова.

«Пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ, писалъ мнѣ лордъ, мнѣ необходимо съ вами поговорить.» Не трудно было отгадать въ чемъ дѣло. Итакъ, мнѣ пришлось отправиться въ путь, несмотря на темный декабрьскій вечеръ и поднимающуюся вьюгу. Въ былыя времена, я, во всякую погоду, такъ весело ѣздилъ въ другую сторону! Но теперь все это прошло и миновалось.

Лорда Виллоби я засталъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; онъ все острился и шутилъ, и самъ хохоталъ отъ души. Двойной рядъ его фальшивыхъ зубовъ безпрестанно блестѣлъ передъ моими глазами; онъ на все смотрѣлъ такъ весело, такъ легко! Онъ любезно изъявилъ свое удовольствіе имѣть такого пріятнаго собесѣдника какъ я, хотя, по правдѣ сказать, я находился въ очень непріятномъ настроеніи. Орѣхи такъ и щелкали подъ его аристократическими пальцами, такъ и сыпались остроты. Благородная блѣднолицая дѣва также была здѣсь, въ особенно-богатомъ нарядѣ, и еще милостивѣе обыкновеннаго смотрѣла на меня.

Орѣхи все щелкали, все продолжалась легкая болтовня. Странное дѣло! въ этотъ вечеръ, лордъ Виллоби ни разу не упомянулъ о чистой крови—предметѣ, обыкновенно не сходившемъ у него съ языка. Я помню, что и тогда меня это поразило.

Все щелкали орѣхи; зашелъ разговоръ о моихъ дѣлахъ. Какъ пріятно было бы, говорилъ онъ, еслибъ я могъ освободиться отъ всѣхъ этихъ денежныхъ дрязгъ, и начать жизнь заново, не боясь ни взысканій, ни векселей, ни Евреевъ. Онъ долго продолжалъ въ этомъ тонѣ; потомъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, онъ спросилъ: подумалъ ли я хорошенько, на какой я нахожусь дорогѣ?

Я отвѣчалъ разсѣянно, что думалъ, и не разъ, но что я рѣшительно не видѣлъ средства выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Лишь только разговоръ коснулся дѣлъ, Констанса встала и вышла изъ комнаты.

— Ну, сказалъ лордъ, выставивъ свои блестящіе зубы,—я помогу вашимъ соображеніямъ. Между кровными людьми, въ особенности же при такой огромной разницѣ лѣтъ, какъ между нами, слѣдуетъ дѣйствовать напрямикъ. Я вижу все, что̀ происходитъ вокругъ меня — да, все, все!

Опять подъ его пальцами щелкнулъ орѣхъ, и онъ откинулъ голову назадъ, лукаво щурясь на меня. Потомъ онъ опять повторилъ, что онъ не слѣпъ, что онъ все видитъ и знаетъ. Однимъ словомъ: всѣ мои долги будутъ уплачены—жизнь открыта передо мною. На это я могъ отвѣчать только благодарностію, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Но лордъ еще не все сказалъ. Видно было, что онъ затруднялся тѣмъ, что̀ ему оставалось прибавить.

— Вы видите, говорилъ онъ, любезно улыбаясь,—какое отличное у васъ будетъ положеніе. Не всѣ молодые люди вступаютъ въ жизнь при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Да и Констанса—такая милая и добрая, и любитъ васъ, право, до безумія! Вспомните также, прибавилъ лордъ поспѣшно, — что титулъ барона вы можете получить не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ. Даю вамъ въ томъ честное и благородное слово.

Въ продолженіи всего разговора, губы лорда Виллоби какъ-то судорожно подергивались.

— Кстати, продолжалъ онъ торопливо,—мнѣ нужно вамъ сказать, потому что между людьми, такими близкими, не должно быть тайны, да къ тому же молодому человѣку въ вашемъ положеніи не приходится быть черезчуръ щепетильнымъ...

Онъ остановился и нагнулся къ орѣхамъ.

— Черезчуръ щепетильнымъ, говорю я...

Что онъ хотѣлъ сказать?

— Вы знаете, любезный Сондонъ, мы всѣ—слабыя созданія, всѣ, даже самые почтенные изъ насъ. Кто изъ насъ не былъ молодъ? Кто не дѣлалъ глупостей на своемъ вѣку? Да, баронство мы непремѣнно выхлопочемъ для васъ. Жена моя (вы ее не можете помнить) умерла давно, задолго передъ тѣмъ какъ родилась Констанса...

— Какъ! воскликнулъ я вставая:—вы хотите сказать, что...

— Именно, сказалъ лордъ, выказывая свои бѣлые зубы, — я вижу, что вы меня поняли. Но вспомните: баронство!

Я сперва не могъ повѣрить тому, что̀ слышалъ. Но онъ высказался еще яснѣе. Я потерялъ всякую власть надъ собою. Какъ

смѣть сдѣлать мнѣ такое предложеніе! Я пришелъ въ бѣшенство; я ударилъ его по лицу и бросился вонъ изъ дому.

Ночь была темная, вьюга ревѣла; я почти не зналъ дороги. Но я ни минуты долѣе не могъ остаться въ этомъ проклятомъ домѣ. Я не обращалъ вниманія на вѣтеръ и непогоду. Въ моей душѣ было только одно горькое чувство: я потерялъ вѣру въ незапятнанную честь аристократической крови. Если я былъ обманутъ здѣсь, то на что̀ еще могу я положиться? И опять являлось передо мной блѣдное лицо баронета, опять я встрѣчалъ въ его взглядѣ грустный упрекъ. Вездѣ недоумѣніе, вездѣ мракъ. Вѣдь виною всему намеки этого подлеца, и, кто знаетъ, была ли въ нихъ хоть искра правды? А она, моя златовласая Алиса, покинута, забыта, брошена мною, какъ бѣдный цвѣтокъ! О глупецъ, глупецъ обманутый, опутанный, породистый глупецъ!

Но еще не было поздно. Я услышалъ приближавшійся стукъ колесъ. То была карета, ѣхавшая за мною къ лорду Виллоби; ея появленіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати.

ГЛАВА XIII.

Еще не было десяти часовъ, когда я подъѣхалъ къ Вилла-Реале. Я все разказалъ баронету и его дочери. Подозрѣнія мои оправдались. Благородный лордъ унизился даже до лжи. Баронетъ удовлетворилъ и отправилъ незнакомыхъ людей, спрашивавшихъ меня.

— Вѣдь я вамъ говорилъ, сказалъ онъ, съ своею тихою улыбкой,—что время все покажетъ.

Потомъ, когда я испросилъ прощеніе и у него, и у его дочери, когда я старался стать къ нимъ въ прежнія, увы! почти невозвратимыя отношенія, онъ мнѣ сказалъ обычнымъ, спокойно-меланхолическимъ тономъ:

— Я никогда и не думалъ о томъ, чтобы возвысить мою дочь надъ нашею скромною средой. Въ то время какъ вы такъ жестоко осуждали насъ, я имѣлъ твердое намѣреніе никогда не соглашаться на ваше предложеніе. Вотъ мои правила; я въ нихъ воспиталъ и дочь, и я надѣюсь, что она имъ останется вѣрна до конца жизни. У насъ, плебеевъ, есть своя гордость, свое чувство чести. Итакъ, сэръ, намъ лучше не возобновлять этого разговора.

Каждое слово баронета острымъ ножемъ врѣзывалось въ мое сердце. Итакъ, Алиса навѣки удалилась отъ меня!

Трудно и тяжело мнѣ влачить свою жизнь, полную горькаго раскаянія и напрасныхъ стремленій. Напрасно рвется мое сердце ко всему, чего лишило меня собственное безуміе. Во всякомъ случаѣ, я получилъ жестокій урокъ. Говорятъ, что время творитъ чудеса; возвратитъ ли оно мнѣ Алису? Неизвѣстно; одна эта темная, невѣрная надежда поддерживаетъ мои нравственныя силы. Я живу только въ будущемъ; я потерялъ всякую вѣру въ прошедшее.

СЕМЕЙСТВО АЛЬВАРЕДА

РАЗКАЗЪ ФЕРНАНА КАВАЛЬЕРО

(Переводъ съ испанскаго.)

Часть первая.

ГЛАВА I.

Слѣдуя за изгибомъ древнихъ севильскихъ стѣнъ, окружающихъ городъ каменнымъ поясомъ, встрѣтимъ, направо отъ рѣки, ворота Св. Фернанда.

Изъ этихъ воротъ, прямою линіей тянется дорога по всей равнинѣ, до горы, названной Буэна Виста; дорога проходитъ черезъ каменный мостъ, выстроенный надъ рѣчкой Тагарете, и поднимается до самой вершины горы, на которой находятся развалины часовни.

Если сверху взглянуть на эту дорогу, она покажется намъ длинною рукой, которую Севилья протягиваетъ къ развалинамъ, какъ бы для того чтобъ обратить на нихъ вниманіе. Эти развалины не велики размѣрами и лишены всякаго художественнаго достоинства, но съ ними связаны историческія воспоминанія о великомъ королѣ Фердинандѣ III, имя котораго до сихъ поръ пользуется такою популярностію, что ему удивляются, какъ герою, его чтутъ какъ святаго, его любятъ какъ монарха.

Дорога спускается по другой сторонѣ горы, къ небольшой долинѣ, по которой вьется ручеекъ, такой прозрачный и чистый,

что видны всѣ блестящіе камушки и золотистый песокъ на его днѣ.

Немного далѣе, направо отъ дороги, стоитъ веселенькая и уютная *вента* (1), а насупротивъ, влѣвѣ, возвышается мавританскій замокъ, на холмѣ, который какъ будто бы служитъ ему пьедесталомъ.

Этотъ замокъ былъ подаренъ королемъ донъ-Педро Кастильскимъ его знаменитой и прекрасной любовницѣ, доньѣ Маріи де-Падилья, и до сихъ поръ носитъ ея имя.

И гостинница и замокъ *доньи-Маріи* перешли, вслѣдствіе какого-нибудь набожнаго пожертвованія, во владѣніе севильскаго собора, который въ наши уже времена продалъ ихъ частному лицу. Новый покупатель заплатилъ за богатыя пастьбища и прекрасныя оливковыя рощи *доньи-Маріи*; историческія же воспоминанія не вошли въ разчетъ, потому что, немного времени спустя, древняя, почернѣвшая *донья-Марія* появилась вся выбѣленная за-ново, изукрашенная зелеными рѣшетками, зеркальными окнами, нарядная, расфранченая какъ дѣвушка-щеголиха; такъ что между восхищенными поселянами разнесся слухъ, что должно-быть прелестная грѣшница, наконецъ, послѣ пятисотъ лѣтъ, проведенныхъ въ пеклѣ, искупила свои земныя заблужденія, и была помилована Господомъ. Любители же поэтической старины и древнихъ историческихъ воспоминаній плакали и сожалѣли объ этомъ святотатствѣ.

Но будемъ слѣдить за дорогой, ведущею по цвѣтущему пастьбищу, усѣянному дубами и пальмовыми деревьями, до самой деревни *Досъ-Германосъ*, расположенной на песчанистой равнинѣ, миляхъ въ двухъ отъ Севильи.

Чтобы придать этому мѣстечку хотя тѣнь живописности или красоты, нужно обладать весьма пылкимъ воображеніемъ, какимъ не одаренъ авторъ этихъ строкъ. Онъ только умѣетъ описывать, а не придумывать небывалыхъ красотъ.

Тутъ не увидишь ни озера, ни тѣнистыхъ рощъ, ни изящныхъ дачекъ съ зелеными рѣшетками у оконъ, съ навѣсами изъ виноградныхъ лозъ, съ павлинами и гвинейскими курицами, клюющими свѣжую травку, ни темныхъ аллей изъ раскидистыхъ деревьевъ, выстроенныхъ въ рядъ, какъ невольники, поддерживающіе огромные зонтики, чтобы защищать отъ солнца всѣхъ проходящихъ,—всего этого тутъ нѣтъ. Грустно намъ въ этомъ сознаться! Тутъ все просто, грубо, не изящно. Но за то, вы тутъ встрѣтите добрыя, веселыя лица, которыя докажутъ вамъ, что и здѣсь можно счастливо жить. Тутъ почти на каждомъ дворѣ

(1) *Venta*—уединенная гостиница.

увидишь цвѣты, а еще больше чѣмъ цвѣтовъ, у каждыхъ воротъ, встрѣтишь веселыхъ и свѣжихъ дѣтей. Тутъ найдете мирное сельское уединеніе, тутъ на васъ повѣетъ какимъ-то особеннымъ спокойствіемъ, тутъ и небо какъ-то ясно улыбается вамъ.

Деревня состоитъ изъ нѣсколькихъ широкихъ и правильныхъ улицъ, сходящихъ къ большой песчаной площади, въ концѣ которой возвышается прекрасная церковь.

За церковью вы найдете оазисъ, отдѣляющійся среди этой печальной пустыни. Большія ворота ведутъ на обширный дворъ; тутъ выстроена часовня Св. Анны, покровительницы мѣстечка; рядомъ съ часовней—скромный домикъ церковнаго сторожа, который служитъ также и пономаремъ. На дворѣ вы увидите столѣтніе темные кипарисы, граціозныя воздушныя акаціи, покрытыя благоуханными цвѣтами, величественныя померанцевыя деревья—любимое произведеніе андалузской земли; тутъ вьется виноградная лоза, нуждающаяся, подобно ребенку, въ опорѣ и защитѣ: она какъ будто бы прижимается съ любовью къ поддерживающей ею шпалерѣ.

Налѣво и направо отъ мѣстечка зеленѣютъ безконечныя оливковыя рощи, главная отрасль промышленности въ Андалузіи. Деревья разсажены довольно рѣдко, что̀ придаетъ рощамъ довольно веселый видъ; но непріятно поражаетъ почва, однообразно изрытая плугомъ. Отъ времени до времени встрѣчаются хозяйственныя строенія мызы, къ которой принадлежитъ участокъ, — строенія большею частію совершенно неуклюжія, безъ тѣни архитектурной правильности; можно долго кружиться около нихъ, не находя фасада. Всего величественнѣе и живописнѣе башни вѣтреныхъ мельницъ, возвышающіяся надъ оливковыми деревьями, какъ бы для того, чтобы стеречь ихъ. Эти мызы большею частію принадлежатъ севильской аристократіи; но, обыкновенно, въ нихъ никто не живетъ; знатныя дамы вообще не охотницы до сельской тишины, и дома стоятъ опустѣлые и запущенные, точно чердаки, и вокругъ царствуетъ такое уединеніе, что цѣлый день не слышно другаго звука кромѣ крика пѣтуха, сторожащаго свою семью, или мычанія какого-нибудь стараго осла, уволеннаго отъ работы и скучающаго одиночествомъ.

Однако, въ одинъ чудный вечеръ, въ январѣ 1810 года, по рощѣ раздавался свѣжій и звонкій голосъ молодаго человѣка лѣтъ двадцати; онъ бодро шелъ съ ружьемъ на плечѣ по узенькой тропинкѣ между оливковыми деревьями. Онъ былъ высокъ и строенъ; весь его складъ, всѣ его движенія, его походка, поражали тѣмъ изящнымъ благородствомъ, до котораго не достигаетъ никакое искусство, но которымъ природа такъ щедро наградила андалузскій народъ. Голова его, нѣсколько закинутая на-

задъ, покрытая черными кудрями, представляла типъ испанской красоты: большіе черные глаза, твердый проницательный взглядъ, верхнюю губу, насмѣшливо приподнятую, выказывающую бѣлые, блестящіе зубы. Все въ немъ дышало силой, энергіей, избыткомъ жизни. Бѣлая рубашка застегивалась серебряною запонкой на его смуглой шеѣ; на немъ была надѣта куртка изъ сѣраго сукна, такія же коротенькія панталоны, привязанныя у колѣнъ шелковыми снурками съ кисточками; желтый шелковый поясъ нѣсколько разъ обвивался вокругъ его стройнаго стана. Онъ былъ обутъ въ грубые кожаные башмаки, и такія же штиблеты, крѣпко простеганныя; широкополый самбреро, обшитый бархатомъ и украшенный шелковыми кистями, щегольски загнутый на лѣвую сторону, довершалъ изящный андалузскій костюмъ.

Этотъ молодой человѣкъ, извѣстный въ Досъ-Германосѣ своею дѣятельностію, смѣлостію и энергіей, былъ призванъ главнымъ надсмотрщикомъ одной изъ ближнихъ мызъ, чтобы стеречь домъ во время сбора оливокъ.

Дошедши до забора, ограждавшаго оливковыя деревья, онъ не потрудился отыскать калитку, а просто перепрыгнулъ черезъ него, и тамъ, на дорогѣ, столкнулся съ другимъ юношей, немногимъ старше его, который также возвращался домой. Онъ былъ одѣтъ почти одинаково съ нимъ, но ростомъ былъ ниже и менѣе строенъ. Его сѣрые глаза смотрѣли тише и спокойнѣе; его улыбка была кротка и задумчива. Вмѣсто ружья, онъ несъ на плечѣ лопату; рядомъ съ нимъ медленно шелъ оселъ — онъ не подгонялъ его; а за нимъ слѣдовалъ большой песъ, бѣло-желтоватаго цвѣта, съ густою и короткою шерстью, принадлежащій къ отличной породѣ эстремадурскихъ овчарокъ.

— Эй! ты ли это, Перико? Господь тебя храни! сказалъ первый.

— И тебя также, Вентура, отвѣчалъ тотъ.—Ты отправляешься домой?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вентура,—я иду за зеленью. Сегодня ровно восемь дней...

— ...Восемь дней, какъ ты не видалъ моей сестры Эльвиры?... прервалъ Перико съ своею кроткою улыбкой.—Хорошо, другъ, ты однимъ выстрѣломъ хочешь убить двухъ зайцевъ.

— Молчи, и мы будемъ молчать, Перико, отвѣчалъ молодой сторожъ.—У кого совѣсть не чиста, тотъ не уже лучше не кивай на сосѣда.

— Счастливъ ты, Вентура, продолжалъ Перико, вздыхая,—ты можешь жениться, когда тебѣ вздумается, и никакихъ не будетъ препятствій!

— А ты? спросилъ Вентура:—кто или что можетъ тебѣ помѣшать жениться?

— Воля моей матери, отвѣчалъ Перико.

— Что̀ ты говоришь! Неужели? воскликнулъ Вентура:—отчего же, чѣмъ ей не нравится Рита? Она молода, красива, изъ хорошей семьи: вѣдь она тебѣ двоюродная сестра!

— Именно, по этой-то причинѣ матушка не даетъ намъ согласія на свадьбу.

— И, вздоръ какой! Это все старушечье ханжество. Ужь не хочетъ ли она передѣлать церковный уставъ, который позволяетъ такіе браки?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Перико:—матушку останавливаютъ не религіозныя сомнѣнія; она говоритъ, что брачные союзы между очень-близкими лицами противны самой природѣ; что родственная кровь отталкиваетъ другъ отъ друга; что на такія супружества рано или поздно разразятся несчастія и горе. Она тому видѣла сотни примѣровъ.

— Да ты ея не слушай, сказалъ Вентура:—пускай себѣ она пророчитъ несчастія, какъ ночная сова. Матери всегда найдутъ какое-нибудь препятствіе къ женитьбѣ сына.

— Нѣтъ, серіозно проговорилъ Перико:—я никогда не женюсь безъ согласія матери.

Нѣсколько минутъ шли они молча, потомъ Вентура сказалъ:

— Я тебѣ даю совѣты, а самъ не слѣдую своимъ правиламъ. Развѣ воля моего отца не держитъ меня на привязи, какъ льва на шерстяномъ шнуркѣ? Еслибы не онъ, я былъ бы теперь въ Утрерѣ, гдѣ образуется полкъ волонтеровъ, чтобъ идти драться съ этими проклятыми измѣнниками, которые втерлись къ намъ какъ друзья, а теперь хотятъ насъ поработить. Знаешь ли, Перико, что стыдно намъ оставаться здѣсь, между тѣмъ какъ другіе идутъ драться за отечество.

— Я думаю то же самое, отвѣчалъ Перико,—но какъ же мнѣ оставить мать и сестру? Вѣдь у нихъ никого нѣтъ, кромѣ меня. Но однако знай: если матушка все не будетъ соглашаться на мою свадьбу, я не останусь здѣсь, а уйду вмѣстѣ съ другими молодцами. На это я рѣшился.

— И хорошо сдѣлаешь, сказалъ Вентура съ одушевленіемъ.— Что̀ до меня, когда бы меня ни позвали, я всегда готовъ. И въ этотъ день, повѣрь мнѣ, Перико, нѣсколькими Французами поубавится на испанской землѣ.

— А что̀ будетъ съ Эльвирой? спросилъ Перико.

— Да то же, что̀ бываетъ и съ другими. Будетъ меня ждать... или оплакивать.

Они дошли домой.

ГЛАВА II.

Домъ, гдѣ жило семейство Перико, былъ просторенъ и тщательно выбѣленъ снутри и снаружи; по обѣимъ сторонамъ двери стояли двѣ каменныя бѣлыя скамьи. Надъ воротами былъ вдѣланъ образъ Спасителя, передъ которымъ горѣла лампада, по католическому обычаю предпосылать всему религіозную мысль и ставить все подъ святую защиту. Среди широкаго и чистаго двора возвышалось, на толстомъ, гладкомъ стволѣ, огромное густое померанцевое дерево. Кругообразная земляная насыпь, какъ панцырь, защищала его основаніе. Съ незапамятныхъ лѣтъ, это великолѣпное дерево было источникомъ отрадъ для многихъ поколѣній описываемаго нами семейства. Покойный Хуанъ Альваредо, отецъ Перико, любилъ утверждать, что оно беретъ свое начало со времени изгнанія Мавровъ, въ память котораго и было посажено однимъ Альваредомъ, сражавшимся подъ начальствомъ святаго короля Фернанда; когда же куратъ, братъ его жены, подшучивалъ надъ его притязаніями на такое древнее происхожденіе, онъ, нисколько не смущаясь, хладнокровно отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, всѣ роды стары; что, конечно, богатые роды иногда вымирали, или въ нихъ пресѣкалась прямая наслѣдственная линія, но что этого никогда не случалось между людьми бѣдными.

Женщины въ семействѣ Альвареда приготовляли изъ листьевъ померанцеваго дерева разные цѣлебные напитки для желудка, или для успокоенія нервовъ. Дѣвушки украшали себѣ волосы его цвѣтами, или дѣлали изъ нихъ конфеты; дѣти лакомились его плодами. Птицы съ веселымъ щебетаньемъ вили въ немъ гнѣзда, а хозяева, выросшіе подъ его тѣнью, заботливо поливали его лѣтомъ, а зимою обчищали и избавляли отъ сухихъ листьевъ и сучковъ, какъ бы желая изгладить въ немъ всѣ слѣды старости.

Направо и налѣво отъ входа, были два совершенно одинаковыя жилища, состоявшія изъ залы, съ двумя рѣшетчатыми окошками на улицу, и двухъ каморокъ съ окнами на дворъ, изъ котораго былъ выходъ на другой, задній дворъ, гдѣ находилась кухня, прачешная, пекарня, а посереди росла большая смоковница, до того скромная и непритязательная, что безпрекословно позволяла курамъ устраивать себѣ ночлегъ на ея вѣткахъ, и даже ни разу не стряхнула ихъ, хоть бы ради шутки.

Прошло три года съ тѣхъ поръ какъ умеръ хозяинъ дома. Чувствуя приближающуюся кончину, онъ позвалъ сына своего Перико, и сказалъ ему:

— На твое попеченіе остаются мать и сестра; одну ты долженъ охранять и руководить, другой же ты самъ долженъ повиноваться. Я жилъ всегда въ страхѣ Господнемъ и помнилъ о смерти; оттого-то она меня теперь не пугаетъ и не страшитъ. И ты вспоминай о моей смерти, чтобы не бояться умереть. Всѣ Альвареды были хорошими людьми: въ твоихъ жилахъ течетъ та же испанская кровь, въ твоемъ сердцѣ живутъ тѣ же религіозныя правила; будь какъ всѣ Альвареды, и ты проживешь счастливо и умрешь спокойно.

Вдова его, Анна, была женщина замѣчательная, не только для своей скромной среды, а была бы женщиной замѣчательною и во всякомъ другомъ положеніи. Ее воспиталъ старшій братъ, куратъ, и много способствовалъ къ развитію ея природнаго ума; характеромъ она была тверда и спокойна, непоколебима въ своихъ правилахъ, полна достоинства и благородства. Всѣ эти качества давали ей невольное вліяніе на всѣхъ окружающихъ; она сознавала эту власть, но никогда не употребляла ея во зло. Сынъ ея, Перико, кроткій, дѣятельный, покорный, былъ ея радостью и утѣшеніемъ; въ первый разъ онъ огорчилъ мать свою привязанностью къ Ритѣ.

Ея дочь, Эльвира, была кротка какъ голубь, скромна какъ фіялка, чиста какъ лилія. Дѣтство ея протекло въ болѣзни, что придало ея лицу какую-то воздушную блѣдность и какое-то трогательное выраженіе, дѣлавшее его чрезвычайно привлекательнымъ; чертами же она походила на брата. Съ самаго дѣтства она привязалась къ смѣлому, красивому Вентурѣ, сыну сосѣда Педро, друга и кума покойнаго Хуана Альвареда.

Жена Педро умерла при рожденіи дочери, и дочь эта съ малыхъ лѣтъ была поручена отцомъ алкальской монахинѣ, родной сестрѣ покойницы.

Разлученный съ дочерью, Педро сосредоточилъ всю свою любовь на сынѣ, Вентурѣ; онъ съ гордостью видѣлъ въ немъ самаго красиваго, самаго смѣлаго, самаго храбраго изъ всѣхъ молодыхъ людей въ околоткѣ.

Противъ дома семейства Альвареда, стоялъ крошечный домикъ Маріи, матери Риты. Марія была вдова брата Анны, бывшаго надсмотрщика при одной изъ сосѣднихъ мызъ. Бѣдная женщина была такъ добра, такъ кротка, такъ простодушна, что никогда не находила въ себѣ достаточно силы, чтобы сколько-нибудь умѣрять заносчивый, рѣзкій, вспыльчивый характеръ дочери; эти дурныя свойства, которыя она выказывала съ самаго дѣтства,

развились безъ всякихъ преградъ. Въ ней пылкій нравъ, горячее воображеніе соединялись съ холоднымъ, безчувственнымъ сердцемъ. Ея лицо, необыкновенно красивое и выразительное, живое, румяное, насмѣшливое и кокетливое, составляло совершенную противоположность съ лицомъ ея кузины Эльвиры. Одну можно было сравнить со свѣжею розой, вооруженною колючими шипами, другую съ блѣдною пассифлорой, склоняющеюся подъ своимъ терновымъ вѣнцомъ, эмблемой страданія.

Въ исчисленіи и описаніи всѣхъ членовъ этого семейства и ихъ приближенныхъ мы не должны забыть Мелампа, того большаго пса, котораго мы уже встрѣтили вмѣстѣ съ Перико. Мы должны дать ему надлежащее мѣсто въ нашемъ разказѣ, потому что не всѣ собаки равны, даже *передъ закономъ*. Мелампъ былъ песъ почтенный и важный, безъ притязаній и самолюбія, несмотря на свою необыкновенную силу. Лаялъ онъ рѣдко, и никогда безъ причины, ѣлъ безъ обжорства, во всемъ отличался умѣренностью. Онъ не ласкался къ своимъ хозяевамъ, но ни за что не хотѣлъ съ ними разстаться. Во всю свою жизнь онъ никого не укусилъ; онъ съ величественнымъ презрѣніемъ встрѣчалъ нападки сосѣднихъ собачонокъ, съ ожесточеніемъ лаявшихъ на него; но Мелампъ убилъ шесть лисицъ, трехъ волковъ, и разъ кинулся на быка, который гнался за Перико, и остановилъ его, поймавъ его за ухо, какъ непослушнаго ребенка. Послѣ такихъ услугъ, Мелампъ спокойно спалъ подъ деревомъ, на своихъ лаврахъ.

ГЛАВА III.

Когда молодые люди подошли къ дому, они встрѣтили у дверей Эльвиру и Риту, закутанныхъ въ свои мантильи, желтыя съ черною обшивкой, какія носили въ то время испанскія женщины. Онѣ закрывали ими всю нижнюю часть лица, такъ что видны были только глаза и лобъ.

Поздоровавшись съ ними, Перико сказалъ сестрѣ, указывая ей на Вентуру:

— Смотри, Эльвира, держи его хорошенько: онъ собирается идти навстрѣчу этимъ негодяямъ, которые втерлись къ намъ.

— Вѣдь говорятъ, прибавилъ Вентура,—что они подступаютъ къ Севильѣ. Неужели намъ смотрѣть на нихъ и ждать ихъ сложа руки?

— Господи, помилуй насъ! воскликнула Эльвира: — милосердый Господь не допуститъ такого несчастія! Ахъ! святая Анна, за-

ступница моя! Если ты насъ избавишь отъ этого горя, я обѣщаю тебѣ то, что̀ мнѣ всего дороже, мою косу; я ее повѣшу на голубой лентѣ передъ твоимъ алтаремъ.

— А я, сказала Рита,—обѣщаю святой двѣ гирлянды гвоздикъ, чтобъ украсить ея храмъ въ день праздника, если она устроитъ такъ, чтобы вы уѣхали поскорѣе, а вернулись не скоро.

— Не говори этого, даже въ шутку! воскликнула огорченная Эльвира.

— Оставь ее, пускай себѣ говоритъ. Святая Анна, конечно, предпочтетъ твою чудную косу ея гвоздикамъ, замѣтилъ Вентура.

Тутъ къ нимъ подошла добрая старушка Марія. Марія была старше своей невѣстки; ей было лѣтъ около шестидесяти, а на видъ казалось еще болѣе. Маленькая, худенькая, сгорбленная прежде времени, она куталась въ свою темно-коричневую мантилью и вздрагивала.

— Дѣти! сказала она, увидя ихъ: — ночь убиваетъ день: что вы стоите тутъ и мерзнете?

— Какое мерзнемъ! отвѣчалъ Вентура, разстегивая рубашку:—я весь горю; холодъ у васъ въ костяхъ, тетушка Марія.

— Ты здоровьемъ не шути, сынъ мой, отвѣчала добрая старушка,—и не полагайся на свою молодость; смерть на лѣто не посмотритъ. Этотъ сѣверный вѣтеръ такъ ножомъ и срѣжетъ.

Съ этими словами она вошла въ домъ; всѣ за нею послѣдовали, за исключеніемъ Вентуры, который пошелъ домой покончить какія-то работы.

Анна сидѣла у жаровни, вокругъ которой семья обыкновенно собиралась зимой. Комната была высока и просторна; полъ весь устланъ цыновками. Вокругъ стояли плетеные стулья изъ грубаго тростника, съ низкимъ сидѣньемъ и высокими спинками; столъ изъ сосноваго дерева, на которомъ горѣла большая металлическая лампа, и кресло, обтянутое кожей, довершали простое убранство залы. Въ каморкѣ виднѣлась высокая постель, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, обшитымъ множествомъ накрахмаленныхъ оборокъ; большой сундукъ изъ кедроваго дерева и такой же столикъ, а на немъ изящная статуетка Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости, въ стеклянномъ футлярѣ; нѣсколько четокъ и *Мистическая Гирлянда* или Житія святыхъ, отца Бальтасара Боша Сентельяса.

Когда всѣ собрались, въ томъ числѣ и кумъ Педро, Анна взяла четки и стала читать молитвы. Помолившись, она принялась за веретено. Эльвира стала вязать; Педро, усѣвшись въ кресла, закурилъ сигару; Перико жарилъ на огнѣ каштаны и жолуди и подчивалъ ими Риту, которая спокойно кушала ихъ, Марія же продолжала читать молитвы въ полголоса, и отъ времени до времени кивала головой въ полуснѣ.

— Право, сказалъ Перико,—вода вся пропала. Земля суха, какъ камень, а небо точно затвердѣло. Прошлаго года въ это время такой шелъ дождь, что земли не было видно, такая на ней разрослась трава.

— Да, точно, отвѣчалъ Педро,—нынче скотъ умираетъ съ голоду; а прошлаго года ему вездѣ былъ накрытъ столъ.

— Мнѣ кажется, замѣтила Эльвира кроткимъ своимъ голосомъ,— что скоро пойдетъ дождь. Сегодня надъ рѣкой стояла черная туча, а старики говорятъ, что эти тучи — спящія бури, и что если ихъ пробудятъ вѣтры, онѣ затопятъ землю.

— Конечно, будетъ дождь, сказала Рита. — Вчера я видѣла *пенастную звѣзду*, которая ведетъ за собою бурю.

— Будетъ дождь, подтвердила Марія, пробужденная громкимъ, звучнымъ голосомъ дочери. — У меня опять разыгрался ревматизмъ. Да! теперь пришла пора воды и вѣтра; такъ и слѣдуетъ. Жаль мнѣ только несчастныхъ скотниковъ и пастуховъ, которые проводятъ такія ночи подъ открытымъ небомъ.

— Не сокрушайтесь о нихъ, Марія (сказалъ весельчакъ Педро, у котораго всегда была наготовѣ шутка или прибаутка для подкрѣпленія своихъ словъ),—на семъ свѣтѣ все дѣло въ привычкѣ. Привычка все сглаживаетъ, какъ море; все золотитъ, какъ солнце. Одинъ пастухъ женился на дѣвушкѣ, прелестной какъ роза; случилось такъ, что въ самую свадебную ночь разразилась адская буря, съ вихремъ, громомъ и молніей. Пастухъ не утерпѣлъ, бросилъ молодую, спрыгнулъ съ постели, открылъ окно, и давай кричать: эхъ славная какая ночь пропадаетъ для меня!

— Хороша была красавица, что не умѣла завладѣть его вниманіемъ, сказала Рита съ громкимъ смѣхомъ.

Пробило восемь часовъ; прочли вечернюю молитву, и вскорѣ потомъ всѣ разошлись.

Когда мать и дѣти остались одни, Эльвира накрыла столъ бѣлою какъ снѣгъ скатертью, и поставила на него блюдо съ салатомъ.

Анна съ дочерью сѣли ужинать; Перико въ раздумьи сидѣлъ передъ жаровней, и щипцами шевелилъ угольки, которые еще тлѣли подъ золою.

— Ты не ужинаешь, Перико? спросила у него сестра, протягивая ему ломоть отличнаго бѣлаго хлѣба, ею самой испеченнаго.

— Мнѣ ѣсть не хочется, отвѣчалъ онъ, не поднимая головы.

— Ты нездоровъ, сынъ мой? спросила Анна.

— Нѣтъ, матушка, проговорилъ онъ.

Никто больше не говорилъ во время ужина. Когда Эльвира ушла, унося блюдо и тарелки, Перико вдругъ всталъ и подошелъ къ матери.

— Матушка, промолвилъ онъ,—завтра я отправляюсь въ Утреру записаться въ полкъ для защиты отечества.

Анна была какъ громомъ поражена. Она привыкла къ безпрекословному повиновенію со стороны сына.

— На войну? проговорила она. — Значитъ, ты хочешь насъ оставить. Но этого не можетъ быть; ты не можешь, ты не долженъ покидать матери и сестры; я ни за что не соглашусь...

— Матушка, сказалъ молодой человѣкъ внѣ себя:—я знаю, что вы всегда ставите преграды всѣмъ моимъ желаніямъ. Вы связали мою волю, а теперь хотите связать мою руку. Вы любите окружать меня препятствіями; но, матушка, продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе одушевляясь, подстрекаемый и горячимъ патріотизмомъ, и страстною любовію:—матушка! мнѣ ужь минуло двадцать два года, и я найду въ себѣ достаточно силы и рѣшимости, чтобы сломить всѣ преграды, если вы меня къ тому принудите.

Анна, изумленная и перепуганная, всплеснула руками и воскликнула.

— Боже мой! Неужели нужно выбирать между женитьбой, которая сдѣлаетъ тебя несчастнымъ, и войной, гдѣ ты поплатишься жизнію?

— Выбирайте, матушка, отвѣчалъ Перико, ожесточившійся отъ боязни ослабѣть въ этой борьбѣ: — или я остаюсь, чтобы жениться, или иду на войну, какъ слѣдуетъ всякому честному Испанцу.

— Такъ женись же, проговорила мать тихо и медленно,— изъ двухъ несчастій я выбираю менѣе тяжкое; но послушай, Перико, что теперь скажетъ тебѣ мать. Рита вѣтрена, тщеславна, она плохая христіянка, непочтительна къ матери. Дурная дочь будетъ дурною женой; вы съ ней въ близкомъ родствѣ; ты когда-нибудь вспомнишь мои слова, но будетъ поздно.

Съ этими словами бѣдная мать вышла изъ комнаты, чтобы скрыть отъ сына слезы, душившія ее.

Перико, истинно любившій и почитавшій мать, сдѣлалъ движеніе, чтобъ удержать ее; онъ хотѣлъ говорить, но слова замерли у него на языкѣ. Онъ остановился, на минуту, въ волненіи и нерѣшительности. Потомъ вскочилъ, провелъ рукой по лицу и вышелъ изъ дома.

Между тѣмъ, Рита напрасно поджидала Перико у своего окна, и начинала досадовать и безпокоиться.

— Вотъ какъ! проговорила она наконецъ, рѣшительнымъ тономъ, запирая деревянныя ставни.—Теперь ты можешь придти не будь я жива, если ты не прождешь меня долѣе чѣмъ я тебя здѣсь ждала.

Въ эту минуту, къ стѣнѣ прикатился камушекъ: то былъ усло-

вленный знакъ, которымъ Перико извѣщалъ ее о своемъ приходѣ.

— Ты можешь перекидать всѣ камни въ деревнѣ, а я все-таки не отворю ставня, сказала Рита про себя.—Развѣ я обязана всегда быть готовою тебѣ къ услугамъ, и повиноваться всякой твоей прихоти, какъ твоя старая ослица? Напрасно ты это забралъ въ голову, мой милый.

Второй камень ударился объ стѣну съ непривычною силой.

— Вотъ какъ! сказала Рита.—Должно-быть онъ нетерпѣливъ. Такъ пусть же онъ узнаетъ, что не очень-то весело ждать. Жаль, право, что нейдетъ проливной дождь... Однако, подумавъ съ минуту, она прибавила:—Если мы поссоримся, то будетъ рада-радехонька моя всятоша-тетушка; она тотчасъ же пошлетъ за *святою Марселой*, дочкой дяди Педро, которую старый хитрецъ давно бережетъ, какъ сардинку въ разсолѣ, чтобы при случаѣ отдать ее за своего крестника Перико. Да не хочу я ихъ тѣшить...

И вдругъ, открывая окно, она продолжала сердитымъ голосомъ, обращаясь къ Перико:

— Послушай, ты, кажется, рѣшился разломать эту стѣну? Что это ты меня будишь? Когда мнѣ приходится дожидаться, я засыпаю; когда я сплю, такъ я не люблю, чтобы меня тревожили. Итакъ, возвращайся туда, откуда пришелъ, и оставь меня въ покоѣ.

Она протянула руку, чтобы затворить окно.

— Рита, Рита! сказалъ Перико съ одушевленіемъ: — я говорилъ съ матушкой.

— Ты! воскликнула Рита, опять отворяя ставень. — Что ты говоришь? Это новое чудо, въ родѣ Валаамовой ослицы. И что же тебѣ сказала твоя милая маменька?

— Она сказала *да*, позволила мнѣ жениться, радостно воскликнулъ Перико.

— Какъ? спросила Рита въ изумленіи. — Помилуй меня святой Килиндонъ, вотъ неожиданность! Впрочемъ, она умно сдѣлала, что передумала. Знаешь ли ты, Перико, что мнѣ хочется послѣдовать примѣру твоей матери (моя матушка давно мнѣ совѣтуетъ брать примѣръ съ нея), и также измѣнить свое рѣшеніе, то-есть, теперь сказать нѣтъ?

— Рита, Рита! говорилъ Перико внѣ себя.—Ты будешь моею женой!

— Это мы увидимъ, отвѣчала Рита. — Мнѣ что-то очень хочется разудивить всѣхъ, отказать тебѣ.

Этими и подобными дурачествами, Рита совершенно изгладила изъ души Перико торжественное впечатлѣніе, произведенное на него словами матери.

ГЛАВА IV.

На слѣдующее утро, Анна сидѣла въ грустномъ раздумьи, когда вошелъ къ ней дядя Педро.

— Кумушка, сказалъ онъ, — я пришелъ къ вамъ.

— Добро пожаловать, кумъ.

— Да я пришелъ съ вами поговорить.

— Говорите, кумъ, я рада слушать.

— Вообразите, кума, что вѣтреникъ Вентура хочетъ непремѣнно идти драться съ этими окаянными Французами, чтобъ имъ...

— Боже милосердый! Кумъ, бейте врага въ честномъ бою, но не проклинайте его. Перико самъ объ этомъ подумывалъ. Оно грустно, кумъ, оно горько для насъ, а дѣло естественное.

— Я не спорю, кума (чтобы чортъ побралъ этихъ проклятыхъ!), да вѣдь онъ у меня единственный сынъ; его жизнь для меня дороже всей Испаніи вмѣстѣ. Я придумалъ одно только средство удержать его, и пришелъ съ вами объ этотъ переговорить.

Съ этими словами, Педро покойно усѣлся въ большія кресла, собралъ въ руку концы своего плаща и протянулъ ноги къ огню.

— Кума, сказалъ онъ наконецъ,—я терпѣть не могу длинныхъ предисловій: что попусту утруждать себѣ языкъ? Дѣла нужно обдѣлывать коротко и ясно. Вотъ мое правило: если можно все сказать въ пять минутъ, зачѣмъ же говорить цѣлый часъ? если дѣло можно покончить сегодня, зачѣмъ же его откладывать до завтра? Кратчайшій путь—всегда самый лучшій; приступимъ прямо къ дѣлу, потому что я не охотникъ до обиняковъ и до...

— Право, кумъ, прервала его Анна, — изъ вашихъ рѣчей можно заключить совершенно противное. Скажите, наконецъ, въ чемъ же дѣло?

— Тише, тише, помаленьку! отвѣчалъ Педро: — я не ружье. Людямъ нужно столковаться, а дѣло отъ насъ не уйдетъ. Чортъ возьми, кумушка, вы такъ проворны, что мнѣ за вами не поспѣть! Я вамъ хотѣлъ сказать, что нашелъ средство удержать моего молодца; а средство это не что иное, какъ ускорить давно предвидѣнное нами происшествіе; однимъ словомъ, чтобы разомъ покончить дѣло, я пришелъ у васъ просить руки вашей Эльвиры для моего Вентуры. Дай Богъ, чтобы вамъ такъ нравился вашъ будущій зять, какъ мнѣ нравится моя будущая невѣстка.

Анна не старалась скрыть своего удовольствія, партія была во всѣхъ отношеніяхъ отличная; и родители и молодые люди давно ждали и желали этого брака.

Тутъ же зашла рѣчь о приданомъ невѣсты и о состояніи жениха.

— Любезный кумъ, сказала Анна, — вы знаете наперечетъ все, что̀ мы имѣемъ; — остается только раздѣлиться. Этотъ домъ всегда принадлежалъ старшему сыну. Виноградникъ по праву слѣдуетъ моему Перико, потому что онъ трудился надъ нимъ и улучшилъ его. Коровъ своихъ я отдаю ему, потому что ему придется содержать меня, пока я жива. Оселъ мнѣ необходимъ...

— Такъ позвольте же васъ спросить, почтенная кумушка, прервалъ Педро, — что̀ остается на долю Эльвиры? Судя по этимъ распоряженіямъ, она выйдетъ изъ вашихъ рукъ въ такомъ же видѣ, какъ матушка Ева вышла изъ рукъ Творца.

— Эльвира получитъ оливковую рощу, отвѣчала она.

— Прекрасное приданое! воскликнулъ *дядя* Педро.—Нечего сказать! Участокъ величиной съ носовой платокъ. Да онъ въ годъ не дастъ масла даже на лампадку передъ образомъ!

— Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ приносилъ болѣе ста мѣрокъ, замѣтила Анна.

— Кумушка, сказалъ Педро,—про прошлое нечего вспоминать: мало ли что̀ было и прошло! Лѣтъ двадцать тому назадъ дѣвушки чахли отъ любви по мнѣ!

— Вы хотите сказать, тому назадъ лѣтъ *сорокъ?* перебила его Анна.

— Что̀ это вы привязываетесь къ мелочамъ, кумушка? продолжалъ Педро. — Возвратимся къ дѣлу. Въ вашей рощѣ недостаетъ столько же деревьевъ, сколько недостаетъ волосъ на головѣ святаго Петра; а остальныя такъ грустно смотрятъ, что и на нихъ надежда плоха.

— Вспомните, кумъ, что вы давно ея не видали. Съ тѣхъ поръ какъ Перико узналъ, что роща пойдетъ въ приданое сестрѣ ,онъ за нею ухаживаетъ какъ за цвѣточкомъ въ горшкѣ: каждое дерево такъ и блеститъ. Эльвира получитъ также всѣ смежныя земли, по которымъ протекаетъ ручей.

— И прибавьте, кумушка, что по этой самой причинѣ онѣ такъ сухи и безплодны, потому что вашъ ручей половину года сухъ, а другую половину безъ воды. Да будемъ говорить просто и прямо; я привыкъ всякую вещь по имени называть: эти земли совсѣмъ плохи, онѣ развѣ только могутъ служить пастьбищемъ для стараго осла. Но (мы тутъ между собой, и никто насъ не слышитъ), если я не ошибаюсь, ваша милость прошлаго году про-

дала двухъ свиней вѣсомъ въ пятнадцать арробъ (1), замѣтьте, по два реала за фунтъ; сто мѣръ пшена по пятнадцати реаловъ, сто мѣховъ вина и пятьдесятъ уксусу. А эти мѣшечки съ денежками, которые у васъ такъ давно заперты на-глухо въ сундукѣ,—когда же вы найдете болѣе удобный случай ихъ провѣтрить? Когда его величество, Карлъ IV, пріѣхалъ въ Хересъ, разказываетъ молва, ему поднесли бочку съ виномъ, да что за вино, кумушка! немножко получше вашего, даже самъ король не могъ нахвалиться.—Государь, сказалъ алькальдъ (вы знаете, кумушка, какъ всѣ жители Хереса гордятся тамошнимъ виномъ),—государь, у насъ есть вино еще получше. — Да? сказалъ король: — такъ сберегите его для болѣе важнаго случая. Вотъ вамъ моя сказка, кумушка, вы сами выведете нравоученіе.

— Конечно, кумъ, и эти деньги, и еще гораздо больше я скопила и берегу для дочери моего сердца, отвѣчала Анна.

— Вотъ это дѣло! весело воскликнулъ Педро.—Право, кумушка, вы золотой человѣкъ. Что касается до моего Вентуры, все мое имущество перейдетъ ему, потому что Марсела хочетъ пойдти въ монахини. И могу сказать вашей милости, что онъ не останется голякомъ; онъ получитъ мой домъ...

— Настоящую развалину, прервала его Анна.

— Моихъ ослицъ...

— Которыя ужь никуда не годятся отъ старости, сказала Анна.

— Моихъ козъ...

— Которыя больше съѣдаютъ кормомъ чѣмъ приносятъ молокомъ, сыромъ и козлятами.

— Мой огородъ, продолжалъ Педро, не отвѣчая на колкости Анны, которыми она хотѣла отомстить ему за его насмѣшки.

Такимъ образомъ, они мало-по-малу все устроили, все порѣшили, и разстались наилучшими друзьями въ мірѣ.

Когда Педро ушелъ, Анна накинула свою суконную мантилью, и, подавляя свою грусть, отправилась въ домъ къ Маріи.

Марія питала глубокую преданность и благодарность къ невѣсткѣ, которая не разъ помогала ей, и очень обрадовалась ея посѣщенію.

— Счастливы мои глаза, что видятъ тебя въ этомъ домѣ! воскликнула она, бросаясь къ ней на встрѣчу. — Сестрица, какая благая мысль привела тебя сюда?

И съ этими словами, она поспѣшно придвинула ей стулъ.

Анна сѣла, и объяснила ей причину своего посѣщенія.

Предложеніе это такъ обрадовало бѣдную вдову, что она не находила словъ выразить свой восторгъ.

---

(1) *Arroba*—испанская мѣра въ 25 фунтовъ.

— Боже мой, сестрица! воскликнула она прерывающимся голосомъ.—Что̀ за счастіе! Перико! сынъ моего сердца! Самъ святой Антоній послалъ мнѣ такое счастіе! А ты, Анна, ты довольна? Вотъ видишь ли, сестрица, Рита имѣетъ свои недостатки, но все-таки она добрая дѣвочка; немножко упряма, но знаешь, сестрица, вѣдь въ этомъ виновата я; еслибъ я воспитала ее такъ же хорошо, какъ ты свою Эльвиру, вышло бы совсѣмъ другое. Ты увидишь; она немножко вѣтрена, но съ лѣтами непремѣнно остепенится. Всему виной мое баловство, да молодые ея года. Рита, Рита, закричала она, — бѣги сюда, здѣсь твоя тетушка; нѣтъ, что̀ я говорю!—твоя мать, потому что она хочетъ, чтобы Перико женился на тебѣ!

Рита вошла, съ самоувѣренностію банкира и хладнокровіемъ дипломата.

— Что̀ ты скажешь, Рита? закричала ей мать, внѣ себя отъ радости.

— Что я это знала, отвѣчала Рита.

— Помилуй, шепнула ей мать, — что̀ это ты такъ холодна и небрежна?

— А вашей милости хотѣлось бы, чтобъ я пошла плясать фанданго, оттого что выхожу за мужъ? громко отвѣчала Рита.

Анна встала и ушла.

Марія, въ высшей степени огорченная поведеніемъ дочери, проводила невѣстку до воротъ, осыпая ее ласками и благодарностію.

ГЛАВА V.

Начались приготовленія къ обѣимъ свадьбамъ. Вентура и Эльвира должны были обвѣнчаться прежде Риты и Перико, потому что послѣднимъ приходилось ждать разрѣшенія изъ Рима.

Педро пожелалъ, чтобъ его дочь, Марсела, до своего постриженія присутствовала при свадьбѣ брата, и рѣшился поѣхать за нею въ Алькалу. Маріи нужно было вытребовать какой-то долгъ въ этомъ городѣ, и она очень рада была найдти спутника.

Старая чета усѣлась на своихъ ослахъ и отправилась въ путь; Марія крестилась и про себя читала молитву святому архангелу Рафаилу, заступнику всѣхъ путешествующихъ, отъ Товіи до нея.

Она покойно сидѣла на мягкихъ подушкахъ женскаго сѣдла На ней была широкая ситцевая юпка, собранная у пояса, и черный шерстяной казакинъ, съ узкими рукавами, которые засте-

гивались у кисти рядомъ серебряныхъ пуговицъ. На шеѣ былъ бѣлый кисейный платокъ, прикрѣпленный булавкой около затылка, чтобъ онъ не зацѣпился за волоса: лѣтъ тридцать спустя такъ стали ходить у насъ и самыя модныя щеголихи. Голова была такжеприкрыта платочкомъ, завязаннымъ у подбородка.

Педро одѣвался почти такъ же какъ сынъ, костюмъ котораго мы уже описали: только сукно на немъ было толще, поясъ черный и шерстяной, какъ было прилично вдовцу, все платье просторнѣе, и широкій *сомбреро* былъ надѣтъ прямо, а не заломленъ набекрень какъ у Вентуры.

— Какъ все цвѣтетъ, сказала Марія, выѣхавъ въ поле. — Поля такъ и смѣются сегодня, а солнце какъ будто бы говоритъ имъ: веселитесь!

— Да, отвѣчалъ Педро. — Солнышко умыло себѣ лицо и заострило лучи; они колютъ какъ булавки.

Онъ вынулъ кожаный мѣшочекъ съ табакомъ и сталъ крутить себѣ сигару.

— Марія, сказалъ Педро, окончивъ это дѣло:—мнѣ сдается, что ваша милость вернется изъ Алькалы съ пустыми руками, какъ пріѣхали. Однако, послушайте, христіянская душа, что̀ это васъ дернуло дать деньги этому бездѣльнику? Развѣ вы не знали, что у него не осталось даже на чемъ умереть, что единственнымъ его достояніемъ была порція голоду, да порція нужды?

— Однако, Педро, возразила Марія, — деньги даютъ взаймы людямъ бѣднымъ. Богатые въ нихъ не нуждаются. Къ тому же онъ мнѣ другъ...

— А развѣ вы не знаете, невинная душа, что тотъ, кто другу даетъ деньги взаймы, теряетъ и деньги и друга? Но вы, Марія, дѣлъ житейскихъ не понимаете. Я же говорю вашей милости, что этотъ человѣкъ вамъ заплатитъ въ три пріема: поздно, плохо, и никогда.

— Вы всегда предполагаете худшее, Педро.

— Дѣло въ томъ, что я не ошибаюсь. Вы знаете старую поговорку: «думай хуже, не ошибешься».

И Педро началъ насвистывать народный романсъ, прелесть котораго состояла въ его безконечности и совершенномъ отсутствіи смысла.

Марія не говорила ни слова, да и не думала ни о чемъ. Медленный, ровный шагъ осла, и опьяняющій весенній воздухъ незамѣтно убаюкали ее, и она задремала.

На полдорогѣ была гостиница. Когда они подъѣхали къ ней, они увидѣли нѣсколькихъ солдатъ, лежавшихъ на каменныхъ скамьяхъ подъ навѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ двери. Завидя нашу почтенную чету, они стали осыпать ее шутками, насмѣщ-

ками, поговорками, которыя въ такомъ ходу между испанскимъ народомъ, особенно между солдатами.

— Дядюшка! говорилъ одинъ: — куда это вы ѣдете съ этимъ воплощеннымъ постомъ?

— Тетушка, говорилъ другой, — стоитъ ли еще та церковь, гдѣ васъ окрестили?

— Тетушка, прибавилъ третій, — помнитъ еще ваша милость день своей свадьбы?

— Дядя, спрашивалъ четвертый, — вы ѣдете въ Алькалу вѣнчаться съ этою миленькою дѣвушкой?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Педро, флегматически слѣзая съ осла,—я подожду, когда буду совершенныхъ лѣтъ, и когда эта дѣвочка перестанетъ расти.

— Тетушка, продолжали солдаты, — угодно вашей милости, чтобы мы помогли вамъ слѣзть съ этого великолѣпнаго жеребца?

— Да, дѣти мои, вы ничего лучше не можете придумать, отвѣчала добрая старушка.

Солдаты подошли и, заботливо поддерживая ее, помогли ей сойдти.

Педро встрѣтилъ въ гостиницѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые тутъ же пригласили его выпить съ ними бутылочку. Онъ не долго заставлялъ себя упрашивать, и, выпивши, сказалъ:

— Теперь мнѣ приходится угощать. Надѣюсь, что вы, друзья мои, и эти господа, которыхъ я не имѣю чести знать, не откажутся выпить за мое здоровье стаканчикъ анисовки.

— Дядя Педро, сказалъ молодой погонщикъ муловъ изъ Досъ-Германоса, — разкажите намъ что-нибудь, а я буду смотрѣть за тѣмъ, чтобы вашъ стаканъ былъ все полонъ, и чтобъ у васъ не пересохло въ горлѣ.

— Спаси меня, Господи! воскликнула тетушка, Марія, которая выпила свой стаканчикъ анисовки и усѣлась на мѣшкѣ съ крупой. —Господь меня спаси и помилуй! Если Педро дастъ волю своему язычку, мы сегодня не вернемся домой, развѣ повторится чудо Іисуса Навина.

— Не безпокойтесь, Марія, сказалъ Педро,—я не дамъ себѣ состарѣться на этихъ мѣшкахъ.

— Правда ли, дядя Педро? спросилъ молодой человѣкъ:—правду ли говоритъ моя мать, что въ былыя времена, въ вашу молодость, вы были женихомъ тетушки Маріи?

— Точная правда, и я этого не стыжусь, отвѣчалъ дядя Педро.

— Неправда! воскликнула тетушка Марія:—все лжетъ! Помилуйте, Педро, что вы за вздоръ болтаете? Во всю жизнь у меня не было другаго жениха, кромѣ покойнаго мужа; миръ его праху!

— Сенья (1) Марія! Сенья Марія! сказалъ Педро.— Что это у

(1) Сенья—сокращеніе слова сеньйора.

вашей милости такъ стала память коротка? Развѣ вы не знаете, что

Вѣнецъ у царя и держава
Быть отняты могутъ; но слава,
Что былъ онъ когда-то царемъ,
Навѣкъ остается при немъ?

— Правда, сказала Марія: — онъ за мною приволокнулся на свадьбѣ одной моей двоюродной сестры; потомъ, разъ ночью, пришелъ къ моему окну; но тутъ на него напалъ такой страхъ, что онъ бросилъ меня и пустился бѣжать что̀ есть силы: я думаю, что онъ остановился не прежде, какъ стукнулся носомъ о конецъ свѣта.

— Какъ же это? воскликнули въ одинъ голосъ всѣ слушатели, помирая со смѣху:—такъ вы обращаетесь въ бѣгство при всякомъ испугѣ, дядя Педро?

— Я не хвастаю храбростью, отвѣчалъ онъ хладнокровно,—и не стараюсь затмить славу Франсиска Эстеваѣна.

— Значитъ, въ васъ страхъ сильнѣе стыда, замѣтила Марія съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Вотъ видите, господа, сказалъ Педро, лукаво подмигивая на нее:—она до сихъ поръ мнѣ не простила! Что̀ жь дѣлать! Однако, продолжалъ онъ,—желалъ бы я знать, кто изъ васъ такой Сидъ кампеадоръ, что можетъ справиться даже съ сверхъестественными вещами?

— Ничего не было сверхъестественнаго, кромѣ вашего испуга, вступилась Марія:—а произошелъ онъ отъ какого-то камушка, который скатился съ крыши, должно-быть по милости какого-нибудь безпокойнаго кота.

— Разкажите намъ, какъ было дѣло, разкажите, и мы васъ разсудимъ, закричали всѣ гости.

— Вопервыхъ, я долженъ сказать вамъ, сеньйоры, что окно, указанное мнѣ Маріей, выходило на одинокое пустое мѣсто, у самаго конца деревни. Не вдалекѣ находился образъ, передъ которымъ постоянно горѣла лампада, въ поминовеніе покойниковъ. Когда я смотрѣлъ на этотъ огонекъ, мнѣ всегда вспоминался случай, который приключился тутъ не задолго передъ тѣмъ. Мимо этого образа каждую ночь проходилъ пастухъ съ пустыми мѣхами, въ которыхъ онъ каждое утро приносилъ молоко. Онъ обыкновенно безъ церемоніи опускалъ лампадку, чтобы закурить себѣ сигару. Разъ, ночью, (вовремя заупокойной службы) ему не удалось закурить сигарку, потому что лампадка вдругъ погасла. Онъ очень удивился, тѣмъ болѣе что ночь была ясная, вѣтеръ совсѣмъ утихъ. Онъ опять поднялъ лампаду и продолжалъ свой путь. Но каковъ былъ его ужасъ, когда, обернувшись, онъ увидѣлъ, что лампада опять ярко горитъ! Онъ принялъ это за знаменіе, посланное ему свыше, и, раскаясь въ

своемъ кощунствѣ, далъ обѣтъ никогда не курить сигаръ.—И онъ исполнилъ свой обѣтъ, господа, добавилъ Педро торжественнымъ голосомъ.

Настала минута молчанія.

— Вотъ теперь кстати приходится то, что̀ обыкновенно говорится, когда всѣ вдругъ замолкнутъ, сказала наконецъ Марія:— что ангелъ пролетѣлъ надъ нами и что крылья его навѣяли на насъ благоговѣйное молчаніе,

— Однако, дядя Педро, сказали погонщики,—разказывайте дальше, что̀ приключилось съ вами?

— Итакъ, господа, продолжалъ Педро обычнымъ веселымъ тономъ:—эта лампадка мнѣ всегда внушала и набожное почтеніе, и нѣкотораго рода страхъ. Хорошо ли я дѣлаю, думалъ я про себя, что прихожу на свиданіе сюда, передъ носомъ христіянскихъ душъ, страждущихъ въ пеклѣ и искупающихъ свои грѣхи? Увѣряю васъ, какъ честный человѣкъ, что я дрожалъ передъ этою святою лампадкой, которая горѣла въ память умершихъ, какъ приношеніе передъ Господомъ; она какъ будто смотрѣла на меня съ упрекомъ. То она казалась грустною и плачевною, какъ *De profundis*, то вдругъ она дѣлалась недвижна, точно глазъ мертвеца, устремленный на меня; то пламя вспыхивало и поднималось, будто огненный палецъ, грозившій мнѣ. Въ эту ночь лампадка на меня смотрѣла еще грустнѣе обыкновеннаго, и вдругъ, камень, брошенный какою-то невидимою рукой, ударилъ меня въ голову съ такою силой, что я почти потерялъ память, такъ что, хоть я бѣжалъ по ровному мѣсту, а не попалъ въ свой домъ, и наткнулся на груду камней, на которую и упалъ.

— Дядя Педро, сказалъ погонщикъ смѣясь:—такъ вы поэтому-то и отказались отъ невѣсты?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Педро:—дне́й восемь спустя, я собрался съ духомъ и вернулся на мѣсто свиданія, но Марія уже не отворила своего окна.

— Тетушка Марія не хотѣла, чтобы васъ побили каменьями, какъ святаго Эстевана.

— Совсѣмъ не потому, молодецъ, сказалъ Педро:—а дѣло въ томъ, что около этого времени вернулся изъ полка Мигель Ортисъ, и Марія сочла за лучшее обратиться къ нему.

— Онъ не боялся, прервала Марія,—съ честными намѣреніями разговаривать съ дѣвушкой у заупокойной лампады. Ваша милость не воображаетъ ли, что всѣ эти души были холостыя?

— Да, я такъ полагаю, Марія, потому что женатыя и на землѣ проходятъ черезъ пекло; мужья по милости женъ, а жены по милости дѣтей. Дѣло въ томъ, господа, что я такъ опечалился, что не захотѣлъ оставаться въ Досъ-Германосѣ, гдѣ праздновалась свадьба, и уѣхалъ въ Алькалу.

— А тамъ онъ такъ по мнѣ тосковалъ, прибавила Марія,—что вернулся женатый на другой.

— Правда, подтвердилъ Педро,—я всегда думалъ, что умретъ одинъ король, такъ будетъ другой.

— Ну, Педро, безконечный болтунъ, поѣдемъ-ка, сказала Марія, вставая.

— Да, поѣдемъ, проговорилъ дядя Педро:—солнце что-то больно печетъ; я думаю, что будетъ дождь.

— Боже упаси! воскликнула Марія.—Боже мой, было бы только солнце, пусть себѣ оно жжетъ и палитъ!

— Къ какой стати пойдетъ дождь? замѣтилъ погонщикъ муловъ.—Мы теперь въ мартѣ мѣсяцѣ.

— А развѣ вы не знаете, Хосе, отвѣчалъ дядя Педро,—что январь обѣщалъ марту ягненка; а когда пришелъ мартъ, ягнята были такіе толстые и откормленные, что январь не захотѣлъ исполнить обѣщанія. Тогда мартъ ему сказалъ въ-сердцахъ: «Вотъ подожди, у меня остаются еще три дня, да три мнѣ дастъ взаймы кумъ, апрѣль, и я такъ отдѣлаю твоихъ овечекъ, что будешь ты помнить про меня.»

— А теперь пойдемъ, перебила его Марія,—прощайте, господа.

— Что за спѣхъ, тетушка Марія! сказалъ другой.—Ваша милость боится корни въ землю пустить?

— Нѣтъ; да наши ослы идутъ не такъ, какъ ваши мулы, Хосе.

— Разумѣется, сказалъ Педро, помогая Маріи усаживаться,—тутъ все старо: и конь, и конюхъ, и наѣздники; моя ослица такъ степенна, что не знаетъ, съ которой ноги ей хромать, и потому хромаетъ со всѣхъ четырехъ ногъ; а Маріина такъ стара, что, еслибъ она заговорила, она бы всѣмъ намъ сказала: *ты*. Прощайте, сеньйоры.

— Желаемъ вамъ здравія и богатства, дядя Педро!

Наши путешественники благополучно доѣхали до Алькалы, и тамъ разстались, чтобы каждому заняться своими дѣлами.

Часъ спустя, они опять сошлись. Педро привелъ свою дочку, которая бросилась на шею къ Маріи съ ласковою горячностію монахинь и дѣтей, то есть существъ не зачерствѣвшихъ и не охладившихъ своего сердца въ общественныхъ столкновеніяхъ. Марія осыпала ее ласками и поцѣлуями.

— Что жь, получили вы деньги? насмѣшливо спросилъ Педро.

— Мнѣ предложили, отвѣчала Марія, — выплатить половину тотчасъ же, или всю сумму сполна въ концѣ осени: я выбрала первое.

— Не хуже Соломона, Марія, не хуже Соломона! Счастливъ тотъ, кто держитъ свое добро; и синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ.

Педро посадилъ дочку за собой на осла, и они отправились въ

путь. Марія была занята своими деньгами, Марсела цвѣтами, пряниками и сладкими пирожками, которыя она взяла домой, а Педро ими обоими.

ГЛАВА VI.

Пріѣздъ Марселы возбудилъ всеобщую радость. Одна Рита не могла, да и не старалась скрыть свою досаду при встрѣчѣ съ тою, которую оба семейства когда-то прочили въ жены Перико. Эта незаслуженная враждебность, холодная осторожность, которую Рита предписала жениху въ его отношеніяхъ къ Марселѣ, были первымъ огорченіемъ бѣдной дѣвочки, первымъ инеемъ, упавшимъ на весеннюю ясность ея души.

Марсела и не подозрѣвала горькихъ и завистливыхъ чувствъ Риты; она бы даже не могла ихъ понять, потому что, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, Марсела душою была еще ребенокъ. Воспитанная съ самаго рожденія среди мирной тишины монастыря, она сосредоточила всю свою жизнь въ этомъ тѣсномъ кругу, куда не доходилъ ни свѣтскій шумъ, ни страсти человѣческія, которыя могли бы расширить его только въ ущербъ счастія и невинности. Она любила добрыхъ монахинь, садъ, цвѣты; тихія и мирныя занятія были ея наслажденіемъ; она горячо вѣровала, горячо молилась.

Она хотѣла быть монахиней не по *религіозной экзальтаціи*, но по *вкусу;* не изъ мизантропіи, но съ веселымъ и спокойнымъ сердцемъ; не оттого, что въ свѣтѣ не находила мѣста или положенія, которое бы ей пришлось, въ чемъ многіе видятъ общую причину всѣхъ монастырскихъ обѣтовъ, но потому, что она это мѣсто, это положеніе нашла въ монастырѣ.

Вотъ чего многіе люди не понимаютъ, или не хотятъ понять. Все на свѣтѣ для нихъ понятно и объяснимо, всѣ пороки, всѣ неправильности, всѣ самыя безобразныя наклонности, даже наклонность къ людоѣдству; но они не могутъ постичь стремленія къ тихой, уединенной жизни, безъ заботы о настоящемъ и будущемъ. Въ свѣтѣ всему вѣрятъ; вѣрятъ въ свободу женщинъ, въ высокую нравственность воровъ, въ человѣколюбивыя цѣли гильйотины; вѣрятъ въ жителей луны и въ другіе *puffs*, какъ говорятъ Англичане, или *canards*, какъ говорятъ наши сосѣди Французы; всѣмъ увлекается скептическій духъ нашего времени, потому что нѣтъ ничего легковѣрнѣе безвѣрія, нѣтъ ничего суевѣрнѣе безбожія; но онъ не допускаетъ возможности чистыхъ, возвышенныхъ чувствъ, скромныхъ желаній, душевнаго смиренія, набожныхъ стремленій; существованіе ихъ для него *puffs*, *canards*, пошлая выдумка, на которую его не поймаешь. Въ гла-

захъ этихъ философовъ, желающихъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, монахиня есть или несчастная жертва обстоятельствъ, или какой-то уродъ, идущій наперекоръ законамъ природы и священнымъ ея инстинктамъ. Да, точно, ваши *священные инстинкты* въ самомъ дѣлѣ очень возвышенны и благородны, если они допускаютъ эманципированную женщину, а отворгаютъ женщину цѣломудренную, покорную и религіозную.

Вскорѣ по пріѣздѣ домой, Марсела отправилась, вмѣстѣ съ Анной и Эльвирой, на поклоненіе къ святой заступницѣ мѣстечка Досъ-Германосъ. Добрая жена церковнаго сторожа охотно отперла имъ часовню. Часовня эта была длинна и узка. Въ глубинѣ стоялъ алтарь съ изображеніемъ святой. Въ стеклянномъ ящикѣ, вдѣланномъ въ алтарѣ, виднѣлся деревянный крестъ и колокольчикъ.

Статуя святой Анны была очень старинная статуя; она расширялась книзу въ видѣ колокола. У груди она держала святое изображеніе Богоматери, которая такимъ же образомъ держала Спасителя. Отпечатокъ древности, лежавшій на этой статуѣ, внушалъ всѣмъ особое чувство набожности и благоговѣнія; онъ какъ будто помогалъ духу совершенно отдѣляться отъ настоящаго, отъ будничной обстановки жизни.

На правой стѣнѣ висѣли двѣ большія картины. На одной изображены были двѣ дѣвицы, которымъ являлся ангелъ; на другой, тѣ же дѣвушки съ человѣкомъ, копающимъ яму въ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ. Это было по преданію двѣ благочестивыя сестры, Эльвира и Эстеванія, которыя, по внушенію ангела, прибыли на это мѣсто съ своимъ отцомъ и вырыли изъ земли икону св. Анны, которую скрыли когда-то христіяне, во время маврскаго погрома. Мѣстечко Досъ-Германосъ возникло и названо такъ въ честь своихъ основательницъ *Dos-Hermanos*—двѣ сестры.

Налѣво, желѣзная рѣшетка ограждала входъ въ подземную пещеру, въ которую спускались по узкой лѣстницѣ.

Марсела и ея спутницы, помолившись въ часовнѣ, усѣлись у входа церкви подъ зеленымъ навѣсомъ, на низенькихъ стульяхъ, которые имъ принесла жена сторожа; и Марсела упросила добрую и ласковую старушку разказать ей, что представляли картины, висѣвшія въ церкви. Старушка сама обрадовалась случаю поговорить и повела свой разказъ издалека.

Анна, Эльвира и Марсела слушали старуху съ умиленною душой и мокрыми отъ слезъ глазами.

Улыбался май, прелестный мѣсяцъ, удостоившійся золотымъ блескомъ своего солнца, пѣніемъ своихъ птицъ, жужжаніемъ безчисленныхъ своихъ насѣкомыхъ, благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ, быть посвященнымъ имени *Маріи*.

Насталъ день свадьбы Эльвиры и Вентуры, и въ этотъ день солнце такъ ярко, такъ весело сіяло, какъ будто бы прежде всѣхъ хотѣло поздравить ихъ. Уже собирались идти въ церковь. Анна прижимала къ сердцу свою нѣжно любимую дочку, свою милую Эльвиру, которая сама тихо склоняла голову, какъ бы подавленная своимъ счастіемъ и опускала глаза, какъ бы ослѣпленная имъ. Дядя Педро былъ еще веселѣе обыкновеннаго, превосходилъ самаго себя шутками, поговорками и прибаутками. Марія, отъ радостнаго волненія безпрестанно заливалась слезами, но сквозь эти слезы сіяла улыбка счастія, какъ лучъ солнца сквозь весенній теплый дождь.

— Сестрица, говорила Марсель Эльвира,—послѣ моего жениха, сладчайшаго Іисуса, твой женихъ всѣхъ лучше и совершеннѣе. Посмотри, какой славный мой Вентура. Еслибъ ему дать въ руку вѣтку лиліи, онъ былъ бы похожъ на святаго Іосифа на святыхъ иконахъ.

И точно, она была права, восхваляя брата. Вентура, богато и щегольски одѣтый, бодрый и живой, торопившій отъѣздомъ въ церковь, могъ бы любому художнику служить моделью для статуи Ахиллеса.

Перико забывалъ Риту, и не сводилъ глазъ съ сестры, слѣдя за нею со взглядомъ невыразимой нѣжности.

Одна Рита казалась не въ духѣ.

Меламп придерживался мнѣнія, что не стоило дѣлать столько шума изъ-за пустяковъ, и отправился спать подъ померанцевымъ деревомъ. Оно шумѣло и колебалось и стряхало свои цвѣты, какъ бы желая усѣять ими путь невѣсты.

Наконецъ всѣ собрались выйдти изъ дому, но вдругъ ихъ остановилъ какой-то странный шумъ, напоминавшій мычанье взбѣшеннаго быка, и вой раненаго оленя, и грозное рычанье льва, внезапно пробужденнаго.

То были вопли отчаянія толпы бѣглецовъ, и восклицанія ужаса и негодованія жителей деревни, собиравшихся послѣдовать ихъ примѣру.

Французы, исполинскими шагами достигшіе Севильи, продолжали свой опустошительный походъ по направленію Кадикса.

Перико предвидѣлъ эту опасность и приготовилъ вѣрное убѣжище для своего семейства въ уединенной мызѣ, удаленной отъ всякой дороги и проѣзда; онъ также запасся лошадьми и мулами для этого случая.

Пока мущины побѣжали сѣдлать ихъ, женщины, перепуганныя и растерянныя, наскоро укладывали въ корзины самыя нужныя платья и вещи.

— Что за грустное предзнаменованіе, Вентура! говорила ему Эльвира.—День, который долженъ былъ насъ соединить, разлучаетъ насъ.

— Ничто не можетъ насъ разлучить, Эльвира, отвѣчалъ Вентура.—Помни это и будь спокойна. Мы скоро васъ догонимъ.

Онъ видѣлъ, какъ она удалилась въ сопровожденіи Перико и долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Наконецъ она скрылась изъ виду, и онъ вернулся домой.

Между тѣмъ, къ деревнѣ приближался глухой звукъ барабановъ, предвѣщавшій нашествіе грозной ватаги, готовой ринуться на бѣдное, беззащитное селеніе и поработить его.

— Пойдемъ, батюшка, сказалъ Вентура, — пойдемъ, сестра, бѣгите отсюда.

— Ужъ поздно, отвѣчалъ Педро,—они уже здѣсь, но ты, Вентура, спрячься, спрячь сестру; когда стемнѣетъ, мы вмѣстѣ убѣжимъ; но покуда вамъ нужно скрыться.

— А вы, батюшка? спросилъ Вентура, колеблясь между необходимостію скрыться и отвращеніемъ отъ такого средства къ спасенію.

— Я, отвѣчалъ Педро,—останусь здѣсь. Что же они могутъ со мной сдѣлать, со мной, бѣднымъ, слабымъ старикомъ? Но вы идите и спрячьтесь, я вамъ это приказываю. Марсель, что ты здѣсь стоишь, словно каменная статуя? Вентура, о чемъ ты это задумался? Ты хочешь себя погубить? Ты хочешь погубить сестру? Вентура, сынъ мой, ты меня хочешь убить?

Этотъ крикъ, вырвавшійся изъ груди отца, пробудилъ Вентуру изъ оцѣпенѣнія наведеннаго, на него горемъ, негодованіемъ и нерѣшительностію.

— Такъ мнѣ приходится, пробормоталъ онъ, стиснувъ зубы и кулаки, — спрятаться какъ женщина. Всю жизнь мою, я не забуду этого позора!

И взявъ ручную лѣстницу, онъ приставилъ ея къ дверцамъ, продѣланнымъ въ потолкѣ и ведущимъ на чердакъ, гдѣ хранились сѣмена и разная старая утварь. Вентура помогъ сестрѣ подняться наверхъ, самъ взошелъ за нею, а лѣстницу притянулъ за собой.

Только что они успѣли скрыться, послышался стукъ у дверей.

Педро пошелъ отворить.

Вошелъ французскій гренадеръ.

— Приготовь мнѣ, сказалъ онъ Педро на ломаномъ своемъ нарѣчіи:—приготовь мнѣ поѣсть, попить, отдай мнѣ свои деньги, если не хочешь, чтобъ я насильно отнялъ ихъ, и позови своихъ дочерей, если не хочешь, чтобъ я самъ отыскалъ ихъ.

Кровь бросилась въ лицо честному и гордому Испанцу; однако, онъ отвѣчалъ довольно спокойнымъ голосомъ:

— У меня нѣтъ ничего того, что вы просите.

— Какъ это ты смѣешь увѣрять, будто бы у тебя ничего нѣтъ, разбойникъ? Знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь? Знаешь ли, что я хочу ѣсть и пить?

Педро, собиравшись по случаю свадьбы провести весь день въ

домѣ у Анны, точно, ничего ни приготовилъ у себя; онъ направился къ дверѣ, ведущей во внутреннія комнаты, и повторилъ, указывая солдату на погасшій очагъ:

— Вѣдь я вамъ говорю, что у меня въ домѣ нѣтъ ничего съѣстнаго, кромѣ хлѣба!

— Лжешь! въ-сердцахъ закричалъ Французъ.

Педро взглянулъ на гренадера и, на минуту, въ его глазахъ закипѣло все негодованіе, весь гнѣвъ, вся злоба, наполнявшіе его душу; но, одумавшись, онъ опять потупилъ взоръ, и тихо проговорилъ:

— Вы увидите, что я сказалъ правду.

Услыша это упорное отрицаніе, Французъ, уже выведенный изъ терпѣнія гнѣвнымъ взглядомъ старика, подошелъ къ нему ближе и сказалъ:

— Такъ ты смѣешь мнѣ перечить! Ты осмѣливаешься мнѣ упорно отказывать въ томъ, чего я имѣю полное право требовать! Ты осмѣливаешься, къ тому же, мнѣ грубить своимъ презрительнымъ хладнокровіемъ! Такъ клянусь же честью, ты у меня станешь шелковый!

Онъ поднялъ руку и по комнатѣ раздался рѣзкій звукъ пощечины.

Съ быстротой орла, налетающаго на добычу, Вентура спрыгнулъ съ чердака, кинулся на Француза, выхватилъ у него саблю и ею пронзилъ его насквозь. Французъ грянулся объ полъ.

— Сынъ мой, сынъ! Что ты сдѣлалъ? воскликнулъ старикъ забывая нанесенное ему оскорбленіе и думая объ одной опасности, угрожавшей сыну.

— Я сдѣлалъ свой долгъ, батюшка.

— Ты себя погубилъ!

— Я по крайней мѣрѣ отомстилъ за васъ?

— Бѣги, бѣги! не теряй минуты.

— Но прежде я хочу васъ избавить отъ этого негодяя, которому я уже отплатилъ какъ слѣдуетъ. А то бы вамъ пришлось за меня поплатиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! оставь его, закричалъ старикъ: думай только о своемъ спасеніи.

Вентура, не обращая внимая на слова отца, поднялъ трупъ и перекинувъ его на свое плечо, вынесъ изъ дому и бросилъ его въ колодецъ; потомъ, обратившись къ отцу, который слѣдилъ за нимъ съ замирающимъ сердцемъ, попросилъ его благословенія однимъ прыжкомъ вскочилъ на стѣну задняго двора, выходящаго на поле, и спустился съ другой стороны.

Бѣдный старикъ, взобравшись на смоковницу и держась за ея сучья, видѣлъ сквозь слезы какъ сынъ, отрада его сердца, съ быстротой и легкостію оленя, добѣжалъ до ближней рощи и скрылся между оливковыми деревьями.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Мысли, возбужденныя чтеніемъ проекта положенія о земскихъ кредитныхъ обществахъ. (Окончаніе.) А. А. ГОЛОВАЧОВА.
Библіографическая замѣтка. *Библіотеки иностранной поэзіи* М. Н. ЛОНГИНОВА.
Еще о Княжнинѣ и его трагедіи *Вадимъ*. В. Я. СТОЮНИНА.
Политическое обозрѣніе и замѣтки:
I. Сицилійское возстаніе и восточный вопросъ.
II. Преобразованіе австрійскаго государственнаго совѣта.
III. Объясненіе.
IV. Извѣстіе о предварительныхъ трудахъ по вопросу объ ипотечной системѣ, приготовляемыхъ коммиссіей о земскихъ банкахъ.
О выходѣ въ свѣтъ *Исторіи Россіи* соч. С. СОЛОВЬЕВА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА 1860 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К°, въ Армянскомъ переулкѣ, въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москву.

Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 3 пфеннига.

Печатать позволяется.

Іюня 5-го Цензоръ *Гиляровъ-Платоновъ*.

Цензоръ *И. Росковшенко*.